

Колдовские
МИРЫ

МЫ ЗАКЛЮЧИЛИ СВЯЗЬ, И ЕГО МИР ОТНЫНЕ МОЙ

ВАЛЕРИЯ ВОРОНЦОВА

ПРАКТИКУЮЩИЙ.
КЛЯТВА ВОРОНА

Annotation

У Агаты Вольской есть все причины подозревать, что ее лучшая подруга угодила в секту.

После короткого расследования и знакомства с новой компанией Ирки Агата понимает, что все гораздо сложнее. Сложнее потому, что жизнь после встречи с потомственным темным ведьмаком не может быть простой. Особенно когда он заявляет, что ты – его фамилляр и вам необходимо «заклучить связь». Связь, которая изменит все. Пути назад нет, ведь любовь его не предоставляет, и перед Агатой открывается мир Практикующих. Мир, где вопросов больше, чем ответов, клятвы сильнее чувств, а каждая тайна несет в себе угрозу.

- [Валерия Воронцова](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
-

Валерия Воронцова

Практикующий. Клятва ворона

© Воронцова В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Глава 1

– Агат, ну прости, я уже пообещала Леше, что пойду в кино с ним. А завтра мы на шашлыках с его друзьями...

Я повела носом, реагируя на слово «шашлыки», представляя куски мяса в луке и маринаде. Сочные, с жирком, пахнущие, как самая заветная мечта гурмана, и на вкус наверняка не хуже. Пока в моей голове формировался идеальный вид сырого мяса, а рот наполнялся слюной, Ирка еще говорила что-то. Судя по тону, скатывалась в извинения и оправдания. Тяжело вздохнув, я переложила телефон в другую руку и сунула освободившуюся в карман домашних брюк.

– Ир, все нормально. Я поняла. Погуляю одна. – Я сделала почетный круг по нашей с мамой однокомнатной квартире, обходя журнальный столик и угловой диван.

– Ну не обижайся, пожалуйста.

– Что ты, какие обиды. – Пройдясь по комнате, я пнула плюшевого бегемота, которого часто использовала в качестве подушки или подпорки для спины на диване. – За зимние каникулы, которые, кстати, подходят к концу, мы увиделись три раза, притом что живешь ты в двадцати минутах ходьбы от меня. Я ничего не знаю про твоего Лешу, кроме того, что он программист и у него есть машина, а еще он голубоглазый блондин, что никогда не считалось твоим типажом. Вы встречаетесь больше месяца, а ты так и не познакомила его со мной, как бы своей лучшей подругой. Какие уж тут обиды.

– Агаточка...

– Не. Называй. Меня. Агаточкой, – процедила я, хмуро разглядывая себя в зеркальную дверцу шкафа-купе в прихожей.

– Прости. Это сложно объяснить, мы... он...

– Перекраивает тебя под себя, – продолжила я, перебив. – Помнишь предыдущие сессии? Мы всегда готовились к экзаменам вместе. А в эту...

– Я сама знаю, что завалила ее, для нотаций у меня мама есть! – огрызнулась Ирка, почуяв, куда я клоню. Действительно, на этой сессии она завалила три экзамена из пяти, можно было помахать ручкой красному диплому. В отличие от меня, она к нему стремилась

два предыдущих курса и первую половину третьего, пока в ноябре в ее жизни не появился этот индивид, чья личность под грифом «секретно».

– Видимо, она познакомилась с таинственным Лешей и настолько им очаровалась, что не обратила внимания на твою съехавшую учебу, систематические прогулы и мое рекордное за последние два года отсутствие у вас в гостях, – едко отметила я.

– Агат, прекрати меня отчитывать, я взрослый человек, и я не могу все время быть рядом с тобой! – вспыхнула на том конце Ругалова, яростно засопев.

– Ты кто? Взрослый человек? А кто звонил мне три дня назад, не зная, как сварить макароны: в холодную их воду бросать или в кипящую?

– Ну и что! Мое неумение готовить – не показатель!

– Верно. Показатель – нежелание подумать. Как можно сварить макароны, бросив в холодную воду?

– Вольская, отстань! Ты не понимаешь, а объяснить – сложно. Мне важно быть с ним, я ему нужна, ясно? Увидимся в универе, Агаточка! – мелочно припечатала Ругалова, тем самым подписав себя на поток моих язвительных замечаний при первой же встрече.

Разговор завершился прежде, чем я успела сказать кое-что о шаблонности ее заявлений, почерпнутых явно из бульварных романчиков. Буркнув нечто нецензурное телефону, я подкинула его и поймала на лету, тут же пряча в карман. Ирка позвонит вечером и извинится, всегда так. Бесится, потому что я права (а, как истинная зануда, я права почти всегда), вот и трубки бросает.

Итого еще три дня каникул в одиночестве. Не сказать, чтобы оно особо меня тяготило... Но гулять по городу я все же любила в компании: рассматривать рекламные афиши, обсуждать планирующиеся концерты или выход фильмов... Ладно, и одна пройдуся.

Тем более сейчас, когда из ремонта вернулся мой плеер, с легкой руки мамы испытавший на себе пытку водой путем попадания в стиральную машину. Обнаружив свои теплые носки на батарее в ванной, я быстро натянула их поверх тонких, сменила домашнюю одежду на джинсы и водолазку, подкрасила ресницы и, нацарапав своим кривым почерком записку маме в духе: «Ушла гулять – вернусь

не скоро, ужин на плите», остановилась в прихожей. Мелочь по карманам пуховика, телефон – во внутренний, борьба со шнурками тяжелых зимних ботинок, шарф, шапка, ключи, наушники... Почему мелочей всегда так много и все, как назло, нужны?

Включив плеер, я вышла за дверь, повернула ключ в замке на три оборота и шагнула в темный зев лестничной площадки. Лампочка опять перегорела, хотя вроде бы старшая по подъезду, баба Валя с третьего этажа, только вчера ее меняла – я слышала ее возню в коридоре, пока мыла в прихожей полы.

Отсутствие освещения никогда не было для меня проблемой, я не боялась темноты и легко в ней ориентировалась, чего нельзя было сказать о моей маме, способной превратить обыкновенный ночной поход за стаканом воды в настоящую катастрофу. Тяжело вздохнув, я потопала на третий этаж, по дороге отмечая пару свежих надписей на стенах, адресованных Светке с четвертого. Не все из них были признаниями в любви, и, встретив несколько вполне себе конкретных пожеланий умереть в расцвете лет, я усмехнулась, качая головой.

Интересно, кто впускает этих доброжелателей в подъезд? И как Светка, двадцатитрехлетняя секретарша в какой-то турфирме, умудряется каждый год находить себе по поклоннику-вандалу? В смысле, это же старая школа – расписывать подъезды уже не модно. Куда круче создать мем и запостить по нескольким соцсетям сразу – и охват, и эффект...

Поймав себя на том, что рассуждаю в рамках своей специальности связей с общественностью и пиара, я хмыкнула, качая головой. Знания универа налипали сами собой, достаточно было просто посещать лекции. Регулярными визитами туда я не отличалась, но умудрялась прогуливать с какой-то особой удачей: то преподаватель сам заболел и не придет, то староста мое отсутствие не отметит, то переключку не проводят...

Правда, это везение всегда компенсировалось экзаменационной сессией. В билетах мне с завидным постоянством попадалось то, что я не успевала повторить, а в тестах я часто подставляла саму себя, сначала отмечая правильные ответы, а после зачеркивая их и меняя ответ на самый-самый неправильный. Выкручивалась исключительно благодаря памяти и харизме.

В группе про меня шутили, что я могу умаслить кого угодно, попросту отпустив пару шуточек и посмотрев в глаза со «своим особым выражением». Понятия не имею, что это за выражение, как выглядит и в какой момент появляется, но пока получается и работает – это не так уж и важно.

Остановившись возле квартиры бабы Вали, я нажала на кнопку звонка посильнее, зная, что старушка туговата на ухо. Из приоткрывшейся двери на меня дохнуло вареной капустой и убежавшим молоком, послышалось рассерженное шипение сиамки Багиры, путающейся в ногах у хозяйки. Я была одним из тех редких людей, за кого определили, собачник он или кошатник, сами животные.

К кому бы в гости я ни пришла, в каком бы дворе ни остановилась, реакция всегда была одинаковой: кошки шипели, выгибали спины и предупреждали, что выпустят когти, попробуй я только подойти, а собаки ластились и считали меня своим лучшим другом. Как-то раз огромная косматая бродячая псина, появившаяся из ниоткуда, просидела со мной и Иркочкой три часа во дворе, просто прижимаясь к моей ноге. Мы, конечно, пошутили над этим, мол, животное плохую компанию не выберет, но припоминали эту странность еще недели две потом. В общем, в битве между злостным мяуканьем по ночам и слюнями на лице с утра я выбирала слюни.

– Баб Валь, это Агата с первого, – громко сказала я.

– Ты с собакой, что ли? Багирушка волнуется!

– Да ну, откуда собака, нет у нас ее, – терпеливо ответила я, подозревая, что Багирушка не волнуется, а собирается коварно вцепиться мне в ногу, едва представится такая возможность.

– Чего случилось-то? – открыла старушка дверь пошире, давая увидеть зеленую вязаную кофту и пуховый платок, обвязанный вокруг поясницы. Похоже, спину прихватило, может, она вообще лежала, а я ее подняла...

– Да лампа на лестничной площадке на первом опять перегорела. Нет у вас еще одной, я тогда сама заменю? – смутилась я, как-то не подумав, что она могла отдохнуть.

– Еще чего, самой тебе менять, что у нас, мужиков в подъезде, что ли, нет? – праведно возмутилась баба Валя. – Иди, сейчас позвоню Степанне, пускай внука своего пришлет, он у нее сегодня выходной,

вот и поменяет. И с мамкой поговори, уж пора бы ей у меня этот пост забрать, она у тебя женщина грамотная, серьезная...

Вот только этой радости ей не хватало ко всем прочим. Я начала качать головой, не дослушав поток комплиментов маме. Старожилы дома уже третий год пытаются всучить маме шефство над подъездом, что на деле означало один сплошной геморрой: сбор подписей по всем вопросам, денег по всем возможным нуждам, звонки во все организации, занимающиеся благоустройством домов, проведение собраний, обивание порога городской администрации... Нет уж, к черту эти неприятности.

– Баб Валь, ну когда ей? Работает она, устает сильно, времени на сон не всегда хватает, жизнь сейчас такая, – заученно ответила я, поскольку разговор заводился далеко не в первый раз, но, может, баба Валя, в силу возраста, этого не помнит.

– Да-да, жизнь тяжелая, получила пенсию недавно, сходила в магазин, и вроде не купила ничего такого, а... – ожидаемо переключилась бабуля на заданную тему, и развивать ее она могла еще долго, если бы не возмущения Багиры, издающей горловые звуки, напоминающие обещания жестокой расправы. – Ох, милочка, мерзнет, наверное. Все, Степанне позвоню, лампу заменим, не переживай, – сократилась баба Валя до прощаний, закрывая дверь.

Решив, что миссия выполнена и максимум заботы о соседях проявлен, я спустилась в темноту первого этажа, перепрыгивая ступеньки. Нажав кнопку домофона, толкнула тяжелую железную дверь и наконец-то оказалась на улице. Начинало темнеть, скоро народ потянется с работы, что на деле означало не только пробки, но и длиннющие очереди в магазинах.

Прикидывая, не нужно ли чего купить домой, я сняла музыку с паузы, натянула варежки и бодро зашагала через двор по снежному лабиринту сугробов по пояс высотой, созданному водителями, прочищающими путь от своих машин до дома еще вчера утром. Шедший всю ночь снегопад немного подпортил первоначальную картину, но проехать все еще было можно.

Покачивая головой в такт музыке, я сдержалась от бормотания текста песни под нос, опасаясь лишней раз открывать рот на таком морозе. Покинув двор-коробочку через арочный проход, я вышла на проспект Ленина, одну из главных улиц Тулы, моего родного города, о

котором общеизвестны две вещи: здесь пекут лучшие пряники и делают оружие. Собственно говоря, этого было достаточно, чтобы понять, что народ туляки гостеприимный и серьезный, но если требовалось дополнение и речь заходила о культурном наследии, то все вспоминали о Ясной Поляне, расписных самоварах, Левше и гармонии. И это уже было больше пунктов, чем могла похвастать наша соседка Калуга с ее Музеем космонавтики.

Кто-то подумал бы, что мне не нравится Калуга, но на самом деле я просто люблю свой город. И, по-моему, это нормально – любить свою малую родину больше других городов, какими бы прекрасными они ни были. Поэтому, когда пару лет назад речь зашла о возможном переезде в Москву в связи с маминым повышением по службе, я упиралась руками и ногами, в конце концов одержав победу.

Одна из самых главных моих проблем – я очень сильно привязываюсь к людям, местам и с трудом принимаю любые перемены в жизни. Трагедией считается даже завершение съемок любимого сериала, а уж такая глобальная вещь, как смена всей обстановки от и до, – вообще катастрофа. Катастрофа, которую удалось избежать.

Что, если сейчас с Ругаловой происходит то же самое? Я прикипела к ней, и теперь, когда в ее жизни произошли достаточно серьезные изменения, не могу подстроиться под эту перемену, сократившую ее время на меня, потому и злюсь?

Нет.

Ответ был, как всегда, четок и однозначен, загоревшись в голове огненными буквами. Мое «чутье» еще ни разу не подводило, чем я всегда очень гордилась. Достаточно было спросить что-то про себя, и внутренний голос уверенно и безапелляционно говорил «да» или «нет», без промежуточных «не знаю», «может быть», «наверное».

На самом деле это лишь самая незначительная, никому не известная моя особенность. С детства от сверстников меня отличал целый ряд «ненормальностей», из-за которых я не могла как следует вписаться ни в одну компанию. Детский сад, школа, соседские ребята во дворе... Мне нигде не было места из-за моих странностей.

Например, моей обычной температурой считалось 37 и 2, и в школе я часто использовала это, легко отпрашиваясь домой с контрольных. Заболела, что поделаешь. ОРЗ – оно такое коварное:

насморка и кашля еще нет, а температура вот, уже есть. К слову, я вообще никогда не болела простудой, гриппом, ангиной и чем-либо, через что проходят все дети. Даже банального несварения желудка и того не случалось. Что, разумеется, ни капли меня не расстраивало.

И это подводило еще к одной моей странности. Я ела все, и очень быстро. Настолько быстро, что мои немногочисленные родственники, смеясь, напоминали, что можно и помедленней, никто не отнимет. Упаковка сарделек улетала за пару минут, и это считалось лишь легким перекусом. Вообще все, что могло назваться мясом, поглощалось почти мгновенно.

Подумав о шашлыках, на которые завтра отправится Ирка со своим Лешей, я завистливо вздохнула. Может, они окажутся невкусными, в соленом маринаде, или жарить будет неумеха и спалит их до угольков. Я этого в любом случае не узнаю.

Да Ирка тоже не поймет, она вообще в еде неразборчива. Не различает, где слишком соленое, где острое, а где вообще пища испорчена и лучше ее даже не пробовать. В отличие от меня. В дополнение к зверскому аппетиту мне также достались обостренный слух, обоняние и вкус. Видимо, чтобы этот самый аппетит не свел меня в могилу.

Но даже не это делало меня отщепенцем, хотя девочка, которая в любом окружении всегда слышит сплетни про себя и не мирится с этим, открыто вступая в конфликт, по определению не может быть душой компании. Скорее уж занозой в одном месте.

Один такой конфликт в далеком детстве показал самое главное мое отличие, заставившее меня саму сторониться чьего-либо общества долгое время. Я не хотела повторения того случая. Я не хотела даже чего-то минимально приближенного к нему.

Поморщившись, я стянула варежку с правой руки и сунула ее в карман, к плееру. Не доставая верного (пока разряженная батарея не разлучит нас) друга, я разблокировала его и прибавила громкости. Это всегда помогало уйти от назойливых жалящих мыслей, а их в последнее время что-то поднакопилось.

Миновав аллею с десятком уютно расположенных прямо перед маленькими фонтанчиками скамеек, я свернула мимо городской детской библиотеки и прибавила хода, успешно разминувшись с двумя женщинами, волокущими пакеты с коробками из-под обуви. Это

напомнило о моих любимых и окончательно загубленных осенью кедах, потерпевших поражение в схватке с бездорожьем.

Покосившись на кондитерскую через дорогу, я огромным усилием воли заставила себя идти дальше, хотя о божественности здешних бубликов знал весь город. Когда вдали показалась железная ограда парка, я едва не перешла на бег – настолько хотелось побыстрее оказаться внутри, подальше от машин, людей и бесконечного грохота, не перекрываемого даже музыкой.

В парке как будто начиналась другая страна. Все такое тихое, сказочное, бело-апельсиновое в свете фонарей и с черными крапинами-стволами деревьев. Мамочки уже закончили свой вечерний променад, никаких лыжников из-за погоды, да и всяким парочкам и компашкам тоже не сезон. Красота.

Конечно, гулять в огромном безлюдном парке после наступления темноты равно напрочь отбитый инстинкт самосохранения, но как раз с ним у меня все было отлично. А вот все ли в порядке с моей головой – это уже другой вопрос. Вопрос, поиском ответа на который я занимаюсь уже не первую пятилетку.

С быстрого шага я перешла на легкий бег трусцой, добежала до центрального фонтана, мимо деревянной сцены, и уже заворачивала к аллее, где в теплое время года работали аттракционы, когда внимание мое привлек крик. Резко притормозив, уже оборачиваясь, я увидела несущегося на меня лабрадора.

Весело гавкнув, он промчался мимо по прямой, хлопая ушами и оставляя за собой борозду от заледеневшего ленточного поводка, вившегося за ним. Секунды были потрачены на понимание происходящего, и к тому моменту, когда стало очевидно, что пес убежал от хозяев, он уже скрылся за поворотом на аллею, ведущую к детским площадкам. Черт!

В начале аллеи показалась задыхающаяся полноватая женщина в тяжелой шубе. Согнувшись, она оперлась ладонями о колени и, увидев меня, закричала:

– Здесь лабрадор не пробегал? С синим ошейником и поводком?

– Пробегал! – сдернула я наушники. – В сторону площадок побежал! Как его зовут?

– Джамбо! Стервец! За белкой погнался, дурья башка!

– Вы идите с той стороны, а я побегу за ним! – особо не раздумывая, что делать, крикнула я, указывая ей на параллельную аллею, также ведущую в ту сторону, только более длинным путем. – Сейчас поймем!

Я припустила следом за Джамбо, досадуя, что не сообразила наступить на поводок сразу как увидела. Вот чего я, спрашивается, стояла и ждала? Погоды на море?

Проскочив велосипедную дорожку, я всмотрелась в лес, опасаясь, что беглецу хватит ума сойти с дорожек и ринуться напролом. Тогда мы рискуем его вообще не поймать или его прихватит кто-то другой и уведет домой. Даже если к ошейнику прикреплен телефон хозяйки, это могло ничего не значить. Добрых людей на свете много, и закон «что нашел – то мое» еще никто не отменял.

– Ну же, Джамбо, куда ты ускакал? – буркнула я себе под нос. – Джамбо! Джамбо! Джамбо!

Выкрикивая кличку собаки, я на бегу расстегнула пуховик, сковывающий движения, совершенно не чувствуя мороза. Отличная проверка иммунной системы. Если и после такого не заболēju, можно будет окончательно утвердиться в этой аномалии моего организма.

Вдалеке мелькнул рыжий хвост, и я увеличила темп, надеясь, что рано или поздно пес заинтересуется каким-нибудь запахом или у него в лапы набьется достаточно снега, чтобы притормозить. Понятное дело, что пытаться догнать мчащуюся во весь опор собаку – дохлая затея. Это даже профессиональному бегуну не под силу, а я им точно не была, хотя и отличалась определенной выносливостью к физическим нагрузкам.

Похоже, Джамбо пошел на второй круг. Перейдя с бега на быстрый шаг, надеясь нормализовать сбившееся дыхание, я решила срезать и перехватить его в начале аллеи, где обычно в теплое время года проходили занятия по физкультуре у спецгруппы. Как раз с противоположной стороны от фонтана и главного входа. Выбежав в ее начало, к ряду скамеек, я посмотрела на видневшийся неподалеку сквер у кинотеатра и зацепилась взглядом за единственную занятую скамью. Частично занятую, если точнее.

На спинке, словно петух на насесте, сидел парень в черных джинсах и кожанке, разглядывая свои ноги в тяжелых ботинках,

опущенные прямо на сиденье. Напротив него стояли две девушки, тоже во всем черном. Та, что была повыше, еще и курила.

Первой внимание на меня обратила ее спутница. Резко развернувшись, она почти полностью закрыла собой курящую и внимательно посмотрела на меня, будто оценивая угрозу. Настороженность в ее взгляде удивляла и даже несколько обижала. Понимаю, если так смотреть на наркомана, мало ли что тому в голову взбредет, но я-то вряд ли хоть чем-нибудь походила на человека под дозой или ищущего ее.

– Простите, – все же обратилась я ко всей тройке, поскольку других вариантов не было. Если Джамбо здесь пробежал, они просто не могли не увидеть здоровую, породистую, явно домашнюю собаку, промчавшую мимо на световой скорости.

– За что? – выглянула из-за настороженной курящая, и я едва сдержалась от того, чтобы не отступить на пару шагов, развернуться и побежать искать Джамбо в другом месте. Ее карие глаза усмехались, как будто она знала, что я хочу дать деру. Хотя, скорее всего, у нее таких ситуаций, когда чувствуется собственное внешнее превосходство, по десятку каждый день.

Девушка напоминала вампира, какими их представляют на разных готических фотосессиях: бледное лицо, черные стрелки и ресницы, алая помада, длинные черные волосы по пояс, как будто вытекающие из капюшона пуховика. Руки и те были не в варежках, а в перчатках. Словно этого было мало, образ довершали массивные перстни с громадными камнями, нанизанные на пальцы прямо поверх ткани. До того как она опустила руку с тонкой, скуренной наполовину сигаретой, я точно увидела зеленый и красный.

Вторая оказалась столь же готична, разве что более спортивна, чем элегантна. На ней были надеты зимние ботинки, чем-то похожие на мои, а не сапоги по колено, черные обтягивающие джинсы, кожаная куртка с меховым воротником и обычная черная шапка, из-под которой на лоб вылезали черные пряди. Наверное, короткая стрижка. Да и макияж ближе к моему: только губы и ресницы, ничего особенного и привлекающего внимания. Зато глаза ярко-зеленые, что, в общем-то, редкость, такой не требуется косметика, чтобы быть замеченной.

В любом случае, в сравнении с этой парочкой я в своем обыкновенном пуховике нараспашку, вязаном шарфе, свисающем

одним концом до колена, а вторым до пояса, и в состоянии сильной растрепанности не то что проигрывала, а даже не была допущена в их лигу.

– За беспокойство, – ответила я, пересилив себя и вместо шага назад сделав еще один вперед. Парень, так и не поднявший до сих пор головы, передернул плечами, похоже, усмехнувшись. – Вы не видели, здесь лабрадор с синим поводком не пробегал?

Девушки переглянулись, для чего настороженной потребовалось обернуться, и я увидела шикарный арт на спине ее куртки, представляющий собой пантеру, держащую в когтях луну. Нарисованная зараза смотрела на меня столь же высокомерно, как и все вполне реальные представительницы ее вида до этого.

– Псины – это твоя специализация, – обратилась вампирша к парню.

Вздохнув так, словно подруга испытывала границы его терпения, парень выпрямился и поднял голову, наконец-то дав себя разглядеть. Моргнув, я едва не потеряла тот шаг, что удалось отвоевать в борьбе с собственными комплексами. Он был... не менее эффектен, чем его приятельницы.

– Тебе не надоело? – устало поинтересовался он в ответ. Я мелочно порадовалась, что на парня поведение подружки и ее манера держаться не производили никакого впечатления. Или они уже давно в отношениях и он привык.

Такой же бледный, как и курящая, но черты лица грубее: узкий подбородок, высокие скулы, длинный нос с небольшой горбинкой... Широкий лоб наполовину скрывали волосы, особо густо растущие на затылке и макушке и плавно переходившие в челку. Виски побриты помодному и со вкусом. Наверняка профессиональная дорогая стрижка, которую приходится постоянно обновлять.

Однако все это терялось в сравнении с его глазами. Серый – бледный цвет, по идее, я даже не должна была сразу понять, что это он, но здесь на это невозможно было не обратить внимания. Абсолютно серые, практически свинцовые, как сгустившиеся снежные тучи, собирающиеся обрушить снегопад. И взгляд такой серьезный, не пугающий, не насмехающийся, а... изучающий.

– Вы разминулись на развилке, ты побежала не в ту сторону, – заявил он мне. – Возьми по прямой до загона с косулями, потом

свернешь направо. Метров за семь до общего спуска к берегу пруда будет протоптанная узкая тропинка в лес. Он там, зацепился поводком за сук и наматывает круги. Побежишь быстро – успеешь до того, как ошейник лопнет.

– Что? Как ты...

– Считаешь, у тебя есть время на вопросы? – приподнял он бровь.

– Извиняем за беспокойство, – поддакнула вампирша, хихикнув себе под нос и отправляя окурок в урну.

Мне уже было некогда обращать на это внимание. Пробежав мимо колоритной троицы в заданном направлении, я набрала темп, правильно поставив руки и выталкивая себя на каждый шаг вперед. Загон, повернуть направо в сторону спуска к берегу... Подумать только, какого черта я следую этой инструкции? Откуда он может знать, где собака, если сам все это время сидел на лавочке? Сейчас спущусь, там не будет никакого Джамбо, а они, наверное, уже ухохатываются надо мной, отпуская комментарии один язвительнее другого.

Тем не менее тропинка, о которой говорил странный сероглазый парень, и правда обнаружилась быстро. И даже почти на том же расстоянии от общего спуска, что он указал. Спускаясь по ней, я схватилась за нависающую ветку, чтобы не поскользнуться на подмороженном снегу и не полететь кубарем вниз. Как раз до пруда по такой траектории докачусь, головой вперед. При условии, что на пути не вырастет дерево. Боюсь, от сотрясений и переломов мой организм не застрахован.

Еще на полпути стали слышны скулеж и возня. Неужели?.. Буквально соскочив вниз, я обнаружила Джамбо намотавшим свой поводок вокруг молодой березки, за которую он зацепился петлей для руки трижды.

– Вот же дурень! – в сердцах воскликнула я. – Так и удавиться недолго!

Мой голос остановил попытки вырваться из коварной ловушки, пес повел носом, а потом замахал хвостом, как пропеллером. Можно подумать, я его хозяйка.

– Что, уже не такой веселый? За белкой он погнался, видите ли, – подойдя вплотную, я протянула ему ладонь, давая обнюхать. В качестве бонуса он ее еще и облизал. – Ты тоже теперь в моей армии

слюнявых поклонников или просто голодный? – ласково пробормотала я, зарываясь пальцами в светлую шерсть за ухом. – Отличное приключение. Сходила в парк побегать, Агата, молодец. В итоге в полной темноте в лесу распутываю поводок сумасшедшей, удравшей от хозяйки собаки. Не забудем, что найдена вышеупомянутая по наводке странного парня, выглядевшего как ненакрашенный принц готов. Откуда он вообще знал, что ты здесь? – обратилась я к Джамбо, распутывая его поводок и обходя вокруг березы. – Сознавайся, он сам тебя сюда притащил и так привязал?

Джамбо, понятное дело, не ответил, только еще больше развеселился, когда мне все же удалось отвязать его и просунуть руку в петлю поводка.

– Ладно, пойдем искать твою хозяйку, горе-охотник, – пробормотала я после того, как застегнула пуховик и вернула на место наушники, все же неготовая пока включать музыку. Натянув шапку, я направила пса по тропе вверх, чувствуя не меньшую усталость и голод, чем он.

Выбравшись на дорогу, я потянула Джамбо в сторону аллеи, надеясь, что его хозяйка хотя бы в этой стороне парка. Пес послушно зашагал впереди, не пытаясь принюхиваться к каждому кусту. Наверняка больше вымотался на попытках выбраться, чем на гонке-преследовании. Что там говорил этот парень? Ошейник должен был лопнуть?

Притормозив лабрадора под ближайшим фонарем, я осмотрела широкий ремень, медленно переворачивая его вокруг шеи Джамбо. Действительно, был небольшой участок, где кожа потрескалась и проглядывала белая ткань. Что за чертовщина?

Несчастную и уже успевшую расплакаться хозяйку мы нашли возле фонтана в компании мужа и двух мальчиков-подростков. Едва увидев своих, пес принялся рваться вперед как сумасшедший, и, опасаясь за ошейник, я снова перешла на бег, чтобы побыстрее вернуть Джамбо в семью.

– Джамбо! – закричали дети, бросившись навстречу.

– Вы нашли его! – шмыгала носом хозяйка. – Ох, спасибо! Мы уж думали вызывать в парк всех друзей и знакомых и организовывать масштабные поиски! Что мы можем для вас сделать?

Отвязаться от радостного семейства мне удалось только минут через десять, за которые пришлось раз пятнадцать их заверить, что ни деньги, ни что-либо еще в качестве награды мне не нужно, и подвозить до дома тоже. Главное, чтобы больше не теряли своего любимца. Рассказав, где нашла его, и предупредив об ошейнике, я на прощание потрепала его по ушам и направилась в противоположную сторону.

Мрачной троицы у скамьи не оказалось, что, в общем-то, было неудивительно, но я все равно немного расстроилась. Хотелось поблагодарить сероглазого парня за помощь. И еще больше хотелось узнать, как он так точно все рассказал, ни в чем не ошибившись.

В самом деле, ведь не сам же он привязал Джамбо к дереву? То, что это могли быть его приятельницы, даже не рассматривалось. И что за фраза такая: «Псины – это твоя специализация»? Он ветеринар, что ли?

Выйдя из парка со стороны кинотеатра, я спустилась вниз, перешла трамвайные пути и пошла дворами, спускаясь на свою улицу. Столько приключений, странностей, вопросов, а обсудить не с кем. Не Ирке же звонить, она со своим таинственным Лешей, да еще и в кино, и мы поссорились. Интересно, что бы она сказала на все это? Интуиция подсказывала, что ничего хорошего.

Глава 2

Выходные прошли весьма заурядно. Уборка, магазины, готовка, сериалы и нытье в общем со всеми сокурсниками чате по поводу нового расписания. Две физкультуры в неделю, и обе первыми парами, а это, между прочим, 7.45 утра. В понедельник пятой парой английский. Во вторник третьей – философия на седьмом этаже девятого корпуса, а четвертой – логика в третьем, что означало сокращение большой перемены наполовину из-за дороги с одного занятия на другое.

В этой бочке дегтя нашлась ложка меда в виде свободной пятницы на нечетной неделе, и начинали мы семестр как раз с нее, но... три дня подряд к первой паре перевешивали. Я заранее предвидела у себя около десяти отработок по физре, поскольку, живя всего в пятнадцати минутах ходьбы от спортивного корпуса, не находила в себе силы вставать в семь утра так часто. Не представляю, как иногородние поднимаются в шесть, чтобы сначала добраться до Тулы, а потом до университета.

Предстоящая учеба была лишь малой частью того, о чем я думала. По какой-то причине мне не давала покоя готская троица из парка. Может быть, дело в банальном любопытстве, скуке и желании понять, как тот парень узнал, где искать собаку, или я старалась не думать о Ругаловой, так и не связавшейся со мной в пятницу, как ожидалось.

Телефон молчал все выходные, и с каждым часом во мне все больше росло это гадкое, липкое чувство обиды. Похоже, у Ирки действительно больше не было времени на меня. В пятницу кино, вчера шашлыки с друзьями Леши, а сегодня еще что-нибудь. К черту Агату.

Из-за книжного шкафа, отсекающего половину моего угла в нашей однокомнатной, выглянула мама:

– А ты чего сегодня весь день дома? Вы с Иркой никуда не пойдете?

– Нет, – пробурчала я, разворачивая окно браузера на экране ноутбука и имитируя бурную деятельность, заключающуюся в перелистывании закладок.

– Разругались, что ли?

– Нет. Ей просто некогда. Все свободное время она проводит с Лешей, – от язвительности на последних словах избавиться не удалось. Потому что я вообще не старалась ее скрыть, уж самой себе можно не врать.

– Мальчик из вашей группы? – заинтересовалась маман, и я почуяла, куда сейчас может направиться этот и без того неприятный разговор.

– Нет.

– А кто?

– Не знаю. Программист какой-то.

– Сколько ему лет? Где они познакомились?

– Не знаю.

– Ну что-то ты должна знать? – удивленно спросила мама.

Значит, не я одна считаю, что подобная скрытность со стороны Ирки ненормальна. Успокаивает, однако.

– Да. Осло – столица Норвегии, в скелете человека 206 костей, хорьки спят около двадцати часов в сутки, а у осьминога прямоугольный зрачок. Видишь? – закатила я глаза. – Мои знания безграничны.

Мама понимающе посмотрела. Отвратительно понимающе. Настолько отвратительно и настолько понимающе, что захотелось спрятаться под одеяло, лишь бы этого не видеть. Я бы так и сделала, скажи она еще что-нибудь в дополнение к этому фирменному взгляду, но мама просто молча ушла на свой диван, не став развивать тему. За что ей от меня была объявлена благодарность в виде приготовленного чая.

В понедельник, собираясь ко второй паре, что на самом деле больше походило на бег с препятствиями по квартире под веселую музыку, я была прервана звонком мобильного. Предсказуемо объявилась Ругалова.

– Да? – подняла я трубку прежде, чем позволила себе передумать и сбросить. Это будет совсем по-детски и глупо.

– Привет! – радостно поздоровалась Ирка. – Идешь в универ?

Ух ты, какая веселая. Как будто два дня назад не бросала трубку после того, как накричала на меня. Завидую я такой забывчивости.

– Да.

– Ты что, до сих пор на меня дуешься? – чуть помолчав, уже спокойнее спросила Ругалова. Надо же, как быстро сориентировалась.

– А есть за что? – поинтересовалась я, придерживая трубку плечом и возвращаясь к поискам коричневой помады в косметичке.

– Агат, ну не начинай, а?

– Куда уж начинать-то. Вроде как прошлое еще не закончили. Рада, что с тобой ничего не случилось, а то шашлыки с незнакомой компанией не всегда хорошо заканчиваются. Криминальную сводку почитай.

Оставив помаду на полке в прихожей, я подхватила с крючка сумку и направилась на кухню, к холодильнику. Нужно будет выжить со второй по пятую пару, что невозможно без еды. Творожный сырок, яблоко... Рука потянулась к сардельке в вакуумной упаковке, но остановилась и захлопнула дверцу, едва я представила, как это будет выглядеть и пахнуть в аудитории. Не всем нравится этот запах. Не вареные яйца, конечно, но все-таки... Одно дело, если так перекусит парень, а другое – девушка, лопающая сардельку на космической скорости. Чувствуется какое-то удручающее стереотипное мышление и дискриминация.

– Агата! Ты заснула там, что ли? – вырвала меня из размышлений о еде Ирка.

– Нет.

– Мы весь день так будем разговаривать? Я тебе тридцать слов, а ты только «да» или «нет»?

– Ир, что ты хочешь от меня? – вспылила я, смахнув со столешницы пачку печенья. – Все каникулы от тебя ни слуху, ни духу, но зато как идти на учебу, вот она ты! Прямо как будто ничего не случилось! Ловко придумано, но номер не пройдет. Или мы друзья, которые не скрывают ничего друг от друга, или просто одноклассники, которым, в общем-то, друг на друга параллельно.

– Все что-то скрывают, – неожиданно возразила Ругалова, что было совсем не в ее стиле. – Это нормально.

– Да, – оставив сумку в прихожей, я выключила свет в ванной, телевизор в комнате, поставила в спящий режим ноут и вернулась к шкафу-купе. – Нормально не говорить про болезни, фобии или о том, чего стыдишься, но новый ах-какой-супер-парень вряд ли к этому относится.

– Ты опять об этом? – простонала Ирка.

– Конечно. Похоже, только я одна вижу, что ты изменилась. Вернее, чувствую. Я же полторы недели тебя не видела. Раньше я мечтала оглохнуть, лишь бы не слышать твои дифирамбы очередному бойфренду: что он и как делает, – переложив телефон на другую сторону, я занялась ботинками, – что говорит, куда пригласил, что написал и как вы друг на друга смотрели. А в этот раз – ты не просто молчишь, но и избегаешь прямых вопросов, что совсем, подчеркиваю, совсем на тебя не похоже.

– Ты не понимаешь. Совсем не понимаешь.

– Так сделай так, чтобы я поняла! Что он, миллионер? Звезда, за которой гоняются папарацци?

– Нет. Давай встретимся у корпуса пораньше?

– А есть смысл?

Обращалась я больше к своему отражению, чем к Ругаловой. Оно покачало головой, и в желтом свете лампы показалось, что с цветом глаз что-то случилось. Приблизив лицо к зеркалу вплотную, я раскрыла глаза пошире, понимая, что ничего мне не привиделось. В карих глазах проступали желтые и зеленые крапины, как будто... стекаясь к зрачку. Отпрянув, я моргнула, и при последующем рассмотрении все снова было как обычно. Просто карие, без всяких примесей, и не такие темные, как у той вампириши в парке, а ближе к ореховому.

– Агат, ну пожалуйста... Я хочу, чтобы мы были подругами. Просто есть вещи, которыми я не могу поделиться, даже если очень хочу. Это не мой секрет.

– Значит, все-таки это секрет. *Его* секрет, – поставила я ударение.

– Да.

– Вопрос жизни и смерти? – с сомнением спросила я, все еще подозрительно присматриваясь к себе в зеркале. – Если я увижу его – он окаменеет?

– Твоя настойчивость начинает меня напрягать, – протянула Ругалова.

– Я просто чувствую, что ты что-то недоговариваешь, сильно недоговариваешь, но не могу представить, что именно, – честно призналась я. – А твой намек вообще оскорбителен.

– Да я... Господи, конечно же, я знаю, что ты не... В смысле, ты не станешь... Ты меня поняла, короче! – возмущенно зачастила Ирка, и я действительно поняла, что она не смогла сказать. Что я не пытаюсь увидеть ее парня, чтобы его отбить. Этот вид спорта был не по мне, и то, что ей это очевидно, радовало. – Так, все, отставить этот дурацкий разговор! Встретимся у корпуса, и купи мне по дороге кофе!

– Да, мой генерал-кофеман, – фыркнула я.

Из дома я вышла за сорок минут до начала второй пары и, не пройдя и трех шагов, застыла. На всех деревьях во дворе, на каждой голой ветке, сидело по пять-шесть ворон. Как будто вместо листьев у дерева вдруг выросли черные птицы, и каждая, готова в этом поклясться, смотрела на меня. Обведя взглядом странно пустынный в это время двор, я увидела лишь мужчину из третьего подъезда, соскребающего с лобового стекла своей машины лед. Он никакой странности явно не замечал, да и вороны его тоже мало заботили. Похоже, опаздывал на работу.

Проверяя свою безумную догадку, я прошла вперед шагов десять, следя за реакцией вороньей стаи. Бусины-глаза наблюдали. По спине побежали мурашки, хотелось сорваться в бег, подальше от такого пристального и давящего внимания, но улепетывать из своего двора отчего-то претило.

Мне двадцать лет, не собираюсь я бегать от стаи ворон. Мой двор – мои правила. Пусть сами улетают. Нервно хихикнув, я прибавила громкости на плеере, как раз попадая на следующую песню. Как только зазвучали первые аккорды, утро окончательно получило звание мистического. «Черные птицы» «Наутилуса Помпилиуса».

Возьмите мое золото, чем черт не шутит. Достав из кармана несколько десятикопеечных монеток, я бросила их в снег, глядя на ворон. Ненормальность ситуации набирала обороты: они посмотрели на место, куда упали монетки, и снова на меня. Одна взлетела, хрипло каркнув, и вся ее пернатая братия, как по команде (возможно, это она и была), поднялась следом, захлопав крыльями и подхватив клич. Огромная стая сделала почетный круг над двором, не умолкая ни на секунду, после чего поднялась в небо и улетела прочь.

– Доброе утро, сумасшедший мир, – пробормотала я, качая головой и стараясь найти очередное рациональное объяснение.

Ну в самом деле, не моего же выхода они ждали, чинно рассевшись по веткам? Может, я просто ни разу не замечала их, занятая собственными мыслями. Еще раз осмотрев деревья, я ни на одном не увидела гнезд. Нет, воронья стая здесь не проживала. Дворовые коты об этом позаботились бы. Прилетели – посидели – улетели. А смотрели, потому что я была ближе и представляла собой опасность. Наверное, мой бросок монеток их и спугнул. Так точно попавшая под момент песня все равно бы заиграла, не важно, увидела бы я ворон или нет. Просто ряд случайностей.

Может, и тот сероглазый парень так же случайно угадал, где Джамбо. Ага, случайно. Вплоть до лопнувшего ошейника. Бред, Агата, бред.

Обдумывая обе эти странности с парнем и воронами, я сама не заметила, как прошла памятник Толстому и сквер, магазины свадебных платьев, остановку и уже обходила огромную наледь на участке дороги напротив ненавистно-родного спортивного корпуса с бассейном, когда мне в спину что-то ударило. С такой силой, что я чудом не отправилась головой в сугроб, в последний момент сумев удержать равновесие.

Обернувшись с огромным желанием высказать все, что думаю по этому поводу, нетерпеливому прохожему, я с удивлением уставилась на пустое пространство позади себя. Никого не было. У железной ограды стояли и курили двое студентов, увлеченных беседой и не обращавших на меня никакого внимания. А если я перепутала снежок с тычком руки и кто-то из них все же запустил его «по приколу», а теперь оба притворялись, что ни при чем, нарочно меня игнорируя? Привет, паранойя.

Следующая моя мысль была о мертвой птице, рухнувшей мне на спину с дерева, но и эта догадка, к счастью, также не нашла подтверждения. Зато, топчась на месте, я увидела свою одноклассницу Ярославу Самойлову, спешащую ко мне от остановки. Интересно, зачем она вышла из автобуса так рано, вроде бы ей логичнее выйти через одну, у автовокзала, откуда до нашего одиннадцатого корпуса идти намного ближе, чем делать такой крюк. Я сама пошла бы дворами и по улице Смидович, если бы не Иркин кофе.

– Привет, – кивнула она, хмуро покосившись на наледь, у которой я и застряла со всей этой непонятной чепухой. Отлично. Меня толкнул невидимка. Армия невидимок ходит по городу и обеспечивает

травмпункты Тулы постоянной работой. Количество жертв растет с каждым днем.

– Привет, – улыбнулась я, надеясь выиграть трехлетнее соревнование всей нашей группы под названием «рассмеши Самойлову». Чуда не произошло, Ярослава осталась такой же серьезной, и не подумав улыбнуться в ответ.

Мы прозвали ее «Несмеяной», и это прозвище настолько прижилось, что было в ходу даже у преподавателей нашей кафедры. Она никогда не смеялась. И, говоря «никогда», я именно это имею в виду.

От одного парня-политолога с нашего потока, учившегося с ней в одном классе в школе, мы знали, что мрачная и серьезная она с первого класса, а может быть, и раньше. Он же рассказал, что живет Ярослава с бабушкой – ее родители погибли в аварии, когда ей не исполнилось и шести. В принципе, после этой информации, облетевшей группу тихим перешептыванием меньше чем за один день, дурацких комментариев вроде: «Слава, Слава, где твоя улыбка» – больше не возникало. Даже у пятерки КуКурятника, главных сплетниц нашей группы, хватало мозгов и такта держаться в стороне от этой темы.

– Ты что-то потеряла? – спросила Ярослава и, увидев мой непонимающий взгляд, тут же пояснила: – Со стороны казалось, что ты что-то ищешь.

Да. Логическое объяснение происходящего.

– Нет, поскользнулась просто, – покачала я головой, все же обходя злополучный участок дороги. – А ты чего здесь-то идешь? Вроде бы тебе на автобусе удобнее у автовокзала выходить, нет?

– Я когда стадион проезжала, увидела, ты идешь. Решила составить компанию, – пожала плечами Самойлова. – Ты против?

– Нет, что ты! – искренне возмутилась я, потому что Ярослава мне нравилась.

Первый претендент на красный диплом, она ничуть не задавалась и нос выше потолка не задирала, в отличие от некоторых наших сокурсниц. Напротив, всегда была готова помочь по учебе, спокойно давала списывать и могла поддержать любую тему разговора, вот только редко начинала его первой. В целом мне нравилось в ней сочетание спокойствия и серьезности, без налета важности.

– Как прошли каникулы?

– Хорошо. Пару раз сходила на лыжах, а так в основном смотрела сериалы и читала. А у тебя как?

– Примерно так же. Ходила в кино, гуляла в парке, искала смысл жизни, он никак не находился, так что в итоге я засела пересматривать любимый сериал... Десять сезонов, знаешь ли, не шутка.

Мы прошли пешеходный переход, и я остановилась у низенькой железной оградки, сворачивая к кофейне.

– Пойду куплю кофе Ругаловой, подождешь?

– Вы разве не поссорились? – неожиданно спросила она.

– С чего ты решила?

– Со вчерашнего чата. Обычно, стоит тебе высказаться, она тут же поддерживает твою точку зрения, а вчера ее даже не было в сети, – пожалала плечами очень наблюдательная Ярослава. Это, видимо, встроенная функция всех тихонь. – Ну и потом, пару дней назад я видела, как она шла в компании каких-то ребят без тебя. Наверное, я неправильно сложила один плюс один.

– Где шла? – нахмурилась я.

– По Первомайской, в сторону парка.

– Понятно, – протянула я, задумавшись, стоит ли задавать следующий вопрос, но любопытство и желание иметь дополнительные козыри в последующем разговоре с Ирккой пересилили. – А что за ребята? Ладно, подожди, кофе куплю и пойдем.

Отвернувшись от Самойловой, чувствуя, как внутри поднимает голову и скалится что-то мерзкое и с гнилым душком, я быстро зашла в кофейню и заняла очередь за каким-то долговязым парнем, уткнувшимся в свой планшет. Значит, Ирка гуляла не только со своим Лешей, что я еще могла понять, но и с его друзьями. Как-то очень обидно осознавать, что на его друзей у нее время есть, а на своих собственных – нет. Вру. Не обидно. Злит.

Щеки загорелись, и запахов стало слишком много. В терпком аромате кофе я чувствовала нотки корицы, шоколада, миндаля, выпечку, помесь одеколона и дезодоранта стоявшего передо мной парня, а еще запах бытовой химии, наверняка перед открытием здесь прошла уборка. От таких сочетаний накатила тошнота, и, сглотнув слюну, я задышала ртом. Вообще, не заслуживает Ругалова свой латте. Пусть ей Леша кофе покупает или кто-то из его компании.

Разумеется, едва я решила развернуться и уйти, как подошла моя очередь. То есть получается, зря тогда стояла. Скрипнув зубами, я процедила свой заказ, чем, по-моему, напугала продавца.

Во всяком случае, была у этого и положительная сторона: скидка от заведения и дополнительный сахар. Стараясь как-то сгладить свое недружелюбие, я улыбнулась, забирая пластиковый стаканчик с кофе и сдачу, и продавец тут же сверкнул в ответ своей отработанной улыбкой, словно лампочку включил. Вот бы мне так научиться.

К тому моменту, как я вернулась к Самойловой, она как раз выбрасывала окурок сигареты в стоявшую рядом урну.

– Что, и ты тоже куришь?

– Недавно снова начала, – ни капли не смутилась Ярослава.

– Мир обречен. Отличницы переходят на сторону зла, – хмыкнула я, чуть успокоившись, чему поспособствовал морозный воздух вдали от духоты кофейни и ее ароматов.

– Если тебя это утешит, я уже обдумываю тему для дипломной работы.

– Что-что ты обдумываешь? Я все еще верю, что ее не существует и это студенческая страшилка, – замотала я головой, краем глаза следя за Ярославой. Никакой реакции, даже уголок рта не дернулся, а я все равно отчего-то не хотела бросать своих стараний. То ли чувство жалости, то ли вызов самой себе, или все гораздо проще и во мне умер арлекин.

– А, тешь себя надеждами, – кивнула Самойлова. – Ты спрашивала про компанию, с которой я видела Ругалову. Мне они показались какой-то помесью субкультурщиков. Немного рокеры, немного готы, а одна девушка была похожа на представителя стимпанка в черной шляпе-котелке, длинном пальто и с тростью. Я сначала решила, что это косплейщики какого-то неизвестного сериала, но, когда увидела Иру, передумала.

– Она тоже была одета, как они? Во все черное? – с сомнением спросила я, потому что Ругалова – это ходячая радуга, предпочитающая яркие шарфы, колготки, шапки, перчатки и обувь. Как-то раз, еще на первом курсе, у меня даже в глазах зарябило от ее оранжевых колготок и перчаток в сочетании с желтой курткой. И не у меня одной.

– Нет, – успокоила меня Ярослава. – Не во все. Ее синие шарф и сапоги поначалу и привлекли мое внимание, все-таки я была по другую сторону дороги. А так – да, в основном все темное... Помоему, коричневая кожаная куртка и черные джинсы.

– Нет у нее кожаной куртки, тем более зимней, – нахмурилась я. – Она носит бирюзовый пуховик с белой шапкой и варежками.

– Точно была в куртке. У меня фотографическая память, – уверенно возразила Самойлова. – Впрочем, без разницы, во что они все были одеты и как выглядели. Этим никого не удивишь.

– А тебя что-то удивило? В смысле, что-то кроме того, что Ирка с какой-то компанией без меня?

– Да. Наверное, я поэтому и решила пройтись с тобой. Вы вроде как по-настоящему дружите, и мне хотелось убедиться, что ты знаешь, что с ней происходит.

Вот теперь меня окончательно напрягла вся эта ситуация с недомолвками и таинственным бойфрендом Ругаловой. Ладно я, человек, который уже третий год тесно общается с Иркой и знает все ее планы, мечты, желания и вообще все, вплоть до ее персонального списка качеств идеального парня, каким она себе его представляет. Конечно, я сразу замечу, будь что-то не так. Скорее всего, я почувствую это самое «не так» еще до того, как оно случится. Но Ярослава... Она не знала Ирку и на три процента, и вдруг за одну встречу, которую и встречей-то толком назвать нельзя, делает вывод, что с Ругаловой что-то не так.

– И что с ней, по-твоему? – Я постаралась задать вопрос как можно спокойнее и незаинтересованно, но иронично приподнятая бровь Самойловой, почти встретившаяся с краем ее серой шапки, показывала тщетность моих стараний.

– Она вела себя странно. По крайней мере для меня, – пожалала плечами Несмеяна.

– Как именно?

– Два парня, тот, который шел рядом с ней, и тот, что был впереди, ссорились. Когда первый взмахнул рукой в жесте «пошел вон», второй резко обернулся и что-то сказал. Не знаю, что это было, но напряжение ощущалось даже на моей стороне улицы. Я думала, первый что-то ответит или стукнет, а вместо этого перед ним встала Ира, заслонив собой. Как будто защищая. – Ярослава пожалала плечами, а я вовремя

напомнила себе, что тепло, согревающее мою руку через варежку, – это пластиковый бок стаканчика с латте, и не нужно его так крепко сжимать. Вряд ли умываться горячим кофе полезно для лица или пуховика. Мне только трат на химчистку еще не хватало.

– И он не попытался отодвинуть ее в сторону, подальше от конфликта?

– Скорее наоборот. Похоже, его все очень даже устраивало. Какому парню будет нравиться, что его защищает девушка? – Мимо нас прошли два индивида в узких разноцветных штанах, кедах, открывающих голые щиколотки, и с челочками на глазах из-под вязаных шапок. – Вопрос снимается, – констатировала Самойлова, проводив «челочки» взглядом. – Но ее друг вообще не из этой категории.

Мне оставалось только поверить ей на слово, поскольку я понятия не имела, как выглядит парень Ругаловой и к какой категории его можно было бы отнести. Услышав, что Леша программист, я дала волю воображению и представила его этаким ботаником в круглых очках и клетчатой рубашке, но, видимо, ошиблась. Как правило, ужаленная обидой фантазия не бывает доброй или миролюбивой, а пропитана издевкой.

– А дальше что было? – спросила я, когда, пригнувшись, мы прошли под пушистой лапой величественной ели, росшей возле восьмого корпуса.

– Ругалова начала драку, – сообщила Самойлова, и я едва не уронила латте на заледеневшую тротуарную плитку.

– Чего? – моргнула я, пытаюсь сопоставить Ирку и драку в одном предложении.

Из нас двоих к физической расправе более предрасположена я. Конечно, я верю тем, кто говорит, что словом бить больнее, и даже сама стараюсь так поступать, но кирпич как-то надежнее. Человек скорее оставит тебя в покое, увидев камень в кулаке, чем прослушав тонну угроз. Слово должно быть подкреплено действием, и это всегда было моей позицией. Моей, а не Ругаловой.

Какая драка, если для Ирки ноготь сломать – проблема вселенского масштаба? Как-то раз мы вместе готовили ужин, и ей на руку попали брызги масла со сковороды. Воплей было, как будто с нее кожу сдирали, так она еще в течение часа потом трясла пострадавшей

конечностью и периодически на нее дула. А после попросила крем для рук и столько его выдавила, что у меня от запаха глаза заслезились. Или от смеха. Не помню точно, но подкалывала я эту неженку недели две потом.

Да Ира даже ужастики и боевики не смотрит из-за того, что там кто-нибудь кому-нибудь обязательно причиняет боль. Вечер фильмов с ней – это сплошные мелодрамы и комедии, от которых меня выворачивает наизнанку розовыми соплями. Простого просмотра мало, и приходится выслушивать не менее приторные комментарии, где иногда, непонятным мне маневром, Ругалову заносит в далекое будущее и планирование собственной свадьбы. Вот на этом моменте обычно хочется застрелиться, и в ход идет обещание включить сериал про зомби, что, конечно же, срабатывает.

– Ира сильно толкнула того парня в грудь обеими руками, и он упал в сугроб, едва не зацепив головой фонарный столб. Вся их компания прошла мимо него, как будто ничего не случилось. А две девушки, шедшие последними, вроде как посмеялись над ним. Не знаю, догнал ли он их или нет, я спешила заплатить за квартиру.

Мы прошли мимо студенческой кафешки, где было не протолкнуться во время большой перемены и третьей пары, которую почему-то все прогуливали чаще, чем любую другую. Разумеется, если вообще приходили на учебу.

– Может, они просто дурачились? Ну, знаешь, как это обычно бывает в компаниях?

– Не знаю, у меня никогда не было компании, – сухо отметила Самойлова, но, прежде чем мне стало стыдно, а неловкость достигла своей критической массы, она добавила: – Я поняла, о чем ты. Нет, на дурачество или шутку это не походило. Мне вообще показалось, что она не прочь наподдать ему еще и ногой.

Вот уж дудки. Это точно не в Иркином характере. Вспылить, демонстративно хлопнуть дверью и прокричать из-за нее объявление бойкота, а уже через полчаса забрасывать эсэмэсками с извинениями и кучей смайлов – вот что в ее духе. Вспомнить хотя бы сегодняшнее утро и нежелание признать факт предыдущей ссоры. Ирка была слишком... легкой для такого серьезного проступка, как умышленное причинение вреда. Тем более лежащему, которого по определению не бьют, а если и бьют, то только отморозки.

– Кстати, похоже, у тебя появилась возможность увидеть тех девушек, – сказала Самойлова, кивнув вперед.

Проследив за ее взглядом, я едва не выронила стаканчик с кофе, тут же слишком крепко его сжав. Немного коричнево-молочной жижи выплеснулось на крышку, медленно обтекая ее по кругу. Примерно так же недовольство, непонимание и раздражение сейчас затапливали мое настроение. Только крышку можно было протереть салфеткой или вовсе выбросить за ненадобностью, а от себя так просто не отделаешься.

На углу одиннадцатого корпуса, приюта всех разгильдяев, ораторов и творческих душ, то есть гуманитариев, стояла Ругалова. Ее бирюзовый пуховик выделялся на фоне февральской серости, как белоснежная сова среди черного воронья. Поморщившись на сравнение, скорее всего, вызванное утренней странностью во дворе, я наткнулась на уже знакомое презрение нарисованной пантеры, сжимающей в когтях луну. Напротив Ирки, спиной ко мне, курили та самая вампирша из парка и ее молчаливая подружка.

Я абсолютный ноль насчет всего, что касается различного рода подсчета, но даже мне очевидно, что вероятность встретить эту парочку снова была ничтожно мала. Тула, конечно, не огромный мегаполис, но достаточно большой город, чтобы незнакомые люди, раз увидевшись, больше никогда не пересеклись. А теперь вдруг оказывается, что они из компании Леши, куда теперь входит и Ирка, судя по рассказу Ярославы. Можно ли считать это простой случайностью и совпадением? Интуиция сказала свое четкое «нет», прозвучавшее в голове громовым раскатом.

Со своего места я отлично видела, что Ирке разговор с ними, о чем бы он ни был, не нравится. Подруга перетаптывалась с ноги на ногу, дергала шнурок капюшона и соблюдала дистанцию, которой у нас с ней никогда не было. Глупо делиться секретами, стоя в метре друг от друга. Ее собеседницы, напротив, воплощали собой уверенность, ведя себя расслабленно и будто бы делая ей огромное одолжение своим присутствием. И все это я поняла только по их спинам. Если уж они настолько показательны, то на лица даже смотреть не хочется. Не хочется, но придется.

– Пойду-ка отдам Ирке ее кофе, – сказала я Ярославе, все это время не мешавшей мне наблюдать. Кто другой на ее месте уже

отпустил бы пару-тройку комментариев, но, должно быть, внутренние механизмы, отвечающие за мрачность, ей это запрещали.

Кивнув, одnogруппница свернула к лестнице в корпус, выглядевшей так, словно недавно подверглась бомбежке. Не одна пара обуви нашла свой конец на этих трещинах в бетоне. Только в прошлом году Янка Хмелова, еще одна девчонка из нашей группы, умудрилась сначала попасть шпилькой босоножки в небольшую выбоину, а потом в больницу с переломом руки, на которую и приземлилась через две ступеньки полета.

Первой, как и в прошлый раз, мое приближение заметила молчунья в дизайнерской куртке. Ее поведение вызвало легкое дежавю, поскольку ничем не отличалось от предыдущей нашей встречи. Поворот вполоборота, едва заметный шаг влево, и снова вампириша почти полностью скрыта за ней. Глаза девушки лениво прошлись по мне, и лишь приподнявшаяся бровь подсказала, что она... заинтересована.

— ...какие-то проблемы, то я с удовольствием сообщу Леше. Уверена, он придет в восторг, — услышала я окончание фразы вампириши, при свете дня соблюдающей ту же черно-красную гамму и макияж, что и при наступлении темноты. Разве что сегодня еще большего лоска ее виду придавала черная норковая шуба до середины бедра вместо пуховика. Как будто нужно было забить последний гвоздь в гроб самооценки окружающих. Уверена, дорожка из разбитых сердец тянется за ней с детского сада.

— Нет у меня никаких проблем, — не слишком-то дружелюбно ответила Ирка.

— Привет, Ир, — нейтрально поздоровалась я, подходя ближе. — Твой кофе. Правда, он уже скорее теплый, чем горячий.

Сюрприз-сюрприз. Подруга моргнула, стрельнула глазами в сторону незнакомок, снова на меня... Я буквально видела, как вертятся в ее голове шестеренки, стараясь найти выход из сложившейся ситуации. Если я правильно понимаю, то эти девушки — часть компании Леша, а все, что касается его, держится в секрете. Вряд ли я должна была застать ее за разговором с ними. Интуиция уверяла, что так и есть.

— Привет, спасибо, — в конце концов ответила Ругалова, забирая стаканчик. — Я...

– Как собака? Нашлась? – не дала Ирке скатиться в неловкую паузу вампирша, первой заговорив со мной.

Искренности в вопросах не было ни на грамм. Она знала, что собака была там, где сказал ее друг, и наша неожиданная встреча ее нисколько не удивила. Я поняла, что забавляет ее как раз мое непонимание этих вещей. Еще один плюс в копилку антипатии, забренчавшей в моей голове разными нехорошими словами.

– Вы знакомы? – удивилась Ругалова, перестав переминыться с ноги на ногу от такого открытия и, видимо, забыв отговорку, которую только что придумала.

– Как-то пересеклись, – ответила вампирша, и ее подружка-истукан кивнула в подтверждение. Может быть, она немая?

– Где?

– В парке. Их друг помог мне найти убежавшего от хозяйки лабрадора, – пояснила я, в отличие от некоторых, не уклоняясь от вопросов и не пытаясь, чуть что, сменить тему. – Может, ты нас представишь?

Серьезно, хотелось уже узнать их имена. Конечно, я могу и дальше продолжать называть их про себя вампиршей и молчуньей, но это как-то... по-детски.

– Меня зовут Варвара, – опередила окончательно растерявшуюся Ругалову... вампирша. – А это Александра.

Длинные, тяжелые имена. Это одно из обязательных требований для попадания в их лигу высокомерия и самоуверенности? Да у нас с Иркой на двоих букв в именах меньше, чем у одной Александры. Логика – не моя сильная сторона. Сужу о людях по количеству букв в их именах, или какой еще странностью добьет меня этот понедельник.

– А я – Агата.

– Три «а» в имени, как у нас, надо же, – снова приподняла бровь Варвара. – Интересно, он сразу это понял?

– Не как у вас, – резко возразила Ирка.

– Мне виднее, – снисходительно посмотрела на нее Варвара.

Ругалова шагнула вперед, и на ее пути тут же оказалась Александра. Похоже, Самойлова не преувеличивала, говоря, что Ирка первой толкнула того неизвестного парня. Уж не сероглазый ли оказался в сугробе, сказав ей или ее Леше что-нибудь в том же тоне?

Я не узнавала свою подругу. Тот же бирюзовый пуховик, только человек в нем другой. Похожие привычки, жесты, но взгляд... Как она так быстро прошла от невроза до агрессии?

– Тпру, лошадка, тпру, – с некоторой ленцой в голосе обратилась к Ирке молчавшая до сих пор Александра, тем самым уверяя меня в своей способности разговаривать, а заодно хамить. Из-за последнего захотелось встать на одну линию с Ругаловой и посмотреть, как она попытается сказать «тпру» нам обеим. Плевать, что у нас с Иркой происходит между собой, я не буду стоять в стороне, когда какая-то нахалка называет ее кобылой.

– Нам пора, – вмешалась Варвара, едва я собралась сократить расстояние до ее подруги. – Завтра вечером все собираются у Кати. Ты тоже приглашена, – внезапно посмотрела она на меня из-под ресниц, подтягивая свою красную перчатку.

– Она не может быть приглашена, – процедила Ирка, а мое так до конца и не оформившееся удивление переросло в еще одну обиду. Или, вернее, добавилась к предыдущей. Что значит – я не могу быть приглашена и зачем Ира плодит эти тайны на пустом месте? Неужели не ясно, что своими попытками скрыть она лишь распаляет мое желание разобраться?

– Я могу записать тебе одну и ту же фразу, служащую ответом на все твои вопросы и утверждения, на диктофон, – насмешливо посмотрела на нее Варвара. – *Мне виднее. Нам всегда виднее.*

– Вы тоже ошибаетесь, – выпрямилась Ирка, и мне показалось, что кофе, с таким трудом донесенный до своего заказчика, вот-вот будет использован в качестве проверки водостойкости чьего-то готического макияжа.

– Не путай *ваших* с *нашими*, – вступила Александра.

– Агату пригласил Князь, – тем временем продолжила Варвара, и я как-то сразу поняла, что она говорит о сероглазом парне.

– С какой стати?

– Хочешь потребовать у него отчета? – хихикнула вампирша. – Я не отказалась бы на это посмотреть.

– Нет, – недовольно буркнула Ирка, капитулируя.

Я не поняла, на что намекает Варвара и почему Ругалова так быстро сдалась. Невооруженным глазом было видно, что подруга

против моего присутствия на завтрашней сходке их компании всеми руками и ногами.

– Вот и и-го-го, – подвела черту Варвара, беря под руку свою приснувшую подружку. Похоже, «лошадиная» тема – шутка в их кругу, посвященная Ирке. Интересно почему. – Саша позвонит тебе вечером.

Развернувшись, не размениваясь на прощания, парочка направилась вниз, по Смидович, оставляя нас с Иркой в зыбучих песках предстоящего разговора. Не встречаясь со мной взглядом, Ругалова отхлебнула кофе. Я скрестила руки на груди, ожидая, когда она прекратит это издевательство надо мной.

– Что? – в конце концов не выдержала Ирка моего пристального взгляда. – Я не знаю, как тебе это объяснить. Я не хочу тебе это объяснять. Я вообще не хочу, чтобы ты в это лезла, но ты умудрилась вляпаться без моей помощи!

– Нечего повышать на меня голос, – огрызнулась я. – Из нас двоих вляпалась во что-то ты, а я просто пытаюсь понять – во что! Странная компания, непонятные девушки, твой таинственный парень, Самойлова видела, как на Первомайской ты едва не затеяла драку, отправив кого-то в сугроб... Что с тобой? Неужели это так сложно: просто взять и сказать мне, что, черт возьми, происходит!?

– Да не могу я взять и рассказать! Нельзя мне, понимаешь? Сказала же: это секрет! Ты не представляешь, что это такое, и даже если расскажу – не поверишь!

– С чего ты это взяла?

– Потому что я сама бы покрутила пальцем у виска, расскажи мне кто такую правду!

– Какую?

Ирка глубоко вздохнула, выбросив пустой стаканчик и поправив сумку на плече. Еще до того, как она открыла рот, я знала, что ответа не будет. В чем бы ни было дело, Ругалова действительно верит, что рассказывать ей нельзя, и, похоже, боится, что ей что-то за это будет.

– Нам пора на пару.

Отлично поговорили. Развернувшись на каблуках, Ирка первой направилась к лестнице в корпус, а мне захотелось сбежать. Я не представляла, как мы просидим за одной партой четыре пары подряд, когда все, чего хочется, – взять ее за шкуру и хорошенько встряхнуть.

Итак, что мы имеем? Странную компанию, изменившееся поведение, отказ отвечать на вопросы и явный страх, что это коснулось меня. Сомнений оставалось все меньше. Ирка попала в секту.

Глава 3

Утро вторника началось с назойливой противной мелодии будильника на телефоне. Зная себя и свою способность уснуть сразу же после его отключения, я заранее оставила мобильный на полке возле телевизора. Так не было ни шанса дотянуться до него, оставаясь на кровати под одеялом.

Холодный пол приветственно поцеловал босые ступни, стряхивая с меня сон, и я быстро пересекла комнату, одним нажатием кнопки затыкая этот музыкальный ад. Похоже, физкультуре сегодня все же быть. А что будет завтра...

Завтра я уже буду знать в лицо всю новую компанию Ирки и, надеюсь, понимать, что происходит. Встреча с Варварой и Александрой задала темп всему нашему совместному учебному дню. Очень короткому дню, потому что, просидев две пары, уткнувшись в телефон, после третьей Ругалова ушла.

Она не отвечала на мои вопросы, пыталась перевести разговор на что-нибудь, никак не относящееся к интересующей меня теме, а когда поняла, что я не собираюсь идти навстречу, обозвала вцепившимся в ногу бульдогом, помешавшимся на ее личной жизни. Очень лестная оценка беспокойству. Допускаю, что в своем желании докопаться до правды я была маниакально несдержанной, но подозрение и раздражительность буквально сверлили мне мозги. А Ирка оказалась крепким орешком. Раньше я никогда не замечала, насколько она может быть упрямой.

– О боже, неужели кто-то собрался на первую пару, – встретила меня на кухне мама, когда я налила себе стакан воды.

– Первая физкультура семестра, – хмуро сообщила я. – Как такое пропустить.

– Да правда что, – поддакнула Ма, укладывая в пластиковый контейнер свиную отбивную и картофель.

Потрясающий аромат мяса разбудил меня похлеще будильника и холодного пола. Отхлебнув воды, чтобы сглотнуть ее вместе с голодной слюной, я ретировалась в ванную. Миг промедления мог стоить маме обеда, а мне путевки до сумасшедшего дома, потому что

все, чего мне сейчас хотелось – выхватить этот соблазнительный кусок мяса и вгрызться в него без всяких там соусов, вилки и ножа.

У шкафа с одеждой я уже собиралась вытащить привычные джинсы и водолазку, но притормозила, вспомнив Варвару. Она-то наверняка собиралась не как бы быстрее что схватить и надеть, а тщательно выбирая и сочетая цвета. Рука дернулась в сторону дверцы, за которой были вешалки с туниками, но издевательский голосок в голове напомнил, что первой парой физкультура и это не самый лучший день для крутого прикида. Гадство.

В очередной раз убедившись, что первая мысль всегда самая верная, я с тяжелым вздохом вернулась к джинсам и водолазке. Запихнув в пакет кеды, штаны и белую футболку (причуда, на которой настаивал университет), я умудрилась втиснуть его в сумку, отчего она стала похожа на черный дирижабль на ремешке. Впрочем, полпачки печенья, тетрадь на кольцах, кошелек и старый, еще со школьных времен пенал-карандаш способствовали этому не меньше.

Попрощавшись с мамой до вечера, я скривилась в ответ на ее пожелание хорошего учебного дня. По моему, местами скромному, мнению, учебный день не мог быть таким по определению. Приходишь, сидишь в клетке из четырех стен (повезет, если еще у окна), слушаешь то, что через год и не вспомнишь, смотришь на то, что видеть не хочешь, и все ради галочки посещения.

Галочки, которая присоединится к армии предыдущих и станет не последним аргументом в пользу зачета или лучшей оценки на экзамене. Можно быть семи пядей во лбу, посещать лекции через раз, а то и два, ответить все верно на устном или письменном тесте, но... Когда преподаватель сверится с графой твоих посещений и увидит пропуски, он принципиально снизит оценку. За неуважение к его труду. Мало того что оплачиваешь свою учебу, ты еще и трястись за каждый прогул должен. Какая-то однобокая логика, подкосившая у меня два экзамена в прошлом году.

Распалая сама себя, я притопала в спортивный корпус за пятнадцать минут до начала пары. Сверкнув студенческим перед лицом никогда не улыбающейся охранницы, я направилась прямоком в раздевалку. Вонь в ней, как всегда, стояла несусветная. Особенно для моего чувствительного обоняния. Пот, дезодоранты, духи, какая-то

кислятина, мокрые половые тряпки, и все в спертом воздухе. Терпеть не могу эту протухшую еще лет десять назад комнату.

– Привет, – кивнула мне Ярослава, сидевшая на деревянной скамейке, уткнувшись в свой телефон.

Как и я, она ходила на волейбол, и это было куда лучше, чем гимнастика в старом спортивном корпусе, которую не от великого ума выбрала Ругалова. По мне, так легче большую часть пары играть в мяч, чем разучивать дикие танцы со снарядами. Еще фартовее было бы оказаться в спецгруппе, которую вообще почти ничем не грузят. Правда, чтобы попасть туда, нужно иметь какую-нибудь хроническую болячку вроде сколиоза или гастрита.

Угукнув в ответ, я покосилась на двух девчонок с политологии, крайне увлеченных фотографированием собственных ног в кроссовках. Интересно, существует ли пропорция между количеством запощенных фотографий и мозгов? Когда одна из них поставила на пол пластиковый стаканчик с кофе и опустила по бокам от него ноги, чтобы зафоткать, я поняла, что да.

– Во сколько ты встаешь, чтобы быть тут раньше меня? – поинтересовалась я у Ярославы, быстро выпутываясь из свитера.

– В шесть. Я всегда встаю в шесть.

– Даже когда ко второй паре?

– Да. И в выходные. Иногда позволяю себе поваляться до семи.

– Заслуживаешь памятника при жизни, – проворчала я, не представляя, каково это.

Люблю поспать – это слишком мало для того, чтобы объяснить, насколько я одержима обществом одеяла и подушки. В дождливую погоду я вообще не чувствовала себя способной слезть с кровати, могла валяться и попеременно читать и спать сутками с короткими перебежками до холодильника и обратно. Если мы учились до четвертой пары, то я всегда спала час-полтора по возвращении домой.

Переодевшись в спортивную форму, чувствуя, что всему накопленному негативу и раздражительности наконец-то есть куда вылиться без травм для окружающих, я затащила хвост потуже, прежде чем вместе с Ярославой и Мариной Богатыревой, еще одной нашей одноклассницей, выйти в коридор.

– А Алферова сегодня решила прогулять? – спросила я у Марины, потому что Нинка Алферова была ее подружкой.

Эта парочка могла уболтать самого черта и, наверное, заставить его икать от смеха, вздумай он им встретиться на пути. Они всегда занимали заднюю парту в любой аудитории и почему-то чаще всего оказывались за нами с Ирккой. Невольно слыша некоторые их разговоры между собой и комментарии происходящего, нередко мы сами не могли удержаться от хохота.

– Не. Солдат дезертировал еще до начала боя, – хмыкнула Марина. – У нее сегодня у папы юбилей, ресторан заказан, все дела... Какая тут учеба, когда жизненно важно выспаться и подготовиться к вечернему нокаутированию всей дальней родни своим видом. Зная, как наш Саньч делает переключку, теоретически Нинка присутствовать будет. А ты чего такая хмурая? Выясняла всю ночь отношения с Ирккой?

Это что, так заметно, что у нас с Ругаловой временные проблемы в общении?

– Скорее с сериалом. Он утверждал, что я не смогу посмотреть еще одну серию, а я назло посмотрела целых три, – перевела я тему.

– Зачет, – фыркнула Богатырева. – Смотрите, сколько на Запатовой тональника. Интересно, глаза выплывут или нет?

Посмотрев в указанном направлении, я увидела Наталью Запатову, одну из КуКурятника сплетниц нашей группы. Тонального крема на ее лице в это раннее февральское утро было такое количество, что издалека Наташа напоминала морковку с тугим пучком осветленных до невыносимо блондинистого оттенка волос. К слову, блондинистым у Наташи было все, не только волосы, но и стиль одежды, привычки, позы, манера речи... Просто ходячее сборище штампов из анекдотов про блондинок.

– Приветтики, девочки, – поздоровалась она, проведя наманикюренным ноготком по вытатуированной ниточке брови.

Удивительно. Вроде бы Запатова за собой ухаживает от и до: косметика, дорогая одежда, модные журнальчики, последние гаджеты... Наверняка встает раньше меня, чтобы навести весь этот марафет, старается, а вид все равно кукольный и искусственный. Ее с Варварой и сравнить-то не получается... Как будто пластиковая елка с серебряными ветками на одной витрине с настоящей зеленой, пушистой и пахнущей хвоей.

Мы вразнобой поздоровались с Наташей, и я принялась увлеченно разглядывать информационный стенд, поскольку не являлась поклонницей Запатовой и на один процент, включающий в себя приятельскую улыбку. На самом деле в прошлом у нас было несколько конфронтаций из-за Ругаловой, когда весь КуКурятник, вдохновленный примером своего предводителя Инги Марьяновой, принимался на всю аудиторию обсуждать Иркин внешний вид. Я, со своим нелепым желанием вступаться за каждого, кто не мог ответить обидчикам, тем более за друга, естественно, не оставалась в стороне.

Две недели на первом курсе шла непрерывная война, пока однажды, находясь в особо дурном настроении из-за недосыпа и диеты, которой зачем-то решила себя истязать, я в пятиминутном монологе не раздала каждой участнице этой шакальской стаи так, что все наелись сразу и сполна. Не хотелось соглашаться с мамой, но... иногда у меня случаются приступы агрессии, выжигающей все окружающее: и правых, и виноватых.

За несколько минут до звонка появился Сан Саныч, с виду напоминающий добродушного дедулю, напялившего спортивный костюм и навесившего на шею свисток. Милым старичком он казался ровно до того момента, пока не заходил в спортзал и не открывал рот. Думаю, силе его голоса мог позавидовать любой генерал.

– Десять кругов по залу!

То есть двадцать, потому что два круга Саныч принимал за один, что было усвоено нами еще на первых занятиях. Я считала бег самой лучшей разминкой, хотя иногда на первых двадцати минутах пары нашего боевого старичка подменяла молодая преподавательница, предпочитавшая классическую разминку со всякими поворотами, вращениями и наклонами. Скука.

На пятом круге, окончательно разогревшись и войдя в темп, я жалела только об отсутствии наушников и о чувствительности своего носа. Занимались одни девочки гуманитарного факультета, поэтому потом особо не пахло (проходя мимо раздевалки парней, я всегда дышала через рот или задерживала дыхание), зато духами, дезодорантами и лаком для волос – сколько угодно.

Это было легко и даже отчасти весело: пружинить ногами и выталкивать себя руками, постепенно ускоряясь и забывая обо всем вокруг. Никаких ссор, непонимания, Ирки, предстоящей встречи с

сектантами (или кто они там), а только скорость, стук в ушах и что-то похожее на азарт. Хотя бы на эти двадцать кругов, пусть и в замкнутом пространстве.

Миновал последний круг, и, покрасневшиеся и задыхающиеся, мы снова построились в шеренгу по росту, где сегодня я оказалась пятой от начала.

– На первый-второй рассчитайся! – рявкнул Сан Саныч.

Мне достался «первый», так что я отправилась в левую часть спортзала вместе с Ярославой и еще пяtkом сумевших проснуться и прийти на эту пару девчонок, пока самые высокие крепили сетку. Время волейбола.

Игра протекала ожидаемо. Каждый раз отбивая мяч на сторону противниц, я искренне наслаждалась этим процессом, принося очки удачным гашением. Было даже удивительным, что мне так не хотелось сюда приходить, потому что я любила активные занятия, особенно игры с мячом и бег. Я знала, что это удивление продлится недолго. Ровно до того момента, как я покину спорткорпус и отправлюсь на следующую пару.

Закон подлости, заставляющий заниматься всем чем угодно, кроме написания курсовой, домашки и прочими учебными штуками, работал в этом случае так же хорошо. Все что угодно, кроме физры. Тем более сон, раз уж кто-то умный додумался поставить ее первой парой. Сегодня победила воля, но послезавтра я вполне могу поддаться лени, убеждая себя, что на предыдущее занятие сходила, а кто-то прогуляет уже второе.

Под конец, когда, не отрываясь от списка, Сан Саныч принялся перечислять наши фамилии, помечая присутствующих, Богатыревой удалось выгородить Алферову, крикнув «Я!» грубоватым голосом. Самодовольно усмехнувшись себе под нос, она первой выскользнула из зала, едва нас отпустили. Еще один положительный момент очень короткого списка достоинств пары физкультуры в том, что заканчивали ее на пятнадцать минут раньше.

– На вторую идешь? – спросила Ярослава, когда я, уже вернувшись в свои джинсы и свитер, записывала пакет с формой обратно в сумку.

– Да.

– Хочешь, садись со мной, если Ирки не будет.

– Обязательно, – согласилась я, поскольку соседство Самойловой было приятным и ни к чему не обязывающим.

Так и получилось. Ругалова на второй паре отсутствовала, думаю, первая прошла тоже без ее участия. Машинально записывая лекцию, мыслями я уже была в конце сегодняшнего дня. Сложно представить, как все будет, но я не собиралась оставаться без ответов. Что бы там ни думала Ирка и какой бы секрет ни хранила, ничто не мешает мне попытаться узнать правду у кого-то другого.

Например, у сероглазого парня, о котором я ничего, кроме его прозвища «Князь» и умения находить потерявшихся собак, не вставая с места, не знала. Интересно, как его зовут. Может быть, тоже какое-то имя с тремя «а»? У их компании, похоже, пунктик на этом. По крайней мере, у тех, с кем мне довелось познакомиться.

После второй Ирка так и не появилась, и я, не в состоянии больше терпеть духоту аудитории, заинтересованные взгляды, бросаемые на нас с Ярославой, и перешептывания КуКурятника о нашем с ней неожиданном союзе, свалила на пятиминутном перерыве, не досидев третью пару. Раздражение, удачно выплеснутое в физические нагрузки с утра, снова начало накапливаться, подстегнутое голодом, недосыпом и мыслями о начавшейся с каникул чертовщине.

Добравшись до дома, я, разувшись и помыв руки, метнулась на кухню, в два счета приканчивая отбивную. Холодную. Стоя у окна. Обсасывая косточку, я прислонилась бедром к батарее, чувствуя, как внутри становится тепло, и представляя, что это желудок посылает миллион благодарностей. Не оставив на косточке ни единого кусочка мяса, выбросила ее в мусорное ведро, мельком отмечая в нем несколько вакуумных упаковок из-под сарделек. Разве я вчера вечером съела три?

Поднатужившись, вспомнила, что одну съела до ужина, пока мерила шагами комнату, нервно обдумывая, в чем пойти на сегодняшнюю встречу. Ответ на этот вопрос так и не был найден. Главным образом, потому, что требовалось посоветоваться с Ругаловой, а разговаривать с ней после очередных уверток, побега и сегодняшней неявки без предупреждения совершенно не хотелось. Возвращаясь к сарделькам... Еще одна после ужина, и третья во время ночного просмотра сериала. Точно.

Довольная этим явным доказательством собственного здравомыслия (естественно, речь о хорошей памяти, а не о несколько ненормальном аппетите), я с телефоном в руке вернулась в комнату и достала из шкафа теплый пушистый плед кофейного цвета. Время тихого часа. Забираясь на диван, уже чувствуя, как слипаются глаза, я спрятала мобильный под плюшевый живот своей подушки-бегемота.

Два переворота справа налево и обратно, возня с тем, как лучше устроить ноги и руки, немного покопошиться с пледом и нахождением наиболее удобной позы – то, без чего не обходится ни одно мое путешествие в сон. Всегда раздражает эта бурная деятельность, но ничего не могу с ней поделать. У мамы целая коллекция шуточек по этому поводу. Плоских и раздражающих.

Разбудила меня драйвовая мелодия, поставленная на Ирку. Медленно выплывая в реальность из сладкого тумана без снов, я вслепую нашарила телефон и положила возле уха, нажав зеленую трубку.

– Слушаю.

– Привет, ты спишь, что ли?

– Уже нет.

– Впустишь? Я у тебя во дворе.

– Набирай номер квартиры.

Сонное состояние исчезло, как дешевый растворимый кофе в кипятке. На поверхность поднялась пенка из удивления и недовольства. Пока я поднималась с дивана и подходила к запищавшей в прихожей трубке домофона, ее пузырьки готовились лопнуть парой десятков слов, прибереженных для Ругаловой.

Нажав кнопку, я открыла железную дверь, тут же увидев перед собой Ирку. В коричневой кожаной куртке, черных джинсах и черных замшевых ботильонах с меховыми «воротничками». Ничего из этого ансамбля ранее мной замечено не было.

– Привет, – робко поздоровалась Ирка.

– Привет. Заходи. – Я шагнула в сторону, снова проходясь по ней взглядом снизу вверх. – Смена стиля?

– Нет, просто уже собралась и пришла помочь тебе. – Ирка уверенно закрыла дверь, разулась, достала тапки, повесила куртку на вешалку, демонстрируя горчичного цвета водолазку, и это был единственный знакомый мне предмет одежды. Когда она задвигала

дверцу шкафа-купе, в глаза бросилось кольцо с каким-то потрясающе красивым овальным синим камнем в серебряной оправе.

– Что это за камень? – не удержалась я.

– Лазурит. Красивый, да?

– Очень. Леша подарил?

– Ага. Когда узнал, что я Козерог по гороскопу. Говорит, это один из камней моего знака, – улыбнулась Ирка, но, наткнувшись на мой скепсис, помрачнела. – Агат, нам нужно поговорить...

– Я этого вторую неделю уже жду.

– ...и еще я хотела бы помочь собраться тебе. Быть там нужно в шесть, Леша подъедет сюда и заберет нас, если ты не возражаешь.

– Не возражаю, – приподняла я бровь, пропуская подругу в зал и указывая на диван.

– О, у вас новая орхидея? – указала Ирка на подоконник, где стараниями мамы вот уже который год правили цветы.

– Ага. – Я села по-турецки на диван, выжидаясь глядя на нее. – Итак. Я слушаю.

– Я не очень представляю, с чего начать, – пожевала губу Ирка. – И мне не все можно говорить. Кое-что ты должна узнать только сама. Может, ты сначала расскажешь, как встретила их в парке и что там точно случилось?

Тяжело вздохнув, я коротко изложила ей все поиски Джамбо, немногочисленные реплики ее новых приятелей и как нашла лабрадора точно там, где сказал сероглазый.

– Никто из них не... касался тебя? – прищурилась Ругалова. – Не пожимал руку, например?

– Нет.

– Это хорошо, – облегченно выдохнула она, сразу же сталкиваясь с моей молчаливой готовностью звонить в психушку за консультацией.

– Потом поймешь, – отмахнулась она. – Агат, эта компания... Все, кого ты сегодня увидишь, они... другие. Совсем другие. Я понятия не имею, почему Князь хочет тебя увидеть, и я очень надеюсь, что наша с Лешей догадка неверна... По правде говоря, кто угодно, только не он, – пробормотала она себе под нос.

– А имя у него есть? – мрачно поинтересовалась я, чувствуя, что Ирка собралась ходить вокруг да около, без всякой конкретики.

Послушать только. Их с Лешей догадка. А меня в нее никто посвятить не хочет?

– Да, и он сам тебе его скажет, – серьезно кивнула Ругалова. – Не злись, пожалуйста. Это все очень сложно, обещаю, после твоего разговора с ним, после сегодняшнего вечера, если у тебя останутся еще какие-то вопросы, я отвечу на все.

– Так уж и на все? – недоверчиво посмотрела я в ее большие светло-карие глаза на пол-лица.

– Абсолютно. Мамой клянусь, – торжественно подняла она ладонь.

– Ты правда едва не устроила драку на Первомайской?

– Да.

– И ты... не считаешь это странным?

– Я... – Ирка сцепила руки замком, уставившись на них. – Я понимаю, чему ты удивляешься. Если к завтрашнему утру ты не поймешь, я объясню.

– Сколько там будет человек?

– Вместе с нами девять, – чуть задумавшись, ответила Ирка. – И, пожалуйста, я тебя очень прошу, держи себя в руках, что бы кто из них тебе ни сказал. Постарайся не реагировать, это может быть опасно.

– Чем?

– Любой из них умеет постоять за себя, и постоять серьезно. Гораздо серьезнее, чем ты можешь себе представить.

– Ты специально отвечаешь так, чтобы мне становилось еще непонятнее?

– Прости, – уныло отозвалась Ругалова. – Мне жаль, что все так получается.

– А если я не пойду? Что тогда? Ты расскажешь мне все прямо здесь и сейчас?

– Нет. И ты пойдешь. Мы же обе знали это еще вчера, сразу после слов Варвары.

– Почему тебя не было сегодня?

– Я помогала Леше с одним делом. Ладно, время уже половина пятого, пора тебя собирать, – мигом переключилась Ирка, покосившись на шкаф с моей одеждой. – Давай показывай, в чем собираешься пойти.

Естественно, выбранные мной джинсы и водолазка без рукавов подверглись критике и отправились обратно на полку. К пяти часам Ирка откопала где-то в недрах моего гардероба черные теплые легинсы и синюю тунику чуть выше колена с широким горлом. Вешалку с ней она и продемонстрировала, когда я вернулась из ванной с полотенцем на голове.

– Почему у меня такое ощущение, что ты собираешь меня на свидание?

– Потому что это оно и есть, пусть и не совсем в этом смысле. Ты правда хочешь находиться в одной комнате с Варварой в обычных джинсах и той вязаной фигне, от которой по какой-то космической причине фанатеешь? – не отрываясь от раскопок в моей косметичке, спросила Ругалова.

– Это болеро, – буркнула я. – И ты в джинсах.

– Да. В черных и идеально на мне сидящих. – Она наклонилась за упавшей на ковер помадой, демонстрируя эту самую идеальную посадку.

– Может, хоть немного подготовишь меня к встрече?

– А я что сейчас делаю? – Ирка уже достала фен и две расчески, указывая мне на табуретку в коридоре.

– Ты меня поняла.

– Я уже сказала все, что можно. Не груби. Будь спокойна. И старайся даже не фантазировать на тему, кому и где ты хочешь обеспечить перелом.

– Почему ты так уверена, что я захочу причинить кому-то вред? Я что, настолько неадекватная? – возмутилась я.

– Я захотела убить Варвару и Сашу спустя пять минут после знакомства, – поделилась Ирка. – Я. Абсолютно не вспыльчивое и миролюбивое существо. А если подумать, как легко спровоцировать тебя... ты соберешься укокошить ПрахМир еще до первого тоста.

– ПрахМир? – не поняла я.

– Это сокращения от их фамилий. Варвара Прахова и Александра Миркова.

Чудненько.

– Значит, их фамилии ты мне сказать можешь, а этого Князя – нет?

– Они уже сами представились тебе вчера, а он – нет, – спокойно ответила Ругалова, глядя в глаза моему отражению. Не дав мне задать

следующий вопрос, Ирка включила фен и принялась за создание чего-то приемлемого из того непролазного кустарника, который я звала своими волосами.

– Что сказала маме? – спросила Ирка.

– Что иду к тебе в гости, – нехотя ответила я, на секунду представив, что могла бы провести этот вечер куда приятнее: на родном диване, в компании пакета воздушных зефирок, чая и за совместным с мамой просмотром ситкома.

Чем ближе подступало время встречи, тем туже завязывался узел в моем животе. Холодный, липкий и трясущийся, как застывший холодец. Мысли о еде совсем не помогали, только приманивали тошноту. И почему я так волнуюсь? Хуже, чем в ночь перед экзаменом. Почти как в коридоре у кабинета стоматолога. Вот же мерзкие ощущения!

– Ты в порядке?

Вопрос стал крохотной каплей масла, упавшей на раскаленную сковородку. Так что совсем неудивительно, что я тут же зашипела:

– Похоже? Ты хоть представляешь, каким идиотским, непонятным и раздражающим все это кажется со стороны?

– Представляю, – тихо ответила Ирка. – Видишь, о чем я говорила? Будь спокойнее и терпеливее. Если он пригласил тебя для того, что я думаю, он все тебе объяснит.

– Бесишь, – буркнула я.

Взглянув друг на друга, мы продержались совсем недолго, прежде чем прыснуть. Ирка расхохоталась, и моя злость свернула свое наступление до более удачного момента. Я просто не могла сердиться, когда она так весело смеялась, издавая все эти странные звуки, как будто одновременно давилась и икала.

– Прости, Агат, я знаю, каково это, и мне правда жаль, что все так получается, – отсмеявшись, признала Ругалова. – Ты готова, кстати говоря. Пойду позвоню Леше.

Прихватив табуретку, на которой я сидела, Ирка ушла на кухню, а я вернулась в зал, проверить, вся ли техника выключена. Не хватало еще пожар или замыкание устроить. У мамы был небольшой пунктик касательно розеток, так что я на всякий случай выключила все «пилоты» и вынула шнур зарядки. Слушать лекцию о безопасности и моей неготовности ко взрослой жизни совершенно не хотелось.

Не прислушиваясь к щебету Ругаловой, явно увлекшейся разговором со своим бойфрендом и то и дело посмеивающейся, я быстро проверила содержимое своей сумки, вынув из нее пенал и тетрадку. Когда мы снова столкнулись в прихожей, от недавней веселости не осталось и следа.

Неловкость и странное тревожное напряжение, засквозившее между нами сразу же после ее «Леша будет через пять минут, пора выходить», были близки к тотальным. Что-то внутри, интуиция, шестое чувство, мой внутренний ответчик, как это ни назови, подсказывало, что как раньше уже не будет. Сегодняшний вечер перевернет страницу, и мы либо окажемся в новой главе вместе, либо кто-то из нас останется сноской или примечанием для другой.

Мне не нравились эти мысли так, как только может не нравиться правда. Они горчили и покалывали где-то на кончике языка, прокатывались по горлу, а потом съезжали льдинками в живот, множа тревогу.

Оказавшись в темноте подъезда, Ирка чертыхнулась, пока я по привычке закрывала дверь на три поворота ключа.

— У вас опять лампа перегорела, — выдала она очевидное, чтобы как-то всколыхнуть эту загустевшую между нами тишину.

— Скорее всего, снова, — пробормотала я. — Только в выходной меняли. Наверное, пора вызывать электрика.

— Да уж, пора.

Мы перебрасывались ничего не значащими словами, как мячиком, и мне внезапно захотелось остаться на лестничной клетке и не выходить из подъезда. Просто стоять в темноте и вот так отбивать каждую ответную реплику собственной через сетку непонимания.

Резко остановившись, Ругалова повернулась ко мне и глубоко вздохнула, как будто готовилась к прыжку в воду с большой высоты.

— Хочешь сказать, что если я сейчас повернусь и зайду обратно в квартиру, то не вляпаюсь? — опередила я, на самом деле все это время ожидая ее попыток отговорить меня от встречи с ее новыми знакомыми.

— Нет, но только потому, что ты уже вляпалась, — покачала головой подруга.

— Из-за того, что меня пригласил этот ваш Князь?

— Достаточно того, что он тебя заметил. И он не наш. — Ирка снова вздохнула, нервно трясая головой и поправляя шапку. — Можешь сделать мне одно одолжение? Если он тебе что-то скажет, предложит, сделает, возьми паузу и обдумай как следует. Мне повезло, но я сильно сомневаюсь, что у тебя все пройдет так же.

— Звучит так, словно ты настраиваешь меня на деловые переговоры.

Невесело усмехнувшись, Ирка первой вышла из подъезда. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ней в компании своего любопытства, волнения и готовности вляпаться еще сильнее.

Глава 4

Когда Ира говорила, что ее Леша программист и у него есть своя машина, я представляла себе ботаника, опирающегося на «Жигули». Поэтому у остановки, глядя, как Ругалова уверенно направляется к синей иномарке, немного растерялась. Когда же открылась дверца со стороны водителя и из нее вышел высокий привлекательный парень, на ходу убирая со лба светлые пряди волос, для меня все окончательно запуталось. Впрочем, отчего Ирка потеряла голову, совершенно ясно, но... Вид Леши никак не вязался со словом «сектант», а ведь это моя ведущая версия!

– Добрый вечер, ты Агата, верно? – тепло улыбнулся мне парень, приобнимая Ругалову и успевая чмокнуть ее в макушку. Даже не видя лица подруги, спрятавшегося на его груди, я заподозрила, что она вот-вот лопнет от радости, вызванной его присутствием. – Я – Алексей Березин.

– Добрый вечер, – скомканно поздоровалась я, снимая перчатку, чтобы пожать протянутую руку. – Да, я Агата. Агата Вольская.

– Приятно наконец-то с тобой познакомиться. – Леша посмотрел мне в глаза, и я повторно поняла, с какой скоростью и в каком направлении утекли Иркины мозги. Кроме неплохого телосложения, густой шапки русых волос и обворожительной, располагающей к себе улыбки, Березину неизвестно за какие заслуги достались голубые глаза, напоминающие одновременно летнее безоблачное небо и лазурь.

– Наконец-то? – удивленно переспросила я, покосившись на Ирку.

– Ира много рассказывала о своей лучшей подруге, – пожал плечами Алексей. – Ладно, девчонки, занимайте места согласно купленным билетам, и погнали.

В детстве я очень сильно хотела себе попугая, как у капитана пиратов. Красноголового ару с голубыми крыльями, похожего на Яго из «Аладдина» и, само собой, говорящего так же бегло, как мультяшка – приспешник Джафара. Детство прошло, а мечта осталась. Только теперь попугай нужен был не для хвастовства и притворства первой женщиной-корсаром, а чтобы в соответствующий момент, посмотрев на плечо, было кому сказать: «Нет, ты это слышал?»

Залезая на заднее сиденье машины, я мысленно разговаривала с пернатым плодом воображения. Значит, своему парню Ругалова про меня много рассказывала. Встречи он с нетерпением ждал. Что ж, мы явно были не на равных, потому как мне приходилось добывать каждую крупицу информации чуть ли не с боем и угрозами пыток.

Хлопнув дверцей с непривычки, я тут же услышала их едва ли не супружеское:

– Нежнее!

– Извините, – пробормотала я, чувствуя какую-то мелкую досаду от этого маленького казуса. Скорее всего, дело в неуютном положении третьей лишней. Оказавшись в этой машине наедине с Ирккой и ее парнем, я как будто вошла в их личную жизнь без приглашения, не вытерев ноги о коврик на пороге как следует.

– Нечасто катаешься? – поинтересовался Леша, встраиваясь в цепочку машин, тянущуюся к светофору.

– Реже чем раз в год, – честно ответила я. – Да и в принципе не особо часто пользуюсь любым транспортом.

– Агата предпочитает пешие прогулки, – добавила Ругалова, хозяйничая с кнопками радио.

– Полезно для здоровья, – кивнул парень.

– И для семейного бюджета, – хмыкнула я, смутно припомнив разговор одноклассников об очередном подорожании городского проезда.

– Да не переживай ты так, – обернулся на меня Леша, когда мы встали на светофоре. – Все будет хорошо.

– Все было бы хорошо, если бы с Агатой хотели встретиться только ты и Катя, – пробурчала Ирка, и я наострила уши. – А ей не повезло напороться на Варвару и Сашу в парке.

– Не только на них, – уточнила я, не упустив из виду, как старательно Ругалова ушла от упоминаний о сероглазом парне.

– Вот именно, – поддакнула Ирка.

– А почему не повезло? – И это была моя десятая, юбилейная попытка понять, что, черт возьми, все это значит.

– Не обращай внимания, – подмигнул Березин в зеркало заднего вида. – Ира, как ты знаешь, склонна преувеличивать.

Это точно. Один раз она переела апельсинов, на лице выступило раздражение, но Ругалова решила, что это смертельная болезнь. К

тому моменту, как я прибежала к ней, Ирка уже читала про рак кожи и причитала, что жить ей осталось недолго.

– Ну конечно. Преувеличивать, – фыркнула подруга. – Как будто ты сам не напрягся, когда узнал об этом.

– Ты прекрасно знаешь, что причины нашего с тобой напряжения в этой ситуации абсолютно разные.

– Я, конечно, извиняюсь, но, может быть, вы прекратите разговаривать так, как будто меня здесь нет?

– Прости, – снова мельком оглянувшись на меня Леша, улыбнувшись.

Он был абсолютно спокоен. Настолько спокоен, что становилось завидно. Хотя чего ему-то беспокоиться? Это же не его везут непонятно куда, непонятно к кому и непонятно зачем.

– Кстати, а куда мы едем?

Пока что мы выезжали на Советскую, и, судя по повороту налево, нам нужно было или на Красноармейский проспект, или вообще в район Заречья, который я совсем не знала.

– На Луначарского.

Похоже, Леша был единственным, кто конкретно отвечал на мои вопросы. В свете этого обстоятельства Березин нравился мне все больше и больше. И он действительно не походил на кого-то, кто мог тусоваться с троицей из парка. Ни мрачных усмешек, ни готических веяний. С виду обычный привлекательный парень. Интересно, как он попал в эту компанию и зачем притащил в нее Ирку.

– Это... в Заречье, да?

– Ага.

Я попыталась представить, что это за улица, но получалось что-то смутное и серое. Что поделать, мы с Ругаловой – девочки из центра. Хотя благодаря месторасположению своей школы и бывшей маминой работы я также неплохо знала Красноармейский проспект и все улицы, связывающие его с проспектом Ленина. У меня было множество маршрутов для пеших прогулок, когда надоедало нарезать круги по парку.

Мы проехали большой универмаг, пересечение трамвайных путей и застряли в пробке.

– Ехать пятнадцать минут, как же, – хмыкнула Ирка, когда мы простояли минуты три, продвинувшись самое большое на метр. – В

час пик, на зареченском мосту.

– Ты сегодня раздражена, осторожно, – отметил Леша, спустив с языка еще одну тайну для меня. Почему он ее предупреждает? И на что намекает?

Пока я приплюсовывала еще пару-тройку вопросов к своему и без того солидному списку, Березин достал из бардачка сочное зеленое яблоко и протянул его Ругаловой.

– Подкуп? – поинтересовалась подруга, накрывая рукой яблоко в его ладони.

– Я бы сказал, что это выкуп твоего хорошего настроения, – улыбнулся он.

Нужно было спросить адрес и идти самой. Всяко лучше, чем находиться в замкнутом пространстве с двумя влюбленными. Отвернувшись к окну, я услышала хруст, с каким Ирка откусила яблоко, и в животе все перевернулось.

Волнение и напряжение, которые я так старательно игнорировала с момента начала сборов, вернулись с удвоенной силой. Состояние походило на утреннее перед важным экзаменом. Информации в голове много, но вся перепуталась, живот подводит, и руки холодеют и покрываются липким потом. Кажется, я сама довела себя до этого каким-то особенным ожиданием.

Любая нормальная девушка восприняла бы эту поездку как случай познакомиться с новыми людьми, увидеть компанию своей подруги, возможно, даже завязать дружеские отношения. Если брать в расчет, что еду я по приглашению симпатичного парня, который почему-то заинтересовался мной, то можно докрутить это до планки «свидание».

Ну да, любая нормальная. Я не считала себя такой. И компания, в которой я вот-вот окажусь, вряд ли характеризовала себя этим словом. Того, что я уже увидела и услышала, было достаточно, чтобы считать ее специфической. Может, с сектантами я и загнула, но впереди ждет точно не обычная вечеринка студентов.

Потихоньку, как синяя железная черепаха, мы вползли на мост. Повернув голову налево, я увидела Музей оружия. Куполообразное здание со шпилем напоминало шлем богатыря. Впрочем, так, наверное, и было задумано. Огни города превращали его во что-то мистически-прекрасное. По мне, ночью, в свете фонарей и неоновых

вывесок, любой город – это что-то таинственное, пустынное и завораживающее.

Мы проехали мост и развилку, ведущую, как я знала, в Пролетарский район, к еще одному мосту, параллельному зареченскому, и на этом мои географические познания иссякли.

– Ира сказала, ты – программист. Работаешь на себя или в какой-то компании? – спросила я, просто чтобы отвлечься от напряжения, обосновавшегося в моем животе, как медведь в берлоге на зиму. «Опиум для никого» «Агаты Кристи» фоном по радио никак этому не способствовал, пусть я и поймала себя на мысленном подпевании хиту 90-х.

Секунда, и спереди послышался смешок, переросший в полноценный смех. Смеялся Березин так же приятно, как и улыбался. Я почти улыбнулась в ответ, но сдержало непонимание причины веселья.

– Ты сказала Агате, что я программист? Серьезно? Я? – все еще посмеиваясь, обратился Леша к Ругаловой. – Что случилось с твоей фантазией?

– Она застала меня врасплох! – отбрыкнулась Ирка, и мои руки зачесались от желания придушить ее прямо на этом месте.

– Агат, я никоим образом не отношусь к программированию, – пояснил мне Березин. – У меня совершенно другая работа, какая, думаю, поймешь позже.

Минус балл ему за скрытность в моем рейтинге. Очередной вопрос: в чем еще мне наврала Ругалова? Ей-богу, говорящая фамилия у человека, а? Так и напрашивается на ругательства!

– Агат... – вот точно почуяла недоброе, судя по жалостливому голосу.

– Кушай яблоко, Ир, не подавись, – буркнула я. – Мы с тобой позже поговорим.

Березин фыркнул от смеха, поворачивая руль, и я внезапно поняла, что мы уже пробираемся по дворам среди пятиэтажек. Леша аккуратно припарковался между белым «Мерседесом» и коричневой «Маздой», напротив самой дальней от въезда пятиэтажки.

– Прибыли, – хмыкнул парень, вынимая ключ из зажигания.

Вот черт. Мой «медведь» в животе заворочался, побуждая пуститься наутек. Я дернула за ручку, плавно становясь на покрытый

льдом асфальт. «Нежнее» хлопнув дверцей, не собираясь снова попадать под осуждение хозяина машины, отошла на пару шагов, дожидаясь, пока из нее выберутся мои компаньоны.

– Какой подъезд?

– Третий.

Леша поставил свою иномарку на сигнализацию, перехватил в руке с виду тяжелую спортивную сумку и быстро оказался возле нас.

– Ребята просили подвезти кое-что из еды, – пояснил он, снова дернув сумкой, и я отчетливо услышала звон бутылок. – И не только из еды, – хмыкнул Березин, правильно расшифровав мой взгляд.

Черная железная дверь с домофоном выглядела как сотни других, да и внутри подъезд отличался от моего родного разве что горячей лампочкой и желтыми почтовыми ящиками. Даже гадкого о нем нечего было сказать: ни запаха кошачьего туалета, ни бутылок на подоконниках, ни расписанных стен. Что примечательно, внутрь нас пустили, не спросив «кто там?».

Конечно, друзья Иры и Леша нас ждали и вряд ли не догадывались, что мы на подходе, но все же... Моя паранойя, например, всегда заставляет интересоваться, кто ломится в подъезд. Практика показывала, что это может быть кто угодно: от почтальонов и разносчиков листовок до свидетелей Иеговы.

– Нам на пятый, – пояснила Ирка.

– Супер, – оценила я, на ходу расстегивая пуховик.

– А то, – пропыхтел Леша, и я снова услышала звяканье бутылок в сумке.

Мы были на четвертом, когда сверху раздалось угрожающее шипение. Подняв голову, я, конечно же, наткнулась на рыжую кошачью морду, просунувшуюся между перилами на пятом. Отлично. Как раз одного из представителей ненавидящей меня армии кошачьих сейчас и не хватало.

– Как всегда, – покачала головой Ирка. – Значит, ПрахМир уже прибыл.

– С чего ты взяла?

– Это Тимка, – кивнула Ругалова на котяру, вздыбившего на меня шерсть. – И он фанат Саши.

– Я бы сказал: глава ее фан-клуба, – добавил Алексей. – Сколько мы здесь ни собираемся, он всегда чувствует, когда Сашка приходит,

просится у хозяев со второго на волю и караулит тут, пока она не выйдет и не почешет ему брюхо.

– Очаровательно, – оценила я, припоминая пантеру на куртке девушки. Кошатница с собачницей в одной комнате. Делайте ваши ставки, господа.

– На тебя все кошки шипят? – спросил Березин.

– Угу. Всю жизнь, – пробормотала я, глядя, как Ирка поднимает кота на руки и отходит дальше на лестничную площадку.

– Понятно, стучи. – Он кивнул мне на первую серую железную дверь.

– Звонок не работает?

– Свои – стучат, – хмыкнул Леша, и я пару раз стукнула кулаком в перчатке по двери, слыша за спиной, как Ругалова отпускает кота и шикает на него.

Два щелчка поворота замка, и передо мной предстал... двухметровый крепыш. Seriously, он занимал собой все пространство, мне даже захотелось отступить и по-детски спрятаться за Лешу от такой мощи. Широкоплечий, мускулистый, с коротким то ли рыжим, то ли каштановым ежиком волос и крупными чертами лица. Осмотрев меня с ног до головы, гигант улыбнулся, и сразу стало легче дышать. Как будто несущееся на берег цунами внезапно, в паре метров от него, распалось на безобидные волны.

– Привет, – сочным басом поздоровался парень, кивнув нашей троице. – Что, Лёх, с ног валишься от такой тяжести?

– Очень смешно, – проворчал Березин. – Твои аппетиты когда-нибудь аукнутся мне грыжей. Либо кончай столько есть, либо переезжай на первый этаж, здоровяк.

– Не, ну тут же не все на меня! – возмутился качок. – И я ем нормально для своего веса и строения! Давайте заходите!

Строение у него и правда было что надо. Белая майка (явно парадная) обтягивала мускулистый торс, а шорты цвета хаки открывали накачанные икры. Парень точно не вылезал из тренажерного зала и напоминал скорее богатыря, чем члена компании неформалов, которых мне описывала Самойлова. Более того, оказавшись в небольшой прихожей, я разглядела, во что он обут, и едва не поперхнулась от смеха. Плюшевые коричневые тапки с медвежьими мордами, ну надо же!

– Нравятся? – усмехнувшись, он покрутил стопой, с легкостью удерживая в руке сумку, переданную ему Березиным.

– Безумно, – хихикнула я, стягивая пуховик и укладывая его поверх Иркиной куртки на софу вместе со своей сумкой.

– Я, кстати, Миша, – он протянул мне руку.

– Агата, – пожала я его широкую теплую ладонь.

– А фамилию мою угадаешь?

– Наверное, даже пытаться не буду, – пожала я плечами.

– Правильно, – фыркнул Леша, разуваясь. – Она настолько очевидна, что это и в голову не придет.

– Потапов я, – еще шире улыбнулся он, и я увидела острые резцы его верхних зубов.

– Родители с чувством юмора?

– Не без этого.

– Сочувствую. В детстве, наверное, дразнили?

– Почему это только в детстве? – вклинился Леша. – Ир, давай!

– Мишка косолапый по лесу идет... – весело начала Ругалова.

– Шишки собирает, песенки поет... – подхватил Березин.

– Да-да, смейтесь, обладатели хрупких косточек, – пробурчал Миша, и мне тут же захотелось погладить его по голове и вручить конфету, чтобы не расстраивался.

– Кто там моего Мишу обижает? – В коридор, видимо из кухни, вышла миниатюрная стройная девушка с толстенной русой косой, переброшенной через плечо.

За такие волосы можно продать душу, без шуток. Цвет спелой пшеницы, никакой краски, я была в этом уверена. И глаза, конечно же, синие, как озера, а губы пухлые и розовые. Такую красоту не портил даже узкий, чуть заостренный книзу нос.

Когда она остановилась рядом с Мишей, у меня в голове словно открылась книга русских сказок, настолько они походили на богатыря и красну девицу, провожающую суженого-ряженого. Образ не разрушали даже тапки Потапова и синий фартук в розовый цветочек на девушке поверх домашних тренировочных брюк и футболки.

– Твоего Мишу только пустой холодильник обидит, – хохотнул Леша. – Всем остальным он даст сдачи с процентами.

– Рассказывайте мне тут, – скептически приподняла бровь хозяйка квартиры, как я теперь поняла. Значит, зовут ее... – Привет, добро

пожаловать, – улыбнулась мне девушка. – Я – Катя.

– Очень приятно, Агата, – не смогла не улыбнуться я в ответ, пожимая и ее ладошку тоже.

Она посмотрела на меня так же внимательно, как и ее парень до этого, но вместо того, чтобы почувствовать себя неуютно от такого явного изучения, я ощутила спокойствие. Катя виделась мне не менее позитивной, чем Леша. Не знаю, как объяснить, но они были чем-то похожи, не только внешне, но и... взглядами?

– Вы брат и сестра?

– Нет, но то, что ты почувствовала нашу схожесть, очень хорошо, – отметила Катя.

– Смотря для кого, – едко вмешалась Ира.

– Ир, – предостерегающе прервал ее Березин, впервые отступая от своего улыбчивого амплуа. – Мы уже говорили на эту тему.

– Проходите в зал, остальные уже здесь, ужин минут через двадцать, – разрядила обстановку Катя, прежде чем я обернулась посмотреть на парочку и оценить происходящее. – Миш, тащи сумку на кухню.

Катя и Миша ушли на кухню, Березин уверенно открыл двустворчатые двери перед нами и первым шагнул в зал, сразу же ступая на узорчатый шерстяной ковер. Я оглянулась на Ирку. Подруга закатила глаза и недовольно трясла головой, точно несогласная с Лешей, что бы он там ни имел в виду. Поймав мой взгляд, она указала вперед, и, проследив, куда Ругалова советовала мне посмотреть, я увидела еще одну незнакомку.

В центре комнаты, на одном из кресел, сидела самая необычная девушка из всех, кого я когда-либо встречала. Для начала, она была одета в черные легинсы, белую рубашку, сиреневую жилетку и самый настоящий сюртук чернильного цвета. Довершали этот ансамбль розовый шелковый шарф, повязанный на манер галстука и заколотый булавкой с розовым камнем, черная шляпа-котелок, висевшая на уголке кресла над ее плечом, и... трость с круглым набалдашником, на котором и лежала ее рука. Однако выделяло ее даже не это, одежду, в конце концов, легко сменить при случае.

У нее были глаза разного цвета. Один голубой, а второй желто-карий, ближе к золотому. Кажется, мы когда-то проходили это на биологии в школе... Гетерохромия, точно! В сочетании с абсолютно

белыми волосами эта особенность выглядела донельзя экзотичной, но и это было не все.

Аккуратный носик, чуть вздернутый кверху, сверкал сережкой пирсинга с правой стороны, а губы, накрашенные помадой какого-то темно-фиолетового оттенка, вроде баклажана или сливы, выделялись на лице особенно ярко. Как будто она намеренно подчеркнула каждую черту лица, чтобы нельзя было собрать эту яркую мозаику воедино, то и дело переключаясь с одной ее части на другую.

Сопоставив все это, я поняла, что девушка напоминает мне одновременно кота Базилио и дочь Безумного Шляпника, если бы она когда-нибудь у него была. Вот уж непонятно, кому в этой квартире удивляться больше: Кате, выглядевшей абсолютно нормально, или этой особе, одним своим видом выходившей за границы обыденности.

– Привет, – кивнула она мне, склонив голову набок. – Заходи, не бойся. Тут не все кусаются.

Пока голубой глаз смотрел на меня, желто-карий скосился на другую сторону комнаты, не просматривающуюся с моего места. По приветствиям Леша стало ясно, что именно там сидят Варвара и Александра.

– Привет. Я и не боюсь, – расправив плечи, я наконец-то зашла в зал, мельком оценивая обстановку.

Комната была поделена на две зоны. Два угловых дивана впритык, накрытый стол между ними, кресло, занимаемое незнакомкой, торшер и настенные светильники создавали одну, где проходили трапезы и какие-нибудь официальные встречи, как мне казалось. Вторая виделась более уютной: разбросанные на полу подушки, три кресла-мешка, книжный шкаф, многосекционная стенка с матовыми дверцами, в центре нее плоский телевизор на стене, куча различных безделушек, ноутбук на тумбочке и чертова уйма растений, названий которых я не знала. Светло, уютно, классное сочетание цветов, все вокруг говорило о профессиональной работе дизайнера. И, конечно же, ни одного намека на сатанизм как еще одно доказательство моей глупости.

За моей спиной Ирка прошла к Леше, уже устроившемуся на диване напротив Варвары и Саши. Обе выглядели с иголочки, холено, и чувствовали себя не просто в своей тарелке, а в самом ее центре, не иначе. Я же, продолжая аналогию, смотрела на эту самую тарелку с края треснутого стакана.

– По-моему, ты ожидала увидеть что-то другое, – снова заговорила незнакомка. – Красно-черный – это стиль Праховой.

– А бело-фиолетовый – твой, – среагировала Варвара, прежде чем отпить красного вина из фужера. Ее пальцы были едва ли не тоньше изящной ножки бокала. Каждое наблюдение за вампиршей наносило непоправимый вред моей самооценке. Пора к психологу.

– Меня зовут Анастасия Захарова, – не обратила никакого внимания на Варвару девушка, тем самым вызвав у меня симпатию. Странно, но первое, что мне пришло в голову, так это вывод о трех «а» в ее имени. Не только в имени. Фамилия тоже попадала под троекратное «а». Итого шесть одинаковых гласных, а может быть, и больше, если подумать об отчестве. Это действительно что-то значит? Голос интуиции твердо высказал свое «да».

– Агата Вольская, – представилась я в очередной раз за этот вечер.

– Тебе подходит, – чуть улыбнулась Захарова. – Однако мы тебя задерживаем, ты уже должна быть в другом месте, – перехватив свою трость, она легко подцепила со спинки дивана вязаную шаль и протянула мне. – Лоджия.

Потрясающе. Дальше мне предложат выбрать красную или синюю таблетку и я узнаю, что всю свою жизнь спала?

Стянув с трости Насти коричневую шаль, я под взглядами присутствующих направилась к двери на лоджию, отгороженную от меня темно-зеленой узорчатой шторой и белоснежным тюлем. Отодвинув ткань, потянула пластиковую ручку двери и наконец-то оказалась на финишной прямой своего недолгого путешествия.

Думаю, в теплое время года я вообще бы не покидала это место. Никаких санок, лыж, мешков, ящиков с банками, старых шин и еще какого-либо хлама, обычно убирающегося с глаз долой, чтобы не мешался. Скорее напоминало комнату отдыха. Маленький диванчик со сложенным клетчатым пледом, столик-поднос, скамеечка для ног, циновка... Из-за поднятых рулонных штор и света уличных фонарей, дотягивающегося до пятого этажа, не требовалось включать светильник, хотя он тут имелся.

Комфортная обстановка и спокойствие полумрака отступили на второй план, едва ко мне от приоткрытого окна обернулся сероглазый парень. Поправляя рукав своего толстого свитера и засучивая его до локтя, он отступил на шаг:

– Салют.

Серьезно? Так еще кто-то здоровается? Не успела я высказать это вслух, как далеко в небе, со стороны моста, который мы недавно проезжали, засверкали разноцветные огни фейерверка. Красный, золотой, фиолетовый...

– Свадьба? – недоверчиво спросила я, подходя ближе в ответ на приглашающий жест парня.

Мы стояли почти бок о бок, наблюдая за фейерверком, и мой поиск ответов остановился на паузе. Волнение и напряжение, скрутившие живот в зале, под взглядами девушек с тремя «а», присмирели и отступили, позволив насладиться зрелищем.

– День рождения, – поправил парень.

Повернув голову, я наткнулась на спокойствие и безмятежность его взгляда. В серых глазах отражались фиолетовые и зеленые вспышки, но они не смогли спрятать его заинтересованности. Не похоже на беспардонное любопытство или изучение, как под микроскопом. Больше напоминает тот особый интерес, возникающий при просмотре фильма или чтении книги, когда герои уже известны, а догадок о финале ни одной.

– Кто-то из твоих знакомых празднует? – нахмурилась я, стараясь понять, откуда растут ноги у его уверенности.

– Нет. Просто знаю.

Простотой здесь и не пахло.

Еще одна россыпь золотых звезд украсила небо, и, когда они погасли, стало ясно, что это был последний залп. Может, в небе представление и закончилось, но взгляд сероглазого Князя подсказывал, что на этой лоджии оно только начинается. И, похоже, у меня одна из главных ролей.

Глава 5

Если бы неделю назад кто-нибудь сказал мне, что я буду находиться в узком замкнутом пространстве с самым привлекательным и одновременно опасным на вид парнем из всех, кого я когда-либо встречала, я посоветовала бы фантазеру больше спать и меньше смотреть сериалов. Однако вот она я, в тесноте уютной лоджии, наедине с тем, кого все величают Князем, и в полной готовности начать свой допрос.

Ладно, с полной готовностью я загнула. Пристальный взгляд незнакомца рассеивал мое желание перейти в наступление, парализуя. Парень вроде бы не старался взять инициативу в свои руки, ничего не говорил и не делал, вот только пространство вокруг нас буквально гудело осознанием, что я нахожусь здесь и сейчас только потому, что он так захотел. Мощное давление при абсолютном спокойствии с его стороны. Как ни подступайся, все равно чувствую себя в невыгодном положении. Раздражает.

– Почему ты хотел меня увидеть?

– Потому что ты хотела увидеть меня, – улыбнулся он краешком рта. – Но сейчас не об этом. Начнем с самого начала.

Не старается взять инициативу в свои руки, да? Когда-нибудь мне придется научиться не торопиться с выводами.

– С начала? – непонимающе переспросила я, чувствуя себя глупым зверьком, пригревшимся на солнцепеке и не заметившим, когда к нему подкрался хищник.

– С твоих вопросов, – парень указал мне на диванчик, сам опускаясь на его левую сторону. – У тебя их много.

– Только что еще парочка прибавилась, – пробурчала я, сев с другого края и нервно потянув шаль за концы.

– Любишь поворчать?

В яблочко.

– Ты вроде бы сказал, что время моих вопросов. Как тебя зовут?

– Влад.

– Цепеш? – не сдержалась я. Окажись это правдой, я бы даже не удивилась. Засмеялась бы, конечно, но уже по другой причине.

Истерической.

– Если бы ты знала, сколько раз я слышал эту шутку, – покачал головой Влад. – Фамилия у меня вполне обычная. Яблонев.

Очень даже... мило. Недостаточно, чтобы разрушить витавшую здесь атмосферу мрачной сказки, опутанной тайной, но какой-то проблеск нормальности на горизонте обозначился.

– А я...

– Агата, – избавил он меня от участи в пятый раз представляться. – У тебя очень красивое и редкое имя.

В его произношении оно и впрямь прозвучало красиво. То ли дело в самом низком голосе парня, то ли в ударениях, то ли в дикции, но едва ли не впервые за всю жизнь мне понравилось, как кто-то меня назвал. Тревожный звонок.

– Спасибо, – смутилась я, не зная, как реагировать на этот комплимент, да и на комплименты в принципе. Мне всегда казалось, что люди говорят хорошее, только когда им что-то нужно получить взамен, и единственное исключение из этого правила – мама. – Только фамилия у меня не такая простая и фруктовая. Вольская.

– Действительно непростая, – согласился Влад. – Вполне сочетается с тем, что я вижу.

– В парке... Как ты понял, где Джамбо? – ринулась я напролом, устав от этого кружения по границам этикета, очерченным никому не интересными условностями и ненужными комплиментами. Мне требовались ответы.

– Увидел.

– То есть ты увидел, что собака зацепилась поводком за дерево, могла удушиться, и просто прошел мимо, спеша на встречу с подружками?

Если сейчас прозвучит «да», я просто встану, выйду, покину эту теплую квартиру с ее странными обитателями, смахивающими на сказочных персонажей, и пусть Ругалова завтра сама объясняет, как ее затащило во все «это» и что конкретно оно означает.

– Пока ты не спросила, я даже не знал о существовании этой собаки и что с ней происходит в данную минуту. Хорошо, – видя непонимание в моих глазах, Влад поставил локти на колени и сплел пальцы в замок. – Представь, что пространство вокруг нас – это спокойное озеро. Если бросить в озеро камень, то кроме всплеска о его

присутствии так же сообщат пошедшие по воде круги. Каждый живой объект, не важно, человек, птица или животное, – это плоский камень, прыгающий по поверхности. Перемещаясь в пространстве, он оставляет за собой колебания, круги, которые чувствуют или видят такие, как я. Эти колебания сообщают нам очень многое: от настроения их владельца до чего-то более сокровенного. Чем ближе объект, тем больше информации.

– Такие, как ты? – только и спросила я, стараясь переварить, что он только что мне наплел.

– В обобщенном смысле мы предпочитаем термин: практикующие. В более узком у каждого своя специализация.

– Стоп, – встряхнула я головой, еще больше закутываясь в шаль. – Ты так и не ответил, как нашел собаку. Что значит «увидел, когда я подбежала»?

– Скептицизм тебе не поможет, только время потратим. Лучше сразу от него отказаться, – посоветовал Влад, усмехнувшись. – Когда ты подошла к нам, я знал, что ты ищешь чью-то собаку, еще до того, как ты о ней заговорила. Очевидно, она пробежала мимо тебя достаточно близко, чтобы оставить свой след поверх твоего. Как чирканье ботинка по паркету. Мне оставалось только считать его, уловить, где находится источник, сосредоточиться на более четкой картинке и передать тебе результат поиска.

Я моргнула несколько раз, прежде чем поняла, что это не шутка, а вполне серьезный ответ на вопрос. Влад считал информацию, получил картинку и передал это мне. А взял он все это из пространства, заполненного моими колебаниями со следами колебаний Джамбо. Ну да, конечно.

– Это же... бред.

– Разве ты не нашла пса там, где я сказал?

– Нашла.

Его красноречивый взгляд был более чем выразительным, однако он решил подкрепить его насмешкой:

– Есть более... нормальное объяснение?

Я почувствовала себя совсем как в восемь лет, когда мама не верила, что дворняга во дворе бабушкиного дома сама заступилась за меня перед местными мальчишками. Они загнали меня к забору, между самодельными футбольными воротами и липой, крича разные

обидные слова, и, прежде чем я кинулась на них с кулаками, вмешался Сухарик. Без каких-либо просьб с моей стороны он втиснулся между нами и оскалился на забияк, вздыбив шерсть, после чего проводил до самого подъезда. Мама посчитала это выдумкой.

Сейчас по ощущениям та же ситуация, только участвует в ней реальный фантазер. Или псих. Почему в школе нам не объясняют, как правильно строить беседу с такими людьми, если уж не повезло в ней увязнуть? Вот как не заблудиться в лесу или вести себя, оказавшись в заложниках у террориста – пожалуйста, а как пообщаться с ненормальным и остаться в здравом уме и трезвой памяти – нет. Между прочим, вторые встречаются гораздо чаще, чем первые.

– Ты мог поймать собаку, привязать ее, а потом прийти к скамейке, где тебя ждали твои друзья.

– И это твоя правдоподобная версия? – хмыкнул Яблонев. – Конечно. Я, незнакомец с садистскими наклонностями, умудрился поймать собаку за поводок, да еще и так, чтобы она меня не укусила, сволок ее с аллеи, обмотал привязь вокруг ветки, а потом, вспомнив о более важных делах, отправился на встречу с Варей и Сашей. И все это за сколько? Пять минут? Десять? Черт с ней, с логикой и побудительной причиной, ты меня мало знаешь, чтобы понять, что я такого никогда бы не сделал, но как насчет времени?

Саркастическая подача только усиливала идиотизм прозвучавшего варианта развития событий. Если Влад и правда поймал Джамбо, то я бы увидела его на одной из аллей, или заметили бы хозяева, также искавшие своего питомца. Не успел бы он за то короткое время, что мы искали пса, пройти полпарка и выглядеть таким спокойным и ничуть не запыхавшимся. Яблонев разнес меня в пух и прах.

– Согласна, звучит не очень, – кисло признала я. – Но твоя версия...

– Странно, что ты в нее не веришь, – перебил Влад. – Думаю, к этому моменту, с нашей первой встречи, с тобой уже должно было случиться что-то из ряда вон, что-то, чему нет объяснения.

– При чем здесь наша первая... Так, – я замотала головой. – Что-то из ряда вон происходит со мной прямо сейчас. Я в незнакомой квартире, среди людей, большинство из которых вижу впервые в жизни и в чьей нормальности, мягко говоря, сомневаюсь. Оказалась я здесь не по приглашению своей лучшей подруги, к слову,

изменившейся за последний месяц настолько, что временами я не узнаю в ней близкого мне человека, а благодаря парню, вот уже которую минуту на полном серьезе втирающему мне что-то о пространстве и колебаниях!..

Я заткнулась, прервав свой монолог, выбросивший флаг истерики, потому что каким-то неуловимым движением рука Влада оказалась перед моим лицом, и он... щелкнул пальцами. Сухой и звонкий щелчок как будто пробрался в самую голову, заставив всех тараканов, царивших в ней, встать по стойке «смирно» и ожидать дальнейших приказаний.

– Выдохни, – посоветовал Яблонев. – Я не думал, что ты настолько боишься. Возможно, следовало сразу перейти к практической части, а потом уже рассказывать теорию.

– По-твоему, я тебя боюсь?

– Пока нет. Сейчас ты больше занята самообманом. – Влад поднял палец, властным жестом велел мне помолчать. Судя по тому, как легко и плавно это у него вышло, такой способ затыкать собеседника у сероглазого в ходу. – Видишь ли, сейчас, в этой квартире, в принципе нет нормальных людей в общем понимании этого слова, хотя я бы с этим поспорил, учитывая явную относительность данного понятия.

– Хочешь сказать, я тоже ненормальная? – напряглась я.

– Давай включим логику. Если ты считаешь, что ненормальны мы все, – он качнул головой в сторону двери, – то для нас ненормальная ты. На самом деле ты такая же, как мы, только отрицаешь это, подсознательно боясь перемен в жизни. Твоя подруга чуть-чуть изменила свое поведение, став тебе непривычной, а ты уже забила тревогу и даже пришла сюда, чтобы убедиться, что она не попала в секту. Я прав?

Откуда он узнал об этом?

– Конечно же, я прав, – подтвердил сам себе Влад.

– Говоря, что я такая же, как вы... ты имеешь в виду, что... я... тоже могу видеть эти колебания? Что я экстрасенс?

– Выкинь это слово из своего лексикона, оно слишком плоское и скорее сбивает с толку, чем действительно характеризует практикующих, – велел Яблонев, поднимаясь и доставая из кармана джинсов пачку сигарет и зажигалку. Открыв окно, он поставил ранее не замеченную мной жестяную банку в качестве распорки и

прикурил. – Я бы посоветовал тебе включить обогреватель, стоящий вон там, – он указал на длинный допотопный железный обогреватель, притаившийся за циновкой, – и поставить себе под ноги, но тебе это не требуется, потому что моменты, когда тебе было реально холодно, можно пересчитать по пальцам. У тебя повышенная температура тела, сильно сомневаюсь, что ты когда-нибудь болела, – он затаился и обернулся на меня. – Обостренные чувства восприятия, особенно обоняние, а быстрота реакции выходит за рамки обычного. Предполагаю, ты большой любитель мяса, активного отдыха на природе и занятий спортом, будь то бег или игры с мячом. Однако, когда этого не требуется, всему предпочитаешь сон. Определенно, ты агрессивна и не чураешься методов физической расправы, что лично я считаю плюсом к твоему инстинкту самосохранения. Разумеется, интуиция также должна иметь место быть, и достаточно сильная, раз ты пришла сегодня сюда, передавив все опасения и сомнения.

Наверное, у меня немного приоткрылся рот за то время, что я слушала его непонятно на чем основанные выводы о себе. И все верные. Ни одного промаха. Влад словно знал меня всю жизнь, и это раздражало. Откуда он узнал про мясо, про отсутствие болезней, про обоняние и как я предпочитаю проводить свободное время, если даже Ирка не знала всего из этого списка моих особенностей?

– Смотри-ка, ты пока пятишься назад, но готовность вцепиться мне в глотку уже появилась, – отметил Яблонев, глядя куда-то в район моего туловища и закрывая окно.

– Я от тебя не пячусь, – пробормотала я, слишком растерянная происходящим, чтобы мой голос прозвучал как-то увереннее и громче.

– Физически нет, но ментально... – бросил парень очередную загадку. – Ты... боишься разозлиться.

Это он как понял?

– Происходят странные вещи, когда ты злишься, не так ли?

– Я причиняю людям боль, – шепотом признала я, внезапно поняв, что Яблонев уже сидит на корточках передо мной и смотрит прямо в глаза, а свет фонарей серебрит его волосы и бледную кожу, делая похожим на темного эльфа.

– Я могу помочь тебе взять эту способность под контроль, Агата. – Влад протянул мне правую руку раскрытой ладонью вверх. – И не только ее. Я научу тебя, как использовать все твои отличия себе

во благо. Все, что тебя пугает, станет твоей силой. Все твои вопросы найдут свои ответы, потому что они у меня есть.

– Я не понимаю. Как ты это сделаешь?

– Ты веришь, что я узнал, где та собака, никогда не видел ее прежде?

Несмотря на то что мне хотелось ему верить, особенно после того, как Яблонев снова назвал меня по имени и в его устах оно прозвучало поистине волшебным, я все еще не могла принять факта под названием «практикующие». То, что он сказал про меня, было верным до последнего слова, но парень мог оказаться отличным психологом или слышать что-то от Ирки, а потом просто проанализировать и прийти к верным выводам.

– Расскажи еще что-нибудь. Что-то, что могу знать только я. Если ты считаешь эти колебания в пространстве и чем ближе объект, тем больше информации, это не должно быть чем-то трудным, верно?

– Мне нравится твой подход, – по-настоящему, без насмешки, улыбнулся Влад. – Что ж, давай посмотрим.

Яблонев склонил голову набок, разорвав зрительный контакт, и уставился куда-то... в меня. Выражение его лица, сам взгляд неуловимо переменились, я не могла определить, в чем именно это выражалось, только чувствовала, что сейчас передо мной кто-то другой. Неулыбчивый, мрачный, опасный.

– Стрелец по гороскопу. Первая декада, ты родилась во время сильнейшего ливня. Двадцать девятое ноября или первое декабря, число нечетное, что-то промежуточное, время, когда один месяц перетекает в другой, не только месяцы, но и времена года. С детства терпеть не можешь дождь, а вот огню благоволит. У тебя есть такая свечка... красная с золотыми узорами, тебе подарила ее бабушка. Иногда ты достаешь ее из... – Влад нахмурился, а мое сердце, кажется, перестало биться. – Похоже на детский сундучок, но не картонный, как из-под новогодних сладких подарков, а из пластика...

– Бывшая копилка, подарок на мое семилетие. На крышке прорезь для монеток, – сглотнула я, в шоке от всего, что он говорил.

– Я не вижу в ней монеток. Много вещей. Какая-то разноцветная лента, похожая на браслет без застежки, красный рулон ткани размером с катушку ниток, думаю, это свернутая ленточка выпускника, мелькнула четкая картинка ленты поверх белой блузки и

что-то вроде прохода по школе, у тебя две косички. Рядом маленький ключик, привязанный за синюю нитку к небольшому блокноту в жестком переплете с замком. На обложке два далматинца. Личный дневник, который ты вела лет в... четырнадцать или чуть помладше. Ты заполняла его черной чернильной ручкой, пальцы часто были перемазаны, и она тоже есть в этом сундучке. Кстати, он розовый с желтыми наклейками. Не твои цвета.

— Я была маленькой девочкой, когда мне его подарили, каких цветов ты ожидал? — смущенно спросила я. — А что насчет моей семьи? Ты видишь моих родителей?

Последний вопрос. Контрольный. И задается он не ради проверки Яблонева, а чтобы услышать ответ. И так уже ясно, что все, казавшееся мне бредом двадцать минут назад, на самом деле правда. О шкатулке воспоминаний знала только я, тем более о том, что в ней хранится. И дневник с ручкой, и свечка, и лента выпускника, и браслет, а на последнем проходе по школе у меня действительно были заплетены две косички. Даже что изображено на обложке дневника, сказал! Невероятно.

— Не родителей, — уверенно качнул головой Влад. — Я вообще не ощущаю на тебе мужского влияния. Ты никогда не знала и не видела своего отца, он ушел еще до твоего рождения. Тебя вырастила мама и родственники по ее линии.

— Он жив?

— Определенно да.

Вот как. Жив. Детские мечты окончательно рухнули в пропасть реальности, разбившись где-то там, внизу, о скалы надежды. Я никогда не спрашивала маму о своем отце, чувствовала, что эта тема под запретом, а она вот уже двадцать лет не спешила начинать разговор первой. Может, это было неправильно, но зато у меня в голове всегда жила фантазия, что отец — герой, погибший, защищая страну, или человек, проигравший сражение со смертельной болезнью. Не было ни одного варианта, что он оставил нас, меня, добровольно и просто продолжает где-то жить.

— Я не вижу среди мертвых никого из твоих близких родственников. Под близкими подразумеваю родителей и их братьев или сестер, — добавил Влад, когда молчание затянулось.

— Ты что, еще и мертвых видишь? — поперхнулась я.

– Когда сосредотачиваюсь. Это одна из моих способностей, но по миру мертвых больший специалист Настя.

– Ты сказал, что практикующие – это общий термин, и у каждого свое направление. В чем тогда твое?

– Я – потомственный ведьмак.

– И что это значит?

– То, что я могу как помогать людям, так и причинять им вред, напрямую вмешиваясь в их энергетические поля, как раз и распространяющие колебания, о которых мы говорили ранее. Я так понимаю, теперь ты мне веришь?

– Ты ни разу не ошибся и сказал о том, что известно только мне. Как тут не поверить? – уныло спросила я.

– Почему ты расстроилась? Мне казалось, важно было показать, что я тебя не обманываю.

– Да, важно, но я... – Я сжала и разжала руки, стараясь не потерять мысль. Слишком много правды, к которой я не была готова. – Сложно все это переварить.

– Понимаю, – кивнул Влад. – Но у тебя был еще один вопрос, и, как ни странно, именно он самый главный.

Я догадывалась, который из них он имел в виду. Рука Яблонева все еще была передо мной, раскрытой ладонью вверх. Заметив мой взгляд, парень приглашающе дернул пальцами, и я несмело прислонила свою ладонь к его так, что наши пальцы оказались на запястьях друг друга.

Вспышка. Колочая волна пронеслась по коже, а следом за ней ко мне пришло ощущение нереального уюта. словно я оказалась перед разожженным камином, с чашкой горячего шоколада и укутанная в самый мягкий плед на свете. Это длилось всего пару мгновений, но послевкусие оказалось не менее потрясающим, чем первое впечатление.

– Агата? – осторожно позвал Влад, в очередной раз выбивая меня из колеи этим, казалось бы, привычным-обычным обращением.

– Я в порядке, только не...

– Ты тоже почувствовала это, верно? – шепотом спросил он, и в свете фонарей я видела, как расширились его глаза.

– Да. Не знаю, что это значит, но да, – сглотнула я, пойманная в ловушку серебра его глаз.

– Это значит, что я не ошибся, – с облегчением отметил Влад.

– Не ошибся в чем?

– Мы остановились на самом главном вопросе, – напомнил парень.

– Я такая же, как ты? Практикующая?

– Нет. – Влад сжал губы, сдерживая смех. О чем бы он ни думал, это ужасно его развеселило.

– Как здорово, что я пришла сюда повеселить тебя, – язвительно отметила я, собираясь убрать руку, но Яблонев не позволил, заставив передумать одним касанием подушечек пальцев к запястью.

– Ты не представляешь, насколько права, – кивнул он. – Разумеется, я не про ту часть, где ты веселишь меня. Это приятный бонус.

– Бонус, – повторила я. – Приятный. Цирк ждал своего последнего клоуна?

– Требуется восемь секунд, чтобы переключить тебя из состояния покоя или шока в режим агрессии, – усмехнулся он. – Я впечатлен.

– Ты плохо считаешь. На самом деле я разгоняюсь за две.

– А потом разворачиваешься и бежишь в другую сторону, чтобы не успеть причинить кому-нибудь вред. К слову, я был впечатлен выдержкой, а не скоростью твоих эмоциональных реакций. Восемь лучше двух, если мы говорим о времени, за которое принимается серьезное решение.

Черт. Я-то думала, ему понравилась именно быстрота, с какой я выхожу из стресса. Как бы вот он вываливает на меня всю эту штуку с колебаниями, предчувствиями, видением мертвых и вещей, которых ни разу в жизни не встречал, а вот я уже пришла в себя и в состоянии дать отпор.

– Ты, наверное, заметила, что все в зале делятся на два типа, – снова заговорил Яблонев, поглаживая мое запястье. Совершенно бездумное действие с его стороны, но очень приятное для меня. До мурашек.

– Да. Есть Варвара, Саша, Анастасия, – не поворачивался у меня язык назвать дочь Безумного Шляпника простым «Настя», – и ты, а есть Леша, Катя, Миша и Ира.

– Очень хорошо, – кивнул Влад, – только ты сейчас назвала мне классификации. Я же говорю про типы. Подумай еще, с кем из тех,

кого ты здесь увидела, ты похожа? Или тебе кажется, что похожа. Я не пытаю тебя загадками, всего лишь хочу, чтобы ты сама поняла это. Тогда будет легче принять.

Ну да, конечно, совсем не пытается меня загадками. Все так просто и легко, и мои извилины совсем-совсем не завязываются в узел. Фыркнув себе под нос, я чуть вздрогнула, когда его пальцы задели какое-то особенное местечко на запястье и на голове зашевелились волосы.

– Я немного похожа с Сашей, – нехотя признала я. – У нас схожий стиль одежды, и, конечно же, я похожа с Иркочкой чем-то, иначе мы бы не дружили.

– Отлично, – снова кивнул Яблонев. – Как ты уже поняла, есть практикующие, например я. Варя, Настя, Катя и Леша тоже практикующие.

Постепенно я начинала понимать, или мне казалось, что я начинала понимать, к чему он ведет. Самойлова говорила, что Ирка закрыла собой своего парня на улице, толкнув второго. Саша при каждой нашей встрече держится рядом с Варварой, и то, как она ведет себя, больше похоже на поведение телохранителя, чем подруги.

– А есть Саша, Ира, Миша и... я? И кто мы?

– Фамильяры, – обозначил Влад термин, суть которого я совершенно не понимала. Что там суть, даже слова-то такого раньше не слышала. – Это помощники практикующих, отличающиеся...

– Умом и сообразительностью? – фыркнула я. – Прости, ты не мог бы перестать это делать? – Я указала на свою руку, все еще находящуюся в плену его прикосновений.

– Разве это тебя не успокаивает? – приподнял бровь Влад, давая понять, что вопросительная интонация прозвучала из вежливости. Конечно, он знал, что успокаивает.

– По большей части отвлекает и не дает сосредоточиться, – отрезала я.

– Как лестно, – оценил Яблонев, снова склонив голову набок и убирая руку.

Уверена, я покраснела. Совершенно по-дурацки, пятнами. Сам факт этого странного влияния на меня раздражал. Я не привыкла тушеваться в присутствии... кого угодно. С малых лет охочая до одиночества, я давно научилась ставить стены между собой и

окружающим миром, потому что слишком рано он пытался меня раздавить. Не в прямом смысле, конечно.

В детском садике на меня повально жаловались все нянечки и воспитатели из-за «излишней активности и импульсивности». Школа оказалась все равно что джунгли, где выживает сильнейший. Есть личное мнение и не боишься его высказывать? Проявляешь неуважение к старшим и задираешь одноклассников. Умеешь что-то делать лучше других? Выскочка. Сплошные ярлыки, которые так мастерски умеет навешивать любое общество.

– Так ты думаешь, что я фамилльяр. И что это значит?

Влад поднялся с корточек и пересел на диван. Не в другой его угол, как прежде, а почти вплотную ко мне. От него приятно пахло. Ненавязчивый аромат без какой-либо приторности или, напротив, резких запахов цитруса, океана, или чем там обычно брызгают на себя парни. Что-то похожее на древесину, но я не была уверена.

– Поправка: я знаю, что ты фамилльяр. Все в тебе говорит об этом, не говоря уже о том, как полыхает твоя аура. Аура – это как раз те самые колебания в пространстве, энергия, окружающая человека, – мимоходом пояснил Яблонев. – Как я уже говорил, фамилльяр – помощник практикующего. Например, твоя подруга Ира – фамилльяр Леши, а Саша – фамилльяр Варвары. Для практикующего найти своего фамилльяра все равно что выиграть джекпот. Не многим это удастся.

– Фамилльяр защищает практикующего?

– Не физически. Ментально. У всех фамилльяров ярко выражены животные инстинкты. Какие именно, зависит от сущности фамилльяра. Судя по твоей, твои обоняние и скорость должны просто зашкаливать. С самого начала, да? – притормозил Влад, заметив выражение моего лица.

– Я пытаюсь понять, правда, но... что такое сущность?

– Душа каждого человека проявляется в трех ипостасях. Сущность животного, место, где это животное обитает, и, конечно же, аура, выдающая всю духовную информацию тому, кто умеет ее видеть.

Потрясающе. Еще больше непонятного сумасшествия на мою голову.

– И какая сущность у меня?

– Черный немецкий дог, – улыбнулся Влад, снова смотря куда-то в меня, ниже подбородка. – И живет он в бескрайнем поле. Сущность

человека характеризует его лучше чего бы то ни было. У тебя очень благородная сущность, если можно так сказать. Думаю, ты отличный друг, не способный на предательство, как и всякая собака.

Слышать такое было более чем приятно. Да и сущность моя меня радовала. Подумать только, красавчик немецкий дог! Приду домой, обязательно почитаю про эту породу.

– Ты любишь собак, да? – поняла я, внезапно понимая, к чему относилась фраза Варвары в парке.

– Да. У меня у самого есть собака. Немецкая овчарка по кличке Кельт. – Улыбка все еще не сходила с лица Яблонева, и в какой-то момент я осознала, что улыбаюсь ему в ответ.

У него есть собака. Овчарка. Предел моих детских мечтаний до того, как я окончательно смирилась с маминой аллергией на шерсть. После печального опыта с морской свинкой, прожившей у нас год и едва не отправившей маму на тот свет, мы больше не рисковали заводить кого-то пушистого, хотя мне всегда хотелось иметь четвероногого друга.

– Здорово. Меня собаки тоже любят. Ни одна ни разу не укусила, напротив, подходят знакомиться, иногда провожают до дома, а пару раз, в детстве, даже защищали, – разоткровенничалась я.

– Чуют в тебе своего, – согласился Влад. – Стоит тебе остановиться где-нибудь на улице, тут же в поле зрения появляется одна или две?

– А то и целая стая. Зато кошки меня на дух не переносят. Сразу же шипят и готовятся напасть, – сморщилась я. – Хотя я против них ничего не имею. Дай-ка я угадаю... Сущность Саши – кошка?

– Черная кошка – это сущность Варвары, – поправил меня Влад. – Саша – пантера. У них кошачий тандем, очень сильная связь практикующего и фамильяра.

Кошка и пантера. Отлично. Я начинаю понимать суть шуточек, касающихся животного мира...

– Миша – медведь? А Ирка лошадь?

– Ты что, можешь их видеть?

– Нет, просто... Я слышала несколько шуток...

– Понятно. Кто-нибудь выдал тебе, кто я? – поинтересовался Влад.

– Сказали, что ты «Князь», но я сомневаюсь, что это поможет мне понять, какая у тебя сущность, – чуть помявшись, выдала я.

Подумать только, я реально во все это верю. С другой стороны, уже поздно разыгрывать неверие после стольких-то совпадений и того, что продемонстрировал Влад. Вот как он понял, чем я обычно занимаюсь, что люблю, а что нет? Просто посмотрел на мою сущность! Да, совсем просто. Каждый второй так умеет, не иначе.

Яблонев застонал, вытягивая свои длинные ноги и почти упираясь ими в стену напротив.

– Князь, значит.

– Почему они так тебя называют?

– Очень долгое время у меня на звонке стоял «Князь тишины» «Наутилуса Помпилиуса». Вот они и привязались.

– «Мой князь, князь тишины...» – напела я, не удержавшись от смешка в конце. Как все просто, оказывается. А я-то уже надумала себе, что у него мания величия или еще что в таком роде.

– Нравится рок? – удивился Влад.

– Если ты истинный любитель русского рока, мой плейлист подарил бы тебе непередаваемое наслаждение, – не поскромничала я.

– «Ария», «Агата Кристи», «Кино», «Алиса»...

– Есть, есть, есть и есть, – важно покивала я.

– Я точно не ошибся, – покачал головой Влад.

– В чем?

– Ты – мой фамилльяр, – припечатал Яблонев. – После стольких попыток я наконец-то нашел тебя. Удивительно.

Что?

– Тебя еще что-то может удивлять? – вместо всего возможного выдала я. – В смысле... Ты видишь ауры, считаешь энергетику каждого и наверняка умеешь еще массу чего... Объясни. Что такое связь практикующего и фамилльяра? Как я могу быть именно твоим фамилльяром? Откуда у тебя такая уверенность? О, и – да, какая у тебя сущность?

– Боги, сколько у тебя еще вопросов? – хмыкнул Яблонев. – Думаю, на сегодня с тебя хватит. Катя не простит мне, если я сейчас же не приведу тебя к столу и ты не сможешь оценить ее кулинарный талант.

– Ужин же только через...

– Мы сидим тут уже час, – перебил Влад. – Давай дадим всем исстрадавшимся возможность выйти и покурить, а заодно покажем, что с тобой все в порядке.

– Влад, я выслушала тебя и вместо того, чтобы, забившись в угол, набирать номер психиатрической больницы, поверила. Со мной точно не все в порядке.

– Как самокритично. – Он поднялся с дивана. – С тобой настолько же все в порядке, насколько и со мной.

– Как самонадеянно, – передразнила я. – Так кто ты по... – Я очертила рукой круг, уверенная, что Яблонев и без слов поймет.

– Кто я по сущности? Скажу, и больше никаких вопросов сегодня?

– Возможно.

– А ты цепкая, мне это нравится. Но, видишь ли... со мной это не работает. Так что?

Почему он так тянет с этим? Устал разговаривать или придумал еще что-то? Любопытство вроде бы кошку сгубило, и я туда же!

– Хорошо. Никаких вопросов. Сегодня, – поспешно добавила я.

– Уточнение подразумевает, что ты согласна встретиться со мной еще раз.

– Может быть.

– Да, конечно, – хмыкнул он, берясь за ручку двери. – Может быть. Моя сущность – черный ворон, летающий в темном непролазном лесу, Агата.

Ворон? Он всего лишь... птичка?

Я припомнила, как вышла из дома и оказалась парализована присутствием стаи ворон на деревьях во дворе. Забираем обратно «птичку». Вороны могли быть чертовски пугающими.

– Знаешь, буквально на следующий день после встречи в парке я видела так много... – увидев выражение его лица, я вскочила с дивана. Если собаки тянутся ко мне из-за моей сущности, а у Саши то же взаимопонимание с кошками, то... – Это был ты! Ты послал стаю ворон! Не знаю, как ты это сделал, но это был ты!

– Должен же я был узнать, как далеко ты от меня живешь, – пожал плечами нахал и поманил меня пальцем, открывая дверь. – Идем. Время есть. Пока ты не съела нас всех.

Разумеется, именно в этот момент, по закону подлости, мой живот издал боевой клич, едва ноздрей коснулся аромат запеченного мяса.

— Видишь? — только и сказал Яблонев, умудрившись не рассмеяться. — Я был прав.

Думаю, для Влада день прожит зря, если хотя бы раз за него он не произнесет эту фразу. И я вряд ли ошибаюсь. Довольство на его лице только подтверждало это.

Глава 6

Утро следующего дня после вечера знакомства с миром практикующих и фамильяров началось для меня в полдень. Проснувшись по будильнику к первой паре, я, абсолютно игнорируя совесть и иные аргументы в пользу посещения универа, выключила звук, заявила маме о поглотившей меня лени и, перевернувшись на другой бок, возобновила сон. Моя маман много чем отличалась от других родителей моих сверстников, но особо я ценила то, что она признавала и помнила себя саму в моем возрасте, о каком бы годе взросления ни шла речь.

Мне никогда не доставалось за плохие оценки, выброшенные из-за неудавшегося «кулинарного шедевра» продукты, порчу вещей... ну... кроме одного случая, когда лет в одиннадцать я прожгла утюгом ее летнее шифоновое платье. Хотела помочь с глажкой, а получилось как всегда.

«Я бы тоже не пошла, съешь на обед солянку, хлеб я вчера купила», – вот и вся мамина реакция на мой открытый, ничем не обоснованный прогул. Люблю ее.

По пути на кухню я обнаружила три пропущенных от Ирки и эсэмэску от Ярославы Самойловой, спрашивающей, буду ли я сегодня на парах. Быстро ответив ей о небольшом кризисе в своих отношениях с универом и поставив в конце смайл в виде разбитого сердца, я открыла окно сообщения для Ругаловой.

«Только проснулась. Сможешь заскочить ко мне после пар?»

Ответ пришел незамедлительно: «Свалю на 5-минутке. Есть что-нибудь к чаю?»

Хороший вопрос. Открыв шкафчик, где обычно мы хранили вкусняшки, я обнаружила пачку печенья, коробку пастилы и маленькие зефирки, которые для меня были все равно что семечки или чипсы.

«К чаю есть. Шоколада нет».

«Значит, будет».

Я хмыкнула на армию смайлов-шоколадок, заполонившую остальное место эсэмэски. Ругалова была зависима от молочного шоколада так же, как я от мяса. Поставив солянку в микроволновку, я

собрала диван, переоделась в домашние брюки и майку и, подхватив ноутбук, вернулась на кухню.

Быстрый обед прошел за просмотром новостей в социальных сетях. Останавливаясь на веселых шутках и забавных картинках, я понимала, что это подсознательный побег от обдумывания всей мистики, свалившейся мне вчера на голову. Понимала и все равно продолжала бежать, потому что в одиночку такую штуку не осилить. Ирка должна была прояснить мне то, что не удалось вытянуть из Влада. Я верила во все сказанное им, даже почувствовала на себе его правоту, но все же... смириться было трудно.

Двадцать лет я жила, обвиняя во всех своих промахах вспыльчивый характер, а оказалось, что все дело в моей ярко выраженной сущности, делающей меня фамильяром. Сказав, кто это такие и чем занимаются, Влад только копнул на поверхности. А моя интуиция твердила, что, углубляясь в эту тему, можно три лопаты сломать.

После беседы на балконе нам больше не удалось поговорить тет-а-тет. Сев за стол и оказавшись в этой компании, я прочно увязла в разговоре со всеми одновременно и с каждым по отдельности. Удивительно, но, начав понимать, кто они такие и чем занимаются, я смогла найти общий язык даже с Сашей и Варварой. По какой-то причине они все старались, чтобы я чувствовала себя комфортно, и, думаю, у этой причины были серые глаза и сущность ворона.

Самой странной и чуждой мне осталась Анастасия. Девушка была еще молчаливей «кошачьего тандема», но, как я чувствовала, гораздо, гораздо опаснее. Впрочем, как и Влад, только он каким-то непостижимым образом уже считался роднее и ближе. Может, все дело в часе разговора или в том поражающем своим уютом и правильностью касаний, но его я просто *отказывалась* бояться.

К концу вечера, когда Леша довез меня прямо до подъезда моего дома, я ощущала себя сытой, перегруженной информацией, усталой и выжатой, но в то же время весьма довольной. Меня радовало, что между нами с Иркой больше не было секретов и за пару часов все вернулось на круги своя.

Всю дорогу обратно они с Лешей шутили, гадая, какая у меня была бы кличка, будь я настоящим догом. Быстро сориентировавшись в их потоке шуточек для своих, я ответила, что думать над этим не

дельфиновых плавников и лошадиных копыт дело. Эта парочка тут же симитировала смех дельфина и ржание лошади, и минуты три машину Березина сотрясал наш хохот.

Влад мимоходом назвал мне сущности всех присутствующих. Так я узнала, что Катя – сова, Леша – дельфин, а девушка-эпатаж Анастасия – полярная лиса. Это облегчило мне понимание многого из того, что говорилось за ужином и после, за просмотром фильма, который в этот раз выбирали девочки. От Ирки я узнала, что такие встречи у них проходили часто, только вот принимающая сторона менялась по очереди. Прошлые шашлыки, оказывается, были на территории Влада. Кроме овчарки Кельта, у него еще и дом собственный имелся! Паршивец.

Протяжное завывание домофона выдернуло меня из тупиковых размышлений, закольцованных вокруг одной и той же темы. Не прошло и минуты, как на пороге квартиры появилась бодрая и раскрасневшаяся с мороза Ругалова, с ходу протягивающая мне две плитки шоколада. Похоже, она так и не смогла выбрать какую-то одну, так что решила купить обе.

– Привет, соня! Ставь чайник!

– Есть, командир, – хмыкнула я, оставляя Ирку разбираться с вешалкой и поиском тапок самостоятельно. Все-таки не первый раз в гостях, сама все найдет.

Не успела я рассыпать чай по кружкам, как подруга уже заняла мое царское место, с любопытством заглядывая в ноутбук.

– Ого, уже изучила свою породу? – ухмыльнулась она, явно заметив вкладку под названием «Немецкий дог: особенности породы, характер, болезни». – Тут и про линьку есть!

– Отстань. – Я отняла ноутбук, захлопнула крышку и убрала любимую технику на подоконник.

– Теперь ты меня понимаешь? – выпрямилась Ругалова на стуле, взявшись за края обертки шоколадки. – Как бы я сама рассказала тебе такое? Ты подумала бы, что я спятила.

– Я и про Влада так сначала подумала, – честно ответила я, и свист чайника подарил мне неплохую причину посуетиться, а не сидеть на одном месте.

– Да? Это у вас еще все хорошо прошло, – фыркнула Ирка. – Видела бы ты, как Леша отнимал у меня телефон, чтобы я не

позвонила в полицию или «Скорую» с сообщением о тяжелом случае белой горячки. То, что от него вообще не пахло алкоголем, меня не останавливало. Впрочем, он достучался достаточно быстро, так что я просто передумала.

– Фишка с рассказом какого-то личного секрета? – понимающе спросила я, снова прокручивая в голове монолог Яблонева о моей тайной шкатулке воспоминаний.

– Можно и так сказать, – пожала она плечами. – Лешка назвал мне все, чем я болела за последние два года, и еще кое-что по мелочи, вроде моего знака зодиака, любимого цвета и имен парней, с которыми я до этого встречалась. И причины расставания с ними тоже, – кисло посмотрела на меня Ирка.

– Да уж, кое-что по мелочи, – поежилась я, радуясь, что Владу не пришлось в голову смотреть мои потери на личном фронте. Их было не так уж много, но все же ворошить прошлое совсем не хотелось.

– А тебя чем огорошили? – поинтересовалась Ирка, остужая чай ложкой.

– Он сказал то, что могла знать только я. Не упустил ни одной детали.

– Что Яблонев успел тебе рассказать и что ты хочешь узнать? – решила взять быка за рога Ругалова. – Я не смогу ответить за него или от его лица, но что знаю – расскажу. Леша разрешил.

Меня покорила последняя фраза. «Леша разрешил». А что, нам теперь требуется разрешение ее парня на разговор между собой? У меня не было претензий к Березину до этой минуты, но...

– Ты чего закипела-то? – не поняла Ирка. – Возьми, закуси шоколадкой.

– Что значит «Леша разрешил»? – процедила я, прежде чем отломить шоколадный квадратик от плитки.

– То и значит. Понимаешь, это как два режима в одном человеке. – Ругалова сцепила руки на столе, хмурясь. – Первый – это привычный, родной, тот, в котором ты с рождения, а второй – это режим фамильяра. Соприкасаясь с их... миром, законами и правилами, находясь рядом, рефлекторно включается второй.

– Что еще за правила? – насторожилась я.

– Я к ним и веду, – покивала Ирка, подтверждая, что из сказанного я услышала самое главное. – Конкретно у фамильяра по отношению к

практикующему действуют три правила: доверять, защищать и помогать.

– Звучит не так сложно, – пожала я плечами, не понимая, из-за чего подруга нагнала столько жути в голос. – Мы с тобой действуем так же, доверяем друг другу, защищаем и помогаем. По-моему, это типичная дружба.

Ругалова фыркнула, качая головой. Очевидно, я чего-то не догоняла. Скорее всего, поезд, где все о мире практикующих разложено по полкам. Прямо чувствую, как он удаляется от моей станции обыденности на всех парах, насмешливо гудя.

– Угу. А теперь возведи все эти три пункта в миллионную степень. Доверять – это непросто и с обычными людьми, а тут... Если Леша звонит мне и говорит: «Не ходи завтра через такой-то переулок», я обязана обойти его, даже если он входит в мой обычный маршрут до дома и через него короче. Тотальное доверие, понимаешь? Однажды он позвонил мне и велел не надевать белую водолазку. Я решила, что знаю лучше, и надела. Помнишь, что с ней случилось?

Я смутно припомнила, как перед экзаменом к нашей парте подошла Запатова, интересуясь, за сколько Ирка купила «такую снежную кофточку». В руке блондинки был пластиковый стаканчик с горячим кофе, и когда позади нее пронесся Вовка Смирнов, она то ли нечаянно, то ли случайно выронила его аккурат на Ругалову. На водолазке был поставлен кофейный крест.

– Повезло, что тебя тогда не ошпарило, – медленно проговорила я, припоминая, как быстро догадалась пихнуть ей влажные салфетки, чтобы ткань не прикасалась к коже.

– Не совсем повезло, я все же немного обожглась, хотя ты среагировала почти мгновенно. Теперь понятно почему, – подруга чуть улыбнулась. – Зато уж точно повезло, что Леша целитель. Он, конечно, поворчал немного на тему «я же говорил», но залечил все в рекордные сроки.

– Получается, если Влад позвонит мне среди ночи и скажет... не знаю... срочно одеваться и выходить из дома, я обязана буду собраться, пока горит спичка, и выйти на мороз?

– А ты что, разве уже согласилась быть его фамильяром? – Ругалова забила себе рот шоколадом, точно сдерживая на языке еще что-то.

– Нет. Просто... гипотетически, – неоднозначно махнула я рукой, делая вид, что очень интересуюсь всплывшими на поверхность чайинками.

– Ну если просто гипотетически, то после такого предупреждения следует немедленно эвакуироваться из квартиры. Кто знает, что могло побудить на такое предупреждение. Может, потолок рухнет на твой диван через десять минут, а может, еще какая гадость. Тут все на максимум. А пункт с «защищать» вообще жест, – продолжила Ирка, пока мое воображение рисовало мне меня саму в ночнушке, пуховике и шапке, с сапогами на голую ногу, поспешно собирающую все самое ценное, где первое место принадлежит, конечно же, ноутбуку.

– А что с ним? – проморгалась я, отгоняя слишком реалистичное наваждение.

– Фамильяр защищает практикующего на всех уровнях, и это включается автоматически...

– Я слышала, ты кого-то толкнула на Первомайской...

– Он этого заслуживал, – отрезала Ругалова, сузив глаза. – Я бы его и пнула, но Леша меня одернул, пока Варвара не успела спустить с цепи Сашу. Вот тогда бы это точно было уголовное дело. Миркова чокнутая, когда дело доходит до Варвары.

Емко. А так сразу и не скажешь по Саше. Хотя... Разве я не чувствовала от нее этой странной готовности броситься и вцепиться? Как кошка. Неподвижна до самого прыжка на добычу, даже хвост не всегда выдает.

– Кто был этот заслуживший?

– Практикующий, когда-то принадлежавший их кругу общения, но... В общем, они его изгнали, – помялась Ирка. – Это... не мое дело и не Лешкино, но касается Яблонева, так что пусть он тебе рассказывает, если захочет. Ну или Захарова, – чуть подумав, прикинула она.

– Это и ее касается? – живо заинтересовалась я.

– Ну... нет, но ей пофиг, если кто-то из темных будет недоволен. Она вроде как из другой лиги.

– Я заметила. Так что там с «защищать»?

– Ментально, эмоционально, информативно... Мы как барьеры между ними и всем остальным. Помогаем справиться с эмоциями, делимся своей энергией, храним их секреты. Поэтому я и сказала:

«Леша разрешил». Чтобы ответить на твои вопросы, мне сначала нужно было спросить разрешения у него. Это их всех касается, а секрет, выданный пока что постороннему, может неизвестно как аукнуться.

Все равно звучало гадко. «Спросить разрешения»! Да я даже не помню, когда у мамы спрашивала на что-нибудь разрешения, а она для меня самая главная инстанция в жизни.

— А физически?

— От девушек этого вроде как не требуется, выносим Сашу за скобочки, она много лет тренируется в каком-то единоборстве, да и сам вид ее... — Ругалова передернулась. Похоже, Миркова была ей чем-то особо неприятна. Странно, у меня, при более тесном знакомстве, фамилльяр Варвары даже отчасти вызвала симпатию, пусть наши с ней сущности и были чем-то вроде вечно противоборствующих сторон. — А вот Мишка — да, он прямо богатырь, рядом с Катькой на улице все равно что телохранитель.

— Я тоже подумала, что он смахивает на богатыря, — хмыкнула я.

— Иногда мы дразним его, называя Миша Попович, вместо Потапов, — захихикала Ирка, догоняясь еще парой квадратиков шоколада. — А Катька потом всегда говорит нам все, что об этом думает, жалея своего «медвежонка».

Я заметила, что о паре Катя — Миша Ирка разговаривает куда охотнее, да и вообще уже расслабилась, хотя поначалу часто барабанила пальцами по столешнице, выдавая свое волнение.

— Катя такая же, как Леша, да?

— Да, мы с ними — квартет светлых, — довольно покивала Ирка. — А Влад и Варвара — темные.

— Значит, и Саша?

— Да, — уверенно кивнула подруга, посерьезнев.

— Значит, и я? — прямо спросила я.

— Ты еще не согласилась быть его фамилльяром, — скривилась Ирка, как человек, перед которым замаячила ложка с горьким лекарством.

— И ты не хочешь, чтобы я соглашалась.

Это не было вопросом. Я знала, что Ругалова против. По какой-то причине ей не нравился Влад. Не просто не нравился, она его побаивалась. Я заметила это по взглядам, которые она украдкой

бросала на него за столом. Подозрительным и настороженным, как будто ждала, что он вот-вот достанет из-под стула автомат и перестреляет нас всех.

– Не хочу, – не стала отрицать Ирка. – Он опасный, занимается плохими вещами, вредит людям, да и вообще...

– Что, просто так вредит? Без причины? – вскинулась я.

– К нему приходят люди, просят сделать какую-то гадость, и он ее делает. – Ирка так сильно сжала челюсти, что я не сомневалась: окажись сейчас между ее зубами металлическая ложка – она бы ее раскусила.

– А люди тоже просто так приходят? – отчего-то разозлилась я на Ругалову за такое осуждение. – Наверное, идут мимо его дома и думают: «Хм, вот дом ведьмака, пойду попрошу его гадость сделать!»

Ирка посмотрела на меня широко раскрытыми глазами, внезапно действительно чем-то напомнив испуганную лошадь.

– Ты уже согласилась, – прошептала она, побелев.

– Ничего подобного.

– Ты могла не сказать ему «да», но ты уже все для себя решила. Увидев и поговорив с ним всего один долбаный раз, – качая головой, продолжила Ирка. – «Защищать», помнишь? Ты только что это сделала. Встала на его сторону.

– Глупость какая, я просто не понимаю, почему ты его осуждаешь?

– Ты что, плохо меня слушала? Он вредит людям. Не подножки ставит и не ладонь с мелом к спине прикладывает, а по-настоящему наносит урон. Он их *проклиняет и заставляет страдать*.

– Это тебе Леша сказал? – насупилась я, скрестив руки на груди. Мне не верилось, что Влад, вчера так очаровательно улыбавшийся и нежно прикасавшийся к моей руке, выходил на улицу и косил народ... порчами.

– Нет, я сама это узнала. Этим он зарабатывает деньги. Если Леша и Катя каждый день лечат пришедших к ним с бедой, снимая всякие гадости и сглазы, то к Яблонеvu с Праховой и им подобным люди идут, чтобы сделать плохо кому-то неугодному для них.

Я прищурилась, разглядывая Ругалову. Вспомнила взгляд Влада и его вежливое и в чем-то даже трогательное отношение ко мне. Вот же кривая логика у Ирки!

Не говоря ни слова, я выдернула из кружки с почти остывшим чаем ложечку и вдарила ей по костяшке указательного пальца, потянувшегося за очередным кусочком шоколада. Подруга взвизгнула скорее от неожиданности, чем от боли, и ошарашенно уставилась на меня, отдернув руки и отъехав на стуле. С реакцией у нее тоже был полный порядок, хотя мне казалось, что я проворнее.

– Ты рехнулась? – провопила Ирка, все еще бегая взглядом с ложки, так и оставшейся в моей руке, к моему лицу и обратно.

– Я? Я-то при чем?

– Ты меня ложкой ударила!

– Нет, – продолжала я строить из себя дурочку. – Это ложка сама тебя ударила. Удивительно, что ты ее не осуждаешь!

– Отлично, я поняла, – кисло оценила Ругалова мой импровизированный пример. – Ты считаешь, что раз люди к нему ходят сами, то он всего лишь «ложка», которой они ударяют по руке.

– Абсолютно верно, – как болванчик закивала я, сама себе удивляясь. Почему-то никак не могу покончить с этим дурачеством. С другой стороны, это лучше, чем кричать и топтать ногами, пытаясь что-то доказать. Не хотелось ссориться с Ругаловой, когда мы только вчера фактически помирились.

– Только ты кое-что упустила. Маленькую такую деталь. У ложки нет мозгов. В отличие от Влада.

Я тяжело вздохнула. Ирка была настроена решительно, а мне все еще нужны были ответы, и дальнейший спор вряд ли поможет их получить.

– Ир. Я не хочу с тобой ругаться. Давай не будем говорить о Яблоне и о моем согласии или отказе. Просто расскажи мне, что это такое, в чем сложности, в чем радости и... каково это вообще, – сделала я над собой усилие, удерживаясь от спора, закончившегося бы скандалом и хлопаньем двери со стороны Ругаловой. По мне, так очень взрослый поступок. Жаль, у меня их скромная коллекция.

Ирка тяжело вздохнула, завопившись на стуле. Чувствуя, что ей нужно собраться с мыслями, я снова набрала воды в чайник и поставила его на плиту.

– По большей части, это здорово, – начала она. – Никто так не понимает, как они. Наверное, из-за того, что они реально чувствуют, что с тобой происходит, знают, что говорить, как успокоить и чем

порадовать. И эта штука с «защищать» работает и с их стороны. Связь фамильяра и практикующего – это очень серьезная вещь, основанная на полном и безграничном доверии. У меня с этим до сих пор проблемы, но Леша говорит, что это из-за отсутствия опыта. А вот у Варвары и Саши действительно так. Я видела, как Варвара даже не шевельнулась, когда один раз кружка с кипятком покатила по столу прямо в ее сторону. Миркова перехватила ее намного раньше, чем кипяток успел бы пролиться Варваре на ноги. Любой бы вскочил, кинулся за кружкой сам, а эта и глазом не моргнула. Ну, вообще Миркова что-то вроде идеального фамильяра, – скривилась подруга. – Они так все о ней думают. Даже Яблонев, которому в принципе угодить нереально.

Нереально угодить? Неужели? Подождите-подождите, что-то в этом есть...

– Он тебя отшил? – высказала я.

– Я... С чего ты взяла?

– С того, что знаю тебя как облупленную, – захихикала я. – Ты сначала не встречалась с Лешей, верно?

– Сначала мы просто дружили, но... Не смешно, Агат!

– Так Влад дал тебе от ворот поворот, – не могла я остановиться, начиная понимать, чем еще вызвано отношение Ирки к моему предполагаемому практикующему.

– Он его всем дает. Это что-то вроде обязательного косяка, который совершают все новенькие, попав в их компанию. Говорят, он даже Прахову культурно осадил.

– Почему?

Не то чтобы меня не порадовал этот факт, но я все же трезво смотрела на вещи. Варвара была такой же, как и он, наверняка хорошо понимала его, а уж ее внешность могла стать пропуском на обложку глянцевого журнала. Так что вопрос: «Что с Яблоневым не так?» – загорелся неоновой вывеской у меня в голове.

– Не знаю. Леша знает точно, но не говорит. Сказал, что это его дело, а потом мы с ним стали еще ближе, я многое узнала и... Ну, сейчас мне стыдно, что я вообще могла думать о Яблоневе, – слегка покраснела Ирка.

– А... фамильяр и практикующий всегда пара во всех смыслах? – чуть посомневавшись, задала я один из наиболее интересующих меня

вопросов, раз уж мы коснулись такой темы.

– Втрескалась в него, да?

– Нет, – закатила я глаза. – Просто нужно быть совсем слепым и тупым, чтобы не провести параллель. Ты и Леша, Катя и Миша... – Сообразив, что следующим идет кошачий тандем, я примолкла.

– Вот правильно замолчала. ПрахМир не парочка, – хихикнула Ирка. – И их жутко бесит, когда так думают.

– А если их что-то жутко бесит...

– То долго оно перед глазами не маячит, – подтвердила Ругалова. – Seriously, осторожней с ними. У них раз на раз не приходится. Хотя, если ты окажешься с Яблоневым, они примут тебя в свою темную семейку, как и его. Это что-то вроде негласного закона.

– Что насчет светленькой семейки?

– Ну, светленькая семейка хорошо относится ко всем, – улыбнулась Ирка. – А я так вообще тебя люблю.

Я показала ей язык, и она кинула в меня скомканной фольгой из-под шоколадки. Вот и вся любовь.

– Захарова в светленькой или в темненькой?

– Она сама по себе. Другая лига, говорю же.

Это, конечно, все объясняет.

– Расскажи еще про эту связь. Кроме проблем с доверием, какие еще сложности?

– Ну, как ты могла заметить, – время. Мы почти все время вместе. Прогулки, сеансы, обучение... Времени на кого-то постороннего не остается. Мама и близкий круг, конечно, не в счет, но... Меня вообще занесло, я даже с тобой не общалась, – повесила Ирка голову.

– Я уже не обижаюсь, – поспешно сказала я. – Доверие, время, что еще...

– Спорить. Очень хочется спорить, потому что смириться с тем, что на девяносто процентов они правы, вообще нереально. Представляю, что ты устроишь Яблоневу, – прыснула Ругалова, и я заулыбалась в ответ, зная свою способность к... «агрессивной дискуссии».

– Так все-таки есть эти волшебные десять процентов, когда они ошибаются?

– Ну...

– Ты когда-нибудь перестанешь «нукать»? – не выдержала я.

– Ну... – Переглянувшись, мы расхохотались. Очевидно, это было выше Иркиных сил.

– Да, иногда они ошибаются, но от этого вряд ли кому-то становится лучше, – пожала плечами Ругалова, когда мы отсмеялись.

– Леша дружит с Владом, да? – уточнила я, заметив, как вчера общались парни.

– Да, они в одну школу ходили, только Леша младше на год. Ему двадцать два.

Значит, Яблоневу двадцать три. То есть он старше меня на три года. Не так уж и много.

– А Варваре с Сашей по сколько?

– Кошкам двадцать один. Захаровой двадцать пять. А Катька с Мишей самые старшие, им по двадцать семь.

Ого. Ни за что бы не дала целительнице столько. Выглядела она едва ли не младше меня. Маленькая собака до старости щенок, хах.

– Ладно, мне пора сваливать, у нас с Лешей тренировка, – засобиралась Ирка домой, глянув на экран телефона.

– Что еще за тренировка?

– Тебе они тоже в случае согласия предстоят, – сочувственно посмотрела Ругалова. – Прежде чем учиться пользоваться фамиллярскими примочками, нужно подготовиться физически. Так что... Леша гоняет меня по стадиону, чтоб мои копыта были выносливей.

Я продержалась всего пару секунд, прежде чем с хохотом залегла на стол. Ирка, которая ненавидит физкультуру, почти добровольно бегают по стадиону? Держите меня семеро!

– Очень смешно.

– Очень! – всхлипнула я.

– Ладно, я побежала, мне еще домой нужно заскочить, переодеться во что-то более удобное.

Это рассмешило меня еще больше.

– Давай-давай, галопом!

– Агата!

Проводив Ирку, я убрала на кухне все следы нашей шоколадной лихорадки и вернулась на диван, устраиваясь с комфортом. Снова открыв ноутбук, я погрузилась в изучение породы немецкого дога, не успев дочитать эту статью вчера.

По всему выходило, что немецкий дог – это идеальная караульная, конвойная и служебная собака, отличающаяся уверенностью в себе и бесстрашием. Чем дальше я читала, тем больше находила сходств между характером породы и своим. А уж словосочетание «царь собак» и вовсе польстило. Надо же, сижу, читаю о собаке и радуюсь каждому сходству с ней. Докатилась.

Потянувшись за телефоном, я застыла в нерешительности. Нужно увидеться с Владом еще раз, это понятно. Как и то, что теперь назначить встречу должна я. Только... что ему сказать? Позвонить или написать? Может, напечатать сразу все вопросы, отправить на почту и пусть пишет мне объяснительную, почему считает, что я его фамилльяр? Хороший план, только я не знаю его электронки.

Посомневавшись еще минут пять, я в конце концов остановилась на эсмэске: «Привет. Есть время?» На третьей минуте моего нервного ожидания мобильник завибрировал, заиграл «Секрет» «Агаты Кристи», и экран телефона высветил: «Влад Яблонев».

Нормальные люди отвечают на сообщение сообщением, а не звонят! Ну да, нормальные!

– Алло, – сдавленно проговорила я, спрыгнув с дивана.

– Привет, Агата. Отвечая на твой вопрос: для тебя у меня всегда найдется время.

По телефону его голос звучал так же низко и красиво, как и в реальности. И эффект звучания моего имени тоже никуда не исчез. Вот черт.

– Что ж, это хорошо, – выпнула я из себя обомлевшую девицу из книжных романов. – Потому что я готова к новой порции информации.

Он засмеялся, и я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ, глядя в зеркальную дверцу шкафа в прихожей.

– Когда ты хочешь встретиться? – поинтересовался Влад, и я услышала на заднем фоне утробный лай.

– Сегодня. Это Кельт?

– Это Кельт, – подтвердил Яблонев. – Кельт, скажи Агате: «Привет».

Я хихикнула, когда в ответ раздалось уверенное мощное «гав». Правда, оно больше напоминало требование законной вкуснятины, чем приветствие. Наверняка Влад чем-то дразнил пса. Бессовестный.

– Кельт хочет с тобой познакомиться, – тем временем продолжил Влад. – Правда, сам еще об этом не знает. – Я всерьез задумалась о том, чтобы съесть что-нибудь кислое или горькое и убрать это глупое выражение довольства с лица. – Возвращаясь к теме разговора, так беспардонно прерванной этим мохнатым медведем, притворяющимся собакой: я понял, что сегодня. Во сколько конкретно?

– Как насчет часов в шесть? – выпалила я первое пришедшее в голову время.

– Хорошо. Помнишь скамейку в парке, на которой я сидел, когда ты подбежала к нам?

Еще спрашивает. Конечно же, помню.

– Да.

– Буду ждать тебя там в шесть часов. – Мне послышалась улыбка в его голосе.

– Ладно.

– До встречи, Агата, – попрощался он, первым вешая трубку.

Нет, это просто невозможно! Нужно запретить ему называть меня по имени! Пожалуй, стоит придумать себе кличку, не зря Леша с Ирой вчера шутили. Антинорма, например. Анти, просто Анти, без нормы. Это больше похоже на правду.

Глава 7

В половине шестого я вышла из дома и, покинув двор, решила идти к парку по короткому пути, через улицу Фридриха Энгельса, а не делать крюк по проспекту и Первомайской. Мама была предупреждена о прогулке, правда, думала, что променаду у меня с Ругаловой. О Владе, по понятным причинам, я не рассказывала. Сама пока ничего не понимаю, так еще и мама будет сыпать шуточками, спрашивая, когда я от нее съеду. Знаем, плавали.

Поправив шапку, я поплотнее прижала наушники, надеясь, что скачок звука в правом мне почудился. Не хотелось отправлять эту пару на помойку спустя всего каких-то три месяца. Достав плеер из кармана пуховика, я прибавила громкости и переключила на «Дети любви» «Наутилуса». Качая головой в такт песне и тихо подпевая себе под нос, я маневрировала между прохожими, подмигнув одному притомившемуся в коляске карапузу в синем пуховике-комбинезоне.

Обойдя его родителей, обсуждавших, в какой детский сад устроить свое чадо, и одну очень медленную девушку, вымеряющую каждый шаг в сапогах на внушительном каблуке, я вспрыгнула на бордюр. Спинай чувствуя ее завистливый взгляд, я вовремя обернулась. Этот кузнечик в сапогах-убийцах поскользнулась, умудрившись найти носком именно тот крохотный, не засыпанный песком участок льда. Вскинув руку, я ухватила ее за воротник дубленки, в результате небольшой возни успешно выигрывая бой с силой тяжести и придавая ей устойчивое положение. Это было совсем не сложно, учитывая, что весила она не больше пятидесяти килограммов.

– С-спасибо, – заикнулась спасенная, часто моргая и прижимая к груди сумку.

– Нет проблем, – улыбнулась я. – Вы лучше по тому краю идите, там песка больше, – присоветовала я напоследок, отворачиваясь и двигаясь в сторону перехода.

И чего я влезла? Сейчас бы она шлепнулась и больше в такую погоду на каблуках не выходила. Или под ноги смотрела бы чаще, чем

по сторонам. С другой стороны, перелом таким падением на лед заработать несложно, так что моя помощь пришлась очень кстати.

Терпеть не могу вот такие споры с собой. Вроде сделала хорошее дело, так зачем думать, нужно было вмешиваться или нет? Это слишком просто, а Агате сложности подавай. Их же вокруг так мало, особенно в последнюю неделю.

Свернув в сторону Толстовского сквера, напичканного детскими лесенками, качелями, лабиринтами, а также лавочками и уличными тренажерами до неприличия, вскоре я уже шла мимо него к трамвайным путям. С неба посыпала мелкая белая крошка, то ли снег, то ли лед. Закинув голову, я поймала парочку на язык, тут же ловя себя на собачьем движении. Вот черт, неужели это сущность проявляется в таких мелочах?

Миновав площадь Искусств, я наконец-то оказалась в парке, с ходу заприметив спину Яблонева, сидевшего точно так же, как и при нашей первой встрече. Существование шапки парень, похоже, игнорировал, хотя из-под кожаной куртки на спину падал черный капюшон толстовки. Словно почувствовав мое приближение (скорее всего, так и было), он повернулся в мою сторону и улыбнулся.

– Привет, – чуть запыхавшись, выдала я, улыбнувшись в ответ.

– Привет, – кивнул он, спрыгивая со скамьи. – Не подскажешь, почему у меня в голове играют «Дети любви»?

Чего? Он слышал, что я слушала, идя сюда? Это... круто. Тряхнув головой, я напела, сдергивая наушники:

– У нее был муж! У него была жена! Их город был мал, они слышали, как...

– ...на другой стороне мешают ложечкой чай, – подхватил Влад, и мы понимающе улыбнулись друг другу.

– Я слушала эту песню, когда шла, – пояснила я то, что он вроде бы и так уже знал. – Несколько раз.

– Значит, я поймал твою волну.

– Неосознанно?

Яблонев красноречиво посмотрел на меня, как бы предлагая не молоть чепухи. Смутившись, я завозила с плеером, отключая его до обратной дороги в одиночестве. Волну он мою поймал! Угу, эфирную. Я же как ходячая радиостанция.

– Итак, как я вижу, ты сегодня разговаривала с Ирой, – начал ведьмак, когда мы, не сговариваясь, пошли вперед по аллее.

– Ага. Она мне рассказала кое-что интересное.

– Не сомневаюсь, – хмыкнул Влад, сунув руки в карманы.

– У тебя с ней какие-то проблемы? – резко спросила я.

– Скорее у нее со мной, – внимательно посмотрел парень, и бровью не поведя на мой тон. – Что же интересного тебе рассказала Лошадка?

– Что ты – ежик в тумане, – буркнула я, и, переглянувшись, мы прыснули.

– Гнусная клевета. Я – ворон во мраке леса, – отшутился Влад, и известная доля правды в этой шутке была.

– Хорошо, ворон во мраке леса. Тогда я... дог в просторах полей.

– Принимается, – благосклонно кивнул Влад, улыбнувшись краешком рта. – Как вчера доехала?

– Хорошо, только Ирка и Леша всю дорогу придумывали мне клички, – наябедничала я, переставая понимать, что делаю. Вроде бы намечался серьезный разговор, у меня и солидный список вопросов в голове вертелся, да и у него, наверное, тоже, тогда почему мы просто идем и дурачимся, как... старые знакомые?

– Мерзавцы, – протянул Влад, подмигнув мне.

– Вот-вот, – поддакнула я.

– «Альму» кто-нибудь предложил?

– Влад!

– Что, не предложили?

– Одной из первых!

– А. Вообще никакой фантазии у этих светленьких, – скорбно покачал головой Яблонев, и я, против воли, снова захихикала.

– Так, ладно. А ты бы что предложил, о оригинальный темненький? – поинтересовалась я.

– Назови букву.

– «А».

– Тогда никакой клички. Мне слишком нравится твое имя, Агата, – улыбнулся парень.

А мне нравится, как ты его произносишь. Хорошо, что удалось вовремя удержать это на языке.

– Тогда «В».

– Тут все просто, – поморщился Влад. – Сокращаем твою фамилию, и получается «Воля».

– Скучно, – оценила я. – Как насчет «Д»? Скажешь «Душка», и я уйду, – предупредила я, припомнив этот вариант, озвученный Березиным.

– Что? Назвать тебя Душкой? Это же надо быть бессмертным, – польстил мне практикующий.

– Поздравь Березина. Он бессмертный, – хмуро поделилась я, и Влад расхохотался.

– Ладно, если серьезно, я бы оттолкнулся от своей «клички» и назвал тебя Герцогиней.

Ого. А вообще звучит. Вспомнив статного черного немецкого дога на фото в статье, я даже приосанилась. Будь это девочка, такое имя ей бы точно подошло.

– Мне нравится, – удивленно признала я. – Раунд за темными, Князь.

– Рад стараться, Герцогиня, – коротко поклонился Яблонев.

– Князь и Герцогиня, почти как «Леди и Бродяга», – улыбнулась я, вспомнив мультик.

– Не смотрел, – пожал плечами Влад.

– Как это – не смотрел? – округлила я глаза. – А «Все псы попадают в рай»?

– Не-а.

– Ну хоть «Болто» ты смотрел?

– Это да. Ты осознаешь, что только что назвала мне мультфильмы, где все действующие персонажи собаки или волки?

Я моргнула, понимая, что он прав. Интересно, никогда раньше об этом не задумывалась, но...

– Это тоже сущность, да?

– Тяга к собачьему племени? Да, определенно.

Я замолчала, думая, с чего начать и к чему подступиться. Или сегодня мы продолжаем начатое вчера? Влад смахнул с волос снежинки, но так и не накинул капюшон. В отличие от меня, он действительно гулял и был спокойным, как скала, или, ворон, нашедший себе удобную ветку. Я же нервничала, то и дело оглядывалась по сторонам, неизвестно чего ожидая. Как будто Яблонев шел в своем мире, а я параллельно ему, по самой границе,

любопытничая, набираясь смелости перешагнуть эту черту и в то же время сдерживаясь из-за нерешительности.

– Откуда ты знаешь, что я твой фамильяр?

Вряд ли это было написано у меня на лбу.

– В ночь перед встречей с тобой я провел один ритуал, – искоса взглянул на меня Влад. – Что-то вроде зова, на который должен был откликнуться фамильяр. И через день я увидел тебя. Поначалу мы не планировали заглядывать в парк, но ноги сами принесли меня к той скамейке. Так как «случайно» у нас ничего не бывает... – Он замолчал, давая мне додумать самой.

– Ты уверен, что я именно та, кто тебе нужен?

Фу, как пафосно это прозвучало.

– Абсолютно, – серьезно посмотрел на меня Влад, и все отголоски шутивого настроения, царившего в первые минуты нашей встречи, растаяли, не оставив и следа. – В моем роду, а я, как ты, надеюсь, помнишь, потомственный ведьмак, фамильяра отыскивают к восемнадцати годам. Максимум к двадцати. Мне же двадцать три. Я просрочил с образованием связи практикующего и фамильяра на пять лет. С восемнадцати, раз в год, я проводил ритуал поиска, суть которого – свести меня с предназначенным мне фамильяром в одно время и в одном месте в течение двух дней после него. Я уж думал, что мы с Лешкой в этом смысле неудачники, и вдруг он нашел Иру.

– И ты сразу же взялся за этот ритуал?

– Два дня, Агата, – закатил глаза Яблонев. – Нет, сначала я подумал, что Березину повезло наткнуться на своего фамильяра на улице, без какого-либо обращения к высшим силам. К тому времени я отказался от мысли о поиске фамильяра, решил, что мне не суждено из-за того, что я – нарушение преемственной линии.

– Это как понимать? – насторожилась я.

– Дар в моей семье передавался от матери к дочери, всегда рождались девочки, но моя мама сломала систему, – усмехнулся парень. – Это могло перечеркнуть многие традиции рода.

– Тогда что заставило тебя провести ритуал в этом году?

– Не что, а кто. Захарова с Праховой набросились с двух сторон, как с цепи сорвались. – Он снова закатил глаза, и я поймала себя на мысли, что сама так часто реагирую на нечто надоедливое или глупое. – Я провел ритуал, и, когда в первый день прогулок по городу с

Настей чуда не произошло, на второй за меня взялась Варвара. Мы прошлись по моему району, заходили в магазины и скверы, в несколько торговых центров, пока не оказались на проспекте.

Мы с Владом остановились у неприметной лавочки в небольшом закутке между аллеями. Яблонев смахнул со скамьи снег и присел, кивая на место рядом с собой. Чуть посомневавшись, я, в конце концов, вспомнила, что никогда не болею, и опустилась на деревянное сиденье, с удовольствием вытягивая ноги. В воздухе запахло табачным дымом, и я осуждающе посмотрела на закурившего Князя.

– Не боишься, что оштрафуют? Общественное место вообще-то.

– Я мало чего боюсь, – лукаво посмотрел на меня Влад. – И уж точно в этот короткий список не входит малый процент вероятности быть оштрафованным зимним морозным вечером в пустынном парке за курение.

Настала моя очередь закатывать глаза. Самонадеянный до неприличия!

– Напомни мне сказать «я же говорила», когда этот малый процент вероятности произойдет, – проворчала я.

– Ты противник курения?

– Нет, просто... – Я замолчала, не совсем понимая, как собиралась продолжить фразу.

Я не могла причислить себя к борцам за здоровый образ жизни со своей тягой к поверхности дивана и жареной пище. Почти половина моей группы была никотинозависимой, выбегая на каждой перемене за угол корпуса и на ходу доставая сигареты. Даже запах табака от рук и одежды одноклассников не раздражал меня, в отличие от их тупости, проявляющейся с завидным постоянством, но... Мне бы не хотелось, чтобы какой-нибудь патруль обнаружил нас и испортил всю беседу штрафом за курение в неположенном месте, а еще самоуверенность и вальяжность Влада действовали на нервы. К тому же моя позиция спрашивающего заставляла чувствовать себя ребенком, донимающим взрослого.

– Лестно, что ты заботишься обо мне, – тем временем улыбнулся Влад, затушив не скуренную и наполовину сигарету о кованный подлокотник лавочки и отправив ее в соседнюю урну.

– Вандализм, – буркнула я, глядя на серое пятно пепла на черном металле.

– Очень приятно, я – Влад, – протянул он мне руку, криво улыбаясь.

– Как смешно, – оценила я.

Серые глаза ведьмака вспыхнули чем-то похожим на нетерпение и указали путь от моей руки к его.

– Ты думаешь об этом все время нашей прогулки. И думала весь день до нее. И наверняка вчера, перед сном. Так зачем сдерживать себя?

Сумбур, возникший в голове после этих слов, вряд ли поддавался описанию. Я понимала, о чем говорил Яблонев, но от легкости, с какой он это преподносил, становилось не по себе.

Да, глупо отрицать, что с тех пор, как вчера на лоджии квартиры Кати и Миши соприкоснулись наши руки, я не возвращалась в мыслях к этому моменту хотя бы раз в час. Уверена, что-то подобное снилось мне ночью, так что он и здесь был прав.

Волшебное ощущение уюта и осознание правильности своего места... с ним не хотелось расставаться. Беда в том, что возникало оно только при прикосновении темного ведьмака, прекрасно знающего об этой стороне воздействия на меня. Не просто знающего, но и понимающего, насколько оно успело стать желанным. Как я умудрилась вляпаться в лужу мистики, границы которой заприметила еще издали?

– Ты снова собрался отвлекать меня? – прищурилась я.

– Я снова собрался помочь тебе. Судя по тому, как тревожно замерцали твои цвета, тебя вот-вот распылит на эмоции, – выдержал мой взгляд Яблонев.

– И что это должно значить?

– Что ты нервничаешь, растерянна и смущена. Небольшой перевес хотя бы в одну сторону, и ты вспылишь, используя гнев в качестве защитной реакции на обилие информации. Просто коснись моей руки, Агата, и это станет лучшим ответом на твой вопрос.

Движимая любопытством и нежеланием спорить или отрицать правду, тем более глядя в эти серые глаза, я стянула с правой руки перчатку. Пальцы заколол мороз, но прежде чем я успела почувствовать холод и влажность тающих снежинок на коже, наши руки оказались прижаты друг к другу совсем как вчера. Его указательный и безымянный пальцы нежно погладили мое запястье,

словно приветствуя, и я снова погрузилась в этот сладкий домашний уют.

Появившиеся от прикосновения Влада мурашки по серпантину окружили руку, добираясь до предплечья, а оттуда перекидываясь на шею. Все равно что после долгого путешествия оказаться дома и плюхнуться на любимый продавленный диван.

Я забыла, что хотела сказать. Яблонев был прав. В наших соприкасающихся руках находился ответ на мой вопрос. Объяснение его уверенности. Утешение моей тревоги и узда волнения. Опора для веры в то, что я именно та, кого он так долго искал. Его фамильяр.

Нерешительно я погладила его запястье в ответ, пробравшись под узкий рукав толстовки. Влад вздрогнул, недоверчиво взглянув на меня из-под ресниц. Прежде чем я успела испугаться своего жеста, ведьмак улыбнулся.

– Все еще думаешь, что я ошибся, увидев в тебе своего фамильяра, Агата?

– Ты спрашиваешь не потому, что хочешь узнать ответ, – пробубнила я. – Просто тебе нужно, чтобы я признала твою правоту вслух.

– Блестящее наблюдение, а главное, весьма точное, – хмыкнул Влад, не делая никакой попытки остановить мои пальцы или убрать руку. Вместо этого он возобновил свое движение, и какое-то время мы, как два идиота, продолжали гладить запястья друг друга, тесно прижимаясь ладонями. Я дрейфовала на теплых волнах спокойствия и удовольствия, вызванных тесным контактом с Яблоневым, до тех пор, пока не почувствовала готовность вернуться к разговору.

– И что это будет значить для меня? Если я соглашусь стать твоим фамильяром?

– Силу. Спокойствие. Контроль над собой. Получение и развитие ряда способностей. И... близкого человека, – немного помолчав, взвешивая каждое слово, ответил Влад. – Если ты согласишься быть моим фамильяром... То обретешь лучшего друга, брата, наставника и защитника в одном лице, потому что я обещаю, что способен стать всем этим для тебя.

От меня не укрылось отсутствие в этом перечислении еще одной значимой роли. Как раз той, о которой у нас сегодня был разговор с Ругаловой. Друг и брат, даже защитник, но не парень. Интересно,

Леша Ирке поначалу то же самое в уши капал или у них у всех свой оригинальный подход? Как бы там ни было, уточнять этот нюанс я не собиралась. Скорее язык откушу, чем выдавлю из себя хотя бы намек на подобное.

Он вообще меня в этом смысле не интересует! Буду первой, кого миновал «стандартный косяк» новенькой с влюбленностью в темного ведьмака в их компании. Стоп. Я что, уже все решила? Сидеть, Агата, место.

– Это ты назвал только плюсы. А минусы где?

– Какие минусы? – приподнял бровь Влад, по-птичьи склонив голову набок.

– Ну, не знаю... Что-то вроде правил для фамильяров? Ирка меня немного просветила на этот счет.

– Правила – необходимая мера для результативности процесса нашего соглашения, а не минус. Это винтик, без которого машина не сможет работать.

– Соглашение подразумевает, что обе стороны что-то получают взамен. И если я получаю все, что ты перечислил, то что достается от меня тебе?

– Ровно все то же самое, что и тебе от меня, – подался вперед Влад, не отпуская моего взгляда. – С тобой я стану намного сильнее. Буду быстрее приходить в себя после отдачи, вызванной моей работой. И у меня наконец-то появится человек не из круга семьи, которому я смогу полностью доверять, что для меня очень важно.

– То есть во мне ты обретишь лучшего друга, сестру, защитника?

Звучало сказочно. Настолько сказочно, что хотелось ущипнуть себя за щеки и подергать за мочки, чтобы проснуться и понять, что пора на учебу.

– И в чем-то наставника. По идее, мы перейдем некоторые черты друг друга, – улыбнулся Яблонев краешком рта, и на щеке парня впервые за вечер появилась милая ямочка, в которую мне почему-то тут же захотелось ткнуть пальцем. Слишком милая для его темного рокового образа. Слишком правдоподобная и нормальная, что в данной ситуации и считалось странным.

– Где подвох? – прямо спросила я, мысленно разбивая розовые очки о серую стену цинизма. Симпатичный парень сваливается как снег на голову, оказывается сведущим в магии (или как еще это

обозначить), называет своим помощником и обещает самую крепкую дружбу на свете. В этой бочке меда просто обязана быть ложка дегтя. Закон подлости не может дать осечки.

– А если я скажу, что его нет?

– Я тебе не поверю, стряхну с ушей лапшу и уйду, – передразнила я его милую плоскую улыбочку.

– Где гарантии, что ты не уйдешь, когда узнаешь, в чем подвох?

– То есть он все-таки есть. Смотри-ка, кое-что проясняется. – Я выжидающе посмотрела на ведьмака. – Серьезно, Князь, как я могу согласиться, если точно, во всех деталях, не знаю, на что соглашаюсь и какие возможны последствия? Это что-то вроде «всегда читайте мелкий шрифт», – пожалала я плечами.

– Хорошо, Герцогиня. Каким мелким шрифтом забила тебе голову Ругалова?

Сощурившись на тон, в каком Влад задал последний вопрос, я убрала руку от него. Если дальше разговор превратится во что-то неприятное и раздражающее, лучше быть подальше от недавно обретенного волшебного успокоительного. Когда нужно, мой гнев работает и как молот, и как щит.

– Она сказала, что самые большие проблемы с доверием, временем и общением. Но я еще слышала про тренировки, вроде бега по стадиону... Проясни этот момент тоже.

– Светленькие, – закатил глаза Яблонев, откидываясь на спинку скамьи и снова пряча руки в карманы куртки. – То, что перечислила тебе Ругалова, не проблемы, а недостаток опыта и слаженности между ней и ее практикующим. Все эти сложности решаются банальной практикой. Чем больше фамилляр и практикующий узнают друг о друге, чем больше проводят вместе времени, тем проще им общаться и находить это время друг на друга. Из этого же растет взаимное доверие. – Согласна, в логике Владу не откажешь. – Что касается тренировок, то я также не вижу в этом чего-то из ряда вон. Практикующие тренируются ментально постоянно, дар для нас – все равно что мышца внутреннего духовного мира. Так как сила фамиллярна исходит от его сущности, то для начала он должен натренировать сосуд, в который эта сила поступает, то есть тело. Для того чтобы уметь применять все сильные стороны дога тогда, когда тебе этого захочется, нужно слиться с сущностью, стать такой же, как

она. Ты распознаешь запахи, твое обоняние очень острое, но сможешь ли ты взять след? Да еще и не физический, а ментальный след чьей-то энергетики, например моей?

Конечно же, нет. Я вообще сомневаюсь, что это возможно. А если все-таки возможно, то какими тренировками этого добиться? Как учуять то, у чего нет запаха?

– Если все это тяжело только для светленьких, то что считают проблемами темненькие?

– Темненькие не видят сложностей в принципе. И уж точно не думают о них заранее. Как только ты начинаешь думать, что что-то не получится по той или иной причине, ты работаешь себе во вред. Это все равно что отказаться от интересного путешествия из-за того, что собираться долго. Едва появляется одна сложность, как за ней тут же потянутся другие: билеты дорогие, отель неподходящий, погода непонятная... Нет, лучше не ехать. Месяца через три попробую. И так каждый раз.

– То есть ты говоришь: соглашаться, не раздумывая, и сложностей не будет?

– Агата... – Влад покачал головой, вытягивая ноги.

– Что? У тебя тут явно личная заинтересованность!

– Скажешь, у Ругаловой ее нет? – проницательно посмотрел на меня Яблонев, и вся его расслабленность улетучилась.

В практикующем снова проступили та жесткость и сосредоточенность, какую я видела вчера на лоджии. Словно он был хищником, заключенным в человеческое тело, или... птицей, готовой вырваться из клетки, едва представится такая возможность. На что бы это ни было похоже, оно вызывало у меня чувство тревоги, даже заставляло присмиреть, но не пугало.

– Ты знаешь, что она не хочет, чтобы я была твоим фамильяром.

Я даже не спрашивала. Понимала, что он действительно в курсе отношения Ирки ко всей этой ситуации.

– Не важно, чего она хочет или не хочет. Думать об этом – забота Березина, как ее практикующего. Здесь дело исключительно твое и мое, остальные за бортом. Я не говорю, что сложностей не будет. Всего лишь указываю на то, что думать о них сейчас – пустая трата времени. Все это очень индивидуально. У каждого фамильяра и практикующего свои заморочки. Кто-то ревностно относится к своему

личному пространству, кто-то настолько непунктуален и безалаберен, что это становится проблемой для практикующего, а кто-то капризничает каждый четверг. Ты сказала: «Сложности с общением». Что ты в это вкладываешь?

– Ну... – Отлично, Ругалова заразила меня своим «нуканьем»! – Постоянные споры, трудности в нахождении компромисса...

– Мне нравится, когда со мной спорят, – огорошил Яблонев.

– Ты передумашь, когда столкнешься со мной.

– Видишь? Это уже не проблема, – фыркнул Влад. – Думаю, это станет нашим видом спорта.

– Ты уверен, что я соглашусь.

– Я бы хотел, чтобы ты согласилась. Я чувствую, что ты – мой человек, – серьезно ответил парень, и тараканы в моей голове пустились в задорный пляс, жонглируя дамскими романчиками. – Дело не в энергетике, не в том, что мы чувствуем, когда соприкасаемся руками, хотя и это, безусловно, тоже. Мы во многом похожи. Даже наши сущности выражают одно и то же стремление к свободе и отсутствию границ. Заметила, как мы сейчас шли?

О да, этого я, человек, которого вечно все просят идти помедленней и спрашивают, где пожар, просто не могла упустить. Мы шли в одном темпе. Даже, кажется, в ногу.

– Ирка постоянно просит меня ползти как улитка, – сморщилась я.

– Обычно я хожу еще быстрее, – подмигнул мне Влад.

– Я тоже, – скромно улыбнулась я, умолчав о том, что иногда предпочитаю и вовсе переходить на бег.

Мы притихли, каждый думая о своем. У меня был еще один важный вопрос на сегодня, но я не знала, как к нему подступиться. Стянув перчатки, коснулась ладонями деревянного сиденья, стараясь через руки остудить лихорадочно бегающие мысли. Яблонев ждет ответа.

Все это комично напоминало предложение руки и сердца, и я была совсем как типичная книжная простушка, половшая грядки у дома и увидевшая, как к нему подъезжает принц и просит стакан воды. И вот я могу дать ему этот несчастный стакан воды и оказаться в сказке, а могу сделать вид, что обычная крестьянка, и пускай идет, ищет себе воды у кого-то из своего круга.

– Есть что-то еще, верно? – прервал наше уютное молчание и снежную тишину парка Яблонев. С ним даже молчать было удобно!

– Да. Только я не знаю, как ты отнесешься к этому вопросу, – закусила я губу, убирая руки с лавки.

– И не узнаешь, если не спросишь, – отметил ведьмак. – Равно как и не встретишь сложностей, пока не шагнешь на дорогу.

– Не мог бы ты ненадолго прекратить свою агитацию? Я уже поняла, что это важно и нужно тебе, но оно напрямую касается меня, ясно? – огрызнулась я.

– Ясно-ясно, – поднял руки вверх Яблонев, не прекращая улыбаться.

– Что?

– Твой дог бегают за своим хвостом, – прыснул он, глядя на мое туловище. – Очень забавно.

Я застыла, ошарашенно моргая. В эту секунду я сожалела сразу о двух вещах: невозможности самой посмотреть на свою сущность и морозе, мешающем слепить снежок и одним броском стереть с его лица это самодовольное нахальное выражение!

– Рада, что в очередной раз удалось тебя повеселить, – процедила я.

– Верю, – кивнул Влад. – Ты так и излучаешь желание радовать меня дальше. Кстати, у тебя губы трясутся.

– Влад!

– Не надо так громко кричать мое имя, Герцогиня. Люди могут подумать что-нибудь не то, – приподнял он бровь.

– Какие люди, мы здесь одни! – возмутилась я, реагируя на его пошлый намек.

Парень кивнул куда-то мне за спину, и, обернувшись, я увидела неподалеку компанию ребят, шедших в сторону Первомайской. Чертов Влад Яблонев!

Снова повернувшись к ведьмаку, едва не столкнулась с ним нос к носу. Короткого мгновения хватило, чтобы он успел скользнуть по сиденью вплотную ко мне. Ноздрей коснулся его тонкий, приятный и неизвестный аромат, и я немного потеряла голову, глядя в серые затягивающие глаза.

Кто-то из проходящей мимо компании присвистнул и бросил нам с Владом нецензурное напутствие на продолжение этого вечера дома в

нескольких позах. Мои уши под шапкой заалели от смущения и раздражения, Яблонев же медленно повернул голову, глядя вслед весело гогочущей шайке.

– Никакого инстинкта самосохранения, – пренебрежительно высказал ведьмак.

Прежде чем я успела как-то замять досадный инцидент, со стороны компании послышались ругань и пара забористых реплик, из-за которых мамыши зажимают детям уши. Тот самый «советчик» шлепнулся на задницу, попав на наледь, и не смог встать с первого раза даже при помощи друзей.

– Надо же, как неловко, – прищелкнул языком Влад, с усмешкой наблюдая за тем, как парня наконец-то поднимают.

– Это ты?

– Конечно.

– Из-за того, что он сказал?

– А также что он подумал, – не отрицал Яблонев.

– И часто ты проворачиваешь такие штучки?

– Только когда обижают людей, которых я считаю своими.

– Прозвучало очень собственнически.

– От того, как это звучит, суть не меняется, – пожал плечами Князь.

– Ты причиняешь вред людям по просьбе других людей, да? – отчего-то шепотом спросила я, чувствуя, как внутри разливается нечто теплое, запоздало реагируя на заступничество Яблонева. Обычно, я сама могу за себя постоять, но знать, что на это способен кто-то еще... Приятно.

– Да, – честно ответил Влад, не попытавшись увильнуть от щекотливой темы.

– И те, кому ты делаешь плохо... Они этого заслуживают?

Пожалуйста, скажи «да».

– Я берусь не за все дела, а порчи и проклятия далеко не единственное мое занятие.

– Влад, – не сдалась я. – Они этого заслуживают?

– Ко мне приходят жертвы, Агата. Иногда их правота очевидна, и я сам вижу, что объект их страха или ненависти избежал наказания лишь по какой-то счастливой случайности. Тогда я просто восстанавливаю баланс. А порой мне приходится как следует

потрудиться для того, чтобы понять, напросился ли человек на то, что меня просят сделать. Так что, отвечая на твой вопрос: я делаю плохо тем, кто этого заслуживает.

– Например?

– Вчера я проклял парня, избившего свою беременную девушку в состоянии сильного алкогольного опьянения. Не хотел он ребенка, понимаешь? На трезвую голову сказать это боялся, поэтому как следует напился, набираясь смелости, а потом пустил в ход кулаки, когда она сказала, что справится и без него. Она больше никогда не сможет иметь детей, а ему ничто не помешает найти еще одну девушку и повторить все с ней. Заявление она писать на него отказалась, мама его ей в ноги упала: «Не губи сыночка, кровиночку», – вот она и не стала.

С каждым словом взгляд Влада становился все холоднее и злее, на скулах заиграли желваки, и на пару секунд мне стало понятно, отчего Ирка так пугалась его. Но эти секунды быстро истекли, Яблонев моргнул, встряхнул головой и посмотрел на меня как ни в чем не бывало.

– Тогда зачем же она пришла к тебе?

– Она и не приходила. Пришла ее заплаканная мама.

Этот ответ отбил у меня всякое желание спрашивать дальше. Влад поднялся, и я последовала за ним. Мы повернули в обратную сторону и пошли по правой стороне.

– Агата? – позвал Влад. – Я... напугал тебя?

– Думаю, ты знаешь, что нет, – покачала я головой.

– Знаю, но ты так долго молчишь, что я подумал, случилось что-то еще.

Я и не заметила, как мы дошли до выхода из парка.

– Я... Тебе в какую сторону? – растерянно посмотрела я на Влада, понятия не имея, где он живет.

– Я провожу тебя до дома, – поставил меня перед фактом Яблонев.

– Ах да, ты же знаешь, где я живу, благодаря стае ворон, напугавшей меня до смерти!

– Я приблизительно представляю, где ты живешь, все-таки навигатор из вороньей стаи никудышный. Скажи, что ты швырнула в снег, когда увидела их?

Знать не хочу, как он это увидел. Хватит с меня пока потрясений.

– Монетки, – нехотя пробубнила я. – У меня звучали «Черные птицы», и я... сопоставила некоторые вещи, ну и...

Влад расхохотался, не дав мне договорить. Он все и так понял. Поджав губы, я пошла вперед, пока ведьмак смеялся, откинув голову и стряхивая снег с волос. Быстро догнав меня благодаря своим длинным ногам, Яблонев, все еще широко улыбаясь, пошел рядом.

– И ты снова меня развеселила.

– Я в восторге.

– Не особо жажду возвращаться к агитации, но ты явно уже что-то надумала, я вижу, как мерцает твоя аура.

– Я думала, что от любопытства кошка сдохла.

– Да? А на Варваре этот принцип почему-то не срабатывает, – делано нахмурился Яблонев, и настала моя очередь смеяться.

Влад больше не пытался узнать, о чем я думала, и всю дорогу до дома мы болтали о музыке. Назвав парню свой топ-десять, я даже не удивилась, когда в шести композициях тот совпал с его. Немного поспорив, мы составили общий хит-парад, и за этим увлекательным занятием я сама не заметила, как мы оказались в моем дворе.

– Пришли. – Я указала на свой подъезд.

– Первый этаж и окна на ту сторону, верно? – приподнял бровь Влад.

– Верно. Слушай... – я запнулась, подбирая слова. – Я хочу быть уверенной в своем решении, каким бы оно ни было. Поэтому... можем мы пока просто узнать друг друга? Не знаю, погулять еще раз или... посидеть где-нибудь...

– Агата, – спас меня ведьмак от позорного и бессвязного бормотания. – Я понимаю. Связь фамильяра и практикующего – это очень серьезно, и я не вправе настаивать на поспешном решении. Как ты смотришь на то, чтобы прогуляться завтра со мной по проспекту?

Влад снова склонил голову набок. Перекатившись с пятки на носок и обратно, я постаралась дышать через нос и не обращать внимания на эйфорию, охватившую меня из-за близости следующей встречи. Уж не знаю, чем там полыхала для него моя аура, но Яблонев сделал вид, что ничего не заметил. Хороший мальчик.

– Если не будет снегопада, то хорошо.

– Снегопада не будет, – утвердил Яблонев.

– Что ж, я, пожалуй, пойду. Спасибо, что проводил.

Мне хотелось откусить себе язык, чтобы остановить эту непонятно откуда взявшуюся робость, лившуюся у меня изо рта, глаз и даже, кажется, излучаемую кожей. Почему он так действует на меня? Нет, не так. Почему я позволяю ему так действовать на меня?

– До завтра, Герцогиня, – улыбнулся Влад.

– До завтра, Князь, – ответила я тем же, кивнув ему, прежде чем припустить домой, где меня ждали мама, горячий чай и пара серий любимых сериалов. Капля обыденности сейчас точно не помешает.

Глава 8

Не помню, чтобы когда-нибудь мне хотелось спать так, как в этот вторник на четвертой паре ИСКА, то есть «Историографии социокультурной коммуникатологии». Подперев голову рукой, я скользила ручкой по желтому листу своей блочной тетрадки, делая вид, что что-то записываю. На самом деле получались какие-то несуразные линии и загогулины, таинственным образом переплетающиеся и соединяющиеся друг с другом.

С трудом подавив зевок, я глянула, как с сонливостью борется Ирка. Подруга быстро печатала что-то в телефоне, изредка поглядывая на преподавательницу, за всю пару так и не поднявшуюся из-за стола. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, чьим словам, высвечивающимся на экране, так глупо улыбалась Ругалова. Конечно же, ее общение с Березиным не могло полностью прекратиться даже на час.

– Скоро телефон тебе в руку встет, – пробормотала я.

– Кто бы говорил, – не отрываясь, цокнула Ругалова. – Ты всю экономику так же просидела. Точно не маме эсэмэски строчила. Мамам так в экран не лыбятся.

Зараза. Удержавшись от показывания языка, я как бы незаметно проверила телефон. Сообщений от Яблонева не было, да и с чего бы, когда три часа назад ведьмак написал, что в чат зайдет не раньше шести из-за работы. Что не мешало мне надеяться на массовую неявку его клиентов из-за погодных условий или магнитных бурь.

С нашей прогулки в парке наедине прошла неделя, и за это время мы виделись еще четыре раза. Каждая встреча длилась порядка трех часов, представляла собой прогулку по моему району и не обходилась без шутливых перепалок, хотя по большей части мы говорили о вещах серьезных и далеко не забавных. Например, о таинственном мире, частью которого Влад являлся, о связи фамильяра и практикующего или же о моих и его возможностях, но... У меня все еще не было ответа, а Влад не давил. Вскоре наше общение из личного перетекло в онлайн, и последние пять дней я не ложилась спать, пока не поболтаю с ведьмаком минут двадцать. Это превратилось в своего рода ритуал.

Яблонев не был зарегистрирован ни в одной социальной сети, и, услышав об этом в первый раз, я едва успела поймать свою челюсть до падения той в сугроб. Князь оказался ярким противником этой «плоской обнаженки и притворства» и вообще не хотел иметь ничего общего с «добровольной выдачей собственных данных». Позже Ирка объяснила, что такой политики придерживаются все практикующие. Подобная скрытность помогала им избежать различных сумасшедших, сталкеров и прочих троллей, не говоря уже об излишней известности.

В нашем двухчасовом споре о веке компьютерных технологий и необходимости идти в ногу со временем я обозвала Влада параноиком-неандертальцем, а в ответ темный заявил, что от Интернета и всех гаджетов, вместе взятых, больше проблем, чем благ. Наша дискуссия была прервана звонком мамы и вопросом, где это меня носит в половине одиннадцатого ночи, так что пришлось остановиться на ничьей. Вру. Он и это свел в свою пользу, сказав: «Видишь? Не будь телефона, твоя мама не оборвала бы нашу прогулку». Говоря, что спор станет нашим спортом, Влад, конечно же, был прав, в чем я не спешила ему признаваться. Еще чего.

Закатив глаза и подавив очередной зевок, я лениво скользнула взглядом по аудитории, без труда выявляя занятия одноклассников. КуКурятник погряз в разговоре в сети, изредка прыскавая от смеха и оборачиваясь друг к другу. Наверняка рассматривают и обсуждают чьи-то фотки. Еще пара девчонок слушала музыку, прикрыв волосами наушники, но мой острый слух все равно улавливал ритм композиций, хотя слов не различал. Несколько ребят читали электронные книги, кто-то громко бил по клавишам ноутбука, то ли печатая лекцию, то ли во что-то играя.

Позади нас с Иркой Маришка Богатырева и Нинка Алферова играли в морской бой, то и дело хихикая и используя «кодовые» шуточки, известные им одним. Разок обернувшись на них и наткнувшись на озорные улыбочки, я сама ухмыльнулась, понимая, что слово «пенис», явственно прошептанное пару мгновений назад, мне не послышалось. Сообразив, что их разговор не настолько тихий, как могло казаться, девчонки залегли на стол в беззвучном приступе хохота, толкая друг друга локтями. Покачав головой, я отвернулась от них, натываясь на взгляд Ярославы Самойловой.

Девушка смотрела куда-то мимо меня. Скорее всего, в окно, на метель, идущую уже второй час. Помотав головой из стороны в сторону, я привлекла ее внимание и взглядом спросила, все ли в порядке. Несмеяна кивнула в ответ и отвернулась, уткнувшись в тетрадку.

– Тебе не кажется, что Самойлова стала еще мрачнее? – тихо спросила я у Ругаловой.

– Кажется, – согласилась подруга. – Меня вообще от нее холод пробирает.

– Это как?

– Просто рядом с ней мне неуютно, – поморщилась Ирка.

Чуть подумав над ее словами, я рассудила, что это вполне закономерная реакция на человека, который никогда не улыбается. Людям нравится видеть эмоциональную отдачу, а со стороны Самойловой ее почти не бывает, а уж в положительном ключе и вовсе никогда.

– А мне нормально, ничего такого, – пожала я плечами.

– Это потому, что я чувствительней к эмоциям окружающих, – не преминула Ирка указать на свою светленькую способность.

– Ты же знаешь, я еще ничего ему не ответила.

– Я знаю, что он уже впился в тебя своими вороньими когтями, – отрезала подруга.

– Иди к черту, – беззлобно отмахнулась я на ее уже ставшее привычным бурчание.

– Меня к нему не пустят, – хмыкнула Ругалова, и, переглянувшись, мы прыснули, прикрыв рты руками.

– Ты сейчас к Леше? – спросила я, когда попытка под названием «четвертая пара» наконец-то подошла к концу и нас отпустили.

– Нет, пойдем погуляем, как нормальные подруги, а?

Ушам своим не верю! Удивленно глянув на Ирку, я встретила понимающую усмешку, и мы дали друг другу «пять». Быстро собравшись и одевшись, поспешили покинуть корпус, опережая многих одноклассников. На лестнице я едва не налетела на внезапно затормозивших Наташу Запатову и ее покровительницу, а по совместительству главу КуКурятника Ингу Марьянову.

– Вольская, ты смотри, куда летишь, – противно протянула Инга, не отрываясь от поиска чего-то в своей сумке.

– Марьянова, ты следи, где стоишь. Тут светофоров нет, собьют и разбираться не будут, – фыркнула я.

– Деревня, мы вообще-то в здании. Тут в принципе светофоров быть не может, – томно объяснила мне Наташа.

Мы с Ругаловой едва не покатались со смеху. Хохоча и оставляя Инге объяснять своей «подружке навеки», в чем причина нашего веселья, мы вырвались на улицу, попадая под большие снежные хлопья и безветрие. Какая романтическая погода... Жаль, Влад сегодня не сможет приехать... Зато у Ирки неожиданно освободилось «окно»!

– Поняла? Ты – деревня! – все еще не отпустило подругу, и она, взяв меня под руку, заржала совсем как лошадь. Уверена, специально.

– Да куда уж нам, холопам необразованным, до светлой блондинистой мысли, – важно закивала я, на середине не выдерживая и снова срываясь в смех. Последнее время стала замечать, что он у меня какой-то лающий... Или он был таким всегда, или деформировался на фоне осознания собственной собачьей сущности. Такое же может быть? Если человек способен психологически убедить организм, что тот болен, вызвав температуру и тошноту, то здесь, наверное, работает тот же принцип?

Обогнув родной гуманитарный корпус, мы начали спуск по Смидович. Проходя мимо пятачка, где обычно собирались курильщики, я вспомнила, что именно здесь состоялся тот странный разговор между Варварой и Ирккой.

– Ир, помнишь, я увидела тебя здесь с ПрахМиром? Чего они тогда от тебя хотели-то?

– Ну как... Леша договорился с Варей, что она предоставит нам своего идеального, – Ирка скривилась, – фамильяра для моей тренировки. Оказалось, что практикующие не все вещи могут показать на практике, а разъяснить только теорию. Иногда со мной занимается Миша, иногда Саша.

Вот оно как. Значит, если я соглашусь быть помощником Яблонева, в один прекрасный и не такой уж далекий день он щелкнет пальцами и велит мне бежать тренироваться с Сашей? Скопировав Иркино выражение лица, я подумала, что этому точно не бывать.

Не позволю я Мирковой изображать из себя наставника и указывать мне на ошибки. Одно дело Влад, его я еще стерплю, но уж точно не пантеру. Это, конечно, если я вообще скажу «да».

– Ир, а вы между собой как-то обсуждаете нашу с Владом ситуацию? – не удержала я язык за зубами, внимательно вглядываясь в лицо подруги.

– Ну...

– Даже не думай, – предостерегла я ее от попытки вранья.

– В общем, она, конечно, обсуждается. Все надеются, что ты осчастливишь Яблонева заветным «да». Прахова и Захарова вроде даже поспорили с какими-то заоблачными ставками.

Очаровательно. Интересно, что это за ставки и каковы границы спора. Одна говорит, что я соглашусь, а вторая – что нет? Или они обе уверены в согласии и спорят на конкретную дату? Клацнув зубами, я снова покосилась на бодро вышагивающую Ругалову. В последнее время она тоже стала быстро ходить, видимо, тренировки сказывались.

– А Влад?

– А что Влад? Влад у нас, как всегда, выше этих пререканий, чопорный му...

– Ира!

– Что думаю, то и говорю!

– То есть жизнь тебя ничему не учит, да? Последний раз, когда ты сказала то, что думала, тебе пришлось пересдавать основы теории коммуникации раз шесть!

– Семь, – хмуро поправила Ирка, вероятно, вспомнив, сколько нервов потратила на этом предмете. А не нужно было говорить преподу-разведенке за тридцать, что та придирается к ней исключительно из зависти к успеху у противоположного пола, и советовать больше краситься и меньше хмуриться.

– Тем более! Ладно, все, хватит о практикующих, Яблонец и так далее... Сегодня эти темы под запретом! – ввела я правило на этот вечер.

– Согласна. У нас прогулка подруг, – быстро переключилась Ирка. – И, согласно традиции, мы просто обязаны совместить ее с шопингом! Мне очень нужен новый браслет! – добавила Лошадка, прежде чем сделать большие глаза и трогательно захлопать ресницами.

– Хорошо, – кисло посмотрела я в ответ. – Браслет так браслет.

В небольшом магазинчике на проспекте, где продавались различные побрякушки, свечки, нашивки и прочие милые вещички, мы проторчали полчаса. Вовсе не потому, что здесь была толпа народа или

длинные очереди, как в супермаркетах в неделю скидок, а из-за нерешительности Ругаловой. Ей понравились сразу три браслета, и она не успокоилась, пока не перемерила каждый из них по пять раз. Нам с молодой продавщицей оставалось только понимающе переглядываться.

В конце концов, Ирка купила тот, что я посоветовала ей практически сразу как увидела. Пока она расплачивалась за покупку, меня привлек стеллаж со свечками. По-моему, здесь были всевозможные цвета и формы, а узоры не оставляли никакого пространства для воображения. Волны, снежинки, лебеди, языки пламени, розочки, звезды...

Удивительно, но раньше я не замечала этого уголка. Одна свечка особо притянула мое внимание. Фиолетовая с черными крапинами, толстая и высокая. Удар такой легко обеспечит шишкой. Интересно, почему, размышляя о каком-то предмете, я рефлексивно задумываюсь, какой вред он может нанести? Это проделки сущности или паранойя? Учитывая осторожность собак, скорее всего, первое.

Увидев ценник приглянувшейся свечи, я только что не присвистнула. Стоила она больше, чем моя шапка, перчатки и месячная оплата за Интернет, вместе взятые. Ничего себе цены!

– Цена удивляет? Это потому что она полностью покрашена, вся фиолетовая с черным, а не облита краской снаружи. Ну и, конечно же, размер имеет значение, – подмигнула мне продавщица.

– А в чем разница? – не особо поняла я. Все равно же видно, что она фиолетовая, и задумка ясна.

– Считается, что такие свечи идут в ход у разных фриков, – понизила голос девушка, опершись локтями на прилавок. – Для разных ритуалов, жертвоприношений, и что там еще им в голову приходит.

– Типа для экстрасенсов?

– Вот-вот, – активно закивала она. – Гадалок, шаманов, тут иногда такая публика заходит, что хоть стой, хоть падай. Однажды зашли и спрашивали, не продаем ли мы органы животных, – скривилась продавщица. – Сумасшедших вокруг как грязи.

Только тут до меня дошло, что все вещички в магазине были с налетом сверхъестественного. Кулоны в виде разных символов, когтей и клыков, кожаные напульсники с вытисненными знаками, подковы с надписями к новоселью, кольца с черепами и серьги в виде скелетов...

На стене за спиной Ирки вообще висели ножи и кинжалы с узорами и словами на непонятном языке... Книжные полки с брошюрками на тему, как познать себя... Мрак.

– Почему я раньше не замечала, что это оккультный магазин, а не сборище милых подростковых вещичек? – выпалила я, едва мы с Ругаловой вышли на улицу.

– Заценила, да? – довольно ухмыльнулась Ирка. – Сколько мы здесь были, никогда в глаза не бросалось, а сейчас просто режет, верно?

– Да уж.

– Это потому что мы теперь «в теме». Знаешь, это как с ходу узнавать симптомы болезни, которой переболел.

– Блестящее сравнение, Березин подкинул? – хитро посмотрела я на подругу, припоминая, что ее обновка – это цепочка коричневых деревянных шариков на черном кожаном шнурке. Надо думать, браслет Ирке нужен не только в качестве аксессуара.

– Да, – насупилась Ругалова. – Стоп, мы же договорились ни слова о практикующих!

– Ага, и ты первым делом потащила меня в кладовку сверхъестественного антуража.

– Ну... Осечка, признаю, – развела руками Ирка. – Тогда начинай ты.

– Хорошо... Как думаешь, мне пойдет фиолетовая прядь на челку? – ляпнула я первое пришедшее на ум.

– Купи мелок для волос и проверь, – хмыкнула Ругалова. – Я вот хочу закупить себе разных цветов и раскрашивать пряди по настроению.

– Уверена, что ты лошадь, а не жар-птица? – не сдержалась я, и мы захихикали. – Нет, серьезно, что, если покрасить?

– Ну нет, я точно против. У тебя шикарные волосы, и нечего их портить, – замотала головой Ирка.

– Да уж, шикарные, как же. Ты эти сеченые концы видела? – в доказательство я помахала ей кончиком своего хвоста, весь вид которого намекал немедленно идти в парикмахерскую.

– Не приbedняйся, – строго цыкнула на меня Ругалова. – Кстати, раз уж мы заговорили о волосах... Ты не поверишь, но я тут попробовала шампунь для лошадей...

Я захохотала прежде, чем она успела договорить. Согнувшись посреди улицы, я уперлась руками в колени, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы. О боже... Шампунь для лошадей, кто-нибудь, держите меня!

Телефон во внутреннем кармане пуховика завибрировал, и я услышала звуковой сигнал сообщения.

– Хватит смеяться! Серьезно говорю: эффект потрясающий! И блеск, и объем...

– Заткнись, Ир, – всхлипнула я, доставая телефон.

Князь: «Поделишься?»

Кажется, кто-то уловил мое веселье и не смог удержаться от вопроса! Усмехнувшись его любопытству, я быстро набрала в ответ: «Ирка моет голову шампунем для лошадей!», не покупившись на хохочущие смайлы. Не прошло и полминуты, как он среагировал: «Ради тебя могу обокрасть Кельта», вместо точки поставив смайл-дьявол.

Хихикая, я убрала мобильник обратно в карман, решив продолжить беседу вечером и не отвлекать ведьмака от дел своим трепом. Кто бы мог подумать, что даже такая мелочь, как смех, не останется без внимания?

– Это диагноз, – оценила Ругалова, глядя на мое, должно быть, абсолютно глупое выражение лица.

– Думаешь, я влипла?

– Знаю, подруга, знаю, – покачала она головой, но быстро встряхнулась, заболтав о фильмах, на которые хочет сходить. Благодарная ее сегодняшней сдержанности, я подхватила беседу, пустившись в рассуждения об актерах-любимчиках и ожидаемых картинах с их участием.

Споря о секс-символе нашего поколения из актеров, где я руками и ногами была за представителей Соединенного Королевства (ох уж этот их пробирающий до мурашек акцент!), мы как раз подходили к арке, ведущей в уютный дворик, затесавшийся между девятиэтажками. Это было одно из наших мест, где мы часто сидели в теплое время года.

– Не хочешь на качели? – приподняла я бровь, уверенная, что она думает о том же самом.

– Догоняй! – крикнула Ирка, побежав к арке.

Я бросилась следом, жульничая и срезая угол прыжком через бордюр. Нагнав Ирку, я удивилась, когда не получилось ее оббежать, а потом Ругалова и вовсе совершила ранее невозможное для нее. Обогнала меня.

Плюхнувшись на качели, не потрудившись смахнуть с деревянного сиденья снег, подруга запрыгала на них, раз за разом очерчивая согнутыми в локтях руками победный круг перед собой:

– Кто сделал Агату на прямой дистанции метров в двести? Ира сделала Агату!

– Тоже мне победа, – безразлично пожала я плечами, глядя в темнеющее небо. – Я просто уступила.

Черт, как она меня обошла? Это же Ирка! Человек, которого на бег может сподвигнуть только прямая угроза жизни! Ну да. А еще фамилляр с сущностью лошади, за последний месяц с кем только не тренирующийся.

– Хорошо, что у тебя нос от вранья не растет, – фыркнула Ругалова, и мы снова прыснули.

Поставив сумку на соседствующую с качелями лавочку, я плюхнулась на сиденье напротив, схватила за столбы и оттолкнулась от них, раскачивая нас. Ирка подалась навстречу, и какое-то время мы просто качались, ни о чем не говоря и даже вряд ли думая. Мне нравилось это чувство подвешенности, особый ритм и реакция тела. Словно побег от собственной тяжести. Секундный, но такой ощутимый.

– Тормози, – внезапно выпрямилась на сиденье Ирка, стараясь ухватиться за столбы и замедлить качели со своей стороны. – Скорее, тормози.

Всякое веселье и непринужденность исчезли с лица подруги. В считанные мгновения Ирка превратилась в серьезную и сосредоточенную девушку, что-то напряженно высматривающую за моей спиной. Волнение Ругаловой передалось и мне. Еще не понимая, в чем дело, я уже знала, что это нечто опасное и касается мира практикующих. Видимо, сбегать от этого надолго невозможно. Особенно если являешься его частью.

– Что случилось?

– Кто-то приближается, – встряхнула головой Ирка. – Кто-то очень агрессивный.

– Кто?

Она спрыгнула с качелей, не спуская глаз с арки, через которую мы вошли. Наблюдая за входом, Ругалова потянулась к своей сумке, достала из наружного кармана два коричневых напульсника с синим тиснением и, стянув перчатки, нацепила их себе на запястья, задирая рукав пуховика и водолазки. В свете зажегшихся фонарей на ее пальце сверкнул лазурит.

– Агат, иди домой. Я вечером позвоню, – покосилась на меня подруга, когда я точно так же спрыгнула с качелей и подошла к ней.

– Да вот еще. Никуда я отсюда не пойду! – взъерепенилась я, не понимая, как Ирке это вообще могло в голову прийти.

– Тогда особо не лезь, просто стой в стороне и скрести ноги или руки, а лучше и то, и другое... Говорю просто на всякий случай, надеюсь, до такого не дойдет: не позволяй дотронуться до голой кожи.

Такая Ирка была мне незнакома. Передо мной стоял боец, и я решительно не понимала, как такое возможно. Да, Ругалова говорила, что это как совмещать два режима, но я не представляла, какой это пугающий контраст и как легко получается переключиться с первого на второй. А ведь рядом даже Березина нет!

Из арки появилась высокая девушка в черных джинсах, зеленой дутой куртке и черной, меховой, приплюснутой на один бок кепке. У нее были настолько широкие плечи, что я интуитивно приплюсовала ей занятие плаванием на профессиональном уровне. В нашу сторону девушка практически маршировала, не сводя глаз с Ирки. Неудивительно, что подруга почувствовала ее приближение. Я бы тоже наверняка уловила такой негатив издалека.

– Кто это?

– Алена. Фамильяр того темного ведьмака, которого я толкнула в сугроб на Первомайской.

– А по сущности кто?

– Крокодил. Она очень мощная. Мощнее, чем кажется.

– Вы уже сталкивались?

– Нет, но я видела ее стычку с Мирковой. Впечатляюще.

– Она хочет тебе врезать?

– Определенно, – спокойно кивнула Ирка, скрестив руки на груди.

Девушка дошагала до площадки, на которой мы стояли, и остановилась шагах в десяти от нас. Я прикинула, что, если она

сделает рывок и Ругалова не успеет увернуться, обе полетят через лавочку и покатаются по снегу на дорогу.

– Здорово, Пони, – начала Алена, скользнув по мне цепким взглядом, чем-то напомнившим въедливое изучение Саши, когда та находилась рядом с Праховой. Девушка выявляла угрозу. Что бы она во мне ни увидела, это ее не впечатлило, раз она так скоро вернула все внимание Ирке. Ну и зря. У меня есть опыт, а у Ирки – нет.

– Чего здесь забыла, большая Крокодила? – процедила Ругалова, и я отчего-то легко представила, как ее лошадь лягнула задними копытами воздух.

– Лишних убери, – кивнула на меня Алена.

Внешности она была, прямо сказать, не самой приятной. Особо в глаза бросались тяжелая квадратная челюсть и близко посаженные голубые глаза. Из-под кепки торчали короткие светлые волосы.

Все же что-то в ней было. То ли чувствовалась сила, то ли какая-то особая харизма, излучаемая всеми темными. Та самая крупница понимания, что никто из них не побоится дать отпор. Вспомнив, как быстро Влад наказал того скабрезного парня в парке, я поняла, в чем именно выражается эта опасность. Темные мгновенно схватывали ситуацию и действовали. Решительно и основательно.

– Вот и уберишься, – услышала я себя. – Ты тут лишняя.

Голубые глаза чужого фамильяра снова остановились на мне, и на этот раз я заслужила более пристальное внимание.

– Ты чья?

– Она своя собственная, – отрезала Ирка. – Говори, зачем пришла, и проваливай.

– Тпру, – усмехнулась Алена. – За тобой должок, Пони. Я предупреждала не распускать свои копыта на моего ведьмака.

– А я предупреждала твоего ведьмака свалить с дороги. Его глухота не моя проблема. Води его тогда за ручку и смотри, кому он проход загораживает.

Чувствуя уверенность, с которой говорила Ирка, я поняла, что виноватой она себя не считает. И вновь меня удивила произошедшая с ней перемена. Откуда взялись эти стальные нотки в голосе?

Статус фамильяра менял человека больше, чем я могла себе представить. Очевидно, я так и не нашла правильных вопросов, чтобы получить все проясняющие ответы. Возможно, Яблонев в очередной

раз был прав, говоря, что нужно шагнуть на дорогу и прочувствовать ее самому, а не сидеть дома и перебирать все, что может или не может случиться.

– Я была на соревнованиях, – обнажила Алена крепкие и ровные белоснежные зубы. Надеюсь, она не предпримет попытки покусать Ирку. Я слышала, что захват челюсти крокодила – железный, и, догадываясь, как много совпадений между физическими способностями сущности и тела, не сомневалась, что палец Алене лучше в рот не класть. Во всех смыслах.

– Значит, таскай его с собой, – выдвинулась вперед Ирка. – В любом случае это ваши трудности. Я защищала своего практикующего от назойливости и идиотизма твоего.

– Ты только что назвала моего практикующего идиотом? – тихо переспросила Алена, и ее глаза нехорошо сверкнули.

– Каждый услышал то, что хотел, – вывернулась Ругалова. Оправдываться она точно не собиралась, и я почувствовала прилив гордости за подругу. Пожалуй, такой Ирка нравилась мне даже больше.

Я не поняла, в какой момент Алена начала движение, уловила только зеленое надвигающееся полотно ее куртки. Оттолкнув Ирку в сторону, потащив за капюшон, я нелепо упала на одно колено, получив локтем в бок от нашей противницы. Шапка съехала на глаза, холод обжег ногу, еще один тычок повалил меня на бок, и при падении я умудрилась прикусить язык.

Зашипев от острой боли, я сглотнула кровь, поднимаясь на руках. Стащив шапку на затылок, увидела, чем на самом деле была возня, слышащаяся из-за лавки. Ирка и Алена катались по площадке, вцепившись в воротники и высказывая все, что думают друг о друге. На моих глазах Ругалова втиснула колено между собой и нападающей, стараясь скинуть ту. Крокодил занимала ведущее положение, перехватив руки Ирки и сидя верхом на ней.

Из моего рта вырвался какой-то нечеловеческий звук, напоминающий рычание и приятно щекотавший горло. Вскочив на ноги, я перемахнула через лавку, сбивая Алену с Ирки, и покатила с ней дальше. Она и впрямь была мощной, ее руки умудрились пощекотать мои ребра даже через пуховик, но фамилльяр допустила ошибку. Недооценила степень моего бешенства.

Не чураясь грязной игры, я сбила с нее кепку, зарылась рукой в перчатке в короткие волосы и макнула головой в сугроб. Заорав, она заворочалась всем телом, пытаясь сбросить меня с себя, и каким-то непонятным образом у нее это получилось. Ударившись спиной обо что-то похожее на бордюр, я вскрикнула, и тогда ее руки сомкнулись на моей шее:

– Не лезь в разборки старших, дитенок, они тебя не касаются, – прошипела она, в то время как мне переставало хватать воздуха на вдох. Ее пальцы с короткими ногтями вжимались в мое горло с такой силой, что наверняка останутся синяки. Зарывшись рукой в снег, я кинула его в лицо Алене, и давящая сила исчезла, как и ее тяжесть.

Она начала подниматься, когда я, кашляя, схватила ее под колено и потянула на себя, заставляя упасть. Подбежавшая Ирка прижала ее за плечи, упершись коленом куда-то в грудь. Вдвоем нам все-таки удалось пригвоздить Алену.

– Проваливай отсюда, Крокодила, катись к своему ведьмаку!

– Одна ты бы меня не победила, Пони. Подруженька не всегда будет рядом.

– Ты меня недооцениваешь, – сдавленно ответила я, все еще пытаюсь откашляться.

– Ты не знаешь, куда влезла, – хмыкнула Алена.

Она еще умудрялась угрожать! И это в положении побежденного! Стиснув зубы, я снова сглотнула выступившую кровь, сейчас просто ненавижу свои острые зубы. Нормальные люди прокусывают до крови язык при сильнейшем ударе в челюсть, а мне хватает легкого касания. Несправедливо!

Не сговариваясь, мы с Иркой поднялись и отошли от Алены, давая ей подняться. Ругалова снова стояла, скрестив руки и ноги, и я заторможенно последовала ее примеру. Противница поднялась, подхватила и отряхнула свою кепку, и как раз в этот момент где-то наверху отворилось окно и какая-то старушка крикнула:

– А ну уходите, хулиганье! Я полицию вызвала!

Алена покинула двор прежде, чем мы добрались до своих сумок. Сильно сомневаясь, что старушка разглядела наши лица черт-те с какого этажа, да и вообще поняла, что мы девочки, а не поддатые парни, решившие выяснить отношения, мы все же в темпе покинули

дворик, скрываемые усилившейся метелью. Дворами и смежными улочками мы оказались в моем дворе, и только тут нас прорвало.

– Ты зачем полезла? – накинулась Ругалова. – Кто тебя просил?

– А что, мне нужно было стоять и смотреть, как она тебя в землю вминает!?

– У меня все было под контролем!

– Ни черта подобного! Контролем там и не пахло! Не сбей я ее, Крокодила тяпнула бы тебя за нос!

– Эта сумасшедшая чуть не придушила тебя! Я до смерти перепугалась!

Ирка крепко обняла меня, и я ответила тем же, зарываясь носом в уголок между воротником и капюшоном.

– Спасибо, что помогла, – чуть позже признала Ирка, когда мы устало опустились на лавочку у моего подъезда.

– Да без проблем, – махнула я рукой, все еще ощущая, как тело сотрясает внутренняя дрожь. – Что скажешь Леше?

– Дай-ка я гляну твою шею, – пропустила она вопрос мимо ушей, жестом указывая мне задрать голову. – Ого. Тут точно будет синяк с пятирублевую монету. Советую врать про засос, если мама увидит, а лучше замазывать его тональником.

– Так что ты скажешь Березину? И что мне говорить Владу? – настояла я, приняв ее совет к сведению. Только объяснений с мамой мне еще не хватало ко всему прочему.

– Ничего. Мы ничего им не скажем. У Яблонева с видением ауры лучше, так что воздержись от личной встречи с ним дня три, тогда он вряд ли заметит, что ты с кем-то дралась. А Леше я придумаю что сказать.

– Почему не правду?

– Потому что тогда Леша решит пойти и надрать задницу этой парочке отверженных! – взмахнула рукой Ругалова. – Я не могу поставить его под угрозу ментальной драки, понимаешь? Практикующий Алены, он... мерзкий, подлый манипулятор! Может, ему именно это и нужно!

– Зачем?

Я честно старалась понять, но пока не получалось. Влад говорил, что между фамильяром и практикующим должно царить полное доверие, а Ирка... Признавалась, что у нее с этим проблемы точно.

– Доказать свою крутость, ткнуть их всех носом в то, какого сильного практикующего они выгнали... Да мало ли что творится в его голове? Я на участие в этом маразме не подписывалась и Лешу туда не потяну!

– Все-все, остынь. Ничего никому не скажем, – примиряюще выставила я ладони вперед, видя, как она заводит себя на пустом месте. – Только еще кое-что мне проясни, и давай по домам.

– Что?

– Почему было так важно, чтобы она не коснулась голой кожи? – Я указала на шею, намекая, что это у Алены все-таки вышло.

– Потому что она могла перебить тебе энергетические каналы. Я-то сразу же напаялила защиту, прикрывая запястья. – Ирка кивнула на торчащие напульсники. – Их заговаривал сам Леша, так что это все равно что две ментальные боксерские перчатки и еще кольцо-оберег. Не думаю, что за те несколько секунд она что-то успела сделать. Даже не поняла, кто ты. Ну... или кем можешь стать.

– Вообще-то этот вопрос «Ты чья?» прозвучал очень по-дурацки! Как будто я чья-то вещь! – возмутилась я.

– Или приبلудившаяся собака, – заржала Ругалова, и я сделала вид, что ишу, чем бы в нее бросить. – Ладно, если бы ты ответила, что фамилльяр Яблонева, было бы еще хуже.

Мой красноречивый взгляд даже не требовал вербальной речи. Терпеливо вздохнув, Ирка пояснила:

– Ведьмак Алены и наш Князь на дух не переносят друг друга. Да она плюнула бы на меня и основной целью выбрала тебя, лишь бы порадовать своего практикующего!

– Ты не скажешь мне его имени, да?

– Это дело Яблонева, и я пообещала Леше.

– Еще подругой называешься, – обиженно пробурчала я.

– Мы только что уделали фамилльяра с двухлетним опытом на чистом энтузиазме, – указала мне Ругалова. – Да мы суперподруги!

Я дала ей «пять» и, пообещав написать, если плохо себя почувствую, зашла в подъезд. Лампочка снова не горела, пришлось разбираться с ключом и замком в темноте, стоя на трясущихся ногах. Не знаю, была ли это усталость или накрыл откат, но, переступив порог дома, я стекла по двери на пол, зная, что мама придет с работы только через час. Времени, чтобы прийти в себя – вагон.

Достав телефон, я обнаружила несколько сообщений от Влада. Похоже, у него и впрямь «слетел» один клиент, раз он оказался свободен. Руки чесались выложить ему все о стычке с Аленой, но, вняв предостережению Ирки, я ответила на предложение встретиться завтра: «Извини, я в полном завале до конца недели».

Пусть Яблонев не был моим практикующим, я все равно не хотела, чтобы ведьмак вступал в противоборство со своим неприятелем. Что-то подсказывало, что я этому самому неприятелю, сделай он что с Владом, уши откручу. Или откушу.

Глава 9

Шел второй день моей непонятной болезни, напоминающей летаргическую спячку, сопряженную с тотальной слабостью и периодической дрожью. Сидя на диване, закутанная в плед по самую шею, я пялилась на телефон, мигающий зеленым. Сложно вести два чата одновременно, когда одному собеседнику в панике рассказываешь правду, а второму врешь напропалую. Не дай бог не туда сообщение отправить...

Разговаривала я с Владом, настаивающим на встрече и начинающим что-то подозревать, и с Ирккой, сегодня так и не дождавшейся меня на учебе, хотя вчера я клятвенно обещала присутствовать. Уверена, во всем виновата Алена. Не знаю, что и как она успела сделать, сжимая мою шею каких-то двадцать секунд, но именно с того дня все и началось.

В полночь после стычки с этой... дрянью меня одолела такая слабость, что, даже уже лежа на кровати, хотелось прилечь. Ощущение, будто я стою и стараюсь удержать на плечах тонну железа, с тех пор так и не прошло. Взглянув на меня утром, мама заявила, что с таким бледным, болезненным видом в универе делать нечего. Стоило только зарыться обратно под одеяло, как она настигла меня нотацией о сидении в Интернете ночами, видя в этом источник всех проблем. Ну да, конечно.

Ирка: «Опиши, что точно с тобой происходит. Температуру мерил?»

Я: «У меня всегда температура 37 с хвостиком, и это нормально».

Ирка: «Померяй сейчас же! Это важно!!!»

Закатив глаза, я все же выпуталась из пледа-кокона, прошлепала на кухню к домашней аптечке, представляющей собой коробку из-под обуви, заваленную разными таблетками, и вытащила из ее недр пластиковый чехол с градусником. Закутавшись обратно в плед и сунув под мышку градусник, я открыла чат с Владом.

Князь: «Я чем-то тебя обидел?»

Закусив губу, нерешительно постучала пальцами по экрану. Свалить все на идиотов-одногруппников? Мол, достали, нет

настроения, нужно просто побыть одной? Нет, он умный, поймет, что это отговорка. Если ощутил мой смех на расстоянии, то и увиливания, и нежелание встречи тоже распознает.

Вернее, видеть-то я его хочу, даже очень, только вот нельзя, потому что ведьмак сразу раскусит, что к чему и как было. А врать ему так не хочется... Я запуталась.

Я: «Не говори глупостей. Ты ничем меня не обидел. Просто я немного потерялась в происходящем. Хочу поразмышлять над всем без сторонних влияний».

Князь: «Понял. Можно позвонить тебе вечером?»

Я очень хочу, чтобы ты позвонил мне вечером, а еще лучше прямо сейчас! Вот только ты наверняка и по голосу что-нибудь сообразишь. И еще я жутко соскучилась. Захныкав, я съехала по дивану и накрыла лицо подушкой, параллельно вспоминая о градуснике. Достав сие чудо медицины, едва не вывихнула челюсть, раскрыв рот от удивления. Привычных 37 и 2 не было и в помине. Не нагрелось даже на 36 градусов. Полоска ртути уверенно остановилась на 35 и 4.

– Да быть этого не может, – вслух пробормотала я, стряхивая градусник и снова ставя его. Скорее всего, плохо держала. Позабыв про то и дело вибрирующий телефон, я выждала десять минут для верности и снова вытащила градусник на свет. Тот же результат.

Тем временем мобильный мигал конвертиками двух чатов.

Князь: «Герцогиня?»

Ирка: «Ну что?»

Ирка: «Ты меряешь температуру?»

Ирка: «Агата!»

Остановившись на переписке с Ругаловой, я быстро напечатала: «35 и 4. Чувствую себя отвратительно. Снова начало трясти, а еще клонит в сон. Полный упадок сил». Чуть подумав, отправила следом еще одно: «И меня убивает то, что я вру Владу».

Ирка: «Через полчаса буду у тебя. Не вздумай засыпать!»

Отправив ей на это «ОК», я снова зашла в чат с Яблоневым.

Я: «Может, лучше я сама тебе позвоню?»

Князь: «Хорошо. В любое время дня и ночи».

Князь: «Серьезно».

Я: «Спасибо».

Облегченно выдохнув, я отложила телефон и понесла градусник на законное место. В голову как свинца налили, и опуститься на стул показалось самым лучшим решением, чтобы удержать эту тяжесть. Локти уперлись в столешницу, подбородок лег на сложенные руки, и я прикрыла глаза. Вот так лучше... Еще бы подушку... Стоп. Ирка велела не спать! С каких это пор я слушаюсь Ругалову?

Встряхнув головой, я отправилась напрямик в ванную и включила холодную воду. Освежив лицо и подержав под ней руки, вернулась в зал, на ходу тряся пальцами. Телефон снова мигал, и, глянув на сообщение от Ирки, я мысленно застонала. Подруга тащила ко мне Березина и велела одеться во что-то приличное. Мне плохо, а она еще указывает, в чем болеть!

Покорно потопав к шкафу, я вытянула первые попавшиеся джинсы и бирюзовую майку с изображением волка. Сойдет. Переодевание выпило все оставшиеся силы, и я в изнеможении вернулась в объятия пледа и диванный плен. Кажется, даже ноги не успела вытянуть, как заунывно запел домофон. Ненавижу этот звук.

Дотащившись до прихожей, хватаясь за дверные косяки, я нажала кнопку на трубке, догадываясь, что это кавалерия примчалась на помощь. Понятно, почему Ругалова так быстро. Березин, наверное, подхватил ее от универа на машине.

Ирка стремительно рванула на себя входную дверь, и я едва не вылетела на лестничную площадку к ней с Лешей. Березин вовремя выставил руки, поддерживая меня, и по лицам парочки я как-то сразу поняла, что прогнозы неутешительные.

– Привет, – поздоровался целитель без улыбки, недовольно покосившись на разубающуюся Ирку.

– Привет, – выдавила я ухмылку. – Как жизнь?

– Жалею, что некоторые не краснеют, когда врут, – сдержанно ответил Леша.

Ругалова, в чей огород камень и прилетел, поникла, жалобно посмотрев на него снизу вверх. Похоже, целитель уже в курсе нашего драчливого приключения. Придав мне устойчивое положение, он принялся расшнуровывать ботинки, а я по стеночке вернулась к родному дивану. Когда вопрос с вешалками, верхней одеждой и вещами был решен, светленькие зашли в зал.

– Ну? Что со мной? – поторопила я их переглядывания.

– Если коротко: она тебя жрет, – выдал Березин, уставившись на меня так, как иногда это проворачивал Влад. – Как тебе только в голову это пришло? Совершенно безответственно! – обернулся Леша на Ирку, севшую прямо на полу по-турецки. Подруга опустила глаза, делая вид, что все ее внимание захвачено узором ковра. Я бы ее пожалела, но мне было как-то слишком плохо для любых действий. – Ты хотя бы понимаешь, во что превратилась ее аура из-за каждого часа, что вы не говорили правду? Влад знает?

– Н-нет, – запнулась я, не подозревая ранее, что светлый целитель с сущностью дельфина может быть таким сердитым и выглядеть настолько грозно. – И что значит – она меня жрет? Как это?

– Она подключилась к твоим каналам и пьет силу дистанционно с помощью какого-то маячка, увидеть который я не в состоянии, – глубоко вздохнув, объяснил Леша. – Ир, поставь чайник, возьми из моей сумки ромашку и чабрец.

Ругалова встала, но, прежде чем уйти на кухню, спросила:

– Чай же не поможет стопроцентно?

– Чай придаст ей сил на определенный срок. Помочь ей сможет только Яблонев, потому что за это больше никто не возьмется. И я очень надеюсь, что он не объявит мне войну из-за действий моего непутевого фамильяра. Я не хочу терять друга.

– Да я сама влезла в драку, Ирка ни при чем. И почему только Влад? – словно очнулась я, отмечая, как это странно – видеть Березина в своей квартире.

– Потому что ты потенциально его фамильяр. Не важно, согласилась ты или нет, прежде чем как-то вмешаться в твою энергетику, я обязан спросить разрешения у него, – смягчился светлый, но мне показалось, что это не вся правда. – И я даже думать не хочу, что он решит сделать, когда увидит то, что вижу я. Милосердными темную часть нашего круга назвать трудно.

На кухне Ругалова завозилась с чайником, я поморщилась, когда она слишком сильно опустила его на решетку газовой плиты.

– А моего разрешения недостаточно?

– Для Захаровой и Праховой было бы достаточно, но мы с ними работаем по-разному и обращаемся к различным по своей природе силам. Это все равно что делать тебе переливание крови группой, которая подходит всем, а они могут сделать конкретно твоей, редкой, –

Леша сел на корточки передо мной. – Позвони ему. Лучше, если Влад узнает от тебя, чем от нас с Ирой.

Тут он, конечно, прав. Мне было бы неприятно, если бы кто-нибудь чужой позвонил и сообщил, что Владу требуется моя помощь. Почему тогда сам не связался, раз я так нужна?

– Мне так стыдно, – закусил я губу, смутившись. – Я ему вру последние два дня, что просто занята и не могу с ним встретиться.

– Понятно, кто тебя этому научил, – взъерошил свои светлые волосы целитель, глянув на стену, за которой находилась Ругалова. Вернее, пряталась Ругалова, потому что поставить чайник – дело одной минуты. – Ничего, Влад тебя поймет, поверь. Я его очень давно знаю.

От искренней улыбки Березина немного полегчало на душе, и я взялась за телефон. Проявляя верх тактичности, Леша вышел из комнаты, и они о чем-то заговорили на кухне с Ирой. Глубоко вздохнув, набираясь смелости, я выбрала «Князь» в списке контактов и нажала на кнопку вызова.

– Привет, Герцогиня, – ответил он с улыбкой в голосе, заставившей почувствовать меня себя еще ужаснее, чем до этого.

– Привет, – робко уронила я, соображая, как и что сказать. – Ты... можешь пообещать мне не злиться, что бы я тебе сейчас ни сказала?

– Интригующе... Очень интригующе, но я не могу дать тебе такого обещания, поскольку не берусь утверждать, что останусь спокоен.

Жаль. Не получилось.

– Агата, – мягко позвал он. – Скажи мне, что случилось.

Скривившись, я подобрала под себя ноги и решила рассказать с самого начала, чтобы если он решит приехать, то успел немного остыть в дороге. Я достаточно узнала Влада для того, чтобы понимать, как именно он встретит эту новость. Яблонев не терпит, когда людей, которых он считает своими, обижают.

– Два дня назад мы с Ирой гуляли после пар и зашли посидеть в один дворик. И там... нас нашла Алена, которая фамилляр с сущностью крокодила. Она набросилась на Ирку, и я...

– Что она тебе сделала? – ровно спросил Влад, и все, что в моем организме отвечало за инстинкт самосохранения, встало по стойке «смирно».

– Она немного придушила меня, а теперь Леша говорит, что «она меня жрет», – пробормотала я, теряясь в звучании бреда, который говорю. Со стороны так точно полный идиотизм.

– Березин сейчас в твоей квартире? – еще тише переспросил Яблонев.

– Да, его притащила Ирка, когда я написала ей, что у меня температура ниже 36 градусов.

– Значит, ты написала Ирке, позволила ей привести к тебе своего практикующего и только сейчас говоришь обо всем мне?

– Прости, – пискнула я. – Я просто не хотела тебя волновать...

– Буду через пятнадцать минут, – перебил меня Яблонев и повесил трубку.

Остается загадкой, как он это сделал, но в квартире ведьмак появился даже раньше указанного срока. Как раз тогда, когда я допивала чай. Открыл ему Березин, и то, о чем они переговаривались, звучало слишком тихо, чтобы я могла даже попытаться различить отдельные слова.

Слыша, как Влад снимает куртку и разувается, я про себя поблагодарила предусмотрительность Ругаловой, заставившей меня переодеться во что-то более приличное и видное, чем потертые тренировочные штаны и растянутая майка, заляпанная кетчупом. Встретить Яблонева впервые у себя дома в таком поношенном ансамбле... Моя девичья психика не вынесла бы подобного позора.

Влад ступил в комнату, мельком осматриваясь, после чего его взгляд прочно зафиксировался на мне. Неизменные черные джинсы сегодня сочетались с темно-синим свитером с полукруглым вырезом, и на этом фоне глаза ведьмака казались еще темнее, словно наполненные густым туманом. С плеча парня свешивался черный рюкзак, который я раньше не видела, и весь вид Влада выражал собой собранность и готовность действовать.

– Привет, – начала я, отставив кружку.

– Привет, – кивнул он, глядя на мое туловище, туда, где, как я уже успела выучить, обитал дог. – Понятно, – пробормотал он, чему-то кивнув. – Голова уже болит?

– Н-нет пока, только слабость и тяжесть... Влад, я...

Он выставил руку, обрывая меня, и опустил рюкзак на ковер. Не сказав ни слова, Яблонев вышел из комнаты, и я услышала, как в

ванной зашумела вода. В зал скользнула бледная Ирка с покрасневшими глазами.

– Ты что, плакала? – удивилась я.

– Конечно, я плакала! Я знаешь как перепугалась? Еще Леша со своей лекцией, а теперь Яблонев на меня посмотрел как на врага народа... Я правда думала, что все в порядке...

– Ир, успокойся, ну откуда ты могла знать...

– Да, Ир, успокойся, – бесшумно вернулся в комнату Влад. – Не засоряй мне пространство для работы своими пустыми, никчемными и лишними сожалениями. Толку от них, как отдохлого таракана.

– Влад, не надо так с ней!

– Ты права, – прямо посмотрел на меня Яблонев. – С ней надо еще похлеще, и поверь мне, Агата, я сейчас изрядно себя сдерживаю. Мне в страшном сне не могло привидеться, что светлый фамилляр-новичок с сущностью травоядного решит потягаться силами с темным фамилляром-хищником и во все это втравит человека, не знающего о подобных стычках ровным счетом ничего. Ты в каком мире видела, чтобы лошадь ела крокодила? – Глаза Влада нехорошо сверкнули, и Ирка отступила к стене.

В комнату стремительно вошел Алексей с еще одной кружкой пахучего травяного чая. Протянув ее мне, он встал рядом с Ругаловой, спокойно встречая взгляд Влада, но не загораживая от него Ирку. Не знаю, что сейчас действовало за правило, но оба практикующих напоминали родителей, отчитывающих детей за неподобающее поведение. Самое страшное то, что я действительно чувствовала себя несмышленишем, которого вот-вот поставят в угол.

– Я думала... – слабо начала Ругалова, опустившись на диван рядом со мной.

– Ты НЕ думала, – отчеканил Влад. – В том и проблема. Одним решением ты подставила под удар Агату, что косвенно относится ко мне, и утаила важную информацию от своего практикующего, что опять-таки косвенно могло поспособствовать его конфликту со мной, а значит, и с Праховой.

Косвенно? Потому что я не дала согласие... Тогда было бы напрямую. Как Влад может говорить так спокойно и ровно, когда всем очевидно, что он зол? Я тоже хочу такую суперспособность!

– Я просто хотела уберечь Лешу от схватки с этим козлом, – пробормотала Ирка, краснея.

Сомневаюсь, что козел – сущность практикующего Алены, но вполне возможно, что характеризует его даже лучше.

– Влад, пожалуйста, – позвала я ведьмака, видя, как он открыл рот, чтобы развеять Иркино «просто» по ветру. – Не надо. Ты можешь мне помочь?

– Я помогаю тебе с той секунды, как пришел, – ответил Яблонев, и взгляд его чуть смягчился. – Леш, я думаю, тебе есть о чем поговорить со своим фамильяром подальше отсюда.

– Согласен, – кивнул Березин. – И спасибо.

Между парнями случился какой-то момент понимания, и я использовала его, чтобы ободряюще сжать руку Ирки. В глазах подруги плескались сожаление и вина, я попыталась донести до нее взглядом, чтобы перестала мучиться. Тем более что Влад уже помогает, а значит, все будет в порядке. Интересно, когда это у меня появилась такая уверенность в его силах? Наверное, с самой первой встречи.

– Я вечером позвоню? – с сомнением спросила Ирка.

– Конечно, куда ты денешься. – Укор в моем взгляде должен был развеять любое ее опасение относительно угрозы нашей дружбе. Как бы там ни думали со своей позиции практикующие и не считали нас виноватыми, Ирку я тоже понимала. Подруга была по уши влюблена в Березина и, конечно же, не хотела допустить и малейшей вероятности, что с ним что-то может случиться.

Светленькие быстро ретировались, пожелав мне напоследок выздоровления. Влад закрыл за ними дверь и вернулся в зал, опускаясь на колени возле своего рюкзака. Глядя, как он достает из него несколько свечей и какую-то черную ткань, я поняла, что ведьмак нарочно не смотрит в мою сторону, скрываясь за подготовкой... к чему бы она ни была.

Яблонев закатал ковер, расстелил ткань и поставил на нее свечки в каком-то одному ему понятном порядке. Затем из рюкзака появился самый большой коробок спичек, какой я только видела, и Влад достал из него спичку длиннее указательного пальца. Ведьмак зажег все свечи, после чего загасил ее одним изящным движением.

Засучив рукава свитера, парень прикрыл глаза и вытянул руки к пламени свечей, настраиваясь. Сидя тише воды ниже травы, я наслаждалась возможностью беспрепятственно разглядывать его. От черной шапки волос с модно выбритыми висками до мужского серебряного перстня с незнакомым мне камнем на большом пальце и двух печаток, на мизинце левой и указательном правой. Ту, что на указательном, он носил постоянно, я много раз рассматривала выгравированного на ней ворона, а остальные два перстня видела впервые. Наверное, тоже имеют какое-то определенное значение.

С пальцев внимание переключилось на запястья, закрытые двумя черными напульсниками на кнопках. На правой руке поверх напульсника была еще серебряная цепочка браслета с каким-то символом, удивительно сочетающаяся со всем остальным. Нужно будет спросить у Влада, что для практикующих значат украшения и какие для чего или от чего носят.

Вроде бы у меня должен быть свой камень, только как его определить? Интернет выдает какую-то обобщенную чертовщину, привязанную к знаку зодиака, а Леша, например, с ходу определил, что Ругаловой подходит лазурит и необходимо носить кольцо именно с ним.

Руки Яблонева медленно опустились, и серые глаза парня вновь остановились на мне. Поднявшись с колен, он тихо подошел к дивану и сел рядом. Это одновременно насторожило и успокоило. В его присутствии со мной вечно творится что-то непонятное.

– Смотри мне в глаза, Агата.

Не услышав той волшебной нотки, которой Яблонев заставлял меня обожать звучание своего имени в его исполнении, я напряглась:

– Ты очень злишься?

– Агата, смотри мне в глаза, – спокойно повторил ведьмак, никак не отреагировав на мой немного заискивающий тон. Да, я чувствовала свою вину, обманывать его было ужасно, но серьезно, может, хватит уже так остро реагировать?

– Ну, пожалуйста, прости, я не знала, что это может быть так важно! Ирка сказала, что Алена ничего не успела сделать за такой короткий промежуток! – ухватилась я за соломинку.

– А Ирка у нас профессор? Опытный фамильяр, состоящий в связи со своим практикующим более пяти лет? В твоей ауре дыра

размером с баскетбольный мяч. Теперь представь, что в эту дыру вставлен шланг, через который Алена моет себя твоей силой, приобретая свежесть и восстанавливая собственные потраченные ресурсы. – Влад схватил меня за голову, прижав ладони к щекам и зарывшись пальцами в волосы. – Я сказал: смотри мне в глаза, Агата.

Вздрогнув от властности, прозвучавшей в голосе Влада, я встретила его взгляд и... провалилась. Яблонев что-то зашептал на незнакомом языке, и от этого тело бросало то в жар, то в холод. По спине прошелся сквозняк, а ведь я точно знала, что его в квартире быть не может!

Глаза Влада превратились в два затягивающих смерча. Я тонула в них и заворачивалась, как в мягкую перину, и наслаждалась невесомостью полета, который они внушали. Что-то совершенно непередаваемое, неземное, магическое. Пальцы Влада нежно погладили мое лицо и спустились на шею, туда, где Алена оставила синяк своими пальцами.

– Позволь мне защитить тебя, Агата, – прошептал он, придвинувшись вплотную. Теперь парень позвал меня как надо, имя снова зазвучало красиво, и это всколыхнуло мой кораблик облегчения, не дав ему утонуть в океане опасений и вины.

Не найдя в себе сил говорить, я безвольно кивнула, разом растеряв весь характер. Увидев разрешение, Влад аккуратно поддел меня под подбородок и заставил запрокинуть голову. К тому, что произошло дальше, я оказалась совершенно не готова.

Губы Яблонева прижались к шее, накрывая синяк, и все внутри перевернулось с ног на голову. Дернувшись от этого прикосновения, я зачем-то взметнула руки, а опустив, поняла, что ладони лежат на плечах ведьмака.

Горло охватил жар, кожу закололо, и я была чертовски уверена, что подобная реакция на такой, в общем-то, невинный поцелуй невозможна. Невозможна, вот только я сейчас сознание потеряю от его странного запаха, мурашек, забегавших по спине, от... близости ведьмака ко мне.

– Ты что делаешь? – промямлила я, пытаюсь как-то осмыслить происходящее, но то слова убегали, то память отказывала, так что нормальных фраз не получалось.

– Выжигаю ее прикосновение своим, – низко ответил Яблонев, все еще касаясь губами моей кожи. – Возможно, я должен был предупредить, что это весьма... интимный процесс.

Неудивительно, что Леша так настаивал на кандидатуре Влада! Никто из них не хотел бы потом объясняться с Яблоневым на тему свершения интимных процессов с его потенциальным фамильяром. Несмотря на то что мы с Владом были знакомы всего каких-то две недели, он пару раз вполне недвусмысленно заявлял, что связь, которую темный так жаждет установить, сделает нас лучшими друзьями, братом и сестрой, защитниками друг друга. Вывод достаточно очевиден: рискни Леша так меня полечить – получил бы в нос.

Надеюсь, Влад ничего не выжигал этим способом на заднице у Праховой. Представив подобное, я скривилась, а вспомнив рассказ Ирки про «от ворот поворот», покраснела. Да что со мной такое?

– Да, возможно, – поддакнула я, начиная уставать держать голову в таком положении. – Самую малость.

– Давай-ка уложим тебя. – Я снова услышала ту самую улыбку, с какой Влад поднял трубку.

Укладывать? Что у него на уме? Внезапно мысль о том, что мы остались вдвоем в моей квартире, перестала казаться нелепой, смешной и нереальной. Все было слишком реально. Мои руки на его плечах, его губы на моей шее, и мы оба на диване. Наедине. Третье свидание и то приличнее заканчивается!

– 3-зачем? – сглотнула я, стараясь убрать из головы различные варианты развития событий, нашепываемые паранойей и звучащими во мне с каждым годом все громче мотивами феминизма.

– Затем, что я не хочу, чтобы твоя шея затекла. Положение не самое удобное.

Наверняка Влад что-то почувствовал. Убрав голову от моего горла, ведьмак внимательно посмотрел мне в глаза. Да, определенно уловил какие-то отголоски мыслей, я знала, что Яблонев это умеет. Именно так в прошлую встречу он узнал мое любимое число. Просто попросил о нем подумать.

– Агата, я не причиню тебе вреда. Никогда. Ты мне веришь?

Я глядела ему в глаза достаточно долго, чтобы мои заслезились. Моргать не хотелось, отводить взгляд первой – тоже, но, с каждым

мгновением, что я отвлекала Влада от помощи, слабость возвращалась. К тому же... парень продолжал спокойно и выжидающе смотреть.

У него не дрожали губы от желания засмеяться, не дергались веки, внешне ведьмак не испытывал никакого неудобства от навязанной мною дуэли взглядов. Птичья особенность? Скорее подтверждение серьезности его слов. Яблонев не напоминал пустослова. Я вообще заметила, что он любит больше слушать, чем говорить, и это была одна из многих вещей в нашем общении, которая мне нравилась.

— Я тебе верю.

Под его взглядом я опустилась спиной на сиденье, положив голову на диванные подушки. Влад потянулся следом, не давая моим рукам соскользнуть с мягкой шерсти его свитера. Длинные пальцы ведьмака вернулись на мое лицо, он нежно потер виски, отчего вновь скопившаяся в голове тяжесть исчезла.

— Тогда расслабься, Герцогиня. Осталось чуть-чуть.

Пальцы стиснули плечи Князя, когда его губы вновь вернулись на «подарок» от Алены. Смехотворное пространство, что еще оставалось между нами, заполнил его шепот на том же неизвестном языке. Жар и холод снова поочередно атаковали, напряжение сковало тело, и я натянулась, как струна. Расслабиться не получалось при всем желании.

Треск свечей, дыхание Влада, застоявшийся удушающий аромат чая... Звуки и запахи перемешались в голове, я старалась думать о чем угодно, только не о Яблоневе, целующем мою шею попеременно со странными напевами. Однако я сдалась, когда темный пошел еще дальше, втянув этот злосчастный пострадавший участок кожи в рот.

О господи.

Все старания абстрагироваться разбились о те же скалы безнадёги, что и мое желание выучить французский. Не реагировать на такое невозможно. Убедить двадцатилетнее тело не откликаться на действия привлекательного парня, прошедшего фейс-контроль у мозга (а Влад прошел его с блеском), — нереально.

Холода больше не было. Сердце грохотало в ребра, оглушая. Откинув голову, тем самым открывая ведьмаку больше пространства для маневра, я согнула ноги в коленях, ощущая себя угольком в раскаленной печи.

С плеч пальцы пробежались по его скулам, зарылись в волосы, и когда Влад чуть-чуть прикусил захваченный участок, я вскрикнула, подавшись вверх. Никто раньше не догадывался меня кусать. Интересно, почему? Это же... божественное ощущение, к которому наверняка приложила лапу собачья сущность.

Плевать, что Влад обо мне подумает, даже что я сама о себе подумаю. Я хотела, чтобы он сделал это еще раз. Если Яблонев собирался добиться согласия, ему следовало не запястье гладить, а хоть разок проверить вот это!

Словно услышав, парень прикусил еще разок, и я начала задыхаться от желания немедленного повторения. Низ живота ударило горячей волной возбуждения, и если до этого Владу оно не было очевидно, то мои затвердевшие соски, проступившие через лифчик и майку, служили неплохой подсказкой. Конечно, в том случае, если он смотрел куда-нибудь, кроме моей шеи.

Я несильно потянула Яблонева за волосы, надеясь заглянуть темному в лицо и понять, какого черта он вытворяет, за исключением наиболее очевидного варианта с моим соблазнением. Вместо того чтобы дать посмотреть в свои бессовестные глаза, ведьмак укусил в третий раз, и я... потерялась.

Огонь лихорадки, охвативший от макушки до пят, сменился онемением и темнотой. Что бы это ни было, бороться с ним не получалось. Оставалось только поддаться и уплыть подальше от безумия, в которое превратил мою жизнь Яблонев.

Глава 10

Проснуться под музыку начальных титров любимого сериала всегда приятно, кроме случая, когда мелодия поставлена на входящий звонок от мамы. Вытянув руку из-под пледа, я нашарила телефон рядом с подушкой. Опыт и привычка разрешили не открывать глаза, так что я приняла звонок на ощупь и положила телефон на ухо.

– Привет, мам, – сонно пробормотала я, причмокивая и стараясь осознать сразу несколько вещей. Как давно сплю и чем закончился тот странный сон про нашептывающего Влада, свечи и поцелуи с укусами... Он в конце обратился вампиром и я назвала его Дракулой? Граф... Князь... Какая для клыкастых разница?

– Агата! – явно не в первый раз позвала мама. – Ты меня слышишь?

– А? Да, мам, извини, я просто... сделаем вид, что вот тут я сказала какое-то крутое оправдание, которому ты поверила, – протянула я, мучительно собирая себя по частям.

– Дочь, ну ты чего, шестой час уже, а ты все спишь. Ночью что делать будешь?

– Сидеть в Интернете, конечно же, – хмыкнула я.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо поинтересовалась маман, и какой-то тревожный червячок зашевелился в голове в поисках яблока истины, прокатившегося где-то рядом. Мне снилось, что я плохо себя чувствую из-за драки... Или так было реально?

Распахнув глаза, я едва не вскрикнула, увидев Влада Яблонева, сидевшего на ковре по-турецки с отставленными за спину руками. Ведьмак лукаво подмигнул, сдерживая улыбку. Мне вот было совсем не до смеха. Потянувшись пальцами к горлу, я крепко стиснула ими плед, избегая прикосновения прямо у него на глазах. Еще чего!

Весь «сон» резко приобрел яркие очертания, разворачиваясь в голове короткометражкой в стиле клипов «Evanescence», чей пик популярности пришелся как раз на мои школьные годы. Тяжело задышав, я отвела от него взгляд, возвращаясь к разговору.

– Мам, я в порядке. Поспала и чувствую себя нормально. – Я постаралась сказать это как можно правдоподобнее и спокойнее, без

желания убивать, которое сейчас определенно испытывала. Сидит себе как ни в чем не бывало, ухмыляется! Даже не глядя, я знала, что ведьмак еле сдерживается от смешка.

– Понятно. Тогда ты не будешь против, если я сегодня приду поздно? Мы хотели с девочками сходить в гости к Свете на новоселье...

– Да, конечно, мам, без проблем, – быстро выпалила я, радуясь, что она так внезапно решила потусить с коллегами. Внезапно ли?

Я подозрительно покосилась на Яблонева. Парень как-то слишком невинно протирал рукавом печатку на указательном пальце, сосредоточив все внимание на ней. Не хочу знать, как он это провернул, но такое вмешательство свидетельствовало о предстоящем серьезном разговоре. Значит, уходить прямо сейчас Влад не собирается. Отлично, мне точно есть что ему сказать.

– Тогда ладно, отдыхай, позвоню, когда в такси сяду. В холодильнике борщ и салат.

– Мам, я помню, что в холодильнике, мы это вместе готовили в выходной, – закатила я глаза.

– Картошечки себе свари.

– Хорошо. Все, езжай к Свете на новоселье!

Отложив телефон, я стянула с себя плед и уставилась на парня. Яблонев снова засучил рукав и ответил таким же заинтересованным взглядом. Склонив голову набок по своей птичьей привычке, ведьмак заговорил первым:

– Мне нравится желтизна в твоих глазах. Очень хищно.

– Что?

Вскочив с дивана, я опрометью бросилась в прихожую, включая свет. Зеркальная дверца шкафа-купе подтверждала слова ведьмака. Мои карие глаза больше не могли называться таковыми. В правом желтые крапины образовывали кольцо вокруг зрачка, а в левом это больше напоминало мраморный узор, где золотистые прожилки проступали по всему глазу.

– Что это такое? Почему это происходит? Оно исчезнет или так и останется? – затараторила я, заглядывая в комнату и в панике смотря на поднимающегося Влада.

– Успокойся, – плавно взмахнул руками Яблонев, этим движением напомнив птицу, разминающую крылья. Интересно, в каких жестах у

меня проступает дог. – Это всего лишь признак того, что ты была близка к единению со своей сущностью. В моменты сильных эмоций или нагрузок, испытываемых телом, любой фамилляр легко подключается к собственной сущности, чтобы легче перенести происходящее или включить инстинкты на максимум. Собственно, в этом и есть главное отличие фамилляров от обычных людей. Простые не могут слиться с собственной сущностью и использовать ее качества осознанно, только частично, интуитивно и по большому везению.

– Это, конечно, все очень интересно, но почему именно сейчас и конкретно вот так? Может, у меня и зубы в клыки превратятся? – закипела я, ни на грамм не успокоенная его лекцией.

– А то ты не замечала, что в некоторые дни они становятся острее настолько, что можно порезать язык? – Влад красноречиво посмотрел на меня. – И я сейчас имею в виду не только дни полнолуния, которое по определению влияет на фамилляров.

– А какие еще? – ляпнула я раньше, чем сопоставила многозначительный взгляд Яблонева и особенности женского организма. – Так, все. Не говори, я поняла, – выставила я ладонь вперед. Не хватало еще слушать от Князя про мои же критические дни. Этот день и так уже чокнутый на каждую минуту.

– Что касается вопроса, почему сейчас, – продолжил Влад, словно у меня не возникло выражение лица, будто я сунула руку в вазу с пиявками, жуя лимон. – Три часа назад я стер то, что устроила тебе Алена, устранив все последствия и залатав ту самую дыру, включая маячок в виде ее волоса, подкинутый тебе в карман пуховика. Пришлось немного порыться в твоём кармане, признаю, она проделала это ловко, – Яблонев поморщился. – Любые действия, затрагивающие ментальное пространство и адресованные фамилляру или же просто проходящие в непосредственной близости от него, пробуждают сущность и вытягивают ее на первый план. Это как инстинкт самосохранения. Услышав выстрел, ты сразу прячешься и ищешь источник звука. Почувствовав энергию – тянешься к сущности. Рефлекс.

Это возвращает нас к разговору о самом ритуале. Прищурившись, я выключила свет в прихожей и вернулась в зал. Все еще думая, как покультурнее переформулировать вопрос: «Какого хрена ты меня кусал?», принялась сворачивать плед.

Почему тогда у меня не проявился банальный рефлекс? Чувствуешь, как тебя кусают, – толкаешь смертника прочь, хватаешь, что потяжелей и слушаешь ответ на тот самый вопрос, который никак не хочет звучать прилично! Вот такая должна была быть схема действий, а не то, что я устроила!

– Три часа, ты сказал? То есть ты три часа сидел и смотрел на меня, пока я спала?

– Два, – поправил Влад. – Еще час после твоей отключки мне понадобился на поиск и уничтожение волоса, чистку квартиры на энергетическом уровне и уборку использованных принадлежностей. – Он кивнул в угол возле маминого дивана, указывая на свой рюкзак, притаившийся у ножки торшера.

Отлично, жаль, еще полы не помыл и пыль не вытер!

– Почему не разбудил?

– Потому что сон – лучшее восстанавливающее средство после подобных взаимодействий, – раздражающе спокойно и логично ответил Яблонев.

Взаимодействий! Пройдя мимо него, я запихнула плед в шкаф и быстро захлопнула дверцу. От того, как «нежно» я это сделала, на полках над телевизором задрожал сервиз.

– Агата, – коротко позвал Влад, вынуждая обернуться. – Или прорычись прямо сейчас, или расскажи нормально, в чем причина твоей потрясающе багровой агрессии, освещающей всю комнату.

– Не указывай, как мне себя вести в моей же собственной квартире! – огрызнулась я на эти «или-или». Раскомандовался!

– Какая муха тебя у... О, – я буквально видела, как серые глаза ведьмака сначала засияли пониманием, а сразу после этого заискрили весельем. Невероятно! Ему и тут смешно! – Раньше у тебя такого не было? Не переживай, в первый раз всегда бывает стыдно.

В первый раз... Он что, намекает на... Ну это уже слишком!

– Зачем ты вообще это сделал? – рявкнула я.

– Затем, что это было нужно, – бесстрашно встретил мой взгляд ведьмак, хотя та же Ругалова уже попятилась бы. – Алена проломила твою ауру насилем при физическом контакте. Запечатать эту дыру следовало противоположной, не менее яркой эмоцией и так же прикосновением. – Ну почему у него на все находится ответ? – Я

спросил у тебя, доверяешь ли ты мне, и пообещал, что никогда тебе не наврежу, так что тебе не нравится?

Влад сделал шаг вперед, сокращая дистанцию, и, сама от себя не ожидая, заметив что-то особенное в его глазах, я подалась навстречу. Уткнувшись лбом в свитер ведьмака, я облегченно выдохнула, когда длинные руки парня обняли меня за плечи. В ответ мои собственные обвили его пояс, и это было все равно что сбежать с места военных действий.

– Расскажи, что тебя так расстроило, – чуть погодя попросил Влад.

– Моя собственная реакция на все это. В смысле, не на все, а на...

– Укусы.

– Да.

– Не оценивай себя с позиции обычного человека. Твоя сущность – собака, и наравне со многими физическими и моральными качествами тебе так же близки иные особенности ее поведения и восприятия. Разрешишь кое-что проверить?

– Что именно?

– Еще одну особенность, которая может отражаться на тебе из-за дога.

– Это... Она из той же сферы взаимодействия? – нелепо выдала я, чувствуя, как загорелись уши.

– Не совсем, – хмыкнул парень. – Я бы сказал: упрощенная версия.

Не давая времени на раздумья, Влад убрал одну руку, и его пальцы оказались за моим правым ухом, легко почесывая. Смешно было ровно до того момента, пока ведьмак не перебрался под подбородок. Черт... Вздвогнув, я дернулась, запрокидывая голову и встречаясь с его довольной и чуть наглой ухмылкой. Очень хотелось прикрыть глаза и велеть ему продолжать так до бесконечности.

– Так и знал, что это подбородок. Могу еще предположить, что прикосновения к животу также имеют свою ценность для тебя или к...

– Хватит!

Влад тут же отстранился, и я обняла себя руками. Одновременно хотелось плакать и смеяться, так что лучше снова разозлиться, чтобы не делать ни того, ни другого. Потрясающая продуманность.

– Я всего лишь вспомнил, что нравится Кельту. Если ему почесать пузо, он забавно дергает задними лапами.

Отлично! Он принимает меня за свою немецкую овчарку!

– Ты сравнил меня с Кельтом?

– И ты, конечно же, понимаешь, какой серьезный это комплимент, – кивнул Влад.

Кажется, я зарычала. Трудно сказать, что это был за звук и как он у меня получился, но слышалось это весьма грозно. Испуганно посмотрев на Князя, я застыла, не зная, что делать.

– О боги, Герцогиня, не вынуждай меня идти и покупать печенье для собак, – закатил глаза Яблонев.

Несколько секунд тишины, и мы оба расхохотались. Согнувшись пополам, я смеялась до слез, и, скорее всего, не от самой шутки, а от обреченного тона, с каким он это сказал. Каждый раз, когда кто-то из нас пытался остановиться, второй ловил его взгляд, и все начиналось сначала.

Опустившись на пол, мы продолжили «собачьи шуточки» и в конце концов завалились на ковер голова к голове. Это было странное ощущение – чувствовать Яблонева у себя дома. Сейчас, когда смех так удачно смыл весь налет переживаний, напряжения и острого непонимания, я сосредоточилась на главном факте. Вернее, фактах.

Темный потомственный ведьмак Влад Яблонев у меня дома. Примчался по первой просьбе о помощи. Стянул всю мерзость, заработанную мной у Алены по собственной глупости и самоуверенности, а также Иркиной самонадеянности (не хочется быть виноватой в одиночку). Устранил проблему, прибрал за собой и не оставил меня просыпаться со всем этим одну. Представляю, как бы я тут бегала по квартире, накручивая себя из-за «особенностей», доставшихся мне вместе с сущностью.

Привстав на локте, я обернулась на Влада. Парень лежал с закрытыми глазами, скрестив руки на груди. Для полноты образа не хватало только цветочной лужайки вокруг и травинки у него во рту.

Поморщившись на неожиданно ожившие воспоминания о своей шее, недавно побывавшей в этом самом рту, я тяжело вздохнула. Так дико и... неприлично. И, по-моему, за всеми своими заморочками, с которыми Влад честно остался бороться, я так и не поблагодарила за помощь.

– Раз уж ты так удачно отправил мою маму на новоселье, может, останешься на ужин?

– Я ее не отправлял. Просто немного подкорректировал линейку событий, в которой сначала она звонит тебе. Услышав, что ты в порядке, она решила принять приглашение, а так сразу поехала бы домой.

Просто. Ага, конечно. Как два пальца об асфальт, не иначе.

– Я не поняла: ты есть будешь или нет?

Он задрал голову, приоткрыв один глаз:

– Зависит от того, что ты предлагаешь.

– У тебя есть непереносимость каких-то продуктов?

– Назови то, что сама не ешь, посмотрим, сколько совпадет, – загорелись глаза парня, и, ловко перевернувшись на живот, он привстал на локтях, оказываясь на одном уровне со мной.

– Хорошо. – Я задумалась, от чего из еды меня в буквальном смысле воротит. – Макароны. Терпеть не могу что-либо, приготовленное из макарон. Лапша, спагетти, по-флотски... фу. – Я скривилась.

– Прямое попадание. – Влад выставил одну руку, и я дала ему «пять».

– Твоя очередь.

– Суши. Коробит от них, – поделился парень.

– Прямое попадание, – покивала я, также не в восторге от всех этих морепродуктов. – Яйца. Омлет, яичница, просто вареное... Ни за что. Только мелко нарезанными в салате. Запах убивает меня еще раньше, чем вкус.

– Меня в детстве пытались насильно накормить, – сморщился Влад. – Закончилось все тем, что я выдал завтрак обратно. С тех пор терпеть их не могу.

– Жестоко, – оценила я, радуясь, что мама никогда не пихала в меня еду. Ей это было незачем, я всегда нормально питалась и считала все подчистую. Сплоченные ненавистью к яйцам, мы дали друг другу еще «пять».

– Манная каша, – продолжил Влад.

– Комочки, – почти одинаково скривились мы, кивая друг другу.

– Молоко. Оно воняет. Никогда не могла даже к губам стакан поднести.

– Согласен. Но с хлопьями еще сносно.

– Принимается, – согласилась я, в жаркую пору предпочитавшая шоколадные хрустящие шарики, полностью перебивающие запах и вкус молока. – Ладно, я собираюсь пожарить картошки, и у нас есть мясной салат с запеченной куриной грудкой и ветчиной. Это ты есть будешь?

– С удовольствием. Ты умеешь готовить?

– Конечно, я умею готовить, – закатила я глаза, поднимаясь.

– Не удивляйся, просто... из всех моих знакомых готовить умеют только Катя и Саша.

– А твоя мама? – Только после этого вопроса я поняла, что ничего не знаю о семье Влада.

– Ни за что, – покачал головой Яблонев, скривившись. – Будь мы в Средневековье, она прослыла бы величайшей отравительницей, обходящейся без яда.

Я засмеялась, думая, как же он дожил до своих лет при таком-то кулинарном таланте матери. На кухне, указав Владу на стул, я принялась за скоростную готовку ужина. Парень не предложил помощи, что меня только порадовало. Терпеть не могу, когда кто-то, кроме мамы, готовит вместе со мной. Лишняя трата времени на объяснения, да еще и сделать могут не так... Одна Ирка чего стоит!

Чистя картошку, я обернулась на Влада. Князь смотрел в окно, вода прихваченной из подставки зубочисткой по столешнице. Проследив за его взглядом, я увидела только темноту февральского вечера, украшенную светом уличных фонарей и окон дома напротив.

– Как ты так быстро приехал?

– Был неподалеку, работал.

– Ты разве не дома работаешь?

– Случаются и выезды, – улыбнулся краешком рта ведьмак. – Например, когда клиент просит проверить свою квартиру или офис.

Я сделала вид, что поняла, зачем нужны такие проверки, угукнув. Значит, Влад не каждый день дома приемные часы устраивает, а может еще и по городу мотаться... Неужели вокруг так много людей, кто верит во все это? Машина Березина, шикарно отделанная квартира Кати, дорогушая одежда Варвары и Анастасии...

– Вы ведь нигде больше не подрабатываете, верно?

– Практикующие – нет, – покачал головой Влад. – Разве что Настя иногда срывает куш, продавая свои картины.

– Она профессиональный художник?

– Да. Пару раз даже ездила с выставкой своих работ по крупным городам.

– Круто, – оценила я, доставая сковородку и ставя ее на газ. – В принципе, следовало догадаться, что она творческий человек...

– Мы все – творческие. Это одна из сторон наших умений. Чтобы научиться контролировать и применять собственные силы, необходим отток для всего, что мешает: мысли, чувства, неприятные воспоминания... Творчество впитывает в себя этот груз, и концентрация сохраняется.

– Вот как. И чем занимаешься ты? Пишешь стихи? Или тоже рисуешь?

Я постаралась представить его у мольберта или с блокнотом, ручкой и светлой грустью в глазах, но что-то не складывалось.

– Нет, – усмехнулся Влад. – Как-нибудь потом увидишь.

– Скульптор?

– Нет.

– Может, дашь небольшую подсказку?

– Нет.

– Вяжешь шарфы? Собираешь модели самолетов?

Яблонев засмеялся, но признаться, в чем его творческая жилка, отказался. Разумеется, это только подстегнуло мое любопытство, и вся нарезка картошки прошла за подбором занятия парня. Отложив нож, я принялась накрывать на стол, поглядывая на часы.

– Она придет не раньше десяти, – развеял ведьмак мои опасения относительно скорого прихода мамы.

– Ну, спасибо, что снова залез ко мне в голову, – проворчала я, доставая из холодильника салат.

– Я не залезал, – фыркнул Влад. – Иногда у тебя бывают очень громкие мысли, и я не могу их проигнорировать.

Почему-то я сразу поняла, о какой конкретно мысли он говорит. Вернее, о требовательном крике, велевшем кусать меня как можно чаще. Он это специально припоминает или действительно не видит в этом ничего странного?

– Я спокойно прожила бы без этого знания, – процедила я.

– Я стараюсь быть честным, – обезоруживающе улыбнулся Князь. Филигранное мастерство в общении с девушками, и впрямь не подкопаться. Интересно, это у него из личного опыта или он бессовестно использует свои способности?

– Что ж, тогда у меня есть один вопрос, отвечая на который, я надеюсь, ты не отступишь от своего принципа честности. – Закончив с салатом, я опустилась на стул напротив, нервно сцепив пальцы под столешницей.

– Я само внимание, – кивнул мне Яблонев.

– От меня тут кое-что скрыли, сказав, что рассказывать об этом имеешь право только ты, – начала я издалека. – И я бы не рискнула спрашивать, но каким-то образом оказалась вовлечена во все это, так что... Что за история с таинственным темным ведьмаком, которого вы изгнали и чей фамильяр напала на нас с Иркой?

Едва закончив, я поняла, что испортила вечер. Влад переменялся в лице, показалось, что даже перестал дышать. Таинственный и лукавый Яблонев превратился в опасного и жесткого темного, обвинявшего сегодня Ирку в моих бедах. Серые глаза заledenели, и я отвела взгляд, не сумев выдержать этого холода.

– Это очень личный разговор, Агата, и я не готов его начинать, – вкрадчиво проговорил Князь. – В этом случае принцип честности работает только при твоём статусе в качестве моего фамильяра.

– Потому что связь практикующего и фамильяра – это абсолютное доверие? – тихо спросила я, жалея, что вовремя не прикусила язык.

– Именно.

– А сейчас ты мне не доверяешь?

Моя смелость была встречена усмешкой:

– Сейчас я проявляю осторожность.

– Я не понимаю, в чем она заключается.

Уловив носом сигнал шипящей и шкворчащей картошки, я оказалась у плиты с деревянной лопаткой наготове. Слова Яблонева ударили в спину, и возня с готовкой спасла от необходимости смотреть парню в лицо. И, что намного важнее, ему видеть мое.

– Она заключается в том, что в случае твоего отказа я не буду сожалеть, что посвятил тебя в свои личные дела и переживания.

Нельзя было взять и упустить такой шанс подтвердить свои догадки и вместе с тем сделать себе еще больнее. Отвернувшись от

почти готовой картошки, я снова посмотрела на Влада.

– Я правильно думаю, что в случае моего отказа ты прекратишь наше общение?

Он не раздумывал и мгновения:

– Правильно.

Не то чтобы я не ожидала подобного режущего меня изнутри ответа, но все же:

– Почему?

– Потому что я не захочу видеть собственное поражение. Впервые, спустя столько лет и попыток, встретить своего, по-настоящему своего фамильяра и получить отказ? – Влад покачал головой. – Каждый раз, общаясь с тобой, я буду думать об упущенных возможностях и строить мост в бесконечность из «если бы», гадая, в чем ошибся и где допустил неточность. Подобное истязание в духе светлых, темные обойдутся и без него.

– Ты же говорил, что темные не признают сложностей!

– Да, когда видят цель и дорогу, – серьезно кивнул Влад. – А то, о чем говорим мы, – бездорожье.

– То есть, если я соглашусь быть твоим фамильяром, мы дружить можем, а если откажусь, то прощай? Тебе не кажется, что это шантаж? – возмутилась я, на автопилоте нагружая тарелки готовой картошкой.

– Нет. Это всего лишь вопрос выбора. У каждого решения есть последствия и своя цена. Я только что дал тебе взглянуть на то, что возникнет с моей стороны в обоих случаях. Чем все обернется с твоей – решать только тебе.

Мы ели в тишине, не встречаясь взглядами, руками и словами. Механически пережевывая потерявшую вкус еду, я раздумывала над всем, что он сказал, не видя ни единой трещины в гладкой стене его логики. Как ловко придумано! Оставляет решение за мной, честно говорит, какое развитие событий последует за любым возможным вариантом... Есть ли у меня выбор на самом деле?

Интересная, но трудная жизнь рядом с Владом или обычная и легкая в своей заурядности, но без него? Чувствую себя королевой драмы. В зале телефон Яблонева заиграл волевою и никогда не устаревающую «Перемен» «Кино». Извинившись, ведьмак вышел из-за стола, принимая звонок в комнате.

Музыка смолкла, но продолжила играть в голове. Поставив локти на стол, я скрыла лицо в руках, напевая про себя легендарный хит, столь уместно прозвучавший для меня только что. Хотела ли я перемен? Нет. Были ли они мне нужны? Да.

Услышав, что Влад закончил разговаривать, я выпрямилась, хватаясь за вилку. Парень вернулся на кухню и снова сел за стол. Не в силах терпеть эту наэлектризованную напряжением тишину между нами, я не выдержала:

– Влад?

– Да?

– У меня еще один вопрос.

– Один? – фыркнул он, взглянув на меня из-под ресниц.

– Хорошо, может быть, два, – признала я.

– Я бы и этой цифре не поверил, – пробормотал ведьмак, подкладывая себе еще салата. – Давай, добей меня.

– Как тебе удастся не повышать голос, когда ты зол?

– Ты еще не видела меня злым, – поправил Влад, и легкость, с какой он вбросил это уточнение, как ничто другое, подтверждала его правдивость. – Так... немного раздраженным. Понимаешь, любые слова и эмоции – это энергия, влияющая на пространство. Негативные эмоции сами по себе разрушительны даже в исполнении обычного человека, и большая часть моей работы состоит как раз в разгребании последствий таких случаев. В сердцах человек может сказать что угодно, тем самым создав энергетический посыл, который достигнет своей цели и в точности исполнит сказанное. Даже если человек потом остынет, передумает, испугается и попятится назад. А теперь представь, на что способны практикующие со всеми нашими знаниями, силами и пониманием самого процесса возникновения и влияния энергий.

Я не представляла, но догадывалась, что на нечто разрушительное. Сделав себе мысленную пометку никогда не доводить Яблонева до таких крайностей, я поднялась из-за стола, принимаясь собирать опустевшие тарелки.

– Ты когда-нибудь злился с... последствиями?

– Да, – угрюмо подтвердил Влад, и я досадливо закусила губу, осознавая, что снова заговорила не о том. Почему в голове нет лампочки, миганием предупреждающей о приближении к зоне под

напряжением? Это сократило бы конфузы моей жизни до прожиточного минимума.

Открыв кран, я скрылась за ответственным мытьем посуды, стараясь понять, можно ли еще свернуть к той веселой беззаботности, с какой мы обсуждали нелюбимую еду. Все указывало на то, что невозможно, но когда меня это останавливало.

– Чай будешь? – резко обернулась я, улыбаясь.

– И вот уже третий вопрос, – приподнял бровь Влад, удивленно посмотрев на меня.

– Подловил, – скорчила я рожицу. – Ладно. На самом деле мне просто неуютно из-за того, что я испортила тебе настроение и расстроила своими бестактными вопросами. Прости, пожалуйста. И за то, что я не позвонила и не рассказала тебе о стычке с Аленой сразу.

Яблонев моргнул, сбитый с толку моей сменой курса. Ну да, нечасто увидишь такое чудо света, как Агата Вольская, признающая свою вину. Обычно, я этим не страдаю, но за всю заботу и терпение Влад заслужил мои искренние извинения. И не только их.

– А еще спасибо, что приехал, помог и остался со мной. Я очень ценю это, хотя со стороны это может быть незаметно.

– Я попал на какой-то невиданный аттракцион щедрости, – констатировал ведьмак, улыбнувшись и качая головой, словно ушам своим не веря. – Пожалуйста, Агата. Я рад, что с тобой все в порядке.

Вот теперь все вернулось на круги своя. Посмотрев на меня ниже шеи, Князь тихо засмеялся. Догадываюсь, в чем причина.

– Что она делает?

– Валяется на спине и сучит лапами, – поделился Влад. – Чай буду, и спасибо за ужин, очень вкусно.

Я поставила чайник, достала кружки, печенье и вафли и снова опустилась на стул напротив. Время продолжить беззаботную тему творчества практикующего.

– Музыка? Ты сочиняешь песни, играешь на инструменте, поешь?

– О боги, ты все еще об этом, – покачал головой Яблонев. – Нет, мимо.

– Да что ж такое-то, – пробурчала я. – Одежда! Ты – дизайнер!

Ведьмак откровенно расхохотался, и я поникла, чувствуя себя в тупике. Что еще это может быть? Одежда! Как вообще можно было заподозрить в нем модельера?

- И снова «в молоко».
- Не мой сегодня день, да?
- Я бы так не сказал.

Серые глаза ненадолго остановились на моей шее, и я нервно завозила на стуле, переключаясь на вкусняшки. И правда, испытанное во время ритуала... язык не поворачивался оценить как что-то неприятное.

– Я должен буду уйти через полчаса, – заговорил Яблонев, когда я разлила кипяток по кружкам.

– Х-хорошо, – запнулась я, ощущая якорь досады, сброшенный на дно всего нашего совместного времяпрепровождения. Конечно, я не думала, что Влад останется, но все же хотелось, чтобы ведьмак побыл со мной подольше...

- Все в порядке?
- Да... Кулинария? – выпуталась я из неловкости.
- Мимо, – фыркнул Яблонев.
- Но ты же мне покажешь?

Нет, серьезно, теперь я просто обязана увидеть, как именно и во что он вкладывает «груз» эмоций. От любопытства вроде бы кошка сдохла, и я, похоже, недалеко ушла.

- Да.
- Обещаешь?
- Да.
- Когда?

После новости о скором уходе дата следующей встречи должна стать рычагом, что поднимет якорь досады назад. Подобная реакция пугала и вместе с тем давала почувствовать себя более... натуральной и яркой, как картинка в HD-качестве. Хотела я того или нет, но перемены уже произошли, и удержать их на одном месте не получится.

- Как насчет субботы? Скажем... если я заберу тебя часа в два?
- Заберешь? Куда заберешь?

– Я увидел твою квартиру. – Яблонев отставил пустую кружку, улыбнувшись. – Полагаю, будет честно, если теперь ты увидишь мой дом.

Как же мне нравился его принцип честности!

- Полагаю, да, – важно кивнула я. – А Кельт будет?

Скорее всего, мои глаза загорелись маниакальным блеском, но я ничего не могла с собой поделать. Мечта о знакомстве с его собакой родилась почти сразу, как я узнала о ее существовании. Да и побывать в доме Яблонева, посмотреть, чем и как он живет... Интуиция подсказывала: жилище темного намного интереснее моего.

– Куда же он денется, – хмыкнул ведьмак.

– Значит, решено, правда, зачем тебе приезжать сюда, я и сама смогу...

– У меня здесь будет дело с утра, так что по времени все совпадает. Кстати, о времени. – Он глянул на кухонные часы и поднялся. – Мне пора.

Глядя, как он обувается в прихожей, я прислонилась к стене плечом, все еще думая о переменах, цене и последствиях. Котелок не переставал варить ни секунды с тех пор, как, проснувшись, я увидела ведьмака на ковре. Штука была в том, что ответ на вопрос Яблонева появился у меня еще несколько дней назад.

Робкое признание, сказанное шепотом себе под нос в ванной, где уж точно никто не видел и не слышал, крепло и росло с каждым часом, проведенным рядом с Владом. Не знаю, что впереди, но то, что остается позади, до появления Яблонева, мне не нужно. Скука, одиночество и непонимание... К ним так просто не вернуться, когда ощутил, как бывает по-другому.

– Влад?

– Да? – взглянул на меня парень, застегнув куртку.

– Да, – серьезно кивнула я.

Влад нахмурился, несколько секунд понадобилось на то, чтобы понять, о чем речь, а потом... Выдохнув, ведьмак встряхнул головой и по-настоящему счастливо посмотрел на меня. Словно только что стал чемпионом мира, на последних долях секунд вырвав победу у серьезного соперника.

– Да? – недоверчиво переспросил он, и от надежды в его голосе сердце сжалось.

– Да. Я хочу быть твоим фамильяром, – подтвердила я полной фразой, чтобы никаких сомнений не осталось.

Вскрикнув, когда Влад приподнял меня над полом за пояс, я обняла парня за шею, засмеявшись его мальчишескому восторгу.

– Ты как будто миллион выиграл, – выдавила я, нисколько не возражая против его крепкого объятия.

– Ты себя недооцениваешь, – пробормотал он. – Но мы это исправим.

«Мы» – звучало просто отлично.

Глава 11

Остаток рабочей недели прошел мимо меня. Я ходила на занятия, общалась с Ирккой, проводила вечера за готовкой ужина и просмотром сериалов с мамой, переписывалась с друзьями по сети, но делала все это скорее по привычке. Мысли о себе в качестве фамильяра Влада не давали покоя, утягивали все дальше от реальности, обстреливали риторическими вопросами и глупыми догадками.

Тревожило не само согласие, а неизвестность, наступившая после него. Ответ получен, но что он означает на деле и насколько соответствует приятным объяснениям Влада? Я чувствовала, что это подвешенное состояние исчезнет, как только мы с Яблоневым снова окажемся лицом к лицу, и это совсем не успокаивало.

Мандраж, любопытство и волнение сделали два последних дня невыносимыми. Несмотря на то что ведьмак был на связи и наше общение в чате не сбавляло оборотов, никто не затрагивал глобальную тему связи фамильяра и практикующего. Вместо этого мы упражнялись в «собачьих» шуточках и обсуждали совершенно сторонние вещи. И, конечно же, я не бросала попыток разгадать его творческое дело, терпя поражение за поражением.

Вечер пятницы начался с перетряхивания всего шкафа в поисках одежды для прогулки и пребывания в гостях у Влада. Возможно, следовало попросить совета и помощи у Ирки, но мы слегка поссорились после пар. Едва она узнала, по какой причине я не могу пойти с ней днем в субботу в кино, как разразилась нотацией о моем чувстве благодарности за спасение, заводившем все дальше в лес, прямиком в капкан ведьмака.

Я благоразумно промолчала о том, что «капкан» уже захлопнулся. Лучше скажу Ругаловой правду, когда сама буду больше понимать. Интуиция подсказывала, что связь темных практикующих в корне отличалась от связи светлых.

В дверном замке повернулся ключ, и, немного погодя, в комнату зашла мама. Окинув взглядом вороха маек, блузок и туник на ковре, она остановилась около дивана, где были разложены самые приемлемые варианты.

– Привет, мам, – кивнула я, прикладывая к себе фиолетовую шелковую блузку. Загвоздка была как раз с верхом. – Смотрится или нет?

– Привет, дочь. А низ этот будет? – Она указала на мои темно-синие джинсы, и я кивнула. – Вообще неплохо, но она слишком легкая. Если придется снимать пуховик – замерзнешь. Попробуй тот жемчужно-серый свитер с тремя косичками впереди, мы покупали его тебе прошлой зимой.

Черт, забыла про него! Почему мама всегда помнит всю мою одежду лучше, чем я? Это какая-то суперспособность, входящая в пакет материнской силы.

– И как его зовут?

Хорошо, что я уже натягивала свитер и лица не было видно. Нарочно закопавшись с рукавами, я как можно беспечнее спросила:

– С чего ты решила, что «его»?

– То есть это ты для Ирки разобрала весь свой гардероб? – насмешливо поинтересовалась маман, и я прикусила губу, досадуя на такой очевидный для женской логики указатель.

– Нет, – пробубнила я, высовывая голову из горла с широким отворотом. – Его зовут Влад. Он друг Иркиного парня. И мы просто общаемся.

Да, мам, мы просто общаемся. Он – темный ведьмак, умеющий наводить и снимать порчи, а я – его фамилляр с сущностью дога и собачьими повадками. Вместе мы что-то вроде магически-нерушимого тандема, и, возможно, наши жизни связаны навсегда. Или будут связаны, потому что пару дней назад я приняла его предложение. Сразу после того, как он спас меня от энергетического истощения, заработанного в драке с фамилляром другого темного практикующего.

Прозвучи такая история, и уже через час я буду сидеть в коридоре знакомого психолога мамы. С какой-нибудь дурацкой анкетой, призванной выявить мою приближенность к реальности или расстройство личности. Оказывается, мамам не все можно рассказать, хотя с детства нам внушают обратное.

– Симпатичный? Фото есть? Страничка в соцсети?

– Да, симпатичный, – не стала я распинаться в комплиментах Владу, пусть это слово и вполтину не характеризовало эффект, который Яблонев производил одной только внешностью. Он был

опасный, как огонь, темный, как ночной ветер, и порой колючий, как зацветший шиповник. Пожалуй, эту поэзию маме тоже выдавать не стоит. Засмеет.

– Почему из тебя все нужно тянуть клещами? – всплеснула руками мама.

– Нечего тянуть, мы всего лишь погуляем завтра вместе. – Угу, и ты сидишь прямо на том же месте, где и Влад, когда целовал и кусал мою шею. – У него нет странички, он не признает интернет-общения и считает, что разговаривать нужно при реальной встрече и нормальными словами, а не смайлами и сокращениями.

– Отлично, он умный, – констатировала мама. – Сколько ему?

Да когда уже закончится этот допрос?

– Двадцать три.

– Старше тебя, очень хорошо. Молодой человек должен быть старше.

– Да, а еще уметь кататься на лошади, знать язык цветов и фехтовать, – язвительно отозвалась я, выходя в коридор. Естественно, свитер сидел и сочетался с джинсами лучше всего, что я мерила до этого. – Мы в двадцать первом веке, ма. Сейчас полно пар, где женщина старше мужчины.

– И кем она приходится мужчине? Второй мамой?

– Туше, – признала я, заканчивая изучать себя в зеркале. – Неплохо, правда?

– Очень хорошо. Только не забудь помыть голову и побрить подмышки.

– Мам! – рявкнула я. – Сама разберусь, не ребенок уже!

– Надеюсь. Ты уже взрослая девочка и должна понимать определенные последствия...

– Да мы просто идем гулять! Что ты там себе напридумывала? Ты вообще за кого меня принимаешь? Кошмар! А еще мать родная! – напирала я, спешно убирая все вещи обратно.

– В состоянии влюбленности все взросление, как правило, выветривается, – не поддалась мама.

– Нет у меня никакого состояния влюбленности!

Сигнал о сообщении чата спас маму от дальнейшей тирады на тему «матери и дочери». Подхватив телефон, я улыбнулась, увидев конвертик в диалоге с Владом. Наверняка что-то почувствовал...

Князь: «Ты бушуешь?»

Я: «Домашние разборки. Мама все еще думает, что мне пять лет».

Князь: «Если мы о собачьем возрасте, то она права».

Поперхнувшись, я расхохоталась, не ожидая, что он и это сможет вывернуть в шутку про сущность. Правда, все веселье испарилось, стоило только наткнуться на мамин ироничный взгляд.

– Никакой влюбленности, конечно, – протянула она.

– Конечно, – поддакнула я, пряча улыбку, хотя щеки все еще ломило от желания смеяться дальше.

– Смотри, не пытайся убеждать себя в этом слишком долго. Можно упустить время и никогда потом его не вернуть, – неожиданно серьезно проговорила мама и, подхватив пустой стакан из-под воды, вышла на кухню.

Нет у меня ничего такого к Владу, я бы это поняла! Он не первый парень в моем окружении, хотя определенно самый лучший. И я уже встречалась с мальчиками до этого, так что точно поняла бы, что влюбилась, произойди это в реальности.

С Яблоневым все было по-другому. Он действительно понимал и принимал меня, и... Мы фамилльяр и практикующий, а также все, что означает эта связь. Точка. О возможности многоточия, наблюдающегося у Ирки с Лешей и Кати с Мишей, я предпочитала не думать.

В десять утра мне уже не спалось, в отличие от мамы, смотревшей до трех часов ночи марафон мистических триллеров. Провалившись до одиннадцати в компании ноутбука, больше я не выдержала и отправилась в душ. Хотелось поскорее увидеть Влада и в то же время отложить встречу еще на пару дней.

Сердце и разум тянули каждый на свою сторону, и я то закутывалась в радостное ожидание, то оказывалась в напряжении и страхе того, что эта прогулка означала. Я попаду в его дом, познакомлюсь с его собакой, может, даже увижу место, где он принимает клиентов. Последний бастион, после которого дороги обратно не будет.

Влад покажет, где, как и чем живет, буквально впустит в свою жизнь. Сомневаюсь, что выйти из нее проще, чем войти. И, честно признаваясь себе, я не думала, что захочу уйти, даже окажись у него

подвал, забитый куклами вуду. Да и о каком уходе может идти речь, когда решение уже принято и озвучено? Сбиваю с толку сама себя.

Полностью собранная к двум, я, старательно игнорируя мамины шуточки и советы, застегивала пуховик в прихожей. Никогда еще так не радовалась тому, что наши окна не выходят во двор, как в ту секунду, когда получила от Влада: «Выходи, я у подъезда». Ни единого шанса маме рассмотреть его, не за мной же она побежит.

– Учти, я позвоню спросить, как твои дела, часа в четыре, – предупредила она.

– Лучше звони каждый час. За два он уже закопать меня успеет, – пробурчала я, заматывая шарф.

– Дошутишься, что звонить буду каждые полчаса. Сбежит, испугавшись такой активной потенциальной тещи, а потом будешь плакать, что мама шуток не понимает и всех женихов распугала, – хмыкнула мама.

– Да нет между нами ничего! Просто дружим и нам интересно общаться! – в юбилейный сотый раз утвердила я. Она знает, как меня это бесит, и специально подзуживает! Зачем я только проговорила! Ах да, у меня не было выбора.

– Это уже что-то.

– Мам!

Закатив глаза, я подхватила сумку, пихнула телефон в карман и сбежала, пока не услышала еще что-нибудь из той же оперы. Перепрыгнув ступеньки лестницы, злобно ткнула кнопку домофона и вылетела на улицу, открывая дверь шире, чем было нужно. Влад стоял прямо передо мной, держа руки в карманах. Как всегда, без шапки и с лукавой полуулыбкой. С правого плеча свешивался рюкзак со всеми его атрибутами и инструментами для работы.

– Привет, – распахнул он объятия, и я влетела в них, с удовольствием обнимая парня в ответ.

– Привет, – пробормотала я, растворяясь в его запахе и присутствии. Это ощущалось очень правильным и имело особый, успокаивающий эффект. Как горячий чай при простуде. – Забери меня отсюда.

– Все еще домашние разборки? – понимающе усмехнулся Влад, убирая руки и поворачиваясь к выходу со двора.

– Режим «материнский контроль» успешно активирован, – кисло оповестила я.

– Могу сбить его настройки, – хитро приподнял он бровь.

– Я пока потерплю, но, если что, у меня же скидка на твои услуги, да?

– У тебя безграничный лимит обращений и партнерское соглашение, – засмеялся Яблонев.

Настроение у парня было отличным. Пока мы шли до остановки, ведьмак успел просветить меня относительно сущностей прохожих впереди нас, сколько аварий пережила одна из проехавших мимо машин, а еще сменить цвет светофора на переходе с красного на зеленый, чтобы не стоять слишком долго.

– Автобус подъедет через две минуты, бежать неохота, – ответил он на мой взгляд, пожав плечами. Мальчишеская улыбка и озорной блеск в серых глазах обезоруживали, но не избавляли от шока.

– Ты и это умеешь делать? Просто «щелк!» – и все, проходите, пожалуйста?

– Лапу давай, – пробормотал Князь, взяв меня за руку прежде, чем я сама ее протянула. – Пятилетним нельзя переходить дорогу без сопровождения.

– Очень смешно, – проворчала я, тем не менее сжимая его ладонь в ответ. Не прошло и секунды, как мы оба прыснули, не глядя друг на друга. Пожилая женщина, переходившая дорогу навстречу, недовольно покосилась на нас, что-то пробормотав себе под нос.

– Овца, – хмыкнул Влад.

– Где твое уважение к старшим?

– Вообще-то это ее сущность, – подмигнул Князь. – Хотя... – он обернулся, – нет, все-таки овца, не ошибся.

Садясь в автобус, который пришел, как и сказал Влад, в течение двух минут, я все еще хихикала. В полупустом салоне Яблонев сразу прошел назад и занял место у окна, кивая на соседнее. Плюхнувшись рядом, я с интересом посмотрела на парня:

– Любишь сидеть у окошка?

Обычно парни старались уступать это место девушкам. Был у меня в голове такой стереотип, хотя я не помню, откуда он появился. Кажется, из самых первых моих «школьных» отношений с Димкой

Сосновым из параллельного класса. Тот всегда уступал мне место и пропускал к окну, точно.

– Это самая первая мера безопасности для тех из нас, кто путешествует общественным транспортом, – тихо пояснил он. – Глядя в окно, легче отвлечься и закрыться от энергий и колебаний окружающих. Еще проще, если есть фамилляр. Он отсекает своего практикующего от остальной толпы, становясь стеной, не пропускающей ничего чужого.

Ого. Надо же, сколько крылось за таким обычным с виду жестом.

– Ты научишь меня, как это делать?

– Конечно, – улыбнулся Влад. – Мне это особо выгодно.

– Ты не водишь машину, точно, – поняла я. – Значит, все время пользуешься городским транспортом.

– Мне нельзя водить, но машина в доступе есть. Просто сегодня у моего водителя выходной, да и особой причины прибегать к его услугам нет.

– У тебя есть личный водитель? – отвисла моя челюсть.

– Не на постоянной основе, – покачал головой Влад. – Только когда мне действительно нужно и дело срочное или дорога неблизкая, например в другой город. Я стараюсь не злоупотреблять этим, водитель – человек, чьей семье я когда-то помог, и возит меня бесплатно.

– А почему тебе нельзя водить? – Краем глаза я заметила, как мы повернули с проспекта Ленина и проехали самый посещаемый торговый центр города.

– Слишком большой риск для окружающих, – поморщился Яблонев. – Кто знает, что может случиться, когда я буду за рулем. Шальной фантом на перекрестке, чья-то аура, мысль о самоубийстве или нечто подобное, и я – участник ДТП.

Звучало разумно. Только, похоже, распространялось это не на всех практикующих.

– Но Леша же водит, – удивленно посмотрела я на Князя. – Он что, всего этого не боится?

– Леша же светлый, – передразнил меня Влад. – К нему подобное не липнет при каждой мало-мальски неосторожной эмоции или слове. Это только темным так везет.

– Хорошо, допустим, но должно же быть что-то в противовес? Темные же в чем-то круче, чем светлые?

Влад посмотрел на меня так, словно я только что сморозила самую нелепую и смешную глупость на свете.

– Агата, – посмотрев по сторонам, как шпион, убеждающийся, что за ним нет слежки, ведьмак поманил меня пальцем. Притянувшись за секретом, обещанным его взглядом, я затаила дыхание, слушая его шепот: – Темные круче во всем. Мы не боимся действовать. Не боимся своих решений. Мы не боимся ни-че-го, а вот светлые трясутся за все и вся.

Черт. Он всегда умудряется найти слова, которые пробирают до мурашек. Или все дело в горячем мятном дыхании, касающемся кожи за ухом?

– Они же стараются, как правильно...

– А кто определяет, как именно правильно? Темные считают, что у каждого своя правда и поступает человек согласно ей относительно себя. Светлые стригут всех под одну нелепую гребенку. Прощение для всех, – отмахнулся Влад. – Для убийцы, насильника, педофила, сумасшедшего, поджегшего свой дом вместе с детьми, девочки, уронивший пакет с водой с балкона на голову прохожему, и работающей матери, отдавившей ногу старушке в больничной очереди. Всем стоит только раскаяться, попросить прощения, и над головой нимб вырастет. Однако существуют вещи, которые не прощаются и не забываются. Их даже смерть не всегда искупить может. Об этом у нас светлые молчат в тряпочку, конечно, правильные наши...

Нельзя сказать, что я была с ним не согласна, но все же это требовало более серьезного обдумывания. Харизма Влада на таких философских тирадах зашкаливала, и, зная это, я постаралась абстрагироваться, чтобы не принимать его точки зрения сразу. Лучше практикующего вообще «свернуть» в другую сторону, не то ДТП случится у водителя автобуса с негодующим ведьмаком в салоне.

– Эй-эй, полегче, Князь, я поняла. – Я взяла Яблонева за руку, стараясь остановить это цунами недовольства. – Все, светлые – фу, темные – зашибись.

Прервавшись на полуслове, он посмотрел на меня:

– «Фу»? Светлые – фу?

– Ну, можно еще «беее», – проблеяла я. – «Игого» выдавать не буду, даже не проси.

Нас не хватило и на одно переглядывание. Откинувшись на спинку, Влад хохотал, скрыв лицо в ладонях. Я смеялась до слез, уткнувшись парню в плечо. Абсолютно плевать, что о нас думают остальные пассажиры, и так ясно, что ничего хорошего.

– Нас сейчас высадят, – всхлипнула я, чуть успокоившись.

– Я бы не советовал этого делать, – обронил Яблонев, отсмеявшись.

Я почему-то ему верила.

– Кстати, где мы вообще? Я тут ни разу не была.

– Пролетарский район, – ответил Влад. – Самое его начало. Еще восемь остановок, минут пятнадцать пешком, и мы на месте.

– Ты живешь в заднице мира, – фыркнула я, не представляя, куда еду и как буду возвращаться домой. Хорошо хоть без пересадок... Влад же посадит меня на автобус обратно?

– Ты ее еще полюбишь, – заявил парень.

Ну да, конечно. Если не поседею от старости к тому моменту, как мы доедем.

– Мы едем уже пятнадцать минут от центра.

– Мы едем *всего* пятнадцать минут, – сделал ударение Влад. – Поверь, это очень быстро, потому что день и выходной. Как-то раз, когда в декабре намело снега, я ехал до универа два с половиной часа.

– Восторг, – оценила я.

Мы миновали пересечение трамвайных путей, еще пару торговых центров, школу и детский сад, бесконечную череду крохотных магазинчиков, поворот, который Влад обозначил Восточным обходом, гипермаркет с парковкой мест на двести, и поползли дальше, вверх по дороге. Яблонев называл мне остановки, указывал ориентиры и автобусы, которые здесь ходят.

Оплатив проезд в руки водителю, мы вышли на «Почте», и Влад сразу же указал мне на почтовое отделение через дорогу.

– Это улица Кутузова, – назвал ведьмак улицу, на которой мы стояли. – А это Гастелло, – кивок на прилегающую улицу. – Она соединяет Кутузова и Metallургов. В той стороне сплошные квадраты пятиэтажек, здесь – сектор частных домов, несколько ресторанов, ночной клуб и парк. Вход в парк остановкой дальше. Пройдешь его

насквозь и выйдешь прямо к моему дому. Или можем по лабиринту поворотов между домами прямо отсюда. Как хочешь?

– Давай лучше через парк, – решила я, не горя желанием запоминать повороты и цвета заборов домов, чтобы в следующий раз не заблудиться. И потом, если мне предстоит бывать здесь часто, то приятнее ходить через парк, это уж точно.

– Так и думал, – хмыкнул Яблонев.

Мы дошли до следующей остановки, соседствующей с цветочным магазином, когда я увидела ограду парка с проходом к деревянным беседкам, принадлежавшим ресторану, находившемуся прямо на его территории. Влад свернул на выложенную плитками дорожку, заходя в парк и уверенно двигаясь между занавешенных толстой пленкой беседок.

– А сюда можно заходить так? – удивилась я.

– Ага. Только это не центральный вход, конечно же. Центральный там, – ведьмак махнул рукой вдоль забора.

Срезав наискосок, мы миновали детскую площадку, где под присмотром мамочек бесновались карапузы в дутых пуховиках-комбинезонах, и наконец-то вышли на утоптанную аллею, посыпанную песком. Влад прибавил скорости, я подстроилась под него, запоминая новую для себя местность и слушая парня. Стая воронья пролетела над нами, оглушительно каркая, словно приветствуя его, и улетела куда-то в глубь парка, едва он поднял на них глаза.

– Это что-то значило?

– Все что-то значит, – ответил Влад, доставая из кармана куртки сигареты с зажигалкой.

– Веришь, что случайности не случайны?

– Знаю, – хмыкнул он. – Вспомни нашу встречу. По-твоему, ты случайно вышла в тот вечер на прогулку, случайно решила пойти именно в парк, случайно побежала за собакой той аллеей и наткнулась на нас? А твоя лучшая подруга случайно оказалась фамилльяром одного из практикующих моего круга?

Да, глупо настаивать, что это целый ряд случайностей.

– Так что значила эта стая?

– То, что я дома, – пожал плечами Влад. – Они всегда чувствуют, когда я захожу в парк. Что-нибудь рассказывают или жалуются на

людей. Иногда на голубей и воробьев.

Почему-то это рассмешило меня. Представить Яблонева, выслушивающего жалобы ворон, словно психоаналитик в глубоком кресле и с блокнотом... Что-то совершенно ирреальное.

Мы прошли через главную аллею и свернули на протоптанную тропинку между деревьев. Увидев большое заснеженное поле, я глубоко вздохнула, наслаждаясь морозом и чистым, не тронутым городскими запахами воздухом. Как же просторно!

– Ты оживилась, – отметил ведьмак, глянув туда, где обитал мой дог. – Захотелось побегать?

– Немного, – признала я. – Тут как-то...

– По-особому, – закончил Влад, кивнув. – Потому что это моя территория. И хотя мы еще не провели ритуал заключения связи фамильяра и практикующего, то, что ты уже сейчас способна чувствовать такие нюансы, радует.

– Какой ритуал? – насторожилась я. – Ты раньше ни о чем таком не говорил.

– Потому что ждал твоего ответа. Установление связи должно произойти на ментальном уровне: связующий круг, свечи, пара личных секретов как знак доверия...

– Что за секреты?

– Что-то, что о тебе буду знать только я, а обо мне – только ты, – серьезно ответил ведьмак, выбрасывая окурок в сугроб.

Вот это поворот. Подводные камни уже на входе в реку, еще до того, как попасть в течение. Нахмурившись, я отвела глаза, понятия не имея, что такого могу рассказать. Вся моя жизнь была как на ладони, тем более для его способностей. Тайной был сундучок с памятной мелочовкой, но Влад рассказал все о нем во вторую нашу встречу.

– А если у меня нет секретов?

– Агата, – ласково позвал Влад, качая головой. – Секреты есть у всех. Большие и маленькие, худые, как скелеты, или жирные, как кусок сала, колючие и холодные или теплые и потные. Тебе ни за что никогда не было стыдно? Не было моментов, которые ты хотела бы отмотать назад и сделать все по-другому?

– Ладно, я поняла. Это похоже на поруку, – кисло оценила я, все еще не представляя, что может подойти под перечисленные категории. Не то чтобы я могла назвать себя болтушкой, скорее, наоборот, но в

голову не приходило ничего, о чем я боялась бы рассказать. – Что-то вроде: повязаны собственными откровениями.

– «Круговая порука...» – напел Влад первые слова одной из самых известных песен «Наутилуса Помпилиуса», и, улыбнувшись, я подхватила его начинание, качая головой в такт.

Дом Яблонева обнаружился на третьем куплете, когда мы вышли из парка, пройдя его насквозь. Двухэтажный, из красного кирпича и с черепичной крышей, он походил на игрушечный или на ожившую картинку из детских сказок. Тех самых, что поучают, а не успокаивают счастливым концом.

– Только не говори мне, что он из сладостей и ты заманиваешь туда детей, а потом ешь, – пробормотала я, в который раз обжигаясь с представлением о жизни практикующих.

Даже издавек чувствовался уровень достатка выше среднего. Высокий забор (железные прутья с кованными узорами и острыми макушками-пиками) вокруг дома и прилегающего участка придавал ему какое-то особое, утонченное изящество и таинственную атмосферу, намекающую на древнюю историю, полную мрачных нот. Модная отделка, пластиковые окна на втором этаже в полный рост, спутниковая тарелка на крыше с правой стороны – вся эта современность не стирала первого стихийного восприятия.

Интуиция подтверждала, что дом соответствует своему хозяину. То есть полон секретов. Или же кто-то слишком впечатлительный.

– Я? Нет, не люблю человечину. То ли дело мама... – протянул Влад, и я прыснула, глядя, как он пожимает плечами.

– Ты живешь с мамой? – дошло до меня.

– Она живет со мной, – поправил Яблонев. – Сейчас ее нет дома, уехала к бабушке на выходные.

Фыркнув, я посмотрела под ноги, про себя удивляясь, как у него каждый раз получается так лихо переиначивать смысл, используя те же самые слова.

– Бабушка тоже... – Я закончила свой вопрос взглядом, почему-то смутившись говорить это вслух.

– Ведьма? Еще какая, – усмехнулся Князь. – Некоторые способности перешли ко мне напрямую от нее, минуя маму.

– У вас хорошие отношения? – полубопытствовала я, среагировав на теплоту в голосе. Грех не воспользоваться отличным настроением

Влада, чтобы больше разузнать о нем как о человеке, а не о практикующем.

– Замечательные. Я часто прислушиваюсь к ее советам. Как-нибудь отвезу тебя познакомиться с ней.

Великолепно. Знакомство с «еще какой» ведьмой, имеющей влияние на Влада... Я сморщилась, почувствовав холодный укол волнения в животе от одной мысли об этой встрече.

– Да не съест она тебя, – хмыкнул Яблонев. – Покусает чуть-чуть разве что, но тебе же это нравится, верно?

Я ткнула его локтем в бок, гневно выдохнув. Он опять!

– Ух ты, прямо дым из ноздрей, – прыснул Влад. – А из ушей можешь?

– Влад!

– Агата!

Сузив глаза, я наклонилась, зачерпнула снега и бросила в несносного ведьмака. Достал меня с этими укусами! Мне и так неловко за тот случай, не говоря уже о том, как часто воспоминание о нем возникает в голове, так еще и Влад со своими шуточками и намеками!

– Все-все, спокойно, – поднял руки вверх Яблонев. – Фу, нельзя, свои. – Он снова расхохотался и получил еще горсть снега в лицо.

– Я тебя сейчас в нем вываляю, ясно? Будешь вороном с обмороженным клювом!

Глядя на его веселье, я почему-то не могла злиться. Первый раз вижу Влада в настолько хорошем настроении. Конечно, Князь был в восторге, когда я согласилась стать его фамильяром, но тогда он слишком быстро ушел. В основном я привыкла к его молчанию, сарказму и мрачной ухмылке, изредка превращающейся в улыбку, а тут словно подменили.

– Что? – нахмурился парень, заметив мой пристальный, изучающий взгляд.

– Ничего, – смутилась я. – Просто... Я никогда не видела тебя таким... открытым.

– Понятно, – посерьезнел Влад, протянув мне руку, которую я тут же сжала. – Здесь мне не нужно сдерживаться и быть осторожным в своих эмоциях. Моя территория, мой дом. – Он кивнул на него и хитро посмотрел на меня: – Мой фамильяр.

– Попахивает собственничеством, – повела я носом, внутренне удивительно довольная такой постановкой вопроса. Как и немного приглушенным из-за перчаток чувством уюта, возникшим при нашем прикосновении.

– Обыкновенное проявление темных, – пожал плечами Влад. – Как мы можем хорошо защитить что-то, если не считаем это своим?

– А светлые?

– Хватит уже про светлых, это набивает у меня оскомину, – закатил глаза ведьмак. – Ладно, вот один факт: напади Алена на тебя и Варькину Сашку, она не успела бы даже подбежать на расстояние удара. Саша разве что только голову бы ей не откусила. Что произошло, когда ты была рядом с Ирккой? Тебе пришлось защищать и ее, и себя.

И Влад снова был прав. Его логика указывала сразу на две вещи: я – темная, светлые – никудышные защитники. Словно темные останавливают само действие, а светлые работают уже с последствиями.

– Абсолютно верно, – поддакнул Яблонев.

– Не лезь в мою голову!

– Не лезу. Эта истина налипла на меня из-за схожести мнений. Я тоже так всегда считал и продолжаю считать. Правда, это не аксиома, бывают серьезные исключения. Все зависит от сущности, – подсказал Влад. – Как ты понимаешь, схлестнуться с Потаповым мало кому в голову придет.

Вот уж точно. Фамильяр Кати внушал уважение одним видом. Разумеется, когда не был в своих медвежьих плюшевых тапках.

– Как первое впечатление? – отвлек меня Влад на дом, на ходу доставая ключи из кармана куртки.

– Смешанное, – честно призналась я. – Вроде все такое современное, но я... Не знаю, словно это декорация, скрывающая... что-то древнее. Похожее чувство иногда бывает в музеях, понимаешь, о чем я?

– Очень хорошо, – довольно кивнул ведьмак. – Ты чувствуешь магию. Сам дом буквально излучает ее, пропитанный нашими с мамой ритуалами. Думаю, из тебя выйдет отличный поисковик.

– Поисковик? – В голове промелькнули логотипы ведущих поисковых систем в Интернете.

– Ищейка, – уточнил парень. – С таким чутьем это неудивительно. От собаки невозможно спрятать то, что она хотя бы раз учуяла. Тут тот же принцип, только ориентир не на запах, а на энергетику.

Темный лес. Я все еще не понимала, как можно унюхать что-то без запаха.

Мы подошли к расчищенной площадке перед калиткой, используемой, судя по следам шин, в качестве парковки. Влад открыл калитку магнитным круглым ключом, попутно указывая на металлическую кнопку звонка на правом столбце.

– Система, – протянула я. – А камеры и металлоискатели предусмотрены?

– Они не нужны, – улыбнулся Влад, пропуская меня вперед.

Хмыкнув на его приглашающий жест, я посмотрела по сторонам утоптанной дорожки, на которой оказалась.

– Справа вы можете наблюдать заваленную снегом летнюю резиденцию Кельта, – вжился в роль экскурсовода Влад, и в высокой куче снега я разглядела торчащий деревянный шпиль.

– Это у него такая высокая будка? – удивилась я.

– Резиденция, а не какая-то там «будка», – поправил Яблонев.

– А там что? – Я кивнула на выглядывающую из-за дома серую шиферную крышу.

– Сарай с дровами, а рядом с ним площадка для костров и беседка, где мы собираемся в теплое время года. Увидишь их из кухни, там у нас дверь на задний двор.

– Веди меня знакомиться с Кельтом! – дернула я ведьмака за руку, как капризный ребенок.

– Все-все, веду знакомить с Кельтом, не надо так на меня смотреть. – Яблонев потянул меня к железной входной двери.

Вела она в предбанник, где стояли обувные полки и тянулась полоска настенной вешалки с двойными крючками. В черной корзине с другой стороны были сложены тапки и бахилы.

– Это прихожая для клиентов, – пояснил Влад.

– Мне нужно взять тапки?

– Тебе дам домашние, – подмигнул Яблонев.

Парень открыл нижний и верхний замки следующей двери, и мы оказались в просторном холле с изящными настенными светильниками, шкафом с какой-то узорной росписью на дверцах и

ореховыми полами. Однако первой в глаза бросилась винтовая лестница на второй этаж, берущая свое начало практически из центра. Блестящие резные перила, коричневая ковровая дорожка с синими полосками, опора, расписанная теми же узорами, что и шкаф... Теперь я знаю, как выглядит дорога к комнате Влада. Наверняка она на втором этаже, с его-то любовью к высоте.

Ведьмак скинул куртку, принял мой пуховик и шапку с шарфом, выдал черные тапки с жесткой подошвой и поставил нашу обувь к стене на резиновый коврик. Надо купить такой домой, чтобы лишний раз не мыть полы из-за тающего снега. Пока ведьмак хозяйничал, я опустила сумку на маленький столик для разных мелочей и осмотрелась вокруг.

Все двери были закрыты, оставалось только догадываться, что за ними. На стенах не висело никаких картин или фотографий, горшков с цветами я тоже не наблюдала. Странно, уют все равно чувствовался. Возможно, из-за теплых коричневых и бежевых тонов.

– Напротив кухни, здесь зал, ванная с туалетом, мамин кабинет. На втором этаже моя комната, ее спальня, еще одна ванная и общая зона отдыха. При необходимости она превращается в гостевую комнату.

– А твое рабочее место? Где ты всех принимаешь?

– На чердаке. Для меня чем выше, тем лучше, – подтвердил мою правоту Влад. – А сейчас... Готова? – практикующий остановился у двери, которую обозначил как зал.

Сначала не поняв, о чем это он, уже в следующий момент я кивала, как китайский болванчик. Усмехнувшись моим детским восторгам, парень повернул ручку и открыл ее на себя. В холл, цокая когтями по полу, вылетела огромная меховая машина. Цепкий собачий взгляд остановился на мне, но тут же переключился на Влада. Активное виляние хвоста, розовый язык наружу, и вот его передние лапы на груди хозяина.

– Привет, Кельт. – Яблонев зарылся руками в мех своего любимца.

Возможно, у меня из глаз, как в мультиках, выпрыгнули сердечки на пружине. Пес был совершенством от носа до кончика хвоста. Стойка ушей, великолепная ухоженная шерсть, мощные лапы... А сколько любви и задора во взгляде на Влада!

– Кельт, это Агата. Иди, познакомься, – опустил на четыре лапы овчарку практикующий. – Агат, сядь на корточки и протяни ему правую руку.

Я сделала, как велел Влад, и пес подбежал ко мне, слегка помахивая хвостом. Ладони коснулся влажный нос, Кельт тщательно обнюхал ее и рукав моего свитера. Чем дольше его нос водил, тем активнее двигался хвост. Присев, собака внимательно посмотрела на меня и плюхнула лапу на руку! Восторженно глянув на Влада, не ожидая такого вежливого жеста, я нежно сжала ее, чувствуя шершавые подушечки.

– Какой ты красавчик, Кельт! – не выдержала я. – А ума-то сколько! Сам поздоровался, ученый, да? Можно его погладить?

– Валяй, он явно тобой очарован, – хмыкнул Яблонев. – Впрочем, я этого ожидал.

– С чего ты взял? – поинтересовалась я, уже вовсю начесывая уши и спину Кельта, подставившегося под мои руки, словно знал меня всю жизнь. До чего же теплый, пушистый и веселый мальчишка!

– Увидев первый раз Варвару и Сашу, он рычал без остановки минут двадцать. На Мишу он щелкнул пастью, чтобы тот не подходил. Лешке хватило предупреждающего рыка. Катю и Настю он более-менее терпит, но чесать себя особо не позволяет и лапу не дает даже по моей просьбе. – Влад замолчал, но тут же прыснул: – В общем, мы еще раз убедились, что ты неотразима для любого кобеля.

– Заткнись, – беззлобно отмахнулась я, слишком увлеченная сюсюканьем с Кельтом.

– О боги, они нашли друг друга, – ушел Влад на кухню. – Давай сначала чаю выпьем, а потом покажу тебе дом подробней.

– Ага. – Кельт лег пузом кверху возле ног, и я села прямо на пол, запуская пальцы в его шерсть на груди.

– У нас в планах сегодня еще ритуал.

– Аг... – Я запнулась, посмотрев на Яблонева, прислонившегося к дверному косяку.

– Ура, на меня обратили внимание, – воздел ведьмак руки к потолку.

– Ты и не покидал моего внимания, – хмуро сообщила я, мигом вспоминая все, что он сказал об этом ритуале, свалившемся на меня как снег на голову.

– Как лестно, Герцогиня.
– Я уверена, что так и есть, – мило улыбнулась я.
– Отлично, домашняя работа над самооценкой проделана, как я погляжу.

Закатив глаза, я титаническим усилием оторвала руки от Кельта и поднялась на ноги. Влад с интересом приподнял бровь, глядя, как я подхожу. Остановившись в шаге от ведьмака, я уперла руки в бока:

– Ради твоего же блага надеюсь, что чай будет с успокаивающим эффектом.

Серые глаза заискрились смехом, и заразительный хохот разнесся по всему холлу. Я восприняла это как «нет». Интересно, как скоро Влад доведет меня до точки, когда его покусая я?

Глава 12

Кухня в доме Яблоневых была поделена на две зоны барной стойкой по центру комнаты и своей коричневой гаммой с белыми и стальными вкраплениями напоминала латте. С правой стороны все соответствовало последнему слову техники: мраморная столешница, электрические приборы, специальные подставки, встроенная плита, посудомойка, духовка, ряд кухонных шкафов с дверцами на доводчиках и куча модных штук вроде стеклянных досок для резки овощей.

Остановившись возле холодильника стального цвета, я хмыкнула, изучая навешанные на него магниты. Никаких «географических» сувениров, рассказывающих, где побывали хозяева дома. Вместо этого танцующие скелеты в цилиндрах, ведьма на метле с тыквой в одной руке, забавный черный кот с просвечивающимся рыбным скелетом в животе и ряд пластин с цитатами вроде: «А зомби здесь тихие...» и «Невыносимых людей нет – есть узкие двери».

– Не дверца, а доска черного юмора, – поделилась я с Владом, глядя, как он достает большие черные кружки и насыпает в них чай.

– Так и планировалось, – кивнул ведьмак.

Повернувшись ко второй «зоне», я поняла, что на ней вообще отсутствует что-либо относящееся к слову «техника» или «двадцать первый век». Деревянные шкафчики с круглыми лакированными ручками, большой шкаф, словно слепленный из множества маленьких ящичков, напоминающих пчелиные соты, чугунный чайник, книжная полка, заставленная толстыми тетрадками и папками, напоминающими бухгалтерские... Все было подписано: каждый шкафчик, тетрадка, ящик, даже на чайнике аккуратным почерком было выведено: «Для травяных настоев».

– Мамина рабочая среда, – пояснил Влад, остановившись за моей спиной. – Тетрадki не трогать, шкафчики открывать без скрипа, за чайник лучше вовсе не браться. Тем более не пить то, что в нем заварено.

Не очень-то и хотелось.

– Твоя мама... варит зелья?

– Ага, – прыснул Влад. – Сплошные эликсиры вечной молодости, для похудения и от прыщей.

– Ладно тебе, я же ничего в этом не понимаю! – обернулась я.

Кельт, растянувшийся у барной стойки, тяжело вздохнул. То ли укорял хозяина за веселье, то ли сочувствовал мне. В любом случае принимается.

– Моя мама не варит зелья. Их вообще не существует в природе. Есть отвары, индивидуальные чаи, заговоренные травы и яды. В каждом из этих четырех она дока, хотя ведущая ее способность – личные отношения.

– Вроде... привороты-отвороты? – закусила я губу.

– Да.

– Она умеет и то, и другое?

– Это взаимосвязанные вещи, – красноречиво посмотрел Яблонев, прежде чем заварить нам чай. – Если ты не умеешь делать одного, никогда не научишься второму.

Логично. Откуда у меня берутся эти глупые вопросы?

Влад выставил на стойку вазу с печеньем и конфетами, и я запрыгнула на барный стул с сиденьем вишневого цвета. Кельт выполз из своего укрытия и сел рядом со стулом Влада, заинтересованно поглядывая на хозяина.

– Что, дань пришел собирать? – хмыкнул ведьмак, доставая баранку. – Держи, вечно голодное создание.

Я умиленно наблюдала за псом, осторожно принявшим лакомство и плавно опустившимся обратно под стол. Послышался веселый хруст, и я хихикнула в кружку, едва сдерживаясь от того, чтобы наклониться и взглянуть на Кельта.

– Я хотела спросить...

– Удивительно, – фыркнул Влад. – Ты и вдруг спросить? Это что-то новенькое.

– Не паясничай, – закатила я глаза. – Скажи, что входит в мои обязанности как твоего фамильяра. Не размытые формулировки, а конкретные действия.

– Любым ментальным действиям мне еще предстоит тебя научить. Фамильяр – это прежде всего защита и опора.

Это я уже слышала.

– Я говорила: «конкретные действия».

– Для чего ты интересуешься?

– Для того чтобы знать, к чему быть готовой. И еще понимать, как распределять свое время. Я вижу, что Ирка почти всегда пропадает с Лешей...

– Отговорки, – отрезал Влад. – Ты боишься ритуала.

– Не боюсь!

– Неужели? Видела бы ты свое лицо, когда я о нем сказал.

Я сморщилась, уставившись в кружку. Чайники опускались на дно, кружась. Интересно, а на чае он гадать умеет?

– Тебя так пугает необходимость рассказать о себе что-то настоящее, нетипичное, что ты решила сдать назад и еще раз все обдумать, не так ли? – напирал Яблонев.

– Влад... Я очень плохо все это себе представляю, – вымученно призналась я, не в силах играть с ним в эти «кошки-мышки».

– Что именно?

– Ты... я... связь фамильяра и практикующего. Да, я хочу попробовать, но... Ты сам всегда говоришь, что у всего есть свои последствия!

– Хочешь конкретных действий? Хорошо. Мы начнем с твоих тренировок. Я собираюсь развить по максимуму все твои инстинкты, натренировать физически и ментально. Все это включает в себя долгое нахождение рядом со мной каждый день в моем доме или на улице, конкретно в парке, который мы только что прошли. Ты будешь бегать, учиться слышать, чують, видеть, распознавать, помогать мне сбрасывать негативную энергию, усталость и прочие нежелательные эмоции.

– Каждый день? – севшим голосом переспросила я, ошарашенная его уверенным ответом. У Князя, похоже, уже расписание в голове составлено! – Как насчет моей жизни?

– Агата, – Влад улыбнулся, покачав головой, – я не в рабство тебя беру, успокойся. У тебя будет время и на учебу, и на личные занятия. Твоя личная жизнь, которой, к слову, я пока не наблюдаю, как-то пострадала со времени нашего знакомства?

Я тяжело вздохнула, сжав горячую ручку чайной ложки. Очень хотелось дать ей по лбу всезнайке, сидевшему рядом. Личная жизнь, которой он, видите ли, не наблюдает!

– Ты мне веришь? – внезапно сменил тактику ведьмак. Чтоб его!

– Да. Мы это вроде бы уже выясняли.

– Тогда почему сомневаешься?

– Потому что боюсь перемен, – честно призналась я. – Что, если все это ошибка? Мы не сойдемся характерами, или поссоримся, или...

Влад взял меня за руку. Длинные пальцы нежно погладили мое запястье, обрывая на полуслове.

– Серьезно? Мы снова ступаем на круг «что, если»?

– Я с этого круга никогда не уйду, – проворчала я.

– О боги, женщины, – демонстративно вздохнул Влад, возведя глаза к потолку. – Пойдем, покажу тебе дом.

Так и не выпустив моей руки из своей, словно опасаясь, что я сбегу, Яблонев начал осмотр с первого этажа. Кельт послушно ходил за нами, с интересом поглядывая на обоих. Холодный нос пса пару раз ткнулся мне в ладонь, проверяя, нет ли в ней чего вкусного, и я чесала овчарку за ушами в качестве компенсации.

– А по лестнице он может подняться?

– Даже пробежаться, – хмыкнул парень. – Особенно когда слышит, как звякает миска с едой. Спит обычно в моей комнате, так что пару раз чуть не снес мне дверь, так спешил.

– Здорово иметь свою комнату? У меня просто никогда ее не было...

– Для тех, кто любит одиночество, просто бесценно, – поделился Влад. – Вот наша гостиная, которую мама каждой весной порывается кардинально изменить. На самом деле все сводится к банальной перестановке мебели. Перемен хочется ей, а работаю я.

– Бедный, – насмешливо протянула я, разглядывая уютную комнату с кучей мягкой мебели, огромным телевизором и пушистым ковром. Все было выполнено в кремовых и коричневых тонах с вкраплениями оранжевого (диванные подушки, торшер и шторы). – Твоя мама любит яркие цвета?

– Она считает, что всю картину делают детали, так что предпочитает расставлять акценты. – Влад кивнул на комнату. – Не всегда правильно, как ты видишь.

– Что тебе тут не нравится? – возмущившись, я чуть сильнее сжала его руку и получила такое же пожатие в ответ.

– Шторы, конечно же. Отвратительно оранжевые. До них были желтые, и, добиваясь их отправки на помойку, я и представить не мог,

что она заменит их этим. – Яблонева скривился. – Назло мне, естественно.

– О да, – закатила я глаза. – Торшер, подушки... чепуха. Исключительно тебе назло.

Прыснув, мы вышли обратно в холл, и Влад потянул меня к лестнице. Кельт проскользнул первым, стрелой помчавшись наверх, едва поняв, что мы собираемся туда.

– Мамин кабинет скучный, ванная и туалет тебя вряд ли чем-то удивят, так что...

– Твоя комната, – перебила я. – Показывай свою резиденцию, Князь.

– Как пожелает Герцогиня, – поддержал Влад.

Лестница вывела нас в узкий коридор с бежевыми стенами и черной ковровой дорожкой с узором из разноцветных кошачьих, собачьих и птичьих следов. Также на дорожке валялись позабытая резиновая утка и зеленый шипастый мяч. Похоже, Кельт – пушистая неряха.

– Раздолбай, – отметил Влад, отправляя мяч в конец коридора. – Эй, ты помнишь, что тебе обещала Ма, если еще раз споткнется об твои игрушки?

Из ближайшей комнаты высунулась хитрая морда его любимца. Если Кельт и помнил, что ему сказали, то признавать этого не желал, судя по лукавому взгляду. Просто милашка, а не пес!

– Что? – любопытствовала я, внутренне млея от общения Яблонева с его собакой. Было в этом с виду грубоватом что-то... искреннее и по-настоящему любящее. Влад дома кардинально отличался от Влада вне дома. Первый нравился мне больше, хотя и второй неплохо очаровывал. Что творится в моей голове?

– Оторвать хвост, – ответил ведьмак, и Кельт скрылся с глаз, почуяв недоброе.

– Жестоко, – оценила я.

– Здесь мамина спальня, – Влад запнулся, заметив мой взгляд. – Да-да, я помню, прежде всего тебя интересует моя резиденция. Любого нормального парня это бы напугало, но раз уж мы с тобой немного сумасшедшие, – Яблонева потянул меня за руку к самой дальней комнате, – то добро пожаловать.

Первое, что бросилось в глаза – потолок. Да, странно, но на нем был изображен космос, так что какое-то время я простояла, задрав голову, изучая звезды, дымки и переходы цветов. Потрясающая идея и ее исполнение. Наверняка, когда Яблонеу не спится, он часами пялится в потолок, размышляя о жизни.

– Шея заболит, – дернул ведьмак за руку, и я смущенно моргнула, осматриваясь вокруг.

Не могу назвать себя знатоком мужских спален, но эта определенно к ним относилась. Минимум вещей, только самое необходимое, никаких мелочей, кроме нескольких фотографий на небольшом компьютерном столе с тремя ящиками и кучей полок-отделов. На большинстве из них стояли книги, а на остальных – всякие придатки к компу вроде колонок и дисков. На спинке задвинутого компьютерного стула висела черная толстовка с вороном, раскинувшим крылья на фоне луны.

На полу, у окна, разместился большой черный лежак, где также валялись плюшевые игрушки. У всех были отодраны пластиковые глаза, видимо, с них Кельт начинал расправу. Не сразу поняв, что не так с окном и почему оно «голое», я покачала головой, найдя ответ.

Вместо обычных штор и тюля у Влада были фиолетовые рулонные, сейчас поднятые. Никаких цветов, к черту сантименты, только пепельница и еще одна пачка сигарет с зажигалкой. Мужская холостяцкая берлога. Вернее, учитывая сущность Влада... Гнездо одинокого ворона.

Хихикнув собственным мыслям, я обернулась на их объект, находя его полулежащим на кровати с закинутыми за голову руками. Кровать... Ее-то я почему сразу упустила?

От ее вида во мне, как в человеке, всю жизнь вынужденном спать на диване, разбирая его на ночь и собирая утром, шевельнулась зависть. Не двухспальная, конечно, она тем не менее занимала самое большое место в комнате, обходя в этом смысле шкаф и стол далеко вперед.

– Можно? – нерешительно спросила я, рассматривая черное покрывало с надписями на латыни (где он такое только нашел?).

– «Будь как дома, путник, я ни в чем не откажу», – напел Влад, кивая, и я расплылась в улыбке, узнавая композицию «Короля и Шута».

– Похоже, я вынуждена убедиться, что у тебя на территории нет вольера с волками, – хмыкнула я, прекрасно помня, чем закончил герой песни.

Черт, у него еще и матрас обалденный! Хочу свою кровать! Буду на ней прыгать и валяться, а иногда не заправлять целый день. Как-нибудь в другой жизни, когда начну зарабатывать... С другой стороны, судя по маме, вечером, после работы, мне будет все равно, на что приземляться, лишь бы распластаться.

– Волков нет. Есть Кельт.

– Он не будет меня есть. Правда, Кельт? Не будешь кушать Агату? – Я зарылась пальцами в шерсть на горле пса, когда он любезно задрал голову, позволяя почесать его. – Видишь? Даже не собирается.

– Не надо было его вчера кормить, – приподнял бровь Яблонев, и я прыснула. – И как тебе моя комната? Соответствует ожиданиям?

– Нет, – призналась я. – Она слишком... нормальная... За исключением окна. Seriously, ему нужен тюль.

– Еще одна, – закатил глаза Яблонев. – Что вам всем так нейдет занавесить окно просвечивающей тканью?

Видимо, в понятие «вы все» входили я и его мама. Приятно знать, что мы сходимся хотя бы в такой мелочи. Интересно, бабушка Влада тоже с нами согласна?

– Но так же уютнее!

– Моя комната. Мои правила, – отрезал Яблонев.

– Правда? Подожди, я схожу тебе за конфеткой, чтобы не дулся. – Я передразнила его позу, скрестив руки на груди.

Яблонев показал мне язык. Поперхнувшись, я засмеялась, не ожидая от серьезного темного ведьмака такого дурачества. Все-таки детство никогда не доигрывает свою музыку до конца.

– Вернемся к твоей оценке. Что ты понимаешь под «слишком нормальная»? – В серых глазах сверкнул неподдельный интерес, и я задумалась над ответом, выбирая слова. Причем выбирая не из боязни обидеть, а насмешить.

– Я просто... В смысле, я же знаю, чем ты занимаешься, поэтому подумала, что тут должно быть больше твоей... атрибуты вроде свечей или еще каких сверхъестественных штук.

– Понятно. В принципе, ты права, просто я привел тебя в свою комнату отдыха, место, где я сплю и занимаюсь обычными делами

вроде чтения и просмотра фильмов. – Он кивнул на компьютер. – Настоящая моя «резиденция», – парень показал кавычки пальцами, – выше.

– Рабочее место на чердаке, – припомнила я объяснение Князя, когда мы зашли в дом.

– Точно.

– Но лестница закончилась на втором этаже, – нахмурилась я, припоминая, что выхода на чердак в коридоре не видела.

– Идем. Все сделано по-хитрому, – улыбнулся Влад, поднимаясь с кровати. – Правда, Кельт туда подняться не может, но ему и не хочется.

Из-за кровати раздался писк, от которого я едва не подпрыгнула. Заглянув туда, увидела, что пес завозился с игрушками, сосредоточенно отгрызая резиновому поросенку ухо. Правильно, свиньи должны знать свое место.

– Кстати, я пока не увидела ни намека на твое творческое занятие, – припомнила я, выходя следом за ведьмаком в коридор. – Оно у тебя вообще есть?

По-моему, за неделю я все перебрала!

– Есть. – Яблонев достал из-за двери комнаты, которую обозначил как гостевую, длинную палку с крюком на конце. Догадавшись посмотреть наверх, я заметила металлическую дужку. Опытным движением зацепив ее крюком, Влад резко потянул вниз, и перед нами возникла лестница. Складная лестница на чердак с платформой, удобно превращающейся в часть потолка, когда это нужно.

– Гениально, – едва ли не присвистнула я. – Прямо как в подростковых американских фильмах.

– Оттуда и идея, – не стал отрицать Влад.

– А ничего, что клиенты насквозь проходят весь дом, прежде чем попасть к тебе?

– Хороший вопрос, выдающий в тебе фамильяра, – улыбнулся Князь через плечо. – Заметила, что у всех комнат есть двери? В часы приемов они закрыты. Раз в месяц мы с матерью по очереди чистим дом от всего лишнего.

Сомневаюсь, что это стандартная уборка с тряпками и средствами для мытья окон. На третьей ступеньке в нос ударил тот самый запах дерева и чего-то еще, который я улавливала на Владе и прежде. Не резкий или удушливый, а какой-то... «домашний» аромат. Чувство

вызывал такое же, как запах только что вынутого из духовки пирога или зажженного костра. Что-то глубоко свое, успокаивающее, усыпляющее и уютное.

Поднявшись следом за Владом, я шагнула на паркет, завертев головой по сторонам. Почему-то, произнося «чердак», я всегда думаю о темном, грязном, пыльном, заставленном коробками и разным хламом месте. Здесь все было с точностью до наоборот.

Светлое дерево в качестве полов, треугольное окно напротив, расположенное выше человеческого роста, и еще одно прямоугольное пластиковое прямо в крыше. В углу кресло и маленький диван на две персоны, между ними высокий столик, застеленный темной тканью. Рядом с креслом, у стены, сундук, на вид так очень древний. За диваном книжный стеллаж, чем-то напоминающий тот, что находился на кухне и принадлежал матери Влада. Только вот кроме книг в нем также стояли странные чаши, свечи и бархатные завязанные мешочки.

На стенах развешаны картины-дощечки с выжженными на них изображениями различных узоров, животных, сцен в жанре фэнтези. С балок свисали деревянные резные фигурки...

С противоположной стороны, за спиной у любого входящего, стоял полукруглый офисный стол, заваленный какими-то бумагами, приборами и с целыми тремя настольными лампами. Рядом с ним возвышалась пирамида из пяти старых чемоданов, наверняка не пустующих, далее, вдоль стены, дощечки разных размеров... Оглядев комнату еще раз, по кругу, я уставилась на Влада, плюхнувшегося в кресло. Очевидно, в нем он и принимал клиентов.

– Вот чем ты занимаешься! Выжигаешь по дереву!

Черт, мне это даже в голову не пришло!

– Не только пирография, – улыбнулся Влад моему изумлению. – Еще резьба. Когда снег сойдет, увидишь, как я отделал летнюю резиденцию Кельта.

– Ого, – пробормотала я, обходя комнату под его взглядом.

– Нравится?

– Шутишь? У тебя окно в потолке. – Я указала пальцем вверх. – Наверняка в звездные ночи ты подвигаешь сюда диван и рассматриваешь небо.

– В летние ночи я выбираюсь на крышу, – огорошил меня Яблонев.

Я пообещала себе, что однажды наступит момент, когда и я окажусь на крыше Влада, рассматривая звезды и попивая чай.

– Отлично, моя зависть только что прибавила еще сотню баллов. У тебя свой дом, две личные комнаты, собака, возможность заниматься тем, что нравится, нет необходимости работать на «чужого дядю»... Серьезно, в чем подвох?

– В том, что я ведьмак, – лаконично ответил Яблонев.

Я поворачивала кистью, намекая дополнить ответ, сама тем временем рассматривала плоды его творчества. Подойдя вплотную к рабочему столу, я провела пальцем по доске, над которой работа только началась. Вырисовывался контур леса, изображение было намечено карандашом, и оставалось только догадываться, сам ли Влад его нарисовал или откуда-то свел.

– Почти каждый день я пропускаю через себя чужие переживания, касаюсь грязи, существование которой отрицается, сталкиваюсь со скептицизмом и страхом тех, кто ко мне обращается, окунаюсь в их проблемы, нахожу решения. Все эти манипуляции основываются исключительно на моих силах, которые отнюдь не безграничны и имеют массу последствий, от банального физического истощения до серьезных эмоциональных нагрузок. В большинстве своем мне скучно, тошно и до омерзения предсказуемо. В свои двадцать три я чувствую себя семидесятилетним, потому что меня ничего не удивляет. Я делал, видел и осознавал страшные вещи, даже не желая этого. – Говоря, Влад откинул голову на спинку кресла и прикрыл глаза. Голос Князя звучал невозмутимо и совершенно спокойно, но я чувствовала, что это лишь ширма. – Для того чтобы узнать человека, тебе потребуется с ним поговорить, а мне всего лишь взглянуть, применив Виденье. Чтобы узнать, что надевать завтра, ты полезешь посмотреть прогноз погоды. Мне достаточно втянуть носом воздух, чтобы понять, понадобится зонт или нет. Ты планируешь действие, а я уже вижу его финал. Идя по городу, ты воспринимаешь людей как шкурки в одежде, я же вижу сердцевины, пульсирующие изменами, ложью, предательствами, тайными желаниями и сокровенными мечтами.

– Это... ужасно, – признала я, впечатленная его словами. – Но ты же можешь не применять свои способности постоянно?

– Ты можешь действовать только одной рукой, когда вторая вполне здорова и способна так же функционировать? – спросил Влад,

открыв глаза. – Да, можно привязать ее к телу, зафиксировать, тем самым обездвигив, или просто на спор заставить висеть безвольной плетью, но она все равно дернется, следуя за телом. Дар – это часть меня, которую не отрезать. Я могу не пользоваться им, но это еще хуже. Все равно что ощущать собственную неполноценность. Это заколдованный круг, Герцогиня.

– Подожди. В автобусе ты сказал, что фамилляр отсекает от практикующего всех остальных. Значит, я могу помочь тебе не залезать во все это?

– Ты можешь помочь мне не окунаться в чужое грязное белье в режиме нон-стоп, когда я работаю. Иногда, используя свои способности в каком-то серьезном деле, я раскручиваю их на полную катушку. Не всегда получается свернуть их обратно быстро, и тогда я улавливаю то, что не собирался. Однажды я работал на кладбище, всего-то и нужно было увидеть фантом недавно погибшего. Я перестарался, и ко мне стеклась половина кладбища. Отвязаться от мертвых намного сложнее, чем от живых. Потребовалось вызвать Варвару и Настю. Повезло, что я еще достаточно соображал, чтобы помнить, как работает телефон.

– Что значит «достаточно соображал»? – встревоженно переспросила я, чувствуя побежавшие по спине мурашки.

– Огромные потоки информации, которым подвергается каждый практикующий, способны свести с ума. Чем больше применяешь дар, тем дальше способен видеть. Это как с ходьбой. Сначала ты спокойно можешь пройти один район, потом два, а после, когда ногам становится привычна дистанция, пересечь весь город.

– А чем больше вокруг людей, тем больше информации, – протянула я, присаживаясь на диван, напротив него.

– Верно. Я практикую с пятнадцати. С двадцати одного веду приемы. Учитывая, что я потомственный ведьмак, а значит, в моих генах опыт всех предыдущих практикующих рода по материнской линии, я способен увидеть очень многое, равно как и сделать.

– Что, если бы ты отказался быть ведьмаком? Просто не стал бы практиковать?

– Не получится. Существует такая вещь, как «предназначение». – Влад серьезно посмотрел на меня. – От этого не убежать, и мы все через это проходили. Пытались заняться другими делами, освоить

иные профессии... Рано или поздно случается что-то, что заставляет вернуться. Высшие силы не терпят пренебрежения и наказывают за него.

– Получается, чем больше ты практикуешь, тем больше у тебя опыта и возможностей и тем опаснее это продолжать? В один момент все может выйти из-под контроля, и ты... сойдешь с ума?

– Ты быстро схватываешь. Лишиться рассудка не самый опасный исход из всех возможных, но суть ты уловила. Потому и нужен фамильяр. Он помогает держать все под контролем, защищает от лишнего, вытягивает из пограничных состояний, подставляет плечо, когда падаешь, и тянет назад, когда слишком разгоняешься.

Вот теперь мозаика сложилась. Прежде, размышляя о связи фамильяра и практикующего, я не могла до конца понять, зачем так нужна Владу. Слова «лучший друг» и «человек, который никогда не откажет в помощи» звучали прекрасно, но ведь большинство людей обходятся и без такой привилегии. Теперь же все приобрело ярлык «вопрос жизни и смерти».

Откажусь, сдам назад, и Яблонев может больше не найти фамильяра, если вообще захочет искать. Сам признавал, что я была его последней попыткой поиска. Принцип честности Князя в очередной раз подкупил, я не могла его бросить. Сама мысль об этом казалась дикой, жестокой и безумной.

– И надирает задницу фамильяру другого практикующего, если тот вздумает напасть, – добавила я, чтобы как-то разрядить возникшее напряжение.

– Пока что задницу надрали тебе, – усмехнулся Влад.

– Я тогда не была фамильяром, – хмуро напомнила я, делая пометку поквитаться с Аленой за вытягивание моих сил.

– А сейчас?

– Почему ты ни разу не говорил, насколько все серьезно и что тебе угрожает, если рядом не будет фамильяра?

– Потому что все фамильяры по своей природе альтруисты. Есть у вас такая встроенная функция – помочь любому, если это ему требуется, даже во вред себе. Старушку через дорогу перевести, птичку в гнездо вернуть, собачку бездомную покормить, ребенка, потерявшегося в торговом центре, взять за ручку и не успокаиваться, пока нерадивые родители не будут найдены... – Ведьмак покачал

головой. – Я хотел, чтобы это было твоим выбором. Без какого-либо давления на жалость.

Не сказать, чтобы давления не было... Меня до чертиков напугала сама возможность его исчезновения из моей жизни в случае отказа. Но «да» я сказала точно не из жалости, верно. Причина согласия касается только моих заморочек и неготовности расстаться с Владом.

– Готовь свой ритуал доверия, – указала я. – Не уйду из этого дома, пока мы не закрепим связь, как это у вас положено.

– Прозвучало как угроза, – широко улыбнулся Князь, поднимаясь. – Иди возьми телефон, твоя мама пытается дозвониться уже минут десять.

– Черт! – вскочила я с дивана. – Почему ты сразу не сказал?

– У нас был важный разговор, – развел руками парень. – Представь, что ты на собеседовании в крупной компании. Тоже стала бы отвечать на звонок матери, если он заключается в банальном: «как дела» и «не убил ли тебя твой работодатель»?

– Яблонев! Ты – невозможный человек! – Я уже спускалась по лестнице.

– Правильно. Я же ведьмак, – хохотнул мне в спину темный.

Когда пятнадцать минут спустя, получив большой ушат материнского недовольства прямо по телефону, я вернулась на чердак, Влад сидел на полу в центре круга из семи свечей. Шесть были зажжены, и ведьмак указал мне на место рядом с собой. Положив телефон на стол, я осторожно ступила в круг, опасаясь загасить какой-нибудь огонек неосторожным движением.

– Садись спиной ко мне, – подсказал Яблонев, зажигая последнюю свечу.

– Почему спиной?

– Ты захочешь смотреть мне в глаза, рассказывая о чем-то личном?

Справедливо. Точно не захочу. Мне будет стыдно, неловко или вовсе боязно. Не говоря о том, что я до сих пор не знаю, что из сокровенного ему поведать.

Опустившись на пол, я оперлась ладонями о пол, глядя перед собой, на диван и стеллаж за ним.

– Нам нужно соприкасаться при этом разговоре, – вбил последний гвоздь в крышку гроба моего спокойствия Влад.

– Как именно? – нервно спросила я, чувствуя, как в горле пересохло. Пожалуйста, только не что-то, что может привести к укусам шеи... Я от прошлого раза отходить буду еще пятилетку, вовсе незачем продлевать этот срок.

Вместо ответа Яблонев придвинулся ближе, колени парня возникли по бокам от меня, а руки пролезли под моими, обнимая за пояс. Застыв прижатой спиной к его груди, я вцепилась пальцами в доски, не зная, как на это реагировать. Обязательно настолько близко?

– О боги. – Даже не глядя, я знала, что Влад закатил глаза. – Просто расслабься, Агата. Я не собираюсь есть тебя или щекотать, если ты этого боишься. Отпусти пол, он не готов к твоим дизайнерским коррективам.

Я хихикнула, чуть расслабляя пальцы. Теплые руки Яблонева ощущались приятной тяжестью на животе. Спасательным кругом, не дававшим завалиться в сторону или потерять равновесие.

– Дыши вместе со мной, – продиктовал ведьмак следующий шаг.

– Зачем? – глупо спросила я, не успев удержать язык за зубами.

– Чтобы успокоиться. Сосредоточься. Чувствуешь, как стучит мое сердце?

Конечно, чувствовала. Оно било прямо мне в лопатку. Размеренно, уверенно, в одном ритме. Закрыв глаза, я положила свои руки поверх его и сузила себя до восприятия только этого стука.

– В первом классе мне нравилась одна девочка с сущностью лемура, – начал Влад, и я улыбнулась, представив этого зверька. – Когда я ей признался, она меня отвергла, сказав, что ей нравится другой, с сущностью бобра.

Предпочесть Владу какого-то бобра? Она сумасшедшая?

– Он был большим забиякой, этот бобер, а я в том возрасте еще плохо контролировал способности. В общем, и он, и предмет моих воздыханий подхватили ветрянку. Мама до сих пор думает, что я был ни при чем.

Не выдержав, я прыснула. За отказ он наслал ветрянку. Какой добрый мальчик.

– Яблонев, а ты опасный тип, – прохихикала я.

– Ты только это поняла?

– Я в школе часто дралась, – поделилась я. – В восьмом классе парень из параллельного сказал мне кое-что неприятное, я затащила

его в женский туалет и макнула головой в унитаз.

Влад дернулся, стараясь подавить смех, и ветерок его дыхания коснулся уха, напоминая, насколько он близко от моей шеи. Хорошо, что из-за воротника свитера парень не видит гусиной кожи, которой она покрылась.

– И что было дальше?

– Он не смог признать, что его скрутила девочка, и наплев своим друзьям, будто мы целовались, – поморщилась я. – Все это обросло слухами и пошлыми намеками, и пострадавший старался больше всех. – Я сжала руки Влада. – Я подкараулила всю его компанию в раздевалке после физкультуры, попросила прекратить болтать о том, чего не было, и сказала правду. Тот, которого я макнула, завопил, что я это придумала и ничего подобного не случалась, они все стали насмехаться, и тогда... Тогда я впервые осознала, насколько отличаюсь от остальных. Я сильно разозлилась и избила их всех. Одна против пятерых. Испугалась, убежала домой, думала, исключат из школы, но они не стали жаловаться учителям и вообще больше никогда меня не трогали. Об этом никто не знал, я даже маме ничего не сказала.

– Вольская, а ты умеешь пугать людей, – хмыкнул ведьмак.

– И саму себя тоже.

– Себя бояться не нужно ни в коем случае. – Влад перевернул руки под моими, и мы соприкоснулись ладонями. – Себя нужно принимать таким, какой ты есть. Конкретно в нашем случае ты еще сама до конца себя не знаешь. Я помогу тебе это исправить.

– Я тебе верю, – пробормотала я, не испытывая никаких сомнений в его словах. – Спасибо.

– Не за что. До того, как ты появилась, я давал себе время жизни до тридцати лет.

Мое сердце сбилось с ритма, разрушая наш синхрон. Он считал, что доживет только до тридцати?

– Не смей больше так думать, понял? – заволновалась я, нервно завопившись и потираясь спиной о его грудь.

Ведьмак погладил мои запястья уже ставшим привычным жестом, и я немного расслабилась, втянув носом аромат дерева, горящего воска и самого парня. Дрожь, сотрясшая меня изнутри, едва ли можно было охарактеризовать как-то, кроме панической атаки. Сама мысль о том, что Влада может не стать, ужасала и сжимала изнутри. Такая сильная

реакция на его слова не удивляла. Глупо отрицать, что между нами действительно существует связь.

– Больше я так и не думаю. – В голосе Яблонева послышалась улыбка. – Особенно сейчас. Твоя очередь.

– У меня проблемы в отношениях с парнями, – выпалила я.

– Не скрою, я кое-что видел, но не заострял на этом внимания. Личная жизнь слишком интимная тема, чтобы осознанно лезть в нее без разрешения, – признал Влад, прежде чем я настроилась на рывок и побег из его рук. Почему из всего я ляпнула именно это? Кто меня за язык тянул? – Ты уверена, что это проблема?

– Все заканчивается одинаково, – закусила я губу. – Они хотят секса, а я – нет. Разрыв.

– Не назвал бы разборчивость проблемой. Как и всякий хищник, ты высоко ценишь свое тело и тщательно подходишь к поиску партнера, что абсолютно нормально. Особенно для твоей сущности. Видела когда-нибудь собачью свадьбу? Сколько бы ни было кобелей, приз достанется самому сильному, и то если дама его подпустит, не устроить может и он.

В этом звучала приятная мне логика. Не проблемная и закомплексованная, а «разборчивая». Еще и моя собачья сущность настаивала на сильном спутнике. И на укусах. Черт.

– Твоя очередь, – вернула я Владу, стараясь избавиться от этих мыслей и не придавать особого значения покалыванию в запястьях, растекающемуся по всему телу от его касаний. Слишком комфортно, даже несмотря на легкое замешательство и волнение из-за собственных мыслей, в которые начали просачиваться дурацкие фантазии, вызванные позой и разговором о моей сущности. Никогда бы не подумала, что буду чувствовать себя так *нормально* при тесном контакте с парнем.

– То, что я сейчас скажу, знают только члены семьи. Если ребята из нашего круга догадываются, то держат это при себе. Уверен, Захарова в курсе, а остальные могли уловить обрывки и вряд ли пролезли дальше. Я неплохо умею скрывать информацию о себе. – Темный глубоко вздохнул, и я вдруг поняла, что сижу спиной не только из его заботы о моем самочувствии. Что бы Яблонев ни собирался сейчас мне доверить, в глаза ему не хотелось смотреть не меньше меня. – Мама так и не смогла найти себе фамильяра, но ей он

и не требуется. Бабушка изначально знала, что матери передастся определенная способность, сдержать которую не составит труда. Вместо фамильяра она нашла моего отца. Встретилась с ним глазами в кафе и увидела в своем будущем меня, что и решило его судьбу.

– Она... приворожила твоего отца? – выдохнула я.

– Нет. Просто задействовала ведьмины чары, сделавшие ее особо привлекательной для него. В этом нет никакого криминала. Будь он по-настоящему влюблен в кого-то, не подействовало бы. Я родился через год после того, как они поженились, и мы прожили нормальной семьей до моих восьми, а потом отец резко изменился. Начал пить, срываться на мне и матери, запрещал ездить к бабушке, заниматься магией, хотя прежде это его никогда не пугало. Стал совершенно другим человеком. – Влад сглотнул, и я ободряюще сжала его пальцы, догадываясь, что финал этой истории будет мрачнее, чем предыдущее откровение ведьмака. – Мне было одиннадцать. Я делал уроки в своей комнате, когда на первом этаже разразился скандал. Отец не ночевал дома, пришел пьяный, принялся орать на мать, кричать, что мы испортили ему жизнь... Он поднялся ко мне, вытащил за шиворот в коридор... До сих пор иногда в ушах стоит его пьяный ор и в нос бьет резкий запах перегара. Орал, что я не его родной сын, что между нами нет никакого внешнего сходства, и я не выдержал. Я сказал ему: «Чтобы ты сдох, мразь, а водки на могилу никто не принес».

Я вздрогнула, чувствуя в этих словах что-то большее, чем разгневанного обиженного мальчишку. Сама интонация, с какой он это произнес... Мороз по коже.

– Что было дальше? – шепотом спросила я.

– Он стал вытаскивать ремень из брюк, чтобы пройти по мне, запнулся на ровном месте, полетел вниз по лестнице и сломал шею, – сухо закончил Яблонев. – Я проклял и убил родного отца, Агата.

– Это была случайность, – оторопела я, не веря, что он это всерьез.

– Нет, не была. В то конкретное мгновение я хотел, чтобы он умер. Я разрушил его поле одним направленным ударом.

Да мало ли кто чего хочет! Влад, может, и силен, но довести человека до смерти в одиннадцать лет одной фразой... Явный перебор.

– Ты был ребенком. Многие дети в сердцах думают и желают плохого своим родителям, если те чего-то их лишают, – быстро сказала

я, полная решимости оправдать его. – И если ты не хочешь признавать в этом случайность, то тогда я скажу, что это была самозащита. Ты защищал себя и маму.

– Ты правда так думаешь?

– А как еще мне думать?

– Например, что я хладнокровный убийца. Что не хочешь иметь со мной дела. Что...

– Яблонев, заткнись, я не собираюсь слушать этот бред. Я не считаю тебя виноватым. Виноват твой отец, не сумевший взять себя в руки и отделаться от бутылки, и мать, не подавшая на развод при первых признаках алкоголизма. – Я выдохнула через нос, рассерженная его словами.

– Она хотела, чтобы у меня был отец, – тихо ответил парень.

Отлично. Вот еще одно доказательство, что никогда не получается так, как мы хотим.

– Как бы там ни было, я не считаю тебя виноватым, и я все еще хочу быть твоим фамильяром. Ты мне веришь?

– Верю, – чуть помолчав, ответил Князь, и наши пальцы проскользнули друг через друга, сплетаясь в замок.

Нам обоим нужно было это прикосновение как подтверждение истинности прозвучавших слов. Не особо задумываясь, я откинула голову ведьмаку на плечо, съезжая чуть ниже и оказываясь на нем полулежа. Как будто мы парочка, решившая предаться романтике со всем этим кругом из свечей.

Понимая, что должна говорить следующей, я задумалась, какой мой секрет может сравниться с тем, чем поделился Влад. Ничего такого серьезного не наблюдалось, а из сокровенного... Ну нет, только не это. Нужно найти что-то другое!

– Что такое? – среагировал Яблонев на мое участившееся дыхание.

Не могу же я, в самом деле, это сказать. Интуиция думала по-другому. Мозг отсоединился от речевого аппарата, выставив табличку «Профилактика», и, будто со стороны, я услышала саму себя:

– Я хочу, чтобы ты меня укусил.

Глава 13

Я сцепила зубы, но было слишком поздно. Слова покинули взлетную площадку и вылетели на волю, аккуратно Владу в уши. Зажмурившись, я съежилась, успевая пожелать себе провалиться под землю, обратиться собакой и убежать, оказаться на необитаемом острове и еще ряд вариантов, каждый из которых выдернул бы меня из этой ситуации до того, как среагирует Яблонев.

– Агата...

– Не надо, – сглотнула я. – Можем сделать вид, что я этого не говорила? Давай расскажу что-нибудь другое. Например, как я воровала яблоки у соседей на даче, или симулировала простуду, чтобы не писать контрольные по алгебре, или как один раз я...

– Агата. – Влад чуть сжал руки вокруг меня. – Остановись. Все нормально. Я честно доверил то, что уже давно гложет меня, а ты честно поделилась тем, что мучает тебя. Это останется только между тобой и мной, не нужно так смущаться.

Мучает. Верное слово. Еще неделю назад я понятия не имела об этой своей стороне, а сейчас... Она просто поглощает меня в присутствии Влада.

– Я не могу с этим бороться, – пробормотала я.

– Потому что с этим не надо бороться. Когда я впервые осознал свою сущность, у меня появилась непреодолимая тяга к высоте. Я забирался на крышу, на деревья и часами сидел, глядя вдаль.

– Лучше бы меня манило сидеть повыше, чем это!

– Почему ты так реагируешь? Проблема в боязни физического контакта?

– Нет у меня боязни физического контакта! – По крайней мере, не любого. – Просто это... ненормально, стыдно, и я... Ты что, правда считаешь мою просьбу совершенно обычной? Может, нам теперь так здороваться? Все руки жмут, а мы будем друг другу шею кусать?

Влад разомкнул руки, отклонился и внезапно положил их мне на плечи, чуть сжав. Я заткнулась, когда он сжал еще раз, а потом принялся массировать мой плечевой пояс и шею через свитер.

Длинные пальцы ведьмака нажимали ровно так и там, где было нужно, не принося болевых ощущений, как это иногда бывает.

– Да, я считаю твою просьбу совершенно обычной. На самом деле, она достаточно банальная для таких, как мы. Ты – хищник, я – хищник. Уверен, у Варвары и Саши тоже есть какой-то ритуал, две кошки не могут не царапаться или не чесать хребет. Единственное, о чем тебе всегда нужно помнить – это то, что практикующий – доминант в связи с фамильяром. Особенно в тандеме темных. Светлые цепляются за равноправие, но ты сама видела, как безропотно Ира ушла за Лешей из твоей квартиры. Знаешь, что такое укусы в шею в животном мире?

– Доказательство, что кусающий – победитель, – ответила я, смутно припомнив какую-то статью о волчьих стаях, найденную на просторах Интернета.

– Верно. Твоя просьба приятна для меня. Не только с точки зрения сущности, но и того, кем я являюсь. Для темного мало что может быть приятнее, чем такое предложение власти. Подставляя свою шею, прося об укусе, ты тем самым подтверждаешь мой статус.

– Утверждаю тебя главным, – зачем-то сказала я, начиная понимать таинственное переплетение законов сущностей, связи практикующего и его помощника, и обычные реалии.

Это все как трехслойный пирог. Я-человек, я-фамильяр и я-дог. Именно в такой последовательности. Я знала верхний слой, Агату Вольскую. И она сопротивлялась нижнему, назовем его Герцогиней. Смущение Агаты сталкивалось с желаниями Герцогини, и конфликт бил прямо по среднему, где жил фамильяр, заряжаясь от обеих этих ипостасей. Попахивает сумасшествием, но так и есть.

– Да.

– Тогда зачем ты... отпускал все эти шуточки?

– Чтобы ты быстрее перестала реагировать на это и приняла как часть себя. Я ожидал слов: «Да, и что? Смирись».

– Выходит, когда ты... – я запнулась, все еще заставляя себя говорить об этой странности (что бы там Влад ни утверждал), – укусил меня тогда несколько раз... Тебе тоже было приятно?

– Агата, – в голосе парня прозвучали те самые волшебные нотки в сочетании с массажем приведшие меня в эйфорию. То, как Князь действует на меня, пугает. Совершенно... непривычно,

загораживающе, словно одного этого мне всю жизнь и хотелось. — Достаточно было укусить всего раз, я смог остановиться только на четвертом. Сама как думаешь?

Вау. Принцип честности Яблонева нужно закатывать в банки и продавать всем парням под видом невидимой пены для бритья. Прямолинейность ведьмака сшибала с ног и выбивала из легких воздух. Глубоко вздохнув, я попыталась поймать за хвост разбежавшиеся мысли, но не получилось.

— Ты все еще хочешь, чтобы я тебя укусил? — низко спросил Влад, притянувшись к моему уху.

Даже если наша беседа и отвлекла меня, один вопрос таким тоном вернул желание, отдающее тем же жаром, с каким я иногда думала об этом по ночам. Мое молчание оказалось достаточно красноречивым, чтобы массаж оборвался и его левая рука вернулась на мой живот, обнимая. Наклонив голову, я отодвинула воротник свитера, чувствуя ток ожидания, разнесшийся по телу и сотрясающий каждую его клеточку.

Его пальцы перехватили мои так, что ткань мы держали вместе, кожу защекотали волосы, горячее дыхание запустило мурашки... Я дернулась, когда он чуть лизнул участок справа, намечая место укуса, и от удовольствия на голове зашевелились волосы. Ожидая укуса в шею, я шумно выдохнула, когда его зубы нежно сомкнулись на мочке уха и слегка потянули вниз. О боже...

Далее последовал гвоздь программы. Влад прикусил намеченный ранее участок, и я толкнулась на него, вжимаясь в грудь, стискивая его руки, конвульсивно сжимая все мышцы. Похоже, теперь я понимала экстаз жертв вампиров, как его описывают в книгах. Слова и хорошая фантазия в этом случае не передавали и сотой доли. Хотелось еще, еще и еще. И Влад дал мне это.

Исследовав мелкими укусами правую сторону, он перешел на левую. В какой-то момент, из-за моей неспособности усидеть ровно, не реагируя всем телом, ладонь парня сместилась с живота на грудь, и это было еще лучше.

Я не думала, как это выглядит. Не думала, что будет потом. Я вообще не думала.

Внутри билось что-то темное, когтистое, жадное, и оно требовало продолжения банкета. Именно оно заставило перехватить руку Влада и

прижать обратно, когда он по-джентльменски решил ее убрать, едва поняв, где она оказалась. Почувствовав зеленый свет, мой практикующий одновременно укусил и сжал грудь. Не знаю, что за звук вырвался из моего рта, но он точно был неприличным. И эротичным. Как и все происходящее с нами в этом круге.

Мне никогда еще не было так жарко. Так дико. Так хорошо. Так правильно. В очередной раз содрогнувшись от нового укуса, я наткнулась задницей на то, чего раньше не было. Не только Влад воздействовал на меня. Его возбуждение, упирающееся в меня, служило неоновой вывеской этой истине.

– Агата, – хрипло позвал темный, с усилием отстраняясь и убирая от меня руки. – Агата, круг.

Моргнув, с трудом понимая, о чем это он, больше занятая происходящим между нами, я посмотрела по сторонам, стараясь отдышаться. Как волосы оказались у меня на лице? Черт, я вспотела, как же душно...

– Свечи погасли, – задыхаясь, отметила я, пялясь на светящиеся кончики потухших фитилей и морщась от запаха дыма. – И что это значит?

Вместе с тем я поняла, что комната погружена в полумрак. На улице стемнело, никаких ламп Влад не включал, свет уличных фонарей, проникающий в окна, лишь создавал причудливые тени. Постепенно вернулось понимание, кто я, где нахожусь и что только что делала.

– То, что связь между нами установлена, – ответил Влад, и ничто в его голосе не выдавало случившегося в этом круге всего пару минут назад. – Огонь погас, потому что в нем больше нет надобности. Наши секреты освящены и приняты. Посиди, сейчас включу свет.

Подтянув колени к груди, я обняла ноги, плохо представляя, как вести себя дальше. Тело все еще горело от прикосновений Яблонева, мозг лихорадочно упорядочивал мысли, эмоции походили на карусель со сломанным пультом управления. Под потолком загорелись квадратики встроенных светильников, и я заморгала, привыкая к свету.

Влад стоял возле лестницы, засунув руки в передние карманы джинсов, и смотрел на меня. Волосы ведьмака были растрепаны, глаза казались угольно-серыми с крапинами свинца, притягивая внимание так же, как выющийся дым над костром. О чем бы он ни думал, злости

не было, и от этого легче дышалось. Впрочем, не настолько легче, чтобы заговорить первой.

– Я утратил контроль, – тихо заговорил Яблонев. – Прошу прощения.

– Ты утратил? А по-моему, это я та, у кого снесло крышу, – возразила я, прекрасно помня, чья изначально это была идея.

– Ты всего лишь оказалась под воздействием моей энергетики, – покачал головой Влад. – Поверь, я знаю, о чем говорю. В следующий раз такого не повторится.

Невидимый молот удивления опустился мне на голову с такой силой, что вокруг залетала стайка птичек радости и недоверия. Следующий раз? Он сейчас правда это сказал? Сказал, а я в детском восторге, как будто вся сессия автоматом и летние каникулы. Здравствуй, меня зовут Агата Вольская, и я – укусозависимая. Похлопаем Агате!

– В следующий раз? – все же рискнула переспросить я.

– Очевидно, что тебе это нужно для того, чтобы чувствовать себя хорошо. Я это пробудил, мне и отвечать, как твоему практикующему. Если ты, конечно, не против, в чем я не сомневаюсь, – криво улыбнулся на последних словах темный.

Поднявшись на ноги, я вышла из круга свечей, не находя слов, чтобы выразить все, что думаю о его самоуверенности и наглости. По крайней мере, мне хватило ума не отрицать его слов и не вступать в бесполезный спор. Яблонев все равно прав, интуиция кричит в мегафон о необходимости подобных касаний, а ей я доверяю всегда.

– Проголодалась? – бросил спасительный круг Влад. – На кухне в холодильнике всего полно, пойдем чем-нибудь перекусим.

Не дожидаясь моего ответа, парень первым повернулся к лестнице и спустился в темноту коридора. На второй ступеньке я услышала щелчок выключателя, и с правой стороны, напротив дверей, загорелись три настенных светильника. Синим холодным светом. Кошмар какой.

– Почему синий?

– Не люблю желтый, оранжевый, рыжий и вообще всю эту гамму, – сухо ответил парень, и я заметила, как напряглась его спина.

– Тогда зачем твоя мама повесила шторы такого цвета и...

– Чтобы натренировать меня игнорировать вещи, причиняющие неудобство, – тем же тоном, не поворачиваясь, пояснил ведьмак, пока

мы спускались на первый этаж.

Захотелось встряхнуть его, вытащить на поверхность того Влада, который завел меня домой. Веселого, отпускающего забавные шутки и разговаривающего с Кельтом, как с человеком. Тяжело вздохнув, я обняла себя руками, догадываясь, что виновата в этой смене настроения Яблонева.

Предполагалось, что он будет доволен, когда связь между нами закрепится согласно уставу практикующих, но... Вмешалась моя сущность, подзадорила его, а теперь даже Яблонев не в своей тарелке, что уж говорить обо мне.

– Влад... Может, мне лучше пойти домой? – осторожно спросила я, наблюдая, как темный, включив свет на кухне, направляется к холодильнику.

– Ты реально хочешь домой? Или просто сбежать, потому что тебе показалось, что ты что-то испортила? – оглянулся ведьмак.

– Не хочу я домой, но ты так себя ведешь, будто ждешь не дождешься, когда я уйду.

Яблонев моргнул, явно не ожидая такого поворота, но быстро собрался:

– И этот поражающий своим кренинизмом вывод ты сделала из-за... того, что мне не нравится желтый цвет?

– Этот поражающий, как ты выразился, своим кренинизмом вывод я сделала, потому что ты разговариваешь со мной через силу, не смотришь в глаза и вообще, с тех пор как мы покинули круг, в который я села исключительно из-за того, что верю тебе и верю в нашу связь, только и делаешь, что бежишь! Так что кому из нас показалось, что он что-то испортил, еще два раза посмотреть! – вспылила я.

– Никто ничего не испортил, – вкрадчиво ответил Влад, не особо впечатленный моей вспышкой.

– То-то ты извинялся!

– Я знаю, за что я извинялся. Однажды и ты поймешь. Когда увидишь разницу.

Отлично. Напустим тумана интриги, польем все это тайной и загадочно посверкаем глазами. Придумывает какую-то дурацкую проблему и еще притворяется, что она реальна!

– Ты всегда говоришь загадками, когда не хочешь что-то признавать.

- А ты всегда ведешь себя агрессивно, когда хочешь есть.
- Ты специально выводишь меня из себя!
- Ты специально делаешь все, чтобы я тебя выводил из себя.
- Что, например? Называю вещи своими именами?
- Тебя что, снова покусать?
- Что, тоже на мясо потянуло? – огрызнулась я.

Прожигая друг друга взглядами, мы, одновременно поняв всю нелепость перепалки, прыснули. Серые глаза ведьмака заискрились смехом, и, схватившись за барную стойку, он согнулся, расхохотавшись. Смеясь, я подошла вплотную к парню и хлопнула по плечу, одним этим жестом пытаюсь сказать, что все в порядке и не нужно закрываться от меня.

- Значит, ты хочешь мяса? – спросил Влад.
- Ты у нас практикующий, вот и скажи, что я хочу, – фыркнула я, запрыгнув на барный стул.
- Вызов принят, – приподнял бровь ведьмак, открывая холодильник.

Запах коснулся моих ноздрей раньше, чем я увидела, что достал Влад. Копченые сардельки. Рот наполнился слюной, живот выдал недовольное ворчание, требуя эту вкуснятину немедленно и целиком. Слишком громкое, чтобы его не заметил Князь.

Кельт и тот посмотрел укоряюще, мол, неприлично. Строго говоря, за сегодня это не самое мое большое преступление из серии «так себя не ведут». Все еще покалывающая кожа на шее служила ярким напоминанием.

– Думаю, это значит: «Да, я хочу сардельки», – самодовольно ухмыльнулся Яблонев, пуская упаковку с сардельками по стойке в мою сторону, словно опытный бармен коктейль за счет заведения.

– Правильно думаешь, – подтвердила я, получая вилку, тарелку, мягкую белую булочку и даже острый кетчуп. Себе ведьмак сготовил несколько бутербродов с бужениной, разогрел на нас двоих вареную картошку и поставил банку маринованных огурчиков.

- Ты не готовишь, да?
- Однажды я решил сварить сосиски. Закончилось все тем, что корец оказался на помойке вместе с приварившимися к нему обугленными сосисками. С тех пор я не рискую.

Я захихикала, плохо представляя, как можно было так упустить ситуацию, но, в целом, ничего необычного тут не было. Забыть о том, что что-то варится, – через это должен пройти в своей жизни каждый, и не один раз.

– Так что, я теперь официально твой фамильяр? Можно тыкать всем в нос значком и заявлять, что шериф в городе?

– Хотел бы я на это посмотреть, – криво улыбнулся Влад. – Кстати, могу сделать такой значок. Деревянную звезду с отпечатком собачьей лапы по центру.

– Яблонеv! – засмеялась я, пихнув ведьмака локтем в бок. Конечно, мне только звезды не хватало. На лоб.

Справа от меня сел Кельт и, задрав голову, принялся за бессовестный и беспощадный собачий гипноз.

– Что, сардельку тебе? Не смотри так на меня, я это сама умею.

– Правда? – спросил Влад.

Повернув к нему голову, я посмотрела на ведьмака со всей печалью мира в глазах. Отработанное выражение, в прошлом выбивающее мне зачеты, хорошие оценки, прощение, даже тупо еду. Яблонеv моргнуv, а потом у нас началась зрительная дуэль, и в какой-то момент появилось желание улыбнуться. Пронзительный вороний взгляд против жалостливого собачьего. Да это битва битv!

Сложив руки на коленях, я развернулась к нему всем телом. Темный повторно отложил вилку и зеркально отразил мою позу. Глаза защипало, навернулись слезы, что было мне на руку. Если я смогла выиграть в гляделки у Ругаловой (теперь-то понятно, как она продержалась так долго), то и Влада ждет поражение. Минута... две...

– Дьявол, – ругнулся Яблонеv, отводя взгляд. – Только не рыдай, это удар ниже пояса.

– В борьбе все средства хороши, – довольно ухмыльнулась я, потирая кожу под глазами. – У тебя не было ни полшанса, хотя попытка достойная.

– Мне нравится эта уверенность в твоём голосе. Хочу слышать ее чаще, – вместо всего возможного отметил ведьмак, тем самым дав мне подсказку. Он поддался!

– Ее ты тоже будешь тренировать? – пробубнила я, недовольная своей догадкой.

– Да. Если ты сама уверена в своих силах, значит, я могу на тебя рассчитывать там, где они понадобятся.

– Так с чего мы начнем и когда? Можно я дам ему немного сардельки, а? – не выдержала я, услышав несчастное утробное «ууу», с каким Кельт опустил на пол.

– Хорошо. Раздели с ним сардельку за знакомство, – улыбнулся Влад, и я поспешно разрезала то, что осталось на тарелке, на мелкие кусочки для пса, пока его хозяин не передумал.

Ураган пушистой радости смел лакомство с ладони, как будто ничего и не было, и напоследок облизнул мне руку. Почесав собаку за ухом, я снова обратила внимание на практикующего в ожидании ответа на первый вопрос.

– Для начала нужно сопоставить расписания. Можешь сейчас написать мне, когда и до каких ты учишься?

– Неси листок и ручку, – покивала я.

Влад собрал опустевшие тарелки, сгрузил их в раковину и вышел из кухни в поисках требуемого. Спрыгнув со стула, я принялась за мытье посуды. Не считаю себя чистюлей, но представить Яблонева, моющего посуду, тоже не получалось. Наверняка оставит полную раковину до мамы, а это нехорошо.

– Фея чистоты покусала? – спросил ведьмак со спины, и я услышала, как он садится на стул.

«Покусала». Вызов. Выводит меня на реакцию?

– Ух ты, не знала, что ты – фея чистоты, – обернулась я, закрывая кран. – Не тяжело две должности совмещать?

– Зачет, – улыбнулся ведьмак.

Снова сев рядом с ним, я взяла листок и поделила его надвое, каждую сторону обозначив, как в расписании занятий, «четная неделя» и «нечетная». Быстро начеркав время учебы на каждый день, я пододвинула листок к Владу.

– Так, эту пятницу я точно забираю, у тебя тут весь день свободен, – пометил Яблонев пустой день на нечетной неделе. – Здесь ты заканчиваешь в начале четвертого, значит, для нормальных тренировок на моей территории поздновато.

– Можем заниматься в Центральном парке. Если, конечно, ты сможешь подъехать.

– Там раз на раз не приходится. Иногда у меня приемы до позднего вечера.

– Каждый день?

– Нет, но график плавающий. У нас с тобой должно быть не менее пяти тренировок в неделю. Хорошо, что пространство для занятий есть и у меня, и у тебя.

Над нашим общим расписанием мы пробились где-то час. По итогу получалось, что без встреч с Владом остались понедельник, среда на одной неделе и воскресенье на другой. Мысль о таком частом совместном времяпрепровождении не приносила ничего, кроме радости.

– Что насчет пересечений с другими практикующими и семьями? Если я увижу кого-то из них на улице, а тебя рядом не будет? – вспомнила я еще один вопрос. – Ну, кроме Ирки и Леши.

– Если это кто-то из нашей компании, то никаких проблем, – пожал плечами Влад. – Никто из них ничего тебе не сделает. – Серые глаза предупреждающе сверкнули, и в них я явственно увидела несказанное «пусть только попробуют». Это молчаливое утверждение и уверенность, излучаемая ведьмаком, как свет солнцем, заставляли испытывать какой-то особенный трепет. – Если же ты почувствуешь, что рядом кто-то чужой, такой же, как я или Варвара, делай все, чтобы тебя не заметили. Переходи на другую сторону дороги, скрещивай руки или ноги, старайся оказаться как можно дальше и сразу звони мне.

– Почему нужно скрещивать руки или ноги?

– Это перекрывает поток информации, останавливает распространение колебаний и закрывает любую возможность узнать о тебе что-то. Все равно что построить плотину на реке. Позже я сделаю для тебя персональные защитные амулеты, но пока что соблюдай осторожность.

– У меня будет напульсник, как у Ирки?

– В том числе, как один из защитных барьеров.

Интересно, как я объясню это маме. С ее наблюдательностью шанс на то, что она не заметит моих новых «украшений», ничтожно мал. Возможно, следовало начать с самого главного. Как я вообще объясню ей суть своих отношений с Владом?

– Что такое? – заметил Яблонев мою заминку.

– Я только сейчас подумала, что не знаю, что сказать маме, когда она начнет спрашивать о тебе, или о том, где я пропадаю, или... – Я покрутила рукой, пытаюсь охватить все сразу.

– В крайнем случае скажем правду.

– С ума сошел?

– Думаешь, я не смогу дать твоей маме несколько фактов, которые усилят ее веру?

– Усилят? Там усиливать нечего, – фыркнула я. – Она меня отправит к мозгоправу, а на тебя напишет заявление в полицию.

– Там у меня тоже есть знакомые, не страшно, – ухмыльнулся Яблонев.

Почему я не удивлена?

– Бывшие клиенты?

– Не совсем, но близко, – не стал углубляться ведьмак. – В целом, как ты себя чувствуешь?

Вопрос с подвохом. Я сама не понимала, что сейчас со мной происходит, и боялась, что ничего. Вроде бы ожидались какие-то изменения, нечто более личное, подтверждавшее закрепившуюся между нами связь, чем погасшие свечи.

– Немного разочарованной.

Скрытничать не было смысла, Влад все равно узнает правду, если захочет.

– Почему?

– Ничего не изменилось. Я думала, что что-то почувствую – холод, жар, собачью сущность, начну видеть по-другому или еще что... А все обычно, – пожала я плечами.

– Понятно, – кивнул Влад. – Типичная реакция фамильяров, как я думаю. Кстати, для меня перемены в тебе очевидны. Ты их осознаешь, когда будешь готова принять.

– Это что должно значить?

– Приготовься, сейчас будет сложно, но это основополагающее знание. Одно из них в этом ключе. – Влад откинулся на спинку стула. – Прежде я говорил тебе о колебаниях и энергиях, о том, что такие, как я, могут их чувствовать, видеть и воздействовать на них. Влиять на чужие и свои энергии – значит задать программу. Программы могут быть самыми разными: избавление от пагубных привычек, мотивация

к чему-либо, достижение целей, разрешение конфликтных ситуаций с людьми... Вариаций великое множество.

– Вроде того, как антивирус проверяет компьютер? – перешла я на «технический язык» из-за ассоциации со словом «программа». – Вы находите угрозы, вредоносные «файлы» и перезапускаете систему, удаляя их?

– Никогда об этом так не думал, но что-то схожее есть, – кивнул Яблонев. – Ритуал, который мы провели, создал программу нашей связи, соединил меня и тебя. Но ее еще нужно запустить.

– Как именно?

– Это известно только тебе, – серые глаза ведьмака чуть потемнели, все равно что предупреждение готовиться к какой-то гадости. – Обычно большинство установок от практикующих активирует вера человека в себя или сильное желание определенного результата. В случае с семьями... Это большое исключение для нас. Единственная программа, где при одних и тех же настройках запуск делает сам семья индивидуальным. Должна произойти какая-то точка отсчета, событие, при котором ты почувствуешь себя семьей. Нечто, что переведет твои инстинкты на постоянную основу, а не интуитивные включения.

Мозги начали завязываться в морской узел. Выставив указательный палец, тем самым попросив тишины, я уставилась в пластик стойки. Информация переваривалась тяжело, с бульканьем, брызгами и пенкой сомнений. Повторив про себя еще раз все, что сказал Влад, я, не отходя от компьютерных сравнений, выцепила для себя самое основное.

– Получается, ритуал – это скачивание программы. Архивированный файл.

– У тебя какая-то особая тяга к технике, как можно догадаться, – заметил Яблонев.

– Ага, – покивала я, действительно любившая повозиться в компьютере, поснимать для души в погожий день и даже под настроение создать какое-нибудь видео. Кстати, давно я за это не бралась, а ведь можно смонтировать что-нибудь в мистическом стиле с подходящей музыкой.

– Сравнение верное. Мы оба «скачали файл», я его уже вижу на тебе, осталось только извлечь и запустить программу, – вернулся Влад

к теме.

– И что ты видишь? В смысле, как это выглядит?

– Раньше вокруг тебя был только контур возможной принадлежности ко мне, а теперь вся аура по границе переливается моими цветами.

Ведьмак смотрел куда-то сквозь меня, не так, как смотрят обычные люди. Пронзительно, удерживая на одном месте, пресекая дыхание. Темный снова изучал меня, как под микроскопом, но на этот раз я не чувствовала ничего неприятного. Только что-то вроде легкой щекотки по шее и затылку, и это даже отчасти расслабляло.

– И какие это цвета?

– Конкретно мои – фиолетовый с синим. Твои – зависят от эмоций, которые ты испытываешь. Сейчас ты по-коричневому спокойна, с легкой примесью зеленого любопытства (эта примесь вообще редко тебя покидает) и салатовым смирением.

– Не очень красивое сочетание, – поморщилась я, надеясь на что-то более яркое и жизнеутверждающее вроде красного, пурпурного или золотого.

– Какие эмоции, такие и цвета, – развел руками Влад.

– За что отвечает оранжевый? И вся твоя нелюбимая гамма? – осторожно спросила я.

– Желтый – зависть, оранжевый – притворство, лицемерие.

Фу. Неудивительно, что он их терпеть не может.

– А рыжий?

– Сочетание всего вышеперечисленного, – угрюмо ответил Яблонев.

Пожалуй, следует его отвлечь. Не знаю, какие воспоминания или мысли пробуждали эти цвета и в чем причина такой нелюбви к «солнечным» оттенкам, но выяснять это сейчас совсем не тянет.

– Я терпеть не могу розовый цвет. В смысле, даже смотреть на него не могу, настолько он приторный и легкомысленный, как по мне. А еще слащавый и детский.

– Я даже не удивлен, – хмыкнул Влад, позабавленный моим откровением. – Представить тебя в чем-то розовом не получается, а я не жалуюсь на фантазию. Кстати, по иронии судьбы, это цвет влюбленности и доброты.

– Чего нет, того нет, – так же развела я руками, передразнивая темного.

– Следующий вопрос, – ухмыльнулся парень, щелкая пальцами.

– Откуда ты знаешь, что я хочу спросить еще что-то?

– Чем больше я рассказываю, тем больше ты спрашиваешь. Не замечала этой закономерности? – приподнял бровь практикующий.

Не то чтобы у меня никогда не переводились вопросы к нему, но сегодня было слишком много пищи для размышлений. По правде говоря, я не успевала узнавать все по одной порции, как поступала следующая.

– Что это за событие, которое может включить все мои инстинкты раз и навсегда? Можешь назвать примеры? Должна же я понимать, к чему быть готовой.

– Я предполагаю, что инстинкты фамильяра включаются при сильном выбросе адреналина.

– То есть какая-то стрессовая ситуация, – протянула я, задаваясь вопросом, как это произошло у Ирки. Подруга вообще не представлялась мне человеком, обладающим хоть какой-то долей стрессоустойчивости. – Вроде как меня кто-то напугает в темной подворотне?

– Я бы не стал настаивать на этом сценарии. Представляешь, сколько мне работы привалит? Тебя с апельсинами в больнице навещать, искать виновных, проклинать их, чиститься после этого... Оно нам надо? – улыбнулся краешком рта Влад, и я прыснула.

– Ладно, уговорил, так и быть, – отмахнулась я, подыгрывая.

Дисплей телефона высвечивал половину седьмого, а это значило, что мне пора собираться домой. Как назло, едва я подумала об этом, как на языке завертелась еще куча вопросов на самые разные темы. Сунув мобильный в карман джинсов, я поднялась со стула, вовремя перебросив ноги подальше от Кельта.

– Мне, наверное, пора домой. Я обещала маме быть к ужину.

Я не видела выражение лица Яблонева (парень отвернулся, одергивая штанину), но мне показалось, что это известие его несколько расстроило. Возможно, следует перекреститься, потому как он достаточно бодро высказал:

– Хорошо, мы проводим тебя с Кельтом до остановки, все равно этому меховому коврику требуется пробежаться по парку.

Прогулка с Кельтом? Как много перспектив!

– Разрешешь мне немного повести его на поводке?

– О боги, – закатил глаза Влад. – Может, мне следует купить второй поводок и водить вас в одной упряжке?

– Влад!!!

Яблонев расхохотался, и я, настигнув парня в несколько шагов, мстительно заиграла на его ребрах симфонию щекотки.

– Я тебе покажу сейчас одну упряжку! – пропыхтела я, не давая ведьмаку сорваться с крючка.

– Серьезно? – задыхаясь, спросил Влад. – Она у тебя с собой? И как ощущения?

– Не смешно!

Практикующий перехватил меня за пояс, вытаскивая с кухни в холл. Ноги оторвались от пола, я взвизгнула, забыв, что хотела сказать. Руки рефлекторно ухватились за плечи парня, а темный лишь быстрее закружился вместе со мной вокруг своей оси под гавканье Кельта, прыгающего рядом.

– Хватит, у меня плохо с вестибулярным аппаратом! – зажмурилась я, и кружение тут же прекратилось, а под ногами оказался твердый пол.

– Агата? Извини, я не...

– Попался! – Я цапнула Влада за ребра, поспешно отбегая назад.

– Ах ты...

В ответ я показала ему язык, и мы захихикали, как маленькие дети в детском саду, почувствовавшие вольницу в отсутствие воспитателя. Одеваясь, мы то и дело смеялись, поглядывая друг на друга, а Кельт и вовсе замолотил хвостом, заглядывая в глаза то мне, то Владу. Похоже, пса удручало, что мы не берем его в свою игру.

Яблонев разрешил мне вести Кельта до парка, что оказалось не так-то просто. Овчарка рвалась на свободу, желая быстрее сбросить с себя «узду» и побегать по аллеям без поводка. Пришлось поднапрячься в сдерживании этой махины, хотя в самые сложные моменты Яблонев перехватывал контроль и командовал Кельту сбавить скорость.

Пес слушался, пока хозяйская рука касалась ленты поводка, но стоило нам только увлечься разговором, как все повторялось. Оставалось только благодарить собственное благоразумие и интуицию,

отбившую у меня дурацкую мечту о зимних ботфортах на каблуке. Один метр прогулочного шага Кельта, и я уже валялась бы в сугробе. О шуточках Влада лучше и вовсе не думать. Не стоит подавать ему идеи.

– Я правильно понимаю, что обучение фамилльярству не зависит от запуска программы? – спросила я, когда Влад отпустил Кельта и тот принялся наматывать вокруг нас круги, разбрасывая снег.

– Правильно. С запуском оно проходит легче. По крайней мере, так считается, – пожал плечами ведьмак, закуривая.

– И с чего мы начнем?

– С него. – Влад кивнул на Кельта. – Я подозреваю, что для лучшего понимания своей сущности тебе необходимо какое-то время понаблюдать за собаками. Когда обычный человек смотрит на пса, он видит в лучшем случае друга. Мало кто по-настоящему осознает, насколько это уникальные животные. Впрочем, человек до сих пор не постиг собственной уникальности, куда ему до чужой.

Каждый раз, когда он выдает такое пространственное суждение, мне хочется кивать, как китайский болванчик, выражая полное согласие. Интересно, все дело в связи или в наших схожих взглядах? Скорее всего, это две части одного целого.

– Ты хочешь, чтобы я... просто смотрела на Кельта?

– Просто смотреть ты можешь и дома на стену, результат «простосмотрения» неизменен, что бы в фокус ни попадало, – сварливо отмахнулся Яблонев. – Что ты знаешь о собаках? Давай, перечисли мне их преимущества.

– Нюх, – тут же выпалила я первое пришедшее в голову.

– Еще.

– Скорость. Слух. Собаки могут почувствовать приближение беды, я слышала историю, когда пес вынес из дома двух детей, а спустя несколько минут у того обвалилась крыша.

– Интуиция. Что еще? – кивнул Влад.

– Выносливость?

– Принимается. Дальше?

– Не знаю, вроде все перечислила, – пожала я плечами.

– А слона-то мы и не заметили, – развел руками Влад. – У собак особое восприятие всего окружающего. Они чувствуют людей. Видела, как избирательны уличные псы? Почему к одному прохожему

они подходят, дружелюбно виляя хвостом, а другого обходят стороной?

И правда, почему я об этом не подумала? Сама же замечала, как собаки реагируют на пьяниц или вдруг ни с того ни с сего принимаются рычать на с виду безобидных старушек.

– У тебя тот же врожденный набор способностей, что и у него, – кивнул Яблонев на овчарку, увлеченно обнюхивающую ствол дерева. – Только он воспринимает это как данность и его лампочка горит постоянно, а ты включаешь их по наитию в минуты агрессии или сильнейшего потрясения, отчего и мигаешь, как при перепадах напряжения. Они сильно сказываются на тебе в эмоциональном плане. Теперь ты знаешь ответ на вопрос «что происходит», но не понимаешь как. Кельт научит тебя.

Все это пока плохо мне представлялось, но уверенность Влада приободряла. Глубоко вздохнув, как перед прыжком в воду, я улыбнулась своему практикующему:

– Отлично. Когда приступаем?

Глава 14

Влад решил начать тренировки со вторника, тем самым дав мне двухдневную передышку. Все воскресенье я провела за домашними делами, общением с Иркой и Ярославой Самойловой по сети и просмотром сериалов с мамой. Из всех троих допрос с пристрастием не устраивала только Самойлова, но она и не знала ничего о Яблоне.е.

Мама, насев на меня еще в вечер субботы, окончательно успокоилась только к середине следующего дня. От нее не укрылось, что мой свитер пахнет свечами и деревянной стружкой. Конкретно этим двум моментам было посвящено слишком много вопросов.

Повезло, что на коже не осталось следов укусов, о которых я старалась не думать. По крайней мере, думать не слишком часто. Я отбивалась, как могла, строго придерживаясь версии «мы с Владом просто друзья», и, в конце концов, мама отступила.

Зная ее характер, я не поверила в капитуляцию, заподозрив смену тактики. На всякий случай телефон все это время путешествовал в кармане домашних брюк, куда бы я ни шла. Последнее, что мне нужно – мамин нос в чате с Яблоневым. Даже пяти сообщений хватит, чтобы понять, что наше общение не совсем нормально, и тогда уже никакие отговорки не помогут.

С Ирккой дело обстояло намного сложнее. Подруга обладала большей информацией, и ее подозрительность чувствовалась даже через экран ноутбука. Ругалова осторожно спрашивала, как прошла моя суббота и понравился ли мне дом Влада, что расшифровывалось как: «Ты сказала ему «да»? Теперь ты его фамилльяр?» Наша беседа походила на то особое состояние захода в мутную воду, когда ногой пытаешься нащупать острые камни или коряги. Одно резкое неверное движение, и можно рассечь ступню до крови.

Не хотелось сообщать такую важную новость по социальной сети, и я решила поставить точку в этом вопросе при личной встрече в понедельник. Конечно, поздравлений ждать не приходится, но не перестанет же Ирка со мной общаться из-за этого? От представлений, в какое русло может перейти разговор, тревожно засосало под ложечкой.

В два часа ночи я, устав ворочаться и боксировать с подушкой, не выдержала и написала Владу:

«Гипотетически. «А» важно мнение «Б». «А» уже сделала что-то, что «Б» точно не одобрит, но дружбу сохранить хочет. «Б» будет права, крича на «А», или «Б» должна принять выбор «А»?»

Ответ пришел до того, как экран мобильного успел погаснуть:

«Ты должна была написать «А» и «И», а не «Б». У меня плохие ассоциации с «Б».

Моргнув, я заткнула рот одеялом, прыснув. Пошляк.

«Барабан?»

«Почти», – лаконично ответил Яблонев, и я представила, как саркастично приподнялась его бровь и появилась кривая ухмылка.

Не успела я напомнить о первоначальной задачке, как от Князя пришло следующее сообщение:

«Если «Б-И» ценит дружбу так же, как «А», то она примет ее выбор. Если нет, то «Б-И» не стоит переживаний «А»».

«Ты боролся с искушением не ставить дефис», – утвердила я очевидное, перекладываясь на другой бок.

«Мне нравится, как я влияю на тебя. Марш спать».

«А то что? Покусаешь?» – не удержалась я, качая головой на собственное поведение.

Черт, что я пишу? А главное, зачем я это пишу?

«Наоборот. НЕ покусаю», – припечатал ведьмак.

«Спокойной ночи», – тут же пошла я на попятную, не готовая рисковать и лезть дальше. Сложностей и так много, не стоит добавлять к ним флирт. Неуклюжий, глупый, вроде бы безобидный, но все же флирт.

Утро понедельника немного смягчил подъем ко второй паре. Более-менее выспавшись и даже не услышав, как ушла на работу мама, я позволила себе пару минут поваляться в кровати. Учеба до пятой пары исключала возможность встречи с Яблоневым в любом случае, даже не будь он чем-то занят, предстоял серьезный разговор с Ругаловой, погода не радовала... Так много причин, чтобы остаться в кровати, под одеялом, до завтра... Хныкнув, я, собрав всю волю в кулак, подняла себя с дивана и принялась за сборы.

У родного одиннадцатого корпуса меня уже ждала Ирка. Красные колготки и перчатки катастрофически не сочетались с бирюзовым

пуховиком, но Ругалову это не останавливало. Похоже, она в последний момент передумала надевать коричневую куртку из-за не подходящей для такого мороза длины, но посмотреть на себя перед выходом в зеркало не удосужилась.

– Молчи! – выставила подруга руку со стаканчиком кофе перед собой. – Я и так знаю, что выгляжу нелепо. Пара десятков прохожих уже донесли это до меня. Особенно девицы в кофейне.

– А я ничего, – пожала я плечами, не сдержав смешка. – Это все понедельник.

– Вот именно, – поддакнула Ирка.

– Петушиный понедельник, – все же не смогла я перебороть себя. – Знаешь, еще бы красную помаду и длинные пластмассовые сережки...

– Агата! Не смешно!

– Шутишь? Я едва держу себя в руках.

Закатив глаза, Ругалова всучила мне кофе и стянула перчатки:

– Так лучше?

– С колготками то же самое сделаешь?

– Заткнись! – прошипела она, поспешно поднимаясь по лестнице к входным дверям корпуса.

Хихикая, я сверкнула студенческим охраннице, судя по возрасту которой, доверять ей можно было разве что охрану набора «Все для вязания». Ругалова продолжила быстрый подъем по лестнице на третий этаж, я последовала за ней, и когда мы возникли на пороге аудитории, на нас не посмотрел только ленивый. КуКурятник в полном составе прочно залип на красных колготах Ирки, и подруга, выпрямив спину, гордо прошествовала к нашей третьей парте.

– Она дальтоник? – услышала я театральный шепот Инги Марьяновой.

Из всех присутствующих только у меня есть право подшучивать над Иркой. Выстраданное в многочисленные ночевках и телефонных разговорах и заработанное огромным количеством совместных прогулок. Пользуясь терминологией Влада, Ира – мой человек, и я не буду стоять в стороне, когда кто-то пытается катить на нее бочку. Тем более глупые фифы КуКурятника.

Обернувшись на Ингу и сидевшую с ней за одной партой Наташу Запатову, я смерила обеих недобрым взглядом. Странно, но мне

показалось, что Влад в этой комнате. Абсолютная уверенность в обратном ничего не меняла. Как будто ведьмак был совсем рядом, стоял за спиной, склонив голову набок и изучая девушек вместе со мной.

Я смотрела на Ингу и Наташу, отключившись от всего остального. Пристальный взгляд всегда пугает людей, а если он еще и подкреплен злостью... Марьянова продержалась чуть дольше Запатовой, но, в конце концов, обе отвернулись, уткнувшись в парту. Правильно сделали.

Расстегнув пуховик, я повесила его на стул, запихивая в рукав шарф и шапку. Гул аудитории постепенно отвоевывал пространство вокруг, присутствие Влада перестало ощущаться, но я не сомневалась, что где-то там, на другом конце города, он уже знает, что я собиралась откусить чьи-то любопытные носы.

– Ты что, заткнула их взглядом? – еле слышно спросила Ирка.

– Напугала, – поправила я, доставая тетрадку и пенал.

– То есть подавила их волю, – не отступила Ругалова. – Это способности темных!

Невероятно. Я убила насмешки над ней в зародыше, а она еще и возмущается!

– Прости, нужно было дать им ржать над тобой весь день, – буркнула я.

– И пусть бы ржали, это больше говорит о них, чем обо мне.

– Уроки философии от Березина? – ядовито поинтересовалась я. – Вроде как если бьют, подставь вторую щеку?

– Вроде как если бьют – отвечай, но первым драки не затевай.

– Если напугать заранее, никакой драки вообще не будет. – Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Ругалова словно нарочно поворачивала мой тумблер вспыльчивости!

– Страх – это насилие над душой.

Неужели? Может, у нее сейчас и нимб над головой появится?

– Твой новый лозунг? Сто утверждений праведника?

– Да что с тобой?

– Это с тобой что? Я защитила тебя, как и полагается настоящему другу, а ты обвиняешь меня в этом!

Прозвенел звонок, и в кабинет, словно ожидая именно этой секунды, быстро зашла Ольга Анатольевна Шварц, наш глубоко

«обожжаемый» преподаватель по теории и практике СМИ. Ирка уткнулась в свои конспекты, я же достала телефон, успев услышать вибросигнал до звонка. Переведя режим на беззвучный, открыла чат с Владом, убеждаясь, что всплеск моей злости не был им упущен.

Князь: «Порядок?»

Если бы.

«Страх – это насилие над душой. (с) Как тебе такое?»

Крикнув «здесь!» на привычную переключку, устроенную Шварц, я приготовилась писать лекцию, вспомнив, что практика на следующей неделе. Пометив себе подготовиться к семинару, покосилась на Ругалову. Лошадка быстро набирала сообщение в телефоне, наверняка жаловалась на меня Березину.

Обернувшись, я встретила взглядом с Самойловой, сидевшей, как всегда, в одиночестве на четвертой парте в среднем ряду. Передумав демонстративно и по-детски пересаживаться, тем более что пара уже началась и Ольга Анатольевна запела свою любимую песню о том, что ее предмет – самая главная дисциплина нашей специальности, я кивнула Ярославе и отвернулась.

Князь: «Дельфин покусал лошадь. Неплохой газетный заголовок, да?»

Прижав кулак ко рту, я отправила три хохочущих смайла в ответ.

На пятиминутке Ирка пошла на второй круг:

– Я тебя ни в чем не обвиняла.

– Ух ты, – фыркнула я. – Это я с утра проснулась в мире, где укор больше не относится к обвинению?

– Ты насквозь провоняла Яблоневым, – поморщилась Ругалова.

– Он не воняет, – отрезала я, внутренне поперхнувшись от такой характеристики. Это Влад-то воняет? Да он пахнет настолько круто, что я хочу себе духи с его запахом деревянной стружки и этим чем-то особенным владовским!

– Его действия воняют. А подход к людям и вовсе смердит, – не отступила Ира.

Это были не слова Березина, что я отлично понимала. Так думала сама Ирка. С первой минуты, как Ругалова поняла, кем мы можем стать друг другу с Владом, она делала все, чтобы отвратить меня от него. От этого было неприятно, саднило где-то в сердце и больно

покалывало в носу. Очевидно, следует признаться, пока она не зашла слишком далеко в своих нападках на Яблонева.

– Мой практикующий действует так, как считает нужным. И то, что он когда-то тебя отшил, еще не повод лить на него дерьмо, – огорошила я ее.

Ругалова выпрямилась на стуле так резко, словно кто-то ткнул ее под лопатку. Большие карие глаза расширились от удивления, сменившегося недоверием и даже чем-то похожим на испуг. Как бы подруга ни представляла себе мои выходные с Яблоневым, такого она и подумать не могла. Тем более того, что согласие было получено еще до них.

– Твой практикующий? – шепотом переспросила она.

– Именно, – утвердила я одновременно со звонком с перерыва.

– Зачем ты согласилась?

– Захотела.

– Он тебя заставил?

– Как ты себе это представляешь? – усмехнулась я, качая головой.

Следующие сорок пять минут прошли как на минном поле. Ирка даже не делала вид, что пишет. Ее возмущение и недоверие кружили вокруг нас, едва ли не стреляя искрами. Пару раз мне казалось, что она хочет заговорить, или написать записку, но подруга только отворачивалась к окну, крутя на пальце кольцо с лазуритом.

Не успела пара закончиться, как она уже натягивала пуховик и бросала вещи в сумку.

– Сбегаешь? – не поверила я.

– Собираюсь на улицу. Поговорить.

– С кем?

– С тобой, что непонятного?

Моргнув, я засобиралась следом, не желая упускать этот шанс. Не знаю, что надумала Ругалова, но ее лихорадочные движения беспокоили. Да что такого-то? Она сама фамильяр, и серьезных жалоб от нее по этому поводу я не слышала. Ну да, ее практикующий светлый, мой – темный, но, по-моему, эта разница важна разве что при выборе пива.

В конечном счете, они оба помогают людям, просто помощь требуется разная. И я сейчас совсем не оправдываю Влада. Он же

сказал, что причиняет вред лишь тем, кто того заслуживает, и, в отличие от Ирки, Князь мне ни разу не врал.

Мы вышли на улицу, и Ругалова решительно свернула от корпуса по Смидович вниз. Не отставая, я не пыталась заговорить, давая ей спустить пар. В конце концов мы зашли в тот самый двор, где нас нашла Алена. Опустив сумку на лавочку, Ирка резко обернулась ко мне:

– Как он это сделал? Что такого он сказал, что ты решила стать его фамильярм?

– Ир, успокойся, ты так бесишься, как будто я замуж вышла, а тебя на свадьбу не пригласила, – выставила я руки перед собой.

– Я же сказала тебе: он причиняет людям страдания, он худшая кандидатура для тебя, он...

– Хватит, Ир! – рявкнула я, чувствуя, как с каждым словом о Владе закипаю все больше и больше. – Я понять не могу, тебя-то почему это так сильно колышет?

– Потому что я старалась тебя защитить, как и полагается настоящему другу! – Ирка топнула ногой. Серьезно, взяла и топнула. Как пятилетка, у которой конфету отняли. – Ты что, правда не видишь, какой он? Темный, холодный, весь такой роковой красавчик с душой романтика, неприступный... говнюк! Это все фальшь, чтоб пыль в глаза пускать!

– Ир...

– Он разобьет тебе сердце! Думаешь, я дура? Не понимаю, откуда ветер дует? – напирала Ругалова. – Ты втрескалась в него по уши! Потому и согласилась! Ни на секунду не поверю, что тебя заинтересовала твоя сущность, или твои способности, или еще что-то из того, что ты попытаешься мне наплести! Прежде всего тебя заинтересовал он!

– Что, если так? – прокричала я в ответ. – Что, если Влад стал мне настоящим другом, понимает меня и в его присутствии мне не стыдно за то, какая я? Это плохо? Нравится тебе это или нет, я – его фамильяр. Либо ты принимаешь это, либо нет, третьего не дано. Кстати, мне что-то подсказывает, что твой Леша не разделяет твоего мнения. Что, мы все очарованы Владом и только ты одна видишь правду? – Я сжала руки в кулаки, задыхаясь от душившей ярости и разочарования. – А может, ты просто не можешь пережить того факта, что я теперь тоже в

этой компании? Что мне достался опасный таинственный темный красавчик, а тебе правильный скучный целитель?

– Ты полная дура, если считаешь, что он тебе достался, – выплюнула Ирка.

– Отлично! Спасибо за поддержку, Ир. Настоящий друг! – Я схватила свою сумку и потопала прочь со двора в направлении дома.

– Всегда пожалуйста!

– Смотри возле светофора не стой, а то парализуешь все движение своими красными колготками.

– Разберусь без блохастых.

Прикусив язык, я прибавила скорости, сваливая подальше, пока все это не переросло во что-то более ужасное. Впервые в жизни захотелось ударить Ругалову. Не в шутку по руке шлепнуть, а нанести реальный удар. Удар, который заставил бы ее заткнуться, протрезветь от непонятной антипатии к Владу и увидеть его таким, каким вижу я.

Ярость брызнула из глаз у самого дома, и дверь в квартиру я открывала на ощупь – все вокруг расплывалось, а темнота подъезда прекрасно иллюстрировала мое состояние. Кое-как разувшись, я стянула верхнюю одежду и отправилась умыться в ванную, задыхаясь от накатывающих слез.

Я знала, что Ирка будет недовольна, но такого скандала и предположить не могла. Ей не просто не нравится Влад, она его чуть ли не ненавидит! Вцепившись руками в бортик ванной, я нагнулась вперед, закрыв глаза и стараясь унять тошноту и всхлипы. С первым все прошло успешнее, чем с последним. Слезы текли из-под закрытых век, и я ничего не могла с этим поделать.

Слова Ругаловой крутились в голове, вгрызаясь глубже, и гной обиды проникал все дальше. Как она может так говорить о Яблоне? Она же совсем его не знает!

Завалившись на свой диван, я повернулась спиной к комнате. Слезы все еще текли, всхлипы не прекращались, руки и ноги тряслись. И почему я такая эмоциональная? Вот Самойлова, наверное, и в лице бы не поменялась.

Я не знала, как пойти завтра на учебу и сидеть с Иркой в одной аудитории, не знала, как вести себя с ней дальше, не знала... Ни черта я не знала. Как будто дорога, по которой мы шли до этого вместе,

пусть иногда спотыкаясь и обходя возникающие ямы и лужи с разных сторон, ухнула в пропасть.

А что насчет практикующих? Они будут в курсе нашего скандала, как только увидят. Почему Ирке надо было создавать эту проблему? Поменяйся мы местами, я бы только обрадовалась, что стало меньше секретов и больше тем для разговоров...

Противная песнь домофона прервала мои грустные размышления, и, нехотя поднявшись, я, вытирая слезы, вышла в прихожую. Наверняка квитанции за квартиру или проверка счетчиков, попросят в подъезд впустить...

– Кто там? – подняла я трубку.

– Я.

Моргнув, не веря собственным ушам, сипло переспросила:

– Яблонеv?

– Яблонеvей не бывает, – утвердил Влад.

Ошарашенно нажав на кнопку, открывающую подъездную дверь, я высунулась в коридор. Растерянно глядя, как ведьмак поднимается по лестнице, становясь все ближе, я понятия не имела, чего мне хочется больше. Броситься на шею, потому что он пришел, почувствовав, насколько мне плохо, и явно отказавшись от всех своих дел, или закрыться в квартире, чтобы он не видел меня в таком состоянии. Зеркальная дверца шкафа в прихожей утверждала, что я – панда-аллергик, спасибо ни разу не водостойкой туши. Хлюпающий, распухший от потираний нос и отекающие веки... Самое последнее сейчас видется с кем-то, и все же я выбрала первое.

Влад не сказал ни слова, буквально вталкивая обратно в квартиру. Едва за спиной темного захлопнулась железная дверь и щелкнул замок, как мой лоб уткнулся в его куртку, а руки обняли за пояс. Ответное объятие лишь усилило чувство правильности происходящего. Как будто одна деталька, встав на место, полностью изменила картину.

Влад сделал глубокий вздох, словно подсказывая, и я последовала за ним, зажмурившись, когда практикующий погладил меня по спине в успокаивающем жесте. Сентиментальность или слабость, но подобная нежность со стороны Яблонеvа лишь подзадорила мерзкую истерику посильнее сдавить горло своими цепкими лапами. Жаль, что он видит меня такой несчастной, обиженной и расстроенной. Перед Князем

хотелось соответствовать собственной сущности, то есть быть сильной, задорной и негибаемой, а не кучкой соплей и разочарований.

Как всегда, от парня прекрасно пахло уютом его чердака и морозной свежестью. Я не спешила открывать глаза, сосредоточившись на прикосновениях, дыхании и ровном сердцебиении. Присутствие Влада умиротворяло, позволяло догнать собственные мысли и доказывало, что у него нет ничего общего с человеком, за которого его выдавала Ругалова.

Постепенно слезы высохли, всхлипы исчезли, а головная боль, засевавшая над самой переносицей, растворилась. Длинные пальцы Яблонева поднырнули под подбородок и осторожно его приподняли, пресекая попытку спрятаться. Серые глаза прочно поймали мои, и, клянусь, я видела, как в них сгущаются тучи.

Неровное дымчатое кольцо вокруг зрачка потемнело, пронзительный птичий взгляд не предвещал ничего хорошего. Оставалось только в очередной раз позавидовать самоконтролю и выдержке Влада. Никаких сомнений, он точно знает, что произошло. Возможно, даже в деталях, и все же сохраняет видимость спокойствия.

– Агата, – в голосе парня не было ни одной гневной ноты. Напротив, его мягкость обволакивала, а когда пальцы чуть погладили шею, стало совсем хорошо. – Иди в ванную, тебе нужно умыться, а мне – разуться и снять куртку, ты как ядерная печка, – улыбнулся ведьмак.

– Ну прости, – пробубнила я, отстраняясь.

Покончив с боевой раскраской и ополоснув лицо, я обнаружила Яблонева на кухне. На плите стоял чайник, и ведьмак достал кружки, безошибочно найдя мою любимую и ту, из которой пил в свой первый визит.

– Не думала, что парни запоминают такие вещи, – кивнула я на кружки.

– Я не обычный парень, – пожал плечами темный.

– Мог бы и не говорить, – фыркнула я, присаживаясь за стол.

Влад опустил голову напротив и протянул руку ладонью вверх. Для этого не требовалось слов. Положив свою сверху, я нерешительно погладила его запястье, получая в ответ такое же касание.

Вспомнилось, как наши руки оказались связаны так впервые, на лоджии Катиной с Мишей квартиры.

– Почему именно запястья?

Яблонева, казалось, совершенно не удивил мой вопрос:

– Потому что там происходит основная циркуляция энергии. Руки – это выход большинства действий. Зарождаясь в голове, они перетекают к пальцам. Когда мы касаемся запястий друг друга подобным образом, наши энергии сплетаются друг с другом.

– И это хорошо, – утвердила я.

– В нашем с тобой случае – да, учитывая связь, – согласился Влад. – Такую же силу имеет материнское касание. Все остальное зависит от человека и того, кем он тебе приходится. Например, коснись моего запястья другой, враждебно настроенный практикующий... Это было бы все равно что ментальный капкан.

Я поежилась, представив охотничью ловушку.

– Поэтому вы носите браслеты, – догадалась я. – Защищаете это место от посторонних.

– Смотря какой браслет, – улыбнулся Влад. – Есть защитный, есть усиливающий определенные качества или энергии, на каждую работу своя атрибутика. Вот этот, – он указал на левую руку, запястье которой прочно перекрывала кожаная полоска на заклепках с вырезанными по ней символами, – защитный. Его парный лежит в кармане моей куртки. Я снял его перед приходом сюда.

Засвистел вскипевший чайник, и я поднялась раньше Влада, жестом велев ему сидеть на стуле ровно. Хватит того, что он здесь, чай я и сама могу заварить.

– Я думала, ты сегодня занят, – нерешительно начала я, покончив с хозяйственными делами.

– Отменил, – коротко пояснил Князь, махнув рукой, словно отгоняя муху. – Ты важнее.

Хорошо, что я не успела поднести кружку ко рту. Поперхнуться кипятком та еще перспектива.

– Я... спасибо.

Что скрывать, слышать такое безумно приятно, и в то же время жутко неловко.

– Не за что. Я почувствовал, что тебе плохо. Когда ты не ответила на сообщения и звонки...

– Черт! – вскочив, я пошлепала в прихожую. – Я забыла, что поставила на беззвучный режим!

Выуженная из кармана пуховика техника показывала восемь пропущенных от Яблонева, эсэмэску от Самойловой, спрашивающей, в порядке ли я, одиннадцать пропущенных от Ругаловой (ого, неужели, ее так быстро отпустило?) и два звонка от Березина.

– А Леша-то мне зачем звонил? – спросила я Влада, возвращаясь на кухню.

– Пытался предотвратить кое-что, но опоздал, – хмыкнул Яблонев, качая головой.

– Что предотвратить?

– Последствия глупости своего фамильяра, – бросил Князь. – Я вправе объявить войну за то, что она тебе устроила. Ни у него, ни у меня нет иллюзий по поводу того, в чью пользу она закончится.

Что?

– Но это... что значит – войну? Из-за нашей ссоры?

– Это не просто ссора, Агата, – серьезно покачал головой Влад. – Даже из тех обрывков, которые я уловил в твоих мыслях, совершенно ясно, что это такое. Вы ведь не по обыденным вещам во мнениях не сошлись?

– Ей не нравится, что я твой фамильяр, – признала я, промолчав про то, что он снова побывал в моей голове.

– Вот именно. Это прямая попытка вмешательства в чужую связь фамильяра и практикующего. Когда дело касается этой стороны, все действия фамильяра – это продолжение действий или мыслей его практикующего. Иными словами, выразив свою точку зрения в этом вопросе, она подписала под нее и Березина. На этот раз я не собираюсь это игнорировать, делая скидку на ее неопытность.

– И что ты хочешь сделать? – напряженно спросила я, пытаясь по его лицу определить, насколько все страшно.

Телефон Князя заиграл «Сплин», «О-о, я умираю со скуки, когда меня кто-то лечит», и я прыснула, не сдержавшись. Не нужно быть гением, чтобы понять, кто звонит.

– На ловца и зверь бежит, – подмигнул Влад, подтверждая догадку, и поднес палец к губам, прежде чем принять звонок. – Да, Леш.

Громкий динамик телефона Влада и мой сверхслух позволили услышать всю беседу, чем я и воспользовалась.

– Влад, я понимаю, что Ира поступила некрасиво, но...

– Некрасиво? – вкрадчиво переспросил Князь. – Еще скажи, что она не хотела, но мы ведь оба знаем, что это не так.

Поднявшись со стула, Влад обошел стол и остановился рядом со мной. Настороженно наблюдая за ведьмаком, боясь, куда повернет их разговор, я задрала голову. Серые глаза практикующего все еще походили на свинцовые тучи, и я опасалась, что вот-вот разразится гроза.

– Она считала, что поступает правильно.

– Она все еще так считает, лошади – упрямые создания, – поправил Влад, зарываясь рукой в мои волосы и пропуская их сквозь пальцы. Как он умудряется в каждую встречу находить какой-то новый, совершенно невинный на вид способ физического контакта? Рефлекторно подавшись за его рукой, не успев остановиться, я наткнулась на ироничную усмешку темного, заставившую меня покраснеть. Вот и еще один привет от сущности, главное, против шерсти не чесать.

– Нам с тобой не по пятнадцать лет. Чего ты хочешь?

Яблонеv снова зарылся в мои волосы, касаясь ногтями кожи головы. Это отключило мозги. Хорошо, что хотя бы язык не высунулся наружу и нога не бьет по полу в такт его движениям.

– Во-первых, я хочу извинений перед Агатой, – поставил условие Влад, придвинувшись ближе. Я могла уткнуться носом ему в живот. Его черный свитер такой мягкий на вид... Прислонившись к нему щекой, я прикрыла глаза, наслаждаясь тем, что он творил с моей головой. Извинения от Ругаловой? Было бы интересно хоть раз услышать их по-нормальному, а не понимающе подхватывать ее на полуслове и заминать всю историю.

– А во-вторых? – правильно расшифровал паузу Леша.

– Клятву Захаровой на крови, что такого больше не повторится.

Дернувшись на слове «кровь», я стряхнула с себя навеваемую мне безмятежность и непонимающе посмотрела на Яблонева. Ладно извинения, это стандартная мера при конфликте, но клясться, да еще и резать себя? Что за маразм?

Влад снова приложил палец к губам, взглядом указывая мне подождать. Надеюсь, у него есть нормальное, логичное объяснение средневековью, которое он тут устраивает!

– Клятву? Еще что? Квартиру на тебя переписать? – резко и неожиданно жестко поинтересовался целитель.

– Не прикидывайся, – не впечатлился Влад. – На моем месте ты потребовал бы то же самое.

– Она не знала, что делает.

– Тебе стоило лучше объяснять.

– Мне нужно подумать.

– Сколько угодно. Я не передумаю, – сухо проговорил Яблонев и отрубил звонок, глядя мне в глаза. – Давай, – кивнул он мне.

– Что это было? – моргнула я. – Какая, к черту, клятва? И почему вы с Лешей так разговаривали, я думала, вы друзья!

– Мы друзья, – утвердил ведьмак. – Но конкретно сейчас мы прежде всего практикующие, чьи фамильяры повздорили. Как истинно светлый, он пытается затушить пламя водой, а я, как истинно темный, хочу, чтобы все прогорело до конца и развеялось по ветру.

– Я не поняла, – признала я. – И у меня снова заболела голова. Можешь ты нормально объяснить?

– Тебе нужно поспать, – нахмурился Яблонев.

– Я не собираюсь спать, пока ты не расскажешь, зачем требуешь от Ирки какой-то непонятной клятвы, – закусил я губу, против воли представив себе сладкий сон под пледом. Тогда Владу придется уйти, я останусь одна и тут же начну думать обо всем, что наговорила Ругалова, а этого совсем не хотелось.

– Хорошо, – согласился парень.

– Только давай сначала уйдем с кухни, – попросила я, устав сидеть на жестком стуле и мечтая снова устроиться на диване.

Убрав все, что касалось чаепития, и помыв кружки, я присоединилась к Яблоневу в зале. Парень стоял возле книжного шкафа и держал в руках рамку с фотографией, на которой пятилетняя я в парке, с двумя смешными хвостиками, в майке с Микки Маусом и джинсовом комбинезоне, держу сразу две сахарные ваты. Давно нужно было убрать этот позор куда подальше!

– Мило, – оценил он, ставя рамку на место. – Я в прошлый раз ее не заметил.

Жаль, что сейчас так же не повезло.

– Я у тебя вообще ни одной фотографии не видела, – вспомнила я. Разве что несколько на компьютерном столе...

– Мы их не ставим, – пожал плечами Влад. – Лишняя возможность для недоброжелателей.

– Ты точно не параноик? – усомнилась я, в одно движение раскладывая диван, чтобы было больше места.

– Когда моей маме было шестнадцать, она жила с бабушкой и носила в кошельке ее фото. В один прекрасный день фото исчезло, а бабушка сильно заболела. Оказалось, один недовольный клиент украл фотографию из маминого кошелька, принес другой практикующей, и та навела по ней порчу. Так что, отвечая на твой вопрос, я не параноик.

Ого.

– А разве вы сами себя не защищаете от порчи?

– Агата, запомни: если кто-то действительно хочет тебя проклясть, рано или поздно он найдет способ. Любую защиту можно пробить, всего предусмотреть невозможно.

– Тебя когда-нибудь... – Я замотала рукой, не желая произносить этого вслух.

– Попытки были, – кивнул Яблонев. – Одна даже почти удалась, но вовремя вмешалась Захарова.

Устроившись на диване, я похлопала по месту рядом с собой, однако темный не спешил забираться ко мне. Окинув взглядом комнату, он уверенно подошел к шкафу, где были мои вещи, отодвинул правую дверцу и вытащил плед с нижней полки. Бросив мне его, начисто проигнорировав укоряющий взгляд, ведьмак залез следом. Значит, он не собирается сейчас уходить?

– Я же сказал, тебе нужно поспать. Эмоциональная усталость, вызванная вашей ссорой, влияет на твое физическое состояние больше, чем ты думаешь. Я немного помог, но лучше пойти проверенным путем.

– Ты все еще не объяснил свой разговор с Лешей, не думай, что у тебя получилось заговорить мне зубы.

– И в мыслях не было, Герцогиня, – усмехнулся Влад, подставляя одну подушку к стене под спину, а вторую укладывая на колени. Указав на нее глазами, он сделал приглашающий жест: – Ложись.

Предложение было слишком заманчивым, чтобы отказаться. Устроив голову на подушке так, чтобы видеть лицо Влада, я накрылась пледом.

– Доволен?

– Более чем, – кивнул ведьмак. – Итак. Объясняю. Леша считает, что, если его фамилляр просто извинится и тебя эти извинения устроят, конфликт будет исчерпан. Березин не хочет принимать того факта, что это не продлится долго и история с тем же успехом повторится на следующей неделе или через месяц. Понимаешь, почему я сравнил это с тушением огня водой?

– Потому что это временная мера? Вроде как все может высохнуть и загореться снова?

– Верно. Моя позиция заключается в том, чтобы в принципе нечему было гореть. Для этого Ира должна принести клятву на своей крови незаинтересованной стороне, в которой пообещает больше никогда не пытаться воздействовать на нашу связь фамиляра и практикующего.

Хорошо, логика тут есть. Я не хочу терять Ругалову, но и ссориться с ней каждые три дня из-за Влада тоже. Звучит так, словно мы просто ставим табу на эту тему. Кровавое табу.

– И ей придется рассечь себе ладонь?

– Что? Нет, конечно, – фыркнул Влад. – Ей всего лишь надо будет уколоть указательный палец правой руки иглой и оставить отпечаток крови там, где укажет Настя. А ты что подумала? Ритуальный нож, порез на полруки и балахоны? Какой идиот вообще доверит Ругаловой нож?

Не выдержав, я засмеялась от облегчения и искреннего ворчливого возмущения Яблонева. Просто укол иглой. Это же не страшно и скорее неприятно, чем больно. Так ей и надо за «блехастую».

– А если они откажутся?

– Темные будут бойкотировать светлых до тех пор, пока они не согласятся.

– Не хочу, чтобы все к этому свелось, Леша же ни в чем не виноват...

– Святая простота, – цокнул языком Влад, снова зарываясь в мои волосы рукой. – Он как раз и виноват больше всех. Не объяснил Ире

что можно и нельзя, или не предупредил, как темные реагируют на подобное хамство, или объяснил и предупредил, но плохо.

Чуть посомневавшись, я решила спросить то, что тревожило меня больше:

– А если Ругалова согласится на клятву, но больше не захочет со мной общаться, посчитает это предательством с моей стороны, или...

– Не накручивай себя, ситуация прозрачна как стекло, ничего темного и запутанного в ней нет. – Его ногти чуть задели край уха, и я прикрыла глаза от удовольствия. – Если после этого она не захочет с тобой общаться, значит, грош цена ее дружбе. Посмотри на нас с Березиным. Есть ряд тем, в которых мы кардинально не согласны друг с другом, но это не мешает нам уважать точку зрения оппонента и оставаться друзьями.

– Угу, – промычала я, подозревая, что Влад упускает один немаловажный факт. Они с Березиным – парни. В мире девушек такое деление не прокатывает. В лучшем случае, обе делают вид, что принимают действия подруги, про себя осуждая ее. Ладно, что толку думать об этом, когда ничего еще не случилось?

– Почему Захарова должна принимать клятву, а не Прахова?

– Не вздумай когда-нибудь сказать Насте, что она что-то кому-то должна, – посоветовал Яблонев. Тон был слишком серьезным, чтобы принять это за шутку. – Варю нельзя назвать незаинтересованной стороной, потому что они с Сашей в одном лагере с нами.

– А Катя и Миша с Лешей и Ирой, – сделала я вывод.

– Да. Настя всегда работает третейским судьей в нашей компании, поскольку не относит себя ни к темным, ни к светлым, пользуясь методами и одних, и других.

– Так можно?

– Ей – да.

– А...

– Ты угомонишься или нет? – перебил Влад.

– Нет, – усмехнулась я.

– Спи. – Он легонько щелкнул меня по носу.

– Если это было заклинание, то оно не сработало, – пробубнила я. – Только нос зачесался вдобавок.

Яблонев засмеялся, глядя, как я потираю нос. Закатив глаза, я перевернулась на бок, лицом к комнате. Руки ведьмака снова

вернулись в мои волосы, расслабляя, и в этот момент я осознала, что доверие к нему – не просто слова. Людей, которым позволено касаться моих волос, можно пересчитать по пальцам одной руки, включая парикмахера. Тех, при ком я могу заснуть с полной уверенностью, что ничего не случится, еще меньше.

– Спасибо, что пришел, – пробормотала я.

– Спасибо, что согласилась стать моим фамильяром, – тихо ответил Влад.

– Ты... правда не передумаешь с этой клятвой? Я же понимаю, что, как бы вы с Лешей ни дружили, это его... обидит.

– Пусть. Я не передумаю, и я не собираюсь спускать им твоих слез.

Даже если бы я нашлась, что ответить, ком в горле помешал бы это сказать. Поэтому я промолчала, наслаждаясь прикосновениями своего практикующего и притворяясь, что засыпаю. Впрочем, долго притворяться не пришлось. Чувствуя себя в полной безопасности рядом с Владом, я и вправду заснула. Следовало еще раньше понять, что всегда все происходит так, как он хочет. Коварный Князь.

Глава 15

Впервые в своей жизни я просыпалась без головной боли, жжения век и общего состояния размазанности после того, как плакала. В прошлом у меня уже бывало несколько нервных срывов, заканчивающихся продолжительной истерикой с соплями и судорожными всхлипами, так что есть с чем сравнивать. Взять хотя бы тот трагический вечер, когда я узнала, что для поступления на бюджет мне не хватило всего двух баллов. На следующее утро я была похожа на ужаленного пчелами поросенка, страдающего от похмелья.

Неторопливо выплывая из сна, осторожно раскачивая качели предшествующих событий, я быстро выцепила самые интересные и значимые из них. Ссора с Ирой. Влад у меня дома. Его условия Березину. Мое отключение от реальности после очередной сессии вопросов Князю.

Разобравшись с тем, что было «до», я перешла к настоящему. Моя голова все еще лежала на коленях Влада на подушке. Рука парня приобнимала за пояс, ладонь грела живот через плед, и ее тяжесть, вопреки логике, только добавляла комфорта. Мой чуткий слух уловил тихий ритмичный мотив, значит, Яблонев слушал музыку и, скорее всего, копался в телефоне все то время, что я спала. От того, что ведьмак так и сидел со мной, не переложив и никак не отстранившись, становилось по-особенному приятно.

Открыв глаза, я моргнула, привыкая к полумраку. Темнота никогда не препятствовала моему зрению, теперь понятно почему. Собачий арсенал возможностей не переставал удивлять.

Перекатившись на спину под рукой Влада, я посмотрела вверх. Его бледное лицо в свете экрана мобильного выглядело более чем зловеще. Заостренные черты, темные глаза, едва шевелящиеся губы, беззвучно проговаривающие слова песни... Стало понятно, что он слушает. «Люди на холме» «Наутилуса Помпилиуса». Жутко.

Не задумываясь, я потянула за шнур наушников, выдергивая их из ушей ведьмака:

— Ты похож на вампира, думающего о суициде.

– И тебе добрый вечер, – улыбнулся Влад, выключая музыку и убирая телефон. – Выспалась?

– Да, – честно признала я. – Спасибо.

– Не за что, – едва заметно пожал плечами парень.

– Сам знаешь, что есть, – не сдалась я. – Проспала всего пару часов, а такое ощущение, что сутки.

– Хорошо, – закатил глаза Яблонев, тяжело вздохнув. – Пожалуйста.

– Видишь? Не так уж и сложно, – поучительно покивала я, прежде чем выбраться из-под пледа и слезть с дивана, чтобы тут же потянуться. – Кто-нибудь звонил?

– Березин. Они готовы встретиться в шесть у Захаровой.

Внутри словно ведро льда перевернулось. Глядя, как Влад поднимается с дивана, я отступила на пару шагов:

– Это... ты как-то повлиял?

– Осторожно. Предполагая подобное, ты считаешь, что Леша слабее и не может поставить защиту от меня, – ухмыльнулся Влад. – В принципе, ты права, но афишировать мы это не будем.

– В мире существует хоть что-нибудь больше твоего самомнения? – поинтересовалась я, скрестив руки на груди.

– Да, – чуть подумав, кивнул Яблонев. – Вера Варвары в то, что она сильнее меня.

Невозможный! Закатив глаза, я покачала головой:

– Все-таки ты не ответил.

– Если тебя удивляет скорость принятия решения, то, как по мне, они еще здорово затянули. И мне, и ему с самого начала было очевидно, чем все это закончится, ничего непредсказуемого и таинственного тут нет. Разве что количество времени, которое потребовалось Березину, чтобы утихомирить Иру.

– То есть ты ничего не делал.

– Делал. Поговорил с ним по телефону при тебе. Это все-таки относится к «повлиял», – невинно (вот смех-то) улыбнулся Влад.

Я молча убрала плед, привела в порядок подушки и сложила диван. В животе потревоженным медведем ворочалась тревога. Страшно подумать, что там происходит с Ругаловой. Как бы я чувствовала себя на ее месте? Преданной? Обиженной? Расстроенной? Все вышеперечисленное и по несколько раз. Хотя, если уж быть до

конца честной, я в такую ситуацию и не вляпалась бы. Мне почему-то хватило мозгов не отзываться о Леше неуважительно. С другой стороны, на это и повода не было. Разве Влад давал ей его?

– Успокойся, – флегматично уронил Яблонев, и я обнаружила саму себя расхаживающей по комнате перед ведьмаком, сидящим на ковре по-турецки.

– Не могу. Она посчитает, что я ее предала.

– Меньше думай о том, кто там что считает. В мире не существует случайностей, но применяются миллиарды возможностей. Не случилось бы это, произошло что-либо другое, приведшее ровно к такому же результату.

– Ты заканчивал курсы ораторского искусства?

– Нет. Я одарен с рождения.

Встретившись с его нахально-веселым взглядом, я приснула.

– И что дальше?

– Если мы хотим попасть к Насте к шести и немного прогуляться, то нам пора выдвигаться, – кивнул Влад на электронные часы.

– А где она живет?

– Знаешь высотку на повороте на Красноармейский?

– Там, где на первом этаже спортклуб?

– Ага. У нее там двухуровневая квартира.

Я едва удержалась от присвиста. Помня, что Захарова самая старшая в их компании и единственная, кто зарабатывает не только своими способностями, но и талантом, я предполагала, что живет она обеспеченно... Но даже представлять не хочется, во сколько ей обошлись такие апартаменты.

Убедившись, что в квартире все чисто и ничто не выдаст маме присутствия Влада или мой прогул, мы с Яблоневым вышли на лестничную площадку. Пока я закрывала дверь, привычно ориентируясь в темноте подъезда, ведьмак пошел вверх.

– Влад? – отчего-то шепотом позвала я. – Ты зачем туда?

– Давно лампочка не горит?

– Да она перегорает почти сразу, как ее меняют. Старшая по подъезду обещала вызвать электрика, но что-то пока он до нас не добрался.

– Сомневаюсь, что электрик тут поможет, – тихо проговорил Влад, и от его тона по спине пробежал неприятный холодок. Странное

чувство, похожее на то, как перед уколом протирают кожу проспиртованной ваткой. – Здесь что-то есть, и оно не любит свет. Слабая некротическая волна, скорее ее следы... Я бы не заметил, если бы не вышел вместе с тобой...

– Что такое «некротическая волна»?

– Энергия мертвых, – пояснил Влад. – Собирай вещи, которые тебе нужны для ночевки. Пока я с этим не разберусь, ты сюда не вернешься.

– Что? Какая ночевка? Где? – вовремя перешла я на шепот, помня, что стены тут тонкие, а соседское любопытство никто не отменял.

– У меня, – терпеливо ответил Яблонев, приложив обе ладони к стене. – Совершенно очевидно, что сущность интересуешь ты. Твоя яркая и мощная энергетика для нее все равно что самый вкусный ужин для гурмана.

– Ничего не понимаю!

– Иди. Собирай. Вещи, – непреклонно повторил ведьмак, и сейчас в его голосе действительно слышался кто-то чужой, властный и холодный, как могильный камень. – Я твой практикующий, и сейчас не та ситуация, чтобы со мной спорить.

– У меня еще и мама есть, практикующий, – отрезала я, не спеша снова открывать дверь.

– Твоей маме ничего не угрожает. Сейчас я хочу, чтобы ты поверила мне, взяла нужное и вышла из этого подъезда за руку со мной.

Тяжело вздохнув, я заскрежетала ключом в замке, шагнула в прихожую, открыла шкаф-купе и достала с нижней полки свою походную, уже собранную сумку для ночевки. После последних посиделок у Ирки, на которые я собиралась ужасно долго, перерывая свои вещи в поисках подходящей пижамы и нужных мелочей для личной гигиены, к следующим я собралась заранее. Кто бы мог подумать, что этот мудрый ход пригодится так быстро.

– Рекордная скорость, – оценил Влад, когда я, распираемая недовольством и раздражением, вернулась к нему.

Парень взял меня за руку, едва я спрятала в сумку ключи, и мы вместе вышли в зимний вечер, покидая темный, внезапно превратившийся во враждебный подъезд.

– Объясняй, – буркнула я, едва мы вышли на проспект.

– Сначала ты мне скажи: у вас в доме кто-нибудь умирал в последние полгода?

– В нашем подъезде точно нет, а в остальных не знаю, – нахмурилась я, сбитая с толку его вопросом.

– А сумасшедшие у вас в подъезде жили? Неадекватное поведение, серьезные трагедии, потрясения...

– У Виталины Андреевны с пятого этажа сын разбился на мотоцикле осенью, но он здесь не жил, – припомнила я, в последний момент передумав говорить категоричное «нет». – Она и в самом деле странная, но ее можно понять, человек такое горе пережил. Единственный сын, муж умер от болезни пару лет назад, понятно, что старушка немного двинулась. – Я пожала плечами.

– Пятый? Я так и думал, что тянет выше третьего... – покивал Влад. – Когда начались проблемы с освещением?

– Месяца три или четыре назад, – припомнила я.

– После октября? – вскользь уточнил Яблонев, доставая сигареты и зажигалку.

– Да, наверное. – Я выжидающе посмотрела на него, взглядом давая понять, что теперь его очередь отвечать на вопросы.

Кивнув, темный прикурил, затянулся и выдохнул дым через нос. Смотрел он куда-то вперед, явно не задумываясь о дороге, зато все вокруг точно думали о нем. Перед нами буквально расступались, никому и в голову не пришло ожидать, когда их обойдем мы. Видя подобное впервые за весь свой огромный стаж пеших прогулок по людным улицам, я про себя сравнила Яблонева с ледачком со мной на прицепе. Он шагал быстро и неотвратно, пружиня шаг и в то же время делая это легко и обыденно, словно вокруг вообще никого не было. Похоже, что-то на уровне инстинктов сталкивало людей с его форватера.

– Когда люди испытывают сильные негативные эмоции на протяжении долгого времени в одном и том же пространстве – это чревато самыми разными последствиями, – заговорил Влад, отправив окурок в урну возле цветочного магазина, мимо которого мы шли.

– Ого, ты все-таки решил рассказать мне, какого черта там произошло и почему я должна ночевать сегодня у тебя дома?

Если первое все еще меня злило, то второе определенно пугало. Ночевка у парня дома – не то, что можно принять спокойно,

независимо от происходящего и сути отношений между парнем и девушкой. В глубине души я надеялась, что к вечеру все как-то решится и мне не придется звонить маме, врать ей, а потом оставаться на ночь под одной крышей с Владом. Слишком быстро, слишком неправильно, слишком... заманчиво. Одно большое «слишком».

– Смотри. – Яблонев вынул из кармана обыкновенную пятирублевую монету, начисто проигнорировав мой выпад. – Вот это, – он постучал по решке, – мир живых. А это, – ведьмак перевернул монету, – мир мертвых. Практикующие видят вот так, – на свет появилась еще одна монета, и Влад приставил решку к орлу. – Верящие люди, мистически настроенные или те, кто успел прикоснуться к миру мертвых, например пережив клиническую смерть, могут чувствовать холод его обитателей, чужое присутствие, получать вещие сны, но все же лишены способности видеть. Для простых смертных существует это, – Князь постучал пальцем по ребру монеты, – стена между мирами, подкрепленная недоверием, скепсисом и страхом. Знаешь, что самое главное во всем этом?

– Что большинство людей понятия не имеют, с чем или кем соседствуют? – предположила я, распутывая шарф, умудрившийся заплестись вокруг ремешка сумки. Неплохая причина, чтобы не смотреть Владу в глаза и не выдавать, насколько все это потрясало. Вещи, о которых я раньше не задумывалась, оказывались важной частью моей реальности.

К такому нужно было привыкать, но каждый день сваливалось что-то новое, и времени просто не хватало. Я вообще сомневалась, что тут применим принцип медленного захода в воду. Либо сразу верить, либо нет. Я верила, и от этого было еще тревожнее.

– То, что мир мертвых видит все, – пояснил ведьмак.

– Ты понимаешь, как зловеще это прозвучало? – передернулась я, радуясь, что мы на улице, а не где-нибудь в темной комнате заброшенной в лесу хижины, где в каждом скрипе полов и стуке в окно мерещится нечисть и прочие ужасы.

– Неважно, как это звучит. Интонация не влияет на правду.

– И как вся эта лекция, пошатнувшая мое мироощущение, относится к чертовщине в моем подъезде? В смысле, я понимаю, что это какое-то последствие застоявшегося негатива, но только какое именно?

– Пока не могу сказать точно, нужно смотреть как следует, на уровне, с которого все исходит, и с соответствующими инструментами и защитой. Думаю, что у старушки в квартире все уставлено вещами усопших или их фотографиями, а ее горе и неспособность жить дальше, не думая постоянно о тех, кого она потеряла, притянуло душу сына или мужа, возможно, обоих. Чем дольше это тянется, тем агрессивнее становятся духи, запертые между мирами, и появляется возможность трансформации. Если корабль долго стоит на якоре, встречая бурю за бурей, в конечном итоге он превращается в рухлядь. В нашем случае – опасную, крадущую чужую энергию сущность.

– Как именно он крадет энергию?

– Создает ситуацию, при которой человек испытывает отрицательные эмоции вроде страха или гнева. Поглощая их, сущность становится сильнее, и если практикует подобное годами – справиться с ней непросто.

– Поэтому ты не все приемы проводишь дома? У некоторых нужно смотреть квартиры?

– Да. Не только квартиры. Один раз меня позвали на склад стройматериалов, где творилась чертовщина. Ни дня без травмы у какого-либо работника, частые замыкания, холод, некоторые слышали шаги и смех... Классика, – щелкнул пальцами Влад. – Чем больше страха получает сущность, тем круче веселится и больше себе позволяет. Пару лет назад у меня был случай, когда сущность подселась к молодой семейной паре, выгоняла мужа из спальни внушением и ложилась в кровать к жене каждую ночь. Тревогу они забили, когда парень в одно раннее утро обнаружил себя становящимся на подоконник. Сущность вообразила, что она подходит девушке больше.

– Неужели все это случается сплошь и рядом? – не поверила я, впечатленная случаями из практики Яблонева.

– Чаще, чем ты думаешь, – коротко утвердил Влад. – Не все успевают вовремя обратиться, не всем мы физически успеваем помочь.

– Целители тоже работают с миром мертвых?

– Целители предпочитают мир живых, разбираться с болячками, пропавшими без вести людьми, порчами, чисткой энергетики... Могут залезть и к мертвым, но это скорее как... – ведьмак запнулся,

подыскивая слово. – Темные там как коренные жители, а светлые – проезжающие мимо туристы. Исключение – медиумы.

– Понятно.

– Правда?

– Я стараюсь, – взмахнула я руками. – И меня саму раздражает, что я бесконечно сыплю вопросами!

– Это нормально, – хмыкнул Яблонев. – Лучше спросить и получить ответ, чем строить догадки. Даже Миркова первые полгода одолевала Прахову игрой «Сто один вопрос».

– Она действительно настолько хороша? Идеальный фамилляр и все такое...

– Идеальных не бывает. Интерес к идеалу вызывает только его недостижимость. Куда любопытней соотношение достоинств и недостатков.

И мой практикующий снова попадает в яблочко со ста метров.

– Ты сбежал от ответа.

– Только потому, что вопрос лишен нормальной формулировки. – Влад кивнул какому-то мужчине, обошедшему нас слева. – Что значит «насколько хороша»? Ответ будет меняться в зависимости от того, кому адресован вопрос. Спросишь Варвару, она и раздумывать не станет, скажет, что Саша самая-самая.

– Я спросила тебя, – покосилась я на темного.

– Что ж, в таком случае «насколько хороша» для меня можешь оказаться только ты, и то после обучения и приобретения опыта. Для каждого практикующего всегда в приоритете собственный фамилляр, – улыбнулся краешком рта Яблонев.

К дому, где жила Захарова, мы подошли в более приподнятом настроении, чем покинули мой. Разговор больше не заводился, но и молчание не тяготило. Вышагивая в ногу с ведьмаком (что получалось само собой) в быстром темпе вниз по проспекту, я раздумывала о приобретении тетради, в которую записывала бы все, что говорил Влад о мире практикующих. Уже узванного хватило бы на десяток листов мелким почерком.

Духи, сущности, ипостаси каждого человека, энергетика, некроволны, специализации практикующих... Я словно на мистическом факультативе, и пока Яблонев пичкает теорией, но

практика точно не за горами. Не хочется даже прикидывать, каков окажется экзамен.

Зайдя в подъезд под пиканье домофона (вопрос «кто там?» не прозвучал), мы с Владом, переглянувшись, двинулись к лестнице, игнорируя лифт. Закрытое пространство, тесная душная клетка – точно не про нас. Поднявшись на четвертый этаж и, к счастью, не встретив по пути ни одной кошки, я с ходу определила, какая дверь вела в квартиру Захаровой.

– Это же оно? – кивнула я на белоснежную железную дверь, впервые видя подобное. Что удивительно, она была совершенно чистая: без надписей, грязных брызг и еще каких-либо деталей, портящих вид. Магия, не иначе.

– Твоя сообразительность выше всяких похвал, – бросил через плечо Влад, прежде чем потянуть дверь на себя. Ну да, если Настя нажала на кнопку домофона, то и дверь открыла заранее, точно.

Оказавшись в просторной полукруглой прихожей с разрисованными стенами, изображающими четыре времени года, я залипла на переходы осенней листвы в снежинки. Вот уж действительно с ходу ясно, что квартира принадлежит художнику. Не удивлюсь, если Захарова это сама рисовала.

– Так и есть, – кивнул Влад, подмигнув, когда его настиг мой очередной укоряющий взгляд. – Подожди, увидишь зал-кухню.

– А где она сама? – шепотом спросила я, когда мы повесили верхнюю одежду на винтажную напольную вешалку и разулись. Ни шкафов, ни обувных полок, ни ряда из тапочек для гостей, ни зеркал здесь не было.

– Перед тобой, – вышла девушка из арки, над которой как раз переплетались осень и зима, особо привлёкшие мое внимание. Возможно, из-за этого я и не заметила входа в комнату.

Выглядела Анастасия не менее эффектно, чем в нашу первую встречу. Белый комбинезон в косую черную полоску с рукавами, правая балетка – черная, левая – белая, черная помада, белые тени, белоснежные волосы собраны в хвост черной резинкой. Все продумано детально, но схватить образ сразу все равно не получается, только черно-белое пятно. Уверена, она делает это специально.

– Я поставила чайник, – практикующая кивнула нам следовать за ней и снова исчезла в комнате.

Едва в ней оказавшись, я сразу же поняла, о чем говорил Влад. Кухня, совмещенная с залом, – уже само по себе оригинально и современно, но цветовое решение и выбранный стиль просто выбивали дух. Тему задавала дальняя стена, сделанная в виде картины, изображающей северное сияние, снежные поля и полярную лису, гордо стоящую в центре своих владений. То, что они принадлежали ей, не ставилось под сомнение. Приглядевшись, я заметила разноцветные глаза, те же оттенки, что и у хозяйки квартиры.

Пустое пространство у стены зрительно увеличивало комнату, и казалось, что в той стороне действительно находится кусочек ночного севера.

– Потрясающе, – выдала я, подходя по белому, словно меховому ковру ближе, мимо белого дивана с фиолетовыми и серыми подушками. Весь интерьер перекликался с цветами северного сияния, что было особенно заметно благодаря мелким деталям вроде ваз, сиденьям и спинкам стульев за круглым обеденным столом и кухонному фартуку. Наверняка все это стоит целое состояние...

– Благодарю. Я работала над этим несколько лет, – подошла ко мне Анастасия. – Лисица особенно не хотела поддаваться. Впрочем, лисы вообще создания строптивые, правда, Влад?

– Истинно так, – чуть помедлил Яблонев. Обернувшись, я застала ведьмака за разливанием кипятка по пяти кружкам. Значит, Ира и Леша уже на подходе.

– Поздравляю вас с заключением связи, – снова заговорила Захарова, когда мы устроились с чаем и вазочками с разными вкусностями за столом. Несмотря на то что он был круглый, у меня все равно сложилось впечатление, что Настя сидела во главе. – Рада, что ты посчитала его достойным твоего доверия.

– Спасибо, – не нашлась я, что еще сказать.

– Не нужно благодарности за факт, тем более когда на самом деле ее не существует, – приподняла белесую бровь Захарова, и я завозилась на стуле, переполненная неловкостью и смущением. – Ты еще не объяснял ценность слов?

– Нет, – качнул головой Влад. – С удовольствием уступлю это тебе.

– Представь, что каждое слово – это единица. – Анастасия сжала в ладонях бока чашки, посмотрев на меня из-под ресниц. – Единицы

ставятся тогда, когда слово произнесено правдиво, с соответствующей ему эмоцией. Если слово есть, а эмоции нет – это ноль. А если произнесена ложь, то это минус единица. Истина или ложь, подкрепленные эмоцией, влияют на энергетику человека и окружающее его пространство самым разным образом. Вплоть до кардинальных перемен в его мироощущении и месте в жизни. С рождения у каждого ведется подсчет, и по итогу лучше оказаться в плюсе.

– Тогда все вруны в глубоком минусе, – вставила я, заинтересованная такой гипотезой. Становится понятно, откуда растут ноги у принципа честности Влада.

– Как правило, да.

– Но все время говорить правду тоже невозможно. Иногда соврать необходимо.

Чего далеко ходить, мне через час звонить маме и рассказывать про то, что у «Ирки кое-что случилось, могу ли я сегодня у нее переночевать, ну, пожалуйста, это очень-очень-очень важно». Лучше это, чем выдать всю подноготную с сущностями, перегорающей лампочкой и необходимостью чуть ли не ритуал экзорцизма провести.

– И это верно, – согласилась Захарова, поднимаясь. – Без минусов не существует плюсов, они обесцениваются.

Прозвучала трель домофона, Настя вышла из-за стола, чтобы открыть дверь Березину с Ругаловой. Занимательная арифметика слов мигом вылетела у меня из головы, я беспомощно посмотрела на Яблонева, так и не придя к окончательному решению, как себя вести.

– Все будет в порядке, – серьезно ответил темный, взяв меня за руку. – Посмотри мне в глаза. – Я сделала, как он велел, встречаясь со спокойствием свинцовых туч, плывущих по серому небу. – Ты знаешь, чего хочешь. Уже знаешь. Все остальное лишь попытка угодить самой себе в соответствии с категорией «правильно». Только вот «правильно» вещь весьма индивидуальная и субъективная. Где-то собак считают за членов семьи, а где-то едят.

Поморщившись, услышав гадкий пример, я уставилась в стол, в целом понимая, на что указывал Влад. Просто старалась обмануть саму себя. Самообман вообще предмет занятный.

Я хотела, чтобы Ирка получила за свое отношение к Владу и слова, которые мне наговорила. Почему проблему создала она, а от

представления различных ее последствий пухнет моя голова? К черту «правильно», сократим все до основ: виновата, вот пусть и отвечает.

В зал вернулась Захарова, неся в руках деревянную лакированную шкатулку. Сомневаюсь, что там еще одни конфеты к чаю. Поставив ее в центр стола, практикующая снова взялась за чашку, присаживаясь.

Слыша возню светлых в прихожей, я сильнее сжала руку Влада, и он опустил наши переплетенные пальцы под стол, не дав мне отстраниться.

– Добрый вечер, – поздоровался Леша, кивнув нам с Яблоневым, прежде чем занять место напротив моего практикующего. Следом за целителем за стол опустилась Ругалова, избегая моего взгляда. Это было особенно трудно, учитывая, что находилась я прямо перед ней.

Действо походило на суд, и, по сути, это он и был. Захарова – судья, Влад – обвинитель, Леша – адвокат, я – потерпевшая сторона, а Ирка – ответчик. Сумасшедший дом.

– Итак. Кто-нибудь хочет что-нибудь сказать, прежде чем я начну? – поинтересовалась Настя, обводя изучающим взглядом всех присутствующих.

– По идее, перед клятвой должны прозвучать извинения, – напомнил Влад.

– Я не собираюсь извиняться за свое личное мнение, – отрезала Ругалова, и все мое сочувствие испарилось под жаром обиды.

– Личное мнение остается личным до тех пор, пока у него не появляются слушатели, – вставила Захарова, и над столом повисла неловкая тишина. Похоже, заставить окружающих чувствовать себя не в своей тарелке – ее специализация.

– Я хочу поговорить с Агатой наедине, – выпалила Ирка, резко выпрямившись.

– Да черта с два, – хлестнул Яблонев. – Ты уже поговорила утром.

– Боишься того, что я могу сказать? – ядовито поинтересовалась Ругалова.

Ее тон и интонации всколыхнули во мне все самое плохое. Будь я собакой, вздыбила бы шерсть. Как она смела после всего, что наговорила утром мне, продолжать так же разговаривать с Владом сейчас, когда мы все собрались в доме Захаровой из-за того, что начала она?

Глубокий вздох не помог, только привлек внимание Яблонева вместе с сильным сжатием его руки. Ирка продолжала прожигать ведьмака взглядом из серии «кишка тонка?», и странная смесь превосходства и подначивания на ее лице стала последней каплей в рюмке моего терпения.

– Прекрати! – рявкнула я, скрипнув зубами. – Плевать мне, что ты про него скажешь, неужели не ясно? Ау, мы заключили связь! – Я подняла над столом наши переплетенные руки, не встретив со стороны Влада никакого сопротивления. – Лошадка, прием! Я, конечно, новичок во всем этом, мне пока неизвестны точные формулировки и описания происходящего на всех планах, но в одном я уверена на сто процентов, – к концу фразы я перестала узнавать свой голос, слыша в нем слишком много рычащих нот. Горло вибрировало, десны чесались, и, готова поклясться, нос улавливал потную конину. Фу. – Если ты еще раз скажешь о моем практикующем что-то, что я посчитаю за оскорбление, все закончится плохо. Гарантирую.

Не знаю, откуда пришли эти слова, но вот в их правильности я была абсолютно уверена. Понимаю Алену, напавшую на Иру за то, что та толкнула ее практикующего в сугроб. От представления Влада на месте чужака где-то в груди заклокотала ярость. Стало трудно дышать, я сжала свободной рукой край стола, стараясь думать о чем-то некроважном, чем-то приятном и расслабляющем, лишь бы не открыть рот и не выстрелить еще парой-тройкой угроз.

– Агата...

– Не говори сейчас с ней, ты что, не видишь, что она на пределе? – тихо попросил Влад, в то время как Березин отодвинул потянувшуюся ко мне Ругалову подальше. – Агата, пойдем со мной.

За ручку, как маленького ребенка, Яблонев вывел меня из зала и провел через прихожую. Под ногами появились черные кованые ступеньки, и я послушно зашагала следом за ведьмаком вверх, с каждой секундой чувствуя, как в голове проясняется и исчезает удушливый алый туман гнева. Парень дернул ручку ближайшей двери, за которой оказалась ванная. Разумеется, стильная, серо-коричневая, с душевой кабиной вместо ванны, полами с подогревом и встроенными светильниками.

– Тш, – Влад прижал меня к себе, обняв обеими руками. – Все хорошо. Дыши со мной.

Он глубоко вздохнул, и я втянула носом воздух, потираясь щекой о его восхитительно мягкий свитер. Пальцы темного оказались в моих волосах, как и почти весь день до этого, и я прикрыла глаза, пытаюсь затеряться в накатывающих волнах умиротворения и спокойствия.

– Я вышла из себя, – пробормотала я.

– Нет. Выйди ты из себя, нам пришлось бы оттаскивать тебя от Иры. По секрету, я бы не спешил.

– Что случилось? – кое-как подавила я улыбку.

– Ты разозлилась. Агрессия вытащила на первый план инстинкты, те выцепили сущность фамильяра, после чего на короткое мгновение появилось слияние с той самой силой, обращаться с которой мне предстоит тебя научить.

– Я и раньше злилась, но при этом рычание не раздирало мне глотку.

– Это было до того, как мы заключили связь. Рядом друг с другом мы сильнее.

– Я все испортила, – покачала я головой, не спеша отстраняться от ведьмака.

– Наоборот.

– В смысле?

– Ты все расставила на свои места. Если до этого до Иры, несмотря на все наши попытки, не доходило, что ты – мой фамильяр, то теперь она это поняла.

– Хочешь сказать, мне нужно было сразу пригрозить ей?

– Не скрою, мне понравился этот момент, – улыбнулся Влад. – Пожалуй, впервые в жизни за меня заступилась девушка. Двойное ощущение.

– Не мог бы ты вернуться к объяснениям? – заворчала я.

– Хочу сказать, что она отказывалась разграничивать тебя-подругу и тебя-фамильяра другого практикующего, а теперь эти границы появились сами. Тебе легче?

– Вроде бы да, – прислушалась я к себе. – Только есть хочется.

– Потерпи. У меня в холодильнике тебя дожидается кусок свинины, способный стать отличной отбивной.

– На косточке?

– На косточке.

– Красота, – сглотнула я слюну.

Вернувшись в зал, мы обнаружили остальных на тех же местах, где и оставили. Захарова рассматривала дно своей кружки, не обратив на нас никакого внимания. Березин особо внимательно посмотрел на меня, а Ира выпрямилась на стуле так резко, словно кто-то ее в спину уколол.

– Если на сегодня истерики и прочие эмоциональные выступления закончены, то предпочту приступить к делу. Вы меня утомляете, – заговорила Настя, едва мы с Владом снова опустились за стол. Ленца, с которой она это произнесла, больше указывала на констатацию факта, чем на издевку, и мне подумалось, что своими разборками мы и впрямь «наследили» в ее квартире.

– Практикующий обвиненного фамильяра желает высказаться в его защиту? – посмотрела Настя на Лешу.

Ну, точно суд.

– Я согласен с претензией Яблонева и предложенным им решением, – спокойно ответил Березин, глядя перед собой. Понятное дело, его не устраивало собственное согласие не меньше, чем меня – нападки Ирки.

– Прекрасно.

Скользнув взглядом по мне и Владу, Анастасия придвинула к себе шкатулку и откинула ее крышку. Я не видела, что внутри, но Захарова достала маленький пузырек с прозрачной жидкостью, плоский белый камушек и тонкую иглу. Просто-таки набор «Кровавая дань». Следом на свет показалась тонкая желтая свечка, Настя чиркнула длинной спичкой, похожей на ту, что я видела ранее у Влада, и над столом запахло горящим воском и пряностью, от которой чесалось в носу.

– Протяни левую руку, – указала Анастасия Ире, и та несмело, под кивок Березина, выполнила требование хозяйки квартиры.

Не знаю как, но моя рука вновь переплелась с рукой Влада под столом. Оставаясь внешне невозмутимым, Князь погладил большим пальцем мои костяшки успокаивающим движением. Настя откупорила пузырек, опустила в жидкость иглу, схватила Иру за указательный и посмотрела Ругаловой в глаза. Не знаю, что это был за взгляд, и пусть направлен он был не на меня, но все равно стало не по себе.

– Повтори за мной с соответствующей эмоцией и верой в произносимые слова: «Кровью и родом клянусь больше никогда не предпринимать попыток повлиять на связь фамильяра и

практикующего, заключенную между Владом Яблоневым и Агатой Вольской, каким-либо способом».

И вроде бы слова простые, но почему-то моя тревога-медведь вернулась, нервно топчась в животе. Ира повторила сказанное Захаровой слово в слово, чуть запинаясь и теряясь на окончаниях, но это было искренне. На личном опыте я заметила, что неуверенность – это тень честности. Если нет тени – предмета не существует, он лишь иллюзия. В голосе Ругаловой мой чуткий слух уловил и дрожь, и скомканность, и даже намеки на заикание.

Одним быстрым движением Захарова уколола палец Иры иглой, надавила посильнее и, когда алая капля упала на белый камень, сказала:

– Запоминаю, принимаю и храню. Будет клятва нарушена – накажу.

В ушах застучали барабаны, на голове зашевелились волосы, руки покрыла гусиная кожа. Каждое слово Анастасии словно падало в пустой колодец, создавая эхо, и я внезапно поняла, что в квартире похолодало. Сквозняку неоткуда было взяться, и все же лепестки цветов в вазах от чего-то трепетали.

Иру была крупная дрожь, я раскрыла рот, но Влад дернул меня за руку. Взгляд ведьмака, цепкий, серьезный и опасный, велел сидеть тихо, смирно и не влезать в то, чего я не понимаю. Хороший совет, которому я последовала, вжавшись в спинку стула.

Все оборвалось сразу, как Анастасия положила камень в шкатулку, закрыла крышку и задула свечу. Ирка оказалась под рукой Березина так быстро, что я даже не поняла, как это произошло.

– Теперь, – Захарова сложила руки на столе, как примерная первоклашка, – девочки на выход, мне есть что сказать мальчикам наедине. Говоря «на выход», я имею в виду «на улицу».

Я неуверенно посмотрела на Влада, столкнувшись сразу с несколькими проблемами. Во-первых, не хотелось так скоро оставаться один на один с Ругаловой, а во-вторых, терять из поля зрения ведьмака. Оставлять Князя одного в компании других практикующих при таких странных обстоятельствах чувствовалось мне в корне неправильным. Судя по тому, как замялась Ирка, не мне одной так казалось.

– Я тихо говорю? – Голубой глаз Захаровой посмотрел точно на меня, и весь ее черно-белый образ растаял, как дымка, обнажив настоящего хищника, не привыкшего повторять дважды. Начинаю понимать, почему остальные отзываются о ней так осторожно.

– Агат, все в порядке, – кивнул Влад, отпустив мою руку, и одобрение в его глазах вряд ли мне почудилось.

Настороженно покосившись на Захарову, вновь уделившую все свое внимание кружке с чайниками, я выбралась из-за стола и вышла в прихожую следом за Ирой. Не говоря ни слова, мы принялись обуваться, стараясь не задевать друг друга. Более неловкой ситуации в моей жизни еще не случилось. Разве что сказанная в седьмом классе про классную руководительницу гадость, в то время как она стояла за спиной.

Выйдя на лестничную площадку с сумками, мы, не сговариваясь, рванули в разные стороны. Ира метнулась к лифту, а я к лестнице. Небольшая отсрочка в минуту ничего не решила, и мы снова столкнулись на улице у подъезда.

– Сумка для ночевки? – заговорила Ирка первой, резко повернувшись ко мне лицом.

– Ага.

– Ты серьезно собираешься на ночевку к нему?

Вот чего она опять начинает?

– У тебя серьезно отключился инстинкт самосохранения? Я, конечно, не эксперт, но, по-моему, осуждение в твоем голосе подходит под категорию «влияние», – сухо указала я, поначалу вовсе не собираясь что-то говорить.

– Я интересуюсь как друг, – вздернула нос Ругалова.

– То есть мы все еще друзья?

– А ты считаешь, что нет? Хорошо-хорошо, прости за «блохастую», я перегнула, сама знаю, – подняла руки вверх Ира. – И вообще отреагировала слишком бурно, – закатила она глаза, давая понять, что это не ее слова, а, скорее, Березина.

– Что-то еще?

– Ну... Я не хотела замечать того, что ты показала там. – Она кивнула вверх. – Не хотела признавать в тебе фамильяра, не подумала... Может, мы остановимся на том, что я просто не подумала?

– Удивительное дело: мы всегда останавливаемся на том, что ты «просто не подумала»! – не выдержала я.

– Ну, вот такая я!

– Что за детский сад! «Ну вот такая я, смиришься» – аргумент для бойфренда, а не для ЛПНВ!

– ЛПНВ?

– Лучшая подруга на века, – расшифровала я. – В книге вычитала.

– В бульварном чтении, которое ты глотаешь пачками?

– Не переводит тему!

– Это я-то перевожу тему? Ты собиралась мне там голову откусить, а теперь еще и строишь из себя несчастную! До этого я не видела в тебе того, что видят все они! Я думала, что ты не чувствуешь себя фамильяром и просто ведешься на то, что тебе льют в уши.

– А сейчас ты что думаешь? – Я скрестила руки на груди.

Ругалова глубоко вздохнула и отвернулась, уставившись на двор. Не первый день ее зная, я была уверена, что она пытается перебороть себя и по-настоящему извиниться. У нас обеих были с этим проблемы, чаще, через пару дней после ссоры, мы виновато переглядывались, кивали и начинали общаться как ни в чем не бывало. Но не в этот раз, и Ирка тоже это понимала.

– Я ошиблась, и мне жаль, что все так вышло. Я с самого утра была в плохом настроении и когда узнала, что ты согласилась на его предложение, вышла из себя. Прости. Мое отношение и подозрительность, когда дело касается темных практикующих, не должны... ну... влиять на мое отношение к тебе. Ты мой друг, и неважно, кого еще ты считаешь близким себе. Я в состоянии с этим смириться. Правда. Постепенно.

Мне удалось дослушать до конца, не уронив челюсть на обледеневший и местами посыпанный реагентом асфальт. Все слова Ирки точно были под знаком плюс, я чувствовала их искренность, а заодно осторожность, с какой она обходила возможные заступы на клятву, данную Захаровой.

– Честно говоря, я тоже маху дала. Знала же, что ты не в восторге, и позволила себе вспылить... Колготки тебе эти припомнила...

– Я их выкинула, – перебила Ирка, и я прыснула. – Они все равно напоминали бы мне о позоре, так что...

– Обнимашки, – закончила я, заключая подругу в крепкие объятия, особо неудобные из-за толщины верхней одежды и навязчивого запаха ее кожаной куртки.

– Обнимашки, – подтвердила Ирка, стиснув меня не хуже медведя. Интересно, каков захват у Потапова и можно ли из него выбраться?

– Так что с сумкой для ночевки? – осторожно напомнила Ругалова, когда мы отлепились друг от друга.

– Что-то вроде вынужденной меры, – скривилась я. – Помнишь, у меня в подъезде лампочка все время перегорала? Влад почувствовал что-то, сущность...

– О боже, – раскрыла Ирка рот, и ее и так большие карие глаза стали на пол-лица. – Она прилепилась к тебе?

– Не знаю, Влад сказал, что разберется с этим завтра, а пока мне лучше переночевать у него.

– Понятно, Леша рассказывал мне, что для мира мертвых энергетика фамильяров все равно что свет маяка в бурю, – забормотала Ругалова. – Тогда, конечно, Яблонев...

– Заботится обо мне, – подвела я черту. – А я о нем.

Вместо ответа Ирка сделала вид, будто застегивает рот на замок, а ключ выбрасывает за спину. К тому времени как из подъезда вышли наши практикующие, мы болтали о парах, отсидеть на которых нам предстояло послезавтра. Выражение их лиц, одинаково скептических и передающих что-то в духе «я так и знал», были воистину бесценны, не говоря уже о красноречивом переглядывании. Впрочем, как и полагается хорошим девочкам, мы с Ирой сделали вид, что ничего не заметили.

Направляясь к машине Березина, великодушно предложившего подвезти нас до дома Влада, я поймала себя на мысли, что в последнее время «делать вид» входит у меня в привычку. Что-то подсказывало, что она относится к дурным.

Глава 16

Леша высадил нас на остановке рядом с парком в районе Влада. Попрощавшись со светленькими, мы повернули к проходу через площадку с беседками ресторана. Яблонев молчал всю дорогу, глядя в окно и не участвуя в разговоре, молчание продолжилось и за пределами машины. Едва мы вышли на аллею парка, ведьмак закурил. В темноте над нами захлопали крылья, раздалось хриплое карканье, и вдоль дороги, один за другим, погасли фонари. Некоторые фильмы ужасов начинались проще.

– Что случилось? – рискнула я. – И не говори, что ничего, я вижу, что ты чем-то расстроен.

– Я озадачен, а не расстроен, – пояснил Влад.

За спиной, едва мы проходили мимо, снова появлялся свет. Смешно, но он как будто боялся Влада. Или все же в каждой шутке есть доля правды...

– Твоя работа?

Яблонев махнул рукой, проследив за моим взглядом:

– Такое часто случается. В основном, когда я перестаю контролировать влияние собственной энергетики на окружающее пространство.

– Это как?

– Представь наполовину заполненную теплую ванну, в которую внезапно вместо горячей воды пустили холодную.

Влад щелкнул пальцами, выбрасывая окурок в урну, по-прежнему не пересекаясь со мной взглядами. Да что происходит? Весь день до этого мы были одной командой, но стоило ему посидеть в обществе других практикующих без меня, как все испортилось!

– Тебя озадачила Захарова?

– Она не сказала ничего, чего я бы не ожидал услышать, – ускорил шаг Яблонев.

– Ладно. – Я остановилась. – Я еще не звонила маме, никуда не отпрашивалась, так что вполне могу прямо сейчас развернуться и поехать домой. Плевать мне на сущность в подъезде, или как там эту

штуку правильно назвать. Уж одну ночь как-нибудь потерплю, раз полгода до этого она не особо меня трогала.

– Первая трудность, и ты в кусты? – усмехнулся Влад. – Между нами говоря, я не попытался сбежать ни разу, несмотря на твое настроение.

– Я не пытаюсь сбежать! – возмутилась я. – Я не знаю, что лучше: уйти или остаться?

– Никогда не думай, что лучше. Всегда спрашивай себя, чего хочешь ты сама, – ведьмак полностью обернулся ко мне. – Ты хочешь сегодня остаться со мной или вернуться домой?

Я тяжело вздохнула, зная ответ. И он тоже, не сомневаюсь. Вот только зачем заставляет произносить его вслух, если нам обоим все понятно?

– Нет-нет, – покачал головой Влад. – Это *мне* все понятно, а ты сомневаешься. Иногда, чтобы избавиться от тревоги, достаточно проговорить решение вслух.

– Я хочу остаться с тобой.

Надо же. И правда работает. Стоило только сказать, и как будто что-то, тянущее назад, оборвалось. Скорее всего, паутина сомнений, в которой я барахталась с тех пор, как возник вопрос ночевки дома у ведьмака.

– Легче? – Яблонев протянул мне руку.

Поравнявшись с темным, я схватила за его пальцы так же, как в квартире Захаровой. Соприкосновение с практикующим как всегда не принесло ничего, кроме уюта и тепла, и, судя по крепкому пожатию, сейчас они были больше нужны Владу, чем мне. Только по какой причине?

– Да. И тебе, по-моему, тоже, – не удержалась я.

Вместо ответа ведьмак хмыкнул, зашагав вперед. Вскоре аллея осталась позади, а вместе с ней и искусственное освещение. Идя по пустынному парку за руку с ведьмаком, я наслаждалась тишиной, морозным воздухом и игрой лунного света на снегу. Все чувства обострились, каждая тень, шорох, отблеск фар проезжающих где-то за оградой машин улавливались с особенной точностью, в то же мгновение.

Сосредоточенная и замороженная собственным восприятием, я не хотела с ним расставаться, когда впереди замаячили ворота. За ними я

узнала дорогу к дому Влада и, прищурившись, даже разглядела его крышу.

– Агата? – Яблонева вопросительно посмотрел на меня, когда я остановилась, разглядывая поле.

– Не хочу отсюда уходить, – призналась я, не выпуская его руки. – Тут так... спокойно.

– Мы вернемся сюда через несколько часов, когда выведем Кельта на прогулку, – обнадежил ведьмак, проследив мой взгляд на небо. – Скоро полнолуние, понятно.

– Поясни?

– Луна как огромная лупа наших способностей и личностей, и в дни, когда она полностью освещена, все на максимум. Мы сильнее, успешнее, лучше чувствуем окружающий мир. Дни полнолуния хороши для проведения огромного количества ритуалов, высвобождения энергий, программирования перемен в жизни. Что касается фамильяров, то в это время желания и инстинкты ваших звериных сущностей выходят на первый план, подкрепленные удвоенной силой возможностей.

– В смысле, я хочу больше есть, но при этом намного быстрее и слышу лучше, чем обычно?

– Да.

– И, конечно же, есть подвох.

– Конечно же, – кивнул Влад. – Эмоциональное похмелье. В некоторых случаях еще и физическое. Вместе с полнолунием уходит и усиление способностей, а последствия остаются согласно двойной порции.

– Здорово, – пробормотала я себе под нос. – Получается, мне скоро немного сорвет крышу?

– Не факт. Ты все еще не запустила программу связи практикующего и фамильяра, а значит, полнолуние может оказать не такое подавляющее действие.

На подходе к дому Яблонева я заметила одну очевидную, бросающуюся в глаза странность:

– Почему у тебя ни одно окно не горит?

– Потому что дома никого нет, кроме Кельта, а он предпочитает дремать в темноте.

– А твоя мама? – вытаращилась я на темного.

Только не ночевка «наедине», я на это не подписывалась!

– Задержалась у бабушки то ли до завтра, то ли до среды. – Влад открыл калитку. – Ты хотела познакомиться с ней сегодня?

Нет, я всего лишь надеялась, что в доме будет кто-то кроме нас двоих и твоей очаровательной собаки! Помня, что случилось в прошлый раз, когда мы остались вдвоем в кругу свечей...

– Я просто думала, что она уже приехала, – скомканно ответила я, доставая телефон.

– Кстати, о матерях. Тебе пора позвонить своей, – напомнил Яблонев.

– Знаю, – уныло пробурчала я, помахав сотовым и заходя в предбанник для клиентов. – Я, пожалуй, тут поговорю.

– Как тебе удобно, – тактично согласился Влад, исчезая за дверью в дом.

Посмотрев на экран мобильного, высвечивающего восьмой час вечера, я полезла в последние контакты. Вот смешно будет, если мама не разрешит остаться «у Ирки» и мне придется срочно ехать домой. Понятное дело, рассказывать ей про сущность в подъезде язык не повернется.

– Ну и где ты? – встретил меня родительский надзор без приветствий и вводных.

– Мамуль, тут такое дело...

– Начало уже настораживает. Не слышу вокруг тебя шума улицы, ты что, еще в институте?

– Нет, мам, я у Ирки, у нее тут кое-что случилось, – на выдохе выдала я, соображая, в какую сторону повернуть беседу. Всяческого рода виляния никогда не были моей сильной стороной, так что лучше действовать по старинке, то есть в лоб и с размаха. – Можно я останусь у нее сегодня с ночевкой?

– Обалдела? Понедельник, завтра на пары, какая ночевка?

– Ой, ма, завтра их всего две, – закатила я глаза.

– И первая, насколько я помню, физкультура.

– Ну... Значит, у меня будет одна, – прыснула я.

– Очень хорошо. Мы за что деньги платим? Чтобы ты не ходила на учебу?

– Я ничего такого не пропущу. Отработаю в конце семестра, первый раз, что ли? А Ирке нужна поддержка, они с Лешей

поругались, – ввернула я, решив попробовать надавить на женскую солидарность. – Ты в моем возрасте что бы сделала? Осталась с подругой или поехала бы домой ради физкультуры первой парой?

– В твоём возрасте я уже была беременна и мне было не до ночевок.

– Я-то не беременна, чего ты это сюда приплетаешь? – возмутилась я.

– А Ирка?

– Мам!

– Ты сказала, «кое-что» случилось. Учитывая ваш возраст и...

– Мама. Я не беременна. Ирка не беременна. И, похоже, мне потребуется ведерко мороженого, чтобы это отпраздновать, – хмуро сообщила я, ежась от одной мысли о подгузниках, погремушках и пеленках.

– Иди, празднуй, – неожиданно сдался следователь в маме. – Но чтобы завтра была дома. Придешь из института, уберешь квартиру.

– Спасибо, мам! Без проблем!

Убрав телефон, я облегченно выдохнула, потянув на себя дверь. Все прошло лучше, чем могло бы быть, но хуже, чем я ожидала. Беременность. Разуваясь, я покачала головой, не понимая, как ей это в голову пришло.

В тихом омуте, конечно, черти водятся, но ребенок в наши с Иркой двадцать – это не то что омут, а трясина, ступать в которую мы не собирались еще лет пять. Тут хотя бы диплом «выносить»...

Стуча когтями по полу и оповещая весь дом трехкратным «гав!» о моем прибытии, с кухни выбежал Кельт.

– Привет, красавчик! – просияла я, зарываясь в шерсть пса на шее. – Как твои дела?

Дела у Кельта, судя по тому, как лукаво горели глаза и вилял хвост, были лучше всех. Уделив внимание не только шее, но и ушам с подбородком и груди, я все же сумела оторваться от него и зайти на кухню. Влад сидел за барной стойкой, вычерчивая что-то карандашом на обыкновенном тетрадном листке в клеточку.

– Миссия выполнена? – с легкой улыбкой поинтересовался парень, отрываясь от своего занятия и убирая рисунок в карман джинсов прежде, чем я смогла его увидеть.

– Да. Даже почти без потерь, – поделилась я, оглядываясь. – Помнится, кто-то обещал мясо на косточке?

– В холодильнике. Бери все, что приглянется, – указал себе за спину ведьмак. – Мне нужно немного поработать на чердаке, кое-что проверить.

Выглядел Влад едва ли лучше, чем когда вышел из машины Березина. Какова бы ни была причина этой отчужденности, понятно, что мое временное отсутствие только поспособствовало ее укоренению.

– Справишься с готовкой?

В незнакомой кухне чужого дома, понятия не имея, что и где лежит? Да запросто!

– Ну не тебе же ее доверять, мистер «Пригоревшие сосиски», – съехидничала я.

– Меня радует твой инстинкт самосохранения, – усмехнулся темный, выходя из комнаты в компании Кельта.

Впрочем, пес вернулся на кухню почти сразу, наверняка решив, что наблюдать за моим квестом по готовке куда забавнее, чем сторожить лестницу на чердак и ждать хозяина. Открыв дверцу холодильника, я вытаращилась на забитые до отказа полки. У Влада что, полк маленьких невидимых слуг, следящих за тем, чтобы ни одного сантиметра не оставалось свободным? Или же запасливая мама, знающая, что ее сын далек от кулинарии, как и она сама, судя по упаковкам еды быстрого приготовления и пластиковым контейнерам с салатами, продающимися в супермаркетах?

Взяв ради интереса один, я приоткрыла его крышку и повела носом, тут же сморщившись. Судя по запаху, количество майонеза в нем несовместимо с жизнью. Поставив эту убийственную смесь крупно нарубленных овощей на место, я вернулась к поискам мяса, вскоре обнаруживая его на третьей полке.

После продуктов настало время экспедиции за посудой. Чувствуя себя слегка не в своей тарелке, то и дело косясь на рабочую зону матери Влада, я поочередно открывала все дверцы, находя то миксер с мультиваркой, то пустые банки, то полмешка картошки и мусорное ведро. Сковородки и кастрюли оказались в самом крайнем от меня отсеке, составленные в аккуратную стопку и посверкивающие стеклянными крышками. Не удивлюсь, если в них ни разу не готовили.

Постепенно осваиваясь с непривычной техникой и месторасположением всего, вскоре я начала наслаждаться простором кухни. Разговаривая с Кельтом, точнее, рассказывая псу все, что делаю (сама не знаю зачем), я отправила две отбивные на сковороду, хорошенько искупав их в яйце. Трель телефона застала меня за нарезкой салата, и, осторожно положив нож, чтобы он не упал и не дай бог задел растянувшегося у моих ног Кельта, я вышла в прихожую.

Эсэмэска была не от Ирки, как я ожидала, а от Самойловой.

«Привет. Будешь завтра на физкультуре?»

Быстро набрав ответ, что завтра пропускаю учебу, я нахмурилась, удивляясь такому вниманию от Ярославы за последнее время. Конечно, мы и раньше общались, но никогда за пределами универа.

Вернувшись на кухню, я перебирала моменты, когда Самойлова первой начинала разговор. Догнала меня на улице и рассказала про странное поведение Ирки на следующий же день после первой встречи с Яблоневым. Кстати, нужно бы кое-что спросить у Влада, все время забываю... Потом она писала мне после нападения Алены.

Смутно что-то подозревая, я так и не поняла, что меня смущает. Может быть, я накручиваю себя из-за практикующих и фамильярства, свалившихся мне на голову, и теперь везде ищу то, чего нет. Понятно же, что Ярослав очень одинокий человек, а друг нужен даже самому ярому затворнику.

Протяжный стон от двери вывел меня из задумчивости, и, обернувшись, я увидела Влада, прислонившегося к косяку.

– Что?

– Так вкусно в этом доме еще не пахло, – улыбнулся парень.

– Вижу, твое настроение улучшилось?

– Оно и было нормальным.

– О да, – покивала я, отворачиваясь к плите. – То-то ты молчал всю дорогу.

– Говорю же, я думал.

– Мой Князь, Князь тишины... – запела я, размахивая лопаточкой. – И горе мне, если впал я в безмолвие...

– Или уставился на лик луны, – допел Влад.

– Да-да, дни полнолуния... Так сказать, «эти» дни практикующих, – прыснула я, проигрывая в голове известную рекламу предмета женской гигиены. – Все перенесешь, если фамильяра с собой

возьмешь... – симпровизировала я на мотив рекламной песенки, ставя тарелки с картошкой и отбивными на стойку. – Чего сидишь? Мешай салат.

Яблонев расхохотался, покорно берясь за ложку и салатницу. Пока я отправляла в раковину пострадавшую в процессе готовки посуду и заливала сковородку водой, ведьмак достал из холодильника бутылку газировки, кетчуп и пакет с уже нарезанным хлебом из верхнего шкафчика.

– Я хотела кое-что спросить, – начала я, наконец-то запрыгнув на барный стул и набрав себе в тарелку всего и побольше. Есть хотелось жутко, тем более когда рядом такие ароматные отбивные... Еле переборола искушение отрезать и пожевать кусочек сырого мяса.

– Вообще не удивила, – хмыкнул Влад.

– Но сначала я поем, – показала я язык, тут же забивая рот картошкой.

– Слава богам, – возвел парень глаза к потолку. – Так мы поняли, что поесть для тебя важнее, чем что-то узнать. – Я пихнула его локтем в бок, радуясь, что газировка не пошла носом. – Кстати, между едой и сном ты бы что выбрала?

– Ничего. Ты назвал правильную последовательность, – помотала я вилкой, прежде чем наколоть на нее следующий кусочек мяса.

– А если бы все-таки нужно было выбирать?

– Тогда сон, – решила я, чуть подумав. – Без еды прожить можно больше, чем без сна.

– Логично, – покивал Влад.

– А к чему был вопрос?

– Проверяю, насколько сильны у тебя собачьи инстинкты, – подмигнул Яблонев, прежде чем прыснуть.

– Влад!

– Ты кушай-кушай и практикующего слушай, – напутствовал ведьмак, все еще посмеиваясь.

Недовольно сузив глаза, одним взглядом передавая, какие инстинкты и куда он может себе засунуть, я, вспомнив о косточке, до которой как раз добралась, сосредоточила все внимание на ней. Только через пару минут обгрызания и обсасывания до меня дошло, как это смотрится со стороны. Позабыв о вилке, девушка, крепко держа уже обглоданный кончик, ездит зубами по косточке, выискивая последние

жилки. Вот ведь... Засада. Обычно я позволяю себе такое удовольствие только дома, вдали от посторонних глаз, чтобы никто не видел этого дикого варварства. Теперь же мой блестящий жиром рот и лязгающие зубы, не говоря уже о выражении лица, наверняка чем-то средним между хищностью и самозабвенной дебильностью, засветились Яблоневу. То есть перед тем, кто был бы самым последним в очереди на такое представление. Какой позор!

— Очаровательно, — отметил Влад, когда, застыв, я медленно повернулась к нему. — Знаешь, если бы сейчас проводилось соревнование между тобой и Кельтом, кто быстрее отполирует кость зубами, ты победила бы с завидным преимуществом.

— Не смейся, мне и так стыдно, — проямлила я, потянувшись за салфетками. — Это... это неконтролируемый процесс. Не могу удержаться, и все.

— Тут нечего стыдиться, и точно не передо мной. Мы не на приеме у английской королевы и не под взглядами общественности, а наедине, — серьезно проговорил ведьмак. — Запомни: в моем доме тебе никогда не нужно сдерживаться и казаться нормальной, согласно сомнительным стандартам, навязанным серой массой посредственностей. Будь собой и не смей за это извиняться.

Пробормотав, что мне нужно в ванную, я вышла из кухни, мысленно разгоняясь и встречаясь лбом со стеной. Наваждение какое-то! В компании Влада я начисто забываю о сдерживающих факторах и в результате почти всегда чувствую себя идиоткой! То снег ртом ловлю, то кость грызу, то ведусь на почесывание за ухом! Не говоря уже о реакции на укусы...

Сполоснув лицо холодной водой, я посмотрелась в зеркало над раковиной. В карих глазах заметно проступали янтарные крапинки. Последнее время они появлялись слишком часто. Или вовсе никуда не пропадали?

Вернувшись на кухню, я обнаружила Влада за мытьем посуды, и это походило на восьмое чудо света. Почему-то я не могла представить Яблонева в роли посудомойки, и то, что я видела сейчас, не особо помогало. Все равно смотрелось нелепо. Примерно так же, как балерина в угольной шахте.

— Ты умеешь мыть посуду? — глупо спросила я, не сумев сдержать удивления.

– Агата, – я знала, что он закатил глаза. – Я могу снимать двенадцатиколенные родовые проклятья. Ты правда считаешь, что это легче, чем помыть пару тарелок?

– «Родовое проклятье» – звучит ужасно, – поежилась я, наливая себе еще газировки.

– Выглядит не лучше. Любая его разновидность.

– А их много?

– Столько же, сколько фантазий у человека. Есть проклятья конкретно на мужчин рода через разные рычаги воздействия, например, через стихии, некротического толка, психологического и так далее. Есть на женщин, направленные на смерть, разрушение личных отношений, быстрое старение, ухудшение физического и эмоционального здоровья... Все проклятья объединяет определенная цикличность и завязка на конкретных числах. Как правило, суть проклятья напрямую связана с его причиной. – Влад протер столешницу и бросил мне сухое полотенце, убирая посуду по местам. – Например, если женщина разрушила чужой брак и пострадавшая сторона отважилась на проклятье, то, скорее всего, дело закончится невозможностью создания крепкой семьи у всей женской линии разлучницы.

– Чем больше колен завязано, тем сложнее его снять?

– Да. Иногда это невозможно, и приходится разрывать связь человека с родом на ментальном уровне, чтобы дальше не пошло. У Праховой был такой случай.

– Что за связь с родом? – насторожилась я, возвращая полотенце на крючок.

– У каждого рода существует своя программа. Силы предыдущих поколений переходят младшим. Почившие родственники приглядывают за живущими, передают послания или предупреждения о какой-либо опасности через сновидения. Это защита рода, проявления которой можно перечислять до утра. Отсечь человека от его рода – значит лишить его этой защиты, оставить одного во всех смыслах. Даже если позже он найдет любовь всей своей жизни, это не заполнит пустоты.

– Жуть, – покачала я головой. – А как же, допустим, сироты?

– У них все равно есть родители, а значит, и род.

– Нет, это понятно, а если родители живы и добровольно отказались от ребенка, отдав его в детдом?

– Тут нужно рассматривать каждый конкретный случай, все очень индивидуально. Агата. – Влад протянул мне руку. – Я знаю, о чем ты думаешь. Может, стоит радоваться тому, что есть?

Вот так обтекаемо и вежливо Яблонев советовал выбросить из головы мысли об отце. В самом деле, ну какое мне дело до человека, ушедшего еще до моего рождения? У меня есть мама, и отличная мама, а это уже намного больше, чем у многих.

– Ты прав, – признала я. – Просто иногда становится особо обидно. В детстве я даже смотреть не могла, как с другими детьми возятся их папы.

– Пойдем, проветримся, – сгладил паузу ведьмак, коснувшись моего запястья. – Кельт, гулять пойдем?

Пес вскочил как по тревоге, бешено замахав хвостом и приплясывая вокруг Влада, то и дело лукаво посматривая на меня. Гулять мы не то что пойдем, а побежим, выражал весь его вид, и я засмеялась. Пока мы обувались в холле, Кельт притащил откуда-то свой поводок, положив его возле ног хозяина.

– Это какая была команда?

– Никакая. Он сам знает, что нужно принести, чтобы пойти гулять.

– А тапочки приносит?

– Разве что разгрызенные, когда наиграется, – хмыкнул темный.

Прогулка вышла отличная, как я и рассчитывала. В этот поздний час в парке не было никого, так что Кельт веселился на всю катушку, носясь по полю и забрасывая нас снегом. Не в силах удержаться, я побежала следом за ним, и мы гонялись друг за другом, пока Влад подпирал дерево, куря.

После продолжительных игр, где я успела побывать по колено в сугробе, завалиться на спину от коварного тарана овчарки и немного поесть снега, мы сделали большой круг по парку, не говоря ни слова, но держась за руки, как и ранее. Влад даже не затронул тему «собачьих» шуточек, хотя ему явно было что сказать.

Всю дорогу обратно я присматривалась к движениям Кельта, вспомнив, что именно с этого Яблонев и решил начать наши тренировки. Мелкие перебежки, изучение местности, взмахи хвоста,

тщательное обнюхивание стволов деревьев. Глядя на него, я и сама начала водить носом, стараясь учуять что-нибудь кроме мороза, снега и смеси табака с древесной стружкой, окружающей Влада.

Почти у самого выхода, где Кельт конкретно застрял у одного из столбиков ворот, я и вправду уловила кое-что другое. Кожа и горчица. Сморщившись, я потеряла кончик носа, не готового к такой резкой перемене. Странное сочетание, и откуда ему здесь взяться?

– Агата?

– Тут... запах странный, – пробормотала я, подходя ближе к воротам, где он был сильнее.

– Какой?

– Не то чтобы странный, просто не понимаю, как он здесь держится, источника же нет, – я разгребла ногой снег, обнаруживая только несколько окурков вместо разбитой банки горчицы или старого кожаного ботинка.

– Что за запах?

– Как от кожаного пальто или обуви, и еще горчица. Достаточно резкий, ты не чувствуешь?

– Нет, и вряд ли почувствую, ваше с Кельтом обоняние намного лучше моего.

Осмотревшись, я с удивлением отметила, что отсюда просматривается дом практикующего. Шаг вправо-влево, и обзор загораживают соседние крыши, но конкретно с этого пяточка... Пусть мешало расстояние, забор и снег, но окно на втором этаже разглядеть было можно, да и на первом, привстав на цыпочки, тоже.

– Тебя что-то настораживает? – серьезно спросил Влад, и не подумав смеяться над моим излишним вниманием к какому-то там запаху.

– Ты говоришь, случайностей не бывает, – медленно проговорила я. – Вот здесь пахнет сильнее всего, и смотри, что отсюда видно.

– Мой дом, – констатировал Яблонев, встав куда я указала. – Любопытно. Давай глянем, кто здесь был.

– Ты это можешь?

– Все оставляет свой след. Отойди в сторону.

По-птичьи склонив голову набок, он посмотрел туда, где вился запах. Лицо ведьмака словно сменило очертания, став острее, или же это иллюзия, созданная лунным светом. В любом случае, выглядело

оно завораживающе, особенно потемневшие глаза практикующего. Трудно было уловить их цвет, но выражение... Я почувствовала себя ребенком в люльке, рядом с которым стоял кто-то большой, взрослый, сильный, бесконечно мудрый и опасный.

Кельт остановился рядом со мной, ткнув носом ладонь, и я зарылась пальцами в его шерсть на шее, присев на корточки. Вместе с псом мы смотрели на Влада, застывшего и будто бы даже не дышавшего. Когда он поднял руку ладонью вперед и растопырил пальцы, по спине побежали мурашки. Не сказать, что сильно похолодало, но отчего-то стало зябко. Ветра не было, ветви деревьев не шевелились, и все же я его чувствовала.

Так прошло несколько минут, после чего Яблонев встряхнулся, опустил руку и повернулся к нам. Показалось, что исчез какой-то вакуум, или кто-то внезапно включил звук. Ничего необычного, никакого ветра, соединение с реальностью снова установлено.

– Мужчина... Трудно уловить внешность, белое пятно вместо лица... Взрослый, высокий... Стоял тут долго, курил. Не чувствую сильных эмоций. Он ничего и никого не ждал, не был зол или рад... Просто стоял и о чем-то думал. Возможно, потенциальный клиент, не решившийся дойти до конечного пункта. Хорошая работа, Агата, ты смогла уловить запах человека, заинтересованного в приближении ко мне, даже без полноценного запуска связи.

Улыбнувшись его похвале, я постаралась выкинуть из головы подозрения о личности «потенциального клиента», уже успевшие ее посетить. Подумаешь, человек с первого раза не решился постучать в дверь к ведьмаку, большое дело. Я, наверное, и на пятой попытке еще бы раздумывала, не попади во всё это по ряду обстоятельств.

– Ты хотела о чем-то меня спросить, – напомнил Яблонев, когда мы оказались на кухне в компании чая, печенья и шоколадных конфет.

– Точно, все время забываю, – нахмурилась я. – На следующий день после нашей встречи со мной приключилось кое-что странное. Не такое, как воронья стая, но все же меня это немного напрягло.

– Слушаю, – Влад покрутил кистью, веля продолжать.

– Я шла на первую пару мимо спортивного корпуса, когда что-то ударило мне в спину. Чуть не упала, но вокруг никого не было. Ближайшие от меня люди стояли в нескольких метрах и точно не

запускали снежков или еще чего, и сверху ничего не падало. Можешь объяснить, что это могло быть?

– Дай подумать, – ведьмак отпил чая, глядя на посапывающего Кельта, которому после прогулки и трех «пустых» крекеров ничего, кроме сна, и не хотелось.

Похоже, я сама вот-вот заклюю носом. День выдался каким-то бесконечно суетливым и эмоционально выматывающим. Скандал с Иркой, истерика дома, разборки практикующих и ритуал в квартире Захаровой... Наверное, последний заряд, полученный от дневного сна под присмотром Влада, потратился на прогулку по парку.

– А после этого ты с кем-нибудь встретилась? С кем-то знакомым, кто подошел со спины?

– Да, одноклассница увидела меня из автобуса и вышла на остановку раньше, чтобы пойти вместе.

Влад довольно щелкнул пальцами:

– Элементарно. Очевидно, в тот момент ты была наиболее открыта к восприятию ментального и ощутила приближение своей сокурсницы, как только она решила тебя догнать. Колебания от ее решения достигли пространства вокруг тебя, и вуаля, предупрежден, значит, вооружен.

– Ого. Это так работает?

– Конечно. Замечала, иногда знаешь, кто звонит, до того, как поднять трубку? Или, сидя в огромной аудитории, понимаешь, кто именно сейчас зайдет? Это восприятие и узнавание чужих колебаний доступно любому человеку с хорошо развитой интуицией.

– Круто, – оценила я, припоминая, что со мной такое происходит довольно часто.

– Устала, – улыбнулся Влад.

– Нет-нет, давай еще поболтаем... – Это прозвучало бы более убедительно, сумей я сдерживать зевотку.

– Все в порядке. Мне все равно еще нужно поработать на чердаке, так что лучше тебе ложиться спать, собеседник из меня будет никакой.

– Ты поздно ложишься?

– Четыре-пять утра – это скорее рано, чем поздно, – пожал плечами ведьмак, усмехнувшись. – Где хочешь спать: в зале на первом этаже или в гостевой на втором?

Решено было в пользу второго, и, поднявшись вместе со мной и Кельтом, Влад в несколько движений разобрал диван-кровать, напомнил, где на втором этаже ванная, и принес стопку свежего постельного белья, вместе с одеялом и подушкой. Пока я застилала постель, уже предвкушая, как скроюсь под одеялом и засну, Яблонев достал с верхней полки над телевизором пульт.

– Сто с небольшим каналов, можешь заказать какое-нибудь кино в видеопрокате, деньги на счету есть, – обнадежил Яблонев. – Если вдруг тебе захочется посмотреть телек перед сном.

– Вот это сервис, – едва не присвистнула я. – Буду иметь в виду.

– Ладно. Как говорится: «На новом месте приснишь жених невесте», – подмигнул Влад.

– Очень смешно. Ты сейчас мне мою бабушку напомнил.

– Главное, чтобы не свою, – хмыкнул ведьмак, и я прыснула, уже понимая, что его бабушка – крепкий орешек и ее красивыми глазками не расколешь. – Спокойной ночи, Агата.

Как он все время проворачивает эту штуку с моим именем?

– Спокойной ночи, – покивала я.

Темный вышел из комнаты, я слышала, как он пнул одну из резиновых игрушек Кельта и поднялся на чердак. Убедившись, что увидеть меня может только пес, растянувшийся в коридоре, я быстро переоделась в теплую пижаму и сходила в ванную, морщась на дурацкий синий свет настенных светильников. Почесав несколько минут уши Кельта на обратном пути, я наконец-то забралась в кровать и откинулась на подушку.

Телефон показывал начало двенадцатого и сообщение от Ирки, спрашивающей, как проходит ночевка. Все еще удивляясь быстрой перемене в отношении Ругаловой, я решила пока проигнорировать ее вопрос и спрятала мобильный под подушку, отключив будильник.

Плохо представляя, как все пройдет завтра с изгнанием сущности, охочей до моей энергетики, я снова прокрутила в голове случившееся сегодня. С Владом в моей жизни каждый день превратился в маленькое приключение, и, похоже, мне это скорее нравится, чем пугает. Интересно, что такого сказала ему Захарова, вот уж кто действительно способен нагнать ужаса. Хотя боявшимся или взволнованным Яблонев не выглядел, скорее задумчивым и немного печальным. Сомневаюсь, что Князя вообще можно развести на страх.

Ворочаясь и периодически взбивая подушку, я, в конце концов, застыла на животе, согнув правую ногу в колене и вытянув левую. Идеально, только сон почему-то не идет. По полу зацокали когти, и Кельт опустился возле дивана, наверняка устав ждать хозяина. Вскоре овчарка засопела, а я все продолжала думать о разной чепухе, впрочем, среди нее встречалось кое-что дельное. Вроде реакции матери Влада, если она вдруг решит приехать в шесть утра домой и обнаружит меня тут.

Воронка сна затянула меня на размышлении о героях различных франшиз, путешествующих во времени, и перенесла на какую-то серую улицу. Очень холодно, все в теплой одежде, море дубленок, шуб и дутых курток, в толпе мелькают собачьи хвосты и уши. Не получается разглядеть их морды, только шерсть: песочную, черную, белую, рыжую, бурую... Они все разных пород и сопровождают меня, не отставая или убегая вперед.

Непонятно, что за улица, но толпа не редет, словно я в центре огромного мегаполиса, охваченного туманом и утренним часом пик. Впереди, ярче, выбиваясь из общего фона, темнеет чья-то не по сезону легкая ветровка. Слишком контрастно, слишком быстро. Уверена, мне нужно за ней.

Люди вокруг начинают вести себя агрессивнее, будто бы понимая, что я увидела цель, и стараясь мне помешать. Тычки локтей, что-то кричу, собаки теперь совсем рядом. Заставляют море в куртках и шубах отступить и найти себе другую жертву для толканий. Заинтересовавшая меня ветровка вновь выныривает в поле зрения где-то в нескольких метрах, и я понимаю, что ее обладатель – молодой мужчина. Походка слишком уверенная, шаг быстрый и четкий, он не ищет, где пройти – это перед ним расступаются. Очень похоже на то, как по городу ходит Яблонев, но это не мой ведьмак, точно знаю. В шаге Влада все намекает на полет, а это скорее марш по лесу...

Каждый раз, когда мне кажется, что я догоняю его, он сворачивает на еще более людную улицу, и мои четырехлапые помощники едва справляются. Незнакомец прячется, сбегает! Я прибавляю темпа и срываюсь в бег, сама начиная толкаться, и люди растворяются, превращаясь в туман. В одночасье теряют контуры, сереют и размываются... Жутко и ирреально.

Так же резко, как в ужастиках, наезжает камера, я оказываюсь прямо за спиной своего преследуемого. Парень стоит у трехэтажного многоквартирного дома, собирается открыть дверь, но вместо этого поворачивается ко мне.

Все в нем непонятного цвета, сплошные переходы оттенков, но, увидев раз, такого не забудешь. Волосы прямые, темно-русые, хотя скорее похоже на всю гамму, от рыжеватого до пепельного и черного. Лоб высокий, чуть выпуклый, глубоко посаженные глаза сверкают зеленым и желтым, будто флуоресцируют, но сейчас для этого слишком светло. Нос несколько вытянут, нижняя губа полная и пухлая, совсем как у девушки, вот только хищность и четкость всех черт не позволяют назвать его лицо миловидным.

– Тебя не должно быть здесь. Еще рано для нашей встречи, – твердо проговорил парень.

– Мой сон. Где хочу, там и хожу, – пробурчала я, оглядываясь в поиске своей пушистой компании, но собак не было.

– Нет. Это *мой* сон, и я тебя сюда не звал, красотка. Что это с твоей шеей? – недобро прищурился незнакомец, спускаясь ко мне. Прежде чем я успела сдать назад, его рука властно сжала мой подбородок и запрокинула голову наверх. – Кто трогал мою девочку? Кто кусал мою девочку?

– Я тебе не твоя и не «девочка»! – рявкнула я в бешенстве от такой вольности. – Пошел к черту!

– Ты – моя, – ухмыльнулся парень. – Просто еще не знаешь об этом.

Вдарив ему по руке, я отпрянула, готовая к попытке зарядить еще и хук справа, едва он попытается приблизиться.

– До скорой встречи, моя девочка, – улыбнулся этот ненормальный.

Все вокруг превратилось в туман, словно опустился занавес, и меня выкинуло прочь не то что со сцены, а вовсе из зала. Задыхаясь, не особо понимая, где нахожусь и что происходит, я только со второго раза распознала перед собой Влада, удерживающего меня за плечо и бедро. Рука, тянувшаяся в поиске шнура светильника, упала обратно, едва я сообразила, что он уже зажжен.

– Я так понимаю, во сне ты сражаешься с ниндзя, – хмыкнул Яблонев.

– Не совсем, – тяжело дыша, выдохнула я. – Просто с идиотами.

– Решил тебя разбудить, пока ты не запинала Кельта или не упала на пол.

– Хорошо, что обошлось без травм, – поддержала я, чувствуя, как загустевает пространство между нами.

Влад склонил голову набок, и не думая убирать от меня руки. Я же не собиралась ему об этом напоминать, даже радуясь сбившемуся в ноги одеялу. Без него прикосновения ведьмака от кожи отделяла только ткань пижамы, совершенно не мешающая чувствовать тепло и силу его длинных пальцев.

– У меня для тебя кое-что есть, – на пару тонов ниже проговорил темный.

Убрав правую руку с моего плеча, он достал из переднего кармана джинсов кольцо с длинным овальным и заостренным на концах черным камнем.

– Это агат в серебряной оправе, один из твоих личных оберегов, который я заговорил на защиту. – Влад надел мне кольцо на указательный палец правой руки.

– Ого... Красивый, – пробормотала я, разглядывая украшение-оберег. – Носить его, не снимая?

– За пределами дома точно. Можно без него спать и обязательно держать подальше от воды. Снимай перед тем, как мыть посуду или принимать душ, – напутствовал Влад, а между тем его рука на моем бедре, как огромная горячая печать, велела выкинуть все разговоры в окно и сделать то, о чем я подумала, едва узнала, что в доме мы останемся вдвоем.

Непонятный парень из сна до сих пор действовал на нервы, и, вспоминая его слова, я хотела любым способом ему насолить, даже если это всего лишь игры подсознания. Вот только откуда оно взяло этот образ, если нахала в ветровке я не видела ни разу в жизни? И почему он сказал, что сон был его? Откуда его уверенность, словно он давно меня знает?

Откинув голову на подушку, я убрала волосы назад, открывая Владу шею в безмолвном призыве взять то, зачем он на самом деле сюда пришел. Может, поначалу он действительно хотел разбудить меня, выдергивая из дурацкого сна, но после... Я сама жду этого

момента едва ли не с субботы, то есть с последнего раза, как темный кусал меня во время ритуала.

Яблонев молча выключил свет, рука ведьмака переплелась с моей, легкое дуновение его дыхания над ключицей запустило мурашки, и живот сжался в ожидании этого потрясающего чувства. Шумно выдохнув, когда он наметил место укуса кончиком языка, я задышала рваными вздохами, быстро вливаясь в навязываемую им игру.

Влад кружил по моей шее, касался кожи краешком зубов, иногда останавливаясь на несколько мгновений, заставляя поджимать пальцы ног от нетерпения, но желаемого так и не происходило.

– Пожалуйста, – хрипло прошептала я, наконец-то поняв, чего он ждет. – Укуси ме...

Я не успела договорить, дернувшись и тут же вжимаясь в диван, когда его зубы сжались на том потрясающе чувствительном местечке, где бился пульс. Пальцы сильнее стиснули бедро, я потянула парня на себя, свободная рука скользнула по ткани свитера на его спине и зарылась в волосы.

Ближе, плотнее, жарче... Я потеряла счет укусам, каждый, как маленький глоток наслаждения, проносился по всему телу, заставляя забыть обо всем на свете. Влад не останавливался ни на одном месте подолгу, компенсируя это количеством подходов. Сквозь дурман удовольствия я понимала, что ведьмак не хочет оставлять следов, но сейчас, реши он «пометить» меня таким образом, не стала бы сопротивляться.

Совершенно очевидно: если я и была чьей-то девочкой, то только его.

Глава 17

Каким должно быть самое лучшее утро? Бриз с океана, запах кофе и круассанов? Или мурчащий под боком кот, солнечные лучи в просветы штор и на календаре выходной?

В этом утре не было и намека на что-то подобное, и все же я включила его в десятку лучших. Конечно, недотягивает до новогоднего с его подарками под елкой, мандариновым ароматом и многодневной ленью, приправленной шампанским, но значительно лучше обычного выходного. Я чувствовала себя абсолютно выпавшейся. Не хотелось сворачиваться клубочком, прятать голову под подушку или сбегать от реальности любым другим способом из арсенала заядлых сонь.

Это потрясающее своим уютом и теплом ощущение продлилось ровно до того момента, как я поняла, что не одна в кровати. Впервые в своей жизни не одна. Да, мы ночевали с Ирккой на диване у нее в квартире, но «не одна» с подружкой и «не одна» с парнем – две большие разницы. А парень, лежащий сейчас за моей спиной, разнился с кем угодно.

Словно почувствовав, что думаю о нем, Яблонев собственнически перекинул через меня руку и подгрел к себе за живот, уткнувшись носом в макушку. Сжав пальцы ног, я зажмурилась, когда ударная волна стыда за все, сделанное ночью, накрыла с головой. В темноте укусы Влада не казались чем-то из ряда вон и требовались, как воздух. А уж правильнее, чем попросить остаться и, для большей надежности, самой обернуть его руки вокруг себя, ничего и быть не могло! В сером свете зимнего утра желания ночи обращались пеплом.

– Угомонись, – пробормотал Влад.

Да сколько можно пролезать ко мне в голову!

– Я...

– Сплю, – сонно оборвал темный, и я прикусила язык, придерживая всю свою тираду до лучших времен.

Если Яблонев хотя бы на пятьдесят процентов напоминает меня при насильственном пробуждении, сталкиваться с подобным я не хочу. Раздраженный, вставший не с той ноги ведьмак вряд ли хорошая компания. Не говоря уже о том, какими последствиями могут грозить

нестабильные эмоции практикующих. Он вчера «задумался», а на аллее началась светодискотека.

Влад снова заснул, а меня, будто нарочно, так и распирало. Как маленького ребенка, прознавшего, что взрослые вот-вот соберутся укладывать его спать. Захотелось пить, в туалет, зачесалась макушка, слишком жарко, надо посмотреть, сколько времени, да и поесть бы не мешало...

Выдохнув, я осторожно выбралась из-под руки Яблонева, с облегчением вылезая из печки, в которую превратилось пространство под одеялом. Сместившись к самому краю, я обернулась на Влада. Никакого образа темного рокового и опасного не было и в помине. Скорее что-то противоположное, одним своим видом обратившее в бегство всю мою нервозность.

Ведьмак спал на животе, спрятав левую руку под подушку, правая осталась лежать на «моей» стороне. Темные волосы упали на лицо неровным занавесом, сквозь который проглядывал мальчишка, каким он становился, когда не нужно было погружаться в мир, полный проклятий, заговоров и тайн, известных практикующим.

Заметив, что парень в белой майке, я нахмурилась, смутно припоминая, как сквозь дрему, накрывшую меня после жаркой сессии укусов, слышала, что он отлучался. Наверняка переодевался и принимал душ. Кончики ушей заалели, когда я подумала, что майку дополняли тренировочные штаны. Кажется, наши ноги несколько раз соприкасались... Закусив губу, я отчетливо вспомнила, как поворачивалась к нему лицом, обнимая в ответ на волне сна и инстинктов. Нет, мне не «кажется», моя нога точно лежала поверх него... О господи боже.

Вынув телефон из-под подушки, я сбежала из спальни для гостей, даже мысленно не пытаясь назвать это как-то по-другому. И чего я сидела и пялилась на него так долго? Идеальное утро, как же. Глупость одиноких девушек, в кои-то веки проснувшихся неодинокими.

Сто раз уже было озвучено, что все наши соприкосновения – это действие связи фамильяра и практикующего. И не нужно придумывать чего-то сверх. Что с того, что спали в одной кровати? Влад всего лишь пошел мне навстречу, наверняка если я отлично высыпаюсь в его компании, то и с ним то же самое. Взаимная выгода с гарниром из потакания моим животным инстинктам, вот и все.

Скривившись, подумав о других животных инстинктах, в удовлетворении которых кровать не последняя на свете вещь, я закатила глаза. Жаль, что некоторые мысли нельзя так просто взять и навсегда выкинуть из головы. С самого начала нашего общения Влад ни разу не намекнул на возможность каких-либо отношений, кроме тех, что предполагала связь. И даже в том перечислении он старательно обходил всякую романтику, какую я видела у светлых. Так что нечего тут усложнять.

Потянувшись заправить мешающую прядь за ухо, я споткнулась взглядом о кольцо с агатом. Черный камень таинственно поблескивал в свете дня, хвастая изящной серебряной оправой. Где только Влад нашел такую красоту. Я не фанат украшений, но это пришлось мне по душе простотой и элегантностью, сочетающейся даже с пижамой.

Любуясь подарком-оберегом, я едва не наступила на резиновую утку Кельта, что заставило меня вспомнить об овчарке. Как вообще можно было о нем забыть?

Пса не было с нами в комнате, у Влада, на лежаке его тоже не оказалось... Отправился на первый этаж попить и до сих пор не вернулся? Начиная что-то подозревать, я прислушалась, замерев на верхней ступеньке лестницы.

Снизу доносились чьи-то шаги, цокот когтей по полу, похоже, кто-то ворковал с Кельтом на кухне! Голос был женским... Только не говорите мне, что у Варвары есть ключи от этого дома!

Позже я так и не смогла объяснить себе, с чего решила, будто Прахова может оказаться в доме Влада в одиннадцать утра во вторник и при этом нежничать с Кельтом. Вроде бы Яблонев говорил, что реакция на других практикующих у его собаки далека от приступа нежности, каким она встречает меня. Все это выветрилось из головы, поэтому мама Влада смогла по достоинству оценить мою пижаму, спутанные со сна волосы и босые ноги с отсутствием педикюра и облупившимся бордовым лаком. Оставалось только надеяться, что на шее не осталось никаких следов от зубов ее сына.

То, что передо мной мама Яблонева, я поняла сразу. Те же серые глаза, линия носа и цвет волос, густой копной падающих на плечи. Она была... миниатюрной, едва ли дотягивая до меня ростом, но значительно изящнее по комплекции. Лицо и фигура не выдавали ее

возраста, и не знай, я сколько лет Владу, никогда бы не подумала, что ей слегка за сорок.

– Доброе утро, Агата, – улыбнулась женщина. – Если бы этот пакостник предупредил меня, что ты сегодня будешь у нас, я купила бы что-нибудь вкусное к завтраку...

– Зд... здравствуйте, – поморгала я, запоздало понимая, что «этот пакостник» адресовано ее сыну. – Да не нужно, я... – Моя рука машинально зарылась в шерсть прижавшегося к ногам Кельта-попрошайки.

– Ты садись, садись, поставлю чайник, – засуетилась мама Влада, обходя барную стойку, и я покорно залезла на стул, не зная, чего ждать. Раньше мне как-то не приходилось встречаться лицом к лицу с мамами парней, с которыми я ночевала. Вообще-то никогда. Не было таких парней.

– И ведь мне снились сегодня три чашки чая на столе и солнце в окно... – забормотала женщина, доставая кружки.

Посмотрев в окно, я и вправду заметила проглядывающее сквозь ключья облаков солнце.

– А вы...

– Нет-нет-нет, никакого «выканья», – замахала она рукой. – Меня зовут Тамара, но ты зови просто Тома. Не люблю чувствовать себя излишне взрослой, это портит восприятие окружающего мира.

Я даже не удивилась, что в ее имени была троица «а». Слишком много совпадений, чтобы считать это случайностью. Получается, среди моих знакомых нет ни одной девушки из темных, в чьем имени бы не соблюдалось это правило, включая меня саму. Подозреваю, мама, да и бабушка Влада, на той же «стороне», что и он.

– Как?

Тамара улыбнулась, присаживаясь напротив:

– Лучше всех этот мир видят и чувствуют дети. Они замечают правильные вещи, задают правильные вопросы и отдают в ответ столько же искренности, сколько получают сами, а это самый честный обмен на свете.

Понятно, от кого Владу досталось умение доносить свою точку зрения. Даже если бы я хотела поспорить, не получилось бы. Правде не возражают. Либо принимают, либо нет.

– А что случается потом? Почему это исчезает?

– Потом их портят взрослые, – чуть улыбнулась ведьма. – Влад рассказывал, что ты любопытная, и я рада, что это так.

– Я просто спрашиваю то, что мне непонятно, а непонятного пока слишком много, – смущенно пробормотала я, сообразив, что за несколько минут задала ей уже три вопроса.

– И это хорошо, – кивнула Тамара, заваривая чай и ставя передо мной корзинку со слоенками. Мне бы сардельку... – Должен же мой сын хоть кому-то объяснять, что и зачем делает.

– Трудный ребенок? – хихикнула я, уловив в ее голосе знакомые яблоневские саркастичные нотки.

– Тяжелый случай, но в нашей семье других не бывает, – усмехнулась Тамара.

– Обнадежили... ла, – поспешно поправилась я.

– Ты, значит, студентка политеха и живешь с мамой в центре, верно? – сменила женщина тему, что было вполне ожидаемо. Страшно подумать, какой допрос ждет Влада от моей мамы, когда они все-таки познакомятся. В том, что рано или поздно это произойдет, я уже не сомневалась. Самое время смириться и принять.

– Да, третий курс, пиар и связи с общественностью, – покивала я.

– Очень интересно, я в свое время думала о журналистике, но она не пригодилась бы при моей основной деятельности, в отличие от психологии, – Тамара кивнула на свою рабочую зону за моей спиной, – так что я отучилась в педагогическом. А маму зовут как?

– У мамы редкое имя, – улыбнулась я. – Павла Алексеевна.

– Красивое, давно его не встречала, – согласилась Тамара. – Знаешь, что означает?

– «Малышка», только она у меня совсем не такая. Высокая и крепкая, мастер спорта по плаванию, – похвасталась я маминым достижением, хотя это было только началом списка. Спорт в маминой жизни играл не последнюю роль, пока не появилась я.

– Ты тоже чем-то занимаешься? Чувствую игру с мячом. Будешь плохо себя вести – разбужу твоего хозяина, – строго посмотрела она на Кельта, тянущего нос в сторону стола.

Правда, прежде чем я поняла, что последняя угроза была адресована псу, успела поперхнуться и закашляться, подумав, что это мне. Учитывая мою сущность... Ну нет, ни за что, никаких «хозяев»! Вспомнив парня из сна, осмелившегося ворковать мне приторное «моя

девочка», я передернулась. Странный сон, удивительно, что я до сих пор его помню.

– Извини, я... да, мне нравится играть в волейбол, – сдавленно ответила я, придя в себя. – Но ничего профессионального, просто увлечение.

– И, конечно же, слушаешь много музыки, – утвердила Тамара.

– Это как-то заметно по мне?

– Я знаю своего сына, – улыбнулась женщина. – Его фамилляр не может не любить музыку.

Я приоткрыла рот, собираясь спросить, как она ко всему этому относится, но в последний момент передумала, не решившись.

– Агата, не нужно меня бояться, возможно, я кажусь тебе излишне настойчивой в вопросах, но на самом деле я очень рада, что ты появилась в его жизни.

– Спасибо, я...

– Привет, мам, так здорово, что ты решила не сообщать о своем прибытии звонком, – саркастично произнес Влад от порога кухни, спасая меня от лепетания и бормотания о своей радости касательно появления ее сына в *моей* жизни.

Обернувшись, я застала Яблонева полностью собранным, в черных джинсах, рубашке и серой жилетке. В отличие от меня, он расчесался и уж точно умылся, прежде чем спускаться вниз. Видимо, практикующие действительно продумывают каждый шаг наперед, не то что я.

– А другие способы оповещения тебе отказали? – усмехнулась Тамара и подмигнула мне. – К тому же ты снова успел бы спрятать от меня Агату, а я хотела познакомиться.

Закатив глаза, Яблонев глянул на стол передо мной и направился к холодильнику.

– Хотела познакомиться... А нормальный завтрак ты ей предложить не хотела?

– Агаточка не сказала, что... – Тамара растерянно посмотрела на меня, и я виновато поджала губы.

– Не называй так Агату, – выглянул из-за дверцы ведьмак. – Ей это не нравится.

– Как ты узнал? – удивилась я.

– Очень просто. – Он выгрузил передо мной ветчину, сыр, масло и достал нож. – Я терпеть не могу, когда меня называют Владик.

Повторив про себя такое издевательство над именем, я прыснула, качая головой и отнимая у него нож:

– И что, тебя так реально называли?

– Бывало... пару раз.

– Обошлось без летальных исходов? – ляпнула я, прежде чем наткнулась взглядом на Тамару, наблюдающую за нами с неприкрытым интересом.

– Как сказать... – Влад пожал плечами, почесывая Кельта за ухом. – Лопнувшая по швам школьная сумка, испорченные сапоги и пробитые шины в машине считаются? Это все три разных случая.

– Что? – Я посмотрела на Тому, но та только головой покачала, прежде чем налить себе в кружку еще кипятка.

– Помнишь, я говорил, что негативные эмоции практикующих отражаются на окружающем? Вещи принадлежали тем, кто не понял с первого раза, что «Владик» – это не ко мне.

Посмотрев на него, я расхохоталась, понимая, что он использовал что-то вроде мелкой порчи или еще какого менее опасного приема из копилки темных практикующих.

– И как это работает? Ты просто наставляешь палец и говоришь «чтоб у тебя сумка порвалась»?

– Нет, для легкого сглаза не нужны жест и вербальная речь, – покачала головой Тамара. – Достаточно взгляда и точечного удара негативной эмоцией на ментальном уровне. На это способен и обычный человек.

– Я не конкретизировал, что именно должно случиться, это так не работает, всего лишь программирование на единичную бытовую неудачу.

– О! – Я кивнула, откусывая от бутерброда.

– Какие у вас планы? – поинтересовалась Тома. – У тебя сегодня нет клиентов?

– Сегодня мой клиент Агата, – хмыкнул Яблонев. – У нее сущность в подъезде, нужно успокоить.

– А у Насти что произошло?

– Все-то тебе расскажи.

– Судя по тому, что я вижу, вчера что-то случилось.

– Что случилось, то случилось. Мы уже разобрались с Березиным.

– Это понятно. Только я еще кое-что вижу.

А я – ем. Когда я ем, я глух и нем. Если его мама уловила каким-то образом, что мы были у Захаровой вчера, то и понять, что происходило ночью на втором этаже, ей тоже не составит труда. Не на это ли она намекает Владу?

– Мам, – в голосе Яблонева зазвенела сталь, и я тревожно завопилась на стуле. – Это касается только меня, поэтому я был бы признателен, если бы вы с бабушкой оборвали свою агитацию на корню.

Так, это точно не про сегодняшнюю ночь, а я – параноик.

– Пожалуй, я пойду, соберусь. Мы же сейчас поедем?

– Да, иди, я пока погуляю с Кельтом, – ответил Яблонев, все еще играя в гляделки с матерью.

Кивнув, я только что не выдохнула с облегчением, покидая кухню. Не знаю, в чем дело, да и вряд ли хочу знать. Мне пока и без этого хватает загадок.

Сборы заняли рекордные сроки. Никакого макияжа, обычный хвост на затылке, вчерашняя одежда. Если красоте отказывали в жертвах, это сэкономило массу времени. Покидав вещи в сумку и убедившись, что ничего не забыла, я аккуратно сложила постельное белье и даже собрала диван.

Влад застал меня за копошением в телефоне, когда я отправляла эсэмэску Ругаловой о том, что все в порядке и мне даже удалось выспаться. Немного потискав счастливого, пахнущего морозом Кельта, пока Яблонев собирал свой «рабочий» рюкзак на чердаке, я спустилась на первый этаж.

Тамара разговаривала в зале по мобильному, но вышла ко мне, едва я начала обуваться. Прежде чем она убрала смартфон в задний карман джинсов, я распознала одну из самых дорогих и модных моделей. Похоже, в отличие от Влада, бойкотирующего век технологий настолько, насколько это возможно, его мама предпочитала шагать в ногу со временем. Надо бы поискать ее в социальных сетях... Как-нибудь попозже.

– Жаль, что вам уже пора, – улыбнулась женщина.

– Я живу далековато, долго ехать, да и есть еще дела, – с извиняющейся интонацией оправдалась я.

– Что ж, в любом случае теперь мы с тобой будем видеться часто, – покивала Тамара. Прежде чем я успела как-то среагировать на это, ведьма подступила ближе и прошептала: – Что бы ты ни делала с Владом, не останавливайся. Благодаря тебе мой сын снова улыбается. Спасибо. – Она обняла меня, на мгновение крепко стиснув, после чего сразу же отстранилась.

Черт возьми, что это должно значить? Влада, конечно, нельзя назвать весельчаком, но и на никогда не улыбающуюся Самойлову он не походил. Пожалуй, стоит сконцентрировать все свое любопытство на личности Яблонева, а не на его умениях и знаниях. Спросить у Томи не получилось, ее сын бодрым шагом спустился к нам, уже в кожаной куртке и с рюкзаком на плече.

– Готова?

– Почти, – засуетилась я, разворачивая бурную деятельность с пуховиком и шарфом.

– Когда вернусь, не знаю, у меня сегодня еще дело в пять в Мясново. Звони, если что, – сказал на прощание матери ведьмак.

– До свидания, рада была познакомиться, – пробормотала я, заторопившись за ним.

– До скорой встречи, – улыбнулась Тамара, закрывая за нами дверь.

Молчание продлилось ровно до входа в парк. Закурив, Влад покосился на меня:

– Я впечатлен твоей выдержкой. Тишина и ни одного вопроса целых пять минут.

Зря он это. Все равно что кран моего словесного потока открыл.

– Я... Ты хоть представляешь, как это не круто: пойти на кухню проверить, где пес, а наткнуться на маму парня, с которым ночевала? Да у меня чуть инфаркт не случился, когда я ее увидела!

– Передам ей, что она достигла нового уровня утешения.

– Не смешно!

– Плакать тоже поздно, – усмехнулся Влад, внезапно приобняв меня за плечи и прижав к себе. – Успокойся. Ты ей понравилась. И прекрати переживать из-за ночевки. Мне было хорошо, тебе было хорошо, не вижу поводов для волнения.

Как, наверное, здорово быть парнем. Нет причин для паники: все, что произошло, уже не изменить, а все, что произойдет, еще не

наступило, так что смысла тревожиться тоже нет. А у меня сплошные сценарии комедийного толка, где все неудачные дубли еще и в конце показывают, чтобы наверняка.

– Герцогиня, поговори со мной.

– О чем?

– О чем хочешь.

Я скорее себе язык откушу, чем произнесу хотя бы слово на тему того, что хочу узнать по-настоящему. Значит, ничего о сказанном его мамой лично мне, ничего, касающегося нас двоих в кровати, никаких попыток откровения. Для серьезного разговора требуется подготовка, другое место и подходящее время, а еще моя решительность, отправившаяся на каникулы, не оставив записки и контактного телефона.

– С чего начнем разборки с сущностью?

– С места ее обитания, конечно же. Попадем в квартиру твоей соседки, и далее я выйду на контакт, посмотрю, что к чему.

– И как мы попадем в квартиру моей соседки? – скептически переспросила я, удивляясь такому оптимизму со стороны темного.

– Разберемся на месте, – пожал плечами ведьмак.

На «месте» мы были через сорок минут. Добираться от Влада до меня и впрямь значительно быстрее, если не в городской час пик. Чем ближе мы подходили к моему дому, тем больше меня одолевало волнение. Почему-то вчера сущность и все с ней связанное не казалось чем-то особенно важным на фоне нашей с Иркой ссоры.

Любая другая (нормальная) девушка вообще подумала бы, что парень просто ищет предлог, чтобы затащить ее к себе, но это точно не наш случай. К черту детские страшилки, серьезность Влада, как ничто другое, подтверждала реальность угрозы.

– Ты раньше уже сталкивался с таким?

– Каждый случай индивидуален, но похожее бывало. Не беспокойся, ты испытываешь не страх, а мандраж перед встречей с неизведанным.

Вот так успокоил.

– А я... я могу увидеть это? Или оно доступно только тебе?

– Зависит от сущности. Восприятие фамильяра опережает ощущения практикующего, но, в отличие от нас, вы видите только

общую картину и поверхностно. Скажем, ты услышишь мелодию, а я на слух определю все ее составляющие.

Втянув носом, я покивала, доставая из сумки ключи. В подъезде, теперь уже совершенно неудивительно, было темно. Забросив в квартиру сумку, я повела Влада наверх, к Виталине Андреевне.

То ли так повлияли слова Яблонева, то ли полнолуние или собственная вера в фамиллярство, но с каждой ступенькой шагнуть на следующую становилось все тяжелее. Полумрак подъезда давил на спину и затылок, и я не выдержала, обернувшись на ведьмака:

– Ты тоже это чувствуешь?

Даже шепот казался слишком громким и совсем неуместным. Как на кладбище, честное слово. Поежившись на это сравнение, я остановилась на лестничной площадке пятого этажа.

– Это из-за некротической волны. Чем ближе мы к ее истоку, тем больше хочется сбежать особо восприимчивым, как мы, или тем, у кого обострен инстинкт самосохранения.

Без какой-либо подсказки с моей стороны Влад остановился точно у нужной двери и нажал на звонок.

– А если ее нет дома?

– Есть.

Из-за двери слышалось осторожное «кто там?», и Яблонев кивнул мне.

– Виталина Андреевна, это Агата, ваша соседка с первого, – представилась я, встав точно перед глазком.

Дверь приоткрылась, и хозяйка выжидающе посмотрела на меня, подозрительно покосившись на Влада. Раньше я никогда не заговаривала с Виталиной Андреевной, ограничиваясь соседским приветствием, если встречала у подъезда или почтовых ящиков. Даже имя ее мне как-то ненароком сказала баба Катя с третьего. В какой-то мере, сейчас я, как и Яблонев, видела ее впервые.

Маленькая худенькая женщина в длинной черной юбке, водолазке грязно-желтого цвета и коричневой толстой вязаной жилетке до бедра на блестящих пуговицах почему-то напоминала пчелу. Короткие каштановые волосы с проглядывающей сединой и глубоко посаженные карие глаза лишь усиливали сходство. Усталая, высушенная пчелка, застрявшая между стеклами оконной рамы.

– Что стряслось?

– Вы сами знаете, – вступил Влад. – По ночам шаги, падают вещи, умирают цветы, свет мигает... И сны такие тяжелые, как будто подушкой кто-то душит, а запах знакомый, верно? Такой знакомый и родной, что терпите. Вам нужна помощь, и я готов ее предоставить.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – побледнела женщина. – Уходите!

Ничего себе, разобрался на месте!

– От вашей квартиры пахнет могилой, – поставил Влад ногу на порог, не дав ей закрыть дверь. – И вы хороните себя в ней заживо. Посмотрите мне в глаза и скажите: я в порядке. Сможете – мы уйдем.

По спине побежали мурашки, спокойный вкрадчивый голос практикующего заволакивал, невозможно было не прислушаться и не подчиниться. Если бы до сих пор я сомневалась в способностях Влада, принимая его за шарлатана, то сейчас бы уверовала. Его дар, энергетика, что бы это ни было, чувствовались в воздухе густой, пробирающей до костей и электризирующей пространство силой, игнорировать которую не получалось.

– Я... – слабо начала Виталина Андреевна, стиснув края жилетки. Женщина смотрела Владу в глаза, похоже, затаенная в их серость грозовых туч. По себе зная, как непросто находиться под таким «рентгеном», я почти не удивилась, когда она отступила, так и не сумев произнести «в порядке». – У меня нет денег.

– Я предложил помощь, а не работу, требующую оплаты, – уточнил Яблонев. – То, что в вашей квартире, начинает набирать мощь и влиять на других жителей дома, питаюсь их энергией.

– Проходите, – устало пригласила Виталина Андреевна. – Вы... экстрасенс?

– Не совсем, – не стал вдаваться в подробности Влад, заходя в квартиру.

Разувшись и сложив верхнюю одежду на небольшую полку для обуви в тускло освещенной прихожей, мы прошли в зал. В квартире у Виталины Андреевны было чисто и просто: старая мебель (стенка еще годов 60-х), основательно продавленный диван, застеленный толстым ковром, кружевные салфетки на столе, два затертых кресла, телевизор на тумбочке в углу и книжные полки. На стене тоже висел узорчатый ковер, а пространство над диваном облепили старые черно-белые фотографии.

Нервно поглядывая на нас обоих, Виталина Андреевна присела на краешек кресла, сцепив руки. Похоже, она сама не понимала, почему впустила нас. Влад обошел комнату по кругу, ненадолго задерживаясь возле каждой стены, пока не остановился напротив фотографий.

– Стена смерти, – констатировал ведьмак, простояв напротив нее несколько минут. – Ваш покойный муж, – он указал подбородком на портретное фото мужчины с коротким ежиком волос и квадратной челюстью, – и сын, – стройный молодой мужчина в очках и с красивой улыбкой, – а это ваша старшая сестра? Кровная связь по роду идет, и смерть... не более двух лет назад.

– Да, – каркнула женщина. – Наталье поздно диагностировали рак...

– Может быть, вам принести воды? – участливо спросила я, опасаясь, что она вот-вот упадет в обморок.

– Нет, не нужно, пожалуй, молодой человек выбрал правильное название, – растерянno пробормотала соседка.

– Меня зовут Влад, и так, – он снова указал на стену, – делать совершенно нельзя. Оставляя мертвых на виду, ежедневно их поминая, плача по ним, разговаривая с фотографиями, то есть отпечатками души, вы привязываете их к себе, не даете душе продолжать ее путь. Это нарушает определенные законы, и то, что происходит сейчас в вашей квартире и с вами – последствия этого нарушения. Все фотографии немедленно убрать, старые вещи покойных, – ведьмак кивнул на шкаф, – в церковь. После того как я закончу, в течение недели обязательно заведите трехцветную кошку. Она тут должна быть, согреет вам грудь и ноги.

Последняя рекомендация поставила меня в тупик, но Виталина Андреевна, казалось, что-то поняла.

– Мне позавчера сестра так во сне сказала, – ошарашенно проговорила она. – Велела завести кошку с черными лапками и назвать Нюрой.

– В честь старшей, оберегающей ваш род по материнской линии, – пояснил Влад как ни в чем не бывало. – Дополнительная защита дому и вам. Она пытается вам помочь и защитить от беды, накликанной вашими стараниями.

Только я хотела намекнуть своему практикующему сбавить обороты и не говорить на грани с грубостью (даже если он прав) с

несчастной женщиной, как случилось кое-что еще. Спины коснулось нечто ледяное, вдоль позвоночника к голове стрельнуло таким холодом, что сразу заныли зубы. Шарахнувшись в сторону, я обернулась, видя перед собой только край книжных полок и кресло. Зная, что ничего мне не померещилось, я попятилась к Владу.

– Мне только что ткнули в спину какой-то ледышкой.

– Это была рука, и она тебя не коснулась. – Ведьмак присел на корточки, расстегивая рюкзак. – Ты предугадала это за несколько мгновений, чему я рад. Сущность почуяла и высунулась на твою энергетику. Виталина Андреевна, не могли бы вы пока побыть на кухне?

Рука? Поежившись, я обняла себя, недоверчиво осматриваясь вокруг. Представив, как такие же прикосновения дни напролет переносит хозяйка, я передернулась, испытав что-то похожее на то мерзкое чувство, когда слышится, как кто-то водит лезвием по стеклу.

– Это мой муж? – шепотом спросила Виталина Андреевна, прижав руку ко рту.

– Это то, что хочет, чтобы вы так думали. – Ведьмак зажег черную тонкую свечу. – Уцепилось за ваше горе, откормилось на нем и отправилось разнообразить меню. Хотя и другие духи тут есть, просто они редко проявляются. Не желают вам вреда, но и уйти не могут, – темный снова указал на фотографии. – В любом случае их всех нужно отправлять отсюда туда, где им место. Мертвому место в могиле, живому – в квартире.

Цвет глаз Яблонева поменялся, став темнее на несколько тонов, что-то среднее между мокрым асфальтом и чернилами, в жизни не видела такого. Подобного быть не могло, но преобразилось и лицо ведьмака: черты как будто заострились и утончились, выпустив наружу больше птичьего. Эта поразительная метаморфоза совершенно не портила парня, напротив, делала еще таинственнее и опаснее. Она пропускала наружу какую-то дикость, что-то настоящее и первобытное, без шкурки условностей, приличий и современности. Интересно, когда у меня в глазах появляется желтизна, я тоже становлюсь привлекательней?

Виталина Андреевна покинула комнату, я слышала, как закрылась дверь на кухне и из крана потекла вода. Похоже, она решила взяться за готовку или мытье посуды. Я бы тоже на ее месте, скорее всего,

попыталась успокоить себя чем-то привычным и нормальным. Все лучше, чем плакать или трястись от страха.

– Что тут происходит?

– Иди сюда. – Влад прижал меня спиной к своей груди, обняв за плечи, и вытянул вперед руку со свечой. Пламя прыгало и дрожало, вспышками отражаясь в металле его колец. – Посмотри на это кресло сквозь пламя и скажи, что видишь или чувствуешь.

Сделав, как он велел, я глубоко вдохнула вместе с ним, сосредотачиваясь на том, что видела перед собой. Желтый огонек с оранжевой сердцевинкой раздвоился перед заслезившимися глазами, и где-то на границе между светом и пеленой слез появилось нечто темное, висевшее прямо в воздухе и испускающее ледяной холод. О господи боже, оно реально существовало.

– Что это такое? – пробормотала я. – Темное, холодное... и жуткое?

– И видишь, и чувствуешь? Прекрасно, – отметил Влад. – Перед тобой воронка, создающая некротическую волну, от которой нам здесь не по себе. Все равно что дверь в мир мертвых, распахнутая настежь. И в этой квартире день открытых дверей объявлен давно, с 31 октября, как я подозреваю.

– Хэллоуин – это правда? – опешила я. – В эту ночь духи действительно ходят среди живых?

– Самайн, – поправил Влад. – Нет ни одного языческого праздника, не имеющего под собой серьезного основания. Древние были куда умнее своих потомков, ставили во главу угла правильные вещи, знали, чего бояться, и сначала прислушивались к тому, что их окружает, а не к себе.

– И каков наш план?

– Выгнать в воронку твоего поклонника и закрыть ее, после чего отправить растревоженных мужа и сына на покой.

– Мне что делать?

– Быть рядом со мной и держать эту свечу. Она поможет тебе видеть на другом плане, если понадобится.

Из рюкзака ведьмака на свет появились пучок какой-то сушеной травы, черная ткань, чаша, красный пузырек, серебряная цепочка и еще одна свеча – близнец моей. Влад засучил рукава рубашки до локтей, показывая надежно скрытые напульсниками запястья. Поднеся

траву к пламени свечи, он поджег ее и тут же замахал справа налево, оставляя тлеть и пускать густой, горький и вонючий дым.

– Полынь, – пояснил Яблонев, окуривая квартиру по часовой стрелке.

Я следовала за ним хвостом, не собираясь отходить далеко. Продиктовано это было вовсе не страхом или волнением, даже не пожеланием самого Князя. Я просто знала, что так правильно. Быть на шаг позади практикующего, смотреть вокруг и ждать подвоха. Откуда пришло это знание – другой вопрос, ответ на который не так уж и важен. Интуиция.

Опустив остатки травы в чашу, Яблонев поставил в нее свечу, покапав воском, и окропил цепочку какой-то прозрачной жидкостью из пузырька. Ведьмак быстро зашептал на незнакомом языке, остановившись в центре комнаты, и я словно оказалась ногами в холодном течении.

Взгляд «сквозь» огонь стал ошибкой. Вскрикнув, я дернула Влада за руку, отталкивая от того, что тянулось к нам. Серое, без лица и вообще чего-то человеческого, оно выползло из-под дивана, словно просачиваясь в узкую щель между ним и полом, направляясь ко мне. Тонкие руки с растопыренными пальцами, неестественно согнутые ноги, рот-рубец, и не от уха до уха (ушей не было), а от края до края.

Сердце забило в горле, волосы на макушке встали дыбом, я сморгнула выступившую слезу, и тварь исчезла. До тех пор, пока я снова не посмотрела через пламя. Я не знала ни одной молитвы, но в этот момент мне захотелось знать их все, знать всё, что знает Яблонев, иметь в руке такую же цепочку и понимать, как правильно всем этим воспользоваться. Удивляясь самой себе, я вдруг поняла, что не думаю о том, как сбежать или как перестать бояться. Единственное, что меня заботило: как защитить Влада и защититься самой.

Однако Яблонев прекрасно справлялся сам. Выбравшись из-под дивана до конца, серое нечто сменило курс, по-паучьи двинувшись к ведьмаку. Слыша практикующего, я поняла, что сущность тоже что-то говорит ему, но звука не было. Ведьмак рассек пространство перед нами цепочкой по диагонали, свистящий звук словно пролетел сквозь уши, и захватчик рванул назад, испугавшись.

Не глядя, Влад протянул мне руку, и я крепко сжала его пальцы, интуитивно понимая, что ему нужна моя поддержка. Темный повторил

замах, и от ладони до локтя словно ток пустили. Сущность отбросило к стене, глаза щипало, я больше не могла смотреть сквозь пламя и опустила свечу.

Заступив Яблонеvu за спину, я обняла его со спины, следуя подсказке внутреннего голоса. Подбородок лег парню на плечо, губы прижались к теплой шее, ладонь застыла у самого сердца, и мы задышали вместе. Никаких сомнений, ничего, даже отдаленно на них похожего, только циркуляция уверенности от него ко мне и силы от меня к нему.

Обычная, чуть мутная из-за дыма комната стала чувствоваться нормальной только после третьего замаха Влада. Ведьмак замолчал, накрыв рукой, держащей цепочку, мою, и какое-то время мы просто дышали. Я старалась осмыслить то, что только что увидела, он, должно быть, приходил в себя.

Яркие картинки мелькали в голове по кругу, но все это больше походило на обдумывание фильма, пока идут титры. Ужасика, если точнее. И я всерьез хотела бороться с этим паукообразным?

– Агата? Ты как? – Влад насильно усадил меня на диван и опустился на корточки напротив, задув наши свечи.

– Пытаюсь понять, что только что произошло. Полынь...

– ...галлюцинаций не вызывает. Ты ее видела.

– Да. Это... оно... уродливое, серое, без глаз и... – Я замолчала, вдыхая носом.

– Ты встречала раньше что-то подобное?

– Смеешься?

– Во сне? – допытывался Князь, удерживая мой взгляд.

– Да нет же, никогда!

– Агата, я впервые вижу, чтобы кто-то при первом контакте с подобным не испугался, не завопил от страха и не попытался удрать. Когда в пять лет я увидел свою первую сущность, то не спал неделю.

– Не было у меня времени на это, – нахмурилась я. – Сейчас только прихватило, наверное, поверить до конца не могу, что такое бывает. Тогда я как-то больше думала о том, чтобы оно к тебе не подобралось.

– Настоящий фамильяр, – покачал головой Влад, и восторг в его глазах мне вряд ли привиделся. Притянувшись, парень нежно

прижался губами к моему лбу: – Спасибо, Агата. А теперь иди на кухню, к хозяйке, остальное я сам доделаю.

Кивнув, я чуть сжала руки на коленях, сдерживая желание обнять Яблонева за шею. Мимолетный братский жест со стороны темного принес облегчение, как вовремя выпитая таблетка от головной боли. Наверняка какой-то эффект нашей связи.

– Ты вышвырнул ее?

– И на этот раз мне это почти ничего не стоило, благодаря твоим на удивление умелым действиям. Как ты догадалась, что нужно прикоснуться ближе к сердцу и голове, чтобы усилить поток собственной энергии?

– Интуиция, – пробормотала я, все еще слегка смущенная собственной инициативой с объятием и почти поцелуем в шею.

– Иди, позже все обсудим, – пообещал Влад. – Нужно отпустить духов.

На с трудом гнущихся ногах, пахнувшая полынью и воском, я дошла до кухни с жуткими обоями, пестреющими подсолнухами, и опустилась на табуретку. Виталина Андреевна смотрела на меня так, будто совершенно не знала, что делать: то ли чаю предложить, то ли выгнать. Что бы ни было в моем взгляде, оно заставило ее закрыть приоткрывшийся рот, поставить на плиту чайник и суетливо закопоситься в холодильнике.

Ранее я думала, что обратной дороги не стало после ритуала заключения связи между мной и Владом. Вранье. Она исчезла только что, когда я действительно увидела и прочувствовала, с чем мой практикующий сталкивается на самом деле.

Сериалы, прогулки, чтение и прочая прокрастинация подождет. Важно то, что делает Влад, и я хочу научиться всему, что должна уметь делать. Всему, что поможет защитить его.

Глава 18

Настоящие тренировки, призванные сделать из меня толкового фамильяра, начались на следующий день после изгнания сущности. По количеству времени и всему, что от меня требовалось, они напоминали получение второго высшего образования. Лекции по теории, практические задания, физические упражнения, проверки усвоенных знаний... Домашняя работа, и та присутствовала! Суровость и въедливость Влада не знали границ, когда дело касалось точных формулировок или соблюдения установленных нормативов.

Я воспринимала их с энтузиазмом, ворча на него больше из вредности или интереса, какой саркастичной шуткой ответит ведьмак. Иногда перед глазами все еще всплывал яркий образ того, с чем мы столкнулись в квартире Виталины Андреевны, и это подстегивало не опускать руки и выкладываться на всю.

Часто на наши силовые занятия приходили Варвара с Сашей, и тогда Миркова брала на себя роль наставника, упрощая понимание многих вещей. Пантера проводила мастер-класс в использовании физических преимуществ сущности и применении хищных инстинктов. Пока наши практикующие мирно болтали, сидя на скамейке и куря, мы с Сашей разминались, бегали, прыгали в длину, играли в прятки по всему парку, лазали по деревьям (это у меня получалось хуже всего) и даже в шутку боролись.

Миркова показывала некоторые полезные приемы самозащиты, как отсечь практикующего от толпы, как грамотно перекрыть подход к нему в транспорте... Целая наука, построенная на ее личном опыте, интуиции и ментальном восприятии окружающего. Скупая на похвалу и вообще на слова, пару раз она отметила, что упорство и труд в моем случае действительно все перетрут. К своему удивлению, я быстро схватывала все, чему учила Пантера, в состоянии повторить это с первого раза, без дополнительного разжевывания.

В марте Влад допустил меня до присутствия на приемах, так что очень часто, отсидев пары в институте с Ирккой, я приезжала к нему. Несколько часов ведьмак уделял внимание моей подготовке, а после я сидела с ним на чердаке один или несколько визитов клиентов.

Провожая меня до остановки через парк вместе с Кельтом, парень, как правило, охотно пояснял все, что было неясно в том или ином деле.

Говоря, что проблема каждого его посетителя индивидуальна и не всегда мистического толка, Яблонеv нисколько не преувеличивал, в чем я успела убедиться. Проклятия, сглазы, порчи... Люди искали ответов у умерших, защиты, мести, исцеления и спокойствия с таким остервенением, словно Влад был всемогущим, всевластным и железным. Они предпочитали не замечать ни его усталости, ни откровенного неодобрения некоторых просьб, ни правды, беспощадно вылетающей из его рта особо настойчивым «мстителям».

После девушки, просящей проклясть старшую сестру за то, что ту родители любят больше, и считающей это в порядке вещей, я решила, что не буду критиковать вредную привычку Яблонева. От встречи с подобными ненормальными закурить хотелось даже мне.

Думаю, не подписывай каждый клиент договор о неразглашении, ведьмак уже давно оброс бы исками за «шарлатанство» или «оскорбления» от недовольных, кому он посоветовал обратиться к психологу, а не портить энергетику темными делишками. Конечно, такими были не все, встречались и порядочные, по-настоящему несчастные и обеспокоенные люди, те, для кого Влад был последним шансом, а не первым. И он помогал, каждым успешно решенным делом уверяя в правильности моего выбора.

За полтора месяца дом Яблонеvх стал для меня почти родным. Тома буквально млела каждый раз, когда после долгих прогулок мы с ее сыном перешучивались на кухне, на скорую руку готовя себе перекус. Отмахиваясь от сына, настаивающего, что у нее наверняка есть свои дела, она подолгу болтала со мной о разных вещах, неподдельно интересуясь успехами в учебе, здоровьем мамы и не обижает ли меня Влад.

Если Тамара видела нас с Владом вместе, то моей маме этого и не требовалось, чтобы понять, почему я довольно улыбаюсь телефону или пришла с «прогулки» так поздно. Все чаще с ее стороны проскальзывали намеки на желание познакомиться с этим «волшебным Владом», способным разбудить меня в десять утра в субботу и не получить пяток угроз жестокой расправы в ответ.

Я хорошо понимала: в один прекрасный момент намеки превратятся в приказы с пометкой «немедленно», и старалась

максимально отсрочить это знакомство. Не из страха, что мой практикующий не понравится (Князь мог очаровать любого, когда хотел), а какие выводы мама сделает. В ее голове у Влада точно был статус моего парня, несмотря на все мои уверенные «мы просто друзья». То, что все не «просто», она поймет сразу, только вот как именно – не догадается, сразу же поставив на самое очевидное.

– Ты чего? – дернула меня за рукав Ирка, когда мое разглядывание погоды за окном аудитории затянулось. Прошло десять минут с начала пары, а преподаватель так и не явился. Всей группой мы собирались подождать еще пять и свалить по старой доброй студенческой традиции.

– Задумалась, – пробормотала я, потирая большим пальцем агат на кольце.

– О сегодняшнем вечере? Забыла спросить: ты решила, в чем пойдешь?

Сегодняшний вечер пятницы в кругу практикующих был отведен на общий сбор в квартире у Праховой, так как была ее очередь принимать всех на своей территории.

– Нет, у меня возникли некоторые проблемы с одеждой, все джинсы стали велики, – скромно сообщила я факт, заставивший меня станцевать джигу по квартире в прошлую среду.

Нет новости счастливее на свете, чем похудение здорового, не сидя на диете. Под аплодисменты мамы я даже влезла в школьное выпускное платье, пылившееся в самом дальнем углу шкафа.

– Ого, да это победа! Сколько сбросила? – искренне порадовалась Ирка.

– Не знаю, я никогда не встаю на весы, но на один размер точно.

– Так надевай легинсы, тунику и ботильоны, а сверху пальто, – она кивнула на мое драповое синее пальто, висевшее на спинке стула. Зимние морозы отступили еще на первой неделе марта, и все девушки универа поспешно скинули пуховики, сменив их на более изящные, а главное, не придающие дополнительные объемы пальто и куртки.

– Ботильоны рано, еще лед не везде сошел, – сморщилась я.

– Потерпишь, – отрезала Ругалова. – Нельзя заявиться на посиделки к ПрахМиру, выглядя черт-те как. Потом не отмоешься. Ладно я, нам, светлым, в общем-то, плевать, что там думает кошачий тандем, но ты с Владом...

– Хочешь сказать, чтобы я не позорила его джинсами и свитером? Я прикусила язык, но мои комплексы уже вылетели наружу.

– Я собиралась сказать помягче, – укоряюще посмотрела своими большими карими глазами Ирка, так проникновенно, что мне стало неловко за свой тон. Штучки светлых, не иначе. – Ты же сама все понимаешь.

– Понимаю, – тяжело вздохнула я, не соврав.

Чего уж тут было не понять. Темным нужно соответствовать. И раз внутренне у меня еще не получается (программа фамилльярства пока так и не запустилась), то хотя бы внешне дотянуться до их планки шанс был. Миркова не носила дизайнерских шмоток, не красилась, как Варвара, но все же не выглядела потрепанным воробушком рядом с орлицей. Дело тут было не в стиле или вычурности одежды, не в ее цвете, а скорее в прослеживаемой индивидуальности и излучаемой способности постоять за себя.

– Ботильоны? – настойчиво переспросила Ирка, когда вся группа с довольным гомоном принялась одеваться на улицу и собирать сумки, радуясь внезапному окончанию учебы.

– Ботильоны, – хмуро признала я, натываясь взглядом на Самойлову, разумеется, как обычно не проявляющую радости. Кивнув мне, Ярослава накинула черный капюшон куртки и выскользнула из аудитории. Не знаю почему, но мне казалось, что она обиделась, а разбираться с ее странным поведением было некогда среди всех моих занятий, поездок и прогулок с практикующими.

Дома, убрав всю квартиру, согласно нашему с мамой договору, по которому она отпускает меня сегодня веселиться, я остановилась перед шкафом, нехотя вытягивая вещи, посоветованные Иркой. Настроение отчего-то стремительно портилось, все больше хотелось остаться дома и вообще никуда не выходить. Почуввав, откуда ветер дует, я достала телефон и зашла в наш с Яблоневым чат.

Не только Влад мог чувствовать мое настроение на расстоянии. Это работало и в обратную сторону, о чем я узнала на третьей неделе обучения. Правда, у меня уловить ведьмака получалось намного реже – то ли из-за не до конца запустившейся связи, то ли из-за того, что парень, в принципе, почти всегда контролировал себя и не впадал в крайности.

Не успела я допечатать свое банальное «Как дела?», как на экране высветился входящий звонок от Князя.

– Герцогиня, поговори со мной, – без приветствий начал ведьмак. Голос парня звучал устало, и я вспомнила, что сегодня у него была пара домашних дел по городу, требующих посещения банка и почты.

– Что случилось?

– Я вытерпел два часа в душном болоте человеческого идиотизма, медлительности и жадности, – кисло поделился Влад.

– Добро пожаловать в мир простых смертных, – хмыкнула я.

– Ад на земле это, а не мир, – проворчал Яблонев.

– Тебе случайно не привиделось, в чем я сегодня буду у Варвары?

– В кожаном ошейнике с шипами, – незамедлительно ответил практикующий.

– Что? – вытаращилась я на себя в зеркало, успев дойти до прихожей. – Нет у меня такого ошейника!

– Но попытаться-то стоило, – усмехнулся Яблонев. – Я же не сказал, что это единственное, что на тебе будет...

– Влад!

– Давно пора запомнить: я не ясновидящий.

– Неужели? А кто велел мне на прошлой неделе осторожно переходить дорогу, потому что есть вероятность, что меня собьет машина?

Пришлось два дня по несколько раз оглядываться по сторонам, прежде чем ступить на пешеходную зебру!

– Это предчувствие, а не четкая картинка, не путай.

– Мы не на занятии, не надо мне тут включать «Влада-учителя»!

– Мне казалось, я тебя полностью устраиваю в этой роли, – ввернул Яблонев, и его пошлый намек заставил меня покраснеть, как маков цвет. Хотя, может, я это так воспринимаю, а он, как обычно, просто сказал то, что сказал, без подтекстов.

– Значит, ты забыл покреститься, – нашлась я, качая самой себе головой.

– То есть я тебя не устраиваю?

– То есть не задавай мне глупых вопросов, – буркнула я. – Лучше скажи, к скольким и куда я должна подъехать?

– Где пожарная часть на Ложевой, знаешь? Ты ее проезжаешь каждый раз, как едешь ко мне, – великодушно позволил мне соскочить

с острия беседы Влад. – Остановка «Лагуна». Я тебя там встречу в половине шестого.

Глянув на электронные часы, показывающие начало пятого, я ухмыльнулась:

– С плакатом?

– Каким? – не понял ведьмак.

– Чтобы я тебя узнала и не потерялась.

Ну вот, теперь шутка выглядит глупой. Разъяснения убивают юмор на корню.

– Нет, сделаем проще. У меня в рюкзаке будет килограмм сарделек, – расхохотался темный, и я плюхнулась на диван, смеясь в ответ. – Найдешь по запаху.

– Вот возьму, найду, плюнем на тусовку, поедem к тебе, разведем костер и пожарим их на огне, – мигom придумала я.

– Отличный план. Одно маленькое «но».

– Фактор Варвары? – догадливо предположила я.

– Ага, она злопамятная, обидится, потом на кошачьих консервах разоримся.

Обожаю шуточки своего практикующего на «звериную» тему. Расхохотавшись, я отключилась, попрощавшись до встречи. Хихикая себе под нос, довольная, что бомба с плохим настроением Яблонева ликвидирована, я бодро приступила к сборам.

Мама пришла домой за двадцать минут до моего выхода и за это время успела не только подправить мне хвост на затылке, но и задать десяток вопросов о сегодняшнем вечере. Разумеется, особое место в ее монологе (я притворялась партизаном) было отведено нише советов насчет алкоголя, поведения с парнями и прочей «технике безопасности», сидевшей у меня в печенках с шестнадцати. Собирайся я на вечеринку в незнакомой компании, все они пришли бы к месту, а так... Повторенье – мать мученья.

Как и обещал, Влад ждал меня на остановке по соседству с несколькими центрами мобильной связи, в один прекрасный момент выросшими по всему городу, как грибы после дождя. Подойдя к нему, я демонстративно втянула носом, тут же соорудив недовольную мину:

– И где мои сардельки?

– Я подумал, что с ними ты точно сможешь склонить меня на сторону подготовки на костре возле моего дома, – улыбнулся Князь, обняв

меня в ответ. – Ты стала выше?

– Если бы. – Я продемонстрировала ему шпильку черного кожаного ботильона.

– Что-то они не вызывают у меня доверия.

Отлично, в этом мы тоже сходимся. Вспомнить бы, под чем я была, когда их покупала. Наверняка под маминым: «Ты современная девушка и должна выглядеть эффектно, а не как мужчина». Современным девушкам, видимо, не нужны здоровые ноги и удобство.

– Ругалова запретила мне приходить в ботинках или кроссовках, – наябедничала я.

– Пусть покажет мне значок полиции моды.

– Не удивлюсь, если он есть у Варвары.

– Очень может быть, но это не значит, что тебе нужно ее одобрение. – Влад привычно взял меня за руку, пока мы переходили дорогу параллельно трамвайным путям. Сейчас я была ему вдвойне благодарна, все еще не привыкнув к такой обуви после зимней сплошной подошвы.

– Вот еще. Я просто хочу... – прикусив язык, я уставилась прямо перед собой, пожалев, что вообще завела беседу в эту сторону. С парнями о таком не разговаривают. Даже с собственными практикующими. Яблонев и так в курсе почти всех моих комплексов, не нужно пополнять этот список еще одним.

– Чего ты хочешь? – покосился на меня Влад, и его серые глаза вспыхнули интересом, а это дурной знак для тех, кто хорошо его знает. Значит, Князь не отстанет, пока не получит ответа.

– Добраться до ее квартиры без переломов.

Влад приоткрыл рот, чтобы подсечь и потянуть правду наружу каким-нибудь едким замечанием, но внезапно остановился, опустив взгляд на наши сцепленные руки. Его большой палец касался агата на кольце, и ведьмак нахмурился, посмотрев по-другому, так, как не умеют обычные люди.

– Что такое? – насторожилась я.

– У тебя кольцо ослабло, словно работает полгода без чистки и зарядки.

– И что это значит?

– То, что оно что-то приняло на себя. Не проклятье, тогда серебро бы потемнело... Похоже на выдерживание чьего-то удара по

энергетике... – Влад поднес мою руку ближе к лицу и глянул исподлобья: – Ты ничего не хочешь мне рассказать?

Была одна такая вещь, говорить о которой я совершенно не хотела. Как о дырке в зубе, пока не припечет как следует и от боли перестанут спасать таблетки. Тот парень из серого сна, где я шла среди собак сквозь толпу, снился мне еще несколько раз, говоря странные вещи, называя своей и задавая неприличные вопросы, ответить на которые я хотела прямым хуком.

Один раз он умудрился пробраться в совершенно безобидное сновидение о прогулке со старыми знакомыми, вспомнившимся днем. Проснувшись среди ночи, злая как черт, я первым делом натянула кольцо, спрятанное под подушкой, доверившись интуиции. С тех пор снимала его только перед душем, и наглый незнакомец больше не тревожил. Однако рассказывать эту историю Владу казалось мне совершенно глупым и детским.

К тому же кольцо могло ослабнуть из-за случившегося на последней физкультуре, на что я и поспешила указать:

– А это может быть результатом крупной ссоры, где меня довели до белого каления и я едва смогла уйти, чтобы не откусить оппоненту голову?

– Кто это так тебя раздражил? – полюбопытствовал Влад, снова уделив все внимание агату. – В принципе, очень похоже, если это действительно был продолжительный скандал с непрерывным выплескиванием агрессии.

– На физкультуре очко волейбола не поделили, меня еще и в касании к сетке обвинили, слово за слово...

– Интересно, как я это пропустил.

– Спал, конечно же. Первая пара, – пожала я плечами. – А после я поела и успокоилась.

– Да, покажи тебе кусок мяса, и ты спокойна, как гора, – хихикнул Влад.

– Не-а. *Дай* мне кусок мяса, и я спокойна, как гора. Показать каждый может.

Переглянувшись, мы расхохотались, проходя мимо пожарной части. Яблонев указал мне на девятиэтажки ниже по улице, и вскоре мы подошли к ужасно непродуманному двору, закрытому почти со

всех сторон и забитому машинами. Наверняка утром и вечером здесь жуткое столпотворение.

– Погоди, – снова остановился Влад, оборачиваясь.

Я повернулась в ту сторону, видя шикарную черную иномарку размером с маршрутку. Она остановилась в паре метров от нас, с водительского вышел высокий темноволосый мужчина, обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

– Что-то не похоже на такси, – поделилась я с Владом.

– Это Артем – друг Насти, – подсказал ведьмак, а вскоре показалась сама практикующая.

Выглядела Захарова, как всегда, сногшибательно. Черное готическое пальто в стиле стимпанк, с поставленным воротником, фиолетовыми ремешками на груди, коротким передом и длинным подолом на молнии сзади, распущенные белые волосы, падающие на плечи из-под элегантного цилиндра, и чернильные бриджи, уходящие в шикарные, на шпильке, кожаные сапоги по колено. Набалдашник ее неизменной трости сжимала рука в черной перчатке, поверх которой сверкали кольца с крупными камнями.

Пожалуй, стоит сказать «спасибо» Ирке. Сидеть весь вечер за столом в свитере рядом с такими стильными девушками, как Варвара и Анастасия, моя девичья психика бы не пережила. Знакомство с ними заставляло задумываться о собственном внешнем виде, а это уже повод для благодарности от мамы, что прискорбно.

– Добрый вечер, – кивнула нам Настя, и мне захотелось спросить, где она нашла такие крутые сиреневые тени. Как обычно, макияж полностью дополнял образ. Художнику не откажешь во внимании к деталям.

Поздоровавшись в ответ, далее я не участвовала в обмене любезностями, все еще робея в присутствии Захаровой. Мы пересекались несколько раз после того случая с клятвой Ругаловой, но я не особо продвинулась в общении с Настей. Казалось, между ней и всеми остальными существовала какая-то незримая стена, преодолеть которую дано было не каждому. Влад, естественно, входил в число этих избранных, чему я нисколько не удивилась.

Прахова жила на шестом этаже в трехкомнатной квартире. Как-то в разговоре о связи практикующего и фамильяра она упомянула, что родилась и выросла в Калуге, а после школы поступила в Тульский

политехнический на политолога и переехала в Тулу. Как объяснила Варвара, ее притянула Миркова, которую она встретила в первый же день у главного корпуса. Кроме того, Саша стала причиной и их встречи с Владом. Оказывается, Яблонев почувствовал их кошачий тандем и решил подойти, познакомиться.

После заключения связи с Сашей, не желающей переезжать куда-то далеко от семьи, Прахова решила остаться здесь, на что ее папаколдун (как назвала его Ирка) дал добро, подарив ей квартиру. Вроде бы он тоже занимался приемами в Калуге, а ее мама, как я успела понять, имела какой-то свой бизнес, что-то вроде сети салонов красоты.

Мысль о достатке практикующих убивала меня. Не в смысле зависти, а из-за понимания, сколько людей готовы платить за то, чтобы другим было плохо. Это пугало.

Преодолев пять пролетов, в очередной раз проигнорировав существование лифта, мы остановились перед черной железной дверью. Привычная к тому, что у практикующих в ожидании гостей двери открыты, я потянула ее на себя. Шаг в прихожую, и я едва успела отскочить в сторону, спасая ногу от когтей крупной черной кошки с желтыми глазищами. Выгнув спину, она зашипела на меня, ударив лапами воздух. Отличное пополнение в армии моих кошачьих ненавистников. Почему никто не предупредил, что у Праховой есть кошка?

— Анфиса! — строго цыкнула Захарова, стукнув тростью по полу, пока Яблонев смеялся, прислонившись к закрытой двери. Кошка попятилась, но шерсть приглаживать не спешила, недовольно охаживая себя хвостом по бокам.

— Очень смешно.

— Я думал, ты рыкнешь, и она сбежит, поджав хвост, — снова расхохотался ведьмак.

— Анфиса не поджигает хвост, — утвердила вышедшая к нам Варвара, беря свою питомицу на руки. — Да? Плохая Агата, напугала мою детку...

— Чего? — возмутилась я. — Ты посмотри на этого дракона в кошачьей шкуре! Она мне чуть ногу не оттяпала!

— Все ты врешь, — хмыкнула Прахова. — Правда, мадам Фи?

– Вот уж точно: фи, – буркнула я, оглядываясь на Влада, который, похоже, заглотил целый кулек смешинок, до сих пор не успокоившись. – Ничего-ничего, – нежно проворковала я, сменив тактику. – Мы в следующий раз, Анфис, с тобой обязательно подружмся. Я приведу Кельта, и мы с ним вдвоем с тобой подружмся. Раз и навсегда.

Предположительно с кухни послышался басовитый смех Потапова, дополненный смешками Кати и Саши.

– Ты что сделала с Яблоневым? – поинтересовалась Варя. – Насть, что она с ним сделала?

– При мне ничего, – ответила Захарова, вешая свое пальто и принимая мою куртку.

– Слышали? – отошла ведьма назад, глядя налево. – Фамильяр Князя угрожает съесть мою малышку, а он все от смеха не разогнется.

– Что? Ты где про «съесть» услышала? – снова возмутилась я, разувшись. – Я «это» в рот не возьму!

Влад, который только затих и собирался что-то сказать, снова прыснул:

– Все-таки нужно было брать сардельки.

Переглянувшись с ведьмаком, я сама засмеялась, опершись о стену. Повторная волна веселья охватила квартиру, и Варвара, качая головой и жалуясь Анфисе, унесла кошку в самую дальнюю комнату. Хотя смеялись все по разным причинам, я чувствовала эту общность и уют большой компании единомышленников. То, чего мне не хватало в первый раз в их кругу, потому что я не была его частью.

– Привет, – поздоровалась я со всеми, заходя на вполне себе обычную кухню в светлых тонах с балконом. Миша, отвлекшись от работы с открывалкой, выставил руку, и мы ударились ладонями.

– Привет, Агата, рада видеть, – улыбнулась мне Катя, перекидывая свою толстую русую косу за спину, чтобы не мешала резать салат. – Как твои дела?

– Отлично, спасибо, как сами? – Взгляд мой остановился на леопардовом фартуке Мирковой, стоящей у плиты, и смешок не заставил себя ждать. – Милый фартучек, прямо твой стиль.

– А половником в лоб? – ухмыльнулась Саша.

– Не моя вина, что ты не любишь комплименты, – пожалала я плечами, на что Миша согласно хмыкнул.

– Да мы тоже неплохо, только я начинаю волноваться, что Леша с Ирой запаздывают, – ответила Катя, покосившись на настенные часы с забавным циферблатом. По центру растянулась кошка, а стрелками служили хвост и лапы.

– Да это небось Ругалова не может выбрать: с хвостом ей идти или с распущенными, – фыркнула Миркова.

– Вообще не стоит забывать о пятничных пробках, – вступилась я за подругу, не исключая правоты Пантеры. Ирка и впрямь слегка зациклена на своей шевелюре. Средств для волос у нее в ванной больше, чем в парикмахерской.

– Конечно, – кивнул Миша. – Леша, наверное, сейчас о них и думает. Пока ждет ее в машине.

Хихикнув, я подхватила со стола закуски, уходя с ними по указанному Сашей направлению в зал. Вот в этой комнате чувствовалась настоящая Прахова. Круговерть белого, черного и красного начиналась от абсолютно черной стены, украшенной стильными черно-белыми фотографиями в красных рамках, до красного дивана с черными подушками, зажато между двух высоких торшеров с алыми розами на черном фоне на абажуре.

Много мягкой мебели, расставленной вроде бы хаотично, но на самом деле более чем продуманно. Домашний кинотеатр, кошачий замок в углу, в несколько ярусов, с башенками и разными штуками вроде когтеточки и игрушек, весь пол застелен красным ковром с черными и белыми узорами, книжный шкаф, стилизованный под старину, тяжелые темные шторы с двойным тюлем...

По одному этому интерьеру я охарактеризовала бы Варвару как натуру страстную, таинственную, своенравную и предпочитающую «стильный уют».

– Впечатляет? – приподняла бровь Прахова, отвлекаясь от разговора с Владом и Настей.

– Девиз: «Сильная и независимая» прослеживается вполне, – ответила я, и Яблонев широко улыбнулся, усмехнувшись.

– У меня Агате понравилось больше, – хмыкнула Захарова.

– Девочки соревнуются чувством стиля, – пояснил Влад, кажется, весьма этим позабавленный. Уверена, он в последний момент передумал говорить «меряются». Ведьмак подмигнул мне, и я

довольно составила все принесенное на прямоугольный длинный стол-трансформер со стеклянной крышкой.

Березин и Ругалова подъехали в начале седьмого к полностью накрытому столу и с бутылкой красного сухого вина в качестве извинения за опоздание. Оказалось, им пришлось заезжать на заправку, после чего они и застряли на Пролетарском мосту в пробке. Миркова угукнула, демонстративно переведя взгляд с якобы небрежного пучка Ирки на меня в духе: «Я же говорила». Хихикнув, я опустила на стул рядом с Владом, высматривая, что положить на тарелку. Впрочем, чего тут думать, конечно же, на первом месте кусок запеченной в духовке курицы.

– Даже и не думай, – пробормотала я Яблоневу, когда он приоткрыл рот, чтобы прокомментировать мой выбор. – Я хочу есть, а не давиться.

– Я хотел пожелать приятного аппетита.

– Да-да, – покивала я, даже не пытаюсь притвориться, что верю в это.

Сгрузив на тарелки себе и ведьмаку по паре ложек салата, я отдала лохань дальше, по кругу, Березину. Обнаружив в своей порции ненавистные оливки, я хитро перекинула их Владу, тут же сделав вид, что ничего не было. Не прошло и секунды, как мы прыснули, переглянувшись. Не знаю, что сегодня за день такой, но мы ведем себя как первоклашки на перемене!

– У кого что нового? – спросила Анастасия.

– У Ругаловой прическа, – хмыкнула Миркова, и я сцепила зубы, чтобы не засмеяться над подругой.

– А у тебя фартук? Что случилось со старым «Поцелуй киску»?

Я посмотрела на Влада, проверяя, не подвели ли меня уши, уже начавшие краснеть от очевидной пошлости. Смешки за столом подтверждали, что я не одинока в своих предположениях.

– Там все прилично было, – улыбнулся краешком рта ведьмак. – Кроме надписи.

– Сгорел, – тем временем ответила Ирке Варвара.

– Как? – живо заинтересовался Миша.

– Кое-кто, не буду показывать пальцем, тушил им сковородку с яичницей, когда она загорелась, – пояснила Саша, покосившись на

Прахову, и мы дружно захохотали. Да, очевидно, готовка у практикующих, за исключением Кати, не в чести.

За столом воцарилась дружеская атмосфера, несмотря на периодические словесные стычки между светлыми и темными, избежать которых, как я успела понять, в принципе невозможно. Каждый раз все обращалось в шутку и заканчивалось смехом, так что, быстро привыкнув, я расслабилась. Это одновременно напоминало консилиум врачей, обсуждавших тяжелые случаи своих пациентов (клиентов), и вечеринку подростков с бурными спорами о кино, музыке, лучших спортивных площадках города, магазинах и еще о куче разных мелочей.

Захарова сообщила, что в конце апреля у нее открывается новая выставка в «Ясной Поляне», и я уже собиралась заранее сагитировать Влада на обязательное посещение, когда в нос ударил запах железа, перекрывая все ароматы пищи, духов и квартиры Праховой. Поморщившись, незаметно понюхала вилку, решив, что это от нее, но она пахла соком маринованного помидора, растекшимся по тарелке.

— Что такое? — насторожился Влад, заметив, как я завозила на стуле, стараясь поймать источник резкого запаха.

— Не знаю, я...

— Яблонев, лови! — крикнула Миркова, и в одно мгновение мир для меня остановился.

К Владу, запущенный меткой рукой Саши, летел острый кухонный нож. Я видела, как он проворачивается, знала, что ведьмак не успеет уклониться и что с его глазом встретится не тяжелая ручка, а острие. Время, за которое я это поняла, вряд ли можно было обозначить чем-то большим, чем мгновение.

Волосы на голове встали дыбом, по позвоночнику пронеслось что-то колющее и горячее, подстегивающее действовать. Немедленно, наплевав на все, остановить угрозу любой ценой. Изо рта, продираясь через горло жутким хрипом, вырвалось что-то среднее между вскриком и низким рыком. Руки метнулись вперед, в ушах смешались чужие слова и возгласы. Хлопок. Комната погрузилась в мертвую тишину, едва мои ладони зажали лезвие плашмя прямо перед лицом Влада.

Выдохнув, я соскользнула взглядом с торчащего кончика ножа к глазам своего практикующего. Серое небо в них затянулось грозowymi

тучами, и мне почудилось, что в самом центре, прямо в темноте зрачка, встрепенулись вороньи крылья. Он потянулся к моим рукам, но замер на полдороге, всматриваясь в мое лицо так же, как и я в его.

Все в порядке, я успела. Остановила чертову железяку в воздухе, даже не порезавшись. Просто сцапала быстрее, чем осмыслила. Ловко, как собака-фрисби в прыжке.

Напряженная, натянутая как струна, я практически осязала ту ярость, что окутывала меня с ног до головы. Раскаленный воздух пек ноздри, дурманил запахами, раздражал звуками и все же оставался моим союзником, подсказывающим, где притаился враг.

Резко повернув голову, я уставилась на Миркову, едва не ранившую моего ведьмака. Достаточно было лишь подумать об этом, чтобы мыслей в голове не осталось вообще. Вскочив со стула, я увернулась от чужих рук, схватила его за спинку и метнула в Сашу. Она увернулась, кто-то завизжал... какие все медленные!

Очертания комнаты размылись, превратившись в зеленый луг с сельской дорогой, по которой я гнала во весь опор, поднимая пыль и сотрясая землю бегом своих мощных лап. И я была не одна. С каждый шагом ко мне присоединялись другие собаки, похожие на сопровождавших меня во сне.

Не оборачиваясь, я знала, что все они принадлежат к крупным породам служебных и сторожевых, а некоторые и вовсе настолько древние, что стояли у истока собачьего племени, охотясь еще до того, как люди научились строить первые жилища. Чувствуя их поддержку, родство и защиту, в какой-то миг я слилась с этой стаей на вечность, длившуюся всего мгновение, и стала частью большого собачьего «мы».

Мы – охотники. Мы – защитники. Мы те, кто не позволяет чужакам трогать наше. Мы участвовали в схватках и всегда выходили из них победителями. Сотни, тысячи атак, пена у пасти, теплая кровь врага, хриплый победный вой, от нас не уйти, нас не остановить. Наша история ведется от первых диких волков до настоящего момента, и опыт каждого учтен и увековечен в ней навсегда. Наша верность принадлежит лишь одному. Мы – ярость и забота, упорство погони и дрема ненастного дня, мягкая шерсть и острый клык.

Стоило только моргнуть, и вместо дороги я снова бежала вдоль стола, к Мирковой, но чувство стаи никуда не делось. Она по-

прежнему невидимо сопровождала меня, побуждая действовать и не спускать проклятым кошкам их наглости. Саша выставила руки перед собой:

– Агата, успокойся!

Издевается? Она хотела навредить единственному, кто видит и принимает настоящую меня, единственному, рядом с кем я чувствую себя свободной и дышащей полной грудью. Я заставлю ее пожалеть об этом.

Я поднырнула под ее руками, сгруппировавшись, и врезалась точно в живот. Боль от удара ее локтя по шее растворилась в бурлящем океане моего гнева. Кулак встретился с ее коленом, и она зашипела в ответ, отпрыгивая. Вот теперь передо мной был настоящий противник, а не жалкий трус, сделавший пакость и пытавшийся обмануть.

– Ну давай, иди сюда! – крикнула Саша, опустившись на то же дно инстинктов, где была я.

– Подавись, – рыкнула я, оказываясь возле нее быстрее, чем сама ожидала.

Она замахнулась, и стоя за моей спиной в один голос зарычала, указывая, что я знаю, как уйти от удара. Я и правда знала. Более того, для меня не было секретом, как нанести ответный, от которого ей не уклониться. Все это пришло ко мне вместе со стаей.

Мы сцепились, как настоящие кошка с собакой. Острые ногти Пантеры едва не задели мою щеку, кулак летел в живот, я заскочила ей за спину и толкнула, зная, что самое главное – сбить ее с ног, лишить равновесия. Когда имеешь дело с кошкой – сделать это не так просто, но и не невозможно.

Это не было боем новичков или уличной дракой в стиле «толкни-пинай». Наши руки то и дело соприкасались, блокируя друг друга, мы кружились на одном пяточке, пока избегая столкновения со столом и остальными присутствующими, создающими отвлекающую какофонию криков, визгов и призывов немедленно разойтись. Впрочем, единственно важных для нас голосов не звучало, а значит, они не против или же чего-то ждут. Неважно, я выбью из ее кошачьей башки саму мысль о возможности напасть на Влада!

Удивление Мирковой чувствовалось на языке, прежде я никогда не показывала такого, сама не знала, что на это способна, а теперь не могла остановиться. Рывок вправо, отскок по касательной, самое время

хватать и тащить! Саша оказалась на полу, я сцапала ее за шкурку, собираясь вышвырнуть в коридор, чтобы кошатина знала свое место, когда кто-то перехватил меня за пояс и потащил назад.

Фу, какая вонь, в носу свербит, мы со стаей знали этот запах. Медведь. Некоторые из нас когда-то боролись с таким противником, и мы знали их слабости. Сильные, но неповоротливые.

– Проваливай! – рывкнула я Потапову, подпрыгнув и зарядив затылком точно ему в челюсть. Не готовый к такому повороту, он ослабил хватку, и я разорвала кольцо его рук, с разворота подсекая под ноги и заваливая на пол.

Отвлечшись на медведя, я повернулась спиной к Мирковой, и это было ошибкой. Пантера напрыгнула сзади, и мы кубарем выкатились в коридор, задевая стены. Саша потянула меня за хвост, пытаясь поставить колено мне на поясницу, но черта с два у нее это выйдет.

Вскинувшись всем телом, я нарочно расслабилась, утяжеляя свой вес, и когда она потянулась вниз, резко перевернулась, вкатывая ее обратно в комнату.

Уловив, как удивленно расширились ее глаза, я совершила финальный рывок... Почти совершила. Да что этим светленьким вечно надо лезть куда не надо? Задыхаясь, я дернулась пару раз, но Потапов держал крепко и по-другому, не давая ни полшанса, если только не вдарить ему по...

– Убери от нее руки.

Все во мне потянулось к этому голосу. Властному, спокойному и родному. Он отрезвлял, выдергивал со дна инстинктов, возвращал к настоящему. Стая отступила, исчезла с первым словом, но я не сомневалась, что она вернется, когда будет нужна.

– Влад, брось, она же хочет Сашке голову оторвать, – прогудел Миша.

– Я сказал: убери от нее руки.

– Миш, отпусти Агату, – попросила Катя, и руки Потапова исчезли с моей талии и плеч.

Тяжело дыша, вся растрепанная и слегка растерянная, я покосилась на Сашу. Рядом с ней возникла Варвара, сверля меня недобрый ведьмовским взглядом, и я повернулась к Владу. Практикующий стоял там, где до этого был мой стул. Возле него, поигрывая тростью, возвышалась Анастасия. Единственными,

оставшимися сидеть за столом, были Ирка и удерживающий ее за плечи Леша. Правильно сделал, из всех собравшихся фамильяров она одна не обладала когтями, клыками или острым клювом. Сунься Ругалова между мной и Мирковой... нет, даже не хочется этого представлять.

– Агата, иди сюда.

Влад протянул мне руку, и под взглядами всех присутствующих я подошла к парню, вложив свою ладонь в его, другой на ходу стараясь убрать выбившиеся из хвоста волосы за уши. Настя отступила на шаг, кивнув мне, и я встала точно рядом с ведьмаком, боком чувствуя тепло его тела. А также тщательно сдерживаемую злость пополам с радостью. Прекрасно понимая, откуда взялось первое, я совершенно не представляла, что породило второе.

– Я жду объяснений, – посмотрел Яблонев на Прахову, позволив моим пальцам проскользнуть сквозь его.

– Не понимаю каких, все более чем очевидно, – ответила Варвара, скрестив руки на груди. – Мы хотели помочь.

Я вытаращилась на кошачий тандем, опасаясь, что ослышалась. В чем тут помощь? Отправиться на тот свет?

– Не припомню, чтобы просил твоего или чьего-либо еще участия в этом деле, – холодно проговорил Влад, и под потолком, в люстре, мигнули лампочки. Все разом.

– Все видят, насколько она твой фамильяр, мы всего лишь подтолкнули Агату на финишной прямой.

– Не выдавай собственное желание казаться мне необходимой за помощь, – отрезал Влад. Ауч. Так ее.

– Активировать связь потомственного фамильяра через страх и агрессию, напав на его практикующего, – хмыкнула Захарова, озвучив то, о чем я начала догадываться. – Тебе повезло, что Агата вела себя достаточно сознательно, – пояснила она Саше. – Чуть глубже в инстинкты сущности, и она не остановилась бы, пока не пролилась твоя кровь. В лучшем случае.

– Откуда мне было знать, что она потомственная? – огрызнулась Варвара. – Я их никогда не встречала. Влад тоже не догадывался!

– Я это подозревал. Думать нужно о последствиях, прежде чем лезть в чужую связь. У Ирки спроси. – Яблонев потянул меня на выход, чему я только обрадовалась.

– Ты уходишь? – побледнела Прахова еще больше, если такое было возможно.

– Мы уходим. На сегодня с нас достаточно твоей «помощи». Попробуешь еще раз использовать Агату в собственных целях – помощь понадобится тебе. Остальных благодарю за искренность и *настоящее* желание помочь, – кивнул Влад светлым.

– Я вас подвезу, – направились следом за нами Захарова.

Уходили мы так же быстро, как и пришли, правда, в полной тишине. Никто не вышел нас проводить, и хорошо. Еще одного разговора между Владом и Варварой я бы не выдержала, да и перед Мишей с Катей с каждой секундой становилось все неудобнее и неудобнее. Завтра же поговорю с Ирккой, как лучше извиниться...

Мы вышли из подъезда, и Захарова деликатно пошла вперед, к дороге, сообщив, что Артем подъедет через десять минут.

– Иди сюда, – повторил Влад то, что сказал в гостиной, раскрыв руки. Не нужно было просить дважды, мне хотелось прижаться к нему и понять, что произошло, с тех пор как я пришла в себя. – Все хорошо, не паникуй.

– Чего хорошего? Ты поругался с Варварой, я подралась с Сашей, да еще и Мишу задела, мы испортили всем вечер, а еще я боюсь, что... Ты чему улыбаешься?

– Тому, как ты пропускаешь очевидное, делая из себя виноватую. – Ведьмак поправил на мне шапку и нежно нажал на кончик носа указательным пальцем. Неожиданно милый жест, от которого мне сразу же захотелось засмеяться. Как он это делает? – Не подралась, а защитила своего практикующего, справившись с двумя более опытными противниками. Я восхищен и горд, что ты мой фамильяр, Агата.

– Правда? – нелепо переспросила я.

– Над уверенностью в себе мы еще поработаем, – оценил Влад. – А теперь, когда я убедился, что ты в порядке, жду главного вопроса.

– Что значит потомственный фамильяр? Не то чтобы я не догадываюсь, но, может, просто чего-то не понимаю.

– Это значит, что один из твоих родителей – фамильяр, и в каждом колене рода по его линии есть предок-фамильяр. Дед, прадед, пра-пра и так до самого начала. Судя по тому, что я почувствовал, все в твоём

роду фамильяров обладали собачьими сущностями, что делает защиту твоего рода еще сильнее из-за общности поколений.

– Выходит, стая, бежавшая позади, мои предки, – пробормотала я.

– Я не видел никакой стаи, но мне показалось, что я ее услышал, когда Миша первый раз решил вас разнять.

– Они бежали со мной по дороге, рассказывали сразу обо всем, и это было здорово, я впервые чувствовала себя... не знаю, как это сказать...

– Частью чего-то большего?

– Да.

– И все же ты расстроена чем-то помимо навязанной тебе драки. – Серые глаза ведьмака пытливо всмотрелись в мои.

Я тяжело вздохнула, нехотя кивнув. С той секунды, как прозвучало «потомственный», мою голову посетила догадка, а после слов Влада окончательно в ней поселилась.

– Моя мама точно не фамильяр. Значит, это мой отец, бросивший нас еще до моего рождения. Даже о том, что он жив, мне сказал ты, не увидев его среди мертвых. А теперь, когда моя жизнь связана со всей этой... мистикой, я не уверена, что все дело было в боязни ответственности и нежелании жениться.

– Ты хочешь узнать о нем больше?

О своем отце я знаю только то, о чем сама догадалась, глядя в зеркало. У него должны быть карие глаза и темные волосы, потому что у мамы и бабушки с дедушкой славянская внешность. Слишком мало информации, чтобы довольствоваться фактами от других, даже если они скажут правду. Задрав голову, я твердо посмотрела в глаза своего практикующего:

– Я хочу найти его.

Глава 19

- Так, ладно, куда мы все-таки идем?
- Попробуй что-то почувствовать.
- Что-то кроме желания стереть твою улыбочку?

Влад усмехнулся, посмотрев на меня:

- Тебе нравится моя улыбочка.
- Твоя самоуверенность поражает.

Встретившись на остановке возле моего дома в это субботнее утро, мы уже минут двадцать шли вниз по проспекту. Поначалу я думала, что Влад нацелился на парк, но тот скрылся из виду еще восемь домов назад, и больше догадок не было. О какой-либо работе ведьмак не предупреждал, как и о сходке с кем-то из друзей. Мелькнула мысль о встрече с Варварой и Сашей где-нибудь на нейтральной территории, но ее я сразу же отмела. Яблонев игнорировал кошачий тандем последние две недели, с того момента, как они вывели меня на запуск фамилъярства, и, по его словам, собирался не реагировать на них еще столько же в качестве урока.

Оставив всю таинственность вокруг цели нашего похода на совести Влада, тем более что у темного ее все равно не наблюдалось, я решила не тратить время впустую и потренироваться. С тех пор как в моей голове значительно прибавилось знаний за счет стаи, периодически появляющейся на горизонте в минуты особо сильных эмоций, все стало одновременно проще и сложнее. Проще, потому что я наконец-то не только чувствовала, но и понимала происходящее со мной, не отмахиваясь типичным «бред какой-то». Сложнее из-за осознания, насколько все это реально и значимо. Как будто заходить в воду по камням и, в конце концов, не только не обнаружить дна, но и вообще не представлять, как глубоко оно находится.

Апрельский ветерок, дувший в спину, принес густой запах пены для бритья и табака, и я шагнула вправо, ближе к Владу. Три шага спустя нас бодро обогнал высокий парень с рюкзаком, увешанным значками рок-групп. Хиты восьми из них были в плей-листе и у меня. Словно почувствовав мое внимание, он обернулся и подмигнул мне, улыбнувшись. Симпатичный... Губы сами собой начали растягиваться

в ответной улыбке, когда рука Влада внезапно оказалась у меня на плечах. Само собой, подобный жест от ведьмака тут же заставил рокера отвернуться и даже ускорить шаг.

– Неудачный вариант. У него уже три девушки, – ответил Яблонев на мой, не сомневаюсь, весьма красноречивый взгляд.

– А он не надорвется? – удивленно вытаращилась я, поворачиваясь к Владу и едва не сталкиваясь с ним носами.

– Я бы сказал, что он нарвется, – поправил практикующий. – Как долго это происходит?

– Что происходит?

– Ты прекрасно понимаешь суть моего вопроса.

Еще бы. У Влада просто фантастическая способность поднимать исключительно те темы, на которые я не хочу разговаривать именно с ним больше всего. Уверена, он делает это специально.

Ощувив себя догом, впервые увидев свою сущность по-настоящему, я словно толкнула костяшку домино, запуская цепочку, постепенно укладывающуюся передо мной в причудливый узор. И с того момента все окончательно изменилось.

Мой слух, зрение, обоняние и скорость стали в разы лучше. Теперь, сидя в аудитории, я не только слышала каждый шепоток и у кого какая музыка играет в наушниках, но и могла совершенно точно определить, кто перелистывает страницы тетради, кто грызет карандаш, а кто играет на планшете, различая даже самые незаметные, близкие к тишине звуки. Та же ситуация была с запахами, отчего посещение раздевалки на физкультуре превратилось в еще большую пытку. Что касается зрения, то оно будто бы стало четче, особенно, если я наблюдала за чем-то быстро движущимся, например мячом или брызгами масла на сковородке. Передвижение в темноте и вовсе перестало быть проблемой. Ночью я видела как днем, что приводило меня в дикий восторг. Почти в такой же, как бег, на который я теперь была способна.

Кроме усилившихся физических возможностей, на третий день я стала замечать еще кое-что. Повышенное внимание к своей персоне. Ни с того ни с сего мне улыбались и заводили разговор уже давно знакомые парни с потока, прежде не проявлявшие никакого интереса. Со мной пытались познакомиться в транспорте, на улице, даже в магазине. Логика подсказывала, что все это связано с сущностью, но

спросить об этом у Влада я стеснялась, а с Сашей и Варварой мы как бы находились в состоянии бойкота. У Ирки же не было ничего подобного, так что я чувствовала, что это какое-то свойство темных.

– Началось после той пятницы у Варвары, в понедельник, – призналась я. – Ты знаешь, почему они все вдруг начали обращать на меня внимание, да?

– Разумеется. – Влад свернул с проспекта в узкий проход между торговым центром и пятиэтажкой с магазинами на первом этаже. – Это стандартный, я бы даже сказал, базовый магнетизм темных. Признав свою сущность, слившись с ней, ты прекратила сдерживать в себе хищника, излучая его сексуальность, всегда завораживающую и привлекающую людей. Мы – огонь, они – мотыльки.

– Не заметила, чтобы за тобой бегали толпы девушек, – пробурчала я, смущенная его объяснением.

– Я наигрался с этим еще до двадцати. Теперь просто приглушаю, экономя время и силы.

– Выходит, этот интерес ненастоящий?

– Почему? – Влад обернулся, вопросительно приподняв бровь.

– Он же привлечен не мной, а сущностью...

– Разве сущность не часть тебя?

– Все равно есть в этом какая-то искусственность. Будь я обычной, все осталось бы по-старому.

– Но ты не обычная и никогда ей не была. – Яблонев свернул в следующий двор. – Что такое? Тебе кто-то понравился, и ты боишься, что его заинтересованность... – практикующий щелкнул пальцами, подыскивая слово, – ...наколдованная?

– Никто мне не понравился, я просто спросила, – ответила я в спину ведьмаку, стараясь думать о чем угодно, только не о том, что тот, кто мне действительно нравился, сейчас шел со мной. Как и о том, как давно он меня не кусал. С той совместной ночевки, бывшей, казалось, вечность назад.

Собственно говоря, в такой паузе виновата была я сама, решив проверить, сколько продержусь без этого дурманящего и заживо сжигающего меня контакта. А заодно, не захочет ли Влад возобновить его первым. Если ответ на первое очевиден (полтора месяца – вот мой предел), то второе слишком болезненно, чтобы мучить себя долгими размышлениями. Ведьмак всего лишь потакал моей потребности, и

ждать от него инициативы — идиотизм, на который я зачем-то себя подписала.

Как будто мне больше не о чем переживать, а между тем вопрос с отцом так и оставался открытым. Никто не знал, с чего начинать. Не было фотографии, не было вещи, не было ничего, что несло бы его частичку. Ничего, кроме меня самой. А когда Влад и Настя Захарова попробовали использовать мою кровь в качестве поисковика, выяснилось, что от подобного мой биологический отец защищен. Маятник просто не останавливался над картой, кружась до тех пор, пока Захарова его не перехватила, признав, что дело дохлое даже для ее способностей.

Все, что было нам известно, по-прежнему упиралось в мою внешность и отсутствие его духа в мире мертвых, что повторно проверили и Влад, и Настя. Итого: он живой кареглазый шатен, предположительно высокий, с сущностью крупной собаки и, скорее всего, проживающий на территории России. Блестяще.

— Агата?

— Я прослушала, — моргнула я, чувствуя себя застигнутой на месте преступления. — Что?

Влад не ответил, склонив голову набок, по-птичьи. Ох и не люблю я, когда он так делает... Обычно подобный жест у моего практикующего выдавал глубокую задумчивость. А когда Яблонев глубоко задумывается, глядя на меня — это значит, что в ближайшую минуту всплывет что-то, что мне не понравится.

Ведьмак сократил расстояние между нами, и я сделала шаг навстречу, движимая странной необходимостью быть рядом. Иногда она проявлялась особо остро, но каждый раз непредсказуемо. Просто Влад совершал какое-либо движение, и мне в голову вбивался гвоздь-мысль обязательно, сейчас же, немедленно прикоснуться к нему. Словно, если этого не произойдет, случится что-то плохое.

Рискнув спросить у Ругаловой, бывает ли подобное с ней, я, к своему облегчению, получила положительный ответ. Очередное проявление связи, проходящее у всех фамильяров и практикующих одинаково. Правда, в Иркином случае, из-за их близости с Лешей, такие приступы случались намного реже.

Подушечки пальцев Князя невесомо прочертили по моей щеке, указательный провел у самого контура нижней губы, прежде чем

скользнуть по скуле и, через висок, спрятаться в волосах. Дыхание согрело кончик носа: нотки табака, мяты и крепкого черного чая. Сердце застопорилось, подбираясь к горлу, и время загнулось на месте, словно не решаясь пробить следующую секунду, пока я вглядывалась в серый туман его глаз. Что бы он ни скрывал за собой, оно точно не было спокойствием или весельем.

Идеальный момент, чтобы обнять его за шею, привстать на цыпочки и... но... Жалкая фантазия, имеющая право на жизнь только в моей голове, и то не всегда. Точно не в присутствии Влада. Точно не сейчас, когда он так внимательно смотрит, отчего-то до сих пор выдерживая тишину.

Нахмурившись, Яблонев взял меня за руку, крепко стиснув ладонь, и потащил к двухэтажным многоквартирным, затесавшимся между пятиэтажек и супермаркетов центра города. Раньше я никогда не бывала здесь, даже не подозревала, что с шумной и одной из самых оживленных улиц соседствует яркий пример из прошлого века, с бельевыми веревками во дворе, санками на балконах и деревянными подъездными дверьми на пружинах.

Влад уверенно пересек со мной двор, обогнул канализационный люк напротив первого из четырех подъездов и потянул меня к нему. Перешагнув первые два порожка, чтобы успеть за ведьмаком, я шмыгнула в темный теплый подъезд следом за ним, раздумывая, к кому мы так торопимся и почему Яблонев ведет себя так странно. Дверь тихо, со скрипом хлопнула, и вместо того, чтобы подняться на лестничную площадку первого этажа, Влад толкнул меня в чернильную темноту под лестницу, шагнув следом.

– Что ты...

– Шш, – оборвал ведьмак, медленно потянув за тряпичный язычок замка на молнии моей куртки.

Судорожно втянув носом смесь здешней пыли, чего-то пригоревшего, сырости и запаха Влада, я застыла в понимании, что именно он собирается делать, и уже предвкушая это. Рука парня снова оказалась в моих волосах, пробираясь на затылок и властным движением заставляя откинуть голову назад. Последовав его молчаливому требованию, я глубоко вздохнула, вздрогнув, когда концы легкого шифонового шарфа пощекотали горло, соскальзывая прочь от шеи и опадая на груди.

Холодные пальцы нежно погладили кожу под подбородком, перескочили к вырезу обыкновенной блузки на пуговицах, почти виртуозно расстегнули верхнюю и оттянули ткань вправо. Горячее, прерывистое, как и у меня самой, дыхание опалило мочку, и я шумно выдохнула, когда Влад мягко потянул ее зубами, слегка прикусывая. Все равно что дать команду «на старт, внимание, марш» мурашкам на спине и животе.

– Да? – шепотом, на выдохе, спросил мой практикующий.

– Да, – сглотнула я, ловя пересохшими губами раскаленный воздух.

Еще пара пуговиц сдалась его пальцам, и широкая ладонь поочередно огладила грудь через кружевную ткань лифчика. Охнув от чуть сильнее сжавшихся на мочке зубов, я подалась на его руку, не желая, чтобы она исчезала.

– Да? – снова спросил Влад, очерчивая большим пальцем затвердевший от его действий сосок. Что он собирается...

– Да, – подтвердила я, не давая себе ни полшанса и чувствуя короткую вспышку его удовольствия.

Горячее дыхание дразняще затанцевало по моей шее, не зная, куда деть руки, я сунула их в карманы куртки, откинувшись на стену и понадеявшись, что она не слишком грязная. Все это пролетело в сознании самым краешком, пока я отчаянно сжимала кулаки и пальцы ног, задыхаясь в своем сладком ожидании и слегка прикусывая язык, чтобы не выдать собственное нетерпение еще и стоном.

Несмотря на то что я ждала укуса, Влад все равно умудрился меня обмануть, зависнув над одним местом и резко сжав зубы на другом, чуть ниже, там, где бился пульс. Не будь его руки в моих волосах, ударила бы головой об стену, дернувшись от силы, жара и острой необходимости ощутить это еще раз, плавящей мозги. Следующий укус, сжатие груди, и мои руки уже на спине Влада, пытаются вдавить, прижать теснее, чтобы он ощутил, понял, с каким огнем играет... Шумные вдохи и выдохи, его руки перехватывают мои, размыкают, разводят в стороны, пальцы переплетаются, я все еще на ногах только благодаря стене... Плевать. Еще. Еще. Еще!

Зубы исчезают с шеи, и мне почти хочется захныкать, как маленькому ребенку, у которого только что отняли все конфеты и прямо на глазах выбросили в мусорное ведро. Следующая секунда

переворачивает сознание, уничтожает реальность, выметает все, что я когда-либо знала и чувствовала, потому что его язык очерчивает мои соски прямо через кружево, зубы задевают нежную кожу, наконец, смыкаясь на ней.

Низ живота простреливает огнем, внутри чертов кратер проснувшегося вулкана, горячо, сильно, ярко, сумасшедше. Хочется свести затрясшиеся ноги, хочется прижаться к Владу всем телом, хочется обвить его руками и ногами и остаться в этой темноте на одну маленькую дикую вечность. Хочется слишком многого.

Каждая клеточка гудит от напряжения и электрического тока в крови, я как будто молния, бьющая в одно и то же место с каждым его движением, и это... прекрасно.

Его восторг, желание, та же самая необходимость почти физически ощутимы, искрятся на коже после каждого соприкосновения, руки отпускают, чтобы тут же опуститься мне на бедра, пальцы зарываются в его короткие густые волосы...

Шея... грудь... шея... грудь... Короткие укусы на шее, глубокие на груди... Я тонула в огне, погружалась с головой, сливалась с пламенем под барабанный бой крови в ушах и наши рваные вздохи, полные понимания.

Цепочка укусов снизу вверх, руки движутся следом, очерчивают бедра, талию, поглаживают живот, подбираются к груди, массируют округлости, сжимая сильнее на каждом укусе. Последние смехотворные миллиметры между нами исчезают, когда его тело с силой вжимается в мое, придавливая, распластывая по стене. Ноги не держат даже с опорой, хочется стечь на пол, снова научиться дышать, но как-нибудь потом. Может быть, в другой жизни. В этой я готова задохнуться или сгореть под прикосновениями своего ведьмака.

Ладони исчезают с груди, чтобы каким-то непостижимо быстрым и точным маневром оказаться в задних карманах моих джинсов, придвигая меня еще ближе. Грудь вжимается в его, сердца перестукиваются друг с другом, пытаюсь сыграть в одном ритме, зубы чуть смыкаются на горле, ведут вверх, не всерьез прихватывают участок под подбородком...

Мята, табак, древесная стружка и пряности витают вокруг, заползая в нос, ветерком дыхания скользят по щекам и проникают

внутри, когда Влад кусает мою нижнюю губу, слегка потягивая ее на себя. О боги.

Взрыв. Фейерверк. Непонятный звук вытекает из моего рта в его, голова кружится, темнота рассыпается на желтые и красные точки. Влад исчезает, отстраняется, и у меня нет сил даже на попытку задержать темного рядом. Каждый миллиметр кожи покалывает и горит, в венах вместо крови шипучая пена лихорадки, разносящая эхо удовольствия по всему дрожащему телу. Я способна только дышать. Рвано, через раз, едва удерживаясь от того, чтобы опуститься на корточки.

Так мы и поступаем. Ничего не говорим, вряд ли даже думаем. Просто дышим минута за минутой, пока вокруг нас остывает темнота.

– Поднимайся на второй этаж, заходи в двадцать девятую, дверь открыта. Я покурю и приду, – хрипло прервал тишину Влад, отлепляясь от стены и покидая уголок, пропитанный нашим безумием.

Яблонев вышел из подъезда, мягко прикрыв за собой скрипучую дверь, и я осталась наедине с подбирающимся хаосом. Позже. Я попробую обдумать и переварить случившееся между нами позже. Оно слишком отличается от того, что возникало раньше.

С третьей попытки все пуговицы блузки вернулись в свои петли, а шарф занял прежние позиции. Поправить одежду и волосы легче, чем мысли.

Поднявшись на второй этаж по деревянной лестнице, я немного постояла на площадке, стянув куртку и осматривая ее на предмет краски, мела, паутины или грязи. К счастью, ничего подобного не было, и еще минуты три я гипнотизировала дверь с пластиковым номерком «29», надеясь, что Влад вот-вот поднимется и заходить одной неизвестно к кому и зачем не придется. Однако мой практикующий не торопился, и я даже могла понять почему. В отличие от меня, он предпочитал обдумывать все сразу, а не оставлять на потом.

Дернув за железную ручку двери, оказавшуюся и вправду незапертой, я потянула ее на себя, сразу же заморгав от яркого света и пестрящих плакатами стен круглой прихожей, перетекающей в комнату. На квартиру это совершенно не походило, скорее напоминало офис, заставленный столами с компьютерами и сопутствующей техникой, напольными вешалками и даже велотренажером.

– Дим, кто там пришел? – девичий голос прозвучал из-за шкафа.

Дальше по коридору из-за угла выглянул русский парень с тщательно выбритой рыжеватой бородкой, хвостиком-пучком на затылке, пирсингом в носу и брови и татуированной шеей.

– Здравствуйте, – неожиданно приятно и обычно поздоровался он, что никак не сочеталось с его внешностью. – Вы за заказом?

Заказом чего?

– Мм... Я сама не знаю, зачем здесь, жду друга, он сейчас поднимется.

– А друг – Яблонев? – спросили из-за шкафа.

– Ага.

– Проходи, я тут кое-что уже набросала!

– Бахилки только нацепи, а то некоторые никак швабру не купят. – Парень кивнул на корзину рядом с дверью.

Послушно натянув поверх ботинок бахилы, я прошла в комнату, осторожно обойдя длинную вешалку с кожаными куртками и черными безрукавками в рок-стиле.

– Привет, я – Даша, – передо мной возникла веселая голубоглазая девушка с фиолетово-синими волосами и колечком в нижней губе, протянув руку.

– Агата, – скрепила я рукопожатие.

– Улетное имя! – оценила Даша, улыбнувшись. – Значит, Влад тебе ничего не сказал? Снимай куртку, шарф, будем сейчас с тобой творить творчество! Таак... – она прошла по мне оценивающим взглядом. – Ты у нас стопроцентная «элька», значит... – девушка обогнула стол и отодвинула дверцу шкафа, доставая еще вешалки. – Капюшон и рукава чем длиннее, тем лучше? Цвет черный? Карманы, естественно, глубокие... Не, эта слишком короткая, посмотрим, что подлиннее!

Ошарашенная ее энтузиазмом и позитивом, поначалу я не успевала вставить ни одного слова, глядя, как она забрасывает стол толстовками разных фасонов.

– Подожди, ты подбираешь толстовку мне?

– Влад что, вообще ничего не сказал? – нахмурилась Даша. – Сейчас мы выберем с тобой фасон, потом принт на спину нарисуем, я сделаю все это за три дня, после приедешь и заберешь свою новую толстовочку. Будешь носить, балдеть и помнить обо мне!

– Но...

– Без «но», – оборвал Влад, возникая в проеме. – Привет, Дашкин.

– Наконец-то! Почему Агата не понимает, о чем я говорю? – Она реально уперла руки в бока и сузила глаза, глядя на Яблонева. Ох как грозно, того и гляди придется защищать практикующего. Закусив губу, чтобы не засмеяться над этой очаровашкой, с каждым мгновением нравящейся мне все больше и больше, я вопросительно посмотрела на Князя.

– Потому что это мой подарок, о котором я ее не предупредил. Конечно, лучше бы было сделать все самому и вручить уже готовую вещь, но толстовка требует примерки. К тому же я хочу, чтобы Агата сама выбрала и обговорила с тобой изображение, – улыбнулся мне ведьмак так спокойно, словно ничего не происходило ни сейчас, ни полчаса назад!

– Ты собираешься купить мне толстовку?

– Я собираюсь подарить тебе толстовку. Таковую, какую ты сама захочешь.

Я вспомнила его собственную с вороном, Мирковой – с завораживающей меня пантерой... Наверняка, у Варвары тоже была своя. Чего скрывать, мне хотелось что-то подобное, выражающее мою сущность, и Яблонев, конечно же, считал это прямо из моей головы.

– Привет, Влад, – в комнату с кружкой кофе зашел Дима. Парни пожали друг другу руки, и напарник Даши сел за свой стол, заваленный какими-то абстрактными рисунками.

– Ты съел мою плюшку? Мою последнюю сахарную плюшечку?

– Нет, – выпалил Дима, но крошки в бороде бессовестно его выдавали, и я хихикнула. – Это Барабашка.

– Влааад? Здесь есть Барабашка?

– Да, вот он, кофе пьет, – хмыкнул Яблонев, кивая на Диму.

– Будешь должен мне три! И шоколадку! – постановила Даша, снова возвращаясь к толстовкам.

– Откуда три и шоколадка?

– Проценты!

– Мелкая несносная проныра, – буркнул Дима.

– Сам выхухоль!

– Высокие отношения, – оценил Влад, вешая куртку поверх моей и опускаясь на стул рядом со столом «проныры».

– Агата, иди сюда, давай примерим эту. – Даша всучила мне толстовку и открыла дверцу с зеркалом в полный рост.

Следующие полчаса я только и делала, что меняла толстовку за толстовкой под комментарии окружающих. Одни я не успевала даже застегнуть, как Яблонеv сразу говорил «не твое». Другие не нравились мне самой по ряду причин, пока в мои руки не попала... она. Идеальная, теплая, длиной до середины бедра, подходящая во всех смыслах. Длинные рукава с петлями для больших пальцев, глубокий капюшон на широком шнурке, два косых, потрясюще удобных и вместительных кармана впереди... Мечта.

– Мое, – покрутилась я перед зеркалом, видя в отражении Яблонева. – Мое же?

– Твое, – улыбнулся ведьмак.

– Ура! – с чувством кивнула Даша. – Теперь самое интересное!

Стянув толстовку, девушка повесила ее на вешалку, прилепив на капюшон стикер с номером и моим именем.

– Плюшкин, убери, – махнула она рукой на кучу перемерянных мною вещей.

– Ты сделаешь все, чтобы твоя последняя плюшка встала у меня комом в горле, да?

– Я могу помочь, – заикнулась было я, но ее ладошка тут же вскинулась в жесте «замолчи».

– У нас с тобой другая работа. – Даша уже плюхнулась в компьютерное кресло, отъезжая на нем дальше и указывая мне на соседний стул. – Садись. Меня просветили, что интересуется собачья тематика. – Она многозначительно посмотрела на Влада. – Особенно немецкие доги. Я тут уже кое-что поднабрала, сейчас наметим эскиз, ночью нарисую, завтра пришло. Добавь меня в друзья в любой соцсети, я есть во всех, – протараторила она, пихнув мне визитку «Дарья Огнарeва» с пометкой «дизайнер», номером телефона и ссылками на все существующие социальные сети, от скайпа до твиттера.

– У тебя первые буквы имени и фамилии составляют «дог», – удивленно заметила я, и Влад прыснул.

– Значит, это судьба! – провозгласила Даша, подмигнув.

Вооружившись карандашом и положив перед собой альбомный лист, девушка щелкнула мышкой, заходя на рабочем столе в папку

«Четыре лапы и хвост». Огнарева нажала на первую картинку, изображающую шикарного дога с медалями на груди, и мы оказались потерянными для общества, с головой уйдя в обсуждение и просмотр фотографий догов в различных позах.

– Каплю агрессии мы покажем клыком и ошейником с шипами...

– Может лучше шарф из связки сосисок? – вставил Влад, добиваясь моего уничижительного взгляда.

– Яблонев, отстань. Уши... уши чуууть-чуть заострим... А давай поставим дога на выступ скалы?

– Акела не промахнулся.

Я прикусила щеку изнутри, стараясь не засмеяться на очередную ремарку темного. Дима гоготнул, и Даша выглянула на них из-за экрана монитора.

– Яблонев, ты сейчас выйдешь за дверь, – мило улыбнулась девушка. – Так что с выступом скалы, как тебе идея?

– Не хочу луну на фон, – поморщилась я, догадываясь, что это единственное, что вписывается туда по логике.

– Кто тебе луну предлагает, покажи мне пальцем, засуну ему в ухо карандаш! Не-не, тут точно полумесяц с дымкой облачков, здесь напустим тумана, разбавим желтыми светлячками, под цвет глаз дога... – Даша быстро вырисовывала по листу свое виденье, и даже набросок вызывал восхищение. – А вот тут мы делаем вот так, – плутовато ухмыльнувшись мне, она подрисовала к полумесяцу небольшую птицу, в которой легко угадывалась ворона. – Пойдет?

– Круто, – выдохнула я, рассматривая эскиз.

– Вот и славненько, четче прорисую детальки уже на компе и сделаю все в цвете, как это будет выглядеть в конечном варианте... Все понятно, жди завтра визуалку, если что-то не понравится – переделывать буду, пока не устроит полностью.

– А сколько все это сто...

– Тебе нисколько, – перебил Влад. – Все. Молчать. Подарок.

В голосе практикующего прозвучали те самые повелительные нотки, бодаться с которыми было бесполезно, как я уже успела убедиться за все наши совместные тренировки. Попрощаясь с ребятами до новых встреч, мы вышли на площадку, на ходу застегивая куртки. Тяжело вздохнув, я проверила телефон, не найдя ни одного пропущенного звонка или сообщения.

Мама знала, что я с Владом, и уже не порывалась звонить каждый час, а Ирка, как я помнила, отправилась сегодня с Березиным в Прилепы, поселок неподалеку от Тулы, славящийся своим племенным конным заводом. Учитывая, с каким нетерпением Ругалова ждала этой поездки всю неделю, сейчас подруга должна быть на седьмом небе от счастья. Интересно, удастся ли ей покататься?

Влад ускорил шаг, проходя мимо участка под лестницей, и я последовала его примеру, надеясь, что не покраснела. Темнота все еще пахла нами, и это... будоражило.

– Давай, уверен, тебе есть что сказать, – обернулся Влад.

– Откуда ты их знаешь?

– Неожиданно. Мы учились на одном потоке. Я помог Даше решить одну проблему, и с тех пор мы дружим.

– Я против покупки мне толстовки.

– А вот теперь ожидаемо. То есть ты не хочешь принять от меня подарок, – приподнял он бровь.

– Дело не в этом! Мне приятно, что ты хочешь сделать мне подарок, тем более такой... классный, но как я объясню это маме? К тому же она дорогая, и мне от этого неудобно!

– Так и объяснишь, – закатил глаза Яблонев. – «Дочь, откуда у тебя эта шмотка?» – «Мам, мне ее Влад подарил! Смотри, как мне идет!» Что касается второго, то я этого не слышал.

– Издеваешься? Если я ей так скажу, то подпишу себя на триста вопросов!

– Кольцо и напульсники же она как-то пережила?

– Сравнил! Это в ее понимании побрякушки, и то, когда мама увидела все вместе, ходила за мной по пятам, выпрашивая, что да как. Если ты не заметил, то квартира у нас слишком маленькая – спрятаться и переждать приступ ее любопытства было негде!

Промолчим про то, что в итоге мне пришлось запереться в туалете, сославшись на расстройство желудка. Это хоть как-то переключило ее внимание с кожаных полосок на запястьях (Влад вручил мне их на следующий день после вечеринки у Праховой) и заговоренного кольца-оберега.

– Значит, нам с ней пора познакомиться.

– Ни за что.

– Что? Ты меня стесняешься? – Яблонев невинно улыбнулся.

– Ты не понимаешь, о чем просишь, – покачала я головой. – Моя мама совсем не похожа на твою! Она очень внимательная, а когда дело касается меня, то просто гипervнимательная. Один взгляд на тебя, и у нее возникнет еще больше вопросов!

– Что не так с моей внешностью?

– Не прикидывайся, что не понимаешь, – хмуро попросила я.

– Мне лестно оттого, что ты думаешь, будто я понимаю и знаю все на свете, но это не так. – Мы вернулись на проспект, и Влад кивнул на автобусную остановку. Значит, наше субботнее занятие на его территории все-таки состоится...

– Я не буду отвечать на твой вопрос, – пробубнила я. – Он глупый.

– Глупый сам этот разговор, вопрос – всего лишь следствие. Я уже давно предлагал тебе просто сказать ей правду. Чего ты боишься?

– Кроме того, что ее хватит удар? «Привет, мам, я врала тебе почти три месяца, хотя и не во всем. Я – фамилльяр, а это – мой практикующий, у меня сущность собаки, а у него ворона, и мое призвание: защищать и помогать ему в колдовстве. Нет, это не сатанизм и не бред, я не в секте, мам, положи телефон, нет у меня горячки и обостренного психоза!»

Влад расхохотался так громко, что несколько прохожих обернулись, посматривая на него с подозрением. Не выдержав, я засмеялась следом, живо представив только что нафантазированную сцену.

– Ты утрируешь. Насколько мне известно, у Березина особых проблем не возникло. Поэтому шутки в сторону. – Влад махнул рукой, останавливая полупустую маршрутку.

Князь залез первым, отдал деньги за проезд за двоих и прошел назад, сядя у окна. Я опустилась на соседнее сиденье, быстро пройдясь взглядом по остальным пассажирам. Два парня через ряд от нас в наушниках, мужчина профессорской внешности сбоку, женщина, разговаривающая по телефону, еще одна, поглощенная электронной книгой... Ничего опасного или требующего внимания.

– В чем проблема? – Князь цепко посмотрел на меня.

– Я... сама не совсем это понимаю, – нехотя признала я. – Каждый раз, когда я хочу вас познакомить, что-то упорно противится. Вроде как чувствую, что делать этого не нужно. По крайней мере, не сейчас.

– Интуиция, – прищурился Яблонев.

– Интуиция.

Влад отвернулся к окну, больше ничего не сказав, оставив меня наедине с ощущением, будто я только что испортила наш день. Сам же просил правду! Да, и она должна была оказаться чем-то более существенным, чем «интуиция».

Посмотрев по сторонам, я с размаха опустила голову на плечо Яблонеу и тяжело вздохнула ведьмаку на ухо. Несчастно и обреченно, как умеет все собачье племя, когда дело касается еды в руках хозяина. Темный дернулся, сдерживая смех, но продолжил смотреть в окно. Выждав немного, я потерлась о него щекой, подкрепив еще один, полный вселенской печали вздох тихим скулежом.

– Прекрати, – пробормотал парень, пытаюсь остаться серьезным. На его беду, я точно знала, что делала, за три года отточив этот навык на Ругаловой.

Вместо ответа следующий горький вздох и жалобный звук следом.

– О боги, что тебе нужно, коварное создание? – Не хватило надолго моего практикующего.

– Прости, если я тебя расстроила.

– Сегодня ты расстроила меня только одним, остальное я ожидал. – В серых глазах зажегся лукавый огонек, и я облегченно выдохнула, видя, что угроза отправить наше настроение с якорем обиды на дно миновала.

– Чем?

– Слишком большим количеством пуговиц, – подмигнул Яблонев.

– Ты... – я подавилась словами, не разобрав толком, что хочу сказать и могу ли вообще чем-то на это ответить. Говорить *об этом* так скоро, почти в лоб, да еще и дразнящим намеком, хлестнувшим по голове несколькими особо яркими моментами...

– Я учту твоё пожелание.

Хорошо, что волосы скрывают уши. Кажется, они вот-вот осыплются пеплом.

– Это радует, – хмыкнул темный.

Сцепив руки на коленях, я уставилась в спинку сиденья перед собой, сдерживаясь от дальнейшего диалога. Влад способен язвить двадцать четыре часа в сутки, если находит интересный объект для

упражнений в остроумии, и я не собиралась им становиться. Хватает и шуточек про укусы.

– Не дуйся, тебе не идет. – Яблонеv слегка нажал мне на кончик носа.

– Я не дуюсь. Просто... Мне и так тяжело с этим... проявлением сущности, и последнее, что мне нужно, так это чтобы ты это высмеивал.

– Я всего лишь хочу, чтобы ты принимала и не смущалась себя.

– Я всего лишь хочу, чтобы мы прекратили говорить об этом.

– Конечно. Давай не говорить ни о чем из того, о чем тебе говорить неудобно. То есть о том, что тебя пугает. Настоящий зрелый подход к проблеме.

Прикусив щеку изнутри, я всю оставшуюся дорогу провела в молчании, не рискнув посмотреть на своего практикующего. Его негодование отлично чувствовалось и без встречи с серой сталью глаз. Почему он всегда умеет выставлять все так, словно мне нужно оправдываться и извиняться?

Дорога по парку также прошла в молчании, и с каждой секундой оно тяготило все больше. Ненавижу, когда Влад мной недоволен или разочарован. От этого всегда как будто колет где-то за сердцем, неуловимо, но весьма настойчиво.

– Влад, я...

– Подожди, – сосредоточенно оборвал ведьмак, глядя в сторону дома. Посмотрев туда же, я заприметила незнакомую синюю машину у ворот Яблоневых.

– Клиент?

– Нет. Максим Николаевич, сотрудник уголовного розыска. Ранее обращался ко мне по некоторым делам, просил кое-что посмотреть. – Парень прибавил шагу.

– Ты работаешь с полицией? – удивленно спросила я, впервые об этом слыша.

– Иногда, и только с ним. Странно, что он приехал без предупреждения, обычно всегда звонит или просит подъехать сразу на место. Должно быть, случилось что-то из ряда вон.

– А мне... можно будет присутствовать?

– Даже нужно.

Влад открыл калитку, пропуская меня вперед. Мы не успели пересечь двор, как на крыльцо вышли Тома и высокий подтянутый мужчина ближе к сорока.

– Что с твоим телефоном? – взволнованно крикнула мама Влада.

– Разрядился. Чего ты на Агатин не позвонила?

– Да... не подумала! – отмахнулась Тома, виновато глядя на Максима Николаевича, как я поняла.

Влад пожал руку мужчине:

– Что стряслось?

– У друга три часа назад пропал ребенок в лесу. Прочесали все, не нашли. Сможешь помочь?

Ох...

– Беру рюкзак, и едем, – сразу же ответил Влад. – Это Агата, мой помощник, она с нами.

– Без проблем, – кивнул мужчина, скользнув по мне цепким, немного давящим взглядом. Профессиональное, наверное. – Пойду тогда к машине.

Яблонев исчез в доме, Максим Николаевич вышел за калитку, и мы с Тамарой остались вдвоем. Живот сжало нервное волнение.

– Смотри, чтобы он особо не геройствовал, – кивнула женщина на дом. – Одно дело, если ребенок потерялся сам, и совсем другое, если кто-то поспособствовал.

– В смысле... думаешь, кто-то украл ребенка?

– Сумасшедших вокруг полно, а того, что люди тревожат, не понимая, и подавно больше.

– Сущность?

– Не во всякий лес можно на шашлыки ездить, – покачала головой Тома. – Присмотри за моим сыном, ладно?

– Это вроде как моя обязанность, – попыталась улыбнуться я, но губы упрямо не растягивались.

– Я рада, что это, прежде всего, твое сердце, а не обязанность, – внезапно высказала ведьма, понизив голос.

Растерявшись и смутившись, я только кивнула, не видя смысла отрицать то, что Томе с ее специализацией было очевидно. Яблонев был не только моим практикующим, самым близким понимающим другом и все-все-все статусы, какие он приписывает себе именем нашей связи. Для меня Князь уже давно стал бóльшим. Настолько, что

это осталось очередной темой под грифом «секретно» даже для меня самой.

– Поехали, – бросил мне Влад, хлопнув входной дверью.

– Будь осторожен, – попросила Тамара.

– Я всегда осторожен, – отмахнулся ведьмак, спускаясь со ступеней вместе со мной. – К тому же в этот раз со мной Агата.

– Не забывай, это ее первое дело по поиску, не все может получиться так, как ты думаешь.

Вот спасибо. Еще больше ответственности и волнения – именно то, чего мне так не хватало.

– Мам, это наше с ней первое дело по поиску, а за карканье в этой семье отвечаю я. Иди лучше зелья свои вари, пока фамильяра мне не сломала.

Забираясь в машину следом за Яблоневым, переполненная волнением, тревогой и азартным предвкушением предстоящей нам работы, я признала, что, пока Влад рядом, сломать меня вряд ли возможно. Он этого просто не позволит. Как показывало настоящее – ни своей матери, ни друзьям, ни кому-либо еще.

Глава 20

В машине Максима Николаевича пахло кофе, бензином и ароматизатором с запахом океана. С моего места отлично просматривался профиль мужчины, то, как сосредоточенно он наблюдал за дорогой, изредка поглядывая на нас в зеркало, и порой особо крепко стискивал руль. Тишина салона давила на уши на пару с циркулирующим в нем напряжением. Волнение топталось в животе неуклюжим медведем, и отвлечься было не на что.

Проносящиеся за окном улицы, машины и люди оставались смазанным разноцветным пятном, пока в голове молоточками стучали догадки, переживания и попытки представить, как все пройдет и с чем нам придется столкнуться. Человек? Сущность? Просто маленький беглец, обиженный на взрослых и решивший так их напугать?

Найти ребенка в лесу. Влад устраивал тренировки по поиску, но целью всегда был неодушевленный предмет, а радиус ограничен конкретной аллеей или его домом. Черт, да я даже в прятки не играла лет двенадцать, а тут... Не игра, не веселье и не тренировка.

Интуиция подсказывала, что телефон Максима Николаевича не зазвонит и никто не сообщит, что мальчик нашелся, ложная тревога, всем отбой. Нет, это задача для Влада и первая серьезная проверка на прочность для меня. Она еще даже не началась, а страх уже подступил. От боязни подвести Влада, несчастную семью и, в конце концов, саму себя потели ладони.

– Куда мы едем? – все же рискнула я нарушить неуютное колющее молчание.

– В лес под Хомяково. Двадцать минут от Тулы на машине, – ответил Максим Николаевич.

Ответ ничего не дал, я все равно не представляла, где это находится и как туда добраться. Лучше сосредоточиться на том, что действительно важно. Покосившись на Влада, я обнаружила своего практикующего с закрытыми глазами, вертящего в одной руке какой-то камень из его внушительной коллекции. Вторая лежала между нами, поверх его рабочего рюкзака, ладонью вверх.

Сообразив, что он настраивается на предстоящую работу, я вложила свою руку в его, переплетая наши пальцы. Легкое приветственное пожатие подсказало, что я все поняла верно и внимательно слушала его лекции о нашей связи. Стандартная процедура перед активным использованием способностей.

Как говорил Влад, физический контакт с фамильяром придает сил, успокаивает и помогает сконцентрироваться на задаче и собственных ментальных возможностях, откинув все лишнее. Для себя я расшифровывала это как медитацию на двоих, потому как получала от нашего касания все то же, что и Яблонев. Иногда даже больше, ведь, в отличие от меня, он всегда верил в свои силы и понимал их природу. Мне же каждый раз заново приходилось убеждаться в их существовании. Вернее, в том, что они есть конкретно у меня.

Скопировав позу, я также закрыла глаза. Может быть, Максиму Николаевичу и показалось это странным, но он ничего не сказал. Впрочем, если он прежде обращался к Владу, вряд ли что-то подобное его удивит.

Исчезли посторонние запахи и звуки, прежде раздражающие своей напористостью. Теперь все было сосредоточено на практикующем, словно вокруг пустота и он – единственное, что в ней есть. Аромат древесной стружки, табачного дыма и плавящегося воска. Ровное размеренное дыхание, задающее темп моему. Чуть загрубевшая, медленно согревающаяся под пальцами кожа с парой царапин и мозолей. Темнота перед глазами ожила знакомыми образами, и в нашем едином ритме растаяли моя тревога и его напряжение.

Сегодня моей сущности было солнечно и по-весеннему хорошо. Сельская дорога, упирающаяся в горизонт, не мокла под дождем, как на прошлой неделе, когда в это состояние я погружалась с багажом маминого недовольства и раздраженностью из-за учебы. Лапы весело пружинили, поднимая пыль за спиной, ветерок приятно трепал макушку, окутывая цветочными ароматами с сочно-зеленых полей, тянущихся по обеим сторонам.

Дог была довольна, ее буквально распирало от радости, что просматривалось в каждой детали, от хорошей погоды до легкого бега. Помня объяснение Яблонева о том, что природное и звериное проявления сущности не бывают постоянными во всем и напрямую

зависят от настроения и физического состояния, я быстро поняла, откуда растут ноги у этой идиллии. Прямо из-под лестницы подъезда двухэтажного дома, где сегодня хищник во мне получил то, чего давно хотел, и даже то, о чем только мечтал.

Так же плавно, как опускается ночь, справа появился мрачный лес, оставив от поля лишь цветочную дорожку. Высокие ветвистые сосны упирались в темнеющее небо макушками-пиками, мелкие кустарники и ели загораживали тропинки, а там, где не справлялись они, за дело брался влажный серый туман, клубясь над толстыми корнями и по границе леса, но не покидая его пределов. Повеяло холодом, осенней листвой и сыростью.

Очевидно, настроение Влада полностью отличалось от моего, что внешне он прекрасно прятал. Я не успела проанализировать это как следует, лес озарился светом изнутри, как будто в самой его чаще только что взошла луна. Из пугающей темнота превратилась в таинственную, каждая ветвь, колючка и лист в одеяле тумана просматривались насквозь. Поистине, завораживающее зрелище, на мгновение показалось, что нет ничего прекраснее и загадочнее этого леса, если бы не единственный его обитатель и властитель. Огромный иссиня-черный ворон летел ко мне, раскинув крылья и будто купая их в лунном свете, бьющем ему в спину. Из янтарных вороньих глаз смотрела луна: вечная, всезнающая, все подчиняющая и особо покровительствующая мне.

Рванув навстречу одним прыжком, я приземлилась на мягкую траву, и ворон хрипло каркнул, позабавленный моей торопливостью. Крыло скользнуло по макушке, он полетел вперед, на границе между своей ночью и моим днем, и я бросилась следом, переполняемая восторгом и силой, впитавшейся в кожу от одного его касания. Кажется, я могу так пару вечностей подряд. Просто бежать параллельно ему, изредка нарочно подставляя голову под черное крыло и на каждое «кар» выдавая собственное веселое «р-ряв».

Уверена, мы открыли глаза, возвращаясь в реальность из мира сущностей, в одну и ту же секунду. Максим Николаевич только что остановил машину на обочине дороги, по соседству с двумя полицейскими «уазиками». Похоже, прежде чем обратиться к Владу, он привлек к поиску ребенка своих коллег.

Несколько мужчин в форме курили за чьей-то «Маздой», пара разномастно одетых женщин пробежали через дорогу в березовый подлесок. Отовсюду на разный лад и голоса доносились крики: «Сережа!», «Сергей!», «Сереженька!». Не знаю, так ли слышалось всем остальным, но мне с моим слухом казалось, что я на первой репетиции какого-нибудь школьного концерта, когда никто не знает ни как и что петь, ни где стоять, ни в какой очередности его выступление. Суета, хаос и паника.

– Готовы? – обернулся к нам мужчина.

– Как пионеры, – мрачно подтвердил Влад. – Мальчик ваш крестник, верно?

– Да. Ты уже что-нибудь уви...

– Нет, мне нужно быть там, откуда он пропал, чтобы что-то увидеть. По возможности сделайте так, чтобы нам никто не мешал. Если я говорю, что в лес пойдем только мы с Агатой, это значит, что в лес идем только мы с Агатой. Если я говорю, чтобы все отошли вправо, влево или вовсе вышли на дорогу, значит, все отходят, куда я сказал. И возвращайте остальных туда, где они гуляли, не стоит разбредаться по лесу и усложнять нам работу. Не нашли за два часа поисков, значит, он не просто заблудился.

Тон Влада был исполнен той особой бескомпромиссной жесткости, против которой я бы не поставила. Так он разговаривал с отчаявшимися клиентами, готовыми на все, но не представляющими, что это «все» включает в себя. Строго, предупреждающе и даже отчасти резко и грубо. Один раз указав ему на это, в ответ я получила пятиминутную лекцию о том, что лучше один раз обжечь, чем тысячу раз просюсюкать об опасности пламени.

– Понял, – кивнул Максим Николаевич. – Тогда идем.

Я щелкнула ручкой дверцы, первой покидая его «Ауди», чтобы раньше Влада столкнуться с лесом. Как говорила Миркова, задача практикующих – помочь человеку, цель фамильяра – защитить и помочь практикующему. Как бы мне ни хотелось броситься на поиски ребенка, на первом месте стояла безопасность Влада.

Не спеша прошагала по тропинке и, не обращая внимания на любопытствующие взгляды полицейских, уставилась в стену леса перед собой. Для листвы еще было рановато, но пласты нарастающего

снега, белеющие то там, то тут, удивляли. Черные стволы деревьев, голые ветви, вязкий грязный кисель из лежалой листвы, снега и земли.

Незаметно высунув кончик языка, пользуясь приемом из арсенала Кельта, я попробовала воздух на вкус. Холодный, с какой-то тяжестью и горькой ноткой, прослеживающейся сквозь табачный дым, алкоголь, бензин и запах жареного мяса. словно эта горечь была основой, на которую ложились остальные запахи.

Неприветливый. Слово полностью отражало мое первое впечатление о лесе, и ему следовало верить, потому как интуиция фамилъяров не дает осечек. По крайней мере, меня так учили.

Максим Николаевич прошел мимо, разговаривая по телефону, прося собеседника (наверняка отца ребенка) развернуть всех на исходную точку. Пристроившись рядом с Владом, я покосилась на ведьмака. Хмурясь, он сосредоточенно поглядывал по сторонам, потирая кольцо на большом пальце.

– Что такое? – шепотом спросила я.

– Слишком много людей. Фонят, – пробормотал парень.

– Что мне сейчас делать?

– Пока просто будь рядом. Ты что-нибудь почувствовала?

– Мне... – я запнулась, думая, как лучше сказать, – мне кажется, мы не нравимся этому лесу.

– Тебе не кажется. Ему не нравится все, что ему не принадлежит, – тихо ответил Яблонев.

Мы вышли на небольшую поляну, где можно было увидеть все составляющие классического выезда компании на природу. Мангал, складные стулья, бревна, застеленные пледами, магнитофон, заставленный закуской и выпивкой стол – складная доска с клеенкой, большой полупустой таз с жареным мясом... И все брошенное, недоеденное, недопитое и, в общем-то, забытое.

Пройдясь взглядом по присутствующим, я мысленно их сосчитала. Шесть мужчин-гостей и восемь полицейских обступили Максима Николаевича. Пять женщин сгруппировались возле одной, сидевшей на пластиковом стуле и плачущей навзрыд. Трое из них прижимали к себе перепуганных детей, двух девочек и еще одного мальчика.

Перешептывания, недоверчивые взгляды на нас с Владом, громкие всхлипы, причитания... Понятно, что значит «фонят».

Слишком много сильных негативных эмоций засоряют пространство и мешают Яблоневу уловить единственно важное. Из шепота недовольство быстро переросло в басовитый крик коренастого краснощекого мужчины в черных резиновых сапогах и куртке, похожей на часть экипировки солдат.

– Какого черта ты его привел сюда? У меня сын пропал! Нужно больше людей и собак для прочесывания местности, а не шарлатан, твою мать!

– Дим, дыши носом. Он не шарлатан, дай парню попробовать найти Сережку.

– Дима, хватит! – крикнула женщина. – Мы и так уже все прочесали! Он бы даже так далеко зайти не смог, где мы были! Если Макс ему верит, значит, пусть попробует, хуже не будет!

– По-твоему, какой-то чернокнижник сможет его найти? Не болтай ерунду, совсем от страха одурела! Следить за ребенком нужно было, а не с подружками фотографироваться!

Влад кашлянул, каким-то образом попав точно в паузу, пронизанную ожиданием бурного скандала. Все снова посмотрели на нас, и дог во мне вздыбил шерсть, угрожающе скалясь. За исключением Максима Николаевича и пары полицейских, моего практикующего окатывали скепсисом, подозрением и чуть ли не обвиняли в том, что он вообще здесь лишний.

Словно не замечая реакции окружающих, Яблонев спокойно стянул с плеча рюкзак, присел на корточки и принялся в нем рыться, поочередно протягивая мне пучок какой-то травы, три тонкие зеленые свечки, спички и круглое зеркало в резной серебристой рамке на такой же ручке.

– Какого хрена он делает? Я не давал своего разрешения на этот цирк! – снова вскинулся отец ребенка.

Единственный, кто здесь устраивал цирк, так это он сам. Сын пропал, самое время принять любую помощь, но нет, главное показать всем вокруг, какой он крутой и не верит во все сверхъестественное! Идиот. Видя, как знакомо потемнели глаза ведьмака при взгляде на Дмитрия, я подобралась, готовая следовать любому плану Яблонева. Даже если он состоял в том, чтобы отправить разъяренного скептика в нокаут.

– Не вижу смысла тратить время на споры, когда мне и так очевидно, чем все закончится, – тихо проговорил практикующий. – Я передам вам слова вашей покойной матери, прямо сейчас стоящей справа от вас. Вы побледнеете, начнете отрицать, после вспомните, что именно так она и говорила, поймете, что я не мог этого знать раньше, перекреститесь и будете надеяться, что в мои навыки входит не только общение с миром мертвых.

– И что же говорит моя покойная мать, якобы стоящая справа? – Дмитрий демонстративно посмотрел направо и помотал в воздухе рукой. Похоже, алкоголь не до конца отпустил его со своего крючка.

– «Не студи гланды криком и завязывай хлестать, не то закончишь, как Сашка».

Никогда не видела, чтобы человек так быстро бледнел. Вся агрессивная самоуверенность слетела, как шелуха. Мужчина отступил на шаг, приоткрыв рот, вокруг зашептались и забормотали что-то о том, что Сашка – двоюродный брат Димы, умерший молодым от перепоя.

– Помогите нам, пожалуйста, – то ли простонала, то ли прорыдала Светлана, жена Дмитрия, скрыв лицо в ладонях.

– Тихо, – гаркнул Максим Николаевич на остальных друзей пары, принявшихся обсуждать послание.

Кивнув ему, Влад зажег свечи, удивительным образом не загасшие на открытом воздухе, и от них поджег пучок травы, опуская его нам под ноги. Сладковато-горький запах дыма, несомненно, станет еще одним вопросом от мамы, когда она учует его на моей одежде. Сложно упустить такое, но о своем очередном вранье подумаю позже.

Яблонев выставил ладонь к лесу по левую сторону от нас и закрыл глаза. Не задумываясь, я шагнула вперед, загораживая его от давящих надежд, любопытством и испугом взглядов присутствующих. Став препятствием для них, я пошла дальше, представляя себя стеной между ведьмаком и всем остальным. Высокой, толстой, неприступной и скользкой, чтобы уцепиться за что-то и перелезть не было ни единой возможности. Влад стал ощущаться спокойнее, значит, у меня получилось избавить его от необходимости закрываться и тратить силы еще и на это.

Пламя свечей в его руке затрещало, резко став выше. Достаточно повертевшись на приемах Влада, я знала, что ничего хорошего в этом

нет и причина вовсе не в погодных условиях. Сережа точно пропал по сверхъестественной причине, и тут что-то есть. Наверняка столь же враждебное, как и сам лес. Если не он сам – Яблонев неспроста часто рассуждал о местности как о живом организме со своими привычками, задачами и ценностями.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем темный открыл глаза, но, заглянув в них, я поежилась. Буря разразится с минуты на минуту, штормовые тучи уже появились. Жестом велел мне уйти с дороги, Влад подошел к мангалу с тлеющими углями, ковырнул их пустым шампуром и буркнул что-то нелицеприятное себе под нос, после чего протянул мне руку.

Держась за руки, мы стали обходить поляну большим кругом по часовой стрелке. Влад смотрел сквозь пламя, я же пыталась уловить что-нибудь странное с помощью слуха и обоняния, доверяя им больше, чем зрению. Пройдя больше половины, мы одновременно передумали делать следующий шаг, переглянувшись.

– Тут воздух еще холоднее, и в нем какая-то гниль и сырость, – пояснила я в ответ на его молчаливый вопрос. – Похоже на... не знаю, когда грибы собираешь, так потом пальцы пахнут. – Это казалось самым близким к тому, что на самом деле улавливал мой нос.

– Я понял. Подержи.

Яблонев передал мне свечи, повернулся к нашим наблюдателям, быстрым шагом пересек поляну и остановился перед островком мам и детей. Пропустив пяток вопросов паникующей Светланы, растирающей по щекам слезы и тушь, ведьмак опустил на корточки перед курносой девочкой в очках.

– Привет. Меня зовут Влад, а тебя?

– Софья, – смущенно ответила она после одобрительного кивка матери, сжимающей ее плечи.

– Очень приятно, Софья, – очаровательно улыбнулся Яблонев, чем, по-моему, расслабил не только малышку, но и ее маму, бессовестно пользуясь своим воздействием. – Я знаю, вы играли вместе с Сережей и перед тем, как он пропал, ты кое-что видела...

– Софа! – возмущенно протянула ее мама. – Свет, прости, она просто...

– Ребенок, которому, скажи он правду, большие и умные взрослые не поверили бы, – отчеканил Влад, строго посмотрев на обеих

женщин, прежде чем вернуть внимание испуганно съжившейся Софье. – А я поверю. Тебе даже не обязательно говорить вслух, просто подумай о том, что ты видела, помоги найти твоего друга. – Яблонев осторожно взял девочку за руки, попросив посмотреть ему в глаза и сказав ее матери, что никакого вреда ее дочери это не принесет.

Неприятное скользкое ощущение отвлекло меня от контакта Влада с девочкой. Как будто капля холодного дождя попала за шиворот и стекала вдоль позвоночника, или кожи коснулось что-то мерзко-липкое, наподобие пиявки или еще какой склизкой твари. Сцепив зубы, я обернулась, чувствуя, как дог внутри повторно вздыбливает шерсть, приплюхиваясь.

Здесь что-то было. Прямо сейчас подбиралось ко мне, изучало, становясь сильнее по мере того, как темнело. Ночью в этот лес заходить не стоит. Даже практикующим, что я понимала так же ясно, как сигнал SOS.

Набравшись решимости за один короткий вздох, я подняла свечи на уровень глаз, глядя перед собой сквозь пламя. Лучше видеть, что тут вьется, чем придумывать лишнее. Понадобилось время, чтобы привыкнуть смотреть на пламя так близко и воспринимать не только его цвета, но и то, что они закрывают. Глаза заслезились, я терпеливо смаргивала, ожидая, когда сквозь реальное проступит истинное, как называл это Влад.

Слава богам, никакой паукообразной сущности не наблюдалось, а значит, билет в ночной кошмар меня миновал, но зато здесь было нечто другое. Над землей тянулось... что-то, похожее на сеть, в которой все мы стояли. Она уходила дальше в лес, обвивая стволы деревьев, цепляясь за ветви и кустарники и светясь сквозь снег. Нет, не сеть, скорее паутина, никак не реагирующая на физическое движение.

– Агата?

– Что это такое? – Я обернулась к Владу, возвращая ему свечи, успешно противостоявшие еще одному порыву ветра. Похоже, и впрямь заколдованные.

– Ну что? – поддержал меня Максим Николаевич.

Влад качнул мне головой, тут же обращаясь к остальным:

– Уходите все отсюда к дороге и машинам, оставьте еду и питье. Чтобы ни у кого в кармане ни крошки не было. Детей убрать первыми, лучше сразу с ними отсюда уехать.

– Где Сережа?

– Все еще здесь, не думаю, что далеко, но лес не хочет его возвращать мирно, поэтому мне придется применить силу. Еще раз говорю: всем уйти к дороге и оставить еду и питье, остальное забрать, – терпеливо повторил Влад.

– Почему не хочет? – не понял Дмитрий. – Как лес вообще может чего-то хотеть или не хотеть?

– Так же, как природа может создавать и разрушать, – ответил Яблонев, покосившись на меня. – Лес забрал и прячет вашего сына, чтобы наказать вас за неуважение и воровство. – Ведьмак прошелся взглядом по всей компании, и я отметила, что многие тревожно завопили, потихоньку начиная сборы, но достаточно тихо, чтобы слышать темного. – Когда вы приходите в чужой дом в гости, вы же не начинаете крушить в нем мебель, бросать мусор и заниматься прочими... делами? – Серые глаза красноречиво задержались на какой-то семейной парочке без детей, и по тому, как покраснела женщина, стало ясно, на какое дело намекает Яблонев. Вот правда, места другого не нашли, что ли? – Лес – это тоже дом, в нем свои законы, и у него есть свой хозяин. Дрова на костер брали не с земли? – Тишина. – Вас спрашиваю!

Стоило немного повысить голос, и сборы пошли активнее. Взрослые вроде бы, а ведут себя как школьники, боящиеся, что их вот-вот вызовут к доске. Может, человек и вправду никогда не вырастет, а просто стареет?

– Нарубили из подлеска, они... посуше были, – сглотнул Дмитрий, испуганно глядя на Влада.

– То есть вы навредили лесу, порубив молодняк, а потом еще и костер разожгли, который, в общем-то, был вам без надобности. Сейчас в магазинах уголь продается, – подвел черту Влад. – В процессе намусорили упаковками, крышками и прочим пластиком. Далее осквернили еще и плотски, и я сейчас не только о сексе, но и о банальном опустошении организма. Все вместе переполнило чашу терпения этого далеко не простого места, старше нас всех с тремя коленами вместе взятых, и оно среагировало.

– Но вы же... Вы сможете нам помочь? Вернуть Сережу? – не прекращала всхлипывать Светлана.

– Чем скорее вы отсюда уйдете, тем быстрее мы с Агатой приступим к... переговорам.

Сомневаюсь, что они будут вербальными. Скрестив руки на груди, я смотрела, как Максим Николаевич руководит «отходом», по-военному четко указывая, кому что брать, кто в какой машине сядет, и напоминая, чтобы все проверили карманы на наличие еды. Двое парней потащили мангал, женщины с хныкающими и уставшими детьми пошли следом за ними, мужчины похватали сумки со всем несъедобным, но ценным, и вместе с полицейскими замкнули все это гудящее и шепчущее шествие, переполненное страхом, волнением и недоверием.

– Вы точно справитесь? – задержался Максим Николаевич, с трудом вытолкав отсюда Светлану с Дмитрием, порывавшихся помочь хоть чем-нибудь. Можно подумать, от их присутствия что-то кардинально изменилось бы.

– Я сделаю все, что в моих силах, – не стал конкретизировать Яблонев. – Уходите и ждите. Не давайте никому вернуться в лес. Это может все усложнить.

Кивнув, мужчина покинул поляну, и вскоре его очертания растворились в окутавшем лес сумраке.

– Что нужно делать?

– Тащи сюда всю еду и питье, что они оставили. – Влад снова присел возле своего рюкзака.

– С чем мы столкнулись? – Я прекрасно поняла, что остальным, непосвященным, Яблонев рассказал лишь часть правды, не выдавая того, что им знать не полагалось.

– Если совсем просто, то с лесным сторожем, духом, который здесь с самого начала. В фольклоре таких называют лешими.

– Леший? Серьезно? – поперхнулась я, ставя рядом с ним таз с остатками мяса, рыбы и прочими бутербродами и закусками. – А водяной с русалками тоже существуют?

– Народные сказки любых народов строилась на реальных событиях, со временем обрастая разными придумками. У каждого древнего места с памятью есть свой страж, тот, чья смерть первой коснулась его. Водяные и русалки – это утопленники, наказанные вечным служением и обязанностью охранять природу за осквернение ее храмов своей смертью.

Рассказывая, Влад расстелил на земле черную ткань, установил в центре блюдце со все еще горевшими свечами и положил перед собой зеркало, которое все это время таскал в кармане куртки.

– А храм – это...

– ...любое место, где сочетаются несколько стихий, подальше от людей. В данном случае земля, воздух и вода.

– Я кое-что увидела через пламя, – поставив полупустые бутылки с водой, соком и алкоголем возле таза, я присела рядом с ними. – Тут везде какие-то переплетения, напоминающие паутину.

– Это энергопотоки, помогающие лесному сторожу передвигаться по лесу и служащие чем-то вроде сигнализации, сообщающей о посторонних. Софья видела, как он схватил мальчика за плечо, испугалась и убедила себя, что ей все показалось. Самое главное, она слышала, как сначала их кто-то звал, будто издалека, – Влад со смыслом посмотрел на меня. – У тебя никогда такого не было? Идешь по лесу, а тебя будто кто-то зовет, голос знакомый, но кто именно, вспомнить не можешь?

– Нет, но я слышала такие истории, – нахмурилась я.

– Запомни раз и навсегда: оборачиваться нельзя. Сережа обернулся первым, и вот результат.

– Как в мифе про Орфея у греков?

– Да. Принцип тот же.

– А как он выглядит?

– Агата, – тяжело вздохнул Влад, поднимая голову. – Давай сначала найдем и заставим отдать ребенка, а потом уже я отвечу на очередную сотню твоих вопросов.

– Прости, – виновато пробормотала я.

– Ничего страшного, включи инстинкты на максимум. Он уже понял, кто мы, и может напасть первым. Мне нужно заговорить зеркало и подготовить лесу подношение, которое он примет. – Влад кивнул на принесенные мною остатки еды. – Пока я этим занимаюсь, смотри в оба, ориентируясь на свою природу.

Отвернувшись, ведьмак поджег еще один пучок, на этот раз каких-то смутно знакомых трав, заставляющих подумать о кружке горячего чая холодным зимним вечером, и бросил его прямо на еду.

Встав за спиной практикующего, подальше от дыма, я сделала, как он велел, сливаясь с догом. Мы тренировали это переключение

последние недели, чтобы не полагаться на сильные эмоции, рефлекторно вытягивающие мою сущность на поверхность, как тогда, в гостях у Варвары. Вдохнув носом, я закрыла глаза, и где-то на бесконечной дороге внутри меня дог остановилась и вскинула голову, настороженно завертевшись по кругу, выискивая возможную угрозу, окунаясь в сотни запахов и звуков.

Сырость, снег, еда, кора, дым, Влад, воск, копоть и зола, кто-то пролил апельсиновый сок, жженный пластик... еще десяток ароматов принес ветер. Скрип ветвей, нашептывания ведьмака, где-то капает вода на лед, вдалеке, за спиной, гул голосов, впереди птицы с дерева на дерево... Постепенно все это складывалось в карту со своими маяками. Карту, в которой я ориентировалась в прямом смысле не глядя.

Поэтому, когда слева послышался хруст, которого не должно было быть, а секундой позже ноздрей коснулся тот самый холод с примесью «сырых грибов», остановивший меня прежде, я сорвалась туда под рычание дога. Застыв между двух осин, я увидела... что-то, и оно нам категорически не нравилось. Без очертаний, лица, какой-либо структуры, или же я не была способна ее разглядеть, воспринимая «это» как бесформенное пятно сгустившегося холодного воздуха, воняющего сырой землей и прелой листвой. Страж леса (не могла я окрестить его лешим, прочно ассоциирующимся у меня с энтом из «Властелина колец») замер, колеблясь на одном месте, изучая меня.

От такого пристального, давящего внимания хотелось убратся подальше... той части меня, что все еще цеплялась за крохи обыденного: сериалы по вечерам, пары в универе и честные разговоры с мамой на саркастичной основе. То есть очень малой части. Девяносто девять процентов Агаты Вольской приняли истинное положение дел, завязанное на паранормальных вещах. Поэтому, вместо того чтобы зажмуриться и твердить: «Этого не существует», я расправила плечи, думая: «Попробуй подойди».

Понятия не имею, что сделаю, но ведь никто не думает, как именно будет жить через минуту. Защищать Влада для меня то же самое, что есть, дышать и спать. Жизненно необходимо. Неважно, летит ему в лицо нож или надвигается неизвестная мне сила, я одинаково решительно встану у угрозы на пути. Фамильяры не могут иначе, как подсказывали интуиция и опыт предков.

Страж запульсировал чаще, похоже, реагируя на интонации ведьмака, что-то тихо наговаривающего зеркалу на незнакомом языке. Слова пролетали мимо ушей, ускользали без единой возможности их запомнить, значит, знать их мне не положено. Неуловимо оно стало ближе, и губа сама собой поползла вверх. Я хотела сказать «не подходи», но изо рта вылетел только рык, сработавший лучшим предупреждением. Страж отступил, за клубившись на одном месте, и я приготовилась к столкновению, каким бы оно ни было, понимая, что он набирает мощи.

На плечо легла рука, Влад потянул меня назад и выставил перед нами зеркало. Не знаю, чем он его нафаршировал, но стража это точно впечатлило. Дух отпрянул, обвился вокруг осины, и ее ветви затряслись, словно попали в ураган. У меня перехватило дыхание от волны силы Яблонева, опустившейся между нами и лешим, как топор, отсекающий все лишнее. Какой-то скромный процент моего сознания еще тратил время на удивление и шок от происходящего, правда, проходило это почти незаметно.

– Верни, что не твоих корней, – громко потребовал ведьмак. – Что сготовлено, пробовано и испито на твоей земле, ее не покинет. Ребенок ей не принадлежит.

Тишина упала занавесом, в один миг. Ветви застыли, дух больше не показывался, я его даже не чувствовала, но Влад склонил голову набок, будто что-то слушал. Энергия темного вилась вокруг нас, сливаясь с моей, но, в отличие от тренировок, где он позволял мне ощутить лишь часть, что-то вроде легкого нежного касания, сейчас гудели даже кости. Где-то там, в истинном, ворон и дог застыли на участке между дорогой и лесом, всматриваясь в одно и то же, подготовившись использовать когти, клыки и клюв. Походило на то незабываемое для каждого бегуна состояние перед командой «марш!», когда «на старт» и «внимание» уже прозвучали.

– К сердцу, – скомандовал Яблонев, и я рванула следом за ним, в темноту, по вязкой, истоптанной в прежнем поиске почве.

Не нужно было слов. Редкий момент, когда все было ясно без дополнительных вопросов. Дух принял подношение Яблонева, вот только мальчика мы должны были забрать сами. Если сможем найти.

Собачье нутро проступило наружу, как в схватке с Мирковой, карта запахов и звуков вышла на первый план, и ночное зрение лишь

повторно фиксировало окружающее. Мы пробирались через бурьян, туда, куда никто не додумался заходить, в самое, как и сказал Влад, сердце леса. Наверняка там какое-то особое сосредоточие энергии, как, например, чердак Яблонева в его доме.

Почти сразу я перегнала ведьмака, и возникшая за моей спиной стая лишь подстегивала прибавить скорость и доверять нюху, ведь он никогда нас не подводит, а лес многим из нас был и оставался родным домом. Лучше всех это чувствовали древнейшие и дикие нашего племени, волк и первые, неодомашенные собаки, велящие слышать лесную сеть, а не всматриваться в нее. Все, что касалось видения, – дело практикующего. Наша задача – слышать и чують то, что может ему пригодиться или поможет защитить.

Сеть, служащая стражу леса в качестве сигнализации и чем-то вроде сверхъестественного метро, гудела. Стоило только как следует прислушаться и *захотеть* услышать. Чем дальше мы забежали, тем больше возрастало гудение. Если Влад видел сетку без свечи, я чувствовала каждый ее квадрат и линию ногами.

Все же она была паутиной, и самый ее центр сосредоточился вокруг огромного тополя. Все пространство по щиколотку вибрировало, как камертон. Яблоко и арбуз, немного железа, что-то теплое в воздухе...

– Он где-то здесь, я чувствую запах, – взволнованно обернулась я к Владу, поворачиваясь по кругу. Места для прятков тут было немного. Никаких кустов и оврагов, только стволы деревьев, и будь мальчик рядом, я уже слышала бы его.

– Он где-то здесь и не здесь. Отойди, я должен поговорить с этим местом, – чуть задыхаясь, проговорил Влад, махнув рукой.

– Ты же уже поговорил со стражем, и он принял подношение, разве нет?

По-видимому, я все-таки не все поняла верно.

– Принял. Этого хватило на разрешение беспрепятственно прийти сюда, – кивнул Влад. – Мы получили аудиенцию, настоящая работа предстоит здесь.

– Но ты даже не взял с поляны рюкзак! – только сейчас заметила я отсутствие сумки практикующего. Как он собирается что-то делать без своих свечей, камней и прочей атрибутики?

– Я взял самого себя и тебя в придачу, – отвлеченно ответил Яблонев, обходя тополь по кругу. – Все. Тихо.

Ведьмак приложил ладонь к стволу дерева, закрыв глаза. От его низкого голоса, вновь зазвучавшего незнакомыми словами, стало зябко, и вся сырость и весенняя промозглость вокруг как будто усилилась стократ. Обняв себя руками, я завертела головой.

Влад не говорил присматривать за округой, но я и без его просьб знала, что терять бдительности не стоит. Настороженно переминающаяся за спиной стоя не позволила бы забыть об этом ни на мгновение. Добыча не найдена, враг не побежден и не отступил, значит, рано приглаживать шерсть.

Было в этом месте что-то... пробирающее. Вроде бы не заросли, обычные деревья, вот только темнота тут ощущалась кожей и все вокруг казалось почти живым. Словно вот-вот проснется, потянется ветвями вверх и со всего размаху опустит их вниз, чтобы прихлопнуть надоедливых смертных букашек, смеющих досаждать ему.

– Не вернешь живого, я здесь мертвых поселю.

Моргнув, я уставилась в спину Владу, впервые понимая значение словосочетания «мороз по коже». Эта угроза, сказанная столь спокойно, легко, как нечто обыденное, казалась ужом, плывущим к ничего не подозревающей лягушке. Жутко, подавляюще, неотвратимо.

Переговоры проходили не лучшим образом, если на свет показался настоящий темный ведьмак. Тот, кого Влад предпочитал прятать за ухмылками и шутками, пока не случалось что-то, требовавшее жесткости, серьезных решений и применения настоящей силы. Раньше я встречалась с ним, когда дело касалось меня самой и он считал нужным вступить. Первая совместная прогулка и упавший на ровном месте пошляк, шедший мимо с компанией, инцидент в квартире Варвары, а до этого стальное требование клятвы на крови от Ирки...

Такой Влад меня не пугал, а, напротив, еще больше притягивал. Я чувствовала некую родственность между его властной решительностью и своей сокрушительной яростью, по-настоящему проступающей так же редко. При общих знаменателях, мы были похожими, но все же, дополняя друг друга, разными. Как ворон и дог. Полет и бег. Лес и поле.

Ветви тополя, ствол, само дерево... загудело под рукой ведьмака. Не звук, не вибрация, что-то совершенно иное, необъяснимое, зато прекрасно ощутимое. Если пространство вокруг нас – поверхность воды, по которой мы распространяем круги-эмоции и действия, то только что в него со всей силы бухнули огромную глыбу. Такую, что вместо ожидаемых брызг поднялись волны, захлестывая с головой.

Холодный поток ударил в спину. Снизу, кажется, прямо сквозь ботинки пролезал лед, обжигая ступни и поднимаясь выше. Дог взвилась на дороге, пружиня от нее всеми четырьмя лапами, и гневно взвыла. Клич тут же подхватила невидимая стая, и волосы на голове встали дыбом, когда мы поняли, что надвигается на нас и вот-вот пройдет мимо, целясь в Яблонева.

Это не было догадкой или оформленной мыслью. Я просто знала, кто это и что оно собирается сделать. Знала за секунду. Инстинкты щелкнули выключателем и зажгли лампочку. Опасную, красную лампочку тревоги.

Местный храм природы не желал отдавать мальчика и натравил на нас своего стража. Уговор был только пройти сюда, а не безопасно уйти. Дорога внутри меня и лес вокруг превратились в одно, когда я резво обернулась, сталкиваясь со сгустком темноты и холода, провонявшим сырой землей насквозь. Можно ли ударить пустоту? Физически – нет. Ментально – сколько угодно.

Взбешенная подлым нападением и враждебностью леса, упрямо не отдающего Сережу, я зарычала, больше не видя себя человеком. Мои когтистые лапы ударили по стражу, пасть ухватила и вгрызлась в темноту. Она тянула, хлестала холодом, шипела и гудела, забивала ноздри землей, цеплялась за уши, но я упрямо стискивала челюсти, мотая головой и прокусывая эту мерзость насквозь, утягивая вниз, пока сквозь клыки не закапала вязкая и горькая темнота. Будешь знать, как красть детей и нападать на моего практикующего!

Позади хрипло каркнул ворон, и это заставило меня отпустить еле трепыхающегося стража и обернуться. Фиолетовая волна от крыльев величавой птицы затопила всю округу: его собственный лес, мои поля и дорогу и само перекрестье, где они встречались, а после... взорвалась. Мир вздрогнул и покачнулся, нечеловеческий вопль прокрался в уши с назойливостью комариного писка и силой колокольного звона, и меня вышвырнуло прочь.

В темноту, тишину и обыденность. В физическом мире ничего не изменилось, мы с Владом стояли на тех же местах, в том же часе, с прежней задачей. Вот только никого постороннего больше не ощущалось.

Не говоря ни слова и не оборачиваясь, Яблонеv убрал руку с тополя и выставил ладонь в сторону. Подойдя ближе, я заглянула в лицо ведьмаку, подтверждая свои догадки. Мой Князь был вымотан, бледнее обычного и наверняка стоял на ногах лишь благодаря своему природному упрямству.

– Влад, ты...

Мое «должен отдохнуть» перебил хруст веток и тихий плач. Там, куда указывала рука практикующего, кто-то судорожно дышал, не в состоянии набрать в легкие воздуха с первого раза, всхлипывал и что-то неразборчиво бормотал. Печеная картошка, яблоко и арбуз...

– Сережа!? – крикнула я, во все глаза глядя на Яблонева. Ведьмак кивнул мне, устало прикрыв глаза.

– Я тут! Мама! Папа! – прорыдал мальчик откуда-то слева, из-за деревьев.

– Нет-нет, стой, я сама его найду, отдохни, – засуетилась я, схватив Влада за руку. – Подожди здесь, хорошо?

– Дерзай, Герцогиня, – только и сказал мой практикующий, привалившись спиной к соседнему с тополем стволу. Сogласился вот так сразу, без извечного «я сам»? Ему точно было еще хуже, чем я подумала.

Сережу я нашла метрах в десяти от сердца леса, возле какого-то трухлявого пня. Перепуганный и заплаканный, мальчик бросился ко мне и сразу же вцепился в подол куртки. Вот так сходил с родителями на шашлыки... Бедняга.

– Все-все, мы тебя нашли. – Я осторожно погладила его по спине и поправила шапку, надвинув ту обратно на затылок. Понятно, арбуз и яблоко – это запах шампуня. – Давай руку, я отведу тебя к маме с папой. Меня, кстати, Агата зовут.

– Сергей, – шмыгнул носом ребенок, стиснув мои пальцы крепче.

– Очень приятно, – поддержала я беседу, потащив его обратно почти что на буксире. – Сейчас познакомлю тебя с моим другом, вот он... Влад, это Сергей, – подошли мы к ведьмаку.

– Какая долгожданная встреча, – серьезно кивнул мальчику Яблонев, скрепив с ним рукопожатие. – Замерз? Потерпи немного, скоро уже будешь спать в папиной машине. Не бойся, ругать не будут.

Втроем мы медленно побрели к поляне, с которой все началось. Благо и я, и Влад отлично помнили, где и как шли. Поддерживая Сережу с обеих сторон (мальчик постоянно спотыкался и буквально засыпал на ходу), мы поочередно спрашивали у него всякую ерунду, чтобы поддержать разговор и доставить его к родителям в сознании и относительно невредимым, не считая разбитой коленки, царапины на щеке и шокового состояния.

На поляне Яблонев поднял свой рюкзак:

– Выводи его, тут нужно кое-что закончить и подчистить.

– С ума сошел? Ты и так...

– Агата. Это быстро.

– Я тебя тут одного не оставлю!

– О боги. Просто верни мальчика семье и жди меня у машины.

Пять минут. Обещаю.

Сузив глаза, что он вряд ли увидел, я проворчала себе под нос «время пошло» и потащила Сережу к дороге, где паника, волнение и страх выходили на новый уровень. Слыша, как Максим Николаевич гаркнул, что в лес никто не пойдет, пока этого не разрешим мы с Владом, я ускорила шаг.

– Мам! Пап! – закричал Сережа, когда впереди показалась освещенная уличными фонарями дорога с десятком припаркованных на обочине машин.

– Сереженька! Сынок! – бросилась к нам Светлана, и я выпустила руку мальчика, позволяя ему побежать навстречу и надеясь, что он не упадет, запнувшись о собственные ноги.

– Гля! Нашли!

На меня обрушился поток вопросов и восклицаний, люди перебивали друг друга, обнимали Светлану с Дмитрием, хлопали по спине и плечам Сережу. Максим Николаевич вытянул меня из этого хаоса радости и облегчения прежде, чем на меня действительно обратили бы внимание и посыпались серьезные вопросы. Отойдя к его машине от опьяненной радостью семьи, их друзей и полицейских, обсуждающих между собой нас с Владом, Максим Николаевич открыл мне дверцу водительского кресла, кивнув присаживаться.

– Влад скоро?

– Уже должен выйти, – пробормотала я, впервые за вечер доставая телефон.

Половина восьмого. Удивительно, как обошлось без пропущенных от мамы. Пара эсэмэсок от Ирки, посмотрю позже, общий чат группы... Потом. Сунув мобильный обратно в карман, я решила выждать еще пару минут и отправиться рассказать Владу, что у него проблема с чувством времени.

– Ты давно с ним? – поинтересовался мужчина, закурив.

– Мы не... Познакомились в феврале, и с тех пор я ему помогаю. А вы давно его знаете?

– Года три уже, – покивал Максим Николаевич. – А вот и он.

И правда, Влад вышел из леса прямо напротив нашей машины, хитро избегая столкновения с остальными. Он даже успел дойти до «Ауди» и бросить рюкзак на заднее сиденье, прежде чем его заметил кто-то кроме нас с Максимом Николаевичем.

– Никаких бесед, смотреть никому ничего не буду. Только родители пусть подойдут, скажу, что нужно сделать, – сказал Влад, прислонившись к машине возле меня и доставая сигареты и зажигалку.

Кивнув, Максим Николаевич выставил руки, отгоняя всех желающих поговорить с Яблоневым. Конечно, теперь ему точно верили и как о шарлатане не думали. Фыркнув, я сжала ладонь темного, прижимаясь к его боку.

К восьми, после разговора со Светланой и Дмитрием, мы наконец-то устроились на заднем сиденье, и Максим Николаевич занял место водителя. Влад поставил свою сумку на пол, и, едва машина тронулась, наши руки сплелись сами собой, а я потянула обессиленного практикующего к себе, заставляя полувлечь на меня.

– Останься сегодня со мной, – тихо попросил Влад, поглаживая мое запястье по нашей давней традиции и заглядывая мне в глаза снизу вверх. В их серости я прочитала то, что он не доверил речи: «Пожалуйста, я очень устал, ты мне нужна».

Я открыла рот, чтобы сказать, что это невозможно по ряду причин, начиная от мамы и заканчивая отсутствием вещей для ночевки, но вместо всего этого получилось короткое и правдивое:

– Останусь.

О том, что он мог прочесть в *моих* глазах, лучше не думать.

Глава 21

Встречи с мамой после внеплановой ночевки у Влада мне хотелось не больше, чем ведьмаку объяснить своей, что все-таки произошло на поисках Сережи. В отличие от него, я не могла себе позволить шутливо отмахнуться, толком ничего не сказав, и закрыть перед маминым носом дверь. С моей такое не пройдет, да и единственная дверь, которую я могла бы закрыть в нашей однушке, – дверь туалета. Убежище, прямо сказать, так себе.

Квартира встретила дразнящим запахом запекающейся в духовке курицы в специях, закадровым смехом из ситкома по кабельному и насмешливым взглядом матери, появившейся в коридоре еще до того, как я успела разуться.

– Надо же, кто пришел домой.

– Привет, мам. – Я растянула губы в улыбке, встречаясь с тем особым, знакомым каждому выражением на лице родителя. Как правило, появляется оно после или во время фраз: «Мне звонили из школы», «Я видела историю твоего браузера», «Подойди-ка сюда, не пойму, чем от тебя пахнет» и т. д. Предостережение даже не думать врать и утверждение, что тебя видят насквозь, одновременно. Ненавижу это мерзкое давящее чувство беспомощности, когда все, что ты скажешь, может и будет использовано против тебя.

– Как поживает Ирка, которая Влад?

Это было ожидаемо. Из-за усталости и абсолютной неготовности врать, вчера по телефону я выдавила что-то настолько путаное и притянутое за уши, что удивительно, как она тут же не перезвонила и не велела немедленно идти домой. Наверное, не хотела позорить.

– Да... Нормально, – брякнула я, сильно преуменьшая.

Покидая утром дом ведьмака, я оставляла его выспавшимся (спасибо потрясающе мягкой кровати темного и почти двенадцатичасовому сну), довольным, сытым и в отличном настроении. Наша связь фамильяра и практикующего в очередной раз сработала безотказно, быстро восстановив его силы и утихомирив мое беспокойство.

– Я правильно понимаю, что эту ночь ты провела в его доме, и это не первая ваша совместная ночевка?

Серьезно, сколько еще мне уклоняться от темы? Лучше раз вытерпеть все, что причитается за вранье, а дальше будет ясно. Не посадит же она меня под домашний арест?

– Да.

– И вы... – Мама не придумала ничего лучше, как показать «секс» жестом.

– Мам! Он просто мой хороший друг, которому требовалась поддержка! Не было ничего! – праведно возмутилась я, но какая-то лукавая искорка в ее глазах одновременно удивляла и настораживала. Похоже, я чего-то не учла...

– Ну, что-то все-таки было, – хихикнула Ма, деликатно постучав пальчиком себе по шее.

Думаю, я начала краснеть еще до того, как повернулась к зеркалу и смогла по достоинству оценить ее усмешку. Справа, у самого основания шеи, багровело то, что мама посчитала засосом, а по сути было следом от укуса. Вот же... Влад!

– Это... – Я запнулась, совершенно не зная, что сказать.

– Давай что-нибудь оригинальное, – подмигнула мама. – У Машки с работы дочь про собаку придумала.

Немая пауза закончилась общим смехом. Отсмеявшись, я недоверчиво покачала головой:

– Я думала, ты... вроде как... скажешь что-нибудь поучительно-строгое.

– Тебе что, двенадцать? – фыркнула Ма.

– То есть, если бы я сразу сказала, что остаюсь у Влада, ты бы разрешила?

– Агата, – мама покачала головой. – Не нужно принимать меня за слепую дуру. Я вижу, что он тебе нравится, и прекрасно помню саму себя в твоем возрасте. Если вместе с Владом тебе хорошо, в чем я уверена, – ее взгляд красноречиво задержался на укусе, – то нечего устраивать прятки на пустом месте. Просто помни о мерах предосторожности, когда то, чего у вас не было, настанет. Мой руки, обедо-ужин через пять минут. Кстати, завтра советую надеть в институт водолазку, – усмехнулась Ма напоследок, прежде чем скрыться на кухне.

– Сама бы я не догадалась, – пробурчала я ей в спину, отправляясь в ванную.

Магия какая-то. Я ожидала лекции о безответственности и прочей консервативной волокиты о правилах приличия, а вместо этого получила зеленый свет. Честное слово, никто не умеет так удивлять, как самые близкие.

На следующее утро, наступившее неприлично рано, я, зевая и проклиная слишком интересный детективный сериал, продержавший меня у ноутбука до трех утра, все же преодолела искушение в очередной раз прогулять философию. Правда, убедила меня вовсе не важность предмета (дисциплина не по специальности, да еще и поточная!) и не возможные проблемы с посещаемостью, а собственная лень. Я прекрасно знала, что если пропущу первую пару, то вторая, а за ней и третья, отправятся в ту же пропасть.

Ирка ждала меня на скамейке неподалеку от входа в девятый корпус, прихлебывая кофе из пластикового стаканчика и вытянув ноги, затянутые в длинные лакированные сапоги на внушительном каблуке. Даже издали было понятно, что, несмотря на столь ранний час, подруга пребывает в абсолютной гармонии с окружающим миром и так и лучится довольством.

– Привет, – счастливо улыбнулась Ругалова, выкидывая стаканчик в урну.

– Привет, – хмыкнула я, сосредотачиваясь, как учил Влад, и пытаюсь разглядеть больше.

Короткий проблеск, как сквозь жалюзи, показал мне залитый солнцем луг, по которому весело гарцевала коричневая кобылка.

– Вижу, твои выходные прошли шикарно, – не удержалась я, когда, показав студенческие охраннику, мы направились напрямик к лестнице, чтобы начать утомительный подъем на шестой этаж.

– Абсолютно! – кивнула Ирка, стаскивая шапку и расстегивая куртку. – Лешка отвез меня в конный клуб, ты не представляешь, как там здорово! Мы там весь день провели! Мне разрешили покормить лошадей и даже прокатиться на одной, я такого в жизни не испытывала! Какие же они классные! Глаза такие понимающие и добрые, у каждой свой характер, но я подружилась со всеми! Ты бы видела, как они заревновали, когда инструктор посадил меня на Летучку!

– Летучка? – весело переспросила я.

– Она та еще штучка. – Глаза у Ирки загорелись ярче, подруга перепрыгивала разом по три ступеньки, и, видя такой позитив, я сама начала просыпаться. – Потом мне разрешили ее почистить, и ты знаешь... вот когда ты видишь на улице собаку, ты понимаешь, чего она хочет? Нет у тебя чувства...

– Контакта, – понятиливо подсказала я, и вправду представляя, о чем говорит Ругалова. – Всегда. Как будто старого знакомого увидел, которого понимаешь с первого взгляда.

– Вот-вот. – Мы завалились в аудиторию вместе с несколькими парнями-социологами и девчонками с журфака, знакомыми мне по физкультуре.

– Наверх, – мигом указала Ирка на самые дальние от преподавательского стола парты. – По-моему, тебе тоже есть что рассказать.

– Не здесь, – проворчала я, покорно поднимаясь следом за ней и кивая одноклассникам, организовавшим что-то вроде островка в центральном секторе.

– Как славно, что у...

– Ругалова, Вольская, вы типа против нас? – крикнула Запатова.

– Мы типа больше всех спать хотим, – пояснила я, на самом деле не горя даже крохотной искоркой желания садиться близко к почетным членам КуКурятника. Опасалась стать той самой роковой лисой.

– Так что там славно? – поинтересовалась я у Ирки, когда мы добрались до конечной цели и устроились со всеми удобствами, какие только могла предложить обшарпанная, изрисованная не одним поколением студентов парта, жесткая скамейка и наши куртки с сумками в качестве подушек и одеял.

– То, что я взяла с собой ноут, – гордо высказала Ругалова, ставя свой небольшой ноутбук перед нами на парту. – Не можешь сказать – напиши! Все равно заняться нечем.

– Что? А как же лекция? – наигранно возмутилась я, и мы прыснули.

Через ряд от нас сели несколько смутно знакомых мне парней, повеяло жуткой смесью дезодоранта, пены для бритья и парой литров ядерного одеколona, который кто-то из них выплеснул на себя вместо душа, не иначе.

– О боги, – сдавленно пробормотала Ирка, когда волна запаха дошла до нее.

– Вряд ли, – саркастично вставила я, и мы снова захихикали, уткнувшись в кулаки.

За минуту до звонка зашел седой усатый преподаватель философии, чьи имя и фамилию я никак не могла запомнить, и после звонка воцарилась тишина. Продолжалась она до тех пор, пока он не закончил переключку, отмечая присутствующих по всем группам, и не назвал тему сегодняшней лекции и предстоящего семинара. Забив себе пятый вопрос, касающийся известных французских философов семнадцатого века, я, с чувством выполненного долга, открыла новый документ и принялась за красочный рассказ о нашем с Владом субботнем приключении в лесу.

Чувствительный тычок локтем в бок отвлек, когда я уже подходила к финалу, и, непонимающе посмотрев на Ирку, я проследила за ее взглядом. На три ряда ниже, как раз впереди парней-вряд-ли-богов, сидела Ярослава Самойлова, быстро записывающая лекцию, и капюшон ее толстовки был полон бумажных шариков. Парень из троицы, сидевший ближе к проходу, приложил ко рту пластмассовую трубку от гелевой ручки, секунда, и следующий комок бумаги попал в капюшон Ярославы. Довольный своим достижением, он стукнулся кулаком с соседом, а третий что-то записал на тетрадном листе, мне не составило труда услышать «очко!».

– Отлично придумали, – мрачно прокомментировала я вполголоса, доставая телефон и набирая эсэмэску Ярославе, чтобы не думала накидывать капюшон. Одновременно с этим моя рука отрыла на дне сумки огрызок от стёрки. – Сыграем в волейбол.

– Может, не надо? – опасливо поежилась Ругалова.

– Надо, Ира, надо.

Короткий замах, и кусок стёрки угодил точно в затылок стрелявшему ранее. Вот тебе «глушение»! Вскинув руку к голове, парень ужом обернулся назад, непонимающе посмотрев на нас. Я собиралась швырнуть еще что-нибудь в его приятелей, когда справа пролетело что-то белое и ко лбу «стрелка» прилепился жеваный комок бумаги. Фу.

Как оказалось, Ирка была не единственной, кто заметил идиотизм их компашки. На другом ряду, параллельно нам, сидели еще два парня.

Ближайший ко мне, блондин, как раз убирал ото рта ручку без стержня. Заметив мой взгляд, он лукаво подмигнул, прежде чем вернуть внимание закипающему подстреленному.

– Ты вообще тронулся, Хворост? – прошипел тот, наверняка подумав, что мой бросок тоже дело рук блондина.

Вместо ответа парень кивнул ему посмотреть назад. Без какой-либо эмоции на лице Ярослава молча вытряхнула все из капюшона на парту «игрокам», и от ее пустых, ничего не выражающих глаз не по себе стало даже мне. Не представляю, каким нужно обладать спокойствием, чтобы вести себя настолько отстраненно. Словно это не из ее вещи только что сделали мусорную корзину для обслюнявленных бумажек!

– Вы ошиблись зданием. Детский сад возле третьего корпуса, – замораживающе-холодно подсказала Самойлова, и Ирка рядом передернулась. Поразительно, но троица весельчаков не нашлись с ответом, пробурчав что-то вроде извинений и неуютно завозившись на местах.

– Говорю же, у меня от нее мороз по коже, – пробормотала подруга. – Слышала, как она их приструнила?

– Пристыдила, – поправила я. – Гляди, как им некомфортно, я это чую даже сквозь вонь дезодоранта.

– Так ты не запах унюхала, а эмоцию, я так тоже могу, если постараюсь, – фыркнула Ирка, показательно втянув носом и тут же скривившись, зажимая нос. – Тухлятина какая-то.

Нахмурившись, я сосредоточилась на обонянии, но ничего подобного не уловила. Все та же духота аудитории и океан искусственных ароматов, от приторных фруктовых духов до резких истинно мужских запахов.

– Я тухлого не чувствую.

– Издеваешься? – Ругалова потерла нос. – Меня чуть не вывернуло, а ты точно кое-кого заинтересовала. Раз шесть уже посмотрел.

Говорила подруга, конечно же, о блондине, ранее присоединившемся к моей плохо продуманной атаке. Его внимание я и сама прекрасно чувствовала благодаря усиленному многочисленными тренировками восприятию. Раньше мне казалось, что внезапно зачесавшаяся спина, загоревшиеся уши или внезапные точечные уколы

на коже – это всегда следствие чего-нибудь обыденного. Теперь, после объяснения Влада, было ясно, что так тело реагирует на чужие колебания, что-то вроде «физической» интуиции, предупреждающей о стороннем интересе.

– Может, он просто хочет что-то спросить.

– Ага. В какой из вечеров на этой неделе ты будешь свободна, – хихикнула Ругалова.

Состроив ей рожицу, я покачала головой, возвращаясь к печатанию.

– Оглянись на него, посмотрим, что будет дальше.

– Ничего не будет.

Уже сказав это, я поняла, что сама себе не верю. Как показывала практика последней недели со всем этим бонусом от темных с усилением привлекательности, что-то да произойдет. Как минимум знакомство.

– Ну да, конечно. Давай я с ним заговорю?

– Отстань.

– Отлично! – Ирка выпрямилась и еще раньше, чем я успела бы отдалить ей ногу или ущипнуть, ярко улыбнулась блондину. – Привет!

Надеюсь, мой взгляд был достаточно красноречив, чтобы Ругалова поняла, что больше я с ней на потоке не сяду. За спиной послышался шорох, всего несколько мгновений, и блондин перетащил все свои учебные пожитки и себя самого за свободную парту перед нами, садясь вполоборота.

– Привет, – кивнул он нам обеим.

Кивнув в ответ, я уставилась в экран ноутбука, ставя двадцать четвертый размер шрифта и ниже законченного рассказа набирая капслоком «Я С ТОБОЙ НЕ РАЗГОВАРИВАЮ, СВАХА-КОБЫЛА!».

– Привет, – поздоровалась Ира, краем глаза замечая мое послание и усмехаясь. – Метко стрельнул, чувствуется большой опыт.

– Шесть лет на задней парте, – улыбнулся парень, после обратившись ко мне: – У тебя тоже замах вышел неплохой, весьма четкая траектория.

– Волейбол, – сухо ответила я, тут же сгладив резкость тона улыбкой. Не нужно срываться на парне, когда виновато рядом сидящее непарнокопытное. Еще хмыкает довольно!

«Пора устраивать твою личную жизнь», – быстро напечатала Ругалова одной левой.

«Меня она полностью устраивает!»

«Как может устраивать то, чего нет?»

Очень смешно.

– Меня Ира зовут, а тебя?

Вот умеют же светленькие завязать знакомство на пустом месте!

А главное, кто ее просил и зачем оно нужно?

– Денис, – расслабленно протянул блондин.

– А это Агата, – мотнула головой в мою сторону Ругалова.

– Очень приятно, – снова подмигнул мне новый знакомый. –

Журналистика?

– Пиар, – поправила я.

– Молодые люди, я вам не мешаю? – громко спросил преподаватель у группки шептунов в другом конце аудитории. Пожалуй, так на философии я еще никогда не радовалась. Даже тогда, когда она сорвалась из-за учебной пожарной тревоги. – Может, кто-то хочет провести занятие вместо меня или отправиться за допуском в деканат? Молодой человек, наушники мне на стол, заберете на перемене, при наличии конспекта двух последних лекций.

– Раздухарился старикашка, – пробормотал Денис, отворачиваясь от нас.

– Вот уж точно, – поддакнула Ирка, на всякий случай убирая ноутбук обратно в сумку. Оставшуюся часть пары мы просидели как приличные студенты, изображая написание лекции, а на деле занимаясь коллективным творчеством, рисуя какую-то психodelику с элементами геометрии.

Освободительный звонок застал нас с уже собранными сумками и полной готовностью рвануть из провонявшей духоты так быстро, как это возможно.

– Воздух, мне нужен свежий воздух, – спустилась на пару ступенек Ирка, натягивая куртку.

– Разбаловали тебя Прилепы, – ухмыльнулась я, стараясь лишний раз не дышать глубоко.

– Классные напульсники, – отметил Денис, посмотрев на мои запястья. В институт я теперь без них не ходила, вскоре заметив, что они вправду помогают оставаться спокойной, фильтруя чужой негатив,

как и кольцо, недавно снова почищенное и «заряженное» Владом. Уж не все ли это вместе взятое помогло вчера с мамой? Или Яблонев как-то воздействовал?

– Спасибо, друг подарил.

– Ага, он ей как брат, – тут же вставила Ругалова, наверняка подумав, что при стольких свидетелях придушить ее я не смогу.

– Повезло с другом. Мой старший брат скорее пенопласта наестся, чем что-нибудь мне подарит.

– А на сколько он старше? – против воли поинтересовалась я, пообещав себе начать бороться с собственным любопытством в ближайшее время. Не зря Влад так часто подкалывает меня из-за него.

– На пять лет, но выпендривается, как будто на десять, – пожал плечами Денис, и мы с Иркой усмехнулись.

– Ты откуда-то перевелся? Раньше я тебя не видела... – отметила Ира.

– Забавно, я вас тоже. Ее видел, и практически всех, кто сегодня был, а вас – нет, – парень кивнул в сторону удаляющейся Ярославы, рассекающей толпу, словно черный ледокол. – Подозреваю, у нас с вами не синхронизирована тяга к прогулам.

– Вообще-то, раньше мы сидели с другой стороны. Ты мог просто нас не заметить, – оскорбилась Ирка, хотя, по факту, это было всего лишь четвертое наше посещение философии за два месяца, одно из которых не считалось из-за той же пожарной тревоги.

– Уверен, не заметить вас невозможно, – снова подмигнул мне Денис.

– Хворост!

– И меня, к сожалению, тоже, – продолжил он, оборачиваясь к той самой троице пристыженных Самойловой. – Увидимся в гуманитарном на неделе? Каждый вторник и пятницу на большой перемене я сижу в кафетерии, присоединяйтесь.

– Обязательно! – активно покивала Ирка, взяв меня под руку. Можно подумать, я собиралась удрать. Наверное, так она и решила, судя по тому, в каком захвате оказался мой локоть.

– До встречи, – запоздало попрощалась я в спину Денису, глядя, как он подходит к задирам.

– Хватит паяльничать, он почувствует, – потащила меня подруга вниз.

– Да не паялилась я, просто хотела посмотреть, не понадобится ли ему помощь. По-моему, ребята не в особом восторге от его вмешательства.

– Ну какую помощь ты бы предложила? Драку в пятнадцати шагах от администрации и преподавательской? – закатила глаза Ругалова. – Не переживай, он большой мальчик. Глазки строить умеет, стреляет метко, улыбается красиво, а ручки накачаны так, что через свитер видно. Завтра спроси у него, каким спортом он занимается. Я тактично свалю от вас под каким-нибудь предлогом.

– С чего это ты решила, что я завтра пойду к нему на большой перемене?

– А чего бы не пойти? Денис симпатичный, ты девушка свободная... в этом смысле.

– Ир!

– Что, не свободная, что ли? – похлопала Ирка ресницами.

Зараза!

– Свободная, – процедила я.

– Поверь тете Ире – это временное явление, – ухмыльнулась подруга. – Я свою личную жизнь устроила и твою устрою не хуже.

– Ты понимаешь, что это звучит как угроза?

– Правильно звучит. Это она и есть, – невинно покивала Лошадка. – Завтра тоже эту водолазку надень.

– Мне некогда... погружаться во все это! Мы с Владом...

– Можно подумать, я тебя замуж насильно выдаю. Просто почувствуй себя девушкой, а не фамильяром, Вольская. Выключи хотя бы на завтра сторожевую и дрессированную и пофлиртуй с милым парнем! Последнее время ты говоришь только о том, чему научилась, что унюхала, как быстро теперь бегаешь и как далеко слышишь!

– Неправда, – не особо уверенно буркнула я. – Ты видела, что я написала про свою субботу?

– Прочла, здорово, что вы помогли семье, и я рада, что ты становишься сильнее и опытнее... Видишь? Ты опять это делаешь! – всплеснула руками Ирка, пока мы переходили дорогу к одиннадцатому корпусу.

– Девушки, извините, вы не подскажете, где здесь поликлиника? – вырос на дорожке перед нами мужчина лет сорока. Привычно втянув носом, я сморгнула выступившие слезы, засомневавшись, что еще

когда-нибудь смогу что-нибудь учуять. От незнакомца не просто пахло дешевым одеколоном. От него разило. Словно он не только брызгал на себя и одежду, но и принимал внутрь. Да что сегодня, сговорились, что ли, все?

– Конечно, вам нужно пройти вверх по Смидович, вот эта улица. Пройдете между корпусами, мимо общежития, и там будет белое кирпичное здание четырехэтажное, прямо напротив автовокзала, – объяснила Ругалова, для верности еще и направление указав.

– Спасибо, девочки, – кивнул мужчина, отправляясь по заданному маршруту.

– Пожалуйста! – улыбнулась Ирка, сдувая улыбку и морщась, как только мужчина отдалился. – Фу. Неприятный какой-то и болезненный.

– Чему тут удивляться, человек больницу и искал. Но одеколон его... вонючий.

– Да? Я не почувствовала.

– Может, лошади запахи воспринимают по-другому? – недоверчиво спросила я, уже второй раз за день расходясь с подругой в вопросах обоняния.

– Может, просто не надо постоянно всё обнюхивать?

– Я что, правда так часто говорю об этом?

– Да. Это не плохо, но... просто раньше, до всего этого...

– До Влада, – уточнила я.

– Да, до Влада у тебя было много тем для разговоров, а теперь сплошные курсы фамилльярства. Я сама такая, но все-таки было бы неплохо вернуть нормальные девчачьи обсуждения. И еще вернуть общественную жизнь! Например, сходить вдвоем куда-то кроме пар или все же пересечься завтра с Денисом, – с напором посмотрела Ругалова.

– Не мытьем, так катаньем, да? Ладно, согласна, – капитулировала я, нехотя признавая, что в чем-то Ирка права. И впрямь, куда-то ушли наши споры о сериалах, вечерний обмен картинками-приколами в социальных сетях, да и все диалоги стали похожи на согласование расписания между учебой, домом и занятиями с практикующими или вопросы, связанные с ними.

– Хочу покраситься в темный шоколад, – пару секунд спустя высказала Ирка, и, переглянувшись, мы засмеялись.

К четвергу я была сыта «общественной жизнью» по горло. Реальной и виртуальной. После совместных посиделок в кафетерии во вторник Ругалова мигом наметила поход в кино на вечер среды, куда, конечно же, пригласила Дениса. Веселый вечер перетек в не менее веселую прогулку и ужин в пиццерии, и мне впервые за долгое время было настолько просто, свежо и мирно. Оказалось, Хворостухин (для друзей просто Дэн или Хворост) неплохой рассказчик, такой же сериаломан, как и я, обожает собак (Ира не могла остановить свой лошадиный ржач минуты две), большой поклонник русского рока, водит мотоцикл и предпочитает острую пищу.

В целом Денис был отличным парнем, но, каждый раз смеясь его шуткам, я думала, а оценил бы их Яблонев? Какая-то пугливая мышка во мне разгоняла всех тараканов и скребла коготками, отчего-то боясь, что ведьмак уже все знает, заглянув в мою голову вечером во вторник, во время привычной тренировки и встречи с клиентами. Пусть Влад и обещал больше так не делать, я помнила его утверждение, что некоторые мысли просто невозможно проигнорировать.

Мы не разговаривали о произошедшем в субботу перед выбором толстовки, ни слова об укусах, и все же... Я чувствовала себя гадко, собираясь в кино с Денисом и ничего не говоря об этом Владу. Пусть темный ни разу даже не намекал на возможность отношений, как у Ирки с Лешей, но там, под лестницей, и все наши ночевки в одной кровати, и еще миллион мелочей вроде прикосновений – были его инициативой. Желанной для меня, но все же его.

В четверг вечером я ощущала себя по меньшей мере Цезарем, ведя одновременно пять чатов – с Владом, Ирккой, Денисом, Ярославой и Дашей, заваливающей меня эскизами и уточняющими вопросами, смотря с мамой очередной мистический хоррор – и все это попутно с написанием курсовой. Поэтому поначалу я не увидела эсэмэски от Тамары.

«Агата, привет. Мне понадобится твоя помощь. Не против?»

Первая мысль касалась дня рождения Влада, о котором я могла забыть. Быстро вспомнив, что оно в октябре, я мотнула головой, отгоняя последующие, более страшные предположения. Например, о неизлечимой болезни.

«Что случилось?»

Пожалуйста, пусть это будет что-то милое. Может быть, ей нужно подсказать рецепт. Или помочь выиграть у Влада какой-нибудь спор.

«В пятницу утром я уезжаю к матери на неделю. Вся еда в холодильнике, но мой сын – упрямый лентяй. Не могла бы ты приехать утром в субботу и проверить, что он питается чем-то кроме воздуха и пиццы?»

Фыркнув со смеху, я на волне облегчения набрала «ОК!», приставив к нему кучу смайлов с поднятыми вверх большими пальцами, ухмыляющихся и даже одного дьяволенка. Тоже мне проблема. Поест как миленький, никуда не денется. Яблонев пока ничего не говорил о планах на выходные. Может быть, попробую сделать ему сюрприз, тем более что ключ от калитки у меня есть, а где лежит запасной от дома – известно.

– Что такое? – поинтересовалась мама.

– В субботу утром заеду к Владу, нужно будет ему кое с чем помочь, – уклончиво ответила я, на что Ма как-то слишком понимающе покивала.

– Отлично. А пока иди и помоги маме. Поставь чай.

Показав ей язык, я тем не менее покорно потащилась на кухню. Чай – это святое.

Пятница пролетела, как один миг, начавшись с сообщения Ирки о том, что она прогуливает, чтобы помочь Леше, и желает мне сладких снов. Прикинув, что успею сдать курсовую в понедельник, я последовала ее совету, перевернувшись на другой бок. Четыре дня на всех парах, от первой до пятой, можно и отдохнуть, все равно сегодня одни лекции, а сериалы сами себя не посмотрят.

Выспавшаяся и довольная, я расщедрилась до такой степени, что убралась в квартире и приготовила свой фирменный пирог, израсходовав последнюю банку консервированной вишни от бабушки. Угощу завтра Влада, он как раз предпочитает все вишневое: от варенья до сока.

К десяти утра следующего дня я подходила к дому Яблонева, чувствуя, что ведьмак спит. Наверняка снова до пяти утра работал с деревом или корпел над своими атрибутами. Запасной ключ от дома оказался на том же месте, что показывал ранее темный, так что я беспрепятственно прошла обе двери, вскоре тиская довольного моим визитом Кельта. Умный пес и не думал гавкать, то ли боясь разбудить

хозяина (опасно для жизни), то ли причислив меня к вип-персонам, лаять на которых недопустимо.

Разувшись, я поморщилась от едва заметного сладковатого аромата духов (наверняка не успел выветриться после последней вчерашней клиентки), достала из пакета форму с половиной пирога и, повесив куртку, направилась прямым ходом на кухню. Изучение холодильника подтвердило, что мамы Влада и правда не будет примерно неделю, судя по срокам годности на всех упаковках молочных продуктов и готовых салатов. Беря в расчет размороженное мясо и надежно запакованные сваренные овощи, хитрая Тамара сильно преуменьшила мою роль. Наверное, опасалась, что откажусь. Следовало писать не «проверить», а «приготовить и проверить». Уж она-то точно знала, что навык готовки у ее сына не то что приравнивается к нулю, а стремится в минус.

Покачивая головой и взглянув на время, я выложила на стол все продукты, подготовленные ведьмой, соображая, что из этого можно сделать сытного и долго хранящегося. Список блюд наметился сам собой, и, нацепив фартук, я принялась играть в шеф-повара, стараясь особо не шуметь.

В самом разгаре работы над борщом сквозь запахи варившегося мяса, тертой свеклы и жареного лука просочилась фруктовая сладость. Кельт дернул ушами, поднимаясь на лапы, и я посмотрела на арочный проем, сама различая чьи-то слишком легкие шаги. Не Влада.

Несмело на кухню заглянула высокая девушка с заспанным лицом, небрежным узлом черных волос на затылке, босая и в длинной черной футболке с изображением группы «Кино», принадлежавшей Владу. Следующее, что я подметила, пока в животе крутилась рулетка, это отсутствие лифчика и то, что майка едва прикрывает ее пятую точку. Последнее, засушившее мое горло и сдавившее грудь наблюдение касалось запаха девушки. Из-за близости более отчетливого и разложенного перед моим обонянием, как ноты песни перед музыкантом.

Она пахла Яблоневым. Провоняла им насквозь. Древесная стружка и горящий воск были втерты в ее приторную фруктозность кожей в кожу и приправлены острым, взрывающим голову запахом. Инстинкт, логика, интуиция, что бы из них ни выступило подсказчиком, я точно знала, чему принадлежит эта острота. Сексу.

– Привет, – улыбнулась незнакомка. – Ты Агата, да?

У нее голубые глаза, и она знает мое имя. Аккуратный маникюр и педикюр. Милая, заспанная, клише из рекламного ролика хлопьев или йогурта. Таким приносят утром кофе в постель и зовут на романтическую прогулку по городу. Не просто по городу, а чему-то рангом не ниже Парижа.

– Привет, – ком в горле ухнул ледышкой в живот, попадая на ту самую рулетку и останавливаясь на нуле. – Верно, а... ты?

– Карина, – моргнула девушка, хлопнув себя по лбу и тут же засмеявшись. – Извини, спросонья я совсем нетактичная. Просто Влад рассказывал о тебе, так что я сразу же поняла, что это ты.

– А, – глубокомысленно выдала я, отворачиваясь, чтобы выключить газ под сковородкой с луком и морковью. Самое время бежать. – Я не думала, что у Влада сегодня гости, Тамара попросила заглянуть, убедиться, что ему есть что есть.

Кто же знал, что ему еще и есть с кем спать. Интересно, его мама в курсе? Или он скрывает Карину от нее так же, как пытался меня? Надо же, рассказывал обо мне! О боги, просто выпустите меня отсюда!

Все эти укусы, прикосновения, личные разговоры... Кажется, меня сейчас взорвет, и чудесной модной кухне Яблоневого потребуются капитальный ремонт. Кафельный пол на секунду превратился в нечто размытое, прежде чем вновь стать четким. Где-то на ментальной дороге среди полей дог ходила из стороны в сторону, нетерпеливо рыча и скалясь. Знаю, детка, знаю, сейчас побежим к горизонту, как можно быстрее и как можно дальше.

– Ты знакома с Тамарой Владимировной? Я видела ее пару раз мельком. – Карина понизила голос: – Она очень строгая, правда?

Понятно. Тома знает о Карине, и она ей не очень-то нравится, раз... не мое дело. Тут вообще из моего – только пирог в форме на столе. И тот – подарок Яблонеvu.

– Не заметила, – пожала я плечами, стягивая фартук и быстро распахивая остатки продуктов по полкам холодильника. Хватит с него и борща. Не хочет готовить – пусть не ест или давится едой на заказ. Я, в конце концов, сюда кухаркой не нанималась. – Я спешу, так что подхватишь эстафету борща? – Я указала большим пальцем себе за спину. – Обещала помочь подруге к часу с покраской волос, а она живет на другом конце города.

– Ой, конечно, – покивала Карина. – Ты очень спешишь или, может, хотя бы чая со мной попьешь?

– Карин, ты выпускала Кельта? – послышался с лестницы удивленно-веселый голос Яблонева. Надо же, кто-то настолько утомился за ночь, что даже банально не «прощупал» пространство дома и не почувствовал меня. Сюрприз, Князь.

– Очень спешу, – вместе с тем ответила я девушке, выходя из кухни. – Доброе утро. Я выпускала Кельта. Двадцать минут на участке, потом попросился домой. Извини, сходила бы с ним в парк, но была занята готовкой борща, – оскалилась я на Влада, доводя до его понимания, что в действительности значит утверждение «злая, как собака».

– Агата, – ведьмак застыл на лестнице, не дойдя одной ступеньки. Пожалуй, это первый раз на моей памяти, когда на его лице проступила растерянность. Добро пожаловать в мой мир. Именно в нем не знают, что сказать, глупо моргают и судорожно думают, как побыстрее и незаметнее улизнуть.

– Там на столе пирог, не забудьте съесть его сегодня, завтра он уже будет суховат сверху, а снизу окончательно размокнет из-за вишневой начинки, – пояснила я, обуваясь и обращаясь больше к Карине, опершейся плечом об арку.

– Здорово, Влад говорил, что ты отлично готовишь, а я обожаю вишни! Надо же, как совпало...

– Ты еще чему-то удивляешься в этом доме? – хохотнула я, и, клянусь, в смехе слышался рык. – Я вот уже ничему.

– Агата...

– Влад, почему ты раньше нас не познакомил? – на мое счастье, перебила ведьмака Карина.

– Потому что Влад у нас верит в импровизацию. – Я громко лягнула молнией куртки, намекая на прошлую субботу, пусть это и ранило. – Чем неожиданней, быстрее и спонтаннее, тем интереснее, – не дала я ему и слова вставить.

– В этом что-то есть, – задумчиво покивала Карина.

– Во всем что-то есть, – хмыкнула я, закидывая сумку на плечо и посмотрев прямо в глаза Владу. – В шкафу – скелет, в подъезде – веник, а под кроватью – покрытая плесенью совесть.

– Отлично сказано. Не против, если я это твитну? С указанием цитаты, конечно?

– На здоровье, – улыбнулась я Карине во все тридцать два, надеясь, что губы от напряжения не лопнут. Пусть хоть на листе себе распечатает и над кроватью повесит – не жалко. – По-моему, там газ потише нужно сделать, пока бульон не выкипел.

– Точно, – кивнула девушка, исчезая на кухне.

– Агата, я...

Нет. Мне не нужны объяснения, оправдания и прочая лапша, под весом которой уши не выдержат и отвалятся. Вскинувшись на ведьмака, я глубоко вздохнула, отшатнувшись, когда он протянул ко мне руку, и горло оцарапал предостерегающий рык. Дог взрыла землю передними лапами, припала к ней грудью, и мы побежали.

Прочь: быстро, уверенно, мощно. Прочь, прячась за скоростью от слез, отгоняя желание сесть и завывать побитой собакой. Прочь от Яблонева.

Глава 22

Скорость моего бега вряд ли считалась нормальной. Обуть сегодня кроссовки было самым умным решением за последние три месяца, не иначе. Я бежала так, словно земля под ногами горела. Так, словно меня преследовал серийный маньяк. Так, словно остановиться или замедлиться значило умереть.

Вылетев из парка через детскую площадку и ресторан, я, не сбавляя темпа, миновала остановку, понимая, что автобус или автолайн сейчас не больше чем замкнутая клетка на колесах. Слишком медленная для моих мыслей, слишком беззащитная и хрупкая для бури, разразившейся в ментальном мире сущности.

Свернув на Гастелло, я перебежала дорогу на последних секундах зеленого, перепрыгнула трамвайные пути и рванула вниз, повторяя маршрут, по которому обычно уезжала от Яблонева. Ветер трепал волосы, выметал из головы все ненужное, тяжелое и лишнее, подталкивал в спину, помогая оказаться как можно дальше.

Дог во мне летела во весь опор, поднимая клубы пыли и подставляя нос ветру, радуясь, что солнце скрылось за тяжелыми тучами, и весеннее обманчивое тепло не было нам помехой ни ментально, ни реально. Иногда она останавливалась, запрокидывала голову и по-волчьи выла в небо, но эта музыка была куда уместнее, чем «Князь тишины», уже трижды пропетый мобильным. Он считал, что я возьму трубку, когда отказалась говорить с ним лицом к лицу? Какая самоуверенная и глупая надежда!

Оставив позади огромный гипермаркет, я рискнула вклиниться в поток машин, застывших в пробке, спешно оббегая по кривой несколько иномарок и одни старенькие «Жигули», не обращая внимания на возмущенные гудки. Все равно стоят, как деревья в лесу, так какая им разница? Пролетарский район встретил оживленным уличным движением, и бежать стало труднее из-за мамочек с колясками, бабулек с авоськами, женщин, отправившихся в субботний рейд по магазинам, компаний подростков и прочих зевак.

– Вольская! Вольская, стой!

Оглянувшись, я увидела догоняющую Миркову. Как всегда, фамилляр кошачьего тандема была одета удобно, спортивно-агрессивно и хвастала отсутствием сумки. Зачем она нужна, когда такое количество карманов.

– Привет, – осторожно начала Саша, и за ее спиной я распознала приближающуюся Варвару. Точно, она же живет неподалеку...

– Ага, привет, – кивнула я, сбив дыхание и уже жалея, что затормозила. Впрочем, кошки не менее любопытны, чем собаки, так что вряд ли догнать меня считалось для Мирковой чем-то сложным.

– Что-то случилось? – взволнованно повела носом Пантера.

– Все отлично. Пробежкой занимаюсь, – скомканно пояснила я, переводя взгляд с ведьмы на ее фамиляра и обратно. Как себя вести и что говорить, по-прежнему оставалось секретом, пусть передо мной и был совершенно другой практикующий.

– Это не пробежка, – покачала головой Саша. – Это бегство. На тебя что, напали? – Она настороженно огляделась, выискивая возможных обидчиков или преследователей.

Если бы. Обидчиков можно ранить в ответ или сбежать до того, как произойдет что-то серьезное. На меня же напала и уложила на лопатки правда.

Та ее вероятность, о которой я даже не задумывалась. До этого казалось, что причина нашей с Владом игры в «коснись – отстранись – не признавай» в чем-то более существенном, чем обыкновенное мужское муд...

– Варя почувствовала тебя минут пятнадцать назад, и мы вышли навстречу...

– На меня не нападали, я... я просто...

Почему мы всегда говорим что-то с приставкой «просто»? Зачем используем такой дурацкий и бесполезный заменитель паузы, когда реально не хватает слов? Споткнувшись на своем «просто», я прикусила язык, короткой болью напоминая, что не прощу самой себе, если разревусь посередине улице от того, в какое «сложно» и как надолго и глубоко меня нокаутировало час назад.

– Привет, Агата, – даже слишком любезно для себя поздоровалась Прахова, дойдя до нас. Бег был ниже ее достоинства. – Я хотела извиниться за...

О боги, они все еще о том, как кардинально решили помочь мне пробудить инстинкт фамильяра с помощью ножа, пущенного во Влада? Да какая разница, теперь «все не так уж важно», как поет «Мумий Троль».

– Забей, – отмахнулась я. – К черту.

«Князь тишины» заиграл снова, и, достав телефон, я сбросила вызов, после выключив надоедливую технику. Если Яблонев не понимает мои нежелание и неготовность разговаривать, то я достаточно зла, чтобы лишить его даже попытки возможности диалога.

Дура! Кому поверила? Связь практикующего и фамильяра, лучший друг и наставник, безграничное доверие... Где было его хваленое доверие, когда он кусал мою шею и прижимал к себе во сне, прекрасно зная, что не имеет никакого права давать мне даже эти крохи надежды на что-то большее?

– Ого, – переглянулись Саша с Варей.

– Рада была увидаться, как-нибудь пересе... – Миркова поймала меня за шиворот на первом же шаге. Ей прошлой драки мало?

– Во-первых, я вижу твое состояние, никуда ты не побежишь. Во-вторых, тебе точно нужна помощь. В-третьих, темные своих не бросают.

– А может, я хочу, чтобы меня бросили, – огрызнулась я.

– Я прополощу его мозги в стиральной машине, – покачала головой Варвара, глядя себе под ноги и будто к чему-то прислушиваясь. К моим мыслям? Нет, кольцо и напульсники должны защищать от такого воздействия. – Идем. Живо.

– Зачем?

– Хочешь спрятаться от Влада? – оглянулась ведьма. – Лучше, чем жилище другого практикующего, места не найти. Светлые тебя сдадут. Захарова сейчас за городом. Нам он и звонить не станет, все еще корчит из себя глубоко оскорбленного Князя.

– Это точно, – поддакнула Саша, разжимая руку. – Пойдем, у нас спокойно и вкусная еда.

В квартире Праховой и правда было по-домашнему тихо. Особенно стало после того, как Саша закрыла шипящую и собирающуюся меня освежевать Анфису в спальне Варвары. Мы прошли на кухню, ведьма включила вытяжку, села у окна и закурила, придвинув к себе пепельницу. Саша выгрузила на стол разные мясные

нарезки, разогрела вареную картошку и, получив отказ от красного вина, налила мне виноградного сока.

– Ты кушай, кушай, – подтолкнула тарелку Миркова, опустившись на табуретку.

– Что-то не особо хочется, – уныло признала я, не ощутив даже слабого голода.

– Борща поела, что ли? – повела носом Пантера.

Казалось бы, совершенно невинный вопрос. Судорожно вздохнув, я покачала головой, поспешно проводя костяшками пальцев под глазами, потому что картинка снова стала размытой.

– Мозгоклюю она его приготовила, а не ела, – закатила глаза Варвара. – Я бы посоветовала сигарету в качестве успокоительного, но ты у нас не куришь.

«Мозгоклюй». Я хохотнула и не смогла остановиться. Все, от чего бежала, резко догнало и накинuloсь со спины, придавливая к земле и когтями хищной птицы впиваясь куда-то под ребра. Зажав рот рукой, я затряслась, когда первые слезы прорвались на свободу, и Саша тут же обняла меня, прижимая к себе, заглушая всхлипы своим плечом. Телефон Праховой заиграл «Одинокую птицу» «Наутилуса», и моя истерика вышла на новый уровень.

– Та-ак, – Варвара взяла в руки наигрывающий смартфон. – Ты сможешь продержаться или мне выйти в другую комнату, раз уж Яблонев вспомнил об интуиции?

Я кивнула, закусив губу, и ведьма подняла трубку:

– Алло?

– Привет, – сдержанно поздоровался Влад, и короткой вспышкой по нашей связи я ощутила его волнение, грусть и горечь. Или это мои?

– Надо же, какие люди, – приподняла бровь Прахова.

– Я по делу, – несколько устало пресек Яблонев начало издевки. Впрочем, я уже давно поняла, что окоротить темного, если он настроен как следует пройтись по собеседнику, за редким исключением, невозможно.

– «Что ты тих, как день ненастный? Опечалился чему?» – процитировала ведьма Пушкина, и Саша насмешливо фыркнула, глядя меня по спине.

– Я ищу Агату.

– Тебя поздравить или посочувствовать? Я что-то не понимаю. – Варвара с силой прижала окурок к дну пепельницы, сминая его.

– Она у тебя?

– Княже... Ты с какой ноги сегодня встал? По твоему велению и хотению, – очевидно, настроение у Праховой сегодня было фольклорное, – был объявлен бойкот нам с Сашей. Я понятия не имею, где твой блудный фамильяр. Что, ты ее за хвост дернул?

– Тебя это не касается, – отрезал Яблонев.

– Неужели? – внезапно так же холодно, совершенно другим тоном возразила Варвара, подобравшись на стуле. – Твой звонок доказывает обратное. Что ты сделал, Влад?

– Я... разочаровал ее, – после продолжительного молчания признал Яблонев. – Подробности не важны.

От объяснения Влада я, вырвавшись из рук Саши, убежала в ванную, не в силах слушать этот разговор дальше. Разочаровал! Я с силой повернула кран с холодной водой. Это пробная характеристика произошедшего. Согласно лицензионной, он не только заставил почувствовать меня себя последней дурой, но и... растоптал. Вот оно, это слово. Растоптал, а не разочаровал.

Когда, в какой момент беспечности я перестала ожидать подвоха? Ведь изначально я что-то чувствовала, подозревала, выискивала мелкий шрифт в нашем обоюдовыгодном договоре, а Яблонев... Смог отвлечь и увлечь, поймав на моем же любопытстве. И впрямь оно не порок, но наказуемо.

– Ты там как? – постучала в дверь Миркова. – Утопиться в этой ванне –дохлая затея, сразу говорю.

– Какая жалось, – буркнула я, вытирая руки и лицо.

– Варвара тебя не выдала, если ты беспокоишься об этом, – пояснила Саша, когда я вышла в коридор.

– Не беспокоюсь.

– Давайте возвращайтесь и выбирайте, какой фильм мы будем смотреть, – позвала Прахова уже из зала.

– А у тебя сегодня нет клиентов? – заглянула я в комнату.

– Не работаю по выходным. Выходные у нас с Сашей сугубо для себя любимых и всего, чего хочется. – Она помахала мне флешкой. – Тут есть ужастик, но для меня все равно что комедия, есть какая-то

сопливая мелодрама и, конечно же, приключенческое фэнтези с мечами, драконами и принцессами.

– Фэнтези, – хором решили мы с Сашей, и Варвара, закатив глаза, вставила флешку в телевизор.

– Пойду перетащу еду, – вышла Миркова. – Мороженое кто-нибудь хочет?

– Неси, а не спрашивай, – ответила ей ведьма. – Мне фисташковое!

– Сама знаю.

Хмыкнув, впервые наблюдая кошачий тандем в быту без посторонних, я опустилась на диван, поглаживая агат на кольце. Правильно ли я поступаю, отказываясь поговорить с Владом?

– Дело не в возможности, а в решительности, – обернулась на меня Варвара, достав плед. – Что? У тебя эта дилемма на лбу горит. Конечно, можно сейчас поговорить с Яблоневым, язык у тебя не отнялся, голова соображает, но есть ли желание выслушать?

– Нет, – призналась я, втискиваясь в мягкую спинку. – Почему ты не... сдала меня?

– Потому что так ему и надо. – Хозяйка квартиры села ближе к подлокотнику, поджав под себя ноги. – Не скажу, что поняла суть вашего конфликта, но догадываюсь. И если моя догадка верна, то я еще в феврале предупреждала Влада о последствиях.

– Каких?

– Вот этих. – Варвара кивнула на мое лицо. – У меня фамилляр пятый год, а у него меньше трех месяцев, и когда я говорила подумать, нужно было думать, а не считать, что все будет по-другому. Думаешь, Саша так от меня не бегала?

– По причине, которая у меня? Уверена, что нет, – осторожно ответила я.

– Дело не в причинах, а в действиях, – отмахнулась Варвара. – Война происходит по разным причинам на протяжении тысячелетий, но действия и финал всегда одни и те же. Смерть, чьи-то победа и поражение.

– И как действовала ты?

– Она выжидала, когда я достаточно успокоюсь и захочу не послушать, а услышать ее, – вошла Миркова с подносом. – Правда, Варваре в отличие от Влада не...

– Саша, – резко качнула головой Прахова.

– Я как тогда не была с этим согласна, так и сейчас мнение не поменяю. Вы с Настей видели это, и она – первая, кто должен знать! Я бы хотела знать, – с нажимом произнесла Миркова.

– Что? О чем я должна знать? – завертела я головой.

– Ты хотела бы знать это от меня лично, а не из третьих рук, будем честны. И ты знаешь правила. Лишнее вмешательство может только все испортить. Извини, Агата, но, что бы все мы ни знали, сказать должен Влад.

Пожалуй, это первый раз, когда я жалею, что не умею читать мысли. Что еще кроме своей девушки утаивал от меня ведьмак? И если Варвара говорит, что знают они все, значит ли это...

– Ирка тоже знает?

Короткая надежда на помощь Ругаловой погасла, как спичка на ветру, не успев разгореться как следует.

– Она последняя на земле, кто теперь может тебе что-нибудь сказать, – качнула головой Варвара, подтверждая мою догадку. – После клятвы Захаровой особо не поговоришь.

– Ты знаешь о ее клятве?

– Ты правда думаешь, что подобное не оставляет следа для тех, кто умеет видеть и понимать, что видит?

– Он... воспользовался ситуацией, – пробормотала я, начиная что-то понимать. – Связать Ругалову клятвой было его предложением...

– А никто и не сомневался, – пожала плечами Прахова. – Лошадка, из-за дружбы с тобой, была самым слабым и трепливым звеном.

В голове пролетела вереница эмоциональных предупреждений подруги. Ирка с самого начала была против. Настолько против, что это граничило с абсурдом. «Ты полная дура, если считаешь, что тебе он достался», – вспомнилась мне точная фраза в день нашей ссоры.

Что бы ни скрывал Яблонев, он не хотел, чтобы я это знала. Настолько, что поставил не на мое доверие, а на принудительное молчание Ирки. Понятное дело, секрет напрямую касается нашей связи, а согласно клятве, Ругалова не имеет права влиять на нее любым возможным способом.

Вопрос напрашивался сам собой. Чего Влад боялся настолько, что не мог мне рассказать, если я знала даже о его отце?

Сморщившись, я сцепила руки вокруг колен, чувствуя, как новая порция слез прорывается наружу. Получается, Влад утаивал от меня слишком многое. Не врал, а просто не говорил. Знал, что это важно, напрямую касается меня, и молчал. Может, он и моего отца уже давно почувствовал и нашел, но открывать правду ему невыгодно? Боги, я вообще хоть немного знала своего практикующего или все наше общение – это иллюзия, образы и слова, которые он показывал и говорил, потому что мне хотелось их видеть и слышать?

– Давайте лучше ужастик, – шмыгнула я носом, запихнув в рот разом три тонких конвертика ветчины.

– Давайте, – покосилась на меня Варвара, нажимая кнопки на пульте.

Сморгнув слезы, я закинула в себя еще один бутерброд с копченой колбасой, стараясь сосредоточиться на экране и не думать ни о чем, кроме фильма. Минут через двадцать, когда главная героиня, додумавшаяся въехать в старинный, по всем канонам зловещий особняк с тремя детьми, впервые увидела призрака, скинувшего на нее коробку с фотографиями, Варвара фыркнула.

– Что?

– Призраки не мигают и не могут двигать предметы, в отличие от сущностей, – пояснила Саша.

Кивнув, я вспомнила, как выползала сущность из-под дивана Виталины Андреевны. Хорошо, что в кино таких показать не могут. Слишком жутко для любого возраста и восприятия.

Вскоре события фильма повернули на линейку известных штампов с бу-моментами, перестукиваниями в шкафу, захватом одного из детей призраком и превращением кухни в зону военных действий. Минуты три было посвящено пророческому сну главной героини, заснувшей в полицейском участке.

Глядя на туманные сине-черные кадры, я подумала о собственных снах с незнакомцем и стаей собак, сопровождавшей меня каждый раз точно до встречи с ним. С последнего сна прошло чуть больше трех недель, и интуиция подсказывала, что это напрямую связано с чисткой кольца. После того как Влад обновил защиту, я спала крепче младенца. Я знала, что ведьмаку следовало рассказать об этом, но, как сегодня выяснилось, делиться мы должны не всем. Можно было бы

посоветоваться с Ирккой, но тревожить подругу не хотелось, да и как правильно это объяснить?

– Чего? – посмотрела Варвара, отпив вина.

– Я знаю, что бывают вещие сны, а еще покойные близкие могут во сне предупреждать о какой-нибудь беде. А может ли в чужой сон проникнуть живой человек?

Кошачий тандем переглянулся над моей головой, и Прахова почесала наманикюренным острым ноготком кончик носа, внимательно посмотрев на меня.

– Это теоретический интерес?

– Да.

– В таком случае, теоретически, обычный смертный, ни в каком ключе не связанный со сверхъестественным и потусторонним, не может.

– А практически?

– А для любого «практически» существуют практикующие, – приподняла бровь Варвара.

– То есть, если бы ты захотела, то смогла бы проникнуть в сон любого человека, даже если никогда не видела и не разговаривала с ним прежде?

– Нет, – ведьма покачала головой, отставляя бокал на поднос. – Для первого визита, проложившего бы тропу в незнакомое сознание, необходимо не только серьезное обучение и предрасположенность к подобному виду работы, но и ряд физических условий.

– Например?

– Банальное и очевидное: и хозяину сознания, и его визитеру необходимо заснуть хотя бы в одном часовом поясе. Лучше всего – в один и тот же час. Еще в это время в реальности должно происходить что-то, чем можно воспользоваться как якорем. – Видя, что я не совсем понимаю, Варвара снисходительно пояснила: – Гроза, смена месяцев или времен года...

– Полнолуние подходит?

– Полнолуние – идеально, – пробормотала Миркова.

– Это универсальный якорь и сопроводитель большинства ритуалов в любой сфере и специализации практикующих, – согласилась ведьма. – Естественно, практикующий также должен быть особо настроен на человека, в чей сон собирается проникнуть. Иметь

при себе его вещь, фотографию, лучше всего частичку тела вроде волос. Самое редкое и, конечно, лучшее – это мысленное разрешение или ожидание визита от самого спящего. Все равно что распахнутая дверь.

– Как это возможно, если о визите практикующего изначально неизвестно?

Варвара усмехнулась:

– В старину многие практикующие, преимущественно мужчины, посещали сны приглянувшихся им девушек во время святочных гаданий. Дурехи высказывали зеркалу про суженого-ряженого или ложились спать с пожеланием, чтобы тот им приснился, и... вуаля. – Прахова щелкнула пальцами.

«На новом месте приснись жених невесте». Вот что сказал Влад в мою первую ночевку в его доме, в полнолуние. Могло ли это прозвучать как «вход свободен»?

– А кто-то другой может эту дверь распахнуть?

– Кровный родственник или другой практикующий, – сузила глаза Прахова. – Это точно праздное любопытство?

– Просто пытаюсь отвлечься, а фильм напомнил давний вопрос. Все время забываю спросить, – пояснила я, чуть поморщившись.

Если я не спятила и не параноик, то во сне меня навещал другой практикующий. Но почему он называл меня своей? Перепутал с собственным фамильяром? Или... принял за кого-то другого? Как будто мне своих проблем мало!

– Понятно, – протянула Прахова. – Ты у меня с ночевкой?

– Нет, – покачала я головой, стараясь, чтобы это выглядело и звучало не слишком резко. Оставаться в кошачьем царстве совершенно не хотелось. Было в этом что-то неправильное, вроде как оставаться на ночлег у чужого практикующего – перебор. Несмотря на то что сейчас меньше всего мне хотелось думать о Владе и всем с ним связанном, забывать о подобном не позволяла сама сущность. – Спасибо, что помогли и поддержали, но я, наверное, поеду сейчас домой.

– Воля ваша, – изящно повела рукой Прахова.

– Я провожу, все равно еще в магазин нужно, – поднялась Саша.

Прощавшись с Варварой, я вышла за дверь в компании Мирковой, и до самого выхода из подъезда мы молча перепрыгивали ступеньки.

– Прости, Агат. Я хотела бы тебе все рассказать, но не хочу подводить Варвару, – заговорила Пантера, когда мы немного отошли от дома.

– Я понимаю. Тут никто ничего не может рассказать, не спросив разрешения у кого-нибудь из них, – проворчала я, подразумевая всех практикующих вместе взятых.

– Я думала, ты будешь злиться.

– Я злюсь. Правда, не на тебя, Варвару или Ирку. – Я пнула камень, попавший под ноги. – И остальные ни при чем. Это только между мной и им, а подробности неважны, – едко выдала я.

– Хочешь бесплатный совет от бывалого?

– Давай.

– Что бы он ни сделал или сказал тебе сегодня, дай Яблонеvu шанс все объяснить. Поверь, иногда практикующие действуют во благо седьмой обходной дорогой, и без прямого указателя мы не понимаем, что это благо.

– То есть позволить ему оправдаться и поверить?

– Они никогда не оправдываются. В этом прелесть общения с ними: или говорят как думают, или молчат. До встречи. Если хочешь, можем как-нибудь погулять вдвоем, как фамилльяр с фамилльяром.

– Лучше как Саша с Агатой, – поправила я, в порыве благодарности крепко обняв девушку.

– Договорились. Твой автобус.

Прощавшись с Мирковой, я забежала в полупустую «коробочку», сразу же проходя назад. Быстро доехав до своей остановки, я еще на подходе к дому почувствовала присутствие Ирки. Насколько я помнила, они сегодня с Лешей должны были поехать на очередную загородную прогулку...

Ругалова сидела возле моего подъезда, опершись локтями о колени и глядя под ноги.

– Ир?

– Боги! Наконец-то! – вскочила Лошадка, с облегчением осматривая меня с ног до головы. Карие глаза подруги особо задержались на лице, я видела, как с каждой секундой ее охватывает понимание, пока его не сменило что-то вроде сочувствия и недовольства в одном флаконе.

От правого до левого виска начал раскачиваться колокол, ударяя точно по центру. Хватит с меня на сегодня встреч. Слишком мало места для самой себя.

– Ясно, – мрачно выдала Ирка, доставая телефон и прикладывая его к уху: – Леш? Все, она дома, ничего не надо, ни приезжать, ни звонить, ни доставать каким-либо другим способом. Так ему и передай.

– Это... желание Агаты или твое?

– Мое, – сухо подтвердила я, что и повторила Ругалова Березину.

– А Агата случайно не сказала, где она была? – снова спросил Леша.

Я покачала головой, не собираясь выдавать Прахову и Миркову.

– Не-а. Ладно, я потом тебе позвоню, пока, люблю, – попрощалась Ирка, отключая звонок. – Хорошо, что ты в порядке, я немного перетрухнула, когда позвонил Влад и сказал, что не...

– Я не в порядке, – перебила я очевидной истиной. Как будто мое лицо, состояние и все, что могла увидеть и почувствовать Ругалова, требовали вербального подтверждения.

– Я...

– Ты тут ни при чем, я не злюсь и не хочу говорить, включать телефон, ноутбук и прочие средства связи как минимум до понедельника. Я устала и хочу побыть одна. Без всех. Притвориться, что моя квартира с мамой, телевизором и холодильником – единственное, что есть в этом мире. Да, ты меня предупреждала, по крайней мере, пыталась предупредить. Да, я не послушала. Да, я дура. Это лейтмотив сегодняшнего дня.

– Агата... – губы Ругаловой затряслись.

– Тпру. Увидимся в институте, спасибо за беспокойство. – Обойдя подругу, я прижала магнитный ключ к замку домофона и отсекала себя от улицы подъездной дверью.

Мамы дома не оказалось, чему я даже обрадовалась. На зеркальной дверце висел зеленый стикер, сообщающий, что она уехала в гости и вернется поздно. Удручало в ее отсутствии только одно: придется включить телефон.

Опустившись на диван, я села по-турецки, вертя в руках выключенную технику, раздумывая. С телефона взгляд перескочил на

напульсники и кольцо. Электронные часы показывали начало восьмого.

Решившись, я оживила мобильный, пляясь на загорающийся экран, как приговоренный на помост для казни. Ожидаемо много пропущенных и сообщений, как в чате приложения, так и обычных эсэмэсок. Была даже парочка голосовых.

Зайдя в диалог с мамой, написала, что уже дома, очень устала и ложусь спать. Пару кругов по комнате спусть я разобрала и застелила диван, то и дело прожигая взглядом телефон. Всем, кто меня искал, должно было прийти уведомление, что абонент снова в сети, а это могло означать еще один круг звонков.

Выждав еще один поход в ванную и переодевание в пижаму, я залезала под одеяло, набираясь смелости. Всего-то и требовалось нажать на кнопку и прочесть. Коротко выдохнув, качая головой, я зашла в чат с Яблоневым.

14:20 «Пожалуйста, возьми трубку».

14:40 «Агата, я понимаю, как это выглядело. Пожалуйста, ответь».

15:10 «Нам нужно поговорить».

15:11 «Я знаю, как ты себя чувствуешь. Просто поговори со мной».

16:30 «Агата... Мне нужно услышать тебя».

17:00 «Хотя бы скажи, что ты дома».

19:08 «Напиши, когда будешь готова поговорить».

Последнее примерно тогда, когда Ира встретила меня и позвонила Леше. Отбросив сотовый, я упала лицом в подушку, натягивая сверху одеяло. Темнота и тепло моего «домика» вскоре стали влажными и солеными. Скулила я, скулила свернувшись с дороги и шлепнувшаяся на мокрую траву дог.

Вроде бы никакой особой трагедии, а мир рухнул мне на голову. Вроде бы никто ничего не обещал, а тело горит от обиды и унижения. Вроде бы за день слезы должны были закончиться, а они, кажется, только-только по-настоящему потекли. Вроде бы за сегодня мне попытались помочь и проявить участие сразу три девушки, а довериться я смогла только подушке.

Сомневаюсь, что темный понимал и знал, как я себя чувствую. Даже я сама отказывалась давать этому определение.

В странном порыве добавить себе еще переживаний я стащила с запястий напульсники и скрутила с пальца кольцо. Если все, что рассказала Варвара, – правда, значит, сегодня мы с незнакомцем снова пересечемся в туманном городе. Нужно решить хотя бы одну проблему, тем более ее решение уж точно отвлечет меня от основной.

К одиннадцати я перестала заставлять себя заснуть, признав, что это невозможно. Тяжело отключиться, когда тело хочет одновременно плакать и боксировать, память – поиграть в личную хронологию глупостей, заново проматывая все встречи с Яблоневым, а дог не затыкается ни на секунду, оповещая округу, как ей плохо.

В начале первого в дверном замке заскрежетал ключ, и в квартиру, стуча шпильками, зашла мама. Хорошо, что я догадалась разобрать и ее диван тоже. Слух и обоняние подсказывали, что ее посещение гостей прошло согласно обязательной программе со всеми ее прелестями. Хотя бы у кого-то эта суббота определенно удалась.

– Дочь, спишь?

– Нет, – буркнула я.

– Я тебе шашлыка из ресторана принесла. Будешь?

– Нет, не хочу.

– Ты не заболела? – Мама заглянула за книжный шкаф, к счастью, не догадавшись включить «большой» свет, а светильник у ее дивана и освещение прихожей до моего темного угла не добирались. – Не помню, когда ты отказывалась от шашлыка.

– Не хочется, и все. Я думала, ты ходила в гости, а не в ресторан... – поспешила я поменять тему.

– Сначала мы выпили вина у него дома, а после решили поужинать в ресторане. Не совсем стандартный план свидания...

– Свидания? – Я даже села, поворачиваясь лицом к комнате. – И как его зовут?

– Игнат. – В голосе мамы послышалась улыбка, пока она стягивала платье. – Очень интересный, приятный и умный мужчина.

– На работе познакомились? – предположила я, давно не слыша от нее такого энтузиазма и лестного отзыва о представителе противоположного пола.

– В магазине, неделю назад. Помог мне достать с верхней полки горошек, – усмехнулась Ма.

– Как мило, – кисло оценила я.

– А как прошло твое свидание?

Я сглотнула:

– Это было не свидание. Просто короткая встреча. Я почти весь день гуляла по городу.

– Что-то случилось? Вы что, поссорились? – Мамин нюх на мое состояние безошибочен и работал слаженно и четко, независимо от происходящего.

– Мы... Да вроде... – Я зажмурилась, когда она резко включила свет. – Мам!

– Красота, – оценила Ма, снова щелкнув выключателем и погрузив комнату в темноту. – А я-то думаю, чего это ты хрипишь и в нос разговариваешь.

– Да, мы поссорились, и я обиделась, – выдала я наиболее понятное объяснение. Вот бы так и было.

– Что ж... Когда он будет извиняться, помучай его подольше, – хмыкнула мама. – А не извинится, я ему уши оторву. Будут еще всякие Влады мою дочку обижать.

Согласно угукнув, я вернулась в прежнее положение, обняв подушку. Пожелав спокойной ночи, мама вскоре заснула, а я продолжила ворочаться с боку на бок, в каждый переверот поглядывая на электронные часы. Два часа ночи... Половина третьего...

Я вышагивала по мокрому асфальту безлюдной улицы, ежась от ветра и густого, окутывающего ноги и цепляющегося за одежду тумана. Впереди, у самого последнего дома, горел единственный фонарь, причудливо отражаясь в черных пустых окнах. Из проулка справа ко мне выбежала знакомая немецкая овчарка, приветливо ткнулась холодным мокрым носом в ладонь и побежала рядом. Ее присутствие пригасило жуткость этого места, и с каждым шагом, по мере того как ко мне присоединялись крупные представители служебных и сторожевых пород, все вокруг неуловимо менялось, внушая уют и спокойствие. Туман и темнота больше не воспринимались коварными врагами, скрывающими опасность.

В доме, напротив фонаря, отворилась дверь, и я разглядела знакомый мужской силуэт. Сунув руки в передние карманы джинсов, он повернулся ко мне и застыл. Ждал, когда мы подойдем. Как я и

думала, собаки отступили, попрощавшись со мной за несколько шагов до парня, и растаяли в нахлынувшем тумане.

– Здравствуй, – улыбнулся он. – Чем могу помочь, моя воинственная?

– С чего ты решил, что я «твоя»? – хмуро спросила я, успев устать еще за все предыдущие встречи говорить, что я своя собственная, а за такое обращение способна на физическую расправу. Хотя бы убрал «девочку», что уже можно было считать прогрессом.

– Все было решено давно и без нас, – пожал он плечами.

– Я не хочу ничего спрашивать.

– Значит, хочешь попросить, – решил незнакомец.

– Вообще-то, утвердить. Ты с кем-то меня перепутал.

– Исключено, – тут же отрезал он.

– Тогда объясни, зачем подстерегаешь меня в каждом сне, кто ты такой и что тебе нужно. – Я скрестила руки на груди, глядя ему в глаза.

– А говорила, что не хочешь ничего спрашивать, – хмыкнул он. – Для справки: что впервые, что сейчас – инициатор встречи ты. Как я говорил ранее, ты опережаешь события. Время настоящей беседы в мире живых еще не наступило.

– Ты уверен, что она произойдет?

– Разумеется.

– Ты – практикующий.

– А ты – фамилляр, – вернул парень. – Когда увидишь меня наяву, тебе не понадобятся вопросы. Все ответы найдутся сами.

Он оказался вплотную слишком быстро, совершенно неуловимо для меня. Так же незаметно его руки обхватили мое лицо. Уверенно, прочно и в то же время совсем не грубо. Запахи костра и грозы заползли в нос, по спине побежали мурашки, его теплое дыхание скользнуло по щеке слишком реально.

– Кто заставляет твое сердце биться чаще? – Он даже не сдвинулся, когда я толкнула его в грудь, пытаюсь отстраниться. – Кто он? Тот, что так расстроил тебя. Тот, кто скрывает тебя от меня...

– Отвали и не приближайся ко мне! – рявкнула я, пытаюсь вырваться из его удивительно цепкой хватки.

– Это невозможно, моя воинственная, – усмехнулся парень.

Прежде чем я осознала масштабы его наглости, он наклонился и... поцеловал меня. Несколько секунд я была слишком ошарашена и

безвольна, отчего его напор лишь усиливался... Резко сжав зубы на его губе, я выпрямила руки изо всех сил, наконец-то разрывая его объятия и поспешно отбегая.

Отшатнувшись, практикующий хрипло расхохотался, стирая с подбородка кровь:

– Какое искушение... Обещаю, мы обязательно повторим это не во сне.

– Ты – псих! – рявкнула я.

– Мы все безумцы, – все еще смеясь, согласился он. – Кто-то больше, кто-то меньше. Приятно было увидеть тебя снова, моя воинственная.

Парень щелкнул пальцами, и все вокруг обратилось туманом, вышвырнувшим меня прочь под звонкий собачий лай. Открыв глаза, я села в кровати, зажимая рот рукой. Запахи, ощущения... Слишком реально! Часы показывали пять утра, когда, натянув кольцо на палец, я пошлепала на кухню, чтобы промочить пересохшее горло.

Разобравшись с проблемой, ничего не скажешь. Ни ответов, ни ясности, ничего, кроме понимания, что я вляпалась во что-то посерьезнее случайного знакомства в сети. Как бы на моем месте поступили Саша или Ирка, попытайся кто-то выведать у них имя их практикующих? Обратились бы к тем за помощью. Еще пару дней назад я так бы и сделала, а сейчас Влад был последним, кому бы я захотела довериться.

Глава 23

Все воскресенье я провалялась в кровати, даже не соизволив ее собрать. Апатия прочно заняла свои позиции, позвав в гости депрессию. Последним штрихом, поставившим крест на любой активности, стала дождливая погода за окном, погружившая квартиру в сонный полумрак.

То и дело проваливаясь в полудрему, я изредка вспоминала о еде, не чувствуя голода. Мама предприняла несколько попыток расшевелить меня, но, наткнувшись на молчание, благоразумно отступила и включила мой любимый сезон «Шерлока». Разумеется, сделав вид, что сама очень давно его не пересматривала.

Как и всякая хорошая мама, она обладала поразительной способностью делать именно то, что сейчас было нужнее всего. Не читала лекций, не пыталась давать советов или чинить допрос, никаких замусоленных и прописных истин, очевидных с ее возрастом и опытом. Ма просто была рядом, успокаивая одним своим присутствием.

В понедельник, проснувшись за полчаса до будильника, я принялась молча собираться, проигнорировав мамино предложение остаться сегодня дома. Если я проваляюсь еще одни сутки, то вообще не захочу выбираться из квартиры до самого мая.

– Мне нужно сегодня курсовую сдать на третьей паре, а первой – физкультура, – объяснила я, натягивая джинсы.

– Ну... Позвони, если захочется чего-нибудь вкусенького, я куплю, когда с работы пойду. Или можем встретиться у торгового центра, сходим тебе что-нибудь из одежды выберем.

– Мам, – закатила я глаза. – Шопинг – это не мое. Прямо совсем.

– Ну конечно. Покупка джинсов и футболок – это что?

– Необходимость, – хмыкнула я уже из прихожей, застегивая куртку. – Все, до вечера.

Шлепая по лужам к спортивному корпусу, я поочередно прослушивала композиции Земфиры и «Сплина», полностью соответствующие моему настроению. Показалось, что дог даже

подвывает в такт. По спине словно прошлись расческой, и, обернувшись, я увидела Дениса.

– Привет! – улыбнулся парень. – Буду банальным, так что, как дела?

Я – фамилляр у темного практикующего, который три месяца, возможно, с самой первой встречи, водил меня за нос, утаивая существование своей девушки и наверняка очень важную для меня информацию, зная, что делать этого не следует, и постаравшись, чтобы никто другой тоже ничего рассказать не смог. Даже моя лучшая подруга, которая, кстати, тоже фамилляр и в курсе событий.

Сегодня ночью я встретила во сне с другим практикующим, и это было непонятно, раздражающе, а местами и вовсе мерзко. Не уверена, что такое возможно, но, похоже, моя сущность заболела, отказываясь подниматься на лапы, и лишь прячет под них морду, изредка скуля.

Количество сверхъестественных проблем растет как на дрожжах, и я абсолютно не знаю не только как их решить и к кому обратиться, но и с какой стороны начать. Конечно, половину способен устранить мой практикующий, вот только сейчас я не хочу его ни видеть, ни слышать и понятия не имею, сколько еще мне потребуется времени. Добавим к этому приближающуюся зачетную сессию, и суп-солянку «Агатино настроение» можно подавать к столу.

Все это пронеслось в моей голове со скоростью света, и, вместо только что перечисленного про себя хаоса, я чуть улыбнулась Хворостухину:

– Да... все как обычно. Как сам?

Хитро прищурившись, Дэн быстро выдернул у меня один наушник и поднес к уху:

– «Ты спросишь меня, какие танцы? На улице минус двадцать...» – пропел он вместе с Земфирой. – «Бери вазелин, бежим целоваться!» Прекрасный выбор, впрочем, в твоем музыкальном вкусе я не сомневался ни секунды.

– Спасибо, – улыбнулась я, выключая плеер. – У меня сейчас физкультура, а у тебя?

– Культурология в третьем, – сморщился парень. – Но... если хочешь, мы можем бежать целоваться, спасибо апрелю, что вазелин не нужен.

Моргнув, я уставилась на Дениса, совершенно не готовая к такому повороту событий. Не то чтобы я не догадывалась, что симпатична ему, и тогда в кино с нами он пошел вовсе не ради Ирки, но...

– Что, слишком быстро? – несколько стушевался Дэн. – Или у тебя есть парень и ты уже думаешь, как тактично сказать мне об этом?

– Я... Мм-м... У меня нет парня, – выдавила я истинную правду. Нежеланную, болезненную и неотвратимо реальную. – Но...

– Ты знаешь, что это ваше женское «но» следует запретить как отдельный вид психологического насилия?

И вот, второй раз за последние два дня, я рассмеялась искренне.

– Дэн, мне нужно спешить. – Мы как раз подошли к дорожке, ведущей к корпусу.

– Понял. А мы можем обсудить твое животрепещущее «но» вечером, на прогулке?

– Я... – А какого черта? Ирка права, нельзя все время уделять миру практикующих, пора немного подумать о себе. – Давай. Часов в шесть, у сквера возле памятника Толстому подойдет?

– Идеально, – озорно подмигнул Денис. – До вечера!

В раздевалке, как всегда, воняло дезодорантами, духами и застаревшим потом, казалось, впитавшимся в эти стены. Приветственно кивнув знакомым девчонкам, я нашла свободный крючок возле вещей Самойловой, как раз заканчивающей переобуваться.

– Привет, – подняла голову Ярослава. – Только что объявили, что сегодня физкультура в парке.

– Класс, – оценила я. – Побегаем по грязи и лужам.

– Мы еще и мяч тащим, – приподняла бровь Несмеяна.

– Волейбол в куртках и грязи, – поддакнула я. – Еще лучше.

Как я и предполагала, парк после вчерашнего дождя подсох только местами. Добравшись до площадки, мы были подвергнуты десятиминутной разминке конечностей и бегу на месте, после чего, наконец-то, нас разбили на команды и подбросили мяч. Полчаса волейбола заставили меня оставить все переживания и клубок неприятных мыслей за пределами спортплощадки.

Все, что я видела – мяч. Я не всматривалась в лица игроков ни своей команды, ни соперников, меня интересовало только одно. Мяч

не должен был коснуться асфальта с моей стороны сетки. Когда цель всего одна – жить проще. Хотя бы на эти тридцать минут.

Бег, прыжки, тяжелые хлопки, с какими мяч отбивается руками, азартные крики «принимай!», «давай-давай!», «аут!»... Я была в своей стихии скорости, реакции, и это всколыхнуло и передалось догу. Ставя блок, я на короткое мгновение увидела ее выходящей на дорогу. Отлично. У меня есть я, и мы справимся. Нос по ветру, хвост пистолетом.

– Вот это игра, – поделилась Ярослава, когда мы шли обратно к корпусу. – Ты сегодня просто была везде.

– Выспалась, – отмахнулась я. – Что у нас следующее?

– Политология, лекция.

– Понятно, все дружно спим.

– Это точно, – хмыкнула Самойлова.

У родного одиннадцатого корпуса, как всегда перед второй парой, было оживленно и громко. Оглядевшись и нигде не заметив Ирку, я проверила телефон, но непрочитанных сообщений не было. Скорее всего, проспала, тем более что вчерашний день, а возможно, и ночь подруга провела у Березина.

К концу перемены Ругалова так и не объявилась, и я села за одну парту с Ярославой, ища, чем бы заняться. До этого все скучные пары отводились под общение с Владом, если он был свободен, или чтение. Электронная книга так и осталась дома на зарядке, а писать ведьмаку так скоро, по понятным причинам, я не собиралась.

– У меня есть кроссворды и sudoku, – поделилась Ярослава, поняв мои метания.

– А бывает, что ты занимаешься чем-то, не тренируя мозги?

– Нет, – чуть подумав, ответила Самойлова. – Думать нужно всегда и везде. Чем лучше и чаще работает отвечающая за это мышца, тем легче.

– Согласна, – пробормотала я, гадая, где Ярослава и ее лозунг были раньше. Два месяца назад я, похоже, не думала вообще.

За решением задачек из запаса Самойловой и рефлексорным записыванием лекции пара прошла почти незаметно. Минут за десять до конца мне определенно послышалось лошадиное ржание. Еле уловимое, словно издалека или из-под толщи воды, что, конечно же, было невозможно.

Отвернувшись к окну, я прикрыла глаза, чувствуя острый приступ тревоги. Я не подвержена стихийным паническим атакам, как и галлюцинациям, так что... Дог на дороге смотрела назад, обратившись в слух и взволнованно принохиваясь. Не слышалось.

Как только я взялась за телефон, он завибрировал в руке, оповещая об эсэмэске от Ругаловой.

«Преследует Алена. Тот же двор, оторвалась минут на 5. Помоги». Вот черт!

– Мне нужно уйти прямо после этой пары. Сдашь за меня курсовую? – Я положила файл с ней перед Ярославой.

– Без проблем. Что-то серьезное?

– Небольшая проблема у Ирки, требующая моего немедленного участия, – пояснила я, собирая вещи в сумку.

– Понятно, – кивнула девушка.

Как ужаленная, я выбежала из кабинета вместе со звонком, наплевав, что, в теории, он для преподавателя. Вылетев из корпуса, перепрыгивая за раз по три ступеньки, я забежала за угол, устремляясь вниз по Смидович. Расстояние до двора было плевое, но Алена, видно, бегала не хуже меня, если Ирка не смогла оторваться от нее насовсем. Почему она не попыталась сбежать транспортом? Что вообще происходит и где Березин, который обычно подвозит ее в институт или до дома на машине?

После той стычки в феврале Ирка говорила, что когда-то наблюдала, как Саша скрутила Алену, и это было зрелищно. Неплохо, если Пантера подскажет, как одолела ее в прошлый раз. На бегу набрав Миркову, я, перемахнув через огромную лужу, прослушала три гудка, прежде чем Саша подняла трубку:

– Привет!

– Ты где? – без предисловий выпалила я, шмыгнув между домами, чтобы перелезть через трубы и зайти во двор с другой стороны.

– Мы на Советской у торгового центра, – настороженно ответила Саша.

Отлично, это не так уж и далеко. Стоит ли...

– Ты раньше дралась с Аленой?

– Крокодил? Она из какого болота к тебе выплыла? – судя по голосу, Саше Алена не нравилась с приставкой «очень», да еще и в энной степени.

– Она преследует Ирку, и я бегу к ним!
– Где вы? – собралась Миркова.
– Двор между девятиэтажек на Мира.
– С ума сошли, пространство ограничивать? Ладно Лошадка, а ты чем думаешь?

– Я еще не там!

– Бегите в парк через Оружейную! Мы вас там найдем!

Вбежав во двор, я обнаружила тяжело дышащую Ругалову у скамейки перед первым подъездом.

– Ир! Где она?

– По проспекту бежит, я эсэмэску написала... только когда увидела ее через дорогу у Трех штыков, проскочила на желтый, а ей... пришлось минуты полторы постоять до следующего, и я еще попотляла, чтобы сбить ее. Сразу поняла, что она... как это... открыла охоту. Лешка уехал в Новомосковск...

– Валим в парк, тут Миркова неподалеку с Праховой, давай, шевели копытами, позже объяснишь! – потянув Ирку за руку, я побежала вместе с ней к Оружейной.

– Вот она! – крикнула Ругалова, и, обернувшись, метрах в сорока, то есть очень далеко для нас, я увидела широкоплечую Алену в зеленой кепке, которой задолжала еще с прошлого раза.

– Прибавь скорости, мы успеем к парку!

Больше не оглядываясь, мы побежали, успешно лавируя между прохожими, большинство из которых просто расступались, глядя на нас как на ненормальных. В какой-то момент дорога исчезла, и остались только дог и лошадь, бегущие параллельно друг другу по одному полю. Что ж, по крайней мере, в беге нас натренировали отлично, я чувствовала, что мы увеличили отрыв, как и то, что чужой фамилльяр не сдалась. Что бы ей ни было нужно от Ирки, она все еще намерена это получить.

– В какую сторону? – спросила я у Ругаловой, когда мы остановились у развилки отдышаться. – К пруду или попытаемся выскочить на Первомайскую?

– Туда, где меньше народу и никаких мамочек с колясками, – оперлась о колени Ирка, согнувшись. – Не хочу, чтобы мы кого-то задели на энергетическом уровне, тем более детей, если будет драка.

– Ты поэтому не решилась сбежать от нее транспортом?

– И это тоже, но на самом деле, как назло, ни у одной остановки, пока я пробегала, не было ни маршрутки, ни автобуса, – чуть отдышавшись, Ругалова выпрямилась и прислонилась к ближайшему дереву. – Уверена, что не случайно. К воде идти глупо, там у нее преимущество.

– Значит, давай на самую дальнюю аллею, там всегда слишком много тени и ветрено, – предложила я, вспомнив, какой дорожки обычно избегают посетители парка.

Ирка кивнула, и быстрым шагом мы отправились по большому кругу, присматриваясь к каждому силуэту и деревьям вокруг.

– С чего все началось?

– Понятия не имею, – обескураженно покачала головой Ирка. – Леша уехал в девять утра в Новомосковск к какому-то своему знакомому, сказал, что моя помощь не нужна, и я решила пройтись пешком ко второй паре, тем более что тут идти от пединститута всего ничего. – Я согласно угукнула, прикинув, что пешком вся дорога займет максимум минут двадцать. – Естественно, провозилась с волосами, так что успевала уже только к третьей. Сначала я почувствовала, что за мной следят. Вот клянусь, она меня поджидала! Повезло, что нас разделяла дорога. Я сразу поняла, что она настроена серьезно, не так, как тогда, когда подложила тебе волос, а реально кровожадно, ну и побежала. А потом, когда была минутка, написала тебе. Извини, я... испугалась. Трудно объяснить, что я от нее почувствовала, она просто в ярости!

– Правильно сделала, – утвердила я, заметив в карих глазах подруги смущение и неуверенность. – Ты Леше звонила?

– У него телефон отключен, как всегда во время работы, – отмахнулась Ирка.

– Он же должен почувствовать, что с тобой что-то не так?

– Даже если почувствовал, скорее всего, не может прерваться, целительство на паузу не ставится.

Дойдя до аллеи, где не было никого, кроме птиц, мы остановились возле центральной лавки, стараясь почувствовать приближение Алены. Я догадывалась, что она так же старается уловить нас, как ни крути, а парк был достаточно большой... Но, очевидно, не для взбешенного фамильяра.

– Вот черт, – прошептала Ирка вместе с тем, как я засекала приближающийся ураган гнева и знакомой мне силы откуда-то справа. Яблонев уделил много времени, объясняя, как изучить пространство вокруг себя с помощью инстинктов и звериной сущности. – Она не одна. Вот почему так долго.

– В смысле?

– С ней Паша, ее практикующий.

Значит, практикующего, которого на дух не переносит Влад, зовут Павел. В прошлый раз, после того как Яблонев помог мне снять воздействие Алены через волос, я спрашивала ведьмака, в чем причина их конфликта. Темный отказался говорить, сославшись на то, что это слишком личное и делиться переживаниями он не готов, тем более когда я еще не согласилась стать его фамильяром. Следовало вернуться к этому вопросу позже, после ритуала, но каждый раз находилось что-то поинтереснее...

– Это проблема, – протянула я, вместо волнения чувствуя что-то вроде предвкушения и любопытства.

– У нас нет шансов против него без Леши или Влада.

– Варвара с Сашей скоро будут здесь.

– Не успеют, а вот ты еще можешь уйти, не хочу подставлять тебя под...

– Заткнись, – оборвала я подругу. – Заткнись и не городи чепухи. Я им обоим задницу надеру, пусть только попробуют тебе что-то сделать, друзья мы или нет?

– Агата! Это не шутки и не какая-нибудь уличная драка, где все обойдется синяком и ушибленной коленкой! Это темный практикующий и его чокнутый фамильяр! – У Ругаловой затряслись губы, и вид был такой, словно она вот-вот начнет рвать на себе волосы. Да что такого она почувствовала от Алены, что настолько ее испугало?

– А я – потомственный фамильяр у темного практикующего. И ты не представляешь, насколько я сейчас зла. На этой энергии можно было бы запустить ракету в космос.

– Вы... ты так и не разговаривала с ним? – сглотнула Ругалова, опустившись на скамейку.

– Нет. Все. Успокойся.

Отвернувшись, я скрестила руки на груди, уставившись в начало аллеи. Дог остановилась на дороге как вкопанная, прижав уши к

голове и оскалившись. Мы еще не видели врага, но уже чувствовали и знали, что без боя им к Ирке не подойти.

Алена показалась первой, на ходу переворачивая кепку козырьком назад. Ее глубоко посаженные глаза прошли от меня к Ирке и остановились на Ругаловой, пригвождая ее к месту. Ладно, настроена Крокодил и впрямь серьезно. Даже со своего места я видела, как напряженно сжалась ее тяжелая челюсть.

Следом за Аленой, шагах в трех, шел парень в черных джинсах и кожаной куртке, с гривой каштановых волос до плеч, торчащих в разные стороны на макушке. Перстень на левой руке, еще две печати на правой, серьга в ухе, колечко в нижней губе, темно-карие, чем-то похожие на мои глаза. Вид, в общем-то, грозный и соответствующий негласному дресс-коду темных, однако, на мой вкус, слишком много побрякушек. Владу не требовалась и половина из этого, чтобы выглядеть внушительно и опасно.

Увидев меня, ведьмак остановился, и Алена замерла, как по команде шагнув назад, ближе к нему. Судя по действию, она тоже брала несколько уроков у Мирковой. Надеюсь, ее Саша учила не так усердно, как меня.

Глубоко вздохнув, я попробовала воздух на кончике языка, стараясь распознать, кто практикующий по сущности. Запах... Что-то такое знакомое, собачье, и все же разительно отличающееся.

– Здравствуй, дворняжка. А где же сам Великий Князь? – насмешливо спросил Павел, скользнув взглядом по моему кольцу. – Я хотел бы лично поздравить его с приобретением очередной псины.

– Видимо, только собаки с ним и уживаются, – поддакнула Алена.

Что ж, он определенно понял, чей я фамилляр, а кроме того, обладал настоящим талантом нарываться на неприятности. Ни разу не видела, чтобы человек напрашивался на драку каждым сказанным словом. Неважно, что у нас сейчас происходит с Яблоневым и насколько я на него обижена, подобных насмешек в его сторону, краем задевающих меня и даже Кельта, я спускать не собиралась.

За спиной, откликнувшись на ярость и готовность к бою, возникло все мое собачье племя, дыша в спину и в нетерпении скребя лапами землю. Их присутствие придало уверенности, и, сконцентрировавшись на Павле, я, наконец-то, поняла, кто он такой и почему мне пахнет собакой, которая не собака. Гиена.

– Собака – лучший друг человека, – мило улыбнулась я. – Чего не скажешь о падальщиках.

– Надо же, ты и впрямь что-то можешь. Мне казалось, Яблонев в таком отчаянье, что готов назвать своим фамильяром первую подвернувшуюся суку. Пони не хочет вступить в беседу? – обратился он внимание на Ирку, недобро прищурившись.

– Катись к черту, – встала со мной на одну линию Ругалова.

– Мечтай, – процедила Алена.

– А в чем претензия? – поинтересовалась я, почти физически ощущая, как дог во мне напрягает каждую мышцу в ожидании той секунды, когда можно будет взвиться в воздух и проверить, так ли тверда крокодилья кожа, как выглядит.

– Наш светлый рубаха-парень Березин кое-что украл у меня, – покосился на меня Паша. – И когда я, заметь, по-хорошему вчера сказал ему вернуть, отказался.

– Бред, – среагировала Ирка. – Он не отказался, а сказал, что ничего у тебя не брал.

– В чем, конечно же, соврал, – пожал плечами Павел. – Марина не ошибается.

– Оно и заметно, – фыркнула Ругалова так уверенно, что я засомневалась, ее ли пыталась успокоить десять минут назад. Страх у подружки не было и в помине. Вероятно, сработал инстинкт фамильяра, вымещающий все остальное, когда дело касалось своего практикующего. – Ты – выбор всей ее жизни. Безошибочный и беспощадный.

– Осторожнее на поворотах, лошадка. Березин почувствует каждую секунду моего ожидания. Когда я с тобой закончу, передай, что это только разминка и ему лучше бы вернуть мне мое до конца недели.

– Слишком много слов, – мотнула головой Ругалова, и моя стая поддержала ее одобрительным лаем и предвкушающим воем.

– Ален, займи дворняжку, – кивнул на меня Паша.

– Во-первых, дог, – рыкнула я. – Во-вторых, в одном когте моей сущности породы больше, чем в тебе, падальщик. А в-третьих, я сама решаю, кем заняться.

Алена рванула с места, предугадав начало моего движения. Она была достаточно проворна, но значительно уступала в грации и скорости Сашке, так что, увернувшись, я подтолкнула ее в спину,

прочь с асфальта, оказываясь лицом к лицу с Павлом, вытянувшим в мою сторону руку со скрюченными пальцами.

Холод сковал и заколол шею строгим ошейником, дог взревела, щерясь, я прижала руку к горлу, и горячая волна не принадлежавшего мне гнева взметнулась от напульсника, сокрушая холод. Влад. Где бы сейчас ни находился мой практикующий, он почувствовал, что на меня напали, и его ярость была под стать моей.

Отвлечшись на вспышку связи с Яблоневым, я получила удар в спину от Алены и едва не запнулась о бордюр, вовремя ухватившись за спинку лавки. Ирка и Павел кружили вокруг друг друга, не сближаясь. Ментальное пространство на пару секунд растворило реальность, и аллея превратилась в поле, где коричневая кобыла пыталась проломить копытами голову бегущей вокруг нее гиены, а крокодил надвигался на дога с открытой пастью.

Остановив руку Алены, я провела удар в живот раньше, чем обдумала. Рефлекс и опыт стаи, подсказывающей, что колени и глаза – слабые точки и нам ни в коем случае нельзя допустить крепкого захвата. Согнувшись, Крокодил взметнула руку, целя мне под подбородок. Отпрыгнув, я перехватила ее за запястье, обжигаясь о три браслета поверх напульсника, и потянула на себя с подсказки огромного волка, вышедшего на первый план как древнейший и опаснейший в нашем роду.

Крик Ирки больно резанул уши, я отправила Алену в просвет голых деревьев и, обернувшись, увидела подругу падающей на одно колено. Обе руки Павла были направлены на нее в уже знакомом приеме.

– Что, только травоядные по силам? – крикнула я, подбегая и толкая его в спину, прочь от Ругаловой.

– Не лезь! – рявкнул он мне, и карие глаза парня потемнели на несколько тонов.

– Крокодилу своему командуй, понял?

Меня атаковали с двух сторон. Со спины приближалась Алена, крича что-то угрожающее, а от Павла надвигалось нечто темное, холодное, похожее на сеть... Я попыталась выставить барьер, как учил Яблонев, но мне не хватало времени и сосредоточенности...

Ситуация изменилась в одно мгновение. На ментальное поле ворвалась черная как смоль пантера, набрасываясь на крокодила, а

фиолетовая волна разрезала сеть до того, как та добралась до меня. Знакомое тепло, охватившее тело, и ветерок, ласково прошедшийся по макушке мягким крылом, подтверждали, что энергия, отогнавшая гиену, принадлежала вовсе не Праховой.

Недоверчиво оглянувшись, я увидела прикуривающую Варвару, краем глаза наблюдающую за Сашей и Аленой, и стоявшего рядом с ней Влада, вытянувшего правую руку в мою сторону. Позвонив Мирковой, я не догадалась уточнить, кто входил в понятие «мы», подумав, что она говорила о себе и Варе.

Выглядел Яблонев еще бледнее, чем обычно, под глазами наметились синяки, в серых глазах разразилась снежная буря, надвигающаяся на Павла, и то, *как* мой практикующий смотрел на него... Очередная вспышка нашей связи, вызванная сильными эмоциями Влада, помогла понять, что это такое, не тратясь на догадки. На короткое время я как будто посмотрела на Павла глазами темного, чувствуя с ним одно и то же.

Мы не просто презирали стоявшего перед нами. Мы его ненавидели. Мы чувствовали себя преданными. От одного его имени сводило зубы и руки сжимались в кулаки. А теперь эта... мразь смела нападать на наше. Оскорблять наше. Открывать свой поганый рот и выглядеть так, словно ничего не произошло ни *тогда*, ни сейчас.

— Не слишком ли много драмы на одном месте, Князь? — осклабился Павел, когда рядом с ним встала солидно потрепанная Алена, держа в руке измазанную в грязи кепку.

— Агата, — спокойно позвал Яблонев, как всегда, удивляя своей способностью выглядеть и звучать невозмутимо, когда внутри все клокочет от злости.

Не спеша поворачиваться к недругам спиной, я покосилась на Ирку и Миркову. Пантера насмешливо улыбалась парочке, наполовину закрывая Ругалову, и я отошла к Владу и Варваре, брезгливо кривившей губы в сторону Павла. Встав чуть в стороне от Яблонева, я скрестила руки на груди, ожидая, что будет дальше.

— Что тут произошло, кроме очевидного? — поинтересовалась Варвара, посмотрев на нас с Иркой.

— Падальщик обвинил Березина в воровстве, — ответила я. — Какая-то Марина там у него никогда не ошибается.

– «Какая-то Марина», – передразнил меня Павел. – Что, дворняжка, ни сном ни духом? – Он посмотрел на Влада: – Как это ты не поплакался?

Отлично. Чего еще я, черт возьми, не знаю!? Легче перечислить то, что знаю. Злость, появившаяся в субботу и накапливавшаяся до сих пор, выбралась наружу, как гной из лопнувшей мозоли. Все мое воскресное лежание, утренняя пара физкультуры, бег к Ирке и столкновение с Аленой и Павлом не помогли сбросить даже часть этой подгребающей под себя агрессии. Возможно, связано это было с тем, что я защищала, а не нападала.

Стая, только-только затихшая и даже почти убежавшая прочь, вернулась с торжествующим воем. Слюней во рту стало слишком много, десны зудели, горло щекотал зарождающийся рык. Опустив голову, я уставилась на асфальт под ногами, видя не его, а знакомую проселочную дорогу, утопанную собачьими лапами.

– Ух ты. Яблонева, она у тебя привитая? – поинтересовался Павел, и это был последнее, что я услышала, прежде чем граница между реальным и ментальным окончательно стерлась.

Колющий ветер жестоко трепал траву и поднимал пыль на дороге в резко потемневшее небо, засверкавшее звездами. Внутри меня наступило самое благодатное время для любого хищника. Наступила ночь.

Волкодавы, дикие псы, огромный мастиф, изящная борзая и коренастый ротвейлер, свирепый волк и мощный алабай, овчарки всех пород и мастей и крупные терьеры, серьезная сторожевая и азартная хаски, гордая акитаину и сосредоточенный доберман... Их горячее дыхание и родные запахи трепетали на самом кончике носа. Вокруг не было никого, кто не смог бы одним укусом переломить кость или распороть кожу точным ударом клыка.

Они делали это за десятилетия, а некоторые и за столетия до моего рождения. Возможно, когда-нибудь я стану одной из них, растворюсь в стае семьи, чтобы помогать, подбадривать и защищать уже кого-то другого, но пока... Я была вожаком, и я вела эту охоту.

Земля задрожала под нашими лапами, темноту заполнило предупреждающее утробное рычание, советующее всем, кто нас слышал и чувствовал, забиться поглубже в норы. Нас встретил крокодил, но не он был нашей целью. Впрочем, мы были едины в

аксиоме, что укусить можно каждого, да и кости крошатся у всех одинаково.

И мы укусили. Обрушились когтистыми лапами на глаза, прошлись по хребту, подпрыгнули, избегая хвоста, ударили единой силой в нос и обошли его, готовясь к первому и последнему прыжку на того, кто посмел оскорбить нас и наше.

Гиена взвыла, распушив шерсть. Припав на свои передние, слишком хрупкие для нас лапы, она обнажила пасть в оскале. Волкодавы и волк ответили хриплым лающим смехом, передавшимся и мне. Прижав грудь к земле, впиваясь в нее когтями, мы приготовились к финальному рывку к горлу. Если бы не это раздражающее карканье в вышине...

– АГАТА.

Не крик и не просьба. Зов, отдающийся эхом в ушах, отрезвляющий, тянущий назад, обдающий холодным дождем. Темнота, дорога, поле и стая развеялись дымкой, и я обнаружила себя стоящей перед Павлом, позади поднимающейся Алены. Бег до них, драку с фамильяром, на которую намекали ноющие костяшки пальцев, я не помнила. Нижняя губа пульсировала, похоже, какой-то замах девушки я все же пропустила... Проследив за своей рукой, я поняла, что она почти касается горла ведьмака, и в его карих глазах больше нет насмешки и желания уязвить. Лишь опаска и недоверие.

– Еще раз назовешь дворянгой, и Влад меня не остановит.

– Учту, – и глазом не моргнул Павел.

– Узнаю, что ты или твой фамильяр снова полезли к Ирке, а я это точно узнаю, потом не жалуйся.

– Князь подписывается под этими словами? – выглянул из-за меня ведьмак.

– С большим удовольствием, – ровно ответил Яблонев. – Это преимущество круга и дружбы. То есть вещей, о которых ты понятия не имеешь.

– Я всего лишь предоставил выбор, – осклабился Паша. – Проблема в том, что ты сам это знаешь, не так ли?

– Ты меня утомляешь, – вмешалась Варвара. – Что, по-твоему, украл у тебя Леша? И как он мог это сделать, если вы не пересекаетесь?

– Некоторые вещи негде хранить и неоткуда красть. Догадайся сама, – ответил ведьмак, когда я вернулась на прежнюю позицию, не встречаясь с Яблоневым глазами.

– Самоучка, – закатила глаза Прахова. – Светлый целитель не способен откачать темную энергию практикующего, даже если очень захочет. Даже если ему это, в чем я до бесконечности сомневаюсь, очень нужно.

– Мы все знаем, что Марина не ошибается на прямой от А до Б.

– Да-да, две самоучки, это, конечно, истина в последней инстанции, куда уж нам с нашими семнадцатью коленами темных практикующих до вас, – покивала Варвара, растянув губы в стервозной улыбочке. – Правда, Влад?

– Неоспоримая, – поддержал ее Яблонев, наблюдая за Павлом.

– Я хочу увидеть Березина и обыскать его квартиру.

– Перебьешься, – отрезала Ругалова.

– Обратись к Захаровой, если наберешься смелости, – добавила Варвара. – И Мариночку приводи, а то я начинаю забывать, как настоящие суки выглядят.

– Обращусь, не сомневайся, кош...

– Выбирай слова, – перебила его Саша. – Например, «до свидания».

– Уход по-английски нас тоже устроит. – Варя пробежалась пальчиками по плечу Пантеры, будто успокаивая.

Переглянувшись между собой, Павел и Алена повернулись и ушли по тропинке через парк, больше не оборачиваясь. То ли наконец-то поняли, что ловить им здесь нечего, то ли практикующий и впрямь не нашелся что сказать.

– Рвань подзаборная, – фыркнула Варвара, когда они скрылись из виду. – Знаний на полпальца, а строит из себя... Мне Березину позвонить? – спросила она Влада, пока мы с Ирккой поднимали свои сумки со скамейки.

– Да. Ирку надо...

– Да-да. Лошадка? Пойдем, мы тебя с Сашкой сопроводим до Катерины. Саш, позвони Мише, может, он где-то по городу на машине.

– Сейчас. – Саша достала телефон.

– Спасибо, что помогла, – тихо обратилась я к Пантере.

– Пустяки, – отмахнулась Миркова. – Мне только в радость. Извини, что не успела предупредить. – Она покосилась на Влада, что-то тихо обсуждающего с Праховой.

– Ничего страшного, – сглотнула я, внезапно осознав, что кошачий тандем сейчас уведет Ирку и мы останемся один на один. – Справлюсь. Ир, ты как?

– Немного шатает, – признала Ругалова. – Хорошо, что ты была рядом, то... что он делал... Леша будет в бешенстве, не знаю, чем вообще все это закончится...

– Саш, Ир, все, идем к проспекту. Агата, до встречи, – крутанувшись на каблуках, ведьма направилась в сторону центральной аллеи, и фамильяры, попрощавшись (Ирка пообещала позвонить вечером), покинули аллею.

Все ранее случившееся здесь было ничем по градусу напряжения в сравнении с молчанием между мной и Владом. Сжав руки, я заставила себя опуститься на лавку, потому что бегство сейчас было бы детским поступком. Хотелось побыть ребенком, но ответы и правда интересовали сильнее. Миркова советовала выслушать Яблонева, и я решила покончить с этим, как с вывихом. Вправить быстро и болезненно, ради самой себя. Еще один пустой день мучительных догадок, переживаний и риторических вопросов не приведет ни к чему, кроме хронической усталости.

Влад медленно подошел и сел с другого края.

– Как ты? – чуть выждав, наверняка убеждаясь, что я не собираюсь рвануть куда подальше, проронил Яблонев.

В голове всплыла та же цепочка фактов, что и после вопроса Дениса этим утром. В целом, ничего не поменялось, разве что добавились требования Павла и Алены, сути которых я совершенно не понимала.

Влад тяжело вздохнул:

– Я могу посмотреть твой напульсник?

Не говоря ни слова, я отцепила вещь от руки и бросила между нами. Подняв браслет, Влад зажал его между ладонями и согнулся, опираясь локтями о колени. Наверное, заряжал или восстанавливал после атаки Паши, которую сам же помог отразить.

– Держи. – Ведьмак положил его на то же место, где я оставила.

Покосившись на парня, я подняла напульсник и вернула на запястье, чувствуя тепло и легкое покалывание. В любой другой день, до прошлых выходных, вопросы посыпались бы из меня, как сахар из порванного пакета, но сейчас... Я не могла выдавить ни слова.

Остаток субботы, воскресенье, даже сегодня утром я думала, что скажу Владу. Вариантов речей было так много, один казался круче другого: от обвинений и ультиматумов до эмоциональных «почему?» и «зачем?». Теперь все они казались пустыми, недотягивающими до настоящего и не передающими и нескольких процентов того, что я думала.

– Нужно поговорить.

Предстоящий разговор обещал быть одним из самых трудных в моей жизни, оставляя далеко позади все ссоры с близкими. Я знала, что он может поставить точку в присутствии Влада в моей жизни, и все же кивнула. Правда, какая бы она ни была, всегда лучше иллюзии.

Глава 24

Признав необходимость разговора, мы продолжили молчать. Скорее всего, Влад ожидал моих вопросов, но, опасаясь скатиться во что-нибудь обидчиво-слезливое, я не собиралась нарушать тишину первой. Хотелось оставаться спокойной и сдержанной так долго, как это будет возможно. Слишком хорошо себя зная, я не ставила на совпадение ожидания с реальностью.

– Ты сможешь меня простить?

Хороший вопрос. По-настоящему сложный и невероятно всеохватывающий. Я искренне сомневалась, что Яблонев вообще понимает, за что должен извиняться. Проблема была куда глубже и объемнее, и суббота всего лишь служила ее подтверждением. Огромным восклицательным знаком, требующим обратить внимание на нарушение того самого принципа честности, словами о котором Влад привык расшвыриваться направо и налево. Между нами не было ни доверия, ни правды. Лишь сверхъестественная связь с секретами на обоих концах, мои пустые ожидания и его избирательная честность.

– Ты ничего не сделал и не объяснил, чтобы я могла ответить на этот вопрос, – медленно, взвешивая каждое слово, ответила я. – Я готова тебя выслушать и попытаться понять.

– Хорошо, – кивнул Влад, откинувшись на спинку и сцепив руки на животе. – Для того чтобы объяснить субботу, мне придется начать с самого начала.

– Время у меня есть.

– Дело не в твоём времени, а во мне самом. Когда ты все узнаешь, то вряд ли захочешь продолжить наше общение. Каждый день, с тех пор как мы познакомились, я говорил себе, что обязан сказать, но... Чем больше я узнавал тебя, чем дольше ты была рядом, тем яснее я понимал, что не хочу терять эту связь и... тебя. Отодвигал разговор все дальше и дальше, позже убедил, что он и вовсе не требуется, пока ты...

– Не увидела Карину, – подсказала я, когда пауза затянулась.

– Карина – это последнее, о чем стоит беспокоиться. Она ничего не значит для меня. Ничего важного, – поморщился Влад. – И она об

этом знает.

– Она не твоя девушка? – не удержала я язык за зубами, мгновением позже прикусывая его, чтобы впредь неповадно было.

– У меня нет девушки, – покосился на меня Влад. – У меня есть фамилльяр и друг, чье общество я предпочитаю любому другому, и есть знакомая, утоляющая некоторые мои физиологические потребности.

– Звучит по-скотски, – устала я на практикующего, ожидая рассказ о длительных отношениях и, может быть, романтическую историю, а не это «фу». – Это подло... так говорить о девушке!

– Никакой подлости, – закатил глаза Влад. – Это факт, понятный и мне, и Карине. Взаимовыгодное соглашение, если тебе так больше нравится.

Мне это никак не нравилось. Начиная от «вообще» и заканчивая «совсем».

– И какая выгода ей?

– Та же самая, что и мне. Гашение потребности в близком контакте с физически здоровым партнером, не претендующим на что-то большее, – чуть помедлив, наверняка обдумывая культурную формулировку, ответил Яблонев.

Тяжело вздохнув, он достал сигареты и закурил. Кажется, мой скептически-ошарашенный взгляд его ничуть не тревожил. Снова ведьмак заговорил только после четвертой затяжки:

– Если бы я знал, что мама решится проверить все это, да еще и так, я бы нашел в себе силы объяснить тебе все раньше.

– При чем здесь Тамара?

– О боги. Ты не видишь странности в том, что мама уезжает на неделю к бабушке и, зная, что в пятницу ко мне приедет Карина, просит тебя зайти в субботу с утра? – приподнял бровь темный.

Вывод очевиден, но винить Тому за такое вмешательство я не смела. Наверняка она говорила Владу не тянуть с этой его тайной, к которой он даже сейчас не хочет подступаться. Видя, что сын не очень-то торопится открывать все карты, и зная, как я к нему отношусь, ведьма встала на мою сторону. Почти что ткнула носом и сдернула розовые очки.

– Неважно, – отрезала я, найдя за что зацепиться в предыдущем, непонятном мне объяснении, не проясняющем ничего, кроме бесчувственной практичности Яблонева. У всего же должны быть цель

и причина? Тем более когда речь идет о практикующих. – В чем проблема вступить в нормальные отношения?

Влад покачал головой, отправляя окурок в урну.

– Она есть, и объяснить ее... Одно цепляется за другое, что, в принципе, никогда не должно было меня удивлять. Уж точно не меня, – пробормотал он себе под нос. – Ты почувствовала, как я реагирую на Павла, верно?

– Да, – не стала я отрицать, не особо понимая, как это мы перескочили на конфликт с практикующим. Значило ли это, что вражда с Гиеной и тайна Яблонева одно и то же или, по крайней мере, связаны? Интуиция зажглась зеленым, подтверждая догадку.

– Он был моим лучшим другом с девятого класса. То есть с того момента, как перевелся в мою школу, – начал Влад, отчего мои глаза немного округлились. То, что я наблюдала ранее, никак не сочеталось с понятием «лучшие друзья». – Я сразу понял, что он не такой, как все, обладает талантом, умеет интуитивно его применять, но совершенно не обучен и без поддержки рода в том смысле, что в своей семье – он первый, кто родился со способностью к видению и воздействию. Варвара сегодня назвала его самоучкой, и это правда лишь отчасти. Первые шаги в мире практикующих ему помог сделать я. Я же обучил его некоторым ритуалам, принципам работы и вложил в голову огромное количество теории. Все было хорошо. – Влад достал еще одну сигарету. – Мы окончили школу, поступили в разные институты, но продолжали плотно и тесно общаться. Бывали дни, когда мы просто запирались у меня дома и... экспериментировали с нашими возможностями. Постепенно количество знакомых практикующих увеличивалось. Подтянулся Лешка (он учился на год младше нас), в город переехала Варвара, тут же нашедшая Сашку, нас почувствовала Захарова, Березин нашел Катю, все завертелось, и мы стали странной разношерстной компанией, интересно и весело проводящей время друг с другом. – Устав вертеть сигарету между пальцами, Влад закурил. – Я говорил тебе о видах практикующих. Кроме практикующих и фамильяров, есть еще несколько специальностей, работающих с энергиями и пространством. Одна из них – проводник. Человек, способный проследить путь от одной точки до другой на любом из уровней восприятия, пройти кратчайшей дорогой из пункта А в пункт Б, чем бы они ни были и на каком бы расстоянии ни находились друг

от друга. Мир живых, мертвых, ментальный поиск – значения не имеет. В головах проводников словно карта, навигатор. – Начиная о чем-то догадываться, я закусила губу, оставляя все версии при себе. Сейчас не тот момент, чтобы перебивать. – Мне было девятнадцать, когда я встретил Марину.

Вот че-е-ерт.

– Ту самую, которая не ошибается, – сглотнула я, пытаюсь отогнать подкрадывающуюся к горлу тошноту.

– Да, – кивок Яблонева, по-настоящему птичий, резкий и короткий, словно его вообще не было, сказал мне больше, чем слова. Ведьмак, прежде никогда не отказывающийся смотреть в глаза и выходящий победителем из любой зрительной дуэли, сейчас прожигал взглядом асфальт. – Она... не знала, кто она такая. Способность перешла к ней от бабушки, но та умерла, когда Марине было три года, и не успела ничему ее научить. Я... пояснил Марине, почему она никогда не может заблудиться, где бы ни находилась, и всегда находит нужные ей вещи, знания и людей независимо от ситуации. Пару прогулок и бесед спустя она стала моей девушкой, и мы встречались три года. Я познакомил ее с остальными, ребята тепло приняли ее, особенно Паша. Шутил, что раз фамильяра мне не дано, то хотя бы проводник ситуацию выровняет. – Яблонев завертел в руке следующую сигарету. – Мы практически не расставались. Я собирался сделать Марине предложение и очень долго это обдумывал, а потом... Удивительно, но я со своей злопамятностью плохо помню, как начался тот день. До дня рождения оставалась неделя, а в такой пограничный период все мы неосознанно чувствуем немного больше и видим немного дальше. Это силы готовятся к возрастному скачку или началу нового цикла. Я почувствовал и ее, и Пашу, и то, что между ними происходит, и то, что это далеко не впервые, но себе, конечно, не поверил. – Влад сломал сигарету пополам. – Мы всегда прикрываемся недоверием к себе, когда сталкиваемся с правдой, заметила?

– Знакомо, – осторожно признала я. – Что ты сделал?

Я не спрашивала, что случилось. Если я что и вызубрила за эти несколько месяцев, так это то, что мы, темные, всегда действуем. Так, как считаем нужным. Без промедлений и остановок «на подумать». Взять хотя бы мой сегодняшний бег к Ирке на помощь и готовность драться еще раньше, чем возникла необходимость.

– Решил проверить себя, поехал к Паше. Все было ясно еще во дворе его дома, но я отмахнулся и от этого. И от буйства красок в подъезде, от покалывания ее тепла на втором этаже, от ярких картинок из недавнего прошлого на третьем... Я просто позвонил в дверь. – Влад усмехнулся. – Они думали – доставка пиццы. Помню, меня удивила легкость, с какой Паша открыл дверь. Потом-то я понял, что он ожидал увидеть на пороге кого угодно, кроме меня. Так давно это проворачивали, успешно скрывали, что стали неосмотрительными и самоуверенными. Все было настолько очевидно и прозрачно, что что-то внутри меня сдалось и признало факт. Дальше последовало объяснение из серии «ты все не так понял, мы обдумывали тебе подарок на день рождения». Голяком и друг на друге. О лучшем подарке и мечтать было нельзя. Забавно, да?

– Нет, – тихо уронила я, ежась от тона вопроса и острого сарказма, направленного парнем на самого себя. – Это... ужасно. Мне...

– Не смей. – Яблонев выставил указательный палец, обрывая на полуслове. – Не надо принимать сторону, не зная финала. Думаешь, для меня была загвоздка рассказать тебе именно это? – Князь снова усмехнулся, отворачиваясь. – Ранее я объяснял, почему практикующие не особо скоры на негативные слово или эмоцию. Так вот: в тот момент я их не сдерживал. Даже не пытался. Все, что я почувствовал, перешагнув порог, послужило бомбой, которую я запустил в них. Разумеется, ослепленный и оглушенный собственными эмоциями, я не удосужился посмотреть еще дальше, увидеть важное... – Голос практикующего становился все тише с каждым словом, пока вовсе не исчез в порыве ветра.

– Я не понимаю, – признала я чуть погодя.

Час назад Павел выглядел вполне себе живым и здоровым. Марина, судя по его словам, тоже была в норме. За что бы ни винил себя Влад, это точно не похоже на случай с его отцом.

Яблонев покивал, тяжело вздохнул, достал еще одну сигарету и, впервые за этот разговор, посмотрел прямо мне в глаза:

– Понимать тут особо ничего и не требуется. Марина была беременна, но вот пришел я, и, – Яблонев щелкнул пальцами, – перестала.

Я почти сразу же закрыла рот, не дав ему толком открыться. Язык обрезался о верхний клык, и лишь это доказывало, что челюсть все

еще при мне. Напрашивающийся вопрос был настолько очевидным, что не требовал озвучивания.

Затянувшись, Яблонеv покачал головой:

– Нет, не от меня. В самом начале знакомства она попросила никогда не лезть ей в голову. Я сдержал слово. Может быть, нарушь я его, до такого бы не дошло, остановившись на банальном расставании. Марина попала в больницу. Через три дня Пашу настигла черная полоса, выпутаться из которой он смог только месяцы спустя не без помощи Алены и Марины. Я узнал, когда это случилось. – Влад снова поймал мой взгляд. – Прежде чем ты скажешь что-то в мою защиту, я должен признаться, что даже это знание тогда меня бы не остановило. Я хотел сделать как можно больнее, и я сделал. Сожаление пришло позже, только жаль мне было не Марину.

Захотелось подтянуть коленки к груди и, обняв их, по-детски сказать: «Я в домике». Однако мы не играли. Не в силах сидеть, я прошлась перед лавкой, скрестив руки на груди, думая, что сказать, стараясь понять, имею ли право вообще осуждать и обсуждать его поступок.

– Ты любил ее и хотел, чтобы она стала твоей семьей, – начала я, остановившись прямо перед Яблоневым. Мысли о его разбитом сердце причиняли почти физическую боль, злили, и я не была уверена, что дело только в фамилльярстве. – Они предали тебя. Спустили в трубу все твое хорошее отношение, растоптали дружбу, доверие и еще миллион вещей, которые ты для них сделал. Они могли начать отношения не за твоей спиной. Могли все тебе рассказать. Могли решить это менее болезненно, без подлости, обмана и... Как она вообще могла встречаться и с тобой, и с Павлом и при этом не видеть в этом ничего странного? – Сдавшись, я всплеснула рукой, не сумев удержать планку на спокойствии.

– Ей было так удобно. Лисы – весьма практичные создания. А ты снова меня оправдываешь, хотя уже должна была понять, что я не белый и не пушистый.

Отлично, Марина – лиса. Первое: ей лучше никогда не попадаться мне на глаза. Второе: возможно, я способна перегрызть глотку в прямом смысле. Третье: меня должно это пугать, но страха нет. Только десны чесались, а сочувствия к ее потере все никак не наскребалось.

– Да не оправдываю я тебя! Я верю, что виноват всегда тот, кто начал первый. На обмане и чужих страданиях счастье не строится! Боги, да тебе же до сих пор больно смотреть на Павла, думать о ней и о них... Ты же понимаешь, что я и это почувствовала? То, что я злюсь и обижена, не значит, что мне все равно, когда тебе плохо.

– Значит, самое время выслушать окончание истории, как раз отвечающее на вопрос, в чем проблема вступить в нормальные отношения.

– Есть еще что-то, кроме отвратительного опыта продолжительных отношений, где тебя использовали? – недоверчиво приподняла я бровь, успев собрать более-менее понятную картину из уже имевшихся деталей.

Яблонев кивнул на лавку, и, на этот раз, я опустилась рядом с ним. Вся злость на Князя выплеснулась на Пашу, а ее остатки разлетелись по ветру, следом за историей ведьмака. Обида все еще присутствовала, но только что сделала темному огромную скидку и уже не жгла так сильно.

– После того случая я... забросил все. Я привык находить ответы на самые сложные чужие вопросы, загребать правду ложками и кормить ею окружающих, порой вопреки их желанию, а на свои не смог. Десятки моих «почему» разбивались об их «потому что». Я лишился человека, которого любил и который говорил, что любит меня. Лишился друга, с которым, мне казалось, мы будем идти плечом к плечу до самого конца. Мне только казалось, а жизнь все показала. – Влад поставил локти на колени, опершись подбородком на замок из пальцев. – Я понял, что одиночество – самый безопасный путь. Дорога, на которой никто не поднимет камень и не бросит в тебя, потому что вокруг никого нет. Только ты сам. Потребовалось чуть больше года, чтобы любое напоминание о Павле и Марине не становилось очередным ковырянием в ране. И я решил обезопасить себя, чтобы больше никогда не наступать на эти же грабли, не чувствовать подобного, не собирать себя по кускам с помощью близких людей. Предыдущего опыта мне хватит на всю жизнь.

– Обезопасить? – непонимающе переспросила я, сомневаясь в существовании контрацептивов от подлых, лживых, двуличных... Prrr!

– Да. Не доверяя собственной силе воли и помня о том, как часто всех нас поджидают особые моменты слабости, я обратился к

Захаровой, зная, что мне понадобится серьезная мотивация.

– Ты принес клятву, – выдавила я, догадавшись.

– Я принес клятву, – кивнул Влад. – Березин выступил свидетелем.

– И в чем она заключается? – Живот резко подвело, и, сморщившись, я согнулась, оказываясь на одном уровне с лицом ведьмака.

– В том, что больше я никогда не... столкнусь с подобным.

– То есть никого не полюбишь, – уточнила я, произнеся то слово, которое, очевидно, резало его слух или приравнивалось к страшному проклятию.

– Да.

– Что будет, если ты нарушишь клятву?

– Меня лишат чего-то очень ценного, на выбор высших сил. Здоровья, близкого человека, способностей. – Яблонев снова пожал плечами, в то время как я едва сдерживалась, чтобы не схватить его за них и не потрясти хорошенько.

– Значит... Получается, ты и я... – Я никак не могла составить предложение, не понимая, что конкретно хочу спросить или утвердить.

– Агата. Ты и я – ровно то, что я обозначил с самого начала, – оборвал Яблонев мои метания. – Я никогда не говорил и не обещал, что у нас будет... тот тип отношений, что у Леши с Ирой или у Кати с Мишей. Мне это недоступно, и я сразу постарался провести четкую границу.

Да он издевается. Моргнув, я поспешила притормозить его замечательно стартовавшее объяснение. Голову на отсечение, адвокат из Князя был бы что надо.

– Четкую границу? Можно узнать, четкая граница – это точное место укуса здесь, – я ткнула себя в ключицу, – или она где-то между расстегиванием моей блузки и твоими руками в задних карманах моих джинсов?

Нахмурившись, Влад согласно кивнул:

– Я признаю, что некоторые моменты, вызванные потребностями твоей сущности...

– Даже не думай все сваливать на мою сущность! – вспыхнула я, ушам не веря. Потрясающая лазейка, если не брать в расчет, что

произошедшее тогда под лестницей было не только моей «потребностью». Весьма ощутимой, напористой и более чем активной.

– Не могу, – с нажимом произнес Влад, заглядывая мне в глаза, безмолвно прося что-то понять. – Пока это касается твоей сущности и нашей связи... нет и намека на какое-либо нарушение.

Проще говоря, практикующий пытался усидеть сразу на двух стульях. Придерживаться собственной клятвы и не испытывать ко мне ничего, что могло ее нарушить и в то же время обеспечивать меня всем содержащимся в ментальной корзине потребителя у фамильяра. Осталось только понять процентное соотношение искренности к манипуляции.

– Удобно, – отметила я. – А тебе не приходило в голову, что, скажи ты все сразу, таких «моментов» не возникло бы вовсе? Я в жизни не осталась бы у тебя на ночевку и не...

– ...стала бы моим фамильяром вообще, – закончил Влад. – Приходило. Не представляешь себе, как часто.

– С чего ты решил, что не стала бы?

– Иронично, что я назвал тебе причину в тот самый вечер, когда ты согласилась. Мы с тобой очень похожи во многих вещах, и эта не исключение.

Отвернувшись, я снова поднялась на ноги. Стоя принимать удар всегда легче, это я знала точно. Как и весь букет причин, почему подписалась на мистическую связь с практикующим.

Я сказала Ирке, что стала фамильяром ради себя, и это было правдой. Частичной. Еще одна ее доля отводилась под жажду приключений и перемен. С предыдущим вариантом сосуществовало искреннее желание помочь Владу.

И весь этот список едва мог сравниться с боязнью, что ведьмак прекратит общение и исчезнет, словно его никогда и не было. Я назвала это шантажом, но, получается, сама думала так же, хотя в другом ключе. Согласившись, я надеялась, что со временем преодолею барьер, выставленный Яблоневым, и мы сможем попробовать быть друг другу чем-то бóльшим. Оказалось, что это вовсе не барьер, а крепость без окон и дверей. Сказала бы я «да», знай, что нет и тени надежды на то, что этот парень когда-нибудь посмотрит на меня по-другому? С моей вспыльчивостью, азартом и волей к победе встречаться с «проигрышем» лицом к лицу каждый день? Ни за что.

Я выставила бы его за дверь и постаралась бы забыть как можно скорее. Тогда это еще было возможно. Тогда он еще не укоренился в моей жизни настолько прочно, поселившись в каждом ее дне и мелькая через мысль.

– Ты сможешь меня простить? – повторился Влад, когда я прервала свое хождение от края до края скамьи, пытаюсь сдержаться, но его выбор слов... все равно что кнут, подстегнувший на самое худшее.

– За что? За ложную надежду, за шантаж, сделавший меня твоим фамильяром, за бесконечную мысль, какая я дура, за то, как ты лихо заткнул рот Ирке, прикрывшись заботой обо мне, за эгоизм, недоверие и двуличность?

– Не все так, – покачал Яблонев головой. – Настаивая на клятве Ругаловой, я меньше всего думал о собственной выгоде. Для меня это было побочным эффектом. В первую очередь меня заботило твое состояние, и я постарался убрать источник твоих слез. Агата, ты не дура.

– Еще какая, – огрызнулась я, промолчав, что собираюсь быть ею и дальше. Мне не хватало одной детали, и, пусть я почти догадывалась, какая она, услышать это нужно было от Влада. Требовалась точка, разрушительный таран, отрезвление от губительных фантазий, паразитирующих на все еще цепляющейся за меня надежде. – Ты настаиваешь на невозможности отношений только из-за клятвы или из-за того, что не хочешь их?

– Клятву можно отозвать по прошествии определенного цикла, но не...

– Твою трусость, – жестко закончила я, получив то, что хотела.

– Агата...

– Нет, – выставила я руку. Моя очередь. – Как и обещала, я тебя выслушала и попыталась понять. И, думаю, поняла. Однажды тебе сделали очень больно, но вот тебе свежее откровение: ты не единственный на всем белом свете, кто столкнулся с подобным. Девушка и лучший друг, черт возьми, это клише, о котором сняты десятки фильмов и написано вдвое больше песен! Такое случается сплошь и рядом, и люди перебарывают это, не опускают руки и не бегут за «мотивацией» капать кровью на камень, потому что верят, что рано или поздно найдут то, ради чего поднимали себя и шли дальше. А

ты, разбив нос о первую дверь, закрылся в клетке одиночества, успокаивая себя тем, что это свободная дорога, где не от кого ждать подвоха. И, между нами, ты сам не знаешь, чего хочешь. Если ты не хочешь отношений, то что здесь делаю я? По-твоему, дружба не способна ранить? Да каждый третий твой прием доказывает, что покалечить может все, что угодно!

– Я знаю, чего я хочу, – в серых глазах полыхнул темный огонь, подтверждающий, что я его задела. Что ж, не только ему кормить всех правдой с ложечки. – Я хочу, чтобы ты простила меня и осталась моим другом и фамильяром, если это возможно, и я не опротивел тебе так, как самому себе.

– Ты мне не противен, – выдохнула я, опустившись рядом. – И я не могу просто так взять и перестать быть твоим другом или фамильяром. Я тебе не какая-то там гиена или лиса.

– Ты... остаешься со мной? – недоверчиво протянул Яблонев.

– Ты правда удивлен?

– Я думал, ты возьмешь еще одну продолжительную паузу, чтобы помучить меня как следует, – все еще сомневаясь, признал ведьмак.

– Наверное, стоило бы, но я соскучилась по Кельту.

– По Кельту?

– Ну а по кому еще? – закатила я глаза, и мы одинаково усмехнулись.

– Я не хотел, чтобы все вышло так, – признал Влад, когда молчание между нами стало почти уютным. – Спасибо... за понимание.

– То, что я тебя поняла, не значит, что я это одобряю. И мы должны пересмотреть некоторые вещи, чтобы упростить то, что ты успел усложнить.

– Например? – Яблонев сел прямо, впившись в меня настороженным взглядом.

– Никаких укусов. Никаких ночевков. Ничего, что твоя клятва посчитала бы нарушением, не будь я твоим фамильяром.

Не говоря уже о том, что эти нарушения делали со мной. Физически, психически и эмоционально. Больше я на это не подпишусь. Расставив все точки над «i», Влад поселил меня во френдзону навечно, и теперь, чтобы максимально быстро смириться с ней и прекратить выть на луну, я должна перекрыть подход для любой

возможности к чему-то другому. Только так я смогу оставаться рядом с Владом и не сойти с ума.

– Осмелюсь напомнить, что первое – твоя потребность, а второе – неизбежная необходимость для укрепления связи и обмена энергией, направленной на исцеление и сброс любого негатива.

Не похоже, что Яблонеvu понравилось мое предложение. Впрочем, как я успела заметить, ни одному практикующему не нравилось, когда условия ставил не он. Что ж, все когда-то бывает впервые.

– Подумаем, как избежать неизбежного. Я не хочу, чтобы еще раз мне хоть что-то «показалось». Уверена, ты прекрасно понимаешь почему.

Конечно, я могла продолжать всячески отталкивать уверенность в способностях ведьмака, но инстинкт самосохранения брал свое, подсказывая, что долгое отрицание – якорь, мешающий идти вперед. Если Тамара знала о моих чувствах, то Влад уж точно их видел. Признать значило погрузиться в смущение, стыд, неловкость и прочую эмоциональную неуклюжесть, но лучше так, чем обжигаться раз за разом.

– Я тебя понял, – кивнул Влад.

Вот бы и мне себя понимать. Утром я даже не собиралась видеться с темным как минимум до конца недели, а к середине дня уже простила и в очередной раз пошла навстречу. Это рок фамильяра или особые грабли на пружине, индивидуальные у каждой девушки?

– У меня есть еще вопросы, – ворчливо высказала я, проверяя телефон.

Ирка не звонила и не писала, зато было сообщение от Дениса, спрашивающего, в силе ли обсуждение моего «но» сегодня. Успев позабыть о планах с Хворостухиным, я поморщилась, соображая, смогу ли вынести еще одну прогулку.

– Кто бы сомневался, только не я. Спрашивай.

– Объясни, что тут произошло час назад. – Я обвела рукой аллею. – Только по-нормальному, а не по-вашему, таинственно-запутанному.

– Падальщик, как ты верно выразилась, решил проучить Березина, напав на его фамильяра и попытавшись передать несколько не особо приятных вещей по их связи.

– Это я поняла, – укоряюще посмотрела я на ведьмака. – Неясна причина этих нападков, и что будет дальше.

– А, ты об этом, – Влад склонил голову набок. – Иногда, для простоты и экономии времени, практикующие создают запас собственной энергии, который заключают в определенную вещь, получая что-то вроде батареек на крайний случай. До того, как появилась ты, я часто пользовался таким способом восстановления.

– И что, Паша считает, что Березин украл у него такую вещь?

– Не вещь, а накопленную в ней энергию. Чтобы ее присвоить, не обязательно забирать предмет. Достаточно найти удобное место неподалеку от того, где она хранится, и, применив несколько незатейливых манипуляций, перетянуть ее на себя или в собственный заготовленный сосуд.

– То есть, теоретически, Леша мог встать под его окнами и вытянуть заряд энергии сквозь стены, не видя предмета?

– Начнем с того, что Леша в принципе не мог сделать это, даже теоретически, – скривился Влад. – Как правильно указала Варя, светлomu целителю в жизни не понадобится темная энергия. Березин просто не сможет усвоить ее. Все равно что пытаться согреться льдом.

– Логично, – признала я, вспомнив, как сам Лешка, после коварного подклада от Алены, объяснял мне, что за помощью обратиться лучше к Владу. – Почему это непонятно Павлу?

– Думаю, он отказался подумать и прикинуть как следует, пойдя более простым путем и спросив у Марины, где его запас. Если кого и подозревать, то меня, Варвару или любого другого темного, но по какой-то неизвестной причине она остановилась на Березине, – пожал плечами Яблонев. – Сбой способностей или личный мотив.

– Зачем ей это? – нахмурилась я на второй причине.

– Зачем мы все что-то делаем? В конечном итоге причины всего две: чтобы что-то получить или что-то защитить.

Голос практикующего снова зазвучал так, как я привыкла. Уверено, спокойно и легко. На почве размышлений Влад всегда стоял твердо. Особенно когда они касались философских тем и жизненных закономерностей, а не его лично.

– И что будет дальше?

Влад пожал плечами, снова доставая пачку сигарет:

– Мирно никто не разойдется, это уже точно. Не тогда, когда Падальщик додумался напасть на фамильяра. На самом деле, у него сейчас только один вариант: доказать, что его претензия обоснованна. В противном случае, весь круг вправе выступить на стороне Березина и наказать чужака. – Яблонев сузил глаза, рассматривая тлеющий кончик сигареты. – Лично я не против приложить руку к чему-нибудь... карательному.

Поежившись оттого, как тихо, вкрадчиво и угрожающе это прозвучало, я подсела к ведьмаку поближе, почти соприкасаясь с ним ногами. Ладони гудели от желания взять парня за руку, как-то поддержать, утихомирить взбудораженное нашим разговором болезненное прошлое, и в то же время в голове словно щелкал метроном, а в каждую паузу втискивался отрывок из субботы.

Похоже, как и в самом начале нашего знакомства, когда балом правили стеснение, недоверие и подозрительность, я разделилась на три составляющие. Сущность (Герцогиня) хотела бежать к Владу без оглядки, ткнуться холодным носом в руку и вилять хвостом, пока он не улыбнется. Агата (студентка, соня и просто затворница) хотела уйти подальше, запрятаться среди подушек и пледа, поплакать под грустную музыку и, в общем-то, максимально соответствовать ситуации. Фамильяр же судорожно пыталась склеить всех обратно, в единое целое, напоминая о клятве, долге, роде и всем, чем могли аукнуться Владу наши противоречия. Коснувшись пореза на языке, я избавилась от картинки из серии «перетяни канат» и задала следующий вопрос:

– Как Паша что-то сможет доказать, когда мы все знаем, что Леша ни при чем?

Все-таки я не понимала, как самоучка может так уверенно обвинять целителя, опираясь только на чужие слова. Неужели его доверие к Марине настолько непоколебимо, что он игнорирует очевидный всем факт?

– По крайней мере, он попробует. Обратится к Захаровой и попросит разрешить спор. – Влад кивнул сам себе. – Насте придется обыскать квартиру Леша на предмет остаточной энергии Павла.

– Что будет, если она ее найдет? – подобралась я.

– Пашка потребует возмещения ущерба, а его сегодняшняя атака считается как само собой разумеющееся. – Яблонев сузил глаза. –

Что бы я сам попросил в качестве извинения у Березина? – Покосившись на меня, на самом деле *сквозь* меня, ведьмак поморщился. – Услугу.

– Какую?

– Неважно. Жизнь долгая, а проблемы никогда не переводятся. Кстати, о проблемах. Не делай этого.

Уставившись на Князя в ожидании продолжения, я покрутила кистью, когда его так и не последовало. Иногда Влад забывает, что мысли среди нас двоих читает только он, о чем я жалела с выходных. Что-то подсказывает, это сожаление будет посещать меня все чаще и чаще.

– Не отказывайся от укусов. Игнорируя собственную потребность, ты ослабишь себя.

Цепочка от удивления до возмущения прогорела, как фитиль на динамите моего терпения. Дыхание перехватило, и, прежде чем я смогла что-то сказать, самые худшие версии уже прокрутились в голове и были отброшены прочь. Включая нелестную характеристику Яблонева в частности и его самоуверенного предостережения в целом.

Где-то глубоко, под пониманием, возникшим после нашего разговора, сочувствием, обидой, недовольством и раздражением, на самом дне, прятался сундучок. Скорее даже шкатулка, персональный ящик Пандоры, но не с раздорами, бедствиями и болезнями. В моей шкатулке лежал кусок правды под жгучим соусом ревности, и только что, покинув ее, он окончательно встал мне поперек горла.

Я *знала*, что нравлюсь Владу. Можно бесконечно спихивать все на сущности, магнитные бури, полнолуния и прочие метафизические выкрутасы, но истина была не просто где-то рядом, а на прямой между мной и ведьмаком. Заключалась она в том, что укусы нравятся ему ничуть не меньше, чем мне, как и прогулки за руки, объятия в кровати и еще миллион различных прикосновений, шуток, намеков и взглядов, удачно замаскированных под связь фамильяра и практикующего. Отчасти это она и была, но все же со стороны мы больше напоминали пару.

Настолько, что Яблонев испугался за сохранность собственной клятвы и резко сдал назад, заслонившись Кариной, как хреновым щитом. Казалось бы, мы только что разобрались, но этого темному было мало. Едва я попыталась прочертить хоть какие-то границы, как

ведьмак взялся за дурацкие увертки, в очередной раз прикрываясь заботой обо мне, лишь бы самому не остаться в минусе!

— За чью потребность ты волнуешься больше: свою или мою? — едко спросила я, в последний момент справившись с собой, не повысив голоса и придерживав на языке все запальчивые и пафосные фразы, пришедшие со страниц романов.

— Я не волнуюсь, — помрачнел Влад, вряд ли ожидая отпора. — Предупреждаю, как будет.

— Я думаю, ты неправильно понял, — высказала я, обращаясь к носкам своих кед. — Говоря «никаких укусов», я имела в виду от тебя. Ты же не думаешь, что ты единственный, кто может мне помочь с этим?

— Ты... — Надо же, кто-то сбит с толку. Прямо как я, увидев девушку в его майке на его кухне. — Я так понимаю, у тебя уже есть какая-то кандидатура на примете? — ровно спросил Влад. Слишком вежливо и спокойно, чтобы я могла этому поверить.

— Какая разница?

— Для меня, связанного с тобой эмоционально двадцать четыре часа в сутки? Огромная.

— Хватит, — выдохнула я. — Мы оба знаем, что происходит. Ты хорошо устроился, начиная все со мной, а заканчивая с Кариной. Я самоисключаюсь из этой цепочки. Хочешь друга и фамильяра — ты его получишь, но не требуй и не жди от меня большего, ничего не давая взамен. Я согласилась остаться, однако это не значит, что я тебя простила и что мне не нужно еще времени, чтобы прийти в норму, ясно? Моя личная жизнь не касается тебя до тех пор, пока я сама о ней с тобой не заговорю. Точно так же твоя не касается меня. Я хочу дистанцию. Хочу снова тебе верить, но все треснуло, понимаешь? — На глаза навернулись слезы. — Вот тут все треснуло, неужели не видишь? — Я постучала по груди, резко скользнув по сиденью на другой конец скамьи.

— Агата, — в серых глазах мелькнула неуверенность. — Прости. Я никогда не...

— Уходи, — выдавила я.

Влад тяжело вздохнул:

— Ты этого не хочешь.

– Не представляешь себе насколько, – подавленно усмехнулась я, не видя смысла скрывать то, что он и так уже знал. – Вот поэтому, пожалуйста, уйди.

Одним порывистым движением ведьмак оказался совсем близко. Дернувшись, я затихла в кольце его рук, уткнувшись носом в кожу куртки, пропахшую воском и деревом. Зарывшись в мои волосы, Влад прижался щекой к макушке, и это была самая правильная минута в сегодняшнем дне. Что-то внутри всколыхнулось, потянулось в это тепло: родное, близкое, нужное. Небольшое послабление перед жирной точкой.

– Проводить тебя до дома?

– Не надо, – пробормотала я, крепко зажмурившись. – У меня через час неподалеку что-то вроде свидания.

Спина Яблонева напряглась под пальцами, когда мы оба перестали дышать. Острый момент понимания, за который разбились мои иллюзии и его надежда на «как раньше», прошел, время снова возобновило ход. Как раньше ничего не будет, я только что сознательно сожгла последнюю возможность.

Отстранившись, ведьмак поднялся на ноги, оправил куртку, закинул за спину рюкзак и посмотрел на меня. Серые глаза были непроницаемы, не давая ни единой подсказки к мыслям практикующего. Хорошо, потому что знать их я не хотела.

– Мы с Кельтом будем тебя ждать. В любое время дня и ночи.

Дождавшись кивка, Влад отвернулся и быстрым шагом-полетом пошел прочь. Мой взгляд, словно примагниченный, не смог оторваться от его спины. До тех пор, пока ведьмак не исчез за поворотом, ни разу не оглянувшись. На мгновение небо и земля слились в одно, но это все из-за ветра. Ветра перемен.

Глава 25

Час моей жизни после того, как Влад скрылся за поворотом, можно было назвать механическим. Все, на что я оказалась способна, – продолжать сидеть на этой многострадальной и многое претерпевшей лавке, вытянув ноги и сложив руки на животе. Подняться и пойти прочь, взяться за телефон – все это казалось слишком трудновыполнимой задачей для выжатой и высушенной на солнце губки, которой я себе виделась.

Драка с Павлом, Ирка, ПрахМир, разговор с Владом... Как будто посетила трагикомедию, где первое действие отдавалось Павлу со всеми его претензиями, а второе – Владу и его истории. Вроде бы после подобного принято подводить какой-то итог, критиковать произведение или хвалить, и я так бы и поступила, будь это чьим-то творческим вымыслом. На жизнь рецензию не напишешь, критиковать бесполезно, да и хвалить опасно.

Поэтому, удержав собрание своих тараканов от дебатов о хорошем и плохом, правильном и неправильном, нужном и ненужном, я постаралась сосредоточиться на ближайшем. Во-первых, я все еще фамилльяр Яблонева и собираюсь им оставаться. Пропустим огромное поле сомнений, трудностей и эмоциональных трясин, которое мне предстоит пересечь. Буду решать проблемы связи по мере их поступления. Во-вторых, я окажу Ирке и Лешке максимальную поддержку, что бы там ни задумал Павел, Алена и, возможно, Марина, чье лицо я надеюсь не увидеть перед собой никогда, ради блага своего «во-первых». На фоне этих пунктов встреча с Дэном не казалась чем-то серьезным, и все же мне нужно было принять решение, что-то конкретное, односложное... Только боги знали, как я ненавижу подобные ситуации.

Тяжело вздохнув, я все же достала телефон и первым делом ответила на эсэмэску Ругаловой, сообщающей, что Катя и Миша смогли ей помочь и Леша заберет ее от них в седьмом часу. Зайдя в список контактов, я позвонила маме и предупредила, что домой вернусь не раньше восьми, решив погулять с друзьями в парке.

Технически – никакой лжи. Практически – слишком много недоговорок. Вот она, вся суть мира практикующих, этого темного леса с его узкими тропинками и непомерно густыми зарослями.

К тому моменту как я неспешно подошла к памятнику Толстому у сквера, Дэн уже меня ждал. Не один, а с букетом маленьких разноцветных тюльпанов. Стоило только их заметить, как на сердце стало еще тяжелее. Словно кто-то добавил ему еще одну дополнительную гирию вдобавок к уже имеющимся.

– Привет, – улыбнулся Хворостухин. – Как ты уже догадалась, это тебе.

Он протянул букет, и я осторожно его приняла, промямлив что-то невразумительное, скрывшееся за поспешно натянутой улыбкой.

– Только не говори мне, что у тебя на них аллергия, – нахмурился Денис, подтверждая, что актриса из меня никудышная.

– Нет, мне очень приятно, букет прекрасен, просто я... устала, – остановилась я на самой нормальной версии.

– От меня?

– От этого дня, – закатила я глаза, улыбнувшись куда более искренне.

– Я тут планировал съесть пиццу с хрустящей корочкой и четырьмя сортами мяса и решил, что без тебя не справлюсь, – подмигнул парень. – Поможешь мне выполнить эту нелегкую задачу?

– Как можно тебя бросить на пороге такого свершения, – протянула я, поворачиваясь по направлению ближайшей пиццерии, находившейся остановкой ниже.

Заняв угловой столик у окна, мы сделали заказ, принесенный нам слишком быстро, чтобы успеть помешать серьезному разговору. Очередному серьезному разговору за этот день с моим участием. Вовремя вспомнив, что приличные девочки едят руками только дома, когда никто не видит, а в общественных местах используют столовые приборы, я потянулась за пластиковым ножом, попутно кивая Дэну, рассказывающему что-то о своей последней паре. Я не особо вслушивалась в слова, ориентируясь по улыбкам и интонациям парня, будто и правда была больше собакой, нежели человеком.

Ароматы плавящегося сыра, копченого мяса и свежее испеченного теста отчего-то в этот раз не вызывали даже голодной слюны. Возможно, впервые за мою жизнь длительное пребывание в парке не

помогло нагулять аппетит. На третьем кусочке живот закрутило, и виной тому были не испорченные продукты. Та самая секунда, когда я поняла, что история Дэна, словесная разминка, закончилась, а значит, вот-вот прозвучит наиболее нежелательный вопрос.

– Так... мы можем вернуться к обсуждению твоего жестокого и коварного «но»? – подмигнул Хворостухин.

Я тяжело вздохнула. Маленькая вечность, прошедшая с нашего утреннего разговора, успела сделать мое «но» еще тверже и наградить его несколькими слоями брони. Ядовитой и жалящей. Я не хотела повторять ошибку Влада, допущенную им со мной, и давать ложную надежду человеку, испытывающему ко мне очевидную симпатию.

– Я... – идиотская пауза превратилась в драматическую, когда, не выдержав заинтересованного взгляда Дэна, я уставилась в тарелку.

– Ладно, я понял, – кивнул Хворостухин. – Что во мне для тебя не так?

Я честно попыталась придумать хоть что-то. Может, от этого стало бы легче, но на ум ничего не шло. Ни вредных привычек, ни придилок по внешности или характеру, даже банального обвинения в неряшливости. От Хворостухина свежо пахло шампунем, чем-то хвойным, чистые русые волосы не были испачканы гелем, а ногти на руках не хвастали грязью или желтизной. Простые джинсы и рубашка с ветровкой не мозолили глаза пятнами, потертостями, тем более дырками, хотя всему комплекту точно не первый год.

– Дело не в тебе, – выдавила я, чувствуя себя глупой героиней дамского романа, на страницах которого обязательно обнаружился бы такой штамп. Тем не менее истертость и потасканность фразы не отменяла ее правдивости. Дело по-настоящему было во мне, в этом дне, в последних двух с небольшим месяцах до него.

– Угу, – глубокомысленно протянул Денис, принявшись водить зубочисткой по краешку тарелки. – Тогда правильный вопрос – что не так с тобой?

– Со мной все... непросто и вряд ли будет проще, – запнулась я. – Я не готова сейчас к чему-то, кроме простого общения и дружеских прогулок.

– Потому что... – протянул Дэн, давая мне возможность продолжить предложение кивком, и, когда его не последовало, тяжело вздохнул: – Слушай, ну должен же я понимать причину, чтобы знать,

как себя вести? Утром ты сказала, что у тебя нет парня, значит, дело не в этом, верно?

И да, и нет. Практикующего ответ.

– Не совсем, – пробормотала я, морщась на собственную нерешительность. Неудивительно, что правду о себе говорят так редко. Сущая пытка.

– Тебе... нравятся девушки?

Мои уши загорелись огнем.

– Нет! Я не по этой части, – поспешно высказалась я, в прошлом пару раз даже прикидываясь лесбиянкой, чтобы остудить чужой, неприятный мне интерес. Глубоко вздохнув, глядя в стол, я, наконец, решилась: – Я не могу согласиться на серьезные отношения с тобой, потому что это будет нечестно с моей стороны. Я влюблена в другого человека. Не взаимно. И мне... мне нужно время, чтобы смириться, остыть, переболеть, не знаю, что еще... Может быть, я проснусь однажды утром и пойму, что все прошло, что между мной и этим человеком поставлена разделительная черта, но пока... этого нет. – Я закусил губу, с трудом признаваясь в этом даже самой себе.

Я не высказала вслух сомнений, что когда-нибудь эта черта появится. Как это возможно, если я продолжу видеться с Владом каждый день? Как это возможно, если все во мне даже мысли не допускает оставить практикующего один на один с собственным даром и всем, что он в себе несет? О боги, я посадила себя на ошейник страдания и цепь терпения.

– Агата?

Моргнув, непонимающе посмотрев на Хворостухина, я запоздало поняла, что он спросил еще что-то.

– Прости, задумалась.

– Я сказал, что все когда-то проходит, – улыбнулся парень. – Обещай, что когда это пройдет, я буду первым, кому ты позвонишь. А пока мы можем просто продолжить дружеское общение и условиться о не менее дружеских прогулках.

– Ты... готов ждать? – оторопела я, глядя, как он сворачивает треугольник пиццы в трубочку.

– Я никуда не спешу, – пожал плечами Денис.

– Не уверена, что мне от этого легче.

– Ну... В любом случае, это мое решение.

– А оно точно обдуманное?

– Если что-то поменяется, я сообщу, – хмыкнул Дэн. – Письменно и голосовым сообщением.

Хмыкнув, я вернулась к своему ошипанному куску, а Хворостухин завел разговор о вещах куда более простых, чем вязкая почва личных отношений. Обсудив парочку общих преподавателей и забавные случаи из студенческой жизни своих групп, мы перешли в совсем безопасное русло сериалов, музыки и новшеств соцсетей.

По дороге домой я честно старалась игнорировать его легкие, почти случайные прикосновения к моей руке. Я понимала, что парень старается притереться к моим личным границам, сойти за своего, и на инстинктивном уровне какая-то часть меня даже одобряла такой плавный осторожный ход. Вредная, обидчивая и эгоистичная часть, все еще кипящая злостью и разочарованием, связанными с другим.

На полпути нехитрые приемы Дениса стали почти незаметны. Их вытеснило недовольное карканье, раздающееся с каждого дерева, мимо которого мы проходили. Словно пернатые шпионы Яблонева обвиняли меня в предательстве и угрожали все ему рассказать. Или же... это обыкновенные птицы, переговаривающиеся по своим делам, а у меня паранойя.

– Распелись-то, – посмотрел Хворостухин на каштаны в моем дворе. – Сезон, что ли, какой? Разве птицы начинают свои трели в апреле?

Не назвала бы карканье трелью, но...

– Не знаю, я в этом не соображаю, – улыбнулась я, пожав плечами. – Спасибо, что проводил.

– Пустяки, – качнул парень головой. – Говорю же: я никуда не спешу.

И дураку понятно, что это напоминание, никак не относящееся к его джентльменству.

– Ты очень странный, – прищурилась я. – Поверь, услышать такое от меня дорогого стоит.

– Я вполне обычный, – усмехнулся Дэн. – Разве что немного старомодный. Не хочу казаться навязчивым, но завтра мы могли бы сходить в кино. По-дружески.

Интересно, заметил бы Хворостухин меня, не будь я фамильяром темного, обладающим определенным магнетизмом? На минуту я

представила это. Встречу без всякого магически-мистического багажа.

Просто флирт на поточной паре, переросший в роман, не отличающийся от тысяч других таких же. Обычные свидания, переписки, столкновения на больших переменах в кафетерии, общая парта на совместных парах, знакомства с родителями... Никакой сущности, никакой связи и ненормальности, никакого Влада. Вот только все это было, стояло между нами прямо сейчас. Еще одно уверенное карканье служило подтверждением.

Сглотнув, я покачала головой:

– Я пообещала, что ты узнаешь первым, если что-то поменяется, а пока...

– Оставить тебя в покое, – понимающе закончил Денис. – Хорошо, извини.

– До встречи в универе, – сконфуженно пробормотала я, сжимая в руке букет.

– Пока, – кивнул Хворостухин, и я с облегчением потянула на себя запищавшую подъездную дверь, поначалу даже моргая от яркого желтого света, освещающего лестничную площадку первого этажа. Черт возьми, даже это напоминает о Владе...

Остановившись на последней ступеньке, я достала телефон, сразу же понимая, что с диагнозом паранойи поспешила. Чат мигал конвертиком сообщения от Яблонева. Значит, вороны всего лишь привлекали внимание, выражая нетерпение ведьмака. Неудивительно, сообщение пришло в семь часов, а на время встречи с Денисом я ставила беззвучный режим.

Князь: «Павел обратился к Насте. Проверка квартиры Березина назначена завтра на 16.00. Ты придешь?»

Закусив губу, я набрала: «Однозначно, и нечего было эксплуатировать ворон».

Ответ пришел еще до того, как я успела вставить ключ в замочную скважину.

Князь: «Хорошо. Настя ждала твоего ответа».

Интересно почему. Удержавшись от вопроса, я наконец-то зашла в квартиру.

– Привет, мам, – подала я голос с порога, сразу же по запаху понимая, что на ужин у мамы были макароны с тефтелями.

– Привет, дочь, – отозвалась мама из зала.

Разувшись и повесив куртку, я покосилась на тюльпаны, готовясь к страйку родительских вопросов.

– О, какая прелесть, – оценила маман, когда я внесла в комнату букет. – Вижу, встреча с «друзьями», – она усмехнулась, лукаво посмотрев на меня, – прошла отлично. Извинения были впечатляющими?

– Это... Это не от Влада, а от Дениса, – буркнула я.

– Ого, а Денис у нас кто? – живо заинтересовалась мама. – Возьми вазу со второй полки, она удержит.

– Денис у нас друг, – постаралась я остудить ее фантазии на корню.

– И Влад у нас друг. А когда у нас будет парень?

Я задавалась тем же вопросом.

– Когда рак на горе свистнет, – пробурчала я.

– Чувствую, придется мне искать свистящего рака, – глубокомысленно протянула мама, и я, не выдержав, прыснула, уходя на кухню с вазой.

– Чай поставь! – крикнула мама.

Чаепитие было совмещено с допросом, в результате которого клещами из меня **выдернули** признание о круговороте френдзоны, втянувшем в себя мою личную жизнь. С Владом все сложно, несмотря на то что понятно. Впору статус в ВК ставить. С Денисом противоречиво, а еще где-то далеко, желательно, чтобы только в границах моих снов, существовал напористый незнакомец-практикующий, выводящий меня из себя почти каждым словом и даже взглядом.

– С другой стороны, во всем этом есть и положительная сторона, – издалека начала мама, и нехорошее предчувствие кольнуло куда-то в живот. – Раз уж парня нет и все это твои друзья, то я хочу познакомиться с... Владом.

Скепсиса в моем взгляде было так много, что можно было затопить всю квартиру.

– А чего не с Денисом? – поинтересовалась я.

– И до него очередь дойдет, – и бровью не повела мама. – Пригласи своего Яблонева в эту субботу к нам на ужин. Должна же я, как мать, убедиться, что ты не нашла на свою голову лишних проблем.

О, мам, с этим ты уже знатно опоздала. Я тоскливо посмотрела в кружку, жалея, что в нее не налито чего-нибудь покрепче. Похоже, в этот раз мама абсолютно всерьез, и соскочить с крючка не получится. Будет слишком подозрительно, особенно на фоне ее знания о наших совместных с Владом ночевках в его доме. Черт.

– Он не мой, – только и сказала я, прежде чем капитулировать: – Хорошо, я приглашу Влада.

– Вот и отлично, – улыбнулась мама. – Что он любит? Я к тому, что приготовить.

– Все, что вкусно пахнет, его мама не сильна в готовке, – преувеличила я способности Тамары в кулинарии.

– Хорошо, я тогда на неделе решу.

Кивнув, я молча собрала кружки и снова сбежала на кухню. Интуиция подсказывала, что любая надежда на отказ Влада познакомиться с мамой бессмысленна. Ведьмак уже давно заводил разговор на эту тему, а сейчас, когда причина моих сомнений раскрылась, ничто не должно сдерживать и меня, но... Опасения все же были.

Погладив агат на кольцо, я сосредоточилась на ближайших проблемах. Должно быть, Павел полностью уверен в краже своей «батарейки» Березиным, если сегодня же пошел к Захаровой. Почему практикующей нужно было точно знать, буду ли я с ними завтра? Руки чесались взяться за телефон и все же спросить об этом Влада, но я повторно сдержалась, неготовая начинать с ним общение.

Не выспавшись из-за бесконечных ворочаний и урагана мыслей, я едва не опоздала на вторую пару, вбежав в аудиторию вместе со звонком и поспешно плюхаясь за парту к Ругаловой.

– Привет, – кивнула я подруге, выгружая из сумки тетрадь с пеналом. – Как ты?

– Не очень, – мрачно отозвалась Ирка, проверяя телефон. Открыв ноутбук, покосившись на преподавателя, она щелкнула на документ и быстро напечатала: «Леша в бешенстве, я никогда не видела его настолько... другим. Он напоминал мне Прахову и Яблонева вместе взятых. Катя была в шоке, когда ПрахМир дотащил меня до них, Миша собирался сразу же пойти и отправить Пашу на длительный больничный. Катя восстановила мне все, куда успел вгрызться Гиена, а потом подъехал Леша... Я испугалась, правда. Он тут же начал звонить

Владу, поговорил с ним, передал тебе отдельную благодарность, потом позвонил Захаровой... Влад сказал тебе, что сегодня у нас проверка по просьбе Паши?»

Я кивнула, поворачивая ноутбук к себе: «Да, и мы с Владом будем там, я пойду с тобой сразу после пар. Остальные будут?»

Ирка напечатала, что присутствовать собрались все, даже Катя с Мишей, после чего выделила всю нашу переписку и удалила. Заметив заинтересованный взгляд Марьяновой, я приподняла бровь, одним взглядом спрашивая, что ей надо. Усмехнувшись, лидер КуКурятника чуть пожала плечами и отвернулась к Запатовой. Прищурившись, я обернулась туда, где обычно сидела Самойлова, сразу же встречаясь с Ярославой взглядом. Посмотрев в сторону сплетниц, она покачала головой, чуть закатив глаза. Значит, ничего такого не заметила и не слышала. Хорошо.

Вернув все внимание Ругаловой, лихорадочно что-то пишущей в телефоне, я проверила свой собственный. Ни одного сообщения. Зуд зайти в чат с Яблоневым становился все сильнее. Было ли это проделкой сущности фамильяра или ломка по привычному общению с темным затрагивала меня всю? Предпочтительно первое, поэтому правда, разумеется, второе.

Открыв диалог, я задумчиво провела пальцем по экрану, толком не зная, что хочу сказать. Не придумав ничего путного и небанального, я отложила технику.

– Вы поговорили? – шепотом спросила Ирка, заметив мои метания.

– Угу.

– Все закончилось... не очень, да?

«Закончилось». Дурацкое обыденное слово. Мы что, соль, спички или туалетная бумага? Абонемент в фитнес-зал, требующий продления? Наша связь с Владом не может закончиться. Только исчезнуть, и то, наверное, если ей позволить, а я не собиралась проверять эту теорию. За ночь было обдумано, перемолото и спрессовано слишком многое, и, похоже, не хватало как раз этого неосторожного «закончилось», чтобы напомнить всю важность последних месяцев, все сделанное, пережитое и узнанное с Владом.

Не хочу я, чтобы все вот так бездарно закончилось, словно горстка семечек в кармане. Когда тянешься, думаешь, что еще одна по-любому

есть, скорее даже целый пяток, а пальцы ловят лишь соринки и пустую шелуху. Мы не можем влиться в серый поток «хотелось как лучше, а получилось как всегда». «Как всегда» – это не о практикующих!

– Не закончилось, – горячо возразила я, сама не ожидая такого пыла. – В субботу поведу знакомить с мамой. Осталось только поставить его перед фактом.

Ирка издала что-то похожее на икание и смешок одновременно. На волне странной лихорадочной решительности я снова потянулась за телефоном, не давая себе времени заблудиться в лабиринте сомнений.

«Если у тебя есть какие-то планы на вечер субботы, то отменяй их».

Не стоит ждать ответа так быстро, время всего одиннадцать. Яблонев наверняка спит или уже разгребает проблемы очередного клиента. Или... Короткая вибрация сотового в ладонь прервала сбор мозаики моих догадок.

Князь: «Казнить нельзя помиловать?»

Усмехнувшись его подозрениям, я подумала, что не так уж он и далек от истины.

«Запятую сам решишь где ставить после того, как познакомишься с моей мамой».

Жаль, что я не могу сейчас увидеть выражение лица Влада. Вряд ли он ожидал от меня подобного...

Князь: «Я проявлю максимальное очарование».

Усмехнувшись в экран, чувствуя знакомое тепло, возникавшее ранее каждый раз, когда мы разговаривали или переписывались, я набрала: «Хорошо, что ты понимаешь, что выбора у тебя нет».

Влад ответил на это тремя подмигивающими смайлами, и что-то внутри меня сорвалось с острого крючка, устремляясь на волю. Я смогу, а значит, ничего не закончится. «Мы» не закончимся после вчерашнего разговора, пусть это и было опасно близко от исчезновения.

Князь: «Хочешь, я подъеду к тебе, и вместе дойдем до Березина?»

Я даже особо не задумывалась, в ту же минуту напечатав: «Хочу. В 15.25 у подземного перехода возле 8-го корпуса».

В двадцать минут четвертого мы с Ирккой, стоически выдержав три пары, наконец-то вышли из корпуса, на ходу застегивая сумки и куртки. Влада я почувствовала еще до того, как увидела. Махнув рукой

Богатыревой и Алферовой, шедшим с нами, я ускорила шаг. Желание обнять практикующего было просто... нестерпимым.

– Значит, вчера все же было не так плохо? – заметила Ирка мое оживление.

– Я это переживу, – честно ответила я, уверенная, что она поймет меня, как никто другой. Не только как подруга, но и как фамилльяр. Связь заставляла нас пойти на почти невозможное, плюнуть на рамки и строгие буквы негласного женского кодекса, прощать обиды во имя... не общего блага, далеко нет. Скорее, в угоду собственному эгоизму и инстинкту самосохранения, потому что находиться вдалеке от практикующего, неважно, эмоционально или в пространстве, приносило почти физическую боль.

Наша вчерашняя встреча оказалась далекой от привычного единения, как земля от неба. Два дня до нее были еще хуже и сложнее. Испытывать подобное и дальше неизвестное количество времени, которое понадобилось бы мне для того, чтобы вычеркнуть Яблонева из памяти (очень вероятно, что потребуются на это далеко не год), я не собиралась.

Влад стоял возле скамейки у перехода, как всегда в черном и с рюкзаком на плече. Волосы взъерошены больше обычного, руки в передних карманах джинсов, губы кривила настороженная полуулыбка, словно ведьмак хотел улыбнуться мне по-настоящему открыто, но сомневался в уместности этого. То же сомнение плескалось в серых, как грифель, глазах.

Подойдя вплотную, краем глаза замечая троицу девушек, то и дело косящихся на Яблонева, я не остановилась. Врезавшись в парня, я крепко обняла его за пояс, зарываясь носом в воротник куртки и глубоко вдыхая ставшие родными древесину, воск и табак. Похоже, кто-то всю ночь провел на чердаке за рабочим столом.

– Добрый день, – пробормотала я, когда темный сомкнул руки за моей спиной, ничего не говоря.

– Теперь добрый, – согласился Князь, точно поняв, что я имею в виду. – Что случилось?

Я перевела это для себя как: «Что изменилось со вчера?» В моем поведении не было логики, впрочем, ее там изначально искать не стоило. Для связи характерно ее полное отсутствие. Все построено на эмоциях, основе, которую невозможно игнорировать или устранить.

Странное переплетение из «хочу» и «надо», без лишних вопросительных знаков и объяснений.

– Я соскучилась. – Тихое признание затерялось где-то на участке между его шеей и подбородком.

– Взаимно. – Влад чуть погладил меня по спине. – Нам нужно идти. Привет, Ир.

– Привет. – Я слышала в голосе подруги улыбку, и это уже было прогрессом. Ругалова действительно привыкала к мысли, что мой практикующий – темный ведьмак.

Втроем мы перешли по подземному на другую сторону и направились вверх по улице, к ТГПУ. Ирка сразу же вырвалась вперед, деликатно держа дистанцию между нами и давая переговорить наедине. Темы для разговора напрашивались сами собой, но ни я, ни Влад не спешили их затрагивать.

– Так... как прошло твое «что-то вроде свидания» вчера? – спросил Яблонев, когда мы миновали микрорынок и целую серию цветочных магазинчиков.

– А вороны не доложили?

– Агата. – Влад закатил глаза, я знала это, даже не смотря в его сторону.

– Нормально, – нейтрально обозвала я свой отказ Хворостухину с прицелом на возможность в будущем.

– Понятно, – тем же тоном ответил ведьмак, и я подозревала, что парню и правда все ясно. Встретившись с его серьезным взглядом, я передумала возмущаться и снова тревожить между нами то, что только-только улеглось. Даже если он снова порылся в моей голове.

Березин жил в одной из пятиэтажек на Вознесенского, в квадрате домов с ухоженной территорией, большой детской площадкой, включающей в себя футбольную коробку, просторную беседку и многочисленные лавочки со свежепокрашенными мусорными урнами.

К тому моменту, как мы подошли, в беседке уже сидели ПрахМир и сам Алексей. Павла и Алены, слава богам, пока не наблюдалось. Судя по тому, что я ощущала от целителя, им бы лучше вообще не приходить. Кивнув курившим Варваре и Саше, Ирка сразу же метнулась к Березину, напомнив мне саму себя полчаса назад. Остановившись рядом с Владом, не заходя внутрь, я осмотрела двор

по кругу в поиске дорожек или арок, откуда могли появиться остальные, пока ведьмак прикуривал.

Яблонеv не успел сделать и трех затяжек, как во двор въехала серая «Тойота» Потапова с Катей и Настей в качестве пассажиров. Едва они припарковались и вышли на улицу, как в просвете между домами нарисовались Павел с Аленой, уверенно направляющиеся к беседке.

– Цирк в студию, – прокомментировала Варвара, поднимаясь, как и остальные.

Согласно хмыкнув, я встала впереди Влада, скрестив руки на груди. Лучше Паше даже не пробовать открывать рот в сторону моего практикующего, и так кулаки чешутся после вчерашней истории. Ладони Яблонева опустились мне на плечи, одновременно удерживая от глупостей и расслабляя. Сейчас мы снова были одной командой, и правильность этого единения ощущалась каждой клеточкой, каждой чертовой молекулой.

– Привет, ребят, – улыбнулась Катя всей нашей компании, перебросив свою толстенную русую косу вперед. Позади нее внушительная фигура Миши, пробасившего нам свое приветствие, повернулась в сторону Гиены и Крокодила. Честно, если бы такой взгляд Потапова остановился на мне, я бы поостереглась подходить ближе.

Захарова, сегодня вся красно-черная – от ботильонов до помады, застыла точно между нашей коалицией и парочкой обвинителей, словно вертикальный шлагбаум. Такая же прямая, как и трость в ее руках.

– Опустим фарс, – покосилась Настя на закипающего Лешу, частично закрытого Сашей и Иркoй. – Ты все еще не отказываешься от своей уверенности? – обратилась она к Павлу.

– Черта с два, – только что не сплюнул падальщик. – Лучше спроси Березина, может, хоть сейчас он сознается?

– Ты серьезно хочешь указать мне, что лучше? – осведомилась Захарова, каким-то образом перекрывая своим тихим голосом все возмущения за спиной. – Нет? Я так и думала. Леш, давай ключи.

Выступив вперед, Березин вложил ей в руку ключи от квартиры, наградив Павла красноречивым взглядом. И без всяких способностей практикующих было ясно, что целитель горит жаждой отмщения и

чисто мужским желанием вернуть каждую атаку на его девушку и фамильяра с процентами. Демонстрируя всякое отсутствие инстинкта самосохранения, Павел осклабился в ответ.

– Агата, пойдешь со мной, – утвердила Настя, прежде чем посмотреть на меня, взглянув на Влада.

– С какой стати? – быстро увяла усмешка Павла, хотя вопрос был верным. – Она только нарочно все запутает и спрячет, даже если найдет!

– Заткнись, – вскинул голову Яблонев, став ко мне еще ближе.

– Да, заткнись, Пашечка, пока кошка язык не откусила, – посоветовала Варвара, выступая единым фронтом с Владом, как и всегда.

– Я решаю, как и что пойдет, раз уж ты обратился за урегулированием конфликта ко мне, – напомнила Настя. – Здесь нет никого с большей способностью к поиску, чем потомственный фамильяр с сущностью собаки.

Похоже, фишка с моей «потомственностью» оказалась для Павла неприятным сюрпризом. Глянув на меня куда внимательней, он прищурился, и я ощутила, как подобрался Влад. Реальность размылась, дог встала в стойку на границе между лесом, где хозяйничал ворон, и своими полями с бесконечной дорогой. Вдалеке, над высокой травой, показались уши и загривок гиены, приносившейся к нам.

– Только попробуй, Безродный, – вернул меня предупреждающий голос Влада, обращенный к Павлу, и я вдруг поняла, что впервые слышу его фамилию. Надо сказать, она ему весьма подходила.

– Не хочу мар... – внезапно самоучка закашлялся на полуслове, потянувшись к горлу правой и схватившись за плечо Алены левой. Все его внимание сосредоточилось на Захаровой, рассматривающей свою трость так, словно это было единственное, что ее интересовало. Понятно, кто перекрыл кран ехидства Павла. Правда, от такого способа волосы на голове зашевелились. Все равно что зайти в реку и внезапно наткнуться ногами на толстый лед.

Не знаю, как и что Захарова использовала, зато прекрасно уяснила, что подобное не потребовало никаких особых слов или манипуляций с какой-либо знакомой мне атрибутикой практикующих наподобие свечей, камней или трав. С каждой нашей встречей с

Анастасией я все больше понимала вскользь оброненную Владом характеристику «другая лига».

– Я не повторяю дважды, – только и сказала Настя, обращаясь к набалдашнику. – Влад?

– Иди, все в порядке, – едва заметно подтолкнул меня Яблонев к Захаровой, убирая руки.

Покосившись на взволнованную Ирку, крепко сжимающую ладонь Леши, я кивнула ободряюще улыбнувшейся мне Кате и поделовому сосредоточенным ПрахМиру. Похоже, ни у кого, кроме Паши, Настино решение привлечь меня возражений не вызвало.

На шаг отставая от третейской судьи практикующих, я сдержала желание обернуться и посмотреть на Влада. Оставлять его в обществе Безродного, пусть и в компании остальных, совершенно не хотелось. Не дайте боги гиена что-то выкинет... Я за себя не ручаюсь.

– Успокойся, – хмыкнула Захарова, прикладывая ключ-таблетку к домофону. – Они будут вести себя хорошо.

В подъезде дома Леши пахло вареной капустой, сыростью и жареными котлетами. Поднимаясь следом за Настей, толком не представляя, что конкретно от меня требуется, я нервно погладила агат на кольце. Из окна в пролете второго этажа было видно, что ситуация возле беседки никак не поменялась, все ребята стояли на тех же местах, разве что Варвара и Саша снова закурили.

Настя остановилась на третьем этаже, у серой железной двери. Позвякивая связкой ключей Березина, она уверенно разделалась с нижним и верхним замками, запуская нас внутрь, в узкую прихожую. Щелкнув выключателем на стене справа, практикующая прошла чуть вперед и разулась. Я последовала ее примеру, также не став снимать куртку. Вряд ли мы пробудем здесь долго.

Березин жил в двухкомнатной квартире с не самой продуманной планировкой. Совмещенные ванная и туалет (я с ходу оценила количество кремов и шампуней, принадлежавших Ирке, а также сохнувшее широкое полотенце с силуэтом гарцующей лошади), крошечная, но весьма уютная кухня в бело-голубых тонах, узкий длинный коридор, заставленный всякой всячиной, от велосипеда до трехлитровых банок с засолками.

Осмотревшись, я зашла в комнату, оказавшуюся залом со стандартным набором коричнево-бежевой мебели и толстым

разноцветным ковром. Ничего общего с продуманностью интерьера жилищ остальных практикующих, у кого мне довелось побывать. Ни четкого разграничения зон, ни каких-то явных цветовых решений, ни акцентов на детали. Я бы остановилась на определении «холостяцкая берлога», если бы не то и дело попадающиеся на глаза вещи Ирки. Книга, заколки, кофта на спинке дивана, тетрадки на столике в углу, диски на книжных полках и возле телевизора... Ну да, Ругалова никогда не была замечена мною в любителях чистоты и порядка.

– Что мне делать? – спросила я Захарову, опустившуюся на корточки в центре ковра и водившую над ним тростью.

– Иди в ту комнату, – указала набалдашником на дверь за своей спиной Настя. – Сосредоточься. Если подозрения Павла все же верны, ты почувствуешь что-то лишнее, не принадлежащее атмосфере и быту этой квартиры. Это может быть покалывание на коже, внезапная картинка в голове, принадлежащая памяти жилища, хотя в твоём случае наиболее вероятен запах.

Кивнув, сделав вид, что все поняла, я покорно отправилась в соседнюю комнату, оказавшуюся спальней в светлых коричневых и синих тонах. Шкаф, двуспальная кровать с тумбами и светильниками, маленький стол с ящиками и моноблоком, стена с какими-то от руки написанными заметками и детскими рисунками, приколотыми разноцветными булавками...

Остановившись возле кровати, я глубоко вздохнула, пытаюсь сконцентрироваться. Найти то, не знаю что, при условии, что оно вообще здесь есть. Присутствие Яблонева требовалось как воздух, я совершенно не знала, с чего начинать. У нас было всего несколько тренировок по поиску, но предмет и радиус его нахождения никогда не были тайной.

Мелькнула мысль соврать, сказать, что искала и ничего не заметила, но интуиция подсказывала, что меня раскусят в два счета. Не хватает только краснеть перед Владом и остальными, да и ему наверняка будет непросто... Отметя этот позорный вариант, я закрыла глаза, погружаясь глубже, к догу.

Лес все еще соседствовал с полем, но ни ворона, ни гиены не наблюдалось. Дог вскинула голову и уверенно направилась к дороге, возобновляя бег. Открыв глаза, я втянула носом. Дерево, ткань, пыль, пластик, одеколон... Запахи, застаревшие и давно устоявшиеся,

втертые в эти стены, вились на поверхности, но под их тонким сочетанием я учуяла нечто более основательное.

Никогда не была на море, но думаю, оно пахнет именно так. Теплом, солью и влажностью. Еще я чувствовала прогретую землю и ароматы травы и цветов, все это сплеталось между собой и... Моргнув, я отвела взгляд от кровати, догадываясь, что Ирка с Лешей в ней не кроссворды решали.

Двинувшись к окну, мимо шкафа, все еще чуя все «уровни» спальни, я уловила тонкий отголосок чего-то терпкого, острого и... болотистого. Настя говорила о не принадлежащем атмосфере и быту квартиры. На мой взгляд, болото никак не относилось к морю и лугу возле кровати.

Застыв, я повернулась к шкафу, одновременно довольная, что смогла что-то нащупать, и в то же время нет. Не хотелось помогать Павлу в доказательстве его правоты, и уж точно не хотелось верить, что Леша все-таки украл у него накопленную энергию.

– Настя! – позвала я Захарову. – Тут что-то есть!

Практикующая появилась в спальне почти сразу. Осмотрев комнату, она остановилась рядом со мной.

– В шкафу?

– Я думаю, да, – расстроено признала я. – Пахнет чем-то совершенно... неуместным здесь.

– Давай проверим, – кивнула Захарова, потянув на себя дверцы.

Полки, забитые свитерами, майками и джинсами. Две в середине точно принадлежали Ирке, уж ее яркие вещи я узнаю везде. Справа на вешалках пара строгих брюк, несколько пиджаков, с самого края черное полупальто и хорошо знакомая мне коричневая кожаная куртка Ругаловой. Именно на ней и скрестились наши с Настей руки.

– Оно, – выдохнула я, почувствовав резкий контраст с остальной одеждой.

– Согласна. – Захарова поддела тростью куртку и стащила с вешалки, положив на пол. – А я-то думала, что все будет чисто и Марина дала осечку... Но это не вещь Леша, а всего лишь предмет, содержащийся в его квартире, – Настя снова присела на корточки, проводя над курткой тростью и рукой. – У фамильяра нет способности забирать чужую энергетику, только энергию своего практикующего, доступ к которой обеспечивает связь. Нет... все куда сложнее... Идем.

Подхватив куртку, Настя вышла из спальни раньше, чем я успела хотя бы сформулировать вопрос. Молча и быстро обувшись, мы покинули квартиру, Захарова закрыла ее ровно так же, как было, и первой начала спуск по лестнице.

– Березин не виноват, верно? – рискнула я, когда мы спустились на этаж.

– Не так, как считает Павел, – только и ответила Анастасия, прежде чем, нажав на кнопку, оттолкнуть от себя подъездную дверь.

Подходя к беседке, я уже видела, что просто так остальные времени не теряли и точно разговаривали не о погоде, судя по бледной Алене, полностью перекрывшей подход к Паше. Катя сидела с Лешей и Ирой в беседке, стараясь успокоить или удержать, в то время как Миша и ПрахМир с Владом стояли у беседки, закрывая вход в нее. Уж не драку ли между Березиным и Безродным им пришлось растаскивать? По крайней мере, с Яблоневым точно все было в порядке, я бы почувствовала, схлестнись он с падальщиком.

– Ну что? – опередил всех Паша, уставившись на куртку в руках Насти.

– Агата кое-что нашла, – покосилась на меня Захарова, и я отступила к Владу, находя его руку и крепко переплетая наши пальцы. – Не торопись, не то, о чем ты подумал, – осадил она самоучку, уже раскрывшего рот.

– Это моя куртка, – непонимающе посмотрела на Настю Ругалова, когда светлые вышли из беседки.

– Это твоя куртка со следом его энергетики, – уточнила та, снова поворачиваясь к Безродному. – Что конкретно ты спросил у Марины, повтори мне слово в слово.

– Я спросил: «Где сворованная у меня энергия из запаса?» И Марина привела меня прямо к этому дому. Это подтверждает, что она не ошибается, – на этот раз едкого взгляда удостоились Влад и Варвара.

– Она, может быть, и не ошибается, – кивнула Захарова, однако я буквально уже слышала огромное «но», припасенное практикующей. – Ты не умеешь правильно задавать параметры поиска. Следовало спросить не «где?», а «кто?».

– Я поняла. Это подброс, – нахмурилась Прахова, и Влад спустя секунду кивнул, крепче сжав мою руку. Темные переглянулись между

собой, прошел какой-то безмолвный диалог с качанием головой, и оба снова устали на Захарову. Я же тихо ждала, когда кто-нибудь вспомнит, что в данном кругу не все телепаты, и пояснит, какого хрена тут происходит.

– Хочешь сказать, что кто-то и правда украл у него запас и оставил след на Ире, чтобы отвести от себя подозрения? – протянул Березин, неприязненно взглянув в сторону Паши.

– Да. – Захарова протянула ему куртку. – Если бы вопрос Марине был задан верно, возможно, удалось бы узнать, кто настоящий вор. Сейчас же энергия усвоена, даже эта ее нить постепенно гаснет.

– Хорошая работа, Яблонев, – прорезал напряженную тишину голос Паши. – Раз уж вы все так уверены, что энергетику темного может забрать только темный, то теперь все вообще элементарно. Ты свистнул мой запас, подставил своего дружка, а теперь уже ничего доказать нельзя, не так ли?

Он вообще в своем уме? В какой-то момент я поймала себя на том, что верхняя губа ползет выше, стремясь показать клыки. Кажется, вчерашнего Паше было мало, но ничего, я всегда готова повторить и разъяснить еще! Столько раз, сколько потребуется.

– Поинтереснее ничего не придумал? – склонил голову набок Влад, погладив тыльную сторону моей ладони большим пальцем, успокаивая. – Мне это не нужно, а сама мысль взять что-то у тебя вызывает тошноту.

– Это не Влад или Варвара, – закатила глаза Захарова, обрывая следующие обвинения на корню. – Ты привлек внимание кого-то стороннего, за что и поплатился. Куда более интересный вопрос, как воришка нашел Иру и оставил на ней твою энергетику.

– А как это вообще возможно сделать? – спросила Ругалова.

– Или при тесном контакте, или привязать к какому-то слову, – ответил Яблонев.

– Но тогда получается, что это мог быть любой, с кем она стояла в транспорте или в очереди в магазин или столкнулась на улице. Это же... иголка в стоге сена, – признала я очевидное.

– Не настолько просто, – покачала головой Катя, теребя кончик своей косы. – Контакт подразумевает также взгляд, возможно, даже беседу. Чтобы так ловко перекинуть неродную энергетику, необходимо привязать ее вербально, к какому-то слову...

– Наверняка словесная сделка в рамках «спасибо-пожалуйста», – добавил Влад.

– Думаю, здесь именно этот тип подброса, – кивнула им Настя.

– Кто-то в последнее время вызывал у тебя подозрение? – обратился Леша к Ире. – Институт, знакомые соседи, приятели?

– Или кто-то внезапно проявлял интерес, что-нибудь спрашивая? В пределе... Когда ты обнаружил, что тайничок пуст? – глянула на Пашу Варвара.

– Неделю назад.

– В этом промежутке что-то или кто-то настораживал? – вернулось все внимание к Ругаловой. – Когда ты была в этой куртке?

– В начале прошлой недели, но я не помню ничего такого... Разве что... – Ирка посмотрела на меня. – Хворостухин.

– Нет. Брось, Ир, это точно не он, – сразу же встала я на защиту Дениса.

– Кто это? – опередила Влада с вопросом Настя.

– Учимся вместе на потоке, он подсел к нам, но это... – Я вздохнула, успокаиваясь. – Я уверена, что Дэн не имеет к этому никакого отношения. Я бы почувствовала.

– Ладно, может быть, ты и права, в конце концов, его точно больше интересовала ты. – Ирка выдала улыбку, виновато стрельнув мне глазками. Ну спасибо.

– На всякий случай его нужно проверить, – снова заговорила Захарова, спасая меня от шкодливых вопросов ПрахМира и явно проступившей заинтересованности Влада, наверняка уже догадавшегося, с кем у меня вчера было это «вроде бы» свидание. Засада.

– Я проверю, – вступил Влад, спокойно встретив мой скептически-подозрительный взгляд.

– У меня еще вопрос, – поймала я за хвост ранее сразу же настороживший меня факт. – Почему именно Ирка? В смысле, о'кей, ты обвел одного практикующего вокруг пальца, прикарманил его энергетiku, но зачем оставлять след на ком-то другом? Я не верю, что след оставлен именно на фамильяре знакомого с обворованным практикующего случайно. Что, нельзя как-то по-другому спрятать энергетiku, отвести от себя подозрения, побыстрее ее усвоив, или провести какой-нибудь ритуал?

Все практикующие, даже Павел, переглянулись между собой, одинаково встревоженные моими вопросами.

– Потомственные, – фыркнула Варвара себе под нос, кивая.

– Такой вариант мне наиболее неприятен, – признала Захарова. – Если Ира была выбрана не случайно, это значит, что вор или знает об остальных, или пытается это выяснить. Дальнейший вывод сделайте сами.

Переглянувшись с Яблоневым, я убедилась, что мы подумали об одном и том же. Вор вполне мог нацелиться на остальных практикующих. Кто знает, может, воровство чужих «батареек» не единственный его промысел. Может быть, он попытается напасть на кого-то из наших друзей в открытую.

Надеюсь, у него хватит мозгов не вставать на пути у Яблонева. Я не Крокодил и медлить не стану. Эта мысль принесла абсолютную ясность, расставив все по местам. Влад оставался моим другом и практикующим независимо от сказанного вчера, и я полностью осознавала свою готовность вцепиться его обидчикам в горло в буквальном смысле, без промежуточных. Ответный взгляд ведьмака высветил мне ровно то же самое. Вчера мы вместе прошли испытание на верность друг другу и остались командой.

Глава 26

Собрание практикующих у дома Березина закончилось вовсе не так, как предполагали обе стороны. Захарова отвела от Безродного любое отмщение, признав, что его обвинения и действия не были лишены основания. Однако, прежде чем Леша успел возмутиться, а улыбка Паши расползтись, Настя предупредила, что еще одно подобное опрометчивое нападение на кого-нибудь из нашего круга аукнется самоучке ее личным вмешательством со всеми вытекающими последствиями. Такой расклад сбил с Гиены спесь и полностью устроил лагерь темных. Я не знала, что конкретно входит в эти самые последствия, но по хмыканью Влада и довольным ухмылкам кошачьего тандема догадалась, что ничего приятного.

Уяснив, что никаких разборок больше не будет, я переключилась на следующую по значимости проблему. Столкновение Влада и Дениса в одном пространстве приравнивалось к катастрофе. Маленькому личному апокалипсису, грозившему уничтожить едва-едва отвоеванное равновесие и понимание на личном фронте. Я даже не знала, чего не хотела больше. Чтобы Денис увидел Влада рядом со мной и понял, насколько глубоко я к нему привязана, или чтобы Влад, посмотрев на Дениса, пролез к нему в голову и выяснил... все, что хотел.

– Давай, – кивнул мне Яблонев, когда мы покинули двор Березина, попрощавшись с остальными и отказавшись от предложения Миши добросить нас куда надо.

– Чего?

– Ты возмущена, раздражена, и тебя что-то сильно тревожит, – констатировал ведьмак, доставая сигареты. – Дело в этом парне, не так ли?

– Я не хочу, чтобы ты его проверял, – пробурчала я.

– Ты не хочешь, чтобы его проверяли вообще или чтобы кто-то все же глянул на него, но только не я?

Почему он умеет ставить вопросы так коварно? Это же чертова словесная ловушка!

– Оба варианта. Если бы Дэн хотел сделать что-то плохое мне или Ирке, я бы это почувствовала, верно?

– Нельзя быть уверенным на сто процентов, – пожал плечами Влад. – При всех своих навыках и способностях, ты пока не настолько опытна, чтобы с ходу распознать скрытую угрозу. К тому же люди часто видят то, что хотят, а не то, что на самом деле. Когда прозрение все же наступает, то обычно уже становится слишком поздно.

Неужели? Я скептически покосилась на практикующего, молча спрашивая, в чей огород он бросил камень последних фраз. Печальная ответная усмешка сдула мое возмущение, обнажив стыд. Конечно же, ведьмак говорил о себе.

– Послушай, мне необязательно с ним знакомиться. Достаточно просто остановиться поодаль и посмотреть. Я мог бы уступить проверку любому из нашего круга, но ты правда хочешь, чтобы кто-то другой в это лез?

– Нет, – честно признала я, чуть подумав. В сложностях моей отсутствующей личной жизни и так топчутся слишком многие. – В четверг у нас общая третья пара в девятом корпусе.

– Я подъеду, – кивнул Влад.

Разумеется, в четверг, отсидев с первой по третью как на иголках, выходя из девятки в компании Дэна и Ирки, державшейся с ним сегодня особенно настороженно, я почувствовала присутствие Яблонева сразу же. Всего пара секунд ушла на то, чтобы найти его темную фигуру у выхода с территории корпуса. С сигаретой в руке, наушниках в ушах и рюкзаком на плече, ведьмак, хоть и стоял в одиночестве, отлично сливался с окружающими его группками студентов.

– Что у вас дальше? – полубопытствовал Хворостухин.

– Я сваливаю, – тут же ответила Ирка.

– Я тоже, – согласилась я, пересекаясь взглядом с Владом. Князь оперся плечом об ограду, скользнул взглядом по мне и остановился на Денисе. В голове отчетливо прозвучало хриплое карканье.

– Хочешь, вместе прогуляем? – тише обратился Дэн ко мне, не замечая излишнего к себе внимания.

С трудом оторвавшись от Яблонева, пославшего мне ленивую усмешку, я повернулась к парню, едва не стукнувшись с ним лбами. Увлеченная присутствием практикующего, я упустила момент, когда

Денис сократил дистанцию с «приятельской» до «тесной дружбы», чуть задевая пальцами мое запястье. Ирка, покусанная то ли тактичностью, то ли волнением, шла впереди, и не думая поддерживать какой-либо разговор.

– Что?

– Можем поменять четвертую пару на кино или кафешку, – предложил Хворост, тут же добавив: – По-дружески.

– Я...

Мы прошли мимо Влада. Так близко, что можно было схватить его за руку. Вдохнув ртом, я поймала на язык сочетание воска и дерева вместе с прохладой и дождливостью сегодняшнего дня. О боги, это почти так же вкусно, как мороженое. Чуть повернув голову, я заметила кивок темного на угол одиннадцатого корпуса, но серость его глаз не давала никаких подсказок к тому, что он мог увидеть в Дэне. Зато лукавые искорки точно указывали на понимание практикующим его воздействия на меня. Да что со мной происходит? Дефицит привычного общения с ведьмаком за последнюю неделю?

– Нет, я лучше пойду домой, спать, – вымученно улыбнулась я Денису, стараясь не замечать, что теперь его лицо совсем близко.

– Не даешь мне соскочить с физкультуры, – скорбно признал тот, и внезапный порыв ветра, налетевший со спины, пронесся точно между нами, отвоевывая мне личное пространство.

Не удержавшись, я снова посмотрела на Яблонева. Практикующий уже переходил дорогу, но, готова поклясться, даже его спина излучала ехидное довольство! Никаких сомнений, ветер – его проделка! Очень по-взрослому, мудрый ведьмак в действии.

Попрощавшись, Денис кивнул Ирке и свернул к спортивному корпусу. Снова поравнявшись со мной, Ругалова покосилась на меня, поигрывая бровями:

– Так между вами что-то есть.

– Я не знаю.

– Знаешь. Есть, – не поверила подруга. – Другое дело, хочешь ли ты этого, конечно, при условии, что не он тот гад, что подставил нас с Лешей.

– Давай поговорим об этом не сейчас, – буркнула я.

– Это точно. – Ирка посмотрела на ожидающего нас Влада.

– Привет, – поздоровалась я, останавливаясь рядом с Князем. – Ну, что?

– Привет. Он абсолютно обычный, – пожал плечами Яблонев. – Кто бы ни сделал тебе подброс, точно не этот парень.

– Хорошо, – облегченно улыбнулась Ирка. – Я рада, что это не он. Ладно, мне пора бежать, нам еще с Лешкой ехать на другой конец города к одной девочке, пока, ребят.

– До завтра, – покивала я Лошадке, прежде чем она загарцевала по Болдина, оставляя нас с Яблоневым наедине.

Обменявшись абсолютно понимающими взглядами, мы направились вниз, по Смидович, в сторону моего дома.

– Сейчас лопнешь, – констатировал Яблонев, когда мне удалось продержаться минуты три, соблюдая молчание.

– Очень смешно, ха-ха, – сморщилась я, тут же набрасываясь на ведьмака: – Я же говорила, что Денис ни при чем! Но нет, у меня же недостаточно опыта!

– Доверяй, но проверяй, – невозмутимо процитировал Влад.

– Я знаю, что это сделал ты.

– Что именно?

– Ветер, что еще! – сварливо отозвалась я.

– Тебе было неудобно, я решил проблему. – Уголок рта ведьмака предательски дернулся, скрывая улыбку. Я хмыкнула и оставила эту тему, перескакивая на следующий вопрос:

– Кто он по сущности? Ты же наверняка ее увидел, верно?

– Сложно пропустить оленя, – фыркнул Яблонев.

Я приоткрыла рот, раздумывая, смеется он или говорит правду.

– Серьезно? Олень?

– Угу, в хвойном лесу.

– Вот почему от него ей пахнет! В смысле, хвоей, – пояснила я. – Так что теперь, когда мы не знаем, кто сделал подклад?

– Подброс, – поправил темный, снимая рюкзак с плеча.

– В чем разница?

– Подклад – это материальная вещь, подброс – энергия. В первом случае искать нужно там, где человек живет или часто бывает, например в машине. Во втором – только на нем самом.

Выдав глубокомысленное «а», я остановилась, глядя, как Яблонев достает какой-то черный сверток. Вернув сумку обратно на плечо, он

протянул его мне.

– Это твое.

Подозрительно глянув на ведьмака, я захрустела прозрачным пакетом, вытаскивая на свет... толстовку. Черт, совсем вылетело из головы! Расправив ее, я уставилась на спину, поначалу растеряв слова. Она была... само совершенство, лучше, чем я себе представляла, круче, чем выглядел дизайн, присланный Дашей. И от меня не укрылось маленькое мощное добавление в виде языков пламени в глазах дога.

– Она... обалденная! Супер! – восторженно посмотрела я на Влада, встречаясь с его искренней мальчишеской улыбкой, успев позабыть, как она выглядит.

– Мы с Дашкой решили, что это отличная идея. – Он указал на глаза. – И это мне тоже нравится, – длинные пальцы ведьмака коснулись силуэта ворона на фоне луны.

– Она не показывала мне финальный вариант, – покачала я головой. – Я думала, Дашу что-то отвлекло, другая работа, и мы временно остановились.

– В чем смысл подарка, если он никак не удивит получателя? Я написал Даше, и мы дорабатывали идею до победного конца. Вчера она сообщила, что все готово, и утром я толстовку забрал.

– Спасибо. – Я прижала свое сокровище, уже раздумывая, когда и куда можно будет ее надеть. Бережно сложив толстовку обратно в пакет, я убрала ее в свой «дирижабль». – Так что теперь?

– Ты идешь домой, а у меня есть дело в Заречье, – пожал плечами Влад.

– Я имела в виду историю с подбросом, – разжевала я, сильно сомневаясь, что ведьмак сразу не понял, о чем речь.

– Делать нечего, – качнул головой Влад, сунув руки в карманы. – Найти этого доброжелателя сейчас невозможно. Либо ждать, когда он снова попробует сунуться к кому-то из нас, либо это был единичный случай и мы больше никогда не столкнемся.

Во второй вариант мне не особо верилось, но я промолчала. Мы вышли на проспект, нога в ногу, и я снова почувствовала между нами ту же самую колючесть и отчужденность, родившиеся в конце прошлой недели. Как будто у нас не было тем для разговоров, как у старых одноклассников, встретившихся через несколько лет после

выпуска, прошедших цепочку затертых вопросов и полностью исчерпавших все шаблоны.

– Влад?

– Да? – Парень выжидающе посмотрел мне в глаза, и вновь их серость представлялась сплошным туманом, скрывающим под собой все, о чем думал или чего хотел ведьмак.

– Я могу завтра прийти к тебе? Не хочется забрасывать тренировки надолго.

– Конечно, – чуть помедлив, кивнул темный. – Если ты этого хочешь.

О боги. Он все еще не верил, что я собираюсь оставаться у него в фамильярах.

– Хочу, – твердо сказала я.

Протянув руку, я уцепилась за рукав его куртки, потянув за собой, в сторону арочного проема знакомого двора, где нам с Ирккой дважды пришлось спастись от Алены. Яблонев ничего не спросил, лишь покорно последовал за мной, пока я не остановилась подальше от прохода со стороны двора и улицы.

Повернувшись к темному, возвышавшемуся надо мной на целую голову, глядя в серые глаза, я просунула руки под его, обнимая за пояс, и уткнулась лбом в грудь. Медленно его ладони легли мне на лопатки, чуть прижимая к себе, пока не сомкнулись за спиной.

– Я правда очень скучаю, – пробормотала я.

– Взаимно, – тихо ответил Яблонев. – Но ты сказала, что как раньше быть не может, и это тоже правда.

– К черту «как раньше», – буркнула я. – Нужно сделать, чтобы было лучше.

– Я открыт для предложений, – усмехнулся Влад.

– Для начала поверь, что я тебя поняла и приняла. Я остаюсь твоим фамильяром и твоим другом. Даже с мамой знакомить веду!

– Она тебя прижала, – утвердил парень.

– Как будто я не могла отказать или сказать, что ты занят, – хмыкнула я. – Я хочу вас познакомить, снова начать тренировки, сидеть с тобой на чердаке, слушая твои беседы с клиентами, и помогать, когда это нужно. Я, – чуть помедлив, подбирая слова, я все же продолжила, радуясь, что не приходится смотреть ему в глаза, – знаю, что последнее время все было слишком сложно, с некоторыми

вещами, запоздавшей правдой, мне до сих пор нелегко смириться, но это точно проще, чем отстраниться и закрыться от тебя. Честно, пытаюсь ставить какие-то границы там, в парке, я не представляла, как это сложно.

– Это невозможно, – тихо поправил Влад. – Я не стал говорить сразу, зная, что ты сама поймешь. В последние дни ты... думала, что тебе *нужно* быть со мной больше обычного?

– Да. – Смысла скрывать не было, тем более я чувствовала, что спрашивал он из вежливости, сам прекрасно зная ответ. – А ты?

– Более чем. Вчера мне хотелось позвонить тебе среди ночи. Просто чтобы спросить, как дела. – В голосе Влада послышалась улыбка. Задрав голову, я ее увидела, находясь слишком близко к лицу практикующего. – Сегодня я едва удержался, чтобы не схватить тебя за руку, когда вы проходили мимо, и твои мысли совсем не помогали. Я не старался их услышать, они сами пролезли в голову.

– Что это такое? – спросила я, подозревая, что услышу что-то небанальное, связанное с тоской.

– Варвара называет это «конвульсией связи». Это реакция связи между нами на сторонние... раздражители. Как при болезни, когда организм борется с вирусом. В данном случае то, что произошло в выходные, – вирус, и связь старается с ним справиться, побуждая нас на более частые контакты.

– Получается, связь реагирует как... живое существо? – Я честно старалась понять это и представить, но получалось не особо.

– В такие глубины осознания связи не заходим даже мы, понимая, что у нее слишком много предназначений. Она одновременно и пуповина энергии, позволяющая нам чувствовать второго как самого себя и отправлять ему собственные силы в особые критические моменты, и отражение происходящего между нами на всех планах, и тревожная сирена. – Влад нахмурился. – В каком-то смысле она обладает своим собственным разумом, состоящим из части меня и части тебя, но все же она остается нами.

– Сложно, – пробубнила я, хотя с объяснением Яблонева, как всегда, все стало на пару степеней легче. – Получается, это все проделки связи?

– Снова на ту же удочку, Герцогиня. – Влад погладил меня по спине. – А ведь это один из основных принципов. Ничего не действует,

если ты не подкармливаешь это собственным желанием. Не связь побуждает нас, а мы ее.

– То есть сама она ничего нам не внушает, – все же уточнила я.

– Нет. Ты обнимаешь меня, потому что хочешь, если ты об этом, – осторожно ответил Яблонеv.

Угу, и не только об этом. Связь не влияла на чувства, что и требовалось доказать. Значит, то, что я испытываю к своему ведьмаку, тоже не ее вина. Жаль, так было бы проще.

– Я еще и есть хочу, – выдала я, сбегая от собственных мыслей.

Влад прыснул, чуть дернув меня за хвост:

– Пойдем, накормим тебя.

– А... как же дело в Заречье? – отстранилась я.

– Мне нужно быть там только через два часа. За это время ты успеешь попробовать всю мясную тарелку. – Яблонеv протянул руку, и я схватилась за нее, как за спасательный круг, видя в этом жесте куда больше смысла, чем обычно.

– Почему сразу не сказал?

– Сама как думаешь? – Ведьмак погладил большим пальцем мои костяшки. – Не хотел навязываться после твоего явного желания дистанцироваться.

– Это было глупо, – поморщилась я.

– Не совсем. Иногда лучше самому все испытать на практике, чем слушать, как это может быть в теории.

И все же были границы и личные запреты, нарушать которые я не собиралась, следуя инстинкту самосохранения. Больше никаких ночевок в доме Яблонева и тем более никаких укусов. На дно тянуло меньшее.

Держась за руки, мы перешли дорогу, направляясь к уютной кофейне, одному из любимых мест студентов. Шагая в ногу с темным, я чувствовала, что кризис между нами миновал. Пошел на спад еще позавчера, по дороге к Березину, и сейчас почти исчез. Впрочем, выражаясь языком Леши и Кати, это не значило, что нам не требуется «профилактического лечения».

– Завтра у меня нет пар, и я собираюсь оккупировать твой дом и Кельта, – вдохновенно заявила я Владу, найдя отличный старт для укрепления и «лечения» нашей связи.

– Он будет в восторге. Бедняга истосковался без... члена своей стаи, – лукаво улыбнулся Влад, и от меня не ускользнуло, кто скрывался за «беднягой». Уж точно не пес.

– Вожака, – важно утвердила я, прежде чем, переглянувшись, мы прыснули.

– Идем, Акела, – отсмеявшись, потянул меня за собой Яблонеv.

Всю пятницу, с одиннадцати до семи, как и обещала, я провела у Влада, наслаждаясь обществом ведьмака и едва не зализавшего меня насмерть Кельта. Тамара тоже была дома, с ходу обняв меня и, пока не видел ее сын, горячо извинившись за свои методы, открывшие мне глаза. Не держа на ведьму никакого зла, я неуклюже пробормотала что-то в духе «проехали», за что удостоилась еще одного объятия.

За несколькими приемами клиентов, последующей тренировкой и прогулкой по парку, сопряженной с многочисленными шутками Яблонева относительно близящегося полнолуния и моих нарастающих appetитов, день пролетел еще быстрее, чем обычно. С утекающими часами все ближе становилась суббота, а с ней и личное знакомство Влада и мамы.

Конечно же, у обоих не возникло никаких срочных дел, так что всю первую половину дня я убиралась, готовясь к «приему». Так помпезно мама обозвала приход Яблонева к нам в гости. Кроме вычищенной квартиры, в него также входил вынесенный в зал, накрытый парадной скатертью и заставленный праздничным сервизом стол, недомашняя одежда и легкий макияж. Как будто Новый год через три часа, а не знакомство с другом дочери. Глядя, как мама укладывает волосы, я вернулась к нарезке салата, предпочитая не думать о том, на что действительно походили ее сборы. Во-первых, стыдно, во-вторых... досадно и болезненно. Сватушки.

Убедить Павлу Алексеевну, что мы с Владом только друзья, не представлялось возможным. Уж когда мама что-то вбивала себе в голову, оставалось только мириться и терпеть. Да и как бы я продолжила настаивать перед мамой на дружбе с темным, если сама в нее не верила?

Мы с практикующим были друг другу чем-то бóльшим и в то же время знатно недотягивали до желанного с моей стороны. И уже недотянем, все расставлено на места с понедельника. Приподнятое настроение мамы, не осознающей, не знающей проблемы и все еще

надумывающей себе романтические отношения между мной и Владом, резало изнутри.

– Он у тебя пунктуальный? – поинтересовалась мама в третий раз, поправляя тарелки с нарезкой и хлебом. До полной готовности отбивных с помидором и ананасом под сыром оставалось всего пять минут.

– Очень, – снова ответила я, одергивая синюю блузку с коротким рукавом. Говорить, что Влад не «у меня», все равно бесполезно.

Словно в доказательство, телефон громко пропел трель входящего сообщения.

Князь: «Возле дома».

– А вот и Влад, – нервно высказала я, помахав телефоном. – Доставай мясо и картошку, пойду открою.

– Давай-давай, не забудь тапки предложить!

Закатив глаза, я вышла из квартиры. Не стоит маме знать, что Яблонев уже бывал у нас, причем не раз, и сам в состоянии и тапки взять, и куртку повесить, и выключатели туалета с ванной не перепутать.

Толкнув тяжелую железную дверь, я чуть не вскрикнула, когда прямо перед лицом, полностью загораживая обзор, оказались разноцветные герберы. Даже знать не хочу, как Влад понял, что это любимые мамины цветы. Я точно не говорила этого вслух и вряд ли даже думала о них!

Помимо букета, у практикующего также при себе был классический набор из коробки дорожных шоколадных конфет и бутылки красного полусухого, причем марки, предпочитаемой мамой.

– Привет, – улыбнулся темный.

– Привет, – расплылась я в ответной. – Необязательно было так заморачиваться...

– Обязательно, – оборвал Влад, делая шаг вперед и буквально вталкивая меня обратно в подъезд. Помня, чем и как закончился последний наш подобный совместный заход, тем более что на мне, по дурацкой случайности, оказалась та же самая блузка, я поспешно отступила. Можно сделать себе еще больнее? – У меня и для тебя кое-что есть.

– Только попробуй достать собачьи консервы, – неуклюже пошутила я.

– Мне еще дорога моя жизнь, – хмыкнул Яблонев, залезая в карман куртки и презентуя мне киндер-сюрприз. – Прости, киндер-сарделек еще не делают.

Против воли я прыснула, смахивая с его ладони вкусняшку.

– Готов? – тяжело вздохнула я, отсмеявшись.

– Как пионер, – кивнул практикующий, и я первой зашла в квартиру, снова погружаясь в ароматы мяса и специй.

Мама стояла в зале, перед столом, с интересом косясь на прихожую, но все же позволяя Владу разуться и снять верхнюю одежду без своего вмешательства. Приподняв бровь на шоколадное яйцо в моей руке, она беззвучно спросила, как выглядит, и я незаметно показала ей большой палец, удерживаясь от кривляния. Подхватив весь свой набор хорошего гостя, Яблонев зашел в комнату, с ходу одаривая маму одной из своих лучших улыбок.

– Добрый вечер, я – Влад, а это вам.

– Здравствуй, Влад, меня можешь звать просто Павла, ну что ты, не стоило...

Передразнивая маму про себя со всем ее хихиканьем, пользуясь тем, что за спиной практикующего этого все равно не видно, я ожидаемо была отправлена на поиски вазы для «чудесного букета». Справившись с миссией без потерь и оставив ее результат на кухне, вернулась в зал, где мама как раз усаживала Яблонева справа от себя, попадая под его обаяние. Их диалог был связан с тем, как ведьмак до нас добрался. Интересно, сколько по времени займет мамин допрос и закончится ли он хотя бы к десерту?

– Дочь, где у нас штопор?

– Я его приносила, – заозиравшись в поисках вещицы, я нашла ее одновременно с Яблоневым.

Парень взял штопор и протянул руку за бутылкой вина, собираясь ее открыть.

– Наконец-то за столом есть мужчина, чтобы поухаживать за нами, – отметила мама, накладывая всем в тарелки салат.

Я поджала губы, надеясь, что, если очень сильно захотеть, то можно будет провалиться под пол вместе со стулом. Лукавый взгляд практикующего поверх мамы только придавал мне еще большего желания слинять. Надо думать, впереди нас ждет еще множество подобных высказываний, мама точно в настроении.

– Мне это только в удовольствие, – ответил Влад, наполняя мамин фужер. Угу, в удовольствие, а мне хоть вешайся.

– Передай хлеб, – попросила мама Яблонева, и когда их руки соприкоснулись над столом... что-то произошло.

Еще не понимая, что конкретно случилось, я уже чувствовала надвигающуюся катастрофу. Во-первых, от Влада исходила сосредоточенность, как во время работы с клиентом. Улыбчивый парень растворился, давая проступить ведьмаку. Во-вторых, мама отпрянула от него так резко, что ее стул немного проехал по ковру назад. Схватившись за тонкий золотой браслет на правой руке, который был на ней столько, сколько я себя помнила (подарок от бабушки и дедушки на ее двадцатилетие), она вскочила, уставившись на Влада без какого-либо радушия и дружелюбия. Напротив, ее глаза выражали страх и... враждебность.

– Ты... немедленно покинь мою квартиру, – твердо проговорила она, сверля взглядом Влада.

– Мам, ты что? – поперхнулась я, поднимаясь одновременно с Яблоневым.

– И держись подальше от моей дочери, – и ухом не повела мама.

– Мам!

Влад склонил голову набок, разглядывая маму по-настоящему.

– Агата, не лезь, ты не понимаешь, – посмотрела на меня мама, прежде чем снова скрестить взгляд с ведьмаком. – Уходи сейчас же. Я знаю, кто ты... Один из них. *Других.*

Откуда мама знает о практикующих?

– Думаю, все же не знаете, – спокойно ответил Яблонев.

– Мою дочь ты не получишь, – процедила мама. – Даже не думай снова с ней увидеться.

Абсурд!

– Мама, пожалуйста, хватит! Я знаю, кто Влад! – крикнула я. – Знаю с самого начала! Тебе-то откуда об этом известно?

– Твой отец пожертвовал жизнью с нами, чтобы никто из них тебя не нашел, а ты...

Видят боги, я ожидала чего угодно, да только не этого. Даже скажи она, что сама практикующая или когда-то обращалась к ним за помощью, это бы меня не потрясло так, как упоминание отца.

– Отец? Ты что, издеваешься? Двадцать лет ни слова о нем, а теперь, оказывается, он чем-то пожертвовал? – Голова закружилась, и, не поддержи меня Влад, я осела бы на пол. Обхватив руками за пояс, практикующий вжал меня спиной себе в грудь.

– Мы хотели, чтобы у тебя была нормальная жизнь, без *них*! Отойди от него, и пусть уходит.

Я задыхалась, цепляясь за руки Яблонева. Слишком много эмоций, дог утробно рычала, скалясь, желая найти того, с кем можно было бы подраться. Я смотрела на маму, свою любимую маму, и видела одну сплошную ложь. Значит, все эти годы, всю мою жизнь, она знала о практикующих и фамильярах, знала, кем был мой отец, утаивала от меня что-то настолько важное, что я даже не понимаю насколько! Черт знает сколько раз я считала себя сумасшедшей, а она упорно делала вид, что ничего не происходит, что все абсолютно нормально, или высмеивала, говоря, что я все выдумала, как тогда, с Сухариком, в детстве защитившим меня от дворовой шпаны.

– Я его фамильяр. – Судя по выражению лица, мама точно в курсе того, что это такое. И ее явно напугал и ошарашил рык, щекотавший мое горло на каждом слове. – И мы уйдем вместе.

Я не могла тут оставаться. Стоять и продолжать смотреть на нее. Видеть, как она пытается разлучить меня с Владом, словно это было возможно!

– Ты никуда с ним не пойдешь!

– Да? Ты меня, похоже, вообще не знаешь! – рывкнула я, потащив Влада в сторону прихожей. – Раньше нужно было правду говорить, если было что сказать!

Возможно, мы поставили рекорд по сборам, покинув квартиру меньше чем через полторы минуты. Схватив телефон с ключами и сумку для ночевки, я застегивала куртку и ботинки уже на улице, ожидая, когда выйдет Влад, видно, задержавшийся, чтобы что-то сказать маме. Едва практикующий появился, я быстро направилась прочь со двора. Дог взвыла, и я прибавила скорости. Впрочем, Яблонеvu с его длинными ногами не составило никакого труда меня догнать.

Бесцеремонно схватив меня за шкуру, Влад потянул назад, разворачивая, и я уткнулась носом ему в грудь. Обхватив, темный

вжался лбом в мою макушку. Руки сами собой скользнули ему за спину, ладони легли на лопатки.

Меня затрясло, злость уходила, уступая слезам. Первые капли покатались по щекам, я всхлипнула, не в силах что-либо сказать. Успокаивающе поглаживая по спине левой, правой ведьмак достал телефон и вызвал такси. Где я буду остаток дня и ночь, даже не вызывало вопросов.

Через пять минут к нам подъехала серебристая «Ауди», Влад втащил меня на заднее сиденье, сел сам, обнял за плечи. Положив голову ему на грудь, я честно пыталась успокоиться, остановиться и просто начать нормально дышать, пока со всех сторон меня атаковала и грызла правда.

Кто-нибудь замечал, что чаще всего люди плачут из-за правды? Ложь так не ранит. Даже крах собственных надежд не оставляет такого пепелища, как правда. Из нее не выбраться, не забыть, не переделать. Правда – это аксиома, лом, против которого нет приема.

Моя правда заключалась в том, что все свои двадцать лет я прожила в обмане. Все фундаментальное, что, казалось, я знала о себе и своей семье, рассыпалось прахом. Может быть, бабушка с дедушкой тоже в теме?

Эта самая правда прошла по всем до этого известным мне фактам орехоколкой. Выходит, каждый раз, когда я как-то проявляла свои способности, мама притворялась, что ничего такого в этом нет. «Гормональное», «растущий организм», «переходный возраст», «ты пересмотрела кино», «хватит выдумывать». Вот она, вереница ее обычных реакций на необычную меня.

Сжав руку Влада, я выскользнула из притормозившей перед его домом машины, шмыгая носом. На ходу вытирая слезы, я так и не придумала, что сказать. Вроде бы мне нужно извиниться за мамино поведение и все происходящее, но...

На пороге возникла Тамара. Удивленно посмотрев на меня, она было открыла рот, но ее сын резко качнул головой, давя любые вопросы в зародыше. Впервые вид радостного Кельта не вызвал улыбки, хотя пес тут же ринулся облизывать лицо, убирая слезы.

– Кельт, фу, – осадил Яблонев любимца, стягивая с меня куртку. Раньше чем я успела нагнуться, темный присел на корточки и расстегнул мои ботинки, ставя перед ногами тапки.

Быстро справившись с собственной одеждой, Влад так же молча, за руку, повел меня наверх, в свою комнату. Мягкий матрас его кровати приятно встретил спину, когда ведьмак просто толкнул на нее, ничего не говоря. Забравшись следом, парень обнял меня за пояс, позволяя продолжить прятки на своей груди.

Поглаживая вдоль позвоночника, едва задевая шею своими длинными пальцами, Яблонев ровно дышал, подавая пример. Сосредоточившись на дыхании ведьмака, его ароматах, пробивающихся в нос сквозь плотину соплей, и касаниях, я перестала судорожно втягивать воздух и дергаться, будто выброшенная на берег рыба. Как и в прошлый раз, после той ссоры с Ирккой, стоило нам остаться одним, без отвлекающих и мешающих факторов, как взять себя в руки стало на порядок легче. Вернее, в руки меня взял Влад, а ему сейчас я доверяла куда больше, чем себе.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем назойливая мысль посетить ванную перешла в действие. Отстранившись от Влада, я вышла из комнаты и вскоре встретила со своим жутким отражением в зеркале над раковиной. Распухшие веки и красный шмыгающий нос, разводы туши и слипшиеся ресницы, глаза стеклянные, как при высокой температуре. Сбившийся набок, наполовину растрепанный хвост... Я смотрела на лохматое зареванное чудовище.

Холодная вода справилась с тушью, немного уняла жжение, затушив пустыню под веками, но не смогла смыть с меня два последних часа. В дверь поскребся Кельт, очевидно, настороженный тишиной и моим долгим отсутствием. Толкнув ее от себя, я вовремя переступила вправо, спасаясь от мохнатого монстра, вознамерившегося сновализать меня до смерти.

– Прости, дружок, я не в настроении. – Я потрепала пса за уши, морщась на собственный голос. Слишком тихий и сиплый, словно я отстояла двухчасовой концерт, подпевая каждой песне во все горло.

Вернувшись к Владу, я почуяла на пороге тонкий парфюм Тамары, сразу же замечая на столе маленький термос с кружкой и обычный стакан воды. Рядом, на стуле, висела моя сумка для ночевки. Яблонев лежал все там же, но уже в домашней черной майке.

– Вот план на ближайшие десять минут: я пойду пройду с Кельтом вокруг дома за участком, а ты выпьешь или чай с ромашкой и мятой (он в термосе), или воды и переоденешься, после чего

опустишься вот сюда. – Он похлопал на кровать рядом с собой. – Без шансов и без вариантов.

Узнав строку песни Земфиры, я кивнула, понимая, что это руководство к действию и Влад настаивает, а не спрашивает. В хаосе происходящего мне нужны были хоть какие-то инструкции, что-то простое хотя бы на ближайшие десять минут. Парень подхватил куртку, щелкнул пальцами Кельту, и они оставили меня в одиночестве. Сильно сомневаясь, что трава, кем бы она ни была сварена, может мне помочь, я остановилась на воде, осушив стакан в три глотка.

Прошло меньше оговоренного, когда практикующий вернулся, застав меня ровно там, где указал, закрывая за собой дверь. Видимо, Кельт остался внизу с Тamarой. Не сводя с меня встревоженного взгляда, Влад бросил куртку на стул, забрался на кровать, натянул на нас одеяло и привлек к себе, сразу же стаскивая с волос резинку и зарываясь в них пальцами.

– Я не хочу разговаривать, – тихо предостерегла я, не сомневаясь, что первое же слово о моих родителях или его провальном знакомстве с мамой откроет новый поток слез.

– Я знаю, Агата, – мягко заверил ведьмак. – Засыпай, никто тебя не потревожит. Я рядом.

Этого было достаточно. Тишина и Влад, осторожно переплетший наши руки в замок. Уютно устроившись у него под боком, я прикрыла уставшие глаза, сосредотачиваясь на его пальцах, нежно и почти невесомо перебирающих мои волосы.

Похоже, я заснула, потому что, открыв глаза в следующий раз, увидела Влада, читающего в свете прикроватной лампы. Рука темного все еще служила мне подушкой, моя была переброшена ему через пояс. Почувствовав, что я проснулась, парень вопросительно посмотрел на меня поверх корешка.

Не требовалось спрашивать, чтобы знать, что спокойным сном без последствий в виде головной боли и раздавленного состояния я обязана ему. Серые глаза не отпускали, вчитываясь в мои, и я точно знала, что он в них видит. Знала, потому что на этот раз не прятала и не сбегала, собираясь пуститься во все тяжкие. Нахмурившись, практикующий окончательно отложил книгу:

– Ты этого не хочешь.

– Мне лучше знать.

– Агата... – Темный покачал головой.

– Пожалуйста, – лихорадочно шепнула я.

– Еще позавчера ты...

– Позавчера никто не пытался нас разлучить, – перебила я, догадываясь, что ведьмак хочет сказать.

Да, еще позавчера я свято верила, что избежать повторения возможно. Зарекалась, что больше ни за что не буду ночевать в доме Яблонева и не подставляю ему шею. Всего лишь два простых обещания, два чертовых личных табу, о которых я думаю, лежа с Владом у него дома в кровати ночью, в шаге от нарушения последнего, что осталось. «Никогда не говори “никогда”» никогда не чувствовалось настолько остро-верным утверждением, как в это мгновение.

Яблонев тяжело вздохнул, открывая рот, чтобы сказать мне наверняка что-нибудь по-взрослому отрезвляющее, умное, аргументированное, наконец, мудрое, но любые его слова сейчас бы не достигли цели. Мой палец лег ведьмаку на губы быстрее, чем с них сорвался хотя бы звук. Горячее дыхание нежно поцеловало подушечку, серые глаза смотрели выжидающе. Если бы не напрягшаяся под моей шеей рука, подумала бы, что он абсолютно спокоен.

Безумно, но из всего неудавшегося ужина больше всего меня разозлило не упоминание об отце, не то, что мама знала и разубеждала меня в том, кто я есть, не то, что существовала еще какая-то тайна, копаться в которой только предстоит. Все это было после основной причины пробуждения вулкана, каким я себя почувствовала. Мама указала Владу на дверь.

Не глядя на меня, не желая понять, насколько мы важны друг другу, не видя, что мы по-настоящему связаны. Крепче и сильнее, чем сами можем осознать. Я не собиралась терять Яблонева и отказываться от связи по чужой прихоти, даже если это желание матери. И вовсе не потому, что Владу придется тяжело без фамильяра и он, возможно... не сможет протянуть долго, как боялись Прахова и Захарова. Все куда прозрачнее и эгоистичнее, мы, темные, умеем признаваться самим себе в слабостях, при этом скрывая их от посторонних.

– Ты мне нужен, – хрипло призналась я.

У правды есть удивительное свойство. Уничтожая жертв, оказавшихся у нее на прицеле, она дарит поразительную легкость тем,

кто ее направляет. Если, разумеется, целящийся и раненый не одно и то же лицо.

– Я не могу отказать тебе, даже если бы хотел, – низко проговорил парень, не отстраняясь.

– А ты не хочешь, – тем же тоном утвердила я.

Вместо ответа Влад прикусил мой палец, погружая комнату в темноту ночи, просачивающейся к нам через окно. Пальцы скользнули по гладкой щеке практикующего, зарылись в густые волосы на макушке, тело подалось навстречу, едва он навис надо мной. Никаких вопросов, запинок и полумер. Только жар, жажда, желание касаний. В голове промелькнуло еще одно недвусмысленное «ж», но исчезло так же быстро, как появилось. Поздно тормозить, когда шагнул вниз. Либо разбиваться, либо лететь.

Влад, поддразнивая, прикусил мочку, я откинула голову, предоставляя ему право хозяйничать на моей шее. Когда его зубы резко сомкнулись там, где были больше всего нужны, разум окончательно уступил место водителю инстинктам, выключаясь. Я не контролировала себя, не хотела, даже не знала, возможно ли это, когда запах и руки ведьмака окружали со всех сторон.

Ноги обвили его бедра, рука прошла вдоль позвоночника, подстегивая, мы вжались друг в друга, и на теле не осталось ни единого участка, не охваченного огнем. Задыхаясь, я уткнулась носом в плечо практикующего, заблудившись пальцами в его волосах. Лбы соприкоснулись, дыхание сплелось в крохотном, едва заметном расстоянии между лицами, барабанный бой сердца отдавался в костях и резко обрывался. Плавное, словно взмах крыльев, скользящее вниз движение, волна мурашек проносится от шеи до пояса, перекидываясь на руки... Хлипкая дистанция тает, как первый снег. Влад захватывает нижнюю губу, тянет, прикусывает, вдыхает в себя мой стон, отпускает и снова ловит...

Каждая следующая минута длиннее, горячее предыдущей, пока время вовсе не теряет значимости. Пальцы сплетаются в два замка, вжимаются в кровать выше головы, еще несколько укусов шеи, и я... ловлю губу Влада.

После моего нежного укуса что-то кардинально меняется, на голове шевелятся волосы, когда густота пространства вокруг нас усиливается в несколько раз. Низкий горловой стон принадлежит не

мне, но в одночасье становится моим любимым звуком. Влад Яблонев, потомственный темный ведьмак, стонет мне в рот, и в этот миг я знаю, что он – мой. Его сила, родная, знакомая, близкая, проносится по мне ветром, забираясь под одежду и будто бы под кожу, усиливая все происходящее в разы, сотрясая тело лихорадкой. Самой приятной, горячей, всеохватывающей и растворяющей меня в себе лихорадкой.

– Я те...

– Не надо, – хрипло оборвал Влад мое зарождающееся признание, резко отстраняясь, откатываясь и покидая кровать. Всего мгновение назад парень прижимался ко мне, а мне уже безумно не хватает его прикосновений, словно прошел год. – Я... вернусь позже.

Я и рта не успела раскрыть, как за ним уже захлопнулась дверь. Князь... сбежал! Перевернувшись, я обняла подушку, скрывая в ней улыбку. Похоже, не все так однозначно, как Яблонев утверждает о себе. Случившееся только что – главное тому доказательство.

Может объяснять это как угодно, я знаю правду. Влада тянет ко мне так же, как и меня к нему. И в этой тяге нет ничего дружеского, семейного или наставнического. Будет трудно одолеть его упрямство, но шанс есть. Значит, мне придется побороться за него, сколько бы времени это ни заняло, потому что... выхода нет. Верность дога принадлежит лишь одному, и сердце Агаты Вольской тоже.

Глава 27

Влад вернулся в комнату, когда начало светать, в сопровождении Кельта, ароматов уличной прохлады, табака и почему-то железа. Сонно приподняв голову, я увернулась от холодного носа пса, весело крутящего хвостом, и посмотрела на его хозяина, вешающего на спинку стула толстовку.

Почти бесшумно передвигаясь по комнате, Влад без скрипа открыл дверцу шкафа и скрылся за ней. Догадываясь, что ведьмаку требуется переодеться, я повернулась спиной к комнате, избегая, прежде всего, собственного смущения. Кровать позади прогнулась, одеяло чуть натянулось...

– Я знаю, что ты не спишь, – прошептал Влад.

– Не удивил, – фыркнула я, снова поворачиваясь к темному, устраивающемуся на подушке.

– Не старался.

Можно подумать, это когда-то ему требовалось.

– Тебе и не нужно. Спасибо. За все.

– Этот дом и все, что в нем есть, всегда в твоём распоряжении, Агата, – чуть помолчав, ответил Яблонева, протянув руку и пропустив между пальцев прядь моих волос. – Спи.

Ничего другого не оставалось. Усталость давила стальным прессом, и возвращение Влада лишь усилило ее, лишив причины бодрствования. Разговаривать не тянуло ни о случившемся днем, ни тем более о ранее развернувшемся в этой кровати действе. Думаю, затрагивать последнее вообще не стоит, учитывая реакцию Влада. Пожелав ведьмаку спокойного утра, я улеглась на живот, пряча руки под подушку, страхуя себя от попадания «на сторону» практикующего.

То ли страховка была так себе, то ли фамильярство пожизненно прописало меня на сторону Влада, в чем бы она ни заключалась, неважно, точка зрения или участок пространства, проснувшись, я обнаружила себя на и под руками Яблонева, почти касающейся носом его горла. Подбородок темного чуть задевал затылок, ладонь прижималась между лопаток, правая нога, согнутая в колене, лежала в капкане моих собственных.

Глубоко вздохнув, наслаждаясь ароматом Влада, я осторожно перевернулась в его руках, потягиваясь. Что-то недовольно пробормотав, парень зарылся носом мне в волосы, крепче, по-собственнически прижимая к себе. Еще одно доказательство того, что усердно игнорирует и отрицает мой практикующий, находясь в сознании и спокойствии. Сестер и подруг так к себе не прижимают.

За окном царило солнце, и, по-моему, в моей выпавшейся и пригретой ведьмаком душе в эту минуту тоже. Дотянувшись до телефона, я лениво разблокировала экран, не видя ни одного пропущенного звонка или сообщения. Что бы вчера ни сказал маме Влад, это подействовало достаточно, чтобы она не пыталась со мной связаться всеми доступными способами.

Отложив технику, я слушала сопение Кельта и ровное дыхание Яблонева, заряжаясь теплотой, светом и кроватьным уютом утра, начавшегося для меня в половине первого, как подсказывал телефон. Прикрыв глаза, сосредоточившись на доге, я обнаружила ее свернувшейся калачиком на границе между цветочных полей и темным лесом практикующего. Ворона видно не было, но то, что он совсем рядом, чувствовалось. Наверняка прятался в ветвях так же, как его хозяин за самоубеждением и собственными страхами.

Вскоре я почувствовала, как руки вокруг меня напряглись, выдавая пробуждение Влада. Не давая ему времени отстраниться, я перевернулась и подтянулась выше, оказываясь с парнем лицом к лицу на одной подушке.

– Доброе утро, которое день, – улыбнулась я медленно выплывающему из сна Яблону.

– Доброе, – хрипло каркнул Влад, встречая мой взгляд своим мутно-серым. – Как ты?

– Сложно, – чуть пожала я плечами.

Это казалось самой правдивой характеристикой. Подозреваю, что не мечусь по комнате, дергая на себе волосы, только благодаря присутствию практикующего, действующего на меня, как ванна успокоительного. Слишком много вопросов и переживаний, но пока что все они успешно отрезаны дверью его комнаты.

– Но я хотя бы выпалась, а это уже что-то, – добавила я, видя, как проясняется серость его глаз, начиная блестеть вопросами.

– Осталось еще поесть, – хмыкнул Влад, убирая с моего лба прядку.

Заметив что-то темное, торчащее из-под задравшегося короткого рукава его майки, я нахмурилась:

– Что это?

– Где?

Протянув руку, я постучала по снова скрывшемуся под тканью участку, сомневаясь, что мне что-то показалось. Вместе с тем стало ясно, что я никогда не видела Яблонева без рубашки, и это... Я закусила губу, обрывая свой интерес хотя бы на время.

– Татуировка, – пояснил Влад, тут же расслабившись.

Не успев как следует уйти, интерес вернулся, хлопнув дверью и зазвонив на колокольне моего любопытства во все колокола.

– У тебя есть татуировка? – вытаращилась я на парня, привстав на локте. – Почему ты не говорил?

– Ты не спрашивала, а я не особо представляю, как это вставить в обычный разговор, – приподнял бровь Влад. – Хочешь посмотреть?

Еще спрашивает! Хмыкнув, практикующий сел, стаскивая майку через голову и отвечая на все вопросы по этой теме разом. Разумеется, никакой повышенной волосатости, складок на животе или лишнего веса, что я и так чувствовала сквозь одежду каждый раз, как мы... прижимались друг к другу. Кожа обтягивала сухие мышцы, на грани плавности и четкого рельефа. Никогда не видела, чтобы Влад занимался какими-то физическими упражнениями, но, возможно, турник на заднем дворе вовсе не пережиток прошлого, как мне однажды подумалось.

– Подтягивания? – предположила я раньше, чем прикусила язык.

– Тридцать раз каждое утро с дополнительным весом перед прогулкой с Кельтом, пресс и отжимания, – кивнул Влад, заодно давая понять, где он был после моего очередного попраения собственных обещаний самой себе.

Однако я уже смотрела выше, на левую сторону груди, где от острого стержня распускалось черное перо, превращаясь в стаю птиц, улетающих за надплечье через плечо. Неудивительно, что я никогда их не видела, татуировка была на таком месте, что насладиться ее видом мог только кто-то близкий Владу. Тем более что ведьмак не любил ходить по дому без майки или в распахнутой рубашке, как многие

парни, напротив, предпочитая толстые свитера, длинные рукава и толстовки. Очередные ветки, скрывающие от взглядов посторонних.

– Можно? – спросила я, уже потянувшись к чернилам на его коже.

– Тебе – да, – тихо разрешил практикующий.

Осторожно прикоснувшись к острому, словно заточенному, стержню, я повела вверх, вместо ожидаемой шероховатости чувствуя лишь гладкость и тепло. Чуть вздрогнув, Влад прикрыл глаза, и я приняла это за одобрение, как и мурашки, покрывшие его предплечья. Следуя всем изгибам и росчеркам тату, я улыбнулась, насчитав тринадцать ворон. Правда, мысль о том, кто еще мог так же пересчитывать стаю на теле практикующего, встала в горле ложкой горчицы с привкусом уксуса.

Убрав руку, проклиная собственное любопытство, я уставилась на одеяло. Прошла всего неделя, он мог даже белье не менять после того, как... Глубоко вздохнув, стараясь унюхать въевшиеся в нос в прошлый раз ароматы, я не почувствовала ничего, кроме привычного сочетания нас, Кельта и смеси запахов самой комнаты.

– Она не спала здесь, – ровно проговорил Влад, обрывая мои поиски и ловя на горячем. Черт.

– Я...

– В этой кровати может находиться только тот, кто мне действительно важен, Агата, – подцепив длинными пальцами мой подбородок, ведьмак заставил смотреть себе в глаза. Обхватив запястье, не защищенное браслетом, я потерлась щекой о руку своего ведьмака. Жест пришел сам собой, неважно, подсказанный собачьей сущностью или родом, сейчас он ощущался самым правильным, воплощая признательность, извинения и доверие в одном флаконе. Шумно выдохнув, Яблонеv зарылся пальцами в мои волосы, притягиваясь ближе, касаясь губами макушки.

– Прости меня, – прошептал Влад. – Я никогда не хотел причинить тебе боли, любой ее разновидности, и я бы понял, действительно понял, реши ты не в мою пользу.

– Я тебе верю, – пробормотала я ему в грудь. – И я тебя прощаю, оставим это. Не могу без тебя.

Признание далось легче, чем думалось. Не всякую правду тяжело говорить, но для каждой нужен свой особый момент. Всего один, и

поймать его – самая большая сложность. Мама вот вчера опоздала со своей лет на десять, в чем бы она ни заключалась.

– Не могу без тебя, – эхом повторил Яблонев, прижимая меня к себе. – Но и так, как ты хо...

– Тш... – Я покачала головой, не желая этого слушать, будучи слишком уверенной в своей новообретенной надежде. – Пусть все идет так, как идет, хорошо?

– Хорошо, – чуть помолчав, ответил темный, и я кожей ощутила, как момент откровений ушел, тихо притворив за собою дверь. – Думаю, твое табу на ночевки в моем доме отменено, верно?

– Как бы мне у тебя поселиться не пришлось, – уныло проговорила я.

– Правая сторона – твоя. – Влад похлопал по кровати.

– Не смешно, – пробормотала я.

– А я и не шутил, – хмыкнул практикующий. – Брось, все будет хорошо, тебя не выгоняли из дома.

– А если я сама захочу уйти? – прямо спросила я, боясь такого развития событий.

Если мама продолжит настаивать на отсутствии Яблонева рядом, то так все и будет. А это значит, что вопрос о всей моей дальнейшей жизни, учебе, даже собственных вещах встанет ребром. Так и думала, что действие ведьмака на меня не продлится долго, дверь все еще была закрыта, но вчерашний день со всеми его проблемами начал просачиваться из-под нее.

– То тебе есть куда, – так же прямо утвердил Влад.

– Что вчера вообще произошло? – Я вскочила с постели, одергивая майку. – Ты можешь мне объяснить?

– Могу, но не раньше, чем ты поешь, – серьезно кивнул Яблонев. – Голод сильно влияет на твои эмоции, а со вчерашнего дня за весь вечер ты выпила только стакан воды.

Полчаса спустя я накрывала на кухне завтрак-обед, то и дело косясь в сторону кабинета Тамары, откуда периодически слышался женский плач. Мимоходом Влад пояснил, что у матери на приеме «троекратная» вдова, и это надолго, так что на нее можно не готовить. Ведьмак вернулся с улицы вместе с Кельтом как раз к моменту, когда я разливала кипяток по кружкам.

Запрыгнув на соседний стул, Яблонев бросил псу сушку. Глядя, как довольно тот хрустит вкусняшкой, я сама, впервые за сутки, ощутила голод и потянулась за бутербродом. Вкус и аромат ветчины ненадолго вскружили голову, наполнив простым собачьим счастьем, и я растворилась в утолении первобытной потребности, с каждым кусочком все больше добрея и понимая, почему Влад так настаивал на необходимости завтрака. Чем теплее и сытнее становилось в животе, тем светлее и радужнее казался день со всеми его нависшими надо мной проблемами и решениями.

– Теперь тебе точно лучше, – хмыкнул Яблонев, допивая чай.

– Как мама поняла? – ринулась я напролом, тем более что условие Влада было выполнено.

– У нее на руке заговоренный браслет, предупреждающий о практикующих при контакте с ними. Когда я передал хлеб, наши руки соприкоснулись, и он сработал, – тихо начал Влад. – Думаю, его ей оставил твой отец, чтобы она могла... проверять твоё окружение и оберегать от таких, как я.

– Хреново вышло, – сдавленно буркнула я, мысленно ставя галочку напротив еще одной лжи. Подарок от родителей на двадцатилетие, как же! – И потом, если отец хотел меня защитить от чего-то или кого-то, то должен был быть рядом, а не сбегать, всучив матери браслет и указание «никаких практикующих»!?

– Спокойно, – поморщился Влад, накрывая мою руку. – Вероятно, у него не было выбора или возможности остаться. Мы знаем, что он потомственный фамилляр, как и ты, а значит, у него не может не быть практикующего или... – ведьмак поджал губы, – практикующей.

– Хочешь... – я приоткрыла рот, рефлекторно переворачивая руку под ладонью темного и проскальзывая пальцами сквозь его. – Хочешь сказать, что я – результат интрижки на стороне?

Конечно, как я давно уже поняла, практикующий и фамилляр не всегда были парой во всех смыслах, но все же подобное весьма распространено, что доказывали наши светленькие друзья. Может, у отца вообще другая семья и у меня есть сводные брат или сестра? Сжав руку Яблонева, я подперла голову свободной, не в восторге от перекатывающихся в ней мыслей.

– Пока я ничего не хочу сказать и делать какие-либо выводы, и, насколько мне известно, об интрижке и речи не должно идти, учитывая

сущности твоего рода и силу связи. – Серые глаза прочно поймали мои, донося всю серьезность. – Мне не удалось покопаться в этом как следует, я больше был сосредоточен на тебе. Ты должна поговорить с матерью снова, без моего присутствия, и попытаться выяснить все, что она знает о твоём отце, причинах, по которым тебя хотели спрятать, и, самое главное, от кого. Павла запаниковала, считая угрозой любого практикующего, но я почувствовал, что не все так просто. Думаю, твой отец опасался кого-то конкретного, и, если это так, мы должны знать суть этих прятков, потому что у меня слишком много предположений и ни одно из них не внушает спокойствия.

– Без тебя я вспыхну и не захочу ничего слушать, – поежилась я, лишенная иллюзий на этот счет. Одни боги знали, на что я могла быть способной в такой ярости, как вчера, но без сдерживающего фактора в виде своего практикующего, умеющего доходчиво и безболезненно одернуть в критический момент.

Влад улыбнулся краешком рта:

– Я всегда с тобой, для этого не обязательно физическое присутствие. Только концентрация.

Еще одна вещь, которую я не учла, в начале недели запальчиво заявляя себе, что смогу обособиться от ведьмака. Нельзя отгородиться от того, кто может почувствовать тебя на расстоянии, как следует задумавшись. Тем более что это работает в оба конца, пусть и периодически барахлит с моей стороны.

– Что ты сказал ей, когда я вышла?

– Что тебе нужно дать время остыть и что ты вернешься домой, как только будешь готова.

– И это не все, – протянула я, зная обоих достаточно, чтобы понимать, что так просто все закончиться не могло. – Было что-то еще, верно?

Яблонев невинно пожал плечами, лукаво посмотрев на меня:

– Может, я и упомянул вскользь, что звонить или писать – пустая трата времени, потому что моих способностей хватит, чтобы ничего из этого тебя не достигло. С другой стороны, я также заверил Павлу, что со мной ты в полной безопасности... – Яблонев покосился на мою шею, и я заинтересовалась поверхностью стола, чувствуя, как горят кончики ушей. Как всегда, при свете дня моя маленькая жаркая

зависимость выглядела еще неприличнее и порочнее, чем была на самом деле.

– Влад, – я покачала головой, не сдержав улыбки, – а... какая у мамы сущность, ты же не мог не увидеть ее?

– Она... морской волк на берегу океана, – улыбнулся Влад.

– Ого, – моргнула я. – Точно волк, а не котик, ты не перепутал? Просто я никогда не слышала про таких...

Яблонев смерил меня скептическим взглядом, достал телефон, пара манипуляций, и я начала вчитываться в статью о морских волках, охотящихся на берегах на различных рыб и способных проплыть более десяти километров. Понятно, откуда мамина любовь к морепродуктам и плаванию...

– Волк, – восхищенно покивала я, вернув телефон хозяину.

– Ага, – хмыкнул Влад. – И сущность твоего отца просто не может не быть крупной собакой.

– А если сущности обоих родителей принадлежат к одному... м-мм... виду, то...

– Сущность их ребенка просто зашкаливает по проявлению своих возможностей во всем. Прежде я думал, что настолько ярко выраженные проявления сущности у тебя из-за потомственности, а теперь стало ясно, что есть еще один немаловажный фактор. Вероятно, ты... – Влад осекся, выпрямившись на стуле и отдернув руку, повернувшись к окну.

Чувствуя его мгновенное переключение с домашнего режима на рабочий, я соскочила со стула, уставившись в окно, но ничего, кроме хорошей погоды и участка с беседкой, оно не показывало. Подпрыгнув, когда в напряженной тишине что-то со всей силы ударилось об пол, я уставилась на место, откуда донесся звук. У холодильника валялся магнит в виде кошки с просвечивающим в животе рыбьим скелетом.

– Не похоже, что ослаб, – пробормотала я, возвращая кошку на место.

– Он – нет, а тот, кто его подарил – да, – отстраненно пояснил Яблонев, потянувшись к телефону. – Варвара.

Я почувствовала звонок до того, как мобильный темного заиграл «Ведьму» «Мельницы». Яблонев поднял трубку, но вместо ожидаемой Праховой на том конце обнаружилась Миркова.

– Влад?

Напрягшись от паники, прозвучавшей в голосе Пантеры, я закусила губу, встревоженно глядя на своего ведьмака, меняющегося на глазах. Переведя разговор на громкую связь, он оперся ладонями на столешницу, сверля взглядом экран:

– Что и где?

– На нас напали, не напрямую, сейчас мы в Кремлевском сквере, я... что-то не так, я не могу помочь Варе, как обычно... Она совсем на меня не реагирует, просто сидит и смотрит в одну точку!

– Будем через полчаса, Захарова уже направляется к вам, она прислала мне оповещение, – ответил Влад и отключился.

Ударив ладонями по спинке стула, ведьмак резко выпрямился и повернулся ко мне, в серых глазах зарождалась буря. Кошачий тандем был «нашими людьми», и я чувствовала ту же самую злость, не его, по связи, а свою собственную. Глубоко вздохнув, Яблонева прикрыл глаза, успокаиваясь, и, когда буря превратилась в снеговые тучи, я рискнула спросить:

– Думаешь, это Гиена?

– Он не настолько смертник или идиот, – качнул головой практикующий, первым поднимаясь по лестнице. – Я на чердак, возьму необходимое.

Кивнув, я скользнула в его комнату, схватила телефон и ключи от дома и, чуть посомневавшись, оставила собранную сумку для ночевки в углу. Вряд ли она теперь может пригодиться еще где-нибудь, кроме дома Яблонева. Ирка все чаще ночует у Леши, скорее всего, летом вообще переедет жить к нему, а больше вариантов нет.

Собрав волосы в хвост, я на ходу потрепала путавшегося под ногами Кельта по ушам, сталкиваясь в коридоре с Владом, придерживающим на плече рабочий рюкзак. Пройдясь по мне сосредоточенным взглядом, парень взял меня за руки, рассматривая запястья и кольцо.

– Порядок, – пробормотал ведьмак себе под нос. – Такси будет через три минуты, ты... без сумки?

– Я вчера не подумала ее захватить, слишком торопилась убраться, – пробормотала я. – И... скорее всего, после того, как мы пойдем, что там случилось, поеду домой, поговорить с мамой.

– Хорошо, – кивнул Влад.

Пока я разбиралась с курткой и ботинками в прихожей, Яблонев постучался в кабинет матери. Разговор был тихим, но я все равно уловила, что касается он Варвары и причины нашей спешки. Закрыв Кельта в гостиной, дав ему несколько сушек, Влад присоединился к сборам, и вскоре мы выезжали из его района.

Добравшись до центра в рекордные сроки благодаря лихому водителю, мы вышли прямо на светофоре, перед входом в Кремлевский сквер, где, что удивительно для погоды и воскресенья, почти никого не было. Удивительно для обычного человека, но не для фамильяра, знающего, как практикующие умеют отпугивать от себя народ, когда им это нужно.

– Пока я не скажу, ничего не делай, – предупредил Влад. – Сначала я должен быть уверен, что там нет чего-то, что способно перескочить на нас. Нападение на Варвару может быть ловушкой для остальных.

– Что-то вроде инфекции, передающейся по воздуху? – предположила я.

– Не по воздуху, а при соприкосновении с энергетикой, – пояснил Яблонев.

– Хорошо, – согласилась я, не горя желанием погружаться в темный лес практикующих в одиночку, без Влада и четких указаний с его стороны. – Если только что-то не будет угрожать тебе и я это почувствую.

– Договорились, – чуть улыбнулся парень, тепло посмотрев на меня, но почти сразу же закрываясь, становясь сосредоточенным и жестким ведьмаком.

ПрахМир сидели на лавке перед памятником Чудотворцам, рядом с ними обнаружили Захарова и Катя с Мишей. Саша обнимала согнувшуюся Варвару за плечи, и на мгновение реальность размылась, открывая пантеру, яростно хлещущую себя по бокам хвостом и прячущую за собой неподвижную черную кошку с всклокоченной шерстью.

Вблизи все выглядело еще хуже. Бледнее обычного, с почти черными глазами, Варвара напоминала вампира, как никогда до этого. Ведьму била дрожь, лоб покрывала испарина, рука, за которую ее держала Катя, нашептывая себе что-то под нос, тряслась в ладонях целительницы, как будто вокруг царил арктический холод. Карий

взгляд устало скользнул по нам с Владом, и я поежилась, не обнаружив в нем привычного ехидного огонька и уверенности.

– Что тут? – спросил Яблонев, склонив голову набок и вглядываясь в Варвару.

Прахова ответила непечатной фразой, отлично передающей глубину и полноту ситуации.

Кивком поздоровавшись со всеми, я отступила к Потапову, молча сжимающему и разжимающему кулаки, и Захаровой, повернувшейся ко всем спиной. Покосившись на Безумную Шляпницу, сегодня чернойфиолетовую, я заметила, как она прочертила тростью что-то у себя под ногами.

– Лучше ты, Влад, мой наговор долго не продержится, – с сожалением посмотрела на Варю Катя, отстраняясь.

– Ты все равно помогла достаточно, чтобы я... пришла в себя, – отметила Варвара. – С меня должок.

– Варь, – целительница укоряюще покачала головой, возвращаясь в руки своего богатыря, тут же заключившие ее в крепкое надежное объятие. Запахло медом и лесом, и я отступила еще ближе к Захаровой, не желая мешать взаимодействию светленьких. Наверняка Миша помогал Кате отойти от помощи Варваре.

– Я части себя не чувствую, – обратилась Прахова к Владу. – Налетел резко, из ниоткуда, тараном по защите, Сашка среагировала, но это уже была петля, и...

– Он тебя ослабил, перебил канал связи с фамильяром, а потом выгрыз часть энергии. Дистанционно, пройдясь по вам обеим. – Ведьмак присел на корточки, доставая из рюкзака черный напульсник, который прежде я никогда не видела. – Простой сон и восстанавливающие тут не помогут, но с этим ты еще пару часов будешь в строю.

– Знаю, – мрачно согласилась Варвара, положив голову на плечо Саше. – Отец уже звонил. Сегодня уезжаем в Калугу, думаю, дня три дома, и я буду в порядке. Он мог вытянуть все, я это четко почувствовала, но почему-то не стал. Как будто взял столько, сколько ему нужно, не месть и не жалость, что-то такое... – ведьма задумалась, переглядываясь с Сашей. – Липкое. Не когтистое и клыкастое, я не почувствовала его, пока он не налетел в лоб, и я уверена, что все, что отправила в ответ я, его не достало.

– Я его еще достану, – рыкнула под нос Саша, глядя Прахову по спине. – Это я виновата, мне нужно было...

– Хватит, – тихо оборвала ее Варя. – Ты не виновата, ты приняла на себя четыре удара, прежде чем он смог пробраться дальше. Мне следовало оценить угрозу лучше, перед тем как действовать и подставляться.

– Твою защиту могли пробить только две вещи, – обернулась к ней Захарова, перекидывая трость из правой руки в левую. – Сразу исключаем один вариант, а для второго дистанция не должна быть слишком большой, и без ритуала он не сработал бы, это значит, атака не была спонтанной. К тому же день подобран слишком удачно, сегодня полнолуние, как все вы помните. – Черт. Я-то как раз об этом забыла, слишком отвлеченная собственными проблемами. Даже обострившиеся слух, нюх и зубы ничего не сказали. – Я не чувствую уверенности или агрессии, скорее, отчаянье и... жажду. Ты права, энергетика и впрямь липкая, тягучая, как жвачка, приставшая к подошве. Для большей информации необходимо найти место ритуала, – Настя перевела взгляд с Саши на меня. – Если все так, как я думаю, то, обнаружив его, мы сможем увидеть четкий образ.

– Даже не пытайся, – глянула Варвара на Миркову. – Ты и так еле держишься, никакого поиска.

– Я попробую, – кивнула я, все поняв по взгляду Влада. Наконец-то можно не стоять столбом, а направить свои переживания и злость за кошачий тандем в дело. Видеть их такими растерянными, ослабшими и расстроенными – слишком неправильно, бьет куда-то в переносицу, раздражает и заставляет чесаться руки и десны.

– Иди сюда, – позвал Яблонев.

Остановившись возле своего практикующего, я глубоко вздохнула, когда он взял меня за руку и наши пальцы сплелись в замок. Его подбадривающее уютное тепло прогнало неуверенность. В квартире Березина я уже делала это, одна, а теперь, рядом с Князем, неудача исключена.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на собственной сущности и запахах, сжав пальцы ведьмака и получив ободряющее пожатие в ответ. Дог расхаживала по дороге взад-вперед, широко открыв пасть и ловя на язык все, что происходило вокруг. Там пахло весной, асфальтом и городом. Поверх этого легли знакомые ароматы

практикующих. Еще один вздох, и все «физическое» исчезло, обнажив чутью совершенно другой пласт.

Кислое уныние Саши, обжигающий холод ожидания Насти, древесная уверенность Влада, цветочно-луговое сочувствие Кати и Миши, ветерок со спины донес даже травянистое волнение Ирки и солено-морскую тревогу Березина. Очевидно, последние из нашего круга совсем неподалеку и вот-вот появятся в поле зрения. Мотнув головой, отстраняясь от всего лишнего, дог вздыбила шерсть, когда поверх мокрой пыли усталости и подавленности Варвары мы уловили едва заметную тухлятину. Разлитая вокруг ведьмы, словно шлейф самых отстойных духов на свете, она раздражала нос и покалывала язык.

Гадкая дрянь чувствовалась и дальше, отравляя воздух, как вонючий потный носок, забытый под кроватью. Вилась, как дым, но не вверх, а наискосок, над самой землей. Дог припала на передние лапы, оскалившись, ожидая, когда можно будет отправиться по следу, на охоту. Не желая разочаровывать ни ее, ни остальных, я повернулась на пятках, потянув Влада за собой.

– Я его чувствую, – пробормотала я ведьмаку.

– Тогда веди, – мягко напутствовал Влад, и этого было достаточно, чтобы все остальное размылось и отдалилось, оставив только нас двоих и уже ненавистный нам с догом запах.

Пройдя к ограде, чуя его с обеих сторон, я уверенно направилась к выходу, делая крюк. Остальные, подчинившись просьбе Влада, шли в паре метров позади. Мельком я уловила что-то вроде рассерженного шипения кошки и укоряющего уханья совы – это Варвара и Катя спорили, надо ли ведьме идти с нами, вместо того чтобы еще отдохнуть. У пешеходного перехода к компании за спиной присоединились Леша с Ирккой. Вроде бы Влад показал им идти с остальными, но я не была уверена, спеша оказаться подальше от прогретого солнцем океана Березина, почти перекрывавшего запах неприятеля.

– Стой, поймал его, – придержал Яблонев за рукав, когда мы оказались неподалеку от здания государственной телерадиокомпании.

– Я тоже, – согласилась Настя. – Похоже, он слишком спешил, чтобы прибрать за собой как следует.

Не отпуская моей руки, Влад уверенно повернул налево, и я почти сразу же узнала, где остановка нашего поиска. Подсказывал это даже не усилившийся запах и не четкое направление, взятое ведьмаком и поравнявшейся с нами Захаровой. Я просто поняла это по... зданию.

Мы шли к заброшенной полуразрушенной церкви, затесавшейся среди домов и крохотных магазинчиков под шапками деревьев. От одного взгляда на серый кирпич и полукруглую башню пробирали мурашки. Влад ранее предупреждал, что любое заброшенное здание несет в себе свою особенную энергетику, но шестым чувством я хорошо понимала, что церковь, как место для ритуала, – нечто из ряда вон даже для мира практикующих.

Древняя и внушительная даже в полуразрушенном состоянии, даже расписанная глупыми граффити, даже с учетом росшего внутри нее дерева и с нелепой новенькой табличкой с указанием улицы и присвоенным зданию номером. Остановившись в трех шагах от кирпичной стены, я посмотрела на Влада и Анастасию, разом прикоснувшихся к ней ладонями.

– Ого-го, – протянула Катя, широко раскрытыми глазами глядя на церковь. Почти незаметным движением Миша выступил чуть вперед, так, чтобы, если что, сразу же закрыть ее собой.

– Нам туда точно нельзя, – покачал головой Леша, останавливая Ирку.

– Не ходи, – обернулся Влад на Варвару.

– Я и так знаю, что там, – прикурила Прахова, прислонившись спиной к ближайшему дереву. Правда, почти сразу же она присела на корточки и, не выпуская сигареты изо рта, поводила обеими руками возле своего колена. – Думаешь, для меня секрет, чем конкретно меня пробили?

– У вас лопата у кого-нибудь есть в машине? – обратилась Миркова к Мише и Леше, глядя на место, где Прахова по-прежнему водила руками, выдыхая дым через нос.

– Вы о чем? – Я растерянно посмотрела на Влада, окончательно переставая понимать происходящее.

– А ты вдохни поглубже, сейчас дойдет, – опередила его Варвара, откинув голову, выдыхая дым вверх, зажмурившись.

Саша опустилась напротив нее, беря лицо своей практикующей в руки. На секунду мне показалось, что по бледной щеке ведьмы

скатилась слеза, и это было... слишком. Растерянность, страх – еще куда ни шло, со скрипом, но могло появиться у Варвары на лице, а слезы... Ничто никогда до этого не позволяло предположить, что сильная, уверенная и независимая Прахова, встречающая все с насмешкой, может допустить у себя подобную эмоцию, да еще и прилюдно. Раньше мне думалось, что она скорее откусит язык, чем покажет кому-то, кроме отражения в зеркале, какую-либо слабость.

– Это необязательно, если не готова, – попытался отговорить Яблонев, но я уже последовала совету ведьмы, желая понять, что ее подкосило.

Глубокий вздох чуть не стал моим последним. Дог взвыла, вздыбив шерсть, едва мы ощутили могильный холод, окружающий церковь, и смутно знакомую тяжесть. Похожее чувствовалось, когда мы с Владом поднимались к Виталине Андреевне разбираться с сущностью. Некроволна.

Мороз от нее обжигал ноздри и студил зубы, а под ним, где-то в сердцевине, находилось то, что вело меня с самого начала. Я не знала обозначения этому запаху, но стоя, возникшая за спиной дога, распознала его на лету, передав мне истину вместе с недовольным тревожным рычанием. Кошачья мертвечина.

– Агата, – шепот Влада прозвучал у самого уха, но подействовал, как тревожная сирена, велевшая немедленно покинуть опасное место. Вынырнув из собственной карты запахов и звуков, я задрала голову, заглядывая в серые глаза ведьмака, вовремя вытащившего меня из этой чертовщины.

– Там мертвая кошка, да? – убито спросила я парня.

– Там осталось ее тело, дух уже давно возле Варвары, – вмешалась Захарова, давая понять, что ведьма не просто воздух руками трогать пыталась, а заодно почему Саша спрашивала про лопату. – Надо лезть внутрь. Мне говорят, что есть другая дорога. Для вас там слишком темно. – Настя посмотрела на светленьких. – Тебе туда вообще нельзя, – взгляд остановился на Праховой.

– И не хочется, – ответила Варвара, закулив вторую сигарету следом за первой и так и не открыв глаза.

– Вот, попей. – Ирка протянула ведьме бутылку воды из сумки.

– Заодно руки освежи, – поддержал ее Леша. – Пойду схожу за лопатой и машину сюда подгоню, довезем вас с Сашкой до дома

потом.

Оставив кошачий тандем в заботливой суеде светлых, мы с Владом, переглянувшись, шагнули за Захаровой, начавшей обходить церковь с другой стороны.

– Можешь объяснить? – тихо попросила я Яблонева, когда мы чуть отошли от остальных.

– Существует два тарана, чтобы пробить даже самую мощную защиту практикующего, не потратив много времени и собственных сил. Первый – это если нападающий и жертва одного рода, в таком случае, защита не воспринимает неприятеля как угрозу, поскольку он несет в себе часть хозяйской энергетики. Второй... некротического толка. При соответствующем ритуале в жертву приносится двойник сущности атакуемого практикующего, что создает определенный энергетический канал, прорывающий защиту. Варе повезло, что рядом была Саша, принявшая на себя солидную часть удара.

Поежившись, я взяла Яблонева за руку, чувствуя подкатывающую к горлу тошноту пополам с ужасом и злостью. Я понимала, о чем говорит ведьмак, и все же это не укладывалось в голове. Как можно взять и отнять жизнь у другого существа по такой причине? Хотя о чем это я? Современные охотники убивают ради фото в социальных сетях и количества лайков. Время, когда убийство животного или человека происходило только по необходимости, давно прошло.

– Агата. – Влад притормозил. – Я не хочу, чтобы ты смотрела на то, что там есть.

– Тогда не нужно было заключать со мною связь, – буркнула я. – Извини. Я имела в виду, что хочешь ты того или нет, но один ты туда не пойдешь.

– Я с Настей, – приподнял бровь практикующий.

– Несущественно, – отрезала я. – Для меня в таком деле ты один, если рядом нет меня.

Влад склонил голову набок, серые глаза смотрели одновременно серьезно, тепло и ласково:

– Принимается.

– Если вы закончили выяснять прописные истины, то здесь есть на что посмотреть, – донесся до нас голос Захаровой уже откуда-то сверху. – Вход свободный.

Переглянувшись, словно попавшись на чем-то горячем, мы с Владом одинаково шагнули вперед, не расцепив рук.

Глава 28

Осторожно пробираясь навверх по обломкам кирпичей, битому стеклу, камням и веткам, я старалась дышать ртом. Запах, учуянный в сквере и подкрепленный мертвечиной, становился сильнее с каждым шагом, превращаясь в плотную завесу и словно сгущаясь вокруг меня. Чувствовалось все намного ярче, чем с некроволной и сущностью у Виталины Андреевны.

– Почему воняет так сильно? – шепотом спросила я Влада, когда мы перелезли через наполовину заваленный какой-то рухлядью и мусором вход.

– Из-за контраста, – так же тихо ответил ведьмак. – Темный ритуал в церкви – это все равно что разделать коровью тушу на глазах у вегетарианцев. Абсолютное попрание чужих ценностей, надругательство над жизнью и над верой. Мощнейшая отрицательная энергетика, и чем дольше здесь пробудет ее источник, тем сильнее она станет. Потенциальная посадка для любой отирающейся неподалеку сущности.

Передернувшись от как всегда доходчивого примера Яблонева, я посмотрела вперед, обнаруживая только еще один завал, разношерстный мусор, от пластика до тряпок, и березу, непонятно каким чудом умудрившуюся прорасти среди всего этого хаоса. От нее и исходила основная угроза, как я чувствовала.

Дог во мне в который раз вздыбила шерсть, на голове зашевелились волосы, и я сдвинула руку Влада, отказываясь пускать его дальше. Корни дерева, испачканные потеками черного воска, стали последним пристанищем для хрупкой черной кошки, частично скрываемой от меня Настей, сидевшей перед местом ритуала на корточках. Мне хватило и взгляда на неподвижные лапы и кончик хвоста, чтобы пришлось отгонять тошноту, вдыхая через рот. Правда, это сразу же создало еще одну проблему. Теперь, кроме смерти, холода и падали, я чуяла еще и кровь. Словно пузырьки с ее запахом лопались на кончике языка, как самая мерзкая шипучка на свете.

Посмотрев на меня, Яблонев склонил голову набок, а потом сделал одно плавное, похожее на танцевальное движение рукой, за

которую я цеплялась. Поддавшись, я оказалась прижата спиной к его груди, с замком сплетенных пальцев у бедра.

– Сосредоточься, – тихо уронил ведьмак. – Запахи – союзники твоей сущности. Не думай о них как человек, отрицание заглушает инстинкты. Чем больше ты стараешься от них скрыться, тем сильнее они атакуют.

Несмотря на то, как много времени Влад потратил на разъяснение фундаментальных различий в восприятии окружающего у принадлежащих к миру практикующих и простых смертных, иногда меня все еще срывало не в ту сторону. Вот и сейчас я барахталась в эмоциях, желая обособиться от всего, что пугало, и оказаться как можно дальше отсюда. Так поступила бы обычная девушка, а не фамилляр темного ведьмака, для которого смерть – такой же факт, как и жизнь.

Закрыв глаза, я пнула перепуганную девицу внутри себя куда подальше, погружаясь в дога. Вместе вдохнув, мы сузили себя до одного, самого главного, успокаивающего и важного нам аромата. Сочетание воска, табака и древесины наполняло легкие, прогоняя растерянность и настраивая на работу.

– Порядок, – выдохнула я, когда в аромат Влада просочились остальные вившиеся здесь запахи, став частью уже привычной мне «карты пространства».

Яблонев нежно погладил большим пальцем тыльную сторону стиснувшей его руки, намекая расслабить ту, но я ничего не могла с собой поделать. Здесь каждый метр от стены до стены был пропитан темнотой, ощущающейся даже при свете дня. Я не знала, как точно и правильно объяснить это ведьмаку, но, согласно моим инстинктам и недовольному нервозному рычанию стаи за спиной, мы стояли по колено в могильном холоде.

– Мы как будто в могиле, – пробормотала я.

– Похоже, но хуже, – отозвалась Захарова.

Удерживая трость на коленях, Настя сидела все там же, над телом принесенного в жертву животного. Практикующая смотрела в небо, задрав голову, к нему же были обращены ладони ее распростертых рук. Как будто Безумная Шляпница, непостижимым образом не уронившая шляпы, молилась о дожде. Правда, любая мысль о мольбе со стороны Захаровой казалась едва ли не кощунственной.

Не собираясь уточнять у Насти, что может быть хуже могилы, я последовала за Владом, решившим обойти церковь по кругу, так и не выпустив его ладони. От ведьмака исходила хорошо знакомая мне сила: давящая, густая, электризующая воцарившуюся тишину и почти нежно скользившая по коже, едва покалывая. Она же служила барьером между нами и пробирающейся до костей мощью Захаровой.

Яблонев шел, не глядя под ноги, выставив перед собой правую ладонь, изредка останавливаясь и что-то бормоча под нос на языке, слова которого у меня никогда не получалось уловить. Резко остановившись у самой дальней и сырой стены, заросшей мхом, ведьмак опустил на корточки, высвободив ладонь из моей. Не говоря ни слова, темный указал большим пальцем себе за спину и полез в рюкзак.

Прекрасно зная, что означает подобный жест, я в буквальном смысле заступила на стражу, превратившись в живую преграду между ним и всем остальным. Погрузившись в мир запахов и звуков на всех уровнях, я одновременно следила и за соседствующим с нашим лесом и дорогой снежным бураном Захаровой на ментальном, и за всей церковью в реальном, улавливая даже редкие фразы наших друзей за стеной, со стороны улицы.

Влад зажег свечу, Настя поднялась на ноги одним грациозным движением и резко прижала подбородок к груди. Руки практикующей плавно поменяли положение: левая ладонь обращена к земле, правая – к небу. Как будто она была постовой с тростью вместо дубинки и указывала направление кому-то невидимому. Присутствие Влада грело спину, в то время как грудь и лицо обжигал холод, излучаемый Настей и вымораживающий остальные запахи, останавливая их прямо в воздухе.

Жар и мороз исчезли одновременно, так и не столкнувшись. Яблонев загасил свечу, Настя воткнула трость в камни перед собой и скрестила руки на груди. Разноцветные глаза Шляпницы скользнули по мне и остановились на Владе, когда парень поравнялся со мной и наши пальцы снова сплелись в замок.

– Замещение, если я не ошибаюсь, – первым заговорил Яблонев.

– Да, я тоже это увидела, – кивнула Настя. – Паутина в воздухе, дерево опутано все, от некропотока к корневищу и до макушки.

– Только канала два, – добавил Влад. – Думаю, мы бы не смогли этого заметить, приди на час позже, даже сейчас след очень слабый.

– Что это значит? – вставила я свой стандартный вопрос.

– Попробуй учуять напавшего, – со значением посмотрел на меня Яблонев.

Нахмурившись, я закрыла глаза и глубоко вздохнула, снова пробуя воздух на вкус. Те же гадкие запахи крови и смерти, тяжесть, холод, ароматы практикующих, сырость, камень, пыль, горящий воск и дымок от потухшей свечи... Все то же самое, что я почуяла сразу. Запаха «доброжелателя» не было! Как я это сразу не заметила?

– Как это возможно? – округлила я глаза, глядя на Влада.

– Нужно было дать тебе свечу, – пробормотал Яблонев. – Настя правильно сказала, что здесь все хуже, чем в могиле. На кладбище, как правило, все очень стабильно, спокойно и тихо, потому что мертво. Ты почуяла некроволну и подумала, что это от кошки, верно?

– Стая подсказала, что это кошачья мертвечина, – кивнула я. – Пахнет падалью.

– Смерть слишком свежая, чтобы ей запахло, – покачала головой Настя. – Чуть меньше двух часов.

– Но я же чувствую, чем пахнет, и стая еще ни разу не подсказывала мне что-то неверно...

– Варя тоже кошка в ментальном плане, – приподнял бровь Яблонев. – Суть в том, что энергию мертвых здесь испускал живой, и когда он присвоил себе силу Праховой, она стала частью его, сразу же превратившись в мертвечину. Для тебя здесь пахнет ее энергетикой.

– Что это такое, вполне ясно, – медленно проговорила Захарова. – Я пока не разобралась с причиной. Паутина – это отпечаток его сущности, определенно мы имеем дело с пауком, тогда понятно, почему чувствуется липкость и как он совершенно незаметно подобрался к Варваре, украл запас Павла и перевел стрелки на Ругалову. Но я не ощущаю в нем сути практикующего, мне показывают лоскуты и раскрошенные кости, выдранные с мясом ногти и ничего более конкретного.

– Он не может не быть практикующим, слишком грамотно оформлен ритуал, не говоря уже о выбранном месте, – возразил Влад. – Я тоже увидел что-то вывернутое и сломленное и, честно

говоря, сталкиваюсь с таким первый раз. Поэтому я сосредоточился на втором...

– Втором? Их что, двое? – вытаращилась я на ведьмака.

– Определенно, – утвердила Настя. – Тут четко прослеживается, что энергия Варвары была поделена между двоими, но по одной связи. Возможно, это его напарник, энергетика в обоих случаях мужская и зрелая, но на канал между практикующим и фамилярком совершенно ничто не намекает.

– Наиболее вероятна родственная связь. – Влад достал сигареты и закурил.

– Это все... ментальное восприятие, – осторожно начала я. – А что насчет чего-то реального? Я поняла, что это двое зрелых мужчин, но, может, еще что-то?

– К сожалению, энергетика не передает паспортных данных, – усмехнулась Захарова. – Светлые волосы и глаза, русские, один очень высокий...

– Я вижу две буквы «И», возможно, с них начинается имя и фамилия одного из них, или обе встречаются в имени, – пожал плечами Яблонев. – Как видишь, этого слишком мало, чтобы была возможность их найти.

– И что мы будем делать? – Я все еще не понимала, почему оба практикующих ведут себя так спокойно.

– Ждать и готовиться к следующему нападению, – ответила Настя, поглаживая набалдашник трости. – Они следуют определенной схеме, и до этого момента здорово нас опережали. Первым засветился Павел, который вывел их на Березина, а благодаря Леше им стал известен весь круг. Думаю, след на Ругаловой – это диверсия, направленная на отслеживание других практикующих. Светлые их не интересуют, их энергетика не способна прижиться на основе подобных ритуалов, однако и сила Праховой не подошла, в противном случае ее вытянули бы куда основательнее. Это паразиты, – кивнула самой себе Захарова. – Агрессивные, опытные, но не рискнувшие встретиться с кем-либо из нас лицом к лицу. Вывод? – посмотрела она на Яблонева.

– Они не приумножают свои силы, – задумчиво проговорил темный, поглаживая мои костяшки большим пальцем. – Скорее, поддерживают их. Но ты права, сути практикующего не чувствуется...

и это загадка. Я позвоню бабушке, спрошу у нее, встречала ли она когда-нибудь что-либо подобное...

– Я свяжусь со знакомыми по нескольким городам, не похоже, что эти проворачивают такое впервые, должны быть еще случаи нападений и кражи...

Повторив про себя все основное из только что услышанного, я закрыла глаза, возвращаясь на утоптанную собачьими лапами дорогу. Нам нужна была помощь и подсказки. Влад с Настей продолжали обсуждать, с кем еще можно посоветоваться, я же сосредоточилась на стае.

Практикующие уверены, что еще одного нападения не миновать, значит, Влад может быть следующей целью. Ворону поймать сложнее, чем кошку, но не невозможно, и кто знает, что конкретно требуется этой парочке сумасшедших. Повторять на себе опыт Мирковой, не сумевшей отразить атаку и вынужденной наблюдать за обессиленной Варварой, совершенно не улыбалось.

– Осторожно, – настиг голос Яблонева, и парень схватил меня за обе руки. – Я знаю, что ты хочешь сделать, но ты еще не научилась черпать знания из программы рода как следует.

Конечно, ведьмак был прав. На всех тренировках до этого знания из программы рода у меня в лучшем случае получалось наскребать. Исключения были только в моменты, когда что-то грозило Владу напрямую, например, нож Саши в квартире Праховой или страж леса во время поиска пропавшего мальчика. Вот тогда понимание со стаей находилось сразу, включалось на полную мощь, не надо было даже что-либо спрашивать, мысли-советы просто появлялись в голове, потому что мы становились одним целым. Во всем остальном я улавливала лишь отрывки или интуитивно распознавала их отношение к тому или иному событию.

– Я должна попробовать, – пробормотала я, крепче сжимая его пальцы.

Ни леса Влада, ни бурана Насти поблизости не наблюдалось, видимо, практикующие экранировались, чтобы не мешать. Сконцентрировавшись на стае, я почуяла ее со следующим же порывом ветра, превратившим поля высокой травы в волнующееся зеленое море. Правда, вскоре стало ясно, что колышется оно вовсе не от ветра. На дорогу со всех сторон выходили уже знакомые собаки.

Следя за ними, я постаралась думать только о насущной проблеме, надеясь, что ее суть ясна. Среди общего настороженного ворчания и скулежа раздался пронзительный вой, и из-за волка и сторожевой вперед вышел доберман. Отделившись от стаи, он оказался возле меня с еще одним порывом ветра. Холодный нос коснулся моего, заполняя его запахом крови, и перед глазами вспышками замелькали картинки.

Я увидела дерево и хозяйничающего в его ветвях соболя. Зверек ловко перебирался с ветки на ветку, нежась в лучах солнца и то и дело подставляя его теплу бока. Резко, как в ужастиках, свет сменился чернильной темнотой, уши прострелил отчаянный, полный испуга и боли писк, почти сразу же потонувший в хрусте и треске. Темнота рассеялась, словно дымка, открывая взгляду сломанное поваленное дерево, разом растерявшее всю листву. Соболя не было, но я знала, что он не смог спрятаться или сбежать. Зверек был мертв.

– Агата?

Голова лежала на груди Яблонева, сердце билось в горле, и какое-то время я продолжала просто дышать носом, утыкаящимся в куртку ведьмака. Ладони практикующего лежали у меня на лопатках, мои руки обвивали его пояс, а я не почувствовала момента, когда мы перешли в режим объятия.

– Я... не знаю, что это значит, – пробормотала я, отстраняясь от Влада и растерянно переводя взгляд с него на Настю. – Там был соболя на дереве, темнота, дерево разрушено, соболя мертв, сильно пахло кровью, мне доберман показал, – путано закончила я.

Практикующие переглянулись.

– Значит, прецеденты были, – проронила Захарова. – Твой предок-фамильяр показал тебе окончание пути своего практикующего. – Она повернула к выходу, начав спуск. – Нужно торопиться. Езжайте домой, свяжись с бабушкой, я зачищу все здесь, похороню кош...

Шляпница застыла, словно врезавшись в невидимую стену. Кончик трости со скрежетом проехался по камням, и в нас с Владом ударило холодом ее силы со всей ее беспощадной мощью. Клацнув зубами, я инстинктивно дернула Яблонева назад, не понимая, что происходит, но догадываясь, что ничего хорошего. В смысле, что вообще хорошего может произойти в разрушенной церкви, на месте ритуала жертвоприношения?

– Влад, не мог бы ты сходить за лопатой? – обернулась Захарова, ее разноцветные глаза были много ярче обычного и как будто видели что-то совершенно другое. – Один.

Переглянувшись со мной, ведьмак вернул все внимание старшей подруге. Почувствовав напряжение парня, я сама подобралась, думая, зачем Насте понадобилось остаться наедине со мной. Между практикующими произошел какой-то короткий безмолвный диалог, после чего, успокаивающе погладив меня по костяшкам, Влад отстранился, прошел мимо Анастасии, быстро спустился по камням и исчез за полуразрушенной стеной.

– Послушай внимательно, Агата, – заговорила Настя раньше, чем я успела задать свой коронный вопрос. – Когда настанет время, беги, но не вздумай прыгать. Ни в коем случае. Мне не показали ничего конкретного, кроме этого, – качнула головой Захарова, снова меня опередив. – Могу только сказать, что когда момент, о котором я говорю, наступит, ты сразу это поймешь.

– Ты можешь видеть будущее?

– Нет. Лишь его возможные исходы или наиболее вероятные версии события. Будущее нельзя увидеть точно, оно меняется каждую секунду. Даже у ключевых точек есть несколько искаженных отражений.

Озарение пришло само собой, проскочив в голову безбилетником, в обход кондуктора:

– Влад сказал, что на поиск фамильяра в этом году его склонили вы с Варварой. Ты что-то увидела?

– Да, – кивнула практикующая. – Забавно, что ты подняла эту тему именно сейчас, похоже, возможности потомственного фамильяра и впрямь превосходят обычного во всех сферах. Пришедшее мне тогда было привычным типом видения. Я ощутила, что фамильяр Владу *необходим*, и в ту же ночь Варвара получила сон той же направленности. Прежде я думала, что связь с фамильяром нужна по банальным причинам, которые, я уверена, Влад тебе пояснил.

О да, конечно. Пожалуй, только Захарова могла назвать возможность сойти с ума от переизбытка информации из-за усиления собственных способностей – банальной причиной. Не говоря уже о том, что ничего забавного в «этой теме» я не наблюдала.

– А сейчас?

– Вся ситуация, – девушка очертила тростью пространство вокруг, – цепь ее событий не ощущается мною как спонтанная. Скорее, проводя параллель, тщательно сплетенной паутиной.

Появление Влада оборвало разговор. Ведьмак уверенно протянул небольшую походную лопату Насте и кивнул мне на выход. Приоткрыв рот, я только закусила губу, растеряв все вопросы. Слова Захаровой засели в голове предупреждением. Бежать, а не прыгать. Необходимость фамильяра не по «банальной» причине. Так Шляпница думала прежде. Значит, сейчас она считает, что наша с Владом связь появилась во избежание какой-то бóльшей опасности. Например, чужаков, открывших охоту за энергией других практикующих.

Информации, предположений и догадок было так много, что я с трудом могла повторить их про себя. Об упорядоченности и речи не шло. Из собственных мыслей меня выдернула только рука Влада, оказавшаяся на плече, когда, покинув церковь, мы вернулись к остальным. Вернее, к ожидавшим нас Кате и Мише. Кошачьего тандема и Ирки с Лешкой уже не было.

– Леша повез девочек домой, – пояснила целительница в ответ на мое непонимание. Как удобно, когда не приходится спрашивать вслух. И время экономишь, и проблем не создаешь. Последние, как я заметила на собственном опыте, прорастали как раз из вопросов.

– Нам тоже нужно идти, – кивнул Влад. – Настя дополнит мой рассказ, когда закончит с «уборкой».

– Будьте осторожны, – серьезно посмотрела Катя. – Я заеду в церковь после, помолюсь за вас, может, мне укажут, что к чему.

В отличие от темной части круга и Леши, обращающихся к язычеству, пусть и разным его видам, Катя верила в единого Бога, используя в работе молитвы, иконы и церковные свечи. Я спрашивала об этом Влада, заметив, что крестики из всей нашей компании носили только они с Мишей. Больше всего тогда удивило, как практикующие умудряются не вступать в споры на почве духовного познания, настаивая на правильности конкретно своего метода работы.

Я видела помощь Влада людям своими глазами. Слышала от Ирки, что Леша ставит на ноги даже тех, на кого махнули рукой врачи. Знала, что и Варвара, и Катя имеют за плечами массу успешно разрешенных случаев. Все они действовали по-разному, верили в разное и добивались результатов.

Разумеется, спросив об этом своего ведьмака, я подписалась на часовую лекцию, касающуюся силы веры. По словам Яблонева, вера – огромное вечноцветущее дерево с тысячей разных плодов, где каждый срывает для себя тот, что ему ближе. И если мы признаем, что клубника – это клубника, а апельсины – это апельсины и оба вкусны, то что мешает нам принять тот факт, что каждый вид веры – это такой же фрукт, соседствующий с другими на одной общей витрине? Как всегда, мысль практикующего была глубока, и периодически я все еще в ней плавала в поисках дна, находя лишь новые течения.

– Спасибо, Кать, – кивнул Влад. – Подхватите Настю?

– Конечно, – басовито утвердил Миша. – Смотрите, сами осторожнее, если что – звоните.

Прощавшись со светлыми, мы пошли к ближайшей остановке, неподалеку от городского цирка.

– Что дальше? – покосилась я на Яблонева, не спешившего начинать разговор. – Настя сказала...

– Только то, что предназначалось лично тебе, – перебил Влад. – Запомни, что она сказала, держи в голове, я еще ни разу не видел, чтобы Захарова ошибалась в переданной информации. Я поеду домой, позвоню бабушке, расскажу матери, как и говорил. Ты езжай домой, поговори с мамой, а потом возвращайся ко мне. Сегодня ночь полнолуния, и я бы хотел, чтобы в это время ты была со мной.

– Конечно, – кивнула я, сама собираясь это предложить.

– И не приезжай на общественном, вызови такси, я оплачу, – серьезно заглянул мне в глаза Влад.

– Да брось, не хочу я, чтобы...

– Агата, – снова оборвал меня темный. – Это не обсуждается. Я в курсе, как ты относишься к тому, что за тебя платят, неважно, насколько смешна сумма, вроде стоимости пиццы или проезда. Я собирался поговорить об этом пару недель назад, но времени так и не нашлось, учитывая все события, настроение было совершенно не то. С каждого приема, где ты присутствуешь, тебе полагается двадцать процентов от его стоимости и полная выплата в случае, когда я не беру с клиента денег. Я так решил, и, если ты откажешься, я буду просто выкидывать их в мусорное ведро.

– Может, ты еще и в свое ИП меня пропишешь?! – вытаращилась я на практикующего.

– Это было бы замечательно, тогда мы смогли бы утвердить твой месячный оклад плюс начисления от каждого приема, – тут же согласился Влад, как будто в моем голосе не было ни капли возмущения. – Поговорим об этом позже. Твой автобус.

Заняв место у окна, я видела, как Яблонева перешел дорогу и направился на остановку в свою сторону. Обернувшись, ведьмак махнул мне рукой, и коробочка тронулась, быстро увозя меня со всем моим желанием продолжить спорить о необходимости оплаты фамиллярства.

Глубоко вздохнув, я сосредоточилась на более важном, решив, что переспорю Яблонева позже. Хотя бы попытаюсь это сделать, если уж быть совсем честной. Наверняка у ведьмака припасена хорошая аргументация.

Впереди ждал разговор с мамой, и этот факт не был таким неприятным и тянущим живот в доме у Яблонева, на его светлой кухне. Я почти забыла о нем с тех пор, как мы нашли кошачий тандем в сквере и началось расследование практикующих, а теперь... Незнание, что сказать маме, с чего начать и как себя вести, висело дамокловым мечом.

Он никуда не исчез и на подходе к дому. Открывая подъездную дверь, я чувствовала нервную дрожь, как в очереди сдающих экзамен. Правда, ни один, даже самый провальный ответ на экзамене нельзя было сравнить с предстоящими разборками из серии «дочки-матери».

Сделав пару глубоких вдохов перед дверью, настраиваясь, я проскрежетала ключом в замочной скважине, оказываясь в квартире и с ходу едва не наступая на пару мужских ботинок. Включив свет, я уставилась на кожаную куртку, свисающую с дверцы шкафа. Это еще что такое? В прихожей пахло дорогим одеколоном, от количества которого слезились глаза, в зале работал телевизор...

– Мам?

Разувшись и быстро скинув куртку на стул, я прошла в комнату, натываясь на высокого широкоплечего мужчину. Короткий ежик светлых волос, внимательный взгляд голубых глаз, улыбка с ямочкой.

– Здравствуйте, – растерянно оглянулась я, не видя мамы.

– Здравствуй, Агата, верно? Я – Игнат, – продолжил улыбаться мужчина. – Пашу срочно вызвали на работу, что-то с офисом там

случилось. Что же ты так, из дома сбегаешь, она очень переживает за тебя. Попросила приехать вчера...

Понятно. Пока мою группу поддержки составляли Влад и Тамара с Кельтом, мама позвонила собственной. И теперь эта поддержка решила почитать мне нравоучения.

Шумно выдохнув, я поморщилась, обрезав язык об обострившийся из-за полнолуния клык.

– Без обид, Игнат, но вы не очень в курсе ситуации, поэтому воздержитесь от нотаций, ладно? – наглее, чем планировала, высказала я, буквально чувствуя, как дог во мне вздыбила шерсть.

Богов ради, у меня и без того много проблем, чтобы еще расшаркиваться с поклонником-однодневкой. Я знала свою маму, и она избегала серьезных отношений с тех пор, как мне минуло десять. То, что Игнат сейчас в квартире – всего лишь стечение обстоятельств, что бы он там себе ни придумал.

– Конечно. Мне нравится твоя мама, и я просто не хочу, чтобы у нее было плохое настроение, – снова улыбнулся мужчина.

Темное ехидство во мне мигом придумало наиболее правдоподобную причину из «мира взрослых», из какого желания растут ноги у этой заботы. Игнат опустился на диван мамы снова, покосившись на часы, показывающие начало седьмого. Поведение мужчины по меньшей мере было странным. Будь я на его месте, быстренько бы ушла, попросив передать, что позвоню вечером или завтра. Впрочем, не всем дарована внутренняя этика. Похоже, он планировал еще и на ужин остаться или вовсе начать нас мирить.

Приподняв бровь, я молча вышла на кухню, попутно заходя в ванную, чтобы помыть руки и думая, что знакомство с «другом» в эти выходные не задалось не только у мамы. На кухне, набрав ее номер, я придерживала трубку плечом возле уха, наливая воду в чайник. Прошло семь гудков, и я добралась до холодильника, осматривая полки, заставленные вчерашними кулинарными шедеврами. Есть хотелось ужасно. Звонок закончился голосом диспетчера, и, смерив технику недовольным взглядом, я пару секунд всерьез раздумывала, не попросить ли Влада как-то соединить меня с мамой. Уж если практикующий умел блокировать чужие звонки собственными силами, то и заставить кого-либо заметить звонок для него тоже труда не

составит. Я-то всегда знала, когда он хочет связаться со мной, и дело точно было не только в фамиллярстве.

Не желая быть обвиненной в отсутствии гостеприимства, я все же вернулась в зал, заставая Игната за переключением каналов:

– Вам что-нибудь разогреть из еды? Или чай?

– Нет, спасибо, – покачал головой мамин ухажер. Чуть подумав, я прикинула, что ему где-то около сорока. На пальце не было ни обручального, ни следа от него, да и мама это посмотрела бы первым делом. Закоренелый холостяк.

– Ладно. – Я снова сбежала на кухню, чувствуя, что меня буквально вытесняют из собственной квартиры, а время поджигает. Предполагалось, что к восьми я уже буду подъезжать к Владу... Что такого могло случиться, чтобы маму выдернули в воскресенье, да еще и так надолго?

Разогрев себе отбивную с картошкой, я заварила чай и села за столешницу. Живот буквально сводило от голода. Набросившись на мясо, растворяясь во вкусовых ощущениях, я позволила себе позабыть обо всех тревогах. Однако дог думала иначе. Третий кусок встал поперек горла, когда мое обостренное, подхлестнутое близостью еды обоняние сработало на триста процентов из ста, улавливая все запахи квартиры.

Сквозь родные ароматы и одеколон гостя настойчиво пробивалось уже знакомое, встреченное ранее сочетание. Кожа и горчица. Я чуяла его прежде, в ночь полнолуния, подходя с Владом и Кельтом к воротам парка. Незнакомый мужчина долгое время стоял на пятачке, откуда виделся дом моего ведьмака, по словам практикующего, не испытывая никаких сильных эмоций.

Вскочив со стула, я на лету поймала вилку, прежде чем она ударилась об пол, судорожно думая, что делать. Мужчина, наблюдающий за домом моего практикующего, оказывается поклонником матери. Шансы на совпадение или случайность уходят в минус.

Как он познакомился с мамой? Помог достать банку горошка с верхней полки в магазине! Что за тупой подкат? Я не чувствовала, что человек, отделяемый от меня стеной – практикующий. Да и будь это правдой, мамин браслет предупредил бы ее, вон как она взвилась, коснувшись им Влада.

Вместе с холодком, пробирающимся от затылка к пояснице вдоль позвоночника, мне вспомнились слова Яблонева и Захаровой сегодня. Две «И». Игнат, мало ли, какая у него фамилия. Русский. Светлые волосы и глаза, высокий. Три из трех.

Предупреждающий рык стаи велел действовать. Если точнее, то убираться поскорее. Предлог... Судорожно заозиравшись, я вытащила из мусорного ведра пакет, ловко завязала его концы и, подхватив телефон, вышла в прихожую. Главное, выбраться из подъезда, а уже потом, отбежав на приличное расстояние, вызывать такси, звонить матери, чтобы не возвращалась домой сегодня, и что-то решать...

– Ты куда? – вышел в прихожую Игнат, когда я уже натягивала куртку.

– Мусор выбросить. – Я постаралась сказать это обыденно, но прозвучало все равно слишком нервно. – Не хочу, чтобы мама была недовольна еще и этим.

Мужчина тяжело вздохнул:

– Думаю, одна ты никуда не пойдешь. – Он медленно достал из заднего кармана джинсов мои ключи и потряс ими в воздухе.

– Вас не учили, что шарить по чужим карманам – это плохо? – агрессивно спросила я. – Отдайте.

– Брось, Агата. Или вернее скомандовать: «фу»? – поинтересовался он, все еще безмятежно улыбаясь.

Волосы на затылке встали дыбом. Никакой ошибки. Он точно знал, кто я. Маски были сброшены, понимание щелкнуло выключателем, наши взгляды столкнулись, когда мы оба осознали, что выхода, кроме как прорываться с боем, у меня нет.

Рванув вперед в попытке выхватить ключи, я на долю секунды провалилась в ментальное, где, скалясь и щерясь, дог бежала в окружении стаи. Моя реакция была куда быстрее, чем Игнат думал или ожидал, пальцы обхватили металл, отвоевывая его из чужих рук, но времени и пространства катастрофически не хватало. Мысль о том, что стоило прихватить из ванной или туалета какое-либо средство с распылителем, пришла слишком поздно.

Игнат схватил меня за шкуру, как несмышленного щенка, и я вскрикнула, выставив руки, когда он попытался столкнуть мою голову со стеной. Со всей силы вдарив локтем назад, я попала ему в живот, извернулась и вдарила еще раз, ногой по колену. Ключ в замке, всего

два поворота до возможности отрыва, запахи и звуки оглушают, все так четко, резко, но по-прежнему медленнее, чем нужно.

Телефон заиграл «Князь тишины» как никогда вовремя и не вовремя одновременно. Отвлекшись на эфемерную близость Яблонева, я снова вскрикнула, когда Игнат, схватив за волосы до слез, оттянул назад и вдарил мною прямо в железо двери так, что в глазах потемнело, а рот наполнился кровью. Издав какой-то странный звук, я подалась назад и умудрилась впиться зубами ему в руку сквозь свитер, прокусывая кожу и стискивая челюсти до тех пор, пока удар по голове не заставил их разжаться и я не провалилась куда-то в туман и темноту.

Глава 29

Первым, что достигло темноты, в которой я плыла, были запахи. Сначала я различила общие, самые очевидные. Кожа, находившаяся буквально под носом, ночь, дувшая в лицо весенним, особенным, уже совершенно майским ветром, и сочетание чего-то сырого, затхлого и пыльного.

Медленно выбираясь из затягивающей пустоты на грани сна и яви, смутно что-то понимая и не понимая одновременно, я подумала, что так, наверное, чувствуют себя люди, отходящие от общего наркоза. Только вряд ли у них при этом во рту вкус крови и ощущение тряски, словно едешь в машине, где через каждый метр лежащий полицейский.

Впрочем, причина тряски стала ясна сразу же, как я снова начала ощущать собственное тело вместе с болью, ноющей в спине и лопатках, пощипывающей и обжигающей лицо и катающейся на карусели в голове. Меня несли на руках, и не вперед, а вверх по лестнице.

Осознав этот факт, я открыла дверь для памяти, влетевшей в голову разъяренной толпой мыслей, будто бесконечная очередь покупателей, берущих штурмом супермаркет в черную пятницу. Меня не просто несли неизвестно куда, а украли. Прямо из квартиры, мамин псевдопоклонник, оказавшийся напарником уроды, нападающего на практикующих нашего круга.

Судорожный вздох и моментальное напряжение выдали с потрохами, Игнат остановился.

– С пробуждением, Спящая красавица, не притворяйся, что все еще в отключке.

Мне ничего не оставалось, кроме как открыть глаза и признать, что я пришла в себя. Где бы мы ни были – это точно разрушенное здание. В свете мощного фонаря в руке мужчины я видела над собой треснутый бетон, ржавые, торчащие из плит лестничной площадки штыри и чувствовала особую атмосферу заброшенности. Очевидно, у их тандема какой-то пунктик на этот счет.

– Опускайся, дальше пойдешь сама, и даже не думай попытаться сбежать, – Игнат резко поставил меня на ноги.

Даже если бы я знала, в какую сторону бежать, у меня бы не получилось. Драка на лестнице без перил, с превосходящим по силе и весу противником и при ужасном самочувствии – самоубийство. Бессилие и страх опустились стальным прессом, когда, внезапно, я четко осознала, что выхода нет. Это больше не было чем-то далеким, выдуманным, каким-то приключением из фильма или книг, чем-то «понарошку». Меня могли убить.

Я могу не попасть завтра на пары. Никогда не увидеть и не поговорить с мамой, и последнее, что между нами останется, так и не разрешенный скандал. Не посмеяться с Ругаловой и не сходить вместе в кино, не пройти по парку знакомой дорогой, к дому Влада... Влад. О боги.

– Что вам нужно? – хлюпнула я, сглотнув дурацкую кровавую мокроту. Не то чтобы я не догадывалась, но жертвоприношение кошки и реальная угроза жизни другому человеку... Хотя для сумасшедших, наверное, разницы нет.

– Поднимайся вверх, никуда не сворачивай, – все с той же полуулыбкой приказал Игнат.

Лестница казалась бесконечной. Идя на трясущихся ногах, я временами хваталась за перила на тех участках, где они еще были. На каждом из шести пролетов, что мы преодолели, встречались распахнутые темные пасти проемов, рваная бумага, осколки кирпичей и бетона. Некоторые ступени отсутствовали, и, как только под ногами попадалась такая дыра, я старалась перешагнуть ее, не глядя вниз, в бесконечную темноту. Видя большое количество переходов и отступающих от лестничных площадок коридоров, я отмела мысль о заброшенной высотке. Ничто не напоминало планировки квартир, больше походило на больницу, но мне не было известно ни об одном закрытом медицинском центре в Туле, находящемся в таком состоянии.

Конечно, я могла проваляться без сознания достаточное количество времени, чтобы Игнат вывез меня за пределы города, но интуиция подсказывала, что мы все еще в нем и даже не на окраине. Поднимаясь выше, чувствуя напряженное внимание похитителя, колющее куда-то между лопаток, я задействовала слух, сосредоточившись на нем.

Где-то совсем неподалеку, слева, ездили машины, значит, там дорога. Музыка. Приглушенная стенами и расстоянием, но все же

достаточно громкая, если получалось уловить ритм. Вряд ли поблизости филармония, а вот клуб или ресторан вполне приемлемый вариант.

– Побыстрее, – указал Игнат. – Думать о жизни будешь после.

Я благоразумно промолчала, придерживав на языке напрашивающийся вопрос касательно этого «после». По крайней мере, он не умел читать мыслей. Я молча продолжила подъем, игнорируя бой барабанов в голове. Постоянное движение не давало сконцентрироваться на доге или стае, наверняка сумевшей бы мне что-нибудь подсказать. Типичные уроки самообороны сейчас также были не к месту. Если попробую толкнуть своего конвоира и побежать, риск упасть, удариться или покатиться вниз, считая ступени всеми конечностями, слишком велик, не говоря уже о возможности сломать шею.

Подъем закончился спустя еще три пролета полным тупиком. Я так думала, пока в круг света не попала хлипкая, местами проржавевшая железная лесенка, тянущаяся к люку на крыше.

– Лезь наверх, люк просто толкни, – выдал следующую инструкцию Игнат.

С опаской взявшись за тонкую жердь, я осторожно встала на первую ступень и медленно полезла вверх, сосредоточившись только на подъеме. Люк оказался ожидаемо тяжелым, но поддался с первого толчка, громко ударившись о бетон крыши. На свежем воздухе, в свете луны, походившей на огромную головку сыра, стало значительно легче. Звуки города и ветер захватили обоняние и слух, прищурившись на свет уличных фонарей, я выпрямилась в полный рост, оглядываясь.

Несколько вещей прояснилось сразу. Во-первых, я поняла, где нахожусь. Заброшенный хлебозавод неподалеку от зареченского моста. С моей позиции отлично виделось ночное освещение шлема музея оружия, вывеска ресторана, откуда и доносилась ритмичная музыка, и, конечно же, сам мост с редко проезжающими машинами. Во-вторых, стало очевидно, почему Игнат так легко пропустил меня вперед, не боясь, что я закрою люк и не дам ему выйти на крышу следом. Мы были не одни: в десяти шагах от меня, рядом с небольшим костерком, разведенным в походном мангале, стоял еще один мужчина. Практикующий.

Я почувствовала те особенные колебания, от которых гудела кожа, и рефлекторно потеряла агат на кольцо, только сейчас понимая, что кольцо-оберег с меня не сняли, как и напульсники. Шагнув вперед, тут же скривилась: Игнат сильно сжал плечо. Всматриваясь в отсветы огня на лице его друга, я вдруг поняла, что где-то уже его встречала. И не просто где-то...

– Вы! Вы спрашивали у нас, как пройти в больницу, возле института! – узнала я мужчину, скромно обратившегося к нам с Иркой за помощью в тот день, когда мы познакомились с Хворостухиным. Значит, вот как он сделал подброс энергетики Павла Ругаловой, все, как и говорили Влад с Варварой и Настей, сделка в рамках «спасибо-пожалуйста».

– Верно, – кивнул мужчина, подступив ближе, и в свете костра и фонаря я наконец-то смогла рассмотреть его как следует, находя еще одно совпадение со словами Захаровой и Яблонева. Та же форма носа и лба, цвет волос... мои похитители были братьями. – Присаживайся.

Игнат, возникший за спиной, подтолкнул меня под лопатку к стулу, стоявшему далеко и от мангала, и от люка.

– Садись, руки перед собой, без глупостей.

Смерив его уничижительным взглядом, я вытянула руки перед собой, чувствуя, как тону в зыбучих песках растерянности. Глупо пытаться угрожать, говоря, что меня ищут. Они наверняка это знают. К тому же искать – не значит найти. Напугать? Чем? Стуком собственных зубов от страха и панической атаккой? Звать на помощь, крича «пожар»? Никто не услышит.

Достав моток бечевки из кармана, Игнат уверенно и ловко связал мои руки каким-то особо сложным узлом под запястьями, потянул за него вниз, прижимая слепленные друг с другом ладони к животу, и туго затянул веревку за спинкой стула.

– Сиди смирно, не пытайся что-нибудь выкинуть, – на новый лад повторил Игнат. – В качестве мотивации: сейчас я вернусь к твоему дому и буду очень близко от твоей матери. Сделаешь что-то лишнее, о чем тебя не просят, – пожалеешь.

Сглотнув, я заглянула ему в лицо. Никаких шуток. Он реально угрожал маме. Губа поползла вверх, горло согрел зарождающийся рык, думаю, мои глаза стали больше желтыми, чем карими. Тело напряглось, и дог проступила наружу, скалясь, прижимая уши к голове

и вздыбливая шерсть. Похоже одного укуса этому уроду было мало. Ничего, из такой позиции я и до шеи доберусь, даже руки не нуж...

Едкая пыль забила нос и ошарашила, я отпрянула, оглушительно чихая.

– Я же сказал не провоцировать ее, – высказал практикующий, отряхивая руки и возвращаясь к мангалу. – Потомственные гораздо быстрее скидывают с себя любое воздействие.

– Не думал, что она настолько матерая. По виду новичок новичком, – скривился Игнат. – Опытная даже в квартиру бы не зашла.

– Опытный руку бы так по-дурацки не подставил, – огрызнулась я, наконец-то избавившись от едкой пыли в носоглотке.

– Ты не в том положении, чтобы еще напоминать об этом, – снова противно улыбнулся мужчина, протягивая мой телефон практикующему. То есть ему было мало моих ключей, он еще и сотовый украл! – Илюш, парень записан у нее как «Князь».

Илья. Илья и Игнат. Вот они, те две «и», о которых говорил Влад...

Злясь на все вокруг, я не чувствовала дога, и это пугало. Не было пробирающей до костей истинно собачьей агрессии, от которой по венам текло пламя и глаза по-особому реагировали на любое постороннее движение, не было ярости, будто заостряющей клыки и заполняющей каждую мышцу для решающего броска. Я впервые оказалась совсем одна, без дога, без стаи, и самое худшее, о чем я позволила подумать себе только сейчас, – я не ощущала Влада. С тех пор как очнулась, ничто не указывало даже на то, что наша связь с ведьмаком когда-либо существовала.

– Успокойся, – добродушно отмахнулся практикующий, подойдя ко мне ближе после того, как Игнат исчез в люке. – Твои способности временно парализованы мною, во избежание исхода, к которому могут привести.

– Вы украли меня, угрожаете моей маме и моему практикующему. – Я покосилась на мангал, догадываясь, что там не просто уголь и дровишки, а какие-то травы. – Поводов для спокойствия не находится.

– Можешь мне не верить. – Он пожал плечами и вытащил из-под мангала складной стульчик. – Но другого способа сделать то, что мне нужно, нет.

– Если вам нужна помощь, вы могли обратиться к любому практикующему, – прищурилась я, стараясь уловить его запах в холодном воздухе, среди дыма, трав и улицы. В прошлую встречу от него воняло дешевым одеколоном, но Ругалова сказала, что ей вообще ничем не пахло. Может, тогда он нарочно прятал свой аромат от меня?

– Ни один практикующий не стал бы мне помогать, – усмехнулся мужчина. – Не в такой безнадежной, с общей точки зрения, ситуации.

Я полезла глубже, катая каждый вздох на языке, пока за собственной кровью и общим планом не почувствовала Илью. О боги. Запах был ужасным. Как прелая листва на мерзлой земле и скисшее молоко, гнилые овощи и тухлые яйца. Борясь с накатившей тошнотой, я уловила тонкий аромат Праховой, вплетенный во все это. Вонь была похожа на то, что я чувствовала сегодня в церкви, но намного сильнее и ярче.

– Вы гниете, – скорее удивленно, чем с отвращением, высказала я, не видя внешне никаких признаков страшной болезни.

«Энергия мертвых, испускаемая живым». Вот что сказал Влад, вот что почувствовали они с Захаровой. Жаль, что мне может не представиться возможность сказать своему ведьмаку, насколько он крут. Поразительно, за все наше знакомство я не говорила этого темному ни разу, а стоило бы. В носу предательски защипало.

– Большой потенциал, но мало опыта, – усмехнулся себе под нос Илья. – Поразительная удача: встретить подобное здесь. Скорее даже твое везение, чем мое. Твой практикующий ведь такой же потомственный, как ты?

– Я не буду ничего говорить вам о своем практикующем, – отрезала я, усилием воли оборвав в голове органную музыку. Еще чего.

– Тебе и не нужно, – хмыкнул мужчина. – Я даже не думал, что в Туле есть экспонаты такой силы. Блондиночка, конечно, мне не по зубам, но твой друг, следующий по мощи энергетики, поддержит меня надолго.

Он то и дело поглядывал на часы, держа в руках мой телефон. Ждет определенного момента, чтобы позвонить Владу? Стоит попробовать отвлечь его разговором, может быть, удастся как-то потянуть время...

– Зачем вы подставили Бе... целителя и мою подругу? – вовремя одернула я себя от фамилий.

Потерев подбородок, словно раздумывая, отвечать или нет, Илья все же заговорил:

– Приехав сюда, мы чувствовали, что тут есть кто-то сильный, но не было никаких следов. Должен признать, для столь молодого возраста все практикующие твоего круга умеют отлично блокировать и отражать чужой интерес, чего не скажешь о том парнишке-гиене. Я уловил его, просто покатавшись по городу. – Мужчина снова усмехнулся себе под нос, чуть пожав плечами. – Игнат быстро нашел его, а дальше следовало только задавать правильные вопросы и находить нужные ответы.

Похоже, как и предположила Настя, Тула – не первый город, где Илья с братом проворачивают нечто подобное, нападают на практикующих и забирают часть их сил... Только ли часть? Варвара по какой-то причине ему не подошла, но, кажется, в «пригодности» Влада они уверены... Ничего не понимаю, такому Яблонев меня не учил, даже в теории не рассказывал!

Стиснув зубы, я прикрыла глаза, вдыхая через нос, отгоняя панику и пытаюсь не обращать внимания на ноющую головную боль, заседающую над самой переносицей.

– Ваш брат – проводник? – предположила я. Это бы объяснило, как он так «удачно» столкнулся с мамой, нашел дом Влада и всех остальных.

– Пожалуй, ему нет равных в этой области. – В голосе Ильи прозвучала такая гордость, приправленная похвалой, что челюсть сводило.

– Тогда зачем вы напали на ведьму сегодня, если сразу знали, кто вам нужен? – выстрелила я следующим вопросом. Должно же хотя бы раз мое любопытство сыграть на руку и принести реальную пользу?

– Детка, – цокнув языком, практикующий поднялся со стульчика и, взяв железный штырь, помешал им дрова в мангале, выбивая искры и золу. – Твой нюх тебя не подводит, но ты не различаешь, что чуешь, нехватка опыта, как я вижу. Воистину удивительно, потомственный фамильяр, в таком возрасте, в Туле, без соответствующего обучения. Интересно, как они упустили такое... Думаешь, ты чувствуешь гниение плоти? – оборвал он собственные размышления, вскинув на меня голову с вопросом в глазах.

Я приоткрыла рот, осознав, на что он намекает. Не знала, что такое вообще возможно...

– Хотите сказать, это так от вашей сущности разит?

– Зачем что-то говорить, когда собаки больше верят нюху, – отметил он, чуть пожав плечами. – На самом деле, я оказываю тебе и твоему практикующему большую услугу своим вмешательством. То, что собираюсь сделать я, – всего лишь короткая прогулка по камням по сравнению с их планами и возможностями.

– О ком вы говорите? – насторожилась я, повторно улавливая это напряженное и предупредительное «они» в речи своего похитителя.

– Не забивай свою красивую головку, – отмахнулся Илья, снова посмотрев на часы. – Через пару часов для тебя все это перестанет быть важным.

– Что вы собираетесь сделать?

Проигнорировав вопрос, практикующий включил мой телефон и, похоже, без труда разгадал пароль, учитывая музыкальное приветствие. Наверное, это какая-то дополнительная суперспособность, потому что знала код только я и точно сейчас о сочетании этих цифр не думала. Вчера Влад также каким-то образом узнал любимые цветы и вино мамы... Вчера. О боги, кажется, его знакомство с мамой не удалось жизнь назад.

Посыпались звуковые уведомления о пропущенных звонках и сообщениях. Я сжала зубы, вспомнив, как настойчиво звонил Яблонев, пока мы с Игнатом боролись за ключи и проваливалась моя попытка побега. Что темный подумал, когда аппарат абонента оказался выключен или вне зоны действия сети? Чувствовал ли он меня сейчас, по связи, или она была парализована с его стороны так же, как и с моей, отвечая лишь пустотой, тишиной и вакуумом?

Сердце забилось быстрее, когда Илья поднес трубку к уху. Замерев, отказываясь дышать, я обратилась в слух, надеясь услышать разговор, хотя бы голос своего ведьмака. Прежде это никогда не считалось чем-то сложным, к тому же сегодня полнолуние, а значит, мои способности усилены, должны быть усилены...

– Слушаю.

Резкое, четкое, лаконичное, острое слово. Одно слово, одна интонация сквозь уличный гул рассказали больше, чем могло бы фото. Я знала это мнимое спокойствие. Идеальная маска, глыба льда,

скрывающая бушующий океан. Где бы сейчас ни находился Влад, он в полной готовности действовать, согласно негласному кодексу темных, и знает, что звоню не я.

– Добрый вечер, ведьмак, – в противовес вежливо и размеренно поздоровался Илья. – У тебя есть ровно полчаса, чтобы приехать и удержать своего фамильяра от края пропасти. Приходи один. Опоздаешь или приведешь компанию – у меня появится прекрасная возможность проверить, сколько жизней у Агаты. Ставлю, что одна и летать она не умеет, – обернулся на меня мужчина, прежде чем назвать точный адрес, оборвать звонок и снова отключить телефон.

– Собираетесь скинуть меня с крыши, если он не придет? – вылетел вопрос, опережая все остальные формулировки угроз и оскорблений, взрывающихся в голове десятками вариантов.

– Он придет, – утвердил Илья. – Мы оба это знаем. И раз уж твоя попытка отвлечь меня беседой рухнула, можем продолжить ее, чтобы скоротать время.

Я скривилась в ответ на его рассеянную, несколько блаженную улыбку, но недовольство быстро улетучилось, уступая место вернувшимся растерянности и страху. Влад направляется сюда, никаких сомнений, и через полчаса столкнется с угрозой лицом к лицу, пока я привязана к стулу идиотской бечевкой и абсолютно бесполезна по всем фронтам. Интересно, сколько еще будет действовать пыль, блокирующая все, чего мне сейчас так не хватает?

Удивительное дело, пару месяцев назад я даже была бы рада, не чувствуя в себе ничего фамильярского и собачьего, а теперь отсутствие этих сил и возможностей приравнивалось к потере конечности. Наверное, накануне заключения нашей связи Влад имел в виду именно это, говоря, что не может отказаться от пользования даром.

Это воспоминание воскресило в голове кое-что более значимое, утонувшее среди событий и страхов этого вечера. Уверенная почти на сто процентов, я все же хотела получить подтверждение правоты Захаровой и своей интуиции.

– Когда вы приехали в Тулу?

Влад объяснял, что любое предчувствие практикующего возникает, не предвосхищая что-либо, а одновременно с первым событием в цепочке. И если предчувствие Насти и Вари о

необходимости фамильяра Яблонева совпадет с приездом братьев-уроков...

– В начале февраля, – ответил Илья, снова помешивая дрова и угли в мангале.

Совпадало. Прищурившись, я отвела взгляд, не желая выдавать пробравшего до костей страха, не имеющего ничего общего с тем, что я испытывала до этого. Вот она, та самая опасность, причина необходимости фамильяра, всколыхнувшая ведьму и Безумную Шляпницу. За три месяца до настоящего момента обе почувствовали угрозу столкновения Яблонева с Ильей. Столкновения, в котором я должна участвовать, помочь, использовать все, что есть, на полную катушку, а не быть приманкой.

– Зачем вы все это затеяли? – был момент, который я все еще не понимала. – Вы нашли самоучку, он привел вас к целителю, дальше вы сделали подброс моей подруге. Зачем, когда уже знали, кто я, а ваш брат познакомился с моей мамой и нашел дом моего практикующего? Я почуяла его там, – чуть самодовольно пояснила я в ответ на удивленный взгляд Ильи.

– Нет-нет, самоучка привел нас сразу почти ко всем. Несколько дней наблюдения, и вот мы застали интересную стычку между ним и твоей подругой. – Драка на Первомайской. Кто бы мог подумать, что у нее окажется так много свидетелей. – Однако тогда твоего практикующего среди них не было, и мы с Игнатом почувствовали, что это не вся компания. Я должен был узнать, сколько у вашего круга участников, какой они силы и что собой представляют. Картина складывается из деталей, дорогуша, а любой хороший план должен иметь несколько вариантов достижения цели.

– Если, проследив и узнав обо всех, вы поняли, что вам нужен мой практикующий, зачем сегодня напали на ведьму? – повторила я вопрос, ведомая интуицией, похоже, единственным, что осталось со мною, несмотря на все старания похитителей.

– Ты не успела посмотреть на меня как следует, верно? – Он снова присел на стульчик, спрятав руки в карманы куртки. – Видишь ли, для каждого следующего шага я должен как следует пополнять свои запасы. Съесть пару комариков, чтобы добраться до самой жирной мухи в центре паутины.

Паутина. Липкая энергия, атака, которую Прахова почувствовала, лишь столкнувшись с ней напрямую. Тягучее, как жвачка, приставшая к подошве... Настя и это правильно определила, никаких сомнений.

– Ваша сущность – паук.

Я планировала спросить, но получилось сразу утверждение. Все, как сказала Захарова. И впрямь, зачем практикующим какие-то реальные якоря вроде паспортных данных, когда они сразу чувствуют суть проблемы. Вот чем были все действия Ильи. Все это время, с февраля, практикующий плел паутину вокруг нашего круга, постепенно затягивая всех его членов в свои сети.

Ниточка от Павла к остальным. От Леши к Владу. От Влада ко мне. От меня к маме. Все закольцовано, все сводилось к моему ведьмаку и пересекалось на нем. И если Захарова сегодня ни в чем не ошиблась, значит:

– Сила других практикующих помогает вам чувствовать себя лучше.

Становилось понятно, почему не было нападений на светлых. Если светлые не могут присвоить энергию темных, то и обратно должен действовать тот же принцип. Еще один урок Влада о гармонии и балансе пришелся кстати.

– Не совсем. Я бы сравнил это с имплантом, а не лекарством, – поправил Илья. – Очень краткосрочным, недолговечным имплантом.

– Вы каким-то образом сдерживаете гниение и используете силы одного практикующего, чтобы атаковать следующего, – дошло до меня. – Ваш брат находит жертв, а дальше вы паразитируете на чужой энергетике.

Понятно, почему он подбирался к Владу так долго, а к Захаровой сунуться и вовсе не рискнул. Чтобы попробовать атаковать моего ведьмака, Илье нужна была часть сил Варвары, поэтому я чую ее запах среди его смрада. А до самой Праховой он добрался с помощью запаса Павла. Неудивительно, что никто из практикующих не стал бы помогать ему! Никто из них не поделится собственной силой добровольно с кем-то посторонним.

– Очень приземленно, но какая разница, каким словом окрестить выживание.

Поморщившись от его объяснения, я снова выпустила любопытство на волю:

– Вы же не родились таким. Что случилось с вашей сущностью?

Если до этого Илья всеми силами старался играть роль какого-то добродушного дядечки, охающего над обстоятельствами и цокающего языком в стиле «ну надо же, как получилось», то сейчас эта маска слетела, как осенняя листва под свирепым октябрьским ветром.

На меня смотрел темный практикующий. Пронзительно, насквозь, холодно и жестко. Его рот странно искривился, заставляя подумать о жвалах и паучьем яде. В смысле, вряд ли звериная ипостась Ильи могла быть обычным паучком, которого боишься раздавить из суеверия о мести в виде дождя. Пока мне не встречалось ни одного темного, чья суть была бы безобидной и без арсенала настоящего хищника. На ум шло что-то вроде черной вдовы или тарантула. Сразу перед кошмарной фантазией о крупных членистоногих, пожирающих тело.

– Как некультурно, – осклабился мужчина, поднимаясь. – Твой мальчик совсем не научил тебя манерам. За пару месяцев уже мог бы выдрессировать как следует.

Зря он это. Я могла пропустить снисходительный тон в свою сторону, но не по отношению к Владу. А от мысли, что кто-либо, даже мой ведьмак, в принципе мог меня «дрессировать», как какого-то циркового пуделя, в груди разгорался костер, пуская огонь по венам.

– Здесь культурных нет. – Он еще указывать мне на мифические правила приличия будет, чертов лицемер! – Вы – паразит, убийца и похититель, а я, если представится возможность, вырву вам горло. Некультурно, жадно и быстро. А потом, сплюнув, скажу, что так и было. Самозащита.

Все последние фразы шли одновременно от меня и не от меня. Слова, нанизанные на предостерегающий рык, как мясо на шампур. Ярость, граничащая с буйством. Разом, словно по щелчку, вернулось все то, чего не хватало.

Дог утробно рычала, сливаясь с угрожающими голосами стаи. Никто не выл. Никто не отступал. Пусть подойдет. Пусть подставится. Пусть хрустнет кость и брызнет кровь. Полнолуние – стихия нашего племени. Свет нашей охоты. Покровитель нашего зова.

Ценнее вновь обретенного единства с сущностью и предками было лишь одно. Связь с Владом. Я снова ощущала его во всей гамме противоречивости, свойственной Яблонеу. Гнев и сдержанность,

страх и решительность, мандраж и уверенность. Мой ведьмак приближался, оглушительная волна облегчения и радости, возникшая с его стороны, когда он также почувствовал мое «включение», стоила еще одной атаки пылью от стремительно подошедшего Ильи.

Резко отвернув голову, я едва не перевернулась вместе со стулом, инстинктивно подавшись назад. Схватив меня за плечо, практикующий что-то пробормотал, высыпав эту дрянь прямо мне на голову под протестующий рев стаи и бесполезные дерганья на стуле в попытках увернуться.

– Не хватает еще перевести на тебя все запасы, – отряхнул ладони мужчина. – Собаки вечно бедокурят, – насмешливо покачал он головой, возвращаясь к своему ампула. – Сиди смирно, не то придется приструнить тебя по-другому, куда болезненней.

– А силенок хватит? – сипло переспросила я, пытаюсь избавиться от все же заползшей в нос и рот гадости, отсекая меня от Влада и рода непроницаемой стеной.

– Хочешь проверить? – посветил он мне в лицо фонарем, отчего пришлось зажмуриться. Козел.

– Думаю, вы прекрасно знаете, чего я хочу, – сквозь стиснутые зубы ответила я. По-моему, пожелание Илье скорейшей смерти было высечено у меня на лице со всеми напутствиями в придачу.

– Люди, неважно, фамильяры, практикующие или еще какие специалисты, никогда не знают наперед, чего хотят. Всем только кажется, но никто не крестится, – размеренно ответил Илья. – В твоём возрасте я думал, что глупость и наивность разные вещи, мечтал, как буду помогать людям, верил в наше общее дело, а оказалось, что нет никакого общего дела. Есть только живущие и выживающие. Знаешь, в чем секрет?

Я промолчала, судорожно стараясь нащупать дога и род. Пыль действует не так долго, и, то ли благодаря своей потомственности, то ли за счет сильных эмоций, преимущественно злости, у меня получилось преодолеть ее влияние раньше, чем ожидал Илья. Похоже, на этот раз он увеличил дозу, вместо погружения на привычную дорогу меж полей я то и дело натыкалась на какую-то вязкую почву, слой грязи, мешавший пробраться дальше.

– В том, что изначально мы все – выживающие с разным набором возможностей. Кому-то они помогают перейти в живущих, а кто-то

остается выживающим навсегда. Последних, как ты понимаешь, большинство.

– Никто не давал вам права выживать за счет кого-то другого. Человек сам выбирает, какому пути следовать.

– А вот тут ты ошибаешься, – цокнул Илья. – Человек только думает, что выбирает сам. В конечном счете используем мы, используют нас. Я использую тебя, чтобы выманить твоего практикующего, и это не твой выбор.

– Может, это я использую вас, чтобы моему практикующему не пришлось искать вас по всему городу, – нагло заявила я, вызывая хриплый смех своего похитителя.

– Соломинка обреченного, – высказал он, отсмеявшись.

– Другой угол зрения, – растянула я губы в противной улыбке, удивляясь самой себе.

Что-то изменилось с тех пор, как Игнат вытащил меня на крышу. Изменилось даже в сравнении с происходившим пять минут назад. Паники и растерянности не было. Страх остался, но стал совсем другим, сменил причину и превратился во что-то более глубокое, темное и пробирающее. Глядя на Илью, я боялась не за себя. Инстинкт самосохранения отступил прочь, стоило только представить, что пострадать может Влад.

Я сознательно старалась вывести из себя Илью, пользуясь единственным, что доступно. Словами. Все эти философские беседы, где каждый практикующий чувствовал себя как рыба в воде, не были моей сильной стороной. Моя стихия – действие. Ирония заключалась в том, что сейчас одно превратилось в другое.

До того, как Влад поднимется сюда, совсем недолго. Не нужны ни интуиция, ни связь, чтобы понять: время, отведенное Ильей, скоро истечет, а меня по-прежнему будут использовать против Яблонева, выбивая из ведьмака все, что нужно. Кстати, об использовать...

Осмотревшись еще раз, я отметила, как далеко мой стул находится от края крыши. Пистолета в руках, да и в принципе какого-либо оружия у похитителя не наблюдалось. Ничего, кроме фонаря и железки, которой он ворошил дрова в мангале. Влад моложе, сильнее и быстрее Ильи, так где гарантии, что мой ведьмак точно выполнит все его условия, в чем бы они ни заключались, а, допустим, не нокаутирует с первого же удара?

– Что? – обернулся практикующий.

– С чего вы взяли, что, даже увидев меня привязанной к стулу, мой практикующий кинется делать все, что вы ему скажете? – Я старательно насмешливо покосилась на расстояние между собой и краем крыши.

Илья нахмурился, окинув меня взглядом, но почти сразу же расслабился, снисходительно улыбнувшись:

– Нынешнее поколение совершенно не умеет обучать помощников как следует. – Он снова отвернулся к мангалу, проведя над костром рукой. – Агата, если практикующий собирается причинить вред, он никогда не станет действовать через физическую расправу. Это удел обычных, слабых умом и силой воли индивидов, считающих, что убийство – единственное возможное решение их проблем. Есть вещи хуже смерти. – Он сделал вид, как будто хватая язык пламени, и я вскрикнула, сразу же смаргивая слезы, ощутив, как ноги от стоп до колен горят невидимым огнем изнутри, как он вгрызается в кости и кипятит кровь невыносимым жаром. – Например, бесконечная агония. – Боль исчезла так же быстро, как появилась, а я все старалась отдышаться. – Или стремительное увядание, когда за считанные дни тело проходит путь десятилетий. Ведьмина пыль мешает, парализовав все способности фамильяра, поэтому ты не чувствуешь паутины проклятья, в центре которой находишься с тех пор, как поднялась сюда. Одно неправильное действие твоего ведьмака, и тебе ничто не поможет. Так достаточно понятно?

Я прикусила язык, снова сдерживая себя, тем более что и без того дурацкий сумасшедший план провалился так же быстро, как возник. Снова на ту же удочку, сколько раз нужно ошибиться, чтобы понять, что в мире практикующих не поступают по-обычному и подходят ко всему с другой стороны?

Здесь не пушки и кулаки, а проклятия, порчи, сглазы и прочие неудачи. Не воровство денег, а воровство силы. Ценны не реальные связи, а ментальные. Смерть не конец дороги, а лишь ее поворот. И только я, как непутевый фамильяр-новичок, все еще думаю стандартными категориями, обжигаясь раз за разом.

– То-то же, – ответил сам себе Илья. – А вот и твой мальчик поднимается.

Оглушенная собственным сердцебиением, я уставилась на люк. Сосущая пустота в животе втягивала в себя остальные органы, излучая нервное ожидание, волнение, стыд и страх. Подумать только, вместо того чтобы защитить своего практикующего, сберечь его силы и удержать подальше от опасности, я стала чертовой приманкой. Наверное, даже хорошо, что сейчас я не чувствую стаю. Хотя бы не слышен вой позора, пусть и заслуженного. Вряд ли кто-то еще из моих предков так отличился, наплевав на все инстинкты и интуицию разом.

Я зашла в собственную квартиру, не удосужившись прислушаться к себе как следует. Поверить себе. Присутствие Игната насторожило, и что я сделала вместо всего возможного? Пошла греть ужин. Браво, Агата.

– Помолчи, – досадливо отмахнулся Илья, притом что я и слова не сказала. – Твои угрызения совести уже ни к чему. Молодость придумана для ошибок, и ты, и твой практикующий – прекрасное тому подтверждение.

Сузив глаза, я покосилась на луну, но, оценив близость Паука к «волшебному» мангалу, оставила при себе подробный маршрут путешествия, каким и куда ему следовало отправиться. Не хотелось снова кричать от боли, тем более когда Влад совсем рядом и моя несдержанность может сыграть на руку похитителю.

Люк ударился о крышу, свет фонаря Ильи выхватил призрачно-бледные руки, сжавшие край, прежде чем показался сам Яблонев. Все, что имело право считаться мной, ухнуло куда-то вниз, не встретив дна. Впервые с тех пор, как на чердаке дома темного мы покинули круг потухших свечей, я не ощутила тепла и слабого покалывания, видя Князя пред собой. Эмоции были, но будто лишились нерушимого фундамента, или на них наложили фильтр, то ли обесцветив, то ли приглушив. Неправильно, пугающе, давяще реально. Словно меня разобрали по частям, а собирая обратно, забыли какие-то важные детали.

Весь в черном, будто сам из ночи и лунного света, выбелившего его кожу, Яблонев был без привычного рюкзака и вообще без чего бы то ни было. «Взял самого себя», – вспомнилась фраза парня, сказанная в лесу, во время поисков мальчика. Глядя на него не отрываясь, я поняла, что не так, кроме очевидного.

Влад не смотрел на меня. Ни одного, даже вскользь брошенного взгляда. Это не должно было удивлять, но все же во мне теплилась надежда, что какого-нибудь мимолетного послания, неважно, жеста, взгляда или слова от Влада, было бы достаточно, чтобы я снова погрузилась в нашу связь. Очевидно, это работало не так, и Яблонев предпочел сконцентрироваться на прямой угрозе, не отвлекаясь. К счастью, практикующие сначала думали, потом действовали, а не шли на поводу у эмоций, как фамильяры.

Внимание темного безраздельно занимал второй практикующий на крыше, при появлении моего ведьмака отошедший к своему чудокостерку. Темные глаза Князя недобро сверкнули, завязалась зрительная дуэль, пропитанная особой предупреждающей тишиной. Пронизанная напряжением и предгрозовым предчувствием, такая тишина не несла в себе ничего, кроме ожидания худшего.

Прикусив щеку изнутри, я сморщилась, не успев себя остановить и удержать обострившиеся клыки подальше от нежной кожи. Кисло-соленая кровь прокатилась по языку в горло, и какой-то крохотной вспышкой, песчинкой в реке времени, в голове прозвучало свирепое, раскатистое рычание. Затихнув, оно продолжало отдаваться эхом в голове. Подобный рык – не охота, не защита и не запугивание. Прежде не сталкиваясь с ним, я все же сразу узнала, чему он служит. Своеобразная подсказка противнику, что у него больше нет времени и никогда не будет. Или стоя, пробравшись в голову с глотком крови, предупреждала меня?

– Так и будем смотреть друг на друга? – первым нарушил молчание Илья, что я мелочно засчитала за маленькую победу Влада.

– Я слушаю, – тихо утвердил Яблонев, по-птичьи склонив голову набок.

– А видишь ли? – поинтересовался мужчина, почесав подбородок и будто бы забавляясь происходящим.

– Даже больше, чем ты хотел бы показать, – все так же спокойно ответил темный, не выказывая и сотой доли того, что я ощутила от него ранее. Пожалуй, эта его суперспособность иногда по полезности обходит даже чтение мыслей.

– В таком случае ты знаешь, что мне от тебя нужно.

Они специально разговаривают шифровками, чтобы разгадать суть диалога не представлялось возможным?

– Отпусти фамильяра, и мы попробуем решить твою проблему, – ровно проговорил Влад, по-прежнему не глядя на меня.

Илья разочарованно развел руками, зацокав языком:

– А все так хорошо начиналось. Понимаю, весьма трудно осознать, особенно для твоего возраста, но здесь и сейчас условия ставлю я, а не ты. Все очень просто: уходи и оставь фамильяра, откупившись ее способностями, или отдай свои силы, и вы уйдете вместе.

Никаких ошибочных ожиданий. Худшее действительно наступило.

Глава 30

От «простоты» в ультиматуме Ильи я повторно обрезалась о собственные клыки, но на этот раз никакого знака от стаи не последовало. Короткая тишина, за которую я успела съежиться и сгореть в собственном чувстве вины, оборвалась и раскололась, когда, отступив на шаг, Влад расхохотался.

Моргнув, я непонимающе уставилась на своего ведьмака, продолжавшего смеяться в ночное небо, откинув голову. В этом звуке не было веселья и смешка. Лишь издевка и что-то злобное, темное и хищное. Мурашки по коже.

– Я сказал что-то смешное? – лукаво, как мне показалось, поинтересовался Илья. Надо же, какая-то шутка, непонятная мне, все же звучала, и Влад не сошел с ума.

Смех Яблонева оборвался так же резко, как начался. Короткое, птичье движение головой, и темный посмотрел прямо на мужчину. Вероятнее всего, «сквозь», как все они умели.

– Разве нет? – ответил вопросом на вопрос Яблонев. – Это большое искусство – предоставить правдоподобную иллюзию выбора, каким бы безумным он ни был. Ты им не владеешь.

– Люблю начинать диалог с анекдота, – криво улыбнулся практикующий. – Уверен, ты оценил иронию. Связь, которую все вы считаете силой, на деле ваша величайшая слабость. Посмотри на нее, – Илья кивнул в мою сторону. – Посмотри и признай: нет никакого выбора. Ваша переоцененная связь лишает его безвозвратно. Как только перестаешь думать о себе, дорога сворачивает на кладбище.

Влад смотреть на меня не спешил, и я достаточно его знала, чтобы понять, что на то есть куда более веские причины, чем боязнь потерять концентрацию или бдительность. Отойдя к противоположному краю, ведьмак щелкнул пальцами в воздух, привлекая внимание:

– Мне неинтересны твои проповеди, я сам их читаю не хуже. Ты выбрал высоту, потому что думаешь, что в таком благоприятном поле пространства для моего знака и сущности передача сил пройдет как по маслу. – Яблонев цокнул языком. – Очевидно, жажда результата

ослепила тебя, иначе ты вспомнил бы несколько основополагающих вещей раньше, чем затеял все это.

Илья усмехнулся так же, как делал все это время со мной. Выдохнув, я сосредоточила все внимание на нем, надеясь хотя бы успеть предупредить Влада, как только он что-то начнет делать. Что-то, очевидное мне, конечно. Любой практикующий способен действовать, даже застыв на месте.

– Например? – прищурился мужчина, встав вплотную к мангалу.

– Например, саму возможность передать дар. Что не ясно в слове «добровольно»? – Влад скрестил руки на груди, впившись взглядом в Илью. – Шантаж, давление и, определенно, принуждение ничем не помогут. Ты видишь мою сущность. В чужую клетку она не сядет, а у тебя нет ничего, что могло бы зародить хотя бы мысль расстаться с небом.

– Ах вот ты о чем, – цокнул языком практикующий, передразнивая Влада, пока я пыталась переварить сказанное. – Видишь ли, шантаж имел смысл только ради твоего появления. Ты же не думаешь, что, захватив твоего фамильяра, я преследовал только одну цель?

Вот уж глупости. Любой, кто часто оказывался рядом с практикующими, знал, что одним действием они редко когда решают меньше двух проблем, изначально видя дальше и больше.

– Тебе уже приходилось иметь дело с тандемом, скрепленным связью.

– Даже не с одним, – согласился Илья. – Вы все одинаковы, независимо от специализаций, промысла и сущностей. Связь – ваша зависимость, убогая попытка бегства от одиночества. Ты так привязан к ней, – он ткнул в мою сторону железякой, – что об уходе и речи быть не может. Так привязан, что не смог не прийти сюда. Отпусти я ее прямо сейчас, и она даже не подумает уйти. Вы сделаете все друг для друга, остается только дергать ниточки...

Я не успела открыть рот, хотя поняла все за секунду до того, как практикующий снова сунул руку к костру. Боль нахлынула огненной волной, вгрызаясь в кости и кожу до колен. Закричав, я наклонилась вперед, насколько позволяла веревка, дергая ногами в дурацкой надежде стряхнуть эту пытку. И еле выдохнула, когда она исчезла, оставляя за собой шлейф из унижения и вины.

Влад не должен был видеть меня такой: смаргивающей слезы пленницей, побитым щенком, тем, кого нужно спасать или выкупать собственным даром. Заставив себя выпрямиться, я поняла, что Яблонев по-прежнему на меня не смотрел. Склонив голову набок, ведьмак продолжал рассматривать Илью так, словно меня здесь вообще не было.

Как будто я не кричала от боли пару мгновений назад. Как будто я больше не была «его» человеком. Как будто темному стало наплевать, что со мной происходит. Эта мысль выдавливала весь воздух, оставляя далеко позади любую внушенную врагом агонию.

– Недурственно, – покровительственно отметил Илья. – Сразу понял?

– У меня была догадка, переросшая в уверенность, когда ты попробовал надавить и заставить меня посмотреть. Уловки старой школы, – ответил ведьмак. – Агата.

Имя прозвучало как обычно. Обычно для произношения Влада, бесконечно особенно для меня. Как всегда вкрадчиво, мягко и слегка на выдохе. Такую интонацию хочется слышать, забираясь под одеяло или сидя перед костром. Нечто, придающее любому уюту и теплу бóльшую степень.

Ментальная стена и пространство, пронизанное чуждой враждебной энергетикой, что нас разделяли, резко перестали видиться чем-то непреодолимым. Влад никак не поменял позы, но этого больше и не требовалось. Сейчас, пока голос и интонация темного все еще звучали в голове, каждая частичка меня знала, что между нами все по-прежнему.

Так же, как и этим утром, когда мои пальцы осторожно очерчивали его татуировку. Так же, как и этим днем, когда он всерьез предлагал мне постоянную зарплату. Так же, как и полчаса назад, когда мы почувствовали друг друга через связь. Сокрушительное облегчение смыло надуманную боль и страхи. Мы – команда, и нас тут двое против одного, как ни крути.

– Если я посмотрю тебе в глаза, то автоматически попаду в сеть его проклятий через нашу связь.

Я уставилась в бетон под ногами еще до того, как Влад договорил. Вот оно что. Очередная подлость, впрочем, о честной игре и речи не

шло. Что ж, если я не буду смотреть на своего практикующего, шанс попасть в такой капкан уйдет в минус.

Параллельно с этим стало ясно, что еще проворачивал Яблонев. От него не последовало ни одной угрозы, напротив, он старался поддержать диалог с Ильей. Тянет время. Мой темный знал многое еще до того, как подняться сюда. Значит, для него не было никакой тайны в том, что мешало нашей связи и моим способностям фамильяра. Возможно, мы отвлечем неприятеля достаточно, чтобы эффект этой дурацкой ведьминой пыли спал. Сомневаюсь, что в присутствии Влада он сможет еще раз применить ее.

– Ты не просто потомственный, это не провинциальное обучение, если можно так выразиться, – протянул Илья. – Хм, это делает тебя еще более ценным. О подобных приемах знает не так много родов... Чуть больше десятка, и еще меньше тех, кто способен распознать их прежде, чем попасться. Эти черты... ты сразу показался мне знакомым. – Я вскинулась на мужчину, уловив довольство и восхищение в его голосе. Как будто он только что выиграл в лотерею. Смотрел он на Влада, точно как на заветный приз. – Серые глаза, манера держаться и, конечно же, знания – визитная карточка Зарницких.

– Не думал, что эту фамилию все еще помнят, – только и сказал Влад. – Тем не менее я никогда ее не носил.

Конечно, не носил, потому что дар в их семье всегда передавался по женской линии, значит, Тамара была Зарницкой (если бабушка Влада ничего не меняла), пока не вышла замуж и не взяла фамилию мужа. Фамилию, от которой Влад не стал отказываться. Зная своего практикующего, я точно понимала почему. Очередное наказание и напоминание о смерти его отца в одном флаконе.

– Слова ничто в сравнении с кровью, – отмахнулся Илья. – «Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет». – Серьезно? «Ромео и Джульетта»? – Я помню эту историю, рассказанную мне дедом. Твоя прабабка тогда растревожила осиное гнездо, подняв знатную шумиху своим уходом. Кто бы мог подумать, что она окажется права в своей паранойе... – Мужчина кашлянул. – Мальчик, я знаю, что ты делаешь. Вытащи то, что у тебя в кармане, и сбрось с крыши, иначе... – Он постучал железкой по мангалу, намекая на очередную порцию боли для меня. – Живей.

Такого быть не могло, но я как будто отчетливо услышала тяжелый вздох Влада. В чем бы ни был его план, Илья оказался не глупее. Не глядя в сторону ведьмака, я чувствовала, что он снова у края крыши. Короткий взгляд в спину Яблоневу, резкое движение его руки из кармана, пальцы отпустили что-то круглое. Наверняка камень из его огромной коллекции, где каждый был предназначен для своей работы.

– Гагат, как мне думается, – покивал Илья. – Хороший выбор, но, к сожалению, весьма очевидный. Взять самый сильный иньский камень, главный оберег по защите, и считать, что я его не замечу? Чем ты думал, мальчик?

– Прийти в чужой город, найти круг потомственных практикующих, в открытую напасть на ведьму этого круга и захватить в плен потомственного фамильяра, связанного с потомственным ведьмаком, сам знаешь, с какой историей рода. Затащить фамильяра в сильнейшее поле действия для сущности противника ментально и зодиакально. А потом причинить боль фамильяру на глазах его практикующего. Чем *ты* думал?

Влад обернулся, и, как ни пыталась, я не смогла отвести от него взгляда. Слишком притягательно, слишком опасно, слишком нужно. Я нарочно не смотрела в лицо, опасаясь перехватить взгляд, но знала, что все его черты по-птичьи заострились, выпуская на волю истинно темного ведьмака.

Мощь, сила и стальная воля практикующего расходились от его фигуры волнами энергии, подгребая под себя все, что было вокруг. Ментальное видение оставалось для меня закрытым, но сейчас оно и не требовалось. *Такое* невозможно пропустить. *Такое* ощутил бы даже тот, для кого «интуиция» – всего лишь слово в словаре. Как близко знающей Яблонева и уверенной, что мне бояться нечего, все равно захотелось стать совсем незаметной и переждать надвигающийся апокалипсис где-нибудь подальше.

– Я сотру остатки твоей сущности в порошок. Восстанавливать будет нечего.

Влад вскинул руку совсем как Павел, нападая на Ирку. Жест был тот же, только вот у Яблонева он выглядел совершенно по-другому. Стремительнее, изящнее и при этом устрашающе настолько, что по

спине побежали мурашки, а на голове зашевелились волосы, не говоря уже о пресекавшемся дыхании.

Совсем белые в темноте и лунном свете, скрюченные пальцы ведьмака больше напоминали птичьи когти. Когти, готовые вцепиться и не отпускать.

– Значит, ты решил по-плохому, – покивал Илья, похоже, совсем не впечатленный увиденным.

– Всего лишь выбрал то, что считаю верным, – склонил голову набок Влад.

– Тогда я впитаю твой дар вместе с последним дыханием, о таком варианте ты не подумал? – усмехнулся Илья. – В каком-то смысле, смерть – это всегда безошибочно, – хмыкнул мужчина и резво ткнул железкой точно в центр мангала, оставляя ее там.

Внутри меня взорвалась граната. Боль была сразу везде: стискивала свои треугольные наточенные клыки, вонзаясь глубже, яростнее, сотрясая что-то важнее плоти, костей или разума. На этот раз она пробралась так далеко, куда не забиралась даже я сама. Огнем горела моя суть.

Попытка стиснуть зубы и не выпустить крик закончилась лишь прокушенной губой, градом слез и очередным сглатыванием крови, заполнившей рот. Обвиснув на бечевке, впившейся в кожу рук, я заставила себя сморгнуть и выпрямиться на выдохе. В ушах звенело, сердце билось в горле, срочно эвакуировавшись подальше от пламени, пробирающегося сквозь грудную клетку.

Следующий вдох дался много легче предыдущих. Боль по-прежнему перекачивалась под кожей, но будто бы ослабила напор, соскочив с отметки «убийственно» на «терпимо». Причина такой перемены, конечно же, была в Яблоне, наставившем на меня раскрытую левую ладонь.

– Даже сейчас ты не способен сконцентрироваться на основной задаче, мальчик. Ее боль тянет тебя назад, вынуждает не думать о себе, – снова запел Илья. – Вынуждает сдаться, даже не начав сражения как следует.

Правая рука ведьмака вернулась на прежнюю позицию, слово на темном, пугающем меня языке вырвалось из практикующего, прочно ассоциируясь с чем-то колючим, холодным и трескучим, послужив лучшим ответом на очередное высказывание неприятеля.

– Не поможет, мальчик, – усмехнулся мужчина, резко проведя рукой перед собой, словно задвигая дверцу шкафа.

– Долго ты не продержишься.

– Как и твоя собачка. Не переживай, утащить твои крылышки сил хватит. Даже если придется их вырвать.

– Я не переживаю. Знаю, что переживу, – выплюнул Влад.

Илья хрипло засмеялся, оценив высказывание, тут же вскинув обе руки и растопырив пальцы, словно паук лапы:

– Ну хорошо, малыш, давай сделаем это как полагается.

Боль вернулась в полном размере вместе с тем, как ладонь Яблонева снова сместилась от меня к Илье. Понятное дело, ему нужны были все силы, чтобы противостоять этой твари. Только вот я тоже была его силой, его другом, его фамильяром, черт побери, и никто не смел обращаться к нему «малыш» и «мальчик» в моем присутствии! Тем более угрожать посадить в клетку или вырвать крылья. Это я та, кто должен отрывать лапки и грызть каждого смертника, рискнувшего посягнуть на моего практикующего.

Я не видела крыши, не было и темноты закрытых век. Перед глазами калейдоскопом проносились три месяца с Яблоневым. Вот он впервые берет меня за руку на лоджии у Кати. Вот ведьмак в моей квартире сверлит Ирку взглядом из-за молчанки о стычке с Аленой. Вот я говорю долгожданное им «да», и тот редкий момент, когда счастье в его глазах не оставило места ни для чего другого. Круг свечей и секреты. Укусы. Сонное «угомонись». Бесконечный поток «собачьих» шуточек. Ласковая снисходительность и готовность все объяснить по-новому, когда я в очередной раз чего-то не понимаю. Десятки объятий: успокаивающих, поддерживающих, уютных, семейных, по-особенному наших.

Сотня сообщений в чате утром, днем, вечером и глубокой ночью. Прогулки бок о бок, нога в ногу, сплетенные пальцы рук и плотно прижатые друг к другу ладони. Бескомпромиссное, твердое и решительное «я на твоей стороне», что бы ни случилось. Даже если виноват, даже если против все остальные, неважно, друзья, семья или неприятели.

Ничего не имело значения, когда мы были вместе, кроме этого поражающего, поглощающего все остальное понимания. Я не могла потерять это чувство принадлежности. Не могла потерять своего

практикующего, открывшего мне целый мир загадок, оставаясь самой главной из них.

Не знаю, чем был океан, поднявшийся внутри и затушивший пламя боли за считанные мгновения, обратив ее в мокрый пепел и пыль. Ненависть, гнев, страх или же отчаянье. Думаю, все вместе, в неограниченных количествах.

Барьер, отрезающий от сущности и способностей, словно тонкий лед, покрылся трещинами. Они светились, росли, пока сквозь них не просочилось все столь хорошо мне знакомое. Запахи, привычно и необходимо, пришли первыми. Я чуяла ветер, несший в себе ароматы полей, дороги, темного леса, собачьей стаи и грозы. Чувствовала, как он свирепо пробивается с той стороны, расширяя и кроша разделяющую нас стену. Слышала собачий многоголосый лай и скулеж с вкраплениями из раздраженного вороньего карканья.

Инстинктивно я потянулась вперед, что вряд ли возможно, ведь все это происходило внутри меня. Я просто *захотела*, чтобы оно стало ближе, проникло и снова заняло надлежащее место. Выбора и других вариантов не было. Не тогда, когда снаружи Влад борется в одиночку за себя, за *нас*.

Стена, что скрывала мою сущность и прятала ментальный мир, осыпалась осколками, взорвавшись изнутри лунным светом и открывая ночь. Дорога и поля, темный лес совсем рядом, в молочно-желтом свете прожектора-луны всюду были видны тонкие блестящие нити паутины. Ее ошметки летали в воздухе, висели на траве и деревьях, мерцали на шкуре дога. Приветственно и ликующе взыв, она отпружилила от дороги всеми четырьмя лапами, под одобрителный гул стаи, стекающей к нам со всех сторон. Желтые глаза вспыхивали в темноте, словно светлячки, пар из пастей и рычание уносились все тем же ветром, дующим из мрачного леса Яблонева. Он сметал паутину резкими порывами, как дворник палую листву, в то время как я снова чувствовала себя *цельной и настоящей*.

Открыв глаза, я знала, что все поменялось. Переломный момент, обеспеченный моим океаном и ветром Влада, заставил Илью отступить во всех смыслах. Наша связь разорвала сеть его проклятий на клочки, ее больше не было и точно не будет, чем в мангал ни ткни. Это было так же верно, как и то, что теперь Яблонев мог посмотреть на меня без какого-либо риска.

Я снова видела луну, но на этот раз не в ментальном пространстве или небе над головой. Она отражалась в глазах ведьмака, отчего казалось, будто из-за свинцовых снеговых туч ярости и решительности в них сверкала и серебрилась радость. Хотя мне не казалось и я не собиралась креститься. Все так и было.

Губы моего Князя чуть изогнулись в улыбке, показав ямочки на щеках. Он был горд, доволен, и особое удовольствие доставляло чувствовать это тепло по связи, вновь заработавшей в обе стороны.

– Невозможно. Ты не могла избавиться от этого самостоятельно!

Как показывало настоящее, очень даже могла. Океан эмоций все еще отдавался штормом внутри, но каким-то образом не выплескивался через край. Словно, впервые в жизни, у меня было четкое понимание, как его направлять и оставаться на плаву, а не тонуть и захлебываться.

– Я думала, что практикующие лучше других знают, что «невозможно» – это отговорка.

Илья скривился:

– А еще они знают, что любой план может сорваться, и всегда готовят запасной. Даже два. Не забывай, кто присматривает за твоей мамой и что с ней может случиться из-за вашего плохого поведения.

– Его брат, он сейчас возле мамы, – быстро пояснила я Яблоневу, сдерживая рычание и снова стесывая кожу о тугую бечевку.

– Так что? – Мужчина снова вернул самообладание, выдав все ту же противную ухмылку и цоканье языком. – Продолжим, или ты наконец-то осознаешь поражение и будешь хорошим мальчиком, который не подвергнет опасности мать своего фамильяра?

– Я никогда не был хорошим мальчиком.

Прежняя Агата, месячной давности, вытаращилась бы на Яблонева и закричала с пеной у рта, что он не имеет права рисковать мамой, тем более чужой. Нынешняя же считала, что шантажистов нужно наказывать и давить на первых же попытках навязать свою волю. Различие между этими двумя было лишь в понимании, осознании и ощущении связи с темным.

Влад не подставлял маму, не пытался спасти свой дар за ее счет. Он просто выбирал *нас*. Как вчера выбрала я, сбежав к нему домой.

Раньше мы были раздробленными частицами, часто соприкасающимися общими взглядами, интересами и действиями.

Сейчас наш тандем представлял единое целое, имеющее на все одно мнение. Оно, к слову, оказалось предельно простым: не трогай нас и наше, и мы не тронем тебя. Ну а если рискнул, то беги. Может быть, успеешь. (Шутка).

Руки Князя взметнулись снова, и это больше не было статичным жестом. Пальцы дергались в воздухе, будто набирая что-то на невидимой клавиатуре, или их кто-то тянул за нитки, как марионеток. Теперь Влад не сдерживался и не отвлекался, сосредоточившись на Илье, как тот и напрашивался с самого начала. Его противник сделал что-то похожее, двигая руками по-другому, очень быстро, хаотично, будто что-то выхватывал перед собой и отправлял обратно. Это походило бы на передразнивания мимами друг друга, если бы не волны электризующей энергии, покалывающей кожу.

Погружение в ментальное вымело из головы все дурацкие ассоциации, открывая нам с догом истинное противостояние. Огромный, словно сотканный из ночи ворон летал по границе своего леса, испуская крыльями фиолетовые волны, затапливающие мои поля с дорогой. Не трогая мою сущность, они встречались с серым плотным барьером на границе наших владений.

Густой и вязкий, он был похож на тысячи слоев паутины, наложенных друг на друга и перекрывающих пещеру, видневшуюся среди песка. Значит, вот какова природная ипостась Ильи. Вряд ли в ней живет что-то более привлекательное...

Атаки Влада, сопровождаемые угрожающим карканьем, следовали одна за другой, постепенно плавя каждый слой барьера, пока он вовсе не исчез, открывая вход пещеры. Не веря в такую легкую победу, мы с догом напряглись, всматриваясь в ее темный зев. Что бы там ни пряталось – это точно не крошечный безобидный паучок. Шуршание, гниль, легшая на язык, мерзкое сочетание запахов, коснувшееся ноздрей, странные движения в темноте пещеры, липкость и густота воздуха...

Все органы чувств вместе с интуицией звонили на колоколах тревоги, предупреждая о приближении чего-то огромного, жуткого и опасного. Чего-то, что было неизвестно даже нашей стае, незримо присутствующей где-то за спиной, здесь и одновременно не здесь. Пригнувшись к земле, дог вздыбила шерсть и оскалила зубы, когда *это* показалось на свет.

Монстр. Первое, что пришло в голову, и, скорее всего, самая верная характеристика того, кого мы увидели. От паука в нем была левая половина. Четыре лапы, полбрюха и полголовы с тремя злобными глазами-бусинами. Вторая часть представляла собой клочки, лоскуты и части других животных, существей, которых он присвоил себе шантажом или в бою. Я различила львиный хвост, крыло летучей мыши, змеиный глаз, рыбью чешую, медвежью шкуру, кошачье ухо, иглы дикобраза, загнутый рог барана... За свою жизнь Илья обворовал, вырвал куски слишком у многих, и теперь собирался пополнить коллекцию крыльями сущности Яблонева.

Обе половины огромной махины, представшей перед нами, были сшиты между собой серыми пульсирующими нитками его энергии-паутины. Я хорошо уловила тот момент, когда змеиный и все паучьи глаза остановились на вороне, встречая очередную фиолетовую завесу распахнутой пастью, полной самых разных клыков и зубов. Он просто раскусил ее, затрясшись всем телом и издав какой-то клопочущий булькающий звук, леденящий кровь. Смех.

О боги!

Сплюнув, тварь снова разинула пасть, и на этот раз из нее к ворону вылетел липкий серо-желтый сгусток. Стремительно, беспощадно точно он настиг свою цель, врезавшись в величавую птицу. Вороний и человеческий крик смешался в ушах с испуганным воем дога и очередным смешком монстра, и меня выбросило в реальное, на тот же стул, к натирающей кожу бечевке.

Влад упал на колено, опираясь кулаком о крышу, Илья не двинулся с места:

– Старая школа, малыш. Как говорится: опыт не пропьешь.

Вскинувшись, мой темный снова выставил руку, на секунду я не узнала его лица: заострившиеся черты, ставшие почти черными глаза, ни единого намека, что парень передо мной был способен на улыбку или крепкое объятие. Ведьмак в нем развернулся на полную катушку, прежде никогда не показываясь мне так явно.

Мужчина цокнул языком:

– Птичка-птичка, поиграем. Знаешь, в чем твоя ошибка, как и всех предыдущих? Все вы атакуете меня.

Не увидев никакого смысла и логики в словах практикующего, я сосредоточилась на себе. В ментальном мне хотелось побежать и

заслонить Влада, но дог могла только наблюдать, так же как и я сейчас.

– Слишком много говоришь, – выдохнул Яблонев, прежде чем перейти на темный язык, воспринимаемый мною, как треск и гудение. Практикующие схлестнулись пассажирами в воздухе, я чувствовала, что Влад действует на пределе своих возможностей, и если следующий раунд снова будет в пользу Ильи...

Собственная беспомощность злила, жалила виной куда-то между ребер, подстегиваемая царапающимся изнутри страхом. Я как чертова собака на этой привязи. Какой смысл, а? Какой смысл быть потомственным фамильяром, обладать всеми способностями, если всего одна дурацкая веревка способна поставить на этом крест?

Яблонев потерял позицию, отступив на шаг, и от того, что пришло по связи, перехватило дыхание. Владу было больно. Сохраняя спокойствие и сосредоточенность внешне, внутренне ведьмак содрогался и едва успевал дышать. Мой худший кошмар. Настолько ужасный, что я никогда не позволяла себе всерьез задуматься даже о возможности подобного. О возможности потерять Влада. Не ссоры, не прекращения общения, не того, что он уйдет, а того, что в один момент его просто не станет.

Безумие. Ментальное и реальное слилось в одно, сменяя друг друга вспышками. Мне казалось, я злилась раньше? До этого момента я не знала, что такое настоящая ярость. Неконтролируемая, слепящая, разрушительная сила заполнила каждую клеточку, словно кипяток чашку чая.

Нет зверя опасней, чем тот, что загнан в угол. Нет фамильяра опасней, чем тот, что видит и чувствует боль своего практикующего. Сфокусировавшись на Илье, я взревела, выпуская наружу *своего монстра*.

Не имея возможности посмотреть в зеркало, я тем не менее была уверена, что только что фамильяр во мне проступил так же четко, как и ведьмак во Владе. Все виделось по-другому, слышалось точнее, чувлось острее, и даже думалось иначе. «Стопроцентное слияние», – сказал однажды Яблонев, отвечая на одной из наших долгих прогулок на мой вопрос об этой своей метаморфозе.

Наконец-то стала понятна моя главная ошибка. Ошибка, приведшая нас на эту крышу. Такому нельзя было научить, только понять самому, прочувствовав от и до. Все это время, с тех пор как

запустилась программа фамилльярства, я не выкладывалась на всю. Верила, училась, тренировалась, применяла способности, но все это было... калшкой. Вот почему в ментальном пространстве я всегда видела дога со стороны и лишь в редких случаях становилась с ней единым целым.

Каждый день своего фамилльярства я пользовалась силами сущности, отказываясь переступить последнюю черту, осознать, что дог и я – одно целое. Я будто списывала домашку с решебника, вместо того чтобы сесть и выполнить все задания самостоятельно. Или же одалживала денег займы, блокируя мысль пойти и заработать их.

Рык вспарывал горло, губы обнажили клыки, мышцы налились незнакомой прежде силой. Я все еще оставалась загнанным зверем, а значит, самым опасным существом здесь и сейчас. Вскинув голову, я щелкнула челюстью и рванула вперед, напрягшись всем телом. Нет таких цепей, что сдержали бы бешеную собаку, куда там жалкой веревке?

Не выдержав нагрузки, бечевка лопнула, и этот треск стал все равно что музыкой для ушей. Вскочив со стула, я запустила им в Илью, попадая в мангал и опрокидывая его набок в вихре искр, золы и угля. Мужчина вскрикнул, отпрыгнув влево и нелепо дернув руками. Влад поспешно поднялся на ноги, моего Князя немного шатало, но это пройдет. Я рядом, больше не беспомощна и наконец-то могу быть ему поддержкой, опорой и защитой.

– Поглядите-ка, – быстро пришел в себя Илья. – Щеночек разбушевался, хозяина обидели?

Ментальное превратилось в тень реального, сосуществуя в одном пространстве. Глаза паука-монстра обратились ко мне, он зашипел, демонстрируя весь свой арсенал зубов, игл и когтей, и я глухо зарычала, готовясь напасть, вцепиться и порвать его на сотни крошечных кусков.

Его движение было слишком быстрым и резким для такой неповоротливой на вид твари. Серая пелена паутины, покинув рот, устремилась не ко мне, а к Владу, и, вместо того чтобы рвануть к монстру, я кинулась ей наперерез, взвившись в воздух над дорогой в ментальном и оказавшись точно на прямой между Ильей и своим ведьмаком в реальном.

Язык обожгло холодом, нос забило гнилью и падалью, лицо словно оказалось в паутине, пытающейся вгрызться в кожу, но этот эффект спал, как только меня со всех сторон окутала фиолетовая энергия Влада. То есть почти сразу.

– Хрен. Ты. Угадал, – прорычала я, раскусывая эту дрянь и отбрасывая прочь. Напульсники на запястьях и кольцо с агатом разом потеплели, похоже, также приняв и перетянув на себя часть насланной Ильей мерзости.

Гнев клокотал внутри, пенил кровь, пульсировал на языке и стучал в висках, превращая все вокруг в красно-серое. Жажда крови, желание настигнуть, схватить и растерзать туманили голову, тело чувствовалось одной мощной пружиной... Крыло ворона нежно коснулось макушки дога, прежде чем птица вновь набрала высоту. Рука Влада обняла за плечи, прижала спиной к груди ведьмака, удерживая от опрометчивого броска в сторону нашего врага, и я вжалась в него, ожидая точной команды.

Так было правильно. Так было естественно. Так строилась связь и наша работа в команде, фундаментальная истина нашего тандема. Он – разум, я – сила. Он – ориентир, я – действие. Он – воин, я – его щит и меч.

Монстр напротив снова зашипел, распахивая пасть, все конечности странно задержались, нити, связывающие его тело, засветились...

– Вместе, – шепнул Влад на ушко, согревая его своим дыханием.

– Вместе, – выдохнула я, готовая следовать любому плану своего темного.

Чем бы это ни было на языке практикующих, я поняла, что надвигающиеся на нас молочно-серые щупальца, растущие из швов, что скрепляли Илью в одно целое, его козырь. Слишком много точечных противников, никакой единой завесы, которую я могла бы раскусить или разодрать, как прежнюю. Можно пытаться быстро перегрызть каждую или...

Рука Яблонева вытянулась вперед, вторая по-прежнему обнимала меня, не отпуская. Ворон описывал круги над догом, я сосредоточилась на приближающихся отростках. Ни один из них не должен был дотянуться до Влада. Эта гадость его не коснется. Я скорее откушу себе лапы и выцарапаю глаза, чем позволю подобное.

Моя алая ярость влилась в фиолетовый поток его силы, подпитывая, заряжая и уплотняя прозрачную стену, выросшую на пути атаки Ильи. При столкновении двух энергий потери понесли все. Враг вскрикнул, и я бы порадовалась этому, глядя, как его щупальца постепенно превращаются в пыль и уносятся ветром из леса Яблонева, если бы не чувствовала все, что происходит с ведьмаком.

Несмотря на мою помощь, Влад держался с трудом. Его сердце било в лопатку так быстро и сильно, словно к спине прижималась запыхавшаяся пичуга, а не практикующий. Мой темный задыхался, стискивал зубы, усилием воли не позволяя трясущейся руке согнуться и опасть, каждый раз упрямо выставляя ее перед нами. Однако долго он не продержится даже со мной в качестве батарейки. Мы оба слишком потратились за этот день, начиная с нападения на ПрахМир. Нужно что-то делать, срочно, пока есть что использовать, пока мы все еще на ногах...

Илья нас недооценил, но и мы ошиблись в возможностях противника. Я думала, что гниение и общее состояние не позволят ему размахнуться настолько, не приняв во внимание, как сильно он хочет жить. За счет Яблонева. Поверила в то, что Паук показывал все время до прихода Влада. Он прикидывался немощным и слабым, усыплял внимание, чуть ли не давил на жалость, скрывая, насколько силен.

Отростки все не заканчивались, и наш барьер истончился, справляясь с ними уже не так хорошо, как прежде. Несколько из них переплелись между собой и ударили по стене на манер тарана. Влад шумно выдохнул, и я скривилась, понимая, что за всем этим прячется стон боли и изнеможения. К счастью, я уже знала, как это исправить. Всего лишь убрать источник его проблемы.

Кажется, Илье на том конце крыши слишком спокойно стоит. Ничего. Сейчас мы устраним это досадное упущение. Практикующие могут продолжать обмениваться своими ментальными ударами, но мы, потомственные темные фамильяры, знаем, что нет ничего надежнее физической расправы.

– Только когда я скажу, – прошептал Яблонев, едва двигая губами. Конечно же, подсматривать в мою голову ему ничто не могло помешать. Даже угроза смерти, практикующий-психопат и полное истощение. – Мне нужно будет немного времени, чтобы «перезарядиться». Всего минуту. Сможешь отвлечь его на себя?

– Для тебя – хоть две, – так же тихо пробормотала я, затылком чувствуя, что ведьмак чуть улыбнулся, скрывая лицо от Ильи за моими волосами.

Барьер стал не толще пищевой пленки, когда Влад отпустил меня с коротким:

– Не сдерживайся, Герцогиня.

И не собиралась. Стоя еще никогда не была так едина со мной, как в это мгновение. Движение началось быстрее мысли. Вырвавшись из-под руки темного, я побежала по прямой, сквозь завесу, без каких-либо сложностей. Они начались сразу после нее, когда мерзкие щупальца открыли охоту, временно оставив в покое барьер, защищающий Яблонева. Что ж, у меня для них плохие новости. Я открыла охоту раньше.

Гнев не тянул назад, как прежде до этого. Больше я не боялась причинить вред, напротив, собиралась насладиться каждой секундой процесса. В свете луны, чувствуя скорость, ветер и стаю вокруг, это было так просто. Просто уклоняться, избегать прикосновений отростков и становиться все ближе к цели, прорываясь сквозь них, когда они все же настигали.

Прыгнуть, пригнуться, припасть, вправо, влево, вцепиться, тянуть, грызть... Каждым вздохом, рыком и атакой я воплощала опыт предков. Пусть прежде они не встречали такого противника, бой – всегда бой, неважно с кем.

Щупальца кружили вокруг, жалили холодом, пытались обвить шею, опутать с ног до головы, залепить глаза. Рот заполнила липкая тухлятина, что-то колющее сдавило правую сторону, стараясь перемолоть все кости, прежде разбитые губы ныли и гудели, тошнота... Все накатило разом, пока в ментальном я-дог продолжала отбиваться от отростков, шаг за шагом приближаясь к Илье в реальном. Кажется, он воспользовался временным выбыванием Яблонева и каким-то образом усилил мое плохое самочувствие.

– Глупая псина, – прошипел мужчина, краем глаза я видела, как он резко взмахнул рукой сверху вниз, и чудовище, обитавшее в нем, выкинуло новые щупальца, удвоив их количество.

Очень мило, но номер не пройдет. Остановку «страх» я проехала давно. Плевать на боль, тошноту, холод и чертову армию производных от его монстра. Я обещала Владу две минуты, и я их обеспечу.

Расстояние между мной и Ильей оставалось метров пять, когда особо ловким маневром он все же сбил меня-дога с лап в ментальном, и я завалилась на крышу, едва успев подставить руки. Серая энергетика подгребала под себя, давила глыбой льда, смыкалась над головой, перекрывая доступ к кислороду, растворяла поддерживающий меня все это время гнев в унынии и апатии. Как противно, пусто и липко...

Яблонев свистнул, привлекая внимание. Усилием воли я повернула голову в сторону Князя, надеясь, что у него все готово, чем бы оно ни было. Только надеяться и оставалось: щупальца устремились к Владу, и никакой преграды на их пути уже не осталось. Держа перед собой скрещенные руки в знаке «тема закрыта», ведьмак стремительно их разомкнул, разводя в стороны.

Вместо привычной фиолетовой волны крылья ворона нагнали нечто другое. Огромное, мощное и бесконечно знакомое. Слепяще-белый, арктически-ледяной, излучающий лютый беспощадный север, на Илью надвигался снежный буран. Захарова! Наверняка, прежде чем прийти сюда, Влад посоветовался с Настей, и Безумная Шляпница не оставила его в беде, поделившись собственной энергетикой.

Мужчина закричал в полный голос, когда сила третьей судьбы нашего круга настигла и проморозила каждый отросток его сущности, от кончика до самых швов, и рассыпала на крошечные льдинки. Та же участь постигла и опутавший меня кокон. Губительный для всех приемов Ильи, мне холод Захаровой принес лишь облегчение, свежесть и бодрость. Как стакан холодный воды после восьмичасового сна выпила.

— Она просила передать тебе, — заговорил Влад, глядя на противника. — «Связался с лучшими — умри как все».

О да. Настя чувствуетея в каждом слове, определенно. Так и вижу, как, говоря это, она поглаживает набалдашник трости, демонстрируя легкое недоумение и утомленность глупостью окружающих.

— Детки, — потряс головой Илья, вновь поднимая руки. — Даже если сможете выиграть это сражение — война вас развеет. Это, конечно, если сможете.

Давно перестав пытаться понять, о чем он, я не ослабляла внимания, взвившись на ноги, как только монстр задвигался, стряхнув с себя ледяную корку. Вот же живучая тварь!

Налетев со следующим порывом ветра, ворон в ореоле фиолетового, чернильного и черного клюнул звериную ипостась Ильи в шов, склеивающий между собой куски медвежьей шкуры и гладкой кожи какой-то ящерицы, и дернул серую нить энергии на себя, проникая в нее собственной.

Понимание передалось по нашей с Владом связи. Ослепленный самоуверенностью, Паук сам подсказал моему практикующему, как действовать. Наверняка все, с кем он прежде сталкивался, пытались нанести больший урон паучьей стороне, видя ее главной. Влад же собирался растащить чудовище на составляющие, лишить всего, что давало тому силу...

Ворон заложил вираж, увернулся от нескольких хвостов и жвала и на этот раз потянул за нить, скрепляющую крыло летучей мыши и лапу, возможно, принадлежавшую обезьяне. Стая взревела, веля не медлить, и я-дог напала с другой стороны, вгрызаясь в шов между львиным хвостом и еще чьей-то шерстью.

Не двигаясь в реальном, ментально мы с Владом кружили вокруг Ильи, по очереди нанося удары, дергая за швы. Нам не нужно было переговариваться друг с другом, координируя усилия. Все транслировала связь. Он отвлекает – я прыгаю, хватаю и тащу, и наоборот. Ни в коем случае не нападать с одной стороны, пусть паук вертится, как уж на сковороде. Видя врага только с одного бока, я знала, как обстоят дела с другого.

Связь между Владом и мной пульсировала. Толстая, как канат, прочная, как сталь, гибкая, как шнур. Мы были словно два устройства, соединенные одним USB-проводом, перегоняя друг другу всю информацию в режиме нон-стоп.

Серых швов, пронзенных фиолетовым, становилось все больше, вонь мертвечины усилилась, воздух сотрясали крики терпящего поражение врага, утробное рычание и яростное карканье. Первым от монстра отпал львиный хвост. Скатившись с сущности, он растворился в белой вспышке.

На мгновение я увидела призрачную фигуру мужчины, сквозь которую проглядывал лев. Мне показалось, что сущность посмотрела с благодарностью, прежде чем, встряхнув шикарную гривой и махнув хвостом, исчезла, словно ее тут никогда не было. С каждой

последующей деталью, выбитой из этого жуткого живого конструктора, история повторялась.

Крыло летучей мыши принадлежало пожилой колдунье. Кивнув, она молитвенно сложила ладони в благодарности и растворилась в ночи. Шкура медведя освободила крепкого на вид мужчину. Стукнув кулаком в грудь, он превратился в часть лунного света, окутавшего на мгновение Влада, отразив от него плевков паутины. Вместе со змеиным глазом освободилась молодая девушка, едва ли старше меня. Отсалютовав двумя пальцами ото лба, ведьма ободряюще усмехнулась, прежде чем ее кобра раздула капюшон и перехватила еще один сгусток серой энергии, прикрыв ворона. Были и части, после которых никого не появлялось, они просто уносились ветром, словно дым.

Благодаря связи и Яблоневу, прекрасно понимающему, что тут происходит, я знала, что мы видим призраков тех, чьи силы были вырваны Ильей с боем, на последнем вздохе жизни. Отсутствие хозяев сущностей означало, что те живы и отдали дар добровольно. Хорошо, когда под рукой телепатический гид по миру практикующих.

Тревога кольнула куда-то за сердце. Ворон продолжал терзать образовавшиеся отпавшими «трофеями» раны, стремясь добраться до самой сути. Паук больше не отбивался. Мы со стаей знали разницу между настоящей дракой и ее имитацией. Слабые колыхания конечностей и щелкающая вхолостую пасть не могли считаться достойным отпором. Сильно сомневаясь, что Илья вдруг решил перестать бороться, начиная что-то подозревать, я вынырнула в реальное, полностью исчезнувшее из поля зрения с тех пор, как Яблонев понял, что нужно делать.

Практикующий больше не стоял напротив нас, нет. Он что-то судорожно доставал одной рукой из тайника в бортике крыши, сидя на корточках за опрокинутым мангалом, второй отмахиваясь от Яблонева, как от назойливой мухи. Оценив потрепанный вид мужчины, словно посеревшую кожу и хриплое дыхание, я почувствовала от него нечто... разительно отличающееся от того, что он излучал ранее.

Дикий страх, но не перед нами. Паук был в ужасе от возможности поражения и его последствий. Больше всего на свете он боялся потерять свою сущность, и сейчас, когда она распадалась на куски, Илья был готов на все.

В лунном свете в руке практикующего блеснул пучок вороньих перьев и... о боги, его пальцы сжимали мою фотографию. Одну из тех, что стояла на самой высокой полке книжного шкафа, где я у бабушки с дедушкой в деревне обнимаю соседского пса за шею. Должно быть, Игнат украл ее и передал брату в качестве еще одного запасного плана!

– Даже не думай! – рявкнул Яблонев, и волна его силы пронеслась по крыше, ударяя по врагу.

Илья содрогнулся, не успев поднести пучок и фото к тлеющим углям, оставшимся в перевернутом мангале. Оскалившись на Влада, он снова потянулся к остаткам своего костра, схватив валяющуюся рядом железку, ранее принесшую мне массу непередаваемых ощущений.

Несколько секунд. Все, что у меня было – несколько секунд. Мышцы натянули кожу, ноги загудели, хриплый волчий вой раздался в ушах, губы обнажили клыки, я сорвалась с места. Всего-то пара метров – левая дистанция для взбешенного в полнолуние фамильяра.

Видя мое приближение, Илья отступил на шаг и бросил в меня железкой, коварно нацелившись по ногам. Весь собачий арсенал способностей услужливо подсказал, что, прежде чем она долетит, я, со своей скоростью, еще успею постоять и на небо поглазеть. Или же, если прямо с этой точки побежать навстречу и перепры...

«Беги, но не вздумай прыгать», – отдалось эхом предупреждение Захаровой, пустив по спине мурашки и поднимая дыбом волосы на затылке.

Мгновенно передумав, я свернула с траектории снаряда, побежав к Илье по дуге. В голове уже были все сценарии, как выбить символизирующие нас с Владом вещи из его цепкой паучьей лапы...

– Агата! – крикнул Влад, пробиваясь сквозь скорость, ветер и клокочущую ярость. В голосе моего темного было слишком много совершенно не свойственной ему паники. Затормозить и разобраться, что я в очередной раз пропустила, возможности не было. Влетев в Илью боком на полной скорости, я вдарила по руке, вырывая свое фото и позволяя перьям разлететься вокруг.

Он схватил меня за воротник куртки, теряя равновесие, когда волна энергии Яблонева вдарила по нему сильнее прежнего. Мощь, ярость и... страх моего ведьмака прошли насквозь, Илья продолжал

тянуть меня, заваливаясь, когда я поняла все разом. Мы были у самого края крыши, меньше шага. И, кажется, полетим с нее вместе.

Илья закричал, глаза мужчины расширились, когда он отпустил меня, трясая рукой, словно ту обожгло. Судя по тому, что передавала связь, так и было. В удар, нацеленный на сжимающие меня пальцы, Влад вложил все. Недоверчиво посмотрев на меня, Паук перевел взгляд на Яблонева, делая эти последние полшага.

Я вскрикнула, схватившись руками за лицо, когда Илья перекинулся через край крыши, исчезая из виду. Вопреки всем законам физики, я услышала это ужасное «шлеп», с каким, десять этажей полета спустя, его встретил асфальт. Это самое «шлеп» не принесло ничего, кроме облегчения и какого-то странного чувства неопределенности. Могло ли все повернуться по-другому или в любом случае должно было закончиться смертью одного из практикующих?

– Агата, о боги! – Я оказалась в руках Яблонева, зарываясь носом ему в шею, глубоко дыша и дрожа, чувствуя, как наступает отрезвление... от всего.

Влад судорожно вжимал меня в себя, что-то спрашивал, говорил, я даже что-то отвечала... Мы опустились на колени, так и не расцепившись, оба больше не в силах удерживать друг друга на ногах.

– Как ты? Где болит? – Влад осторожно приподнял мою голову за подбородок, заставляя смотреть себе в лицо. – Это шок, Агата, он пройдет. Все хорошо, мы справились...

– Я могла тебя потерять, – выдавила я единственную мысль, пробившуюся на поверхность сквозь ураган остальных.

– Не потеряла. – Серые глаза цепко держали, донося то, для чего слов не существовало.

– Моя мама...

– В полной безопасности. Там Захарова и Катя с Мишей. Сочувствую его брату, если он подвернулся Насте под руку. Хотя нет. Не сочувствую. – Яблонев нежно провел пальцем по моей разбитой губе.

– Мы убили его.

– Нет, – уверенно отмел Влад. – Это было его решением. Он сам сделал последний шаг, когда понял, что ему не победить. Зачем ты только побежала на него, у меня чуть сердце не остановилось...

Дальше я не слушала. Его глаза сказали куда больше. Притянувшись, я коснулась губами его губ и, вместо всего возможного и даже ожидаемого, рука Влада скользнула мне на затылок, прижимая плотнее, когда он ответил и полностью перехватил инициативу. Наш первый поцелуй не был невинным, мимолетным и поверхностным.

Дикий, жадный, глубокий, отчаянный, истощающий и долгий. Обвив шею парня, я прильнула к нему всем телом, стараясь за один поцелуй выразить все, что чувствовала.

– Агата... – выдохнул Влад, чуть отстранившись, но мне было мало. Вжавшись в парня, я продолжала целовать его лицо и шею, все, куда дотягивалась, скользящими поцелуями, не чувствуя в этом ничего неправильного.

– Я твой фамильяр, и мне это нужно, – вылетел скудный аргумент между моими полувздохами. – Пожалуйста, хоть на пять минут... Твоя дурацкая клятва...

– Если бы я только знал, – прошептал Яблонев, крепче обнимая меня. – Знал, что встречу тебя. Всего неделя, Агата. Мне не хватило терпения всего на семь дней между клятвой и твоим появлением.

В горле встал ком. Слишком горько и обидно. Больше любой агонии, насланной Ильей. Влад уже куда увереннее отстранил меня от себя, снова заглядывая в глаза:

– Цена нарушения клятвы слишком высока, Агата. Я не готов расплатиться за это тобой или любимым, кто мне близок.

– Ну так отмени ее! – в сердцах воскликнула я, больше не в состоянии сдерживать себя.

– Думаешь, я не спрашивал у Насти, есть ли такая возможность? – напряженно спросил Влад. – Отмена клятвы в моем случае возможна только ровно через год с момента ее запуска.

– Тогда... после Иркиной клятвы... вот почему ты был так расстроен, – медленно дошло до меня. Захарова попросила нас с Ругаловой выйти, я думала, что она хочет сказать пару ласковых практикующим, но что, если Настя почувствовала, что Влад близок к нарушению, и подняла этот вопрос при свидетеле клятвы – Березине? – Мы встретились через неделю после того, как ты ее дал... – Я оборвала себя, прекрасно зная, что это ничего не меняет. – Ну и ладно.

– Что?

– Ладно, – пожала я плечами, окончательно выбираясь из его рук и поднимаясь на ноги. – Я подожду. Я пережила сущность, лешего, чокнутого практикующего, скандал с матерью, ссоры с подругой, подводные камни нашей связи, и следующие девять месяцев тоже как-нибудь переживу.

Влад расхохотался, откинув голову. Ничего зловещего и ведьмовского, обычный мужской смех. Отсмеявшись, Князь поднялся следом, оглядываясь. Все веселье и личные темы мигом сошли на нет. Как будто мы просто дали себе передышку перед столкновением с новой проблемой.

Не сговариваясь, мы оба подошли к краю крыши, откуда сорвался Илья, и посмотрели вниз.

– Настя днем сказала мне: «Беги, но не прыгай», – заговорила я, оценив высоту и поспешно отойдя назад. – Если бы я прыгнула тогда, когда он бросил железку... мы бы...

– Этого не случилось, – Яблонеv взял меня за руку. – Нужно уходить отсюда.

– У него был мой телефон... Что мы будем делать?

– Для начала – спустимся, – логично предложил Влад, указывая на люк.

Спуск занял меньше трех минут, оказавшись значительно легче подъема. Чуть задержавшись на одном из пролетов, я втянула носом глубже, почуяв что-то еще. Станный знакомый запах, не могу вспомнить, что это такое...

– Агата?

Встряхнув головой, я последовала за Яблоневым. Мои пальцы дрожали в руке Влада, когда мы обогнули здание и подошли к месту, где приземлился Илья. Чувя кровь еще издали, я опустила нос в воротник куртки.

– Стой тут, – оставил меня Влад, преодолевая оставшееся расстояние до покойника в одиночку. Повернувшись спиной, я предпочла смотреть на луну, чем на ведьмака, искавшего по карманам Ильи мой телефон. Сожаления о смерти последнего все еще не появились, даже совесть голову не поднимала. Возможно, все это настигнет меня завтра, когда шок, усталость, растерянность и радость от того, что с Владом и мамой все хорошо, уступят место.

– Разбился, – возник рядом ведьмак, показав мне раздолбанный в хлам телефон с треснутым экраном. – Я выкину его подальше отсюда, купим тебе новый в течение недели.

– Ты не будешь покупать мне телефон.

– Привыкай.

Раскрыв рот, я только головой покачала, сконцентрировавшись на более важном и игнорируя тело, мечтающее просто приземлиться хоть где-нибудь и перестать двигаться.

– Что дальше?

– Ты поедешь домой. Помнишь Артема – друга Насти? Он ждет тебя в машине под мостом.

– А ты? – вытаращилась я на практикующего, не готовая к такому развитию событий.

– Я позвоню Максиму Николаевичу, сообщу о самоубийце и зачищу тут все, – терпеливо пояснил Влад.

– Ты просто сообщишь ему, что нашел труп в... сколько... два часа ночи?

– Ему не впервой получать от меня такие звонки, – пояснил Влад. – В сезон «подснежников» мы с Варварой то и дело сообщаем ему о подобных происшествиях.

– Подснежников?

– Трупы, занесенные снегом.

Меня снова затошнило.

– Но я не хочу оставлять тебя...

– Я справлюсь. – Князь нежно заправил мне прядь за ухо. – Поезжай домой, твоя мама очень тебя ждет. Обещаю, что свяжусь с тобой сразу, как проснешься. Выпей все, что дадут тебе Катя или Настя, хорошо?

– Почему они, а не Леша? – только сейчас поняла я, что не слышала имен Ирки и Леша среди тех, кто был возле мамы.

– Они повезли ПрахМир в Калугу. Лешка испугался, что поездка без поддержки целителя будет слишком утомительной для Вари.

Упоминание мамы сыграло решающую роль. Снова обняв практикующего, я попросила:

– Лучше приезжай сразу, как сможешь.

– Договорились, – поцеловав в макушку, Влад отстранился и повел меня к машине, видимо опасаясь, что одна я не дойду.

Эти опасения подтвердились, когда я пару раз споткнулась и едва не упала. С каждым шагом бунт тела набирал обороты, чувствовался каждый ушиб и синяк, не говоря уже о головной боли и нытье мышц. Еще раз коротко поцеловав в макушку, Яблонев посадил меня на заднее сиденье проезжающего авто друга Насти, кивнув ему, и уже собирался захлопнуть дверцу, когда я схватила его за руку, вспомнив еще кое-что.

– Князь?

– М? – Влад выжидающе посмотрел, чуть приблизившись.

– Ты крутой.

– Как и ты, Герцогиня, как и ты, – улыбнулся мой практикующий, тепло посмотрев в ответ, прежде чем закрыть дверь.

Дорога до дома прошла незаметно. Артем молчал, играла тихая, ненавязчивая и незнакомая музыка, за окном проносились огни ночного города. Так же быстро, как и мысли в голове, смазываясь в одно яркое пятно.

Знакомый двор нарисовался в свете фар слишком быстро. Спросив, нужна ли помощь, и получив отказ, Артем заглушил двигатель, позволив мне выпрыгнуть самостоятельно. Ноги протестующе загудели, но это было даже приятно. Возвращаться домой всегда приятно. Особенно после того, как сомневался, что это вообще возможно.

Возле моего подъезда было ожидаемолюдно. Мама сидела на лавочке рядом с Катей, за спиной Совы стоял Миша, вдалеке от остальных возвышалась Захарова, смотря в мою сторону, но двое мужчин возле нее...

– Агата! – Мама сорвалась ко мне, я же продолжала изучать незнакомца, вышедшего в лунный свет.

Темные волосы, карие глаза, высокий, крепко сложенный... Ментальное включилось без лишних просьб, открывая взору дога другого пса, впечатляющего своими размерами и мускулатурой. Я знала эту породу, за минувшие месяцы прочтя о крупных служебных и сторожевых массу информации.

Передо мной стоял испанский бульдог. Передо мной стоял мой отец. Интуиция сообщала, что мои проблемы только начались.